

№ 2 (97) 2011
Выпуск 15

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Учредитель:

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный университет»

Издатель:

Белгородский государственный университет.
Издательство БелГУ

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного университета, доктор социологических наук, профессор

Зам. главного редактора

Пересыткин А.П.

проректор по научной работе Белгородского государственного университета, кандидат педагогических наук

Ответственные секретари

Московкин В.М.

заместитель по инновационной деятельности проректора по научной работе Белгородского государственного университета, доктор географических наук

Боруха С.Ю.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Белгородского государственного университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Председатель редколлегии

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного университета, доктор социологических наук, профессор

Главный редактор

Римский В.П.

доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный университет)

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета

Философия Социология Право

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Philosophy Sociology Law

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Социокультурные и ментальные контексты Возрождения и Реформации: к методологии исследования генезиса новоевропейской философии.

Л.А. Будянская, В.П. Римский 5

Границы рационального дискурса и «других» мыслительных стратегий в контексте постмодернистской парадигмы. **Г.Н. Калинина 17**

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Общество риска и ответственность науки: экзистенциальный аспект.

Е.Г. Каменский, М.Д. Черкашин 25

Религиозный дискурс: методология исследования. **Е.А. Кожемякин 32**

Логическая программа исследования свойств времени.

О.В. Малокова 48

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Литературно-философский дискурс» и проблема диалога культур.

Т.И. Литич 56

К проблеме истоков авторитарной традиции в русском обществе.

Т.М. Пенская 65

Творческий и проективный характер понимания. **О.И. Тарасова 74**

Принцип неисчерпаемости универсума: антропологическое обоснование и аксиологические следствия. **В.Н. Финогентов 81**

Антропологические и философско-педагогические взгляды

С.С. Тогоцкого. **М.А. Шарова 92**

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Система территориального общественного самоуправления: универсальная модель и практика реализации на территории Белгородской области.

Г.Н. Гайдюкова, Р.И. Гайдюков 98

Теоретические аспекты формирования социально-технологической культуры и социально-технологического мышления менеджеров.

Л.Я. Дятченко, В.П. Бабинцев 110

Импульсы повседневности в интегративно-дизинтегративных пульсациях. **И.А. Савченко 121**

Разработка имиджа вуза как форсайт-проект. **В.Л. Сидорова 136**

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Становление модернистской герменевтики сакрального текста в Европе и в Индии. **А.В. Арапов 142**

Народное музыкальное творчество как философско-культурологическая категория. **М.С. Жиров, Т.А. Селюкова 146**

Секуляризационные процессы в духовно-музыкальной культуре России XVIII в. **Д.А. Цыплаков, С.М. Цыплакова 157**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Правовое регулирование назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. **В.А. Авдеев 162**

Прокуратура и судебные следователи: некоторые аспекты взаимодействия. **Ю.С. Гусакова 169**

Организация документооборота при расследовании преступлений, совершенных с наркотическими средствами, психотропными или сильнодействующими веществами. **Е.В. Иванова 173**

Заместители главного редактора

Бабинцев В.П.

доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

Тонков Е.Е.

доктор юридических наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

Ответственный секретарь

Борисов С.Н.

кандидат философских наук
(Белгородский государственный
университет)

Члены редколлегии

Борисов Г.А., доктор юридических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Витрук Н.В., доктор юридических наук, профессор (Российская академия правосудия)

Громов М.Н., доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (ИСПИ РАН)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Кожмякин Е.А., доктор философских наук, доцент (Белгородский государственный университет)

Королева Л.Г., доктор философских наук, профессор (Курский государственный университет)

Лоусон Т.Р., доктор философии, профессор Луисвилльского университета и Университета Кентукки (США), директор международных программ Института социальной работы им. Кента Луисвилльского университета, Почетный профессор БелГУ

Мархгейм М.В., доктор юридических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Реутов Е.В., кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный университет)

Розин М.Д., доктор философских наук, профессор (СКНЦ ВШ при ЮФУ)

Тарабаева В.Б., доктор социологических наук, доцент, декан факультета управления и предпринимательства Белгородского государственного университета

В авторской редакции

Оригинал-макет *С.Н. Борисов,*
Н.А. Гапоненко

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 17.03.2011.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 42,78.
Тираж 1000 экз.
Заказ 127.

Подписные индексы в каталоге агентства
«Роспечать» – 81462.

Оригинал-макет тиражирован
в издательстве Белгородского
государственного университета
Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Система и организационно-правовые механизмы противодействия организованной этнической преступности и кровной мести.

Н.В. Кузьмина 182

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Закономерность процессуализации законодательства в России: проблемы модернизации юридического образования. **Г. А. Борисов,**
В. В. Кутько, С.В. Шерстобитова 190

Современные тенденции совершенствования государственного регулирования реализации конституционного права человека и гражданина в Российской Федерации на благоприятную окружающую среду.

В.И. Евтушенко 196

Обратная отсылка в теории международного частного права.

О.В. Костина, О.Р. Шевченко 208

Раздельная собственность супругов в Российской Федерации и отдельных государствах-участниках содружества независимых государств: сравнительно-правовое исследование. **А.Н. Левушкин 215**

Трудающиеся (работники) – мигранты и иностранцы, работающие в Российской Федерации: соотношение понятий. **В.Л. Михайликов,**
О.В. Никулина 220

Кредитная кооперация как институт гражданского общества: детерминация в условиях мировой нестабильности. **В.В. Невлев 227**

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Геостратегия и внешнеполитическая модель Испании. **А.А. Андреева 233**

Философские основы взглядов А.Я. Вышинского на государство.

И.И. Анисимов 238

Труд в XXI веке: эволюция формы и содержания. **М.Ю. Волошин,**
И.В. Семченко, В.В. Гашков 244

Проблемы диагностики кадровой работы социальных служб в Белгородской области. **А.А. Горяинов 249**

Культурно-историческая эволюция русского любительского театрального творчества в контексте культурной диверсификации. **М.С. Жиров,**
Я.С. Перепёлкина 266

Генезис понятия коррупции в социально-философской мысли.

М.О. Изотов 271

Действующее законодательство о ничтожных сделках в современной России, тенденции и проблемы практики его применения.

Н.В. Козяр 280

К проблеме гендерной идентичности: социокультурный аспект.

Л.У. Курбанова 293

Возможности и границы применения синергетики в философии истории.

Н.Н. Мальцева 299

Междисциплинарная подготовка в вузе по направлению «нанобиотехнология». **А.В. Маматов, М.И. Ситникова,**
С.И. Тарасова, Д.В. Коновалов 306

Неортодоксальное прочтение пролога евангелия от Иоанна.

А.А. Печенкин 312

Влияние ценностей семейной культуры чеченцев на воспитание подрастающего поколения. **А.Х. Саракаева 319**

Информационные барьеры в системе государственного управления.

Д.П. Хижняков, С.Д. Лебедев 323

Сложившиеся подходы и тенденции в исследовании и определении феномена религиозной веры. **Е.Н. Чеснова 333**

Семья в фокусе современных социальных проблем общества.

М.Э. Юрданова 345

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

Совместные программы и проекты в сфере науки и образования как способ инновационного развития приграничных регионов.

О.В. Быхтин, В.А. Сапрыка, Л.Н. Шмигирилова 349

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Образная логика: рецензия на монографию Н.Н. Жалдака «Изобразительный логико-семантический анализ естественного языка науки» – Белгород: Литкараван, 2008. **В.Н. Николко 354**

Сведения об авторах 358

Информация для авторов 362

**№ 2 (97) 2011
Issue 15**

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking.

Founder:

State educational institution of higher professional education "Belgorod state university"

Publisher:

Belgorod state university
BSU Publishing house

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May, 19 2008.

EDITORIAL BOARD

Chief editor

L.Y. Dyatchenko

Rector of Belgorod State University, doctor of sociology, professor.

Co-editor

A.P. Peresyphkin

Vice-rector for scientific research of Belgorod State University, candidate of pedagogical sciences

Executive secretary

V.M. Moskovkin

Doctor of geographical sciences, professor of world economy department Belgorod State University

S.Yu. Borukha

Candidate of pedagogical sciences, Associate professor of Pedagogics department of Belgorod State University

Chairman of editorial board

L.Y. Dyatchenko

Rector of Belgorod State University, Doctor of sociology, professor

Chief editor

V.P. Rimskiy

Doctor of philosophy, professor (Belgorod State University)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev

Doctor of philosophy, professor (Belgorod State University)

E.E. Tonkov

Doctor of law, professor (Belgorod State University)

Belgorod State University
Scientific bulletin

Philosophy Sociology Law

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета
Философия Социология Право**

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES

Sociocultural and mental contexts of Renaissance and Reformation: to the methodology of the genesis of new European philosophy. **L.A. Budyanskaya, V.P. Rimskiy 5**

Boundaries of rational discourse and the «other» thinking strategies against a backdrop of postmodern paradigms. **G. N. Kalinina 17**

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Risk society and responsibility of the science. **E.G. Kamensky, M.D. Cherkashin 25**

Religious discourse: methodology issues. **E.A. Kozhemyakin 32**

Logical program studying the properties of time. **O.V. Malyukova 48**

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

The literary philosophic discourse and the problem of cross-cultural dialogue. **T.I. Lipich 56**

To a problem of sources of authoritative tradition in Russian society. **T.M. Penskaya 65**

Creative and projective character of understanding. **O.I. Tarasova 74**

The principle of inexhaustibility of the universum: anthropological grounding and axiological consequences. **V.N. Finogentov 81**

Anthropological and philosophic-pedagogical views of S. Gogotsky. **M.A. Sharova 92**

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

The system of territorial self-government: a universal model and practice of implementation in the Belgorod region. **G.N. Gaidukova, R.I. Gaidukov 98**

Theoretical aspects of formation socio-technological culture and socio-technological of manager's mind. **L.Y. Dyatchenko, V.P. Babintsev 110**

Daily occurrence impulses in integration/decomposition pulsations. **I.A. Savtchenko 121**

High school image development as foresight project. **V.L. Sidorova 136**

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

Formation of modern hermeneutics of sacred texts in Europe and India. **A.V. Arapov 142**

National musical creativity as the filosofsko-cultural urological category. **M.S. Zhiron, T.A. Seljukova 146**

A secular processes in the Russian church singing tradition at XVIII century. **D.A. Tsyplakov, S.M. Tsyplakova 157**

ACTUAL PROBLEMS OF CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURAL LAW

Legal regulation of milder sentencing than provided for a certain crime. **V.A. Avdeyev 162**

Office of public prosecutor and investigators: some aspects of their interaction. **U.S. Gusakova 169**

Responsible secretary

S.N. Borisov

Candidate of philosophy (Belgorod State University)

Members of editorial board

G.A. Borisov, Doctor of law, Professor (Belgorod State University)

N.V. Vitruk, Doctor of law, Professor (Russian Academy of Law)

M.N. Gromov, Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok, Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

S.M. Klimova, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State University)

L.G. Korolyova, Doctor of philosophy, Professor (Kursk State University)

E.A. Kozhemyakin, Doctor of philosophy, associate Professor (Belgorod State University)

T.R. Lowson, PhD, professor of The University of Louisville and the University of Kentucky (USA), director of international programmes of Raymond A. Kent School of Social Work of The University of Louisville, Honorary professor of the Belgorod State University

M.V. Marhgeim, Doctor of Law, Professor (Belgorod State University)

E.V. Reutov, Candidate of sociology, associate professor (Belgorod State University)

M.D. Rozin, Doctor of philosophy, Professor (North-Caucasian Science Centre of High School, South Federal University)

Original editing by contributors

Original layout by *S.N. Borisov*,
N.A. Gaponenko

e-mail: *Rimskiy@bsu.edu.ru*;
SBorisov@bsu.edu.ru

Signed to print 17.03.2011
Format 60×84/8.
Type: Georgia, Impact
Print lists 42,78.
Circulation: 1000
Order 127.

Subscription index in Rospechat' catalogue – 81462,

Original layout is copied in Belgorod State University Press
Address: Pobedy, 85, Belgorod, 308015, Russian Federation

Organization of document flow at investigation of the crimes committed with narcotics, psychotropic and dangerous drugs. **E. V. Ivanova 173**

The system and organized juridical mechanisms of ethnic crimes and mortal revenge prevention. **N. V. Kuzmina 182**

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Regularities of legislative processualisation in Russia: issues of modernisation of law education **G.A. Borisov, V.V. Kutko, S.V. Sherstobitova 190**

Modern a direction of perfection of state regulation of realization of a constitutional law of the person and the citizen in the Russian federation on a favorable environment. **V.I. Evtushenko 196**

Renvoi in the theory of international private law. **O.V. Kostina, O.R. Shevchenko 208**

The separate property of spouses in the Russian federation and the separate states-participants of the commonwealth of independent states: rather-legal research. **A.N. Levushkin 215**

Workers – migrants and foreigners working in the Russian federation: correlation of concepts. **V.L. Mihajlikov, O.V. Nikulina 220**

Lending cooperatives as a civil society institution: determination in the context of world instability. **V.V. Nevlev 227**

THESIS

Geostrategy and the foreign policy model of Spain. **A.A. Andreeva 233**

Philosophical views of A.Y. Vyshinsky towards the state **I.I. Anisimov 238**

Labour in the xxi-th century: evolution of the form and content

M.Y. Voloshin, I.V. Semchenko, V.V. Gashkov 244

Issues of social services personnel monitoring in Belgorod region

A.A. Goryaynov 249

Cultural diversification of amateur theatrical creativity. **M. S. Zhyrov,**

Y.S. Perepyolkina 266

Genesis of concept corruption in social and philosophical thought.

M.O. Izotov 271

Actual laws on minor contracts in modern Russia: tendencies and issues of implementation **N.V. Kozyar 280**

Concerning the problem of gender identity: social and cultural aspect.

L.U. Kurbanova 293

The application of sinergetic in philosophy of history, its possibilities and sphere. **N.N. Maltseva 299**

Interdisciplinary university education in the specialty of «nanobiotechnology».

A.V. Mamatov, M.I. Sitnikova, S.I. Tarasova, D.V. Konovalov 306

Non-orthodox interpretation of John's Gospel prologue

A.A. Pechenkin 312

Impact of Chechen family values on the education of young people

A. K. Sarakaeva 319

Information barriers in system of government. **D.P. Khizhnyakov,**

S.D. Lebedev 323

Approaches and tendencies in definition and study of religious faith

E.N. Chesnova 333

A family in a focus of society's modern social problems.

M.E. Yurdanova 345

SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATION

Programs and projects of science and education cooperation as a way

of innovation development border regions. **O.V. Bykhtin, V.A. Sapryka,**

L.N. Shmigirilova 349

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

Review on N.N. Zhaldak's "The pictorial logical-semantic analysis of the natural language of science" – Belgorod: Litkaravan, 2008.

V.N. Nikolko 354

About authors 358

Information for authors 362

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 130.2

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И МЕНТАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ И РЕФОРМАЦИИ: К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНЕЗИСА НОВОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Л.А. БУДЯНСКАЯ
В.П. РИМСКИЙ

Белгородский
государственный
университет

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

В статье обосновывается положение о том, что десакрализация и рационализация философско-теологического и практического дискурсов в переходные эпохи Возрождения, Реформации и Контрреформации сформировали культурные диалогические контексты и определили ментальные смыслы европейской философии XVII века, что отразилось на содержании ее основных теоретических концептов и конструктов.

Ключевые слова: дискурс, контекст, диалог культур, антропологические смыслы, ментальность, протестантизм, католичество, европейская наука и философия XVII века.

Мы уже писали о религиозно-мифологическом контексте генезиса английской философии XVII века, мифологии и идеологии либерализма¹. В данной статье мы хотели бы обратиться к еще более глубинным основаниям классического философского рационализма XVII века, которые коренятся в сложном контекстном диалоге культуры Возрождения, Реформации, Контрреформации и Модерна.

Мы сосредоточим свое внимание на рассмотрении роли *системы культурных контекстов* в формировании базисных идеологем и мифов либерализма и исходных концептуальных рационализаций науки и философии раннего модерна, а позже – эпохи Просвещения². При этом следует отметить, что без этой *контекстной методологии* не-

---

¹ См.: Будянская Л.А., Римский В.П. Религиозно-мифологические основания классического английского либерализма // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 12 (52). – Вып. 5. – Белгород, 2008. – С. 110-116; Будянская Л.А. Десакрализация и мифологизация философского дискурса в социокультурном расколе Реформации // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 16 (71). – Вып. 10. – Белгород, 2009. – С. 104-115.

² Здесь и далее мы во многом опирались на методологию, реализованную нами в некоторых работах: Егоршева О.И., Римский В.П. Культурно-исторические смыслы «современности», или Когда начинается «Новое время»? // Современная социокультурная динамика и духовная жизнь: Сб. статей молодых ученых, аспирантов и докторантов. – Белгород, 2002. – С. 111-120; Римский В.П., Трунов А.А. Мифология модерна и постмодерна в контексте христианского толкования истории // De die in diem: Памяти А.П. Пронштейна. – Ростов-на-Дону, 2004. – С. 93-109; и др.

возможна реконструкция ментально-антропологических типов, а тем самым и конкретно-исторической культурной антропологии, которая предполагает внимание к реальным индивидам той эпохи, как к великим реформаторам и творцам идей, философских и теологических систем, так и к простым обывателям, «актерам» социальных процессов. А для этого считаем возможным в процессе исследования выявить *доминирующие и маргинальные ментально-антропологические типы*, под которыми мы понимаем *некоторые идеальные (в терминах М. Вебера) характеристики и стереотипы поведения, общения, повседневной психологии и обыденного сознания, мироощущения и мировоззрения, аксиологии человека той или иной конкретно-исторической эпохи.*

На важность применения контекстной методологии в исследовании именно данного периода истории науки и философии впервые обратил М.К. Петров, который, в свою очередь, опирался на работы Е.М. Клаарена «Религиозные истоки современной науки» (1977) и методологические схемы Р. Мертона и Р. Коллингвуда в объяснении генезиса науки XVII века³. Мертон, развивая идеи М. Вебера о «протестантском духе капитализма», в работе «Наука, техника и общество Англии 17 века» (1939) выводил истоки специфического нормативного научного этоса из аксиологии «духа пуританизма»*, носители которого в это время в Англии составляли значительное число не только в бизнесе, но и в науке.

К идеям Мертона мы вернемся ниже, но здесь интересна та критика, которой Клаарен подвергает мертоновскую (а бриколажем и веберовскую!) мягкую детерминистскую методологию за попытку опереться исключительно на религиозную ментальность пуританизма (а чем такой детерминизм отличается от марксистского классово-экономического?), что оказывается чреватым эпистемологическим редуционизмом и схематизмом⁴. Клаарен обращается к контекстной методологии Коллингвуда, которая, на его взгляд, более соответствует принципам системного – исторического и междисциплинарного (мультидисциплинарного) – исследования. «Смысл различий между Мертоном и Коллингвудом, – замечает М.К. Петров, – Клаарен видит в том, что Коллингвуд в отличие от Мертона, выхватывающего для объяснения генезиса науки отдельные и вырванные из контекста, диссоциированные события прошлого, вводит «фон», контекст, принадлежность событий *к своему настоящему* (а не *к нашему настоящему*, что и происходит при модернизации; выделено нами – авт.), что воссоздает целостность и позволяет вести исследование на более высоких концептуальных уровнях с *привлечением единичных событий* (выделено нами – авт.)»⁵

Сам Клаарен так оценивает достоинства контекстной методологии: «Если выдающиеся достоинства метода Мертона в том, что он обеспечивает доступ к социоисторической реальности как религии, так и науки, то метод Коллингвуда отличается тем, что он вскрывает отношение между религиозными и научными материями. Его подход выигрывает сравнения с теми методами, которые используются для поиска объяснения науки Нового времени по связи с иными, чем религия, областями культуры. Как раз очевидная интегративность и широкий охват подхода Коллингвуда и оправдывает мое заимствование, интерпретацию и использование этого подхода в данной мультидисциплинарной попытке понять науку Нового времени»⁶. Нам, разумеется, импонирует такое понимание методологии контекстного исследования, которое, по сути, совпадает с культурно-цивилизационной и культурно-антропологической методологией в нашей интерпретации⁷, развитой, прежде всего, на основе идей М.К. Петрова. Однако, и Коллингвуд, и вслед за ним Клаарен, думаем, ограничивают контекстуальный подход, так как сводят исследование генезиса науки, ее основных концептов и постулатов исключительно к теологическому (или религиозному) контексту Нового времени, весьма важному и, наверное, доминирующему, что мы покажем ниже, но не единственному.

³ Петров М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. – М., 2004.

* Ценности индивидуализма, рационализма, полезности и т.п.

⁴ Петров М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. – М., 2004. – С. 448.

⁵ Там же. – С. 449.

⁶ Цит. по: Петров М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. – М., 2004. – С. 452.

⁷ См.: Римский В.П. Тоталитарный Космос и человек. – Белгород, 1998; Человек террористический: Методология исследования, культурно-антропологические парадигмы, повседневность, региональные угрозы: под ред. В.П. Римского. – Белгород, 2008; и др.

Мы предполагаем, что изгнание социально-политических и классово-экономических контекстов в качестве «марксистских» из исследования, равно как и религиозно-теологических, обедняет наше представление о генезисе науки и «научной философии» XVII века. Дело в том, что применительно к нашим задачам определение специфики философского дискурса XVII века и сам генезис науки следует рассматривать в виде «контекстного фона». Да и философия, то и дело, становится «контекстом» не только науки или теологии, но и религии, и идеологии, и политики, и экономики... Сам контекст весьма сложное системное формообразование. «Так, контекст выражает собой отношение текста к его истокам, — отмечает И.Т. Касавин, — и внимание к контексту есть интерес к истории и предыстории языка... Контекст, будучи во многом внеязыковым феноменом, позволяет дополнить лингвистический анализ языка социологическим, историческим и этнографическим (культурно-антропологическим — авт.) исследованием. Однако контекст как выражение прошлого языкового опыта уже не обеспечивает непосредственности переживания, которой обладает непосредственно практикуемый дискурс и которую некоторое время еще хранит только что возникший текст. Жизненные смыслы отфильтровываются из текста по мере его использования в иных контекстах и вообще деконтекстуализации и универсализации текста»⁸. Художественные, литературные, теологические, философские или научные *концепты*, воплощенные в соответствующих текстах, оказываются *смыслообразующими моделями (матрицами) дискурсов, понимаемых как единство текстов и контекстов, включенных в коммуникативные практики*. Если исходить из *дискурсно-концептной формы бытия культуры*, то следует остановиться и на том, как в современной философии определяется дискурс. Учитывая контекст французского постструктурализма и постмодернизма под *дискурсом*, на наш взгляд, в отличие от классического определения его как формально-логических и рассудочных форм мышления (дискурсивности), следует понимать *особую ментальность и идеологию*, которые выражены в *тексте (знаково-символическая телесность)*, обладающем связностью и целостностью и *погруженном в жизнь*, в социокультурный, иррационально-психологический и другой *контексты*⁹. Именно в этих контекстах и реальных культурно-коммуникативных практиках, на наш взгляд, дискурс реализуется и, в свою очередь, создает специфические тексты эпохи, т.е. культуру в ее опредмеченных формах.

Но чтобы схватить «смыслы дискурса» в процедурах понимания, необходимо не только прочитывать некоторые «тексты», но и заглянуть в их «зазеркалье» — в контексты, где и формируются объективно-мыслительные и идеально-бессознательные стереотипы мыслительной деятельности человека, экзистенциальные смыслы человеческой жизни. Это близко идеям, которые в свое время высказывал В. Дильтей, который, утверждая герменевтическую методологию трактовки философии и истории, писал: «Развитие философии здесь, в отличие от Гегеля, выводится не из взаимосвязи понятий в абстрактном мышлении, а из изменения в целостном человеке в его жизненности и действительности»¹⁰. Позже его установки будут творчески восприняты и переинтерпретированы в контексте собственной философской рефлексии Э. Гуссерлем, М. Хайдеггером, Х.-Г. Гадамером, хотя постепенно постклассическая западная философия все более и более теряла «живого человека», пока он не исчез, как «след на песке» (М. Фуко), смытый волной постструктурализма.

Исходя из выше изложенного, отметим, что здесь исследователь независимо от своих философских симпатий должен встать на путь эпистемологической *деконструкции*, которая отнюдь не является открытием постструктурализма, хотя впервые осознанно применяется именно в «ситуации постмодерна». Процедура деконструкции, аналогом которой в классической эпистемологии были «анализ и синтез» в их «диалектическом

⁸ И.Т. Касавин. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. — М., 2008. — С. 29, 30.

⁹ См. подробнее: Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках: на примере молодежной культуры // Научные ведомости БелГУ. Сер. «Философия. Социология. Право». — Вып. 8. — № 8 (63). — Белгород, 2009. — С. 30-41.

¹⁰ Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. — М. — Иерусалим, 2000. — С. 398.

единстве», а в неклассической – интерпретация (понимание), и *открывает* нам тексты и контексты, позволяет их «прочитывать» в герменевтических и феноменологических процедурах. Такое открытие предполагает *открытость* «не только текста, но и контекста, вписанного в бесконечное множество других, более широких контекстов, стирает разницу между текстом и контекстом, языком и метаязыком»¹¹. При этом любой «текст культуры» не только погружен в самые разнообразные культурные контексты, но и, в свою очередь, становится *контекстом* для *других текстов*, включенных в дискурсные коммуникации. Взаимодействие конкретно-исторических *дискурсных формаций как открытых систем* и предполагает *взаимообмен смыслами* текстов и контекстов (дискурсное смысловое поле), которые создаются (пишутся) не только великими личностями, но и простыми людьми той или иной эпохи, а уж затем «прочитываются» исследователями. Это означает применительно к познанию, интерпретации, пониманию и переживанию любой конкретно-исторической эпохи *системное многообразие как текстов, так и контекстов*.

Нас, собственно, и интересуют *системные социокультурные контексты в их влиянии на тексты* эпох перехода – Возрождения, Реформации и Контрреформации – от традиционного к индустриальному обществу и культуре Модерна. Однако дискурсно-контекстная методология требует использования и традиционных *фактологических процедур* познания культурных феноменов, предполагающих внимание к единичным и массовым *событиям**. К ним мы и обратимся.

Переход от средневековья к Возрождению и Новому времени, рассматриваемый как в экономическом и социально-политическом, так и в конфессиональном, философско-теологическом и нравственно-мировоззренческом контекстах, и называется Реформацией. Разумеется, здесь необходимо отметить, что и Возрождение надо рассматривать как одну из форм социокультурного перехода, который сложно пересекается с Реформацией, и обе эти культурные формации трансформируются в индустриальную цивилизацию Нового времени. Идеи и тексты эпохи Возрождения *спровоцировали* Реформацию, вызвав специфический диалог великих культурных эпох. В этом плане культуру Возрождения, как и Великие географические открытия, можно рассматривать в качестве культурно-исторического, *мирового контекста* реформационного религиозно-теологического дискурса и ментальности (но и наоборот!).

При этом можно, конечно, говорить о «культуре как универсальном тексте». И тогда возникает вопрос: какая из этих социокультурных реальностей (Возрождение, Реформация, Контрреформация, Новое время) является контекстом, а какая – текстом в наших попытках их интерпретации? Но правильнее не задерживаться на этих абстрактных универсалиях, а обращаться к конкретным текстам тех эпох и творчеству их великих создателей. Только при этом условии мы сможем не только представить системные культурные контексты в качестве специфических диалогов (диахронных и синхронных), но и увидеть глубинные смыслы создаваемых в ту эпоху текстов (художественных, литературных, научных, богословских и философских) и ментально-антропологические мотивации их творцов и массовых потребителей.

Основной концептуальный и мировоззренческий багаж Возрождения тесно связан с предшествующими эпохами традиционализма (античность и средневековье), что и придает возрожденческому контексту мировой, общечеловеческий характер. Контекстом Возрождения становятся предшествующие эпохи, тексты которой она «перечитывает», «переписывает» и «редактирует» (порой в прямом смысле, без кавычек!), включая в собственные тексты культуры. Разумеется, само Возрождение выступает по отношению к культуре античности и средневекового христианства в качестве *анти-контекста*. Но это и составляет реальные механизмы культурного диалога и диалога культур. В нем и рождались новаторские культурные парадигмы (гуманизм, антропоцентризм, рационализм, натурализм), вобравшие предшествующие идеи, концепты и архетипы в качестве «куль-

¹¹ Маньковская И.Б. Деконструкция // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М., 2010. – Т. 1. – С. 615.

* Мы не вдаемся в те тонкости в понимании *события*, которыми так отличается современная философия.

турного бессознательного» и в полной мере реализованные только в эпоху Реформации и Нового времени.

Но, прежде чем обратиться к диалогу культурных контекстов Возрождения и Реформации, попробуем разобраться в специфике последней культурной формации, так как возрожденческая культура, на первый взгляд, вроде бы для всех нас «понятна». Протестантская реформация (от лат. *reformatio* – преобразование) «стала Реформацией, т.е. была выделена как событие, которое, вместе с Возрождением, определило содержание исторической эпохи перехода от феодального общества к индустриальному, от средневековой религиозной к светской европейской культуре Нового времени»¹². Начиная с классиков марксизма, большинство исследователей отмечает в Реформации соединение политических, экономических и собственно религиозно-мировоззренческих «причин» или «факторов». Но такой последовательный *социальный детерминизм* применительно к данному периоду вызывает больше недоумений и вопросов, чем дает объяснений*.

Хотя и данная историко-эпистемологическая схема имеет свои основания и обоснования, отражает реальные социальные процессы и результаты, зафиксированные и подтвержденные как наукой XIX-XX вв., так и современными исследованиями, но не все было так просто в те времена с точки зрения «экономической» или «ментальной» детерминации. И даже простой «учет» «экономических», «классовых» или «религиозных» контекстов в формировании особой ментальности (этоса по Веберу) модерна, его идеологии и мифологии ничего нам не ответит на многие каверзные вопросы, которые возникают при обращении к этой эпохе.

Действительно, можно рассматривать как Реформацию в качестве *религиозного контекста капитализма*, так и капитализм интерпретировать в качестве *контекстуального (экономического и классового) основания* Реформации. При этом следует помнить, что контекстный подход отличается от «факторного», предполагающего более жесткие объяснительные схемы, результатом которых и становится «экономический» или «ментальный» детерминизм, в то время как контекстная методология уделяет внимание *скрытым, синергетическим, единичным и случайным событиям*, приобретающим общезначимость в хаосе эпохи и таким образом становящимися массовыми, собственно *Событиями*. Конкретно-исторический материал порой просто взрывает как экономико-классовую, так и более гибкую религиозно-контекстуальную или ментально-контекстуальную схему. Многие события, единичные и массовые, знаковые и повседневные просто оказываются необъяснимыми.

Л.Н. Гумилев, например, приводит весьма убедительные факты против вульгаризации данного периода истории. В «богословском конфликте католиков и протестантов», а также в «классовой борьбе за власть» очень часто все становилось в разных странах «с ног на голову». И наоборот. Так, в Нидерландах обедневшие дворяне стали убежденными кальвинистами и республиканцами, в то время как буржуазия крупных городов южной Фландрии оставалась верной идеалам католицизма и роялизма; южно-французские дворяне были гугенотами, а северофранцузские – католиками; и т.д., и т.п.¹³. Разумеется, одной этнической пассионарностью или субпассионарностью все не объяснишь...

Мы считаем, что необходимо уйти от соблазнительной простоты предшествующих жестких схем возникновения капитализма в контексте Реформации (или наоборот: происхождения Реформации под воздействием генезиса капитализма?). Здесь мы обнаружи-

¹² Гараджа В.И. Реформация // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М., 2010. – Т. 3. – С. 451.

* Например, легко поддается критике марксистская концепция первоначального накопления капитала, если спросить, почему при таком, на первый взгляд, «органичном» вызревании предпосылок «прогрессивного» капитализма, на которое указывал Маркс, первоначальное накопление капитала обернулось жесточайшими войнами Реформации? Почему королевская власть, якобы солидарная с новым бюргерством, была в прямом смысле обезглавлена в ходе Английской буржуазной революции? Только ли потому, что католическая церковь, «крупнейший феодал», сопротивлялась новым порядкам и опиралась на консервативных феодалов? Нет, так как католицизм уже к тому времени потерпел поражение от англиканства, умеренного королевского протестантизма. Ведь в Английской революции фактически столкнулись протестанты-англикане с протестантами-кальвинистами и сектантами, как позже в России – правые и левые социалисты. Можно парадоксы множить до бесконечности.

¹³ См.: Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л., 1990. – С. 158 и др.

ваем многочисленные проблемные сложности: ведь объяснить общественный и культурно-цивилизационный кризис «отсталостью производительных сил» или «производительных отношений», равно как и появлением «более прогрессивных классов» на исторической арене совершенно невозможно в свете отказа от некоторых либерально-просветительских и марксистских парадигм. Накануне Реформации еще не существовало класса капиталистов-предпринимателей, если под таковыми не подразумевать сословия купцов и ростовщиков. В период Реформации производительные силы средневековья еще не утратили своего экономического потенциала: когда начался собственно период мануфактурного капитализма, то здесь зачастую использовались те же станки и оборудование, что и в мастерской ремесленника. Не было ни новых производительных сил, ни их «конфликта» с носителями новых производственных отношений, так как класс *собственно предпринимателей (субкультуры носителей инновационного начала)* еще не родился в эпоху Реформации, а участие в ней принимали все те же представители сословно-корпоративного строя. Далеко не исчерпала себя и феодальная монархическая государственность. Тогда в силу каких же причин рухнула средневековая христианская цивилизация?

Казалось бы, можно дать достаточно тривиальный ответ на эпистемологические проблемы, обозначенные выше. Ведь если исходить из того конкретно-исторического факта, что вся жизнь – этническая, политическая, экономическая, духовная – средневековой Европы была подчинена христианской церкви как основному социокультурному институту и регламентировалась догматами вероучения, то причины реформационного кризиса, как и ренессансного пролога, следует искать в подрыве традиционного христианства (аналогичные процессы, происходившие на почве восточно-христианской цивилизации, в России и Восточной Европе, практически не исследованы), в кризисе католической церкви. Однако, простым богословским и церковно-институциональным конфликтом (появление протестантизма и маргинального сектантства) не объяснить специфики социокультурных кризисов той эпохи. В чем же тогда причина? На наш взгляд, проблемы коренятся, прежде всего, в сфере *ментально-антропологической*. Близкие идеи высказывал и Л.Н. Гумилев: «Сложился два психологических рисунка, которые оказались несовместимы друг с другом»¹⁴. Речь у него шла о несовместимости психологии («стереотипов поведения», как он писал) протестантов и католиков. Да, в эпоху тотального господства церкви и религиозного сознания всякая решительная *социальная и интеллектуальная инновация* в сфере политико-экономических отношений, в культуре, философии и науке с неизбежностью должна была обретать «религиозное облачение».

Здесь мы остановимся на «классической» версии Реформации, связанной с именем Мартина Лютера (1483-1546). Лютеранство изначально укрепилась как идеология удельных германских князей, которые с самого начала оказывали Лютеру максимальную поддержку, а, начиная с Филиппа Меланхтона*, стали основными гарантами Реформации. Собственно религиозный культовый элемент отходит в этой версии на второй план, уступая место *этатистской модели* взаимоотношения верующих с Богом (Бог-монарх и верующие-подданные, хотя не все так просто из земной жизни переносилось в небесную или философско-метафизическую, о чем скажем ниже) и друг с другом. Главным элементом в такой модели является именно *государство как самоценность и высший критерий*. В процессах формирования новых европейских наций-государств и сыграл свою определяющую роль протестантизм, перенеся сакральные атрибуты на государство и абсо-

¹⁴ Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л., 1990. – С. 159.

* Филипп Меланхтон (1497-1560) – немецкий теолог и педагог эпохи Реформации, сподвижник Лютера, основатель протестантской неосхоластики сохранял известное влияние вплоть до XVIII в. благодаря своему учению о праве и государстве. Будучи приверженцем гуманизма и под влиянием Лютера пытается осуществить синтез между гуманизмом и протестантизмом. Не найдя действительных оснований для его осуществления склоняется к гуманистическому аристотелизму. В духе Эразма Роттердамского и в противоположность Лютеру выступает за *свободу воли*. В этике, в качестве завершения своей философской системы, разрабатывает систему духовной и гражданской справедливости, которая с одной стороны, является этикой убеждения в божественном повиновении, а с другой – этикой закона десяти заповедей Ветхого завета. Благодаря своей академической преподавательской деятельности и участию в создании классической гимназии Меланхтон получил имя «учитель Германии».

лютного монарха, оставив Бога в трансцендентных высях небес и в сердце верующего. Эту же роль выполнило и устранение фигуры папы и священников из сферы опосредования сакрального и мирского¹⁵, обмирщение сакрального и сакрализация мирского.

При этом идеи Реформации при всей их родовой связи с наследием Возрождения во многом от них отличались, что и определило специфический диалог этих культурных формаций, который носил не только диахронный, но и синхронный характер, так как в XVI веке Возрождение и Реформация встретились лицом к лицу: в *одно время* жили представители возрожденческого гуманизма и скептицизма и реформационной религиозной мистики и практического рационализма.

Диалог Возрождения и Реформации очень часто принимал форму идеологической и философско-теологической борьбы гуманистов (Эразм Роттердамский, Томас Мор) и протестантов (Мартин Лютер, Уильям Тиндел и др.). Типичными представителями северного Возрождения той поры являются Эразм Роттердамский (1469-1536) и Томас Мор (1478-1535). Они познакомились в 1499 г. и стали близкими друзьями и единомышленниками. Эрудиты и гуманисты, критикующие схоластическую философию, они стремились не к институциональной и догматической, а к внутренней, *духовной реформе* церкви, поэтому осудили протестантский раскол, когда он произошел, и стали виднейшими представителями не столько античного, сколько *христианского гуманизма* и *святоотеческого Ренессанса*.

В этом плане показательна судьба Мора. Получив прекрасное образование в Оксфордском университете (1492-1494), он в 1504 г., в возрасте 26 лет, был избран в парламент и сочетал литературно-философскую и научно-историческую работу с политической деятельностью, адвокатской практикой и дипломатической работой. Особенно он преуспел при короле Генрихе VIII. Именно в это время была издана и знаменитая «Утопия» Мора, в которой впервые на смену эсхатологическим архетипам христианства пришел научно-утопический концепт *проективного будущего* (нового, несуществующего, но желанного и моделируемого).

И, казалось, именно при этом «просвещенном короле» великому гуманисту позднего Возрождения, совпавшего с ранней Реформацией, было суждено именно такое, великое будущее. «Король Генрих VIII, обеспокоенный разорением крестьянства в результате огораживаний, одобрил критический пафос «Утопии» и назначил ее автора в 1517 своим советником. В 1518 Мор уже королевский секретарь, в 1521 он начал заседать в «Звездной палате» – высшем судебном учреждении Англии, тогда же назначен помощником казначея королевства и удостоен рыцарского звания.

В 1521 от имени Генриха VIII вышел из печати теологический трактат «Защита семи таинств против Мартина Лютера», редактором (возможно, и соавтором) которого был Мор. Лютер в своем ответе отчитал и обругал короля, после чего Мор опубликовал «Отповедь Лютеру» (1523), обвинив немецкого реформатора в подстрекательстве народа к бунту против законных властей. В 1523 Мор избран спикером палаты общин, в 1525 ему пожалован пост канцлера герцогства Ланкастерского. После смещения кардинала Уолси, в октябре 1529 Мору была вручена большая печать лорда-канцлера (как чуть позже и Ф. Бэкону – авт.) Англии¹⁶. Но король, первоначально защищавший папство и католическую догматику, вдруг (?)^{*} обратился к идеям континентальной Реформации и в 1532 г. фактически стал «отцом» англиканства, самой умеренной, но также, как и в Германии Лютера и князей, *этактистской (королевской) версии протестантизма*, подчинив цер-

¹⁵ См.: Будянская Л.А., Римский В.П. Религиозно-мифологические основания классического английского либерализма // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – Вып. 5. – №12 (52). – Белгород: БелГУ, 2008. – С. 110-116.

¹⁶ Кудрявцев О.Ф. Мор // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2010. – Т. 2. – С. 608-609.

* Это действительно было «*вдруг*», так как связано, на первый взгляд, с сугубо личными событиями частной жизни (любовь, желание иметь сына-наследника и т.п.) Генриха VIII, который более, чем «теолог», известен своими брачными и любовными историями – из-за них, собственно, и началась его борьба с католической церковью, что и повлекло, в конечном итоге, переход короля в протестантизм и создание независимой от Рима Англиканской церкви. Вот так «случайные», династические и любовные страсти короля стали толчком для королевской реформации в Англии, создав повод для казни для своего друга и когда-то единомышленника.

ковные дела своей королевской власти. Можно было предположить, что Мор последует за генеральной линией королевской власти. Но великий гуманист оказался убежденным католиком* и ушел в отставку. В 1534 г. он по ложному обвинению был арестован, а через год осужден и казнен за «государственную измену». Так свободомыслие Реформации* лицом к лицу встретилось со свободомыслием Возрождения и с... католической святостью: Томас Мор в 1886 г. причислен католической церковью к лику блаженных, а в XX (1935 г.) канонизирован.

Однако первым диалог-спор с протестантизмом начал старший друг Мора, Эразм Роттердамский, всего на год переживший своего единомышленника. Книга Эразма «Похвала Глупости» (1511)¹⁷, написанная в Лондоне, в доме Томаса Мора, которому была посвящена с шутливым намеком на сходство («*moros*» по-латыни значит «глупец»). Вполне в духе Рабле восхваляемая Глупость предстает в контексте эпохи в той *христианской простоте* (интерпретация одной из заповедей Нагорной проповеди – «блаженны нищие духом»), к которой стремились многие искренние верующие, католики и протестанты. В трактатах «Диатриба, или Рассуждение о свободе воли» (1524) и «Гипераспистес» (1526-1527) он вступил с Лютером в полемику, защищая принцип *свободы воли*, который Лютер, следуя Августину, отвергал, продвигая *идею предопределения*. «По мнению же Эразма, первородный грех, нарушивший первоначальную гармонию души и тела, не стал роковым проклятием для человеческого рода; он проявляется лишь в индивидуальном греховном деянии каждого человека, а поэтому каждый может и должен противостоять злу и власти греха. Евангельский закон – это призыв, обращенный Богом к человеку, и всякий волен на него откликнуться или нет; дар Святого Духа не исключает человеческих усилий, но укрепляет их»¹⁸. Лютер вступил с ним в спор, что еще более укрепило Эразма в принципах святоотеческого гуманизма и критического отношения к официальной Церкви.

Мы не будем подробно останавливаться на различных аспектах полемики Мора и Лютера, как антропологической форме культурного диалога Возрождения и Реформации. Отметим, что католическая церковь не оценила возможность проекта Контрреформации, предложенного Эразмом на путях духовного, внутреннего изменения католицизма, ограничилась политической, военной и теологической борьбой против протестантизма, внешним, институциональным укреплением своих позиций и рационализацией схоластической теологии. В 1559 г. решением Тридентского собора книги Эразма были включены католической Церковью в «Индекс запрещенных книг».

Но не было ли со стороны протестантского отрицания свободы воли своеобразного *ментального парадокса*, ведущего несколько к иным, чем можно было ожидать, антропологическим результатам? В философско-теологических текстах всех реформаторов (Лютер, Цвингли, Кальвин), как и в культовых практиках протестантизма, мы находим последовательное отрицание свободы воли. Перед лицом Бога у человека нет ни воли, ни достоинства, – доказывает Лютер в трактате «О рабстве воли» (1525), направленном против трактата Эразма «О свободе воли». Всякое действие человека изначально *предопределено* провидением, – категорически утверждает Кальвин в своем «Наставлении в христианской вере» (1536)¹⁹. Тогда как же быть со свободой человека?

Однако, для простого верующего человека все очень просто. Протестант (как и любой трезвый христианин!) мыслит себя *рабом только перед Богом* (вариант трансцендентного рабства-служения Иисусу Христу – евангельские образы Марфы и Марии). Только перед Богом – через веру – возможно полное смирение сердца и покорность. Но это еще не покорность по отношению к власти имущим... В отношении светских и внешних церковных властей возможно лишь *ограниченное повиновение*, так как порядок Града Божьего не должен быть порядком града земного – здесь очевидно влияния Блажен-

* Кстати, одним из школьных стереотипов в восприятии Возрождения является представление о деятелях этой культурной формации как о сплошь «вольнодумцах» и почти «атеистах»...

* Еще один школьный штамп.

¹⁷ См.: Роттердамский Э. Похвала глупости. – М., 1991.

¹⁸ Субботин А.Л. Эразм Роттердамский // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2010. – Т. 4. – С. 452.

¹⁹ Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. Т.1. Кн. 1-2. – М., 1997; Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. Т.2. Кн. 3. – М., 1998.

ного Августина на Лютера, который начинал свою монашескую карьеру в августинском монастыре Эрфурта.

Именно в протестантском варианте христианства способность человека *познавать Бога* не просто оказывается *высшим уделом человека, но и его путем к свободе*. В этом и состоит сущность человеческой свободы и существенное содержание Реформации, на которую указал еще Гегель: «Таким образом, здесь принцип субъективности, чистого соотношения со мною, свобода не только получают признание, но и безусловно требуется, чтобы мы в религиозном культе имели в виду только этот принцип. Высшим подтверждением принципа является то, что он имеет значение лишь перед богом, что необходима лишь вера и преодоление собственного сердца. Только этим установлен впервые и истинно осознан этот принцип христианской свободы»²⁰. В трактате «О свободе христианина» (1520), вызвавшим полемику с Эразмом, как мы отвечали выше, Лютер говорит, что нельзя спасти душу только телесными средствами, но только верою, лишь через веру происходит общение души с Богом.

«Во что верю, то имею», – утверждает Лютер. Из провозглашенного принципа *свободы веры* вытекала идея *свободы совести*. В произведении «К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства», опубликованном в августе 1520 г., Лютер пишет: «И я настаиваю: так как светская власть учрежденная Богом для наказания злых и защиты благочестивых, то круг ее обязанностей должен свободно и беспрепятственно охватывать все Тело христианства, без всякого исключения, будь то папа, епископ, священник, монах, монахиня или кто-нибудь еще»²¹. И далее: «Поэтому светская христианская власть должна исполнять свою службу беспрепятственно, не опасаясь затронуть папу, епископа, священника: кто виноват, тот и отвечай. Возражения канонического права против этого – чистейшей воды самонадеянное римское измышление, ибо святой Павел провозгласил для всех христиан: «Всякая душа (я считаю и папы тоже) да будет покорна высшим властям; ибо они не напрасно носят меч, они Божьи слуги для наказания злых и поощрения благочестивых»... отныне *светская власть становится членом христианского Тела* (явная *сакрализация светской власти*, ведущая к ее мифологизации; выделено нами – авт.) и, занимаясь земными делами, она все же принадлежит к духовному сословию; поэтому сфера ее деятельности должна касаться всех членов Тела в целом: наказывать виновных и преследовать их в случае необходимости, не обращая внимания на пап, епископов, священников...»²². Мы видим, как Лютер, десакрализируя веру, сакрализирует светскую власть, осуществляя фактически ее мифологизацию.

Однако, это не вело к какому-то тотальному «фанатизму» или «аскетизму» простого человека, ментальность которого или «структуры повседневности» (Ф. Бродель) отличались, по мнению В. Дильтея, «жизнерадостной, бесхитростной набожностью»²³. В. Дильтей отмечал, что и сам Лютер был наиболее типичным выразителем подобной ментальности: «Лютеру при всей бьющей ключом созидательной способности и богатстве гениальной природы была дана простая душа. В его вере присутствует то, свойственное волевым людям, что идет от человека к человеку... Оправдание верой, которое пережил Лютер, было личным опытом верующего, пребывающего в континууме христианского сообщества, ощутившего в личном процессе веры уверенность в милости Божьей вследствие приобщения к деянию Христа благодаря своей избранности... Только Лютер, сын рудокота, житель северных гор, монах в тумане, снегу и безобразности природы, в душе которого не было даже искры искусства, без большой потребности в науке, окруженный лишь невидимостью всего высшего, безобразностью высших сил и их отношений, только он полностью освободил религиозный процесс от образности догматического мышления и внешнего господства церкви»²⁴. Это понимание Лютера вполне укладывается в ту герменевтическую методологию трактовки философии и истории В. Дильтея, на которую мы указывали выше.

²⁰ Гегель. Лекции по философии истории. Кн. 3. Сочинения. Том XI. – М.-Л., 1935. – С. 198.

²¹ Лютер М. Время молчания прошло: Избранные произведения 1520 – 1526 гг. – Харьков, 1994. – С. 17.

²² Там же.

²³ Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. – М. – Иерусалим, 2000. – С. 48.

²⁴ Там же. – С. 50, 51, 52-53.

Таким образом, протестантизм, утверждая десакрализацию церковной жизни, невольно способствовал сакрализации и вторичной мифологизации светской власти, а также структур повседневности «простого человека». Догматичность и авторитарность веры, обосновываемой католичеством, Лютер отвергает и на место метафизической и абстрактной веры в Бога, на которую претендовало папство, ставит веру в тех, кто «достоверно знает Бога» (эффект превращения «попов в мирян, а мирян в попов», по меткому и едкому замечанию Маркса). Но *познать Бога невозможно* (здесь исток и тайна Кантовой «вещи в себе»!), а только принять в откровении всем сердцем и жизненным *призванием и Верой*. Ортодоксально-католическая вера – религия спасения; вера Лютера – религия откровения. Л.Н. Митрохин писал по этому поводу: «Лютер, живет в двух сферах: в отношении к Богу (царство небесное) и в отношении к природной и социальной среде (царство земное). Адекватным и достаточным инструментом решения земных проблем (физического существования и регуляции жизни общества) служит разум – величественный дар Творца, отличающий человека от животного. Однако, он («природный разум») в принципе неспособен проникнуть в тайну божественной милости, которая может быть познана лишь верой. Аналогично Лютер относится к науке. Он категорически отвергает ее как средство богопознания, но поощряет систематическое изучение природы и общества для получения полезных практических знаний, частично восстанавливающих господство человека над природой, утраченное Адамом»²⁵. То есть лютеровская критика схоластики – это *критика разума*, утратившего *сознание собственных границ* и посягнувшего на не принадлежащее ему – на то, что «над нами», на обоснование своими средствами бытия Бога и других религиозно-догматических положений.

В. Дильтей писал: «В преобразованном Лютером учении полностью завершается глубочайшее движение средневековья, христианство францисканцев и мистика, и одновременно положено начало современного идеализма»²⁶. Э.Ю. Соловьев отмечал, что Лютер восстал также и против спекуляций схолистического и авторитарного разума, а не вообще против разума, рациональности, логики. Э.Ю. Соловьев вслед за современными исследователями, как и в свое время В. Дильтей, так пишет о «жизненной философии веры» Лютера: «Он настаивает не на взаимной терпимости разума и веры, а на категорической непримиримости веры к *разуму*, *обосновывающему веру* (что было характерно католическому и православному богословия средневековья – авт.), и на категорической непримиримости разума к *вере*, *пытающейся ориентировать разум в его посягательствах, мирском исследовании*. Эпистемология реформатора – это «эпистемология границ», и многие лютероведы XIX и XX не без основания именовали его «Кантом XVI столетия»²⁷. Собственно, Лютер и устанавливает *границу между верой и знанием* (разумом). Бог – непознаваем и лишь настолько известен человеку, насколько сам пожелал открыться ему через Писание. Вера и понимание суть единственно посильные для человека способы отношения к творцу. Таким образом, то, что в Писании понятно, нужно понять; то, что непонятно, следует принять на веру. Теологические вопросы, по Лютеру, должны быть предметом веры, а светские, мирские (обыденные и природные) – предметом разума. Предоставив дело спасения души «одной вере», Лютер тем самым выдвинул разум на поприще мирской практической деятельности (ремесла, хозяйства, политики). Потому Лютера сравнивают Кантом, который позже будет утверждать, что интерес к Богу должен быть морально-практическим, а не теоретическим. Лютер, как впрочем и Кальвин, критиковал спекулятивное природознание, но положительно воспринимал науку в качестве высшей разновидности *опытного знания*²⁸, что делало Лютера не только провозвестников идей критической философии Канта и немецкого идеализма, но и (через английскую Реформацию?) английского философского сенсуализма и научного эмпиризма.

²⁵ Митрохин Л.Н. Научное знание и религия на рубеже XXI века // Вестник Российской Академии Наук. – 2000. – Т. 70. – № 1. – С. 7.

²⁶ Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. – М. – Иерусалим, 2000. – С. 52.

²⁷ Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас: очерки по истории философии и культуры. – М., 1991. – С. 90.

²⁸ Там же. – С. 90-93.

Итак, мы видим, как в диалоге христианского Возрождения и Реформации складываются два различных (гуманистический и реформаторский) подхода к проблемам церкви, Бога, мира и человека. Можно говорить об определенном *диалоге* Возрождения и Реформации, включающем и сходство, и различие, что не раз рождало соблазн видеть в Ренессансе и Реформации одну социокультурную и духовную формацию, тем более, что во времени и часто в лицах они совпадали. Но, не менее, существенна и другая сторона проблемы: Реформация – не только и не столько продолжение Ренессанса, но и *анти-Возрождение*, протест против него, как и против католичества, а вместе они порождали не только Контрреформацию, но и Модерн, «современность», «Новое время».

Дискурсы и культурные контексты возрожденческого гуманизма и Реформации были и внешне, и внутренне глубоко взаимосвязаны. В диалоге Возрождения, Реформации, а позже и Контрреформации формировался тот культурный контекст, который определил специфику не только дискурса возрожденческой теологии, литературы и философии, но и литературы, философии, науки и теологии XVII века. Культурно-конфессиональные и ментально-антропологические смыслы протестантского философско-теологического дискурса стали тем глубинным, противоречивым экзистенциальным контекстом, в котором были выработаны как идеологемы и мифологемы, так и рациональные парадигмы, концептуальные и методологические основания науки и философии Нового времени. Культурный диалог Возрождения, Реформации и Контрреформации подвел критический итог средневековой догматике, ортодоксальной схоластике, возрожденческому гуманизму и натурализму, в его контексте до конца было переинтерпретировано, «отредактировано» и перекодировано античное и святоотеческое культурное наследие, а все предшествующие тексты и контексты приведены в удивительное эклектическое системное единство, создав, в конечном итоге, предпосылки новой либеральной социальной мифологии, которая не только легла в основание идеологии, науки и философии XVII века, но и задавала основные горизонты и конфигурации цивилизации Модерна.

Эти контексты Возрождения, Реформации и Контрреформации создали неповторимый философско-теологический дискурс эпохи (протестантский и католический), оказали через века, путем культурного диалога влияние на классическую немецкую философию. Философские системы Канта, Гегеля, Шеллинга в своих концептуальных основаниях явно восходят к некоторым теологическим идеям Лютера и Кальвина, а сами они остаются глубоко верующими и мыслящими философами-протестантами. Опыт их философской рефлексии – не только рационализация положений науки, языка искусства и политики, усвоенных ими в контексте эпохи, но и опыта веры, в том числе и мистической.

Однако, остается и еще один вопрос: почему только через века после лютеровской Реформации возникает феномен немецкой классической философии? Почему она оказывается опосредованной английской и французской философией, более радикально формировавшими рационалистический дискурс философии самосознания в ту эпоху? Оставим эти вопросы открытыми – ведь это предмет отдельного исследования...

Список литературы

1. Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках: на примере молодежной культуры // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – Вып. 8. – № 8 (63). – Белгород, 2009. – С. 30-41.
2. Будянская Л.А. Десакрализация и мифологизация философского дискурса в социокультурном расколе Реформации // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 16 (71). – Вып. 10. – Белгород, 2009. – С. 104-115.
3. Будянская Л.А., Римский В.П. Религиозно-мифологические основания классического английского либерализма // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 12 (52). – Вып. 5. – Белгород, 2008. – С. 110-116.
4. Гараджа В.И. Реформация // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М., 2010. – Т. 3. – С. 451.
5. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л., 1990.
6. Гегель. Лекции по философии истории. Кн. 3. Сочинения. Том XI. – М.; Л., 1935.
7. Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. – М.; Иерусалим, 2000.

8. Егоршева О.И., Римский В.П. Культурно-исторические смыслы «современности», или Когда начинается «Новое время»? // Современная социокультурная динамика и духовная жизнь: Сб. статей молодых ученых, аспирантов и докторантов. – Белгород, 2002. – С. 111-120.
9. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. Т.1. Кн. 1-2. – М., 1997.
10. И.Т. Касавин. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М., 2008.
11. Лютер М. Время молчания прошло: Избранные произведения 1520 – 1526 гг. – Харьков, 1994.
12. Маньковская И.Б. Деконструкция // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М., 2010. – Т. 1. – С.614-615.
13. Митрохин Л.Н. Научное знание и религия на рубеже XXI века // Вестник Российской Академии Наук. – 2000. – Т. 70. – № 1. – С. 7.
14. Петров М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. – М., 2004.
15. Римский В.П., Трунов А.А. Мифология модерна и постмодерна в контексте христианского толкования истории // De die in diem: Памяти А.П. Пронштейна. – Ростов-на-Дону, 2004. – С.93-109.
16. Римский В.П. Тоталитарный Космос и человек. – Белгород, 1998.
17. Роттердамский Э. Похвала глупости. – М., 1991.
18. Субботин А.Л. Эразм Роттердамский // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2010. – Т. 4. – С. 452.
19. Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас: очерки по истории философии и культуры. – М., 1991.
20. Человек террористический: Методология исследования, культурно-антропологические парадигмы, повседневность, региональные угрозы: под ред. В.П. Римского. – Белгород, 2008.

SOCIOCULTURAL AND MENTAL CONTEXTS OF RENAISSANCE AND REFORMATION: TO THE METHODOLOGY OF THE GENESIS OF NEW EUROPEAN PHILOSOPHY

L.A. BUDYANSKAYA
V.P. RIMSKIY

Belgorod State University

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

The article claims that in the transition epoch of Renaissance, Reformation and Counter-Reformation desacralisation and rationalization of philosophical and theological and practical discourses built cultural dialogical contexts and defined the mental meanings of the European philosophy of the XVIIth century. Later, it traced on the content of its main theoretical concepts and constructs.

Key words: discourse, context, cultural dialogue, anthropological meanings, mentality, Protestantism, Catholicism, European science and philosophy of the XVIIth century.

УДК 1 (075.8)

ГРАНИЦЫ РАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА И «ДРУГИХ» МЫСЛИТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Г.Н. КАЛИНИНА*Белгородский
государственный
институт культуры
и искусств***e-mail: kalinina555@inbox.ru**

В статье осуществляется философско-культурологическая рефлексия границ традиционной науки и «другого» знания, предпринятая с учетом характерных особенностей культуры модернити, когнитивной стратегии постмодернистской парадигмы. Утверждается, что для понимания внутренней целостности заявленной проблемы, выявления ее неклассических смыслов, а также в целях ориентации в современной гносеологической проблематике, необходим выход «за» пределы научного мышления – в широкую сферу культуры.

Ключевые слова: постмодернизм, культура, «affirmo – ergo est», «языковые игры», интертекстуальность, деконструкция, парадигма, когнитивная стратегия, холизм, «двойное кодирование» традиционная наука, рациональное, истина, распределчивание, иррациональное, «другое» знание», дискурс, паранаука, эзотерика.

Характерной чертой интеллектуальной культуры в XX веке является увеличение объема рефлексии мышления и обеспечение, изучение рефлексивных процессов соответственно. Все более усложняется мышление практически во всех областях деятельности и практиках. Отмечается, что, в свою очередь, «усложнение мышления связано как с расширением спектра применяемых средств и методов, так и с необходимостью той или иной познавательной, более широкой мыслительной стратегии. Так, например, в XIX столетии естественнонаучный метод и подход считались главными, в то время как в настоящий период широко используются (наряду с ним) гуманитарные и социальные мыслительные стратегии. Также помимо «чисто» рациональных дискурсов на «поле мышления» вышли и заявляют о своих эпистемологических претензиях паранаучные и эзотерические направления мысли¹. И если сторонники традиционного рационального мироощущения отстаивают привычную трактовку истины и «нормирования» мышления, не приемля в большинстве своем ее неклассических смыслов и интерпретаций, то современные мыслители постмодернистской ориентации думают совсем иначе. При отрицании каких бы то ни было «метарративов» всеобщих норм мышления утверждается автономность всего разнообразия существующих подходов и дискурсов как своего рода «языковых игр», правила которых на свой страх и риск устанавливают сами же их создатели².

Сегодня практически все научные сообщества рефлектируют над будущим науки, находясь в пространстве культуры. В самом деле, определенные предпосылки для распределчивания научной области создаются (и стимулируются) под непосредственным влиянием культуры постмодернизма. В отраслевых науках создаются новые (в том числе псевдонаучные) парадигмы, с целью произвести наиболее полную «сборку» научной картины мира. В целом, по мнению значительной (если не основной) части методологически рефлектирующих исследователей, ставится под сомнение сама научная реальность как таковая, а границы науки становятся зыбкими и легко разрушаемыми. Критикуя отечественных «критиков постмодернизма», некоторые ученые подчеркивают связь этого нового идейно–теоретического течения с наступлением так называемой, постиндустриальной эпохи, говоря, что «сам постмодернизм, как и анализируемые в нем явления, является не

¹ Розин В.М. Методология: замысел и реализация. М., 2007. – С.4.

² См., например, Розин В.М. От панметодологии к методологии с ограниченной ответственностью // Методология науки: проблемы и история. ИФ РАН. М., 2003; Розин В.М. Мышление в контексте современности (от «машин мышления» к «мысли-событию», «мысли-встрече») // Общественные науки и современность. М., 2001. № 5.

только продуктом изменений, происходящих в социальных отношениях вследствие перехода от индустриального общества (модернити) к постиндустриальному (постмодернити), но и существенная часть этих изменений»³. Утверждается, что постмодернизм представляет «рациональность особого рода», образ мышления, основным принципом которого является положение, что предмет и субъект исследования выступают равноправными творцами действительности, а исходным пунктом – утверждение «*affirmo – ergo est*» («утверждаю, значит, так есть»)»⁴.

Отличительной чертой постмодернизма является приоритет языка над опытом – «вне текста не существует ничего». Новое знание, согласно постмодернистам, появляется не в результате взаимодействия познающего субъекта и объекта, а в ходе сопоставления мнений и взглядов индивидов по той или иной проблеме. В связи с этим, например, Р. Рорти предлагает заменить модернистскую теорию познания («предрассудок» эпохи Просвещения, претендовавший на получение объективной истины) «риторической философией», основанной на принципе «диалога–беседы». Поскольку категории науки и ее тексты не отражают окружающий мир, а являются порождением рефлексизирующих субъектов, то истину, как полагает Р. Рорти, познать нельзя, но более или менее «правдоподобный отчет» о ней можно дать с помощью диалогового метода.⁵ Соответственно, постулируется тезис «об исчезновении» объекта науки и о необходимости рассматривать процесс познания не как диалог между субъектом и объектом, а как диалог между текстами, в ходе которого возникает специфическая власть языка текста, способного своими внутренними средствами создавать самодовлеющий «мир дискурса», в котором презентуется историческая реальность. В связи с таким пониманием роли языка в познании придается большое значение проблемам интертекстуальности и деконструкции⁶. Предполагается, что в ходе интертекстуального диалога происходит как бы растворение суверенной субъективности автора текста в текстах-сознаниях, составляющих «великий интертекст»⁷. В результате сама культура воспринимается в постмодернизме как единый интертекст, служащий, в свою очередь, предтекстом любого вновь появляющегося текста⁸. В рамках деконструкции текстов как части «дискурса» прошлого или массива исторической языковой практики утверждается, что, попадая в сферу познавательной деятельности, тексты прошлого оказываются в русле «дискурса» настоящего, что и создает многовариативные возможности для их деконструкции, порождая скептицизм относительно возможности получения объективного знания.

Характерно, что когнитивная стратегия постмодернистской парадигмы так или иначе, ориентирована на потребности «постмодернистского» сообщества с присущим ему многообразием ценностных ориентаций, горизонтов ожиданий, спектров интересов, где сознательное апеллирование к различным слоям потребителей своей продукции является важным условием выполнения научным сообществом своих коммуникативных функций. Это нацеливает исследователя на «искусство многоязычия», позволяющее, скажем, сводить вместе элитарные и популярные, интернациональные и национальные, традиционные и ультра-

³ Анурин В.Ф. Постмодернизм: в поисках материального фундамента // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. – С. 112.

⁴ Лубский А.В. Постмодернизм и историческая наука // *Гуманитарный ежегодник*. М., 2005. № 1. Ч.2. – С.29.

⁵ Rorty R. *Philosophy and the mirror of nature*. Oxford, 1980. P. 365.

⁶ Термин «деконструкция» сформулирован Ж. Деррида – в постмодернизме употребляется для обозначения текстуального анализа, при котором непосредственный или «поверхностный» смысл отбрасывается ради менее очевидного

⁷ Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – С. 225.

⁸ Так, например, отмечается, что постмодернистская концепция интертекстуальности возникла на основе переинтерпретации идей М.М. Бахтина периода 20-х гг. прошлого века. Осмысливая диалектику бытия литературы, М.М. Бахтин отмечал, что помимо данной художнику действительности, он имеет дело также с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в постоянном диалоге. Элиминировав проблему взаимодействия автора текста с действительностью, постмодернисты свели идею диалога М.М. Бахтина до диалога между текстами. – См.: Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. – С. 6-71.

современные смысловые коды (принцип «двойного кодирования» научных текстов – один из основных в постмодернистской парадигме). Постмодернизм стремится использовать конец холистского взгляда на мир для утверждения легитимности плюралистического видения исторической реальности и для развития множественности познавательной деятельности, а также повода для интертекстуальных языковых игр. Такое «распредмечивание» научной области, по мнению основной части методологически рефлексизирующих исследователей, делает границы науки зыбкими и легко разрушаемыми.

Показательно, что на общем фоне серьезной трансформации классической познавательной парадигмы расширяется предметное поле гносеологических исследований, интерпретативный репертуар научного (по) знания (как мира человеческой деятельности и общения), включение в понятие «знание» всего многообразия культурных форм знания и сознания (в том числе знания, не имеющего интересубъективной знаковой формы). Стало, наконец, возможным говорить о том, что образ познания, не вписанного в социальный контекст, считается не только не универсальным, но представляющим собой предельный, вырожденный случай.

В свою очередь, в сфере анализа современного научного знания утверждаются подходы, согласно которым «понимание» научной ситуации может быть достигнуто нетрадиционными способами – симпатии и прерогативы отдаются таким понятиям, как: правила, контроль, контекст, программа, «идеал естественного порядка» и другим. Рождается целый ряд нетрадиционных методологий, которые активно обсуждаются в научных кругах. В отраслевых науках создаются новые (в том числе, псевдонаучные) парадигмы, с целью произвести наиболее полную «сборку» научной картины мира. Утверждение многомерного образа реальности, признания правомерности и «другого», альтернативного знания, неустранимой множественности описаний и «точек зрения», равно как и отношений дополнительности и взаимодействия между ними, более не рассматривается как аномалия. Демонстрируется особая рациональность не только научных методов, но и знания, присущего примитивным культурам и обладающего собственными объяснительными схемами, способностью удовлетворять социальные потребности и ориентировать практику. Прообразом новой, рациональности становится смесь духовности и религиозности, относительность (релятивизм), синергия и другие варианты. Заявляет о себе множественность подходов к рациональности, которые могут по-разному выглядеть в различных науках (рациональность естествознания, гуманитарных наук и др. отличия). Свою обновленную («новую») форму научная рациональность обретает через разработку философских категорий (герменевтика, топосы, гуманитаристика и другие).

Наконец, осознается и возможность совмещения классического понятия истины с признанием теоретической нагруженности фактов и культурно-исторического характера субъекта познания. В последние годы эту мысль четко сформулировала Л. А. Микешина. Имея в виду разные концепции, она отмечает, что эти концепции должны рассматриваться во взаимодействии, поскольку они носят комплементарный характер, по сути, не отрицая друг друга, а выражая гносеологический, семантический, эпистемологический и социокультурный аспекты истинного знания. И хотя, по ее мнению, каждая из них достойна конструктивной критики, это не предполагает игнорирования позитивных результатов этих теорий. Знание должно коррелировать с другим знанием, поскольку оно системно и взаимосвязано»⁹.

С другой стороны, нельзя не видеть, что проблемное поле философских и методологических контроверз заметно «дает крен» в сторону суждений об исчерпаниии наукой своего креативного потенциала, «о конце фундаментальной науки», о потере философского доверия к «надежному пути науки», об утрате наукой функции построения картины мира и других негативных издержках; Говорится также об отсутствии в современной науке глобального, междисциплинарного синтеза, который бы позволил взглянуть на нее как на единый, живой организм, а не как на расчлененный труп. В откровенные «похороны» научной рациональности резюмировался и широко известный «Круглый стол» по перспективам и судьбам научной рациональности в XXI веке, аккумулировавший наибо-

⁹ Микешина, Л.А. Релятивизм как философская проблема // Эпистемология и философия науки. М.: «Канон+». Т. I. № 1. 2004. – С. 54.

лее «узкие места» в области научной проблематики (причем, наука выступает в данном случае и объектом критики, и не менее откровенной ее апологетики). Указывается также и на драматическую проблему расхождения науки с культурой, на то, что наука стала осознавать себя не адекватным пространству культуры социальным феноменом.

Иначе говоря, в эпицентре современной гносеологической проблематики находится вопрос об определении статуса, потенциала постнеклассической науки. Он непосредственным образом связан с проблематикой обоснования границ науки и «другого» знания», а также с необходимостью преодоления имеющего места рассогласования науки с базисными ценностями культуры. В широком плане обозначенные тенденции обусловлены местом и ролью глобального феномена науки в обществе и связаны, в первую очередь, с ее социальной функцией (впрочем, как и иных форм знания) в социуме. Если же «разложить» на составляющие, то можно, выделить несколько аспектов, обосновывающих актуализацию концепта границ науки и «другого» знания в культуре модернистской и включение его в проблемное поле культурологической науки и философии.

Очевидные деструктивные черты современной техногенной цивилизации, где наука играет основополагающую роль, служат достаточным основанием для того, чтобы первый аспект актуальности связать с задачей *ограничения компетенции разума*, поставленной в свое время И. Кантом. Ее решение лежит в области своевременного выявления и оперативного разрешения (причем, человеческим образом) глобальных социально значимых проблем особого «таймированного» класса с привлечением всего комплекса знания, с повышением *социальной ответственности* ученых и разумного использования наличного знания живущим сегодня поколением людей. Тем самым задача исследования границ, за которые не может (и не должна) простираться «работа» научного знания (И. Кант), переходит в стадию *ограничения (!)* компетенции разума, смещаясь в центр гносеологических исследований. В противном случае таймированная проблематика, перейдя в деструктивную фазу, имеет все шансы приобрести зловещий оттенок общечеловеческой катастрофы, свидетельствуя «в пользу» инфляции разума.

Второй аспект, который мы связываем с признанием невозможности дистиллировать сознание от всех «нерациональных мотивов» (В.С. Швырев) и с необходимостью снятия дихотомии «научного и не-научного», лежит в области задачи выработки подлинной культуры рациональности. Здесь целесообразно заострить внимание на следующем. В условиях, когда мир, действительно, перестал быть «прозрачным» для разума и когда одна только наука не в состоянии справиться с объяснением сложных вопросов мироздания, вполне закономерен рост интереса ко всему отличному от науки, к мистическим и «иным» мирам, апелляция значительной части наших современников к вне- и иррациональной мотивации. Крайняя рационализация техногенной культуры стимулирует так называемые «психологические эпидемии», когда люди, уставшие от «чистого» рационализма, «бросаются в объятия» мистических учений, ожидая предложений и ответов, которых на данный момент не может дать традиционная наука. Тем не менее, нельзя назвать нормальным положение, когда вытесненное чрезмерной рационализацией «иррациональное» перерастает в стадию, скажем, «окультного ренессанса», или «религиозного возрождения», порождая тем самым вседозволенность «без берегов».

В свою очередь, отказ от принципа «не навреди» имеет своим результатом крайне негативные последствия, затрагивающие сферу человеческой духовности и телесности. А между тем, в условиях существования человечества в современном обществе риска как никогда важен вопрос *о границах возможного и допустимого* в любом виде человеческой деятельности, тем более, если она имеет прямые «выходы» на физическое, нравственное и душевное здоровье конкретного человека. Нельзя забывать, что очищение науки и любого знания от нравственного контекста скорее отбрасывает это знание назад, нежели движет вперед. С учетом данных реалий проблематика границ в научном и ином знании (равно как и в любом виде человеческой деятельности) оказывается связанной с культурой рациональности (как способа познания и деятельности), приобретая в новых условиях рефлексивности дополнительную актуальность именно с этих позиций. Принципиально важными в контексте сказанного для нас является направление исследований крупнейших отечественных философов – В.М. Межуева, В.М. Розина, В.Н. Поруса, в трудах которых проблема соотношения науки и иных форм знания ставится (и решается в

подобном ключе) в связи с фактом драматического расхождения науки с культурой и с необходимостью принципиального учета, прежде всего, гуманитарной и социальной природы изучаемых явлений¹⁰.

В свое время П. Фейерабенд, указывая на ситуацию рассогласования науки с базисными ценностями культуры, и небезосновательно усматривая в диктате науки угрозу демократическим устоям общества, предлагал крайне радикальные меры «защиты общества от науки» (вплоть до отделения ее от государства). Сегодня в среде российских философов также сломано немало копий по поводу конкретных шагов по преодолению такого разрыва. И поскольку высокая научность «теоретизированного», «самозаконного» мира познания (по М. Бахтину) с его абстрактными гносеологическими категориями не компенсирует бытийно-исторической недостаточности, постольку вместо «мира теоретизма» требуется введение новых понятий на принципиально иной основе, учитывающей «участность» (неалиби), «ответственность», «поступок», выступающих бытийными основаниями субъекта, истины, познания. И далее – построения «нового мира» исторически действительного участного сознания, с необходимостью включающего ценностные (этические и эстетические) отношения цельного человека.

Далее своевременность проблематики границ научного и «другого» знания мы связываем с расширением сферы изучения многообразных связей познания с иными формами культуры и социальности, в которую (сферу) попадает взаимоотношение науки со всем комплексом вненаучного знания, – всего, находящегося за пределами науки, но что, тем не менее, участвует в производстве нового знания, генерируемого на границах с наукой. И если традиционно данная тема взаимоотношения науки и комплекса вненаучного знания, критический анализ ненаучного знания выносилась за пределы эпистемологии и философии науки, а тезис «о недопустимости некритического возвеличивания науки», парадоксально уживался с оценками исследований вненаучного знания как «дела недостойного по определению и чуждого всякому научному подходу», то теперь во многом благодаря трудам ученых, работающих в направлении междисциплинарного взаимодействия наук о познании (эпистемологии, истории и социологии науки, прежде всего), было показано, сколь не полон образ науки, если исповедуется строго интерналистский подход и из науки исключаются все «внешние факторы». Из первоначально периферийной и «еретической» в области теории и истории вненаучных форм знания тематика «наука-вненаучное знание» этаблируется в академически приемлемую область научного исследования и образования; рассматривается история взаимоотношений науки с совокупным социокультурным окружением научной деятельности, с результатами критического анализа мистицизма и мифо-магического мировоззрения.

Примечательно, что в условиях постмодернистской культуры активизировавшийся социальный подход к изучению науки подводит к совершенно нетривиальному, с позиции нововременного мышления, выводу, согласно которому основанием логики научного поиска оказывается нелогический базис, новое знание возникает из вне научной сферы, обладающей изменчивостью, разнообразием, нестабильностью, неустойчивостью. Теория поглощается социальным контекстом ее производства, а границы между наукой и ненаукой размываются. Следует заметить, что значительная часть современных эпистемологов, основываясь на сохранении основных норм рационального дискурса, препятствующих и ограничивающих вседозволенность в теоретическом познании, занимает позицию по вовлечению в сферу своего анализа форм и типов знания, не укладывающихся в узкие критерии научности, одновременно критически относясь к поверхностным уподоблениям познания «естественному отбору», «адаптации к среде», «афферентному синтезу» или «компьютерной обработке данных». При этом подчеркивается, что жесткие ограничения на вненаучное сужают его область, а полное снятие запретительных норм, ограничений, относящихся к вненаучному знанию, лишают его предметности¹¹. Исследуя процесс реального

¹⁰ См.: В.М. Межуев, В.М. Розин: «Перспективы научной рациональности в XXI веке». Круглый стол НГ-наука № 2 (16.02.2000); Порус В.Н. Возможна ли философия как критическое знание // Эпистемология и Философия науки. М.: «Канон+». № 1. Т. II. 2005.

¹¹ Касавин И.Т. Наука и иные типы знания: позиция эпистемолога // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. IV. № 2. – С. 10.

познания, И.Т. Касавин видит корень дискуссий и основных контrovers в принципиальном и до конца неразрешимом противоречии, когда знание (как предмет исследования) противостоит познанию: содержание реальности вносится в предмет извне в ходе интерпретации, не ограниченной предметом, а, напротив, питаемой интуицией, живым созерцанием, креативным мышлением, воображением, постоянным комбинированием фактуальности и логичности, экзистенциальным переживанием, что позволяет «схватить» социокультурную и субъективно-антропологическую реальность познания как процесса и одновременно обеспечить интересубъективную обоснованность выводов.

Мы, в свою очередь, в широком плане склонны разделить подход, согласно которому допускается расширение понятия «знание» в направлении его совпадения с понятием «жизни», и где на основе критического отрицания естествознания и естественнонаучного, технократического дискурса в качестве идеала науки утверждается концепция нетрадиционной науки с включением в современное науковедение (наряду с гуманитарными и социальными науками) эзотерической или сакральной науки. Имеющий место опыт по созданию научных вариантов религии и эзотерики (как результатов совмещения рациональной и религиозной, эзотерической мысли) говорит в пользу правомерности такого подхода. При том, однако, как уточняет В.М. Розин, что большая часть религиозных и эзотерических учений строится не как наука¹². Добавим: эзотерический и мистический опыт (как особый тип отношения к реальности) выступал, как известно, основоположением всех рационально построенных философских систем, формируя логический дискурс.

Основания для подхода, обозначенного выше (модели нетрадиционной науки), лежат в плоскости понимания и того факта, что управления природными процессами (которое традиционно связывается и обеспечивается естественными науками) сегодня не достаточно. – Оно должно быть дополнено столь же необходимой функцией обоснования и расширения соответствующего опыта жизни человека. Реализация такой функции (миссии), с точки зрения В.М. Розина, позицию которого мы разделяем, могла бы быть возложена на «другие» типы наук – философские, гуманитарные, социальные, религиозные, эзотерическую науку. В данном вопросе нам крайне близки критические размышления М.К. Петрова, высказанные им в русле концепта тезаурусной динамики, о том, что сложившийся в гносеологии кибернетический концепт знания, в котором отсутствует специфически человеческая составляющая, отчуждает его в слепые автоматизмы природы, отрицает любую «зазеркальную» связь между субъектом и объектом, в результате чего успехи человеческого познания в научном плане могут свидетельствовать в пользу чего угодно, но...знанием о человеке они, наверняка, не являются. Такое знание, скорее всего, нужно искать в сфере других видов познавательной деятельности. Пока же наука подчинена и укладывается в жесткое «прокрустово ложе» действующей ныне системы исходных постулатов, она в принципе не может дать знания о человеке. Именно такая перспектива, как говорит М. Петров, «лежит в основе нежелания осознать, что власть всех видов и рангов всю жизнь говорила бесчеловечной прозой»¹³. Представляется, что такой «язык» сегодняшнего кризисного научного мышления, который, если следовать эволюционно-эпистемологической концепции К.Попера, прогнозировался уже к середине XX в., свойственен большинству современных наполненных избыточной рациональностью конструкций.

В данной связи полагаем, что смещение приоритетов в пользу расширения опыта жизни человека, затрагивающего множество модальностей бытия человека и границ нашего реального жизненного мира, приобретает дополнительную значимость на том основании, что свойственная рациональному сознанию классического типа установка на фиксацию в идеальных конструкциях действительности в ее сущностном бытии («сущ-

¹² См.: Розин, В.М. Контекстное, полифоническое мышление – перспектива XXI века // *Общественные науки и современность*. – 1996. – №5. – С.12-16.; Розин В.М. К проблеме демаркации естественных и гуманитарных наук, а так же куда мы должны отнести космологию? // *Эпистемология и Философия науки*. М.: «Канон+». Т.ХI. № 1. 2007. С.85-102.; Розин В.М. Мышление в контексте современности // *Общественные науки и современность*. 2001. – № 5. – С.18-27.

¹³ Петров М.К. *Историко-философские исследования*. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. – С.79.

ность», «закон», «объективная необходимость») может приводить (и приводит) к необоснованным претензиям на приоритетность по отношению ко всем неотчуждаемым от живых индивидов способам освоения окружающей их реальности, к «другому» знанию. Универсальную же обязательность, принудительность, тотальность этого преобразования пытаются нередко «оправдать» именно рациональной обоснованностью лежащих в его основе теоретических представлений.

Наконец, проблема границ науки и другого знания связана с пониманием того факта, что нет мира «чистой» науки и «чистого» рационализма – мир науки включает в себя все многообразие превращенных форм знания, в которых на протяжении воициальной истории функционировала и была представлена наука (миф, теологические представления, интуицию, мистический, эзотерический опыт. В свою очередь, все формы знания в той или иной мере содержат рациональное начало (не будем забывать, что рациональность рождается вместе с разумом). Иными словами, везде мы наблюдаем метаморфоз, взаимопревращение, взаимозаменяемость, восполняемость всех форм знания на границах науки и не-науки.

Не случайно ведь современные тенденции в направлении дискредитации просветительского представления о науке как о воплощении свободного авторитарного духа связаны с отходом от жестких позитивистских критериев демаркации науки и не-науки, расшатыванием «перегородок» между наукой и другими сферами духовной деятельности в направлении последующего **слома** этих барьеров. Уместно напомнить, что на зависимость развития научного знания от иррациональных форм мышления указывал в свое время П.Фейерабенд, будучи убежденным, что именно иррациональное в процессе научного познания в большей степени способствует научному прогрессу, чем критерии научности, разработанные позитивистской методологией. М.Полани в том же «ключе» разрабатывал известную нам сегодня концепцию неявного знания. Обращение к чувственному началу как к более фундаментальному по сравнению с рациональным, логическим, характерно и для различных форм философского иррационализма, что свидетельствует о сохранении преемственности с традицией и «духом» послегегелевской европейской философии с присущей ей ориентацией на чувственно-эмоциональный фактор. Традиция сохраняется – представителями отечественной эпистемологии, философии все чаще достоверность познания (в том числе и научного) ищется в «жизненном мире» как сфере «непосредственно очевидного», имеющего значимость гораздо большей степени в сравнении с ценностями объективно-логических очевидностей.

В контексте сказанного нам импонирует целостный подход к результатам познавательной деятельности в общем движении человеческого познания и самопознания, который исходит из рассмотрения целостного человека со всеми субъектно-трансцендентальными и эмоционально-личностными особенностями его духовной жизни, с выводимостью свойств знания не из традиционных «вечных» критериев рациональности, а из свойств познающего субъекта и практических контекстов его деятельности (в русле экзистенциально-антропологической традиции). В основание же теоретической конструкции следует класть не серию предписывающих законов, а некое минимальное множество принципов запрета с учетом выработки «правил научной честности» (в терминологии И. Лакатоса) – Радикальный отказ от жесткого детерминизма отвечает как изменившейся современной гносеологической ситуации, так и современным реалиям в обществе и культуре модерни.

Таким образом, проблема границ научной рациональности и превращенных форм знания является востребованной самой жизнью не только с позиции философской рефлексии разума и необходимости выработки механизмов ограничения его компетенции на пути выявленных деструктивных и антигуманных черт знания XXI века (научного, прежде всего). В первую очередь, ее актуализация в современность резонирует с необходимостью задать кардинально иные ориентиры современного научного знания, поскольку от того, какие горизонты и перспективы будут поставлены в качестве доминантных в поступательном научном движении третьего тысячелетия, зависит, собственно, и выбор жизненных стратегий человечества. Говоря о необходимости выхода в широкую сферу современной культуры как о важном условии понимания процессов, происходящих в постнеклассической науке, автор ориентирует на более глубокое осознание того факта, что в

условиях техногенной цивилизации недооценка значимости анализа границ всех форм знания содержит угрозу неразумного превышения допустимых пределов использования наличного и генерируемого познавательного потенциала, а значит, и ставит под сомнение сохранение «статуса кво» человека.

В целом же философско-культурологическая рефлексия границ науки и «другого» знания, предпринятая с учетом характерных особенностей культуры модернити, направлена на поиск оптимальных путей реальной гуманизации науки, преодоления ее отчуждения от «жизненного мира» человека и решение вопроса о возможном и допустимом в науке исключительно «в пользу» самоценности человеческой жизни как таковой.

Список литературы

1. Розин В.М. Методология: замысел и реализация. М.2007.
2. Розин В.М. От панметодологии к методологии с ограниченной ответственностью // Методология науки: проблемы и история. ИФ РАН. М., 2003.
3. Анурич В.Ф. Постмодернизм: в поисках материального фундамента // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. – С. 112-122.
4. Лубский А.В. Постмодернизм и историческая наука // *Гуманитарный ежегодник*. М., 2005. № 1. Ч.2. – С.29-41.
5. Rorty R. *Philosophy and the mirror of nature*. Oxford, 1980. 365 с.
6. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П.Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 325с.
7. Микешина, Л.А. Релятивизм как философская проблема // *Эпистемология и философия науки*. М.: «Канон+». Т. I. № 1. 2004. – С.54.
8. «Перспективы научной рациональности в XXI веке». Круглый стол НГ-наука № 2 (16.02.2000).
9. Порус В.Н. Возможна ли философия как критическое знание // *Эпистемология и философия науки*. М.: «Канон+». № 1. Т. II. 2005.
10. Касавин И.Т. Наука и иные типы знания: позиция эпистемолога // *Эпистемология и философия науки*. 2005. Т. IV. № 2. – С. 10-23.
11. Розин, В.М. Контекстное, полифоническое мышление – перспектива XXI века // *Общественные науки и современность*. – 1996. – №5. – С.12-16.
12. Розин В.М. К проблеме демаркации естественных и гуманитарных наук, а так же куда мы должны отнести космологию? // *Эпистемология и философия науки*. М.: «Канон+». Т. XI. № 1. 2007. С.85-102.
13. Розин В.М. Мышление в контексте современности // *Общественные науки и современность*. 2001. – № 5. – С.18-27.
14. Петров М.К. Историко-философские исследования. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. – 512 с.

BOUNDARIES OF RATIONAL DISCOURSE AND «OTHER» THINKING STRATEGIES IN TERMS OF POSTMODERN PARADIGMS

G. N. KALININA

**Belgorod state institute
of culture and arts**

e-mail: kalinina555@inbox.ru

The article presents philosophical and culturological reflexion on borders of traditional science and «other» knowledge in terms of the cultural modernity, cognitive strategies, postmodern paradigms. The author argues that to understand the internal integrity of these issues means and to identify its non-classical spirituality means to pass «behind» the limits of scientific thinking in wide range of culture.

Key words: postmodernism, culture, «affirmo-ergo est», «language games, intertextuality, deconstruction, paradigm, cognitive strategy, holism, «double encoding», traditional science, rational, irrational, disobjecting «other» knowledge, discourse, para-science, esoterics.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 130.2

ОБЩЕСТВО РИСКА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НАУКИ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ*

Е.Г. КАМЕНСКИЙ¹⁾
М.Д. ЧЕРКАШИН²⁾

¹⁾ Юго-Западный государственный университет (г. Курск)

e-mail: kamensky80@mail.ru

²⁾ Курский институт социального образования (филиал) РГСУ (г. Курск)

e-mail: cherkashin07@mail.ru

В статье рассматриваются методологические проблемы общества риска. Подчеркивается, что достижения науки не должны противоречить идеалам гуманизма и угрожать самой жизни человечества. Поэтому внедрение этической компоненты как в сознание ученых, обширного отряда научных работников и научно-технической интеллигенции, так и простых жителей планеты явилось бы значительным событием, необходимым для формирования мировоззрения XXI века.

Ключевые слова: общество риска, ответственность науки, этика науки, биоэтика.

Начиная со второй половины XX века пристальное внимание ученых привлекает проблема риска как социального феномена и его места в обществе. Развитие «рискологии» как парадигмы научной мысли было обусловлено изменениями социальных реалий: темп социальных изменений, сдвиги во взаимодействии общества с окружающей средой, глобализация и рост взаимозависимости мира, создание новых средств труда, изменения религиозных верований и идеологий, социальных практик. Стремление к гуманизации всей жизни человека и общества, необходимость его защиты в новых условиях техногенной цивилизации делают тематику риска и ответственности науки чрезвычайно актуальной.

Риск как социальное явление в историческом и социокультурном контекстах можно рассматривать под углом зрения разных подходов. Риск, по определению У. Бека, это «вероятность физической угрозы, вызываемой технологическими и другими процессами»¹. В качестве исходной точки принимается *связь риска с действием и дейст-*

* Работа выполнена в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, Проект №П2409 «Формирование инновационного сознания личности в условиях становления информационно-коммуникативной среды российского общества (региональный аспект)»

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М., 2000. – С. 27.

вующим субъектом: риск существует лишь при наличии субъекта и возможности действия. Таковым может выступать как индивидуальный субъект, так и коллективные (институциональные и не институциональные) субъекты действия. Но в любом случае субъектом действия оказывается не просто человек, но конкретный, живой, персонифицированный индивид, включенный в те или иные коммуникативные, повседневные или социальные практики, что дает возможность говорить об *экзистенциальных, онтологических основаниях риска* в жизни современного общества и человека.

Выделяя экзистенциальные, онтологические основания феномена риска, надо отметить, что усиление внимания к этическим проблемам в сфере современной науки и техники связано с тем ощущением *страха*, которое испытывает человек в *кризисном контексте риска*, связанном с угрозами глобальных катастроф – экологических, этнических, демографических, экономических и т.д.

До сих пор окружающая нас природная среда была объектом бесконтрольной экспансии человеческой деятельности. Нет нужды перечислять все виды разрушений на земле, море, в небе и космосе. Подлинная катастрофичность поклонения человеческой созидательности, отрыву от природы особенно остро обнаружилась в экологических проблемах. Сегодня уже никто не может дать гарантий, что пророчества Иоанна Богослова не станут реальностью ближайшего будущего. Как произошло, что существо, давшее самому себе биологическое видовое имя *Homo sapiens*, оказалось вовлечено в коллективное гибельное, неразумное движение к катастрофе?

Судя по всему, в самой сердцевине человеческой культуры произошли процессы, приведшие к отказу фундаментальных, онтологических «тормозных механизмов», обеспечивающих экологическую, антропологическую и духовную саморегуляцию. Как справедливо отмечает В. Хесле, «человек, одновременно являющийся как субъектом, так и объектом экологического кризиса, по-видимому, отрекся от идеала мудрости, ибо мудрость стремится к гармонии, но не к разрушению»². На дефицит мудрости и моральных ценностей в управлении техническим прогрессом указывает и М.-Р. Бэррел³.

Излишне говорить, какое значение имело для становления естественнонаучной картины мира понимание природы как объекта познания и деятельности человека. На его основе стало возможным открытие «законов природы» и научное предвидение. Оно же дало человеку способность (и моральное право!) в небывалых масштабах подчинять силы природы своим целям. С ним в значительной степени связан сам пафос представлений нового времени о «могуществе человеческого разума».

Но столь же очевидно и другое: получая одностороннее, гипертрофированное развитие, вращаясь в повседневную практику и психологию людей, такой подход к природе обнаруживает свои губительные последствия. Формируется и становится господствующим отчужденное, потребительское отношение к природе как к «безгласной вещи» (выражение М.М. Бахтина), весь смысл существования которой – послужить человеку сырьем, полезным средством для достижения его утилитарных целей. Несправедливость этого подхода была изначально чревата возмездием: и человек, не способный соотносить свою деятельность с интересами самой природы, вставать на ее «точку зрения», всерьез испытывать благодарность к ней, уважать ее самоценность, оказался перед лицом экологического краха.

Последствия вещного подхода к природе отразилось самым непосредственным образом и на самом человеке: лишив природу «души и сознания», научно-теоретическая мысль и с человеком начала обходиться подобным же образом. Если Р. Декарт признал «живыми автоматами» животных, то уже в следующем столетии в науке была открыта тема «человек-машина». Вариации на эту тему – разумеется, выполненные на уровне современных научных знаний, – звучат и в настоящее время.

Понятно, что вопрос этот не чисто теоретический: он охватывает и философские позиции, и научные парадигмы, и человеческие ценности, и сами основания жизнедеятельности людей. К. Маркс был совершенно прав, когда писал, что европейское общество

² Хесле В. Философия и экология. – М., 1993. – С.39.

³ Бэррел М.-Р. «И Бог заплакал...». Достоинство человека, прогресс, технология // Человек. – 1991. – №6. – С.43.

его времени поражено «отношением всеобщей полезности», «всеобщей годности к употреблению». Чуть позже, на рубеже веков, русский физиолог А.Введенский пришел к выводу, что, оставаясь на почве строго научной аргументации, невозможно убедиться в одушевленности *другого* человека. Это и неудивительно, поскольку наука занимается тем, что можно «свести на причины, лишённые души и сознания», и потому упускает или заведомо исключает из своей компетенции собственно «человеческое в человеке».

Ответственность за сложившуюся в настоящее время всемирно-историческую ситуацию несет, прежде всего, сам человек, использующий ту форму рациональности, которая отождествила истину с пользой. Именно в несоответствии целевой и ценностной форм рациональности, несоответствии между властью человека над природой и мудростью – глубочайшая причина нынешнего положения дел. Безусловно, современные технологии принесли много пользы, но проблема мудрости и ценностей в управлении научно-техническим прогрессом очевидна.

Моральные ценности со всей определенностью указывают: не следует делать ничего такого, что помешало бы человеку извлекать пользу из окружающего мира, наслаждаться красотой земли и космоса: для того он и создан. Личности вовсе не обязательно иметь так много материальных благ, как предлагает ему технология, а вот удовлетворять свои моральные, духовные, эстетические запросы души ему совершенно необходимо. Все, что составляет личность, требует признания и уважения во имя достоинства человека, а это включает в себя и все то, чем человек может быть или стать.

Еще Ф. Бэкон понял: приказывать Природе способен лишь тот, кто повинуется ей. Другими словами, нужно действовать вместе с Природой, а не против нее; сотрудничать с силами Природы, а не противостоять им. Тем не менее, ученые и инженеры, следуя логике своих узкоспециализированных работ, очень часто упускают из виду глубокую взаимозависимость различных природных систем, не сознают, что их вмешательство может привести к разрушению тех элементов и компонентов, которые составляют фундамент онтологических (мировых и экзистенциальных) структур. Это результат того, что социальные ценности не включают в себя ответственность человека перед планетой и ее обитателями.

Проблема преодоления дисбаланса общества и природной среды в значительной мере является проблемой самоизменения общества. Ее решение зависит от готовности и способности людей преодолеть социальные шаблоны деятельности, препятствующие учету организационной сложности природных систем, их особых законов и ритмов. Для того, чтобы осваивать вещество этих систем в безопасном для природы и человечества режиме, необходимо держать под контролем собственные средства деятельности, ограничивать или менять объем и характер их применения сообразно логике природных систем. Только на этом пути общество может снизить риск непредсказуемых и неконтролируемых последствий своей собственной деятельности. Исправление экологических «аномалий», стало быть, сопряжено с изменением характера человеческих организаций, норм и ориентиров их деятельности.

Новая *экоэтика* в некотором отношении отвергает идеи классического гуманизма как элемента культуры. Классический западный гуманизм – это идея самодостаточности человеческой природы. А самодостаточный человек как покоритель Природы, хозяин Земли (все для человека!), атеист по природе, он далек от того, чтобы признать свою общность судьбы с земной жизнью. Гуманизм отвергает идею призвания человека служить высшей правде, более высшему, чем он сам, боясь, что при этом человек деперсонифицируется, утратит свою личность, свою активность. «Старый» классический гуманизм и «старая» этика пришли на рубеже XIX-XX веков к своему кризису – к признанию агрессивности и низменного характера мотивации автономной личности. Уже Ф. Ницше поставил основной вопрос современной эпохи, вопрошая о Сверхчеловеке. Он разглядел приход времени, когда человек готовится распространить свое господство по всей Земле, и спрашивал, достоин ли человек такой миссии, и не должна ли сама его сущность быть преобразована. На этот вопрос Ницше ответил: «Человек должен преодолеть себя, стать Сверхчеловеком».

Как правило, исторические ситуации типа «на краю бездны», «обнажению глубин» выступают объективной основой для коллективных прозрений, ибо становятся наглядными и очевидными *предельные основания* человеческого, культурного (а стало

быть, и социального) бытия и небытия, общечеловеческие подлинные смыслы и ценности. Именно в этом, на наш взгляд, заложена возможность переориентации общества и культуры на новые смыслы и ценности, призванные дать новую ориентацию человеку, восстановить утраченную «связь времен», воссоздать целостность его жизненного мира. Поэтому внедрение этической компоненты как в сознание ученых, обширного отряда научных работников и научно-технической интеллигенции, так и простых жителей планеты явилось бы значительным событием, необходимым для формирования мировоззрения XXI века.

Коснемся и другого экзистенциального аспекта. Свобода творчества ученого непосредственно связана с *нравственным риском*. Это проявлялось во всех областях науки на протяжении всей ее истории. «В отличие от видов деятельности, результат которых в основном известен заранее, научная деятельность давала приращение нового знания, а, следовательно, всегда нетрадиционный результат, вела к изменению как представлений о мире, так и форм деятельности человека в мире»⁴. Инновационность всегда взрывала традиционность и вела к непредсказуемым *нравственным, этическим рискам*.

Дискуссии о «социальной ответственности ученых» могут рассматриваться как попытка соединить две парадигмы, касающиеся соотношения науки и общества⁵. Первая и старшая из парадигм воспринимает эмпирическую науку как внутренне ограниченную форму знания, опирающуюся на более низкий уровень реальности, в качестве потенциальной угрозы социальному порядку на уровне мышления и практики, из чего следует ответственность ученых (и политического режима) по отношению к этим дисциплинам. Второй подход предполагает, что наука глубже соотнесена с истиной и поэтому при любых условиях существенно полезна для общества (при должной ответственности ученых в развитии и распространении своих дисциплин – деятельность, которую государство должно поддерживать).

Существовавшая до Нового времени традиция «ограничения знания» обосновывалась, например, в платоновской «Республике» и была классически проиллюстрирована в хорошо известном повествовании Плутарха об Архимеде, который отказывался изложить некоторые свои математические открытия по причине опасности их инженерных приложений и применял их сам только при угрозе военной опасности (*seige*). В эпоху Возрождения Леонардо да Винчи проявлял, подобно Архимеду, предосторожность, поверяя по своим тетрадам, что он не будет «публиковать или разглашать» свои чертежи подводной лодки из-за «злой природы человека, который может использовать лодку как средство разрушения на дне моря». И уже на заре Нового времени в идеологии научного прогресса, обоснованной Ф. Бэконом в его «Новой Атлантиде», частично сохраняется мысль о том, что могущество знания следует охранять от широких слоев общества. Здесь можно говорить об *«эпистемологическом эзотеризме»* классической философской традиции.

Вторая традиция исходит от Галилея – первым открытым приверженцем того, что Кант называет основным идеалом Просвещения *«Sapere aude!»* – «Решись постигнуть!». Для Галилея научное исследование не может подвергаться каким-либо продиктованным извне благоразумным ограничениям. Ученые, таким образом, имеют право добывать научную истину, не заботясь о возможных отрицательных последствиях для общества. Это – вызов знаменитому судебному процессу Галилея, что дало право Просвещению объявить его, как и других «подвижников», «мучеником науки». Здесь формируется другая этическая традиция – *сциентистская сакрализация* науки и знания.

Как свидетельствует образ Галилея-мученика, эта вторая, сциентистская традиция явно доминирует в современной науке. Получая философское оправдание в картезианской приверженности методу и достоверности, данная традиция находит теоретическое обоснование в уповании Ньютона на науку как теологическую интуицию, в мысли Спинозы о том, что в науке человек имеет нечто чистое, бескорыстное, самодостаточное и благословенное⁶, в вере Вольтера в ее абсолютную полезность.

⁴ Козлова О.Н. Научная жизнь и социокультурное воспроизводство // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 3. – С.120.

⁵ Митчем К. Что такое философия техники? – М., 1995. – С.95-96.

⁶ Там же. – С. 97.

Серьезные философские вопросы ответственности науки, которые внедрены в основания человеческой жизнедеятельности, в первую очередь касаются выработки этических и правовых норм. Характерное для всех областей научного знания использование синергетического подхода, как считает О.Н. Козлова, «само является свидетельством развития знания в режиме подготовки качественно нового знания, утверждения в нем нового системообразующего принципа – принципа целостности, связности, который в этической транскрипции звучит как принцип ответственности, а в эстетической – как принцип гармоничности»⁷. Так, основным регламентирующим документом в русле биомедицинских исследований является Конвенция по биомедицинской этике, которую подписали более 30 стран (Россия в их число не входит!).

В число важнейших, выделенных исследователями, принципов биоэтики входит принцип «*primum non nocere*» – «прежде всего – не навреди». Следом назван принцип – «делай благо», затем – принцип «автономии пациента» и «принцип справедливости». Совершенно очевидно, что все эти принципы имеют многозначное философское значение. Принцип «Не навреди» заставляет анализировать понятие «вред». Исследователи настаивают на принципиальном различии следующих смыслов: различении и отличии вреда, вызванного бездействием, не оказанием помощи тому, кто в ней нуждается от вреда, вызванного небрежностью либо злым умыслом, корыстной целью; вреда, вызванного необдуманными и неквалифицированными действиями; вреда, вызванного объективно необходимым в данной ситуации действиями⁸. В свою очередь, каждый из выделенных типов влечет за собой новый виток обсуждений и обоснований.

Что, например, реально включает в себя понятие бездействия или небрежность, как безошибочно усмотреть корысть или установить, какое действие является необходимым, а какое необходимым в данной ситуации? Все это требует серьезной поддержки со стороны методологии, на переднем плане которой возникают, так называемые *ситуационные исследования*, которые и будут направлены на рассмотрение *реальной ситуации в целом*. Жесткий режим информирования пациента, как и укрытие от него информации может быть истолковано и как вред, и как необдуманное действие, и как действие, необходимое в данной ситуации.

Принцип «делай благо» направлен на концентрацию позитивного потенциала, он требует позитивных действий. Здесь также возникнет вопрос и об активности того, кто намерен делать благо, о мере и о содержании блага, то есть речь идет о реальных способах проявления этого принципа, когда благо для одного может обернуться риском или угрозой для другого. Без труда можно найти и религиозные аналоги этих принципов. Не навреди – это императив буддизма, благодеяние – христианской религии.

Принцип автономии пациента «утверждает право личности на невмешательство в ее планы и поступки и, соответственно, обязанность других не ограничивать автономные действия»⁹. Он укоренен и имеет аналог в представлениях о том, что каждый человек должен быть понят как цель и никогда не как средство. Автономия фиксирует возможность дистанцирования личности, выделение индивида, принятие его независимости и определенного противостояния. *Автономия исключает манипуляцию*. Ориентация на автономию предполагает субъекта, осознано выбирающего то или иное решение на основании собственного замысла и с полным пониманием. Этот принцип предполагает личность, способную к глубинной морально-психологической рефлексии и к самоанализу. Автономия связана с так называемым «собственным видением» той или иной проблемы, наличием личной точки зрения. Биомедицинский принцип уважения автономии пациента содержит в себе большой проблемный ряд, он ограничен в отношении некоторых лиц, например, детей, недееспособных граждан, лиц, находящихся в состоянии наркологического или алкогольного опьянения. Данный принцип может быть дополнен, но может и вступать в противоречие с другими принципами.

⁷ Козлова О.Н. Научная жизнь и социокультурное воспроизводство // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 3. – С.124.

⁸ Введение в биоэтику. – М.,1998. – С. 54.

⁹ Там же.

Выделенный *принцип справедливости*, опираясь на критерий равенства, на критерий разумной потребности, имеет относительную силу в условиях рыночных отношений. Современный этос науки претендует на возможность обладать убедительной логической аргументацией. Обсуждение наиболее острых вопросов затрагивает спектр проблем, связанных с философским пониманием отношения к «добру как таковому» и «добру как средству». Именно позиция, отстаивающая восприятие «добра как средства», концентрирует свое внимание на зависимости между поступком (действием) и следствием (результатом). Это, в свою очередь, способствует переводу этики из сферы абстрактных метафизических рассуждений в область конкретных поступков и действий реальных людей, обращению этики к анализу эмпирических фактов. Этос науки обращается к фактам, уходит из под обвинения, что он основан на субъективных впечатлениях и чувствах. Безусловно, это свидетельствует о значительном изменении статуса этической рефлексии в настоящее время.

Сегодня этические регулятивы претендуют на то, что быть введенными в самую ткань общественных отношений и научно-технической области, стойко противостоять соблазнам мощных финансовых потоков, при которых разрушается сама исследовательская структура и механизм социального контроля. На ряд биоинженерных исследований, которые раньше назывались генной инженерией, объявлен мораторий, однако он не выдержан. Методики проведения таких исследований довольно просты, прибегнуть к ним может едва не всякий – это не атомная физика, где для экспериментов требуются значительные энергетические мощности, громоздкие и объемные приборы, большие помещения.

Следует отметить, что в любом научном сообществе существует такой регулятив как *репутация*. Однако в целом репутация как регулятив биомедицинских исследований дает сбои, о чем свидетельствуют множественные попытки фальсификации данных. Получение денег как награды за конкретный результат – распространенная практика. К особенно тяжелым результатам фальсификация данных приводит, например, в фармацевтическом производстве. В США проблему контроля пытаются решить с помощью создания научных профессиональных обществ, которые лоббируют интересы науки. Присматриваются два пути решения сложившейся ситуации: а) открытый доступ к материалам, опубликованным в научных журналах; б) подключение к задаче обеспечения контроля над биомедицинскими исследованиями потенциала бюрократических мер. В ответ на угрозу отсутствия социального контроля возникла и уже проявляется тенденция *институционализации этики*, иерархически организованной этической экспертизы. Она способствует обеспечению существования табуированных зон для исследования, применения и распространения, хотя многочисленные данные свидетельствуют об обратном: современная область недопустимого заметно сократилась. Ясно одно, правовые нормы оказываются еще одним необходимым основанием, регламентирующим этос науки.

Таким образом, глобализация различного рода рисков, доминирующих во всех сферах общества, требует введения в рискологию, и в целом в науку, общечеловеческих моральных и гуманистических императивов. Современная наука, решая когнитивные, внутренние проблемы, не может не учитывать места и роли человека в этом мире, его целей и ценностей, способов познания; т.е. возникает необходимость расширения философско-методологической рефлексии при неременном включении в ее сферу человеческого компонента, задающего целостность, взаимообусловленность отдельных элементов исследуемых областей. Основным ценностным критерием такой рефлексии становится установка на осознание социально значимых пределов теоретического поиска, дополнения его культурно-этическими параметрами и гуманистическими ориентирами, своеобразного преодоления отчуждения человеческого мира, возникающего на уровне абстрактных теоретических построений.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Хесле В. Философия и экология: Пер. с нем. – М.: Наука, 1993.
3. Бэррел М.-Р. «И Бог заплакал...». Достоинство человека, прогресс, технология. // Человечество. – 1991. – №6. – С. 42-50.
4. Введение в биоэтику. – М.: Прогресс-Традиция, 1998.

5. Козлова О.Н. Научная жизнь и социокультурное воспроизводство // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 3. – С. 113-125.

6. Митчем К. Что такое философия техники? / Пер. с англ. под ред. В.Г. Горохова. – М.: Аспект Пресс, 1995.

RISK SOCIETY AND RESPONSIBILITY OF THE SCIENCE: EXISTENTIAL DIMENSION

E.G. KAMENSKY¹⁾

M.D. CHERKASHIN²⁾

¹⁾ *Southwest State University*

e-mail: kamensky80@mail.ru

²⁾ *Kursk State Social Institute,
branch of Russia State Social
University*

e-mail: cherkashin07@mail.ru

The article considers methodological problems of the risk society. It is underlined that science achievements should not contradict ideals of humanism and threaten the life of mankind. Therefore introduction of ethical components in consciousness of scientists, extensive group of science officers and scientific and technical intelligency, as well as simple inhabitants of the planet would be a considerable event which is necessary for formation of the XXI-st century outlook.

Key words: risk society, responsibility of the science, ethic of the science, bioethic.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.А. КОЖЕМЯКИН

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail:
kozhemiyakin@bsu.edu.ru

Статья посвящена описанию системы ключевых параметров религиозного дискурса. Автор рассматривает их содержание, выстраивая тем самым методологическую схему эпистемологического исследования дискурсных условий формирования религиозного знания.

Ключевые слова: религиозный дискурс, религиозное познание, религиозное знание, дискурсная практика, эпистемология.

Под *религиозным дискурсом* в данной работе понимается *регламентируемую определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующую и смысловоспроизводящую деятельность, направленную на формирование, трансляцию и изменение догматического мышления, сакрального мироощущения и мистического опыта.*

Религиозный дискурс строится в отношении решения проблемы веры как феномена индивидуального и массового сознания, выражающейся в принципиальной недоказуемости тезиса, фиксирующего истину, которая трактуется как высшая ценность. Эта проблема имеет несколько аспектов.

Во-первых, речь идет о противоречии между установлением, с одной стороны, мистических переживаний и духовного познания сверхъестественных феноменов в качестве высшей ценности, и, с другой стороны, принципиальной неприменимостью методов рациональной коммуникации для их познания, трансляции и анализа. Эмоциональное переживание мистического опыта полагается как предмет коммуникации, поскольку передача подобного опыта, рассказ о нем и понимание его содержания есть одно из условий воспроизводства религии. Однако, в то же время вербальная форма этого опыта принципиально не совпадает с его содержанием, поскольку требует нерациональных форм выражения, в то время, как язык и речь, как известно не являются таковыми. Иными словами, религиозный опыт принципиально не пересказуем, но в то же время должен быть пересказан с целью воспроизводства ценностей, составляющих основу религии.

Во-вторых, мистический опыт и его эмоциональное переживание («откровение», «озарение», «просветление» и т.д.) закрепляется в определенных высказываниях, имеющих форму догматических установок и моральных норм. В то же время догмы и мораль функционируют таким образом, что устанавливают в качестве императива стремление к этому опыту и его переживанию. Иначе говоря, существует «логический круг» религии: догматическое мышление и моральные установки в религии возможны благодаря переживанию мистического опыта, который в то же время выводится из догм и морали как цель и ценность. Актуализация этого «круга» происходит в речемыслительной деятельности, которая, с одной стороны, направлена на моральную аргументацию опыта, а с другой стороны – на создание и закрепление в текстах предписаний к организации опыта.

В-третьих, специфичное для верующего мироощущение – сакральное по своему характеру – предполагает такую картину мира, при которой реальность понимается как «производное» от сверхъестественных сил, соответственно, постижение и интерпретация действительности зависит от опыта их (сил) познания. Из этого следует, что существует достаточно жесткая «иерархия» текстов, в которых зафиксирована и толкуется действительность, организованная по критерию их истинности, то есть соответствия сакральному знанию. Эта иерархия выстраивается от Сакрального Текста, содержащего набор абсолютных догм, до ложных текстов. Собственно религиозный дискурс в этой связи организуется как механизм оценки истинности или ложности тех или иных высказываний и текстов.

В связи с указанными выше особенностями основополагающей проблемы религиозного дискурса мы можем обозначить его специфичные наиболее общие черты.

Религия как культурный институт представляется в высшей степени *консервативным* образованием, ценности, нормы, стандарты, традиции, ритуалы и культы которой не подвержены изменениям в течение долгого времени. Религиозный дискурс, таким образом, закрепляет, сохраняет и воспроизводит основные устои и каноны религии в знаково-когнитивной форме, представляя ключевые нормы формирования индивидуального опыта в соответствии с предписываемом религиозным учением порядком общественной жизни, миропониманием и саморазвитием.

Религиозная коммуникация в аспекте позиций коммуникантов представляет собой *неравномерный, несбалансированный и иерархизированный процесс*, в котором одна сторона трактуется как носитель сакрального знания, как наставник по отношению к другой стороне. При этом «доминантная» сторона религиозной коммуникации (носители сакрального знания) обладает общепризнанным *авторитетом*, который является не столько результатом общественного консенсуса, сколько следствием установленных институциональных норм. Переживание индивидуом магического опыта (в совокупности с его способностями интерпретировать этот опыт в соответствии с принятыми догматическими конструкциями) свидетельствует о «трансагентной» функции, которую выполняет индивид по отношению к религиозному сообществу. «Трансагентная» функция выражается в трактовке ее исполнителя как посредника между человеком и высшими силами и понимается как безупречное основание для авторитетности мнения, оценок и действий индивида.

Авторитетность религиозных высказываний подкрепляется не только опытом и способностью индивида к его «интерпретации», но и институционально определенными позициями – духовным саном. Иерархия санов свидетельствует о степени «приближения к истине» и формально фиксирует интенсивность веры и объем ответственности за принимаемые в отношении религиозного сообщества решения.

Две стороны авторитетности религиозных высказываний свидетельствуют о двух аспектах религиозного дискурса: с одной стороны, он ориентирован на достижение, «семиотическое закрепление» и трансляцию иррационального опыта и переживаний, а с другой стороны – на сохранение и передачу накопленного религиозным сообществом опыта и, в более общем смысле, – на сохранение и воспроизводство религии.

Ритуальность как специфичная черта религиозного дискурса также может быть объяснена как минимум с двух точек зрения. С коммуникативистской позиции, религиозный дискурс направлен на передачу религиозного знания, а значит исторически вырабатывает устойчивые модели выражения и трансляции знания, основанного на вере. С социологической точки зрения религиозный дискурс ориентирован на воспроизводство института, что происходит в соответствии с канонами, закрепленными не только в сакральных текстах, но и в ритуальных практиках. И первая, и вторая точки зрения основываются на презумпции связи между способом передачи знания, с одной стороны, и ритуальностью религиозного дискурса – с другой. Однако, эта презумпция и основанные на ней точки зрения лишь обозначают наличие этой связи, но не объясняют необходимость ритуальности религиозного дискурса. Главным же вопросом в данном случае является *связь между ритуальными формами религиозного дискурса и характером религиозного знания*. Принципиальная недоказуемость религиозных базовых тезисов является достаточным объяснением доминирования ритуальных форм передачи религиозного знания: отсутствие возможного рационального доказательства вопросов веры «компенсируется» устойчивыми клишированными формами вербализации и действия. Иными словами, необходимость поиска ответа на вопрос «почему?» замещается необходимостью ответить на вопрос «как?»; объяснение как метод познания уступает технологизации как методу действия.

Наличие «рациональных лакун» в религиозном знании и недоказуемость базовых тезисов, на наш взгляд, объясняют также такую особенность религиозного дискурса, как *эзотеричность*. Обладание истиной и особыми практиками («техниками») ее достижения характерно не для любого верующего, но для особого круга посвященных. Впрочем, религиозный дискурс, оставаясь эзотерическим, тем не менее, предполагает определенную открытость «непосвященным», поскольку в религиозной культуре предполагается, что при определенных условиях, устремлениях, состояниях и действиях верующего он

может стать «посвященным», а также познать и принять эзотерический дискурс. Эзотеричность означает, что подтверждение религиозных истин является прерогативой относительно закрытой группы посвященных, в то время как «простой верующий» не может располагать специфичным знанием, но опирается на собственную веру. Так, эзотеричность религиозного дискурса свидетельствует о жесткой иерархии религиозной культуры и маркирует границы различных эпистемологических практик, характерных для нее.

Непосредственно в аспекте коммуникации эта иерархичность религиозной культуры реализуется в виде *театральности* религиозного дискурса. Это не только означает, что коммуниканты имеют представление о жестко регламентированных коммуникативных ролях и выполняют их в соответствии с закрепленными предписаниями. Эта особенность выражается также в том, что в религиозном дискурсе поощряется гиперболизированное, экзальтированное и акцентуированное выполнение коммуникативных ролей. Повышенная эмоциональность и «пафос» религиозных высказываний и действий достаточно часто¹ трактуется как свидетельство чистоты сакрального опыта и знания.

Театральность религиозного дискурса означает также достаточно сильную обусловленность дискурсной практики местом и временем ее осуществления, что предполагает определенную эмоциональную вовлеченность не только непосредственных участников коммуникации, но и всех тех, кто так или иначе имеет отношение к религиозным дискурсным практикам. *Апелляция к эмоциям и воздействие на эмоциональную сферу*, что также многими исследователями отмечается в качестве особенности религиозного дискурса, обуславливают более сильный, по сравнению с иными типами «институционализированных» дискурсов, эффект вовлечения адресата в дискурсное поле. Этим также можно объяснить известные затруднения критического рассмотрения религии и религиозного дискурса: попытки их рационального анализа достаточно часто сопровождаются противодействием со стороны субъектов религиозного дискурса, трактующих критически-исследовательское отношение к религии как «неуважение религиозных чувств» или «экстремизм по отношению к вероисповеданию». На наш взгляд, такой конфликт научного и религиозного дискурсов объясняется тем, что сакральность как *предмет* религиозного дискурса, как то, что обсуждается и мыслится, переносится в сферу имманентных черт дискурса и становится тем, что *характеризует* религиозный дискурс. Соответственно любая попытка критического осмысления природы и специфики религиозного дискурса интерпретируется как выражение сомнений в сакральности, а значит – в принятых нормах морали, духовных ценностях и т.д. Такое смещение акцентов, как нам представляется, является эпистемологической ошибкой, преодоление которой возможно в рамках дискурсного анализа.

Еще одной особенностью религиозного дискурса является его *идеологичность*, что выражается в том, что дискурс религиозной культуры не просто транслирует и производит отдельные знания, но формирует определенное мировоззрение, основанное на комплексе догм и ценностей. Собственно, с помощью сложной и устойчивой системы мировоззренческих установок и идей религиозный дискурс способен транслировать практически любые ценности.

Далее мы рассмотрим параметры модели религиозного дискурса в аспекте вышеперечисленных общих его особенностей.

Телеологический параметр

Религиозный дискурс в функциональном аспекте представляет собой смысловоспроизводящую деятельность, смысл которой сводится к поиску и утверждению путей непосредственной связи с Абсолютом как высшей ценностью, предельной и «безусловной причиной всего существующего»². Отметим, что религиозное понимание Абсолюта и связи с ним отличается от научной трактовки постижения истины: Абсолют не конструи-

¹ Эмоциональность не является свидетельством чистоты мистического опыта, например, в буддизме. Однако, даже в случае с буддистской религиозной практикой акцентуация определенных состояний (например, отрешенность, концентрация) трактуется как своего рода индикатор определенных религиозных состояний и на основании нее выносятся суждения о характере религиозного опыта.

² Грицанов А.А. Религия / Новейший философский словарь. – Минск, 1999. – С.569.

руется, он не может быть истолкован как «форма психического состояния» (Кьеркегор) или «идеологический конструкт» (Альтюссер), он есть данность, точнее – «сверхданность», диктующая саму себя сознанию индивидов. В связи с этим, религиозный дискурс выполняет функцию ориентации на достижение идеала. Эта особенность функциональной стороны дискурса религиозной культуры определяет значения телеологического параметра религиозного дискурса.

Цели, реализуемые религиозным дискурсом, многочисленны и некоторые из них представляются неоднозначными в аспекте их как «наивной», так и «глубокой» интерпретации. Обратим внимание на некоторые из них.

Религиозный дискурс ориентирован на *описание и интерпретацию* положений религиозного мировоззрения, включая характерные для него ценности, нормы, идеи, мифы, нарративы. То, что отличает реализацию этой цели в религиозном дискурсе от иных типов «институционализированного» дискурса – это миссионерский характер трансляции религиозного знания. Предоставление информации об основных догмах, институциональном устройстве религии, способах мистического опыта и путях достижения связи с Абсолютом (ср. христианское «свидетельство о вере и Церкви») специфично явным или скрытым утверждением истинности данных положений. Заметим, что этот эффект религиозного дискурса чаще всего достижим, если адресант «религиозного просвещения» является приверженцем описываемой им религии. Характерным для религии является применение определенных требований к миссионеру: поскольку религия предполагает трансляцию сакрального знания, содержание которого трактуется как «доступное избранным», то адресант, высказывания которого воспринимаются как адекватные содержанию религиозного учения, должен обладать как необходимым мистическим опытом, так и определенным статусом в церковной иерархии.

Описательно-интерпретативные цели религиозного дискурса свидетельствуют о его метаязыковом характере: он разворачивается в двух плоскостях – в плоскости «языка первого порядка» (естественного человеческого языка) и «языка второго порядка» – метаязыка, разработанного для декодирования и интерпретации «языка первого порядка».

Высокая нормативность религиозного дискурса характеризует религиозный дискурс также и в аспекте *нормирующей, прогностической и технологической* целей. Высказывания в религиозном дискурсе могут быть направлены на оценку положения вещей в соответствии с установленными и закрепленными нормами. Представители церкви наделяются статусом посредника между человеком и богом и, следовательно, воспринимаются как обладающие знанием о критериях оценки и «полномочиями» выносить оценочные суждения. Более того, и передача знания, и ее последующая интерпретация адресатом должна соответствовать канонам религиозного учения. Нарушение этого требования ведет к различным религиозным санкциям. Оценочные суждения выполняют строго нормирующую функцию в религиозном дискурсе, фиксируя требования и предписания к действиям индивида. Религиозный дискурс в этом отношении может выступать как механизм сохранения и воспроизводства общественного порядка, а также некоторых (главным образом – поведенческих и мировоззренческих) аспектов культуры.

Итак, религиозный дискурс используется субъектами религиозной культуры с целью упорядочивания и сохранения общественных отношений, что возможно не только за счет актуализации ценностей и норм, но и с помощью построения дискурса относительно порядка изменения положения вещей. Необходимость изменений объясняется стремлением человека к спасению и, в конечном итоге, – (вос)соединению с Абсолютом. Религии в той или иной степени располагают описанием последовательности организации опыта, что, как полагается, способствует «правильному» достижению высшей религиозной цели. Подобные описания имеют характер либо максим и предписаний, либо даже детального технологического описания (как, например, буддистская «Книга мертвых», представляющая собой подробное «пособие по умиранию»).

Нормирующий и упорядочивающий эффект имеет также реализация прогнозирующей цели. Особенностью религиозного прогноза является то, что он не строится на рациональных суждениях, но выводится из сакральности и сверхъестественности религиозного опыта. Фактически, прогноз в религии есть проекция настоящего в будущее, при которой «верное» или «неверное» положение вещей экстраполируется на некоторое бу-

дущее состояние. Экстраполяция в религиозном дискурсе также нацелена на поддержку базовых религиозных ценностей и принципов: «устрашающий» или, напротив, «успокаивающий» характер религиозных предсказаний свидетельствует об их моральном воздействии, усиленном фасцинативными действиями.

В институциональном измерении религиозный дискурс направлен на установление и поддержание интеграции индивидов, разделяющих то или иное религиозное учение, которая достигается на основе репрезентации конкретных моделей опыта и мировоззрения. Например, «быть христианином» – означает не просто обладать формальными признаками принадлежности к христианским группам, но и разделять (интериоризировать) комплекс христианских ценностей, принципов, идей, а также следовать закрепленным и поощряемым в христианском вероучении моделям поведения.

Интеграция на основе единства веры в религиозном дискурсе достигается также за счет противопоставления групп «своих» и «чужих». Подробнее мы рассмотрим эту особенность религиозного дискурса в следующем разделе, посвященном онтологическому параметру. Отметим, что в аспекте целей религиозного дискурса такое противопоставление также оказывает нормирующее воздействие на сознание и поведение индивидов, поскольку оно, как правило, носит оценивающий характер, определяя «чужие» догмы как неверные или опасные, а «свои» каноны – как единственно верные и полезные.

Телеология религиозного дискурса выстраивается относительно *объяснения* необходимости стремления, а также путей достижения связи с Абсолютом, что мыслится в контексте установленных догм, норм и правил (то есть в контексте *нормирования*), которые и характеризуют определенное религиозное учение. Сохранение и передача в неизменном виде сакрального знания предполагают наличие комплекса референций, составляющих предметную область дискурса. Связь между целями и предметами религиозного дискурса обеспечивается, с одной стороны, интенциями участников дискурсивной практики (например, представление о Боге может подразумевать интенцию достижения божественного состояния, а значит – упорядочивание индивидуального опыта в соответствии с канонами), и с другой стороны – социальными представлениями и укорененными в коллективном сознании образами и архетипами.

Онтологический параметр

Поскольку для религиозного дискурса основополагающей проблемой является проблема веры, то предметная область религиозного дискурса включает в себя рационально непознаваемые явления, трактуемые как «истинно существующие» и доступные восприятию в результате мистического опыта. Иррациональный характер предметов дискурса религии обуславливает его проблему: поскольку субъект рационализирует явления и отношения в ходе дискурсивной практики, то возникает противоречие между характером предметного поля религиозного дискурса и содержанием последнего. Иными словами, религиозный дискурс характерен тем, что существует необходимость говорить и мыслить о вере, которая является принципиально не удовлетворяемой. Рассмотрим подробнее, в чем состоит эта проблема.

Предметы религиозного дискурса могут быть формально отнесены и к физической, и к социальной области, однако даже в этом случае они тракуются как «производные» от сверхъестественных сил. Религия обладает достаточно сложной системой референций, которые имеют, как минимум, два уровня: первый – это доступные наблюдению и восприятию предметы и явления (физические, социальные, психические), второй – сущности, полагаемые как причина явлений первого уровня, но являющиеся при этом иррациональными. С точки зрения религии, восприятие предметов и явлений физического, социального и психического характера как автономных (существование которых не определяется существованием иных предметов и явлений) выражает наивный взгляд на положение вещей. Семиотически говоря, предметы первого уровня в религиозном дискурсе выступают в качестве означающих по отношению к предметам второго уровня, в то время как последние – в качестве «сверхозначаемого».

Эта особенность определяет достаточно высокую степень знаковости предметной области религиозного дискурса: не случайно приметы, предзнаменования, знамения являются типичными репрезентациями действительности именно в религиозном дискурсе.

В некотором отношении аналогичная ситуация характерна для медицинского дискурса, в котором диагностические процедуры также выстраиваются относительно «знаковости» (симптоматичности) процессов и явлений. Однако, различие заключается в том, что медицинский дискурс фактически не предполагает выход за пределы физической (и психической) реальности: одни процессы и явления физического мира являются симптомами других, но также относящихся к физическому миру. В то же время религиозный дискурс специфичен «онтологическим смещением» в его предметной области, при котором предметы одной «онтологической области» определяются предметами другой «онтологической области».

Важно отметить, что категория духовного в религиозном дискурсе понимается как то, что характеризует не только «сверхчеловеческие силы» (что может иметь отношение и к предметам физического мира), но и в буквальном понимании «сверхъестественные» силы, то есть не являющиеся результатом естественных («материальных», физических) процессов.

Между тем, некоторые разновидности религиозного дискурса практически не противопоставляют духовные и материальные предметы и, соответственно, их центральному предметом являются не «духовные существа», но «вечные существа» – таковы, например, боги античного пантеона, которые трактовались в античном религиозном дискурсе как «не менее материальные», чем иные живые существа, однако, их отличие понималось в преодолении ими смерти, в конечности существования. Но и в этом случае мы имеем дело с категорией «сверхъестественного», которая фиксирует нарушение физических законов, «чудо», а значит, во-первых, не принадлежит к физической предметной области и, во-вторых, трактуется как причина или условие физического («материального») мира.

Такая достаточно сложная система (или точнее – иерархия) предметов и референций религиозного дискурса предполагает, что коммуниканты должны переживать мистический иррациональный опыт или предпринимать некоторые усилия по воображению иной, отличающейся от наблюдаемой материальной, реальности. Комплекс таких воображений (фантазий, фикций, образов несуществующего) обозначается как иррациональная виртуальная предметная область, которая, собственно, и является доминирующей в религиозном дискурсе, в то время как иные предметные области второстепенны.

Виртуальную предметную область религиозного дискурса составляют феномены, выраженные в таких категориях, как «Бог», «спасение», «душа», «Истина», «спасение», границы действия которых ограничены действием веры. Описывая модель политического дискурса, мы отметили, что границы политических объектов определяются не их реальными границами, а векторами и силой действия внутренних системообразующих дискурсных факторов. Если в отношении политического дискурса такой «центробежной силой» является направление и сила распределения власти, то для религиозного дискурса – действие и значимость мистического опыта, переживаний и ценностей, поддерживающих веру. Иными словами, объектом веры может быть то, что рационально непознаваемо и может быть осознано и пережито как ценность. Более того, объект веры наделяется статусом абсолютной ценности («ценности высшего порядка»), что означает требование действовать в соответствии с нею и вопреки спонтанным и спорадическим положениям вещей, обстоятельствам, сомнению, и даже – общеразделяемому здравому смыслу, о чем говорит достаточно распространенный религиозный принцип самопожертвования ради веры. Феномены религиозного самоограничения и самоотречения, добровольных испытаний и лишений, аскезы объясняются и конструируются в религиозном дискурсе как производные от самой природы объекта веры.

Анализ религиозного дискурса предполагает не «вскрытие» онтологической сущности элементов предметной области, но обнаружение природы и характера связи между элементами речемыслительной деятельности, которые конструируют и конституируют объекты. Это методологическое требование позволяет заключить, что специфичные субъектные практики, принятые и поддерживаемые в религиозной культуре, обусловлены интериоризацией виртуальных объектов во внутренний план. В данном случае обнаруживается связь между религиозными переживаниями и предметной областью дискурса. Психическое «вживание» в объект веры, присвоение ценностей, с одной стороны, и восприятие объектов веры как существующих в действительности и даже «сверхсущест-

вующих» – с другой, – всё это позволяет сделать вывод, что для религиозного дискурса характерны не только виртуальная, но и психическая предметная область.

На наш взгляд, онтологическое поле религиозного дискурса определяется не только самими объектами действительности (что было бы затруднительно утверждать, говоря об иррациональных объектах), но и силой и вектором религиозного переживания и мистического опыта. Так, формальное соблюдение культовых и ритуальных норм и моделей поведения само по себе не может свидетельствовать о границах и характере дискурсных религиозных объектов – последние становятся предметом обсуждения и мышления, если они включены в личный опыт и в личные переживания субъекта.

Помимо виртуальности и интериоризованности предметы религиозного дискурса достаточно сильно категоризованы. Поскольку он, помимо прочего, преследует цель социальной интеграции, то такая категоризация объектов, имеющих социальную природу, осуществляется по принципу «свои – чужие». К «своим» традиционно относят индивидов, разделяющих либо одну конфессию в границах вероучения, либо одно вероучение, либо любое вероучение (то есть все верующие). Актуализация того или иного содержания группы «своих» достигается в религиозном дискурсе в зависимости от характера группы «чужие»: в одних случаях «своими» могут быть обозначены, например, католики, поскольку в конкретных обстоятельствах в качестве «чужих» выступают протестанты; в иных случаях, в категорию «своих» могут быть отнесены все верующие, если угроза видится в лице атеистов. Вопрос социальной категоризации в религиозном дискурсе безусловно требует своего отдельного изучения в рамках социологических, социально-антропологических и социально-психологических подходов к анализу дискурсных механизмов категоризации реальности.

Языковой параметр

Язык религии – его лексико-грамматические особенности, стилистические средства и речевые акты – ориентирован на решение одной из базовых проблем религиозного дискурса, то есть поиска средств для адекватного выражения системы референций. Поскольку мистические переживания принципиально не могут быть адекватно зафиксированы в семиотических системах, то языковой параметр религиозного дискурса выражает лишь ту или иную степень «приблизительности» высказывания и его соответствия содержанию мистического опыта.

Проблема «невъразимости» религиозных переживаний решается с помощью языка религиозного дискурса, как минимум, двумя способами. Во-первых, языковыми средствами передачи мистического опыта являются *эвфемизмы, тропы, экспрессивно-возвышенная лексика, фасцинативные речевые стратегии, положительные и отрицательные экспрессивы, оценочные номинативы, etc.*, то есть всё то, что обеспечивает не точную рационализацию референта высказывания (как это происходит в научном дискурсе), а его «интуитивное понимание» (как это осуществляется в художественно-эстетическом дискурсе). В этом случае, как и в отношении политического дискурса, справедливо утверждение, что обращение к интуиции и эмоциям адресата облегчает интериоризацию идей, ценностей и оценок. Во-вторых, догматический аспект религиозного дискурса проявляется в широком использовании «консервативных» языковых стратегий – *употребление устаревшей лексики, специфичной религиозной терминологии* (например, в православной церкви это элементы старославянского языка), *цитирование сакрального текста* (например, пословицы и поговорки, основанные на библейских высказываниях). «Консервация» как семантических структур, так и языкового «узуса» предполагает сохранение догматического потенциала дискурса, ориентацию на точное воспроизведение сакрального текста, в котором, как полагается, зафиксировано «истинное знание».

Широкий спектр языковых средств, используемых в религиозном дискурсе, безусловно, обогащает его с эстетической точки зрения, делает его наряду с художественным дискурсом наиболее лексически насыщенным и стилистически ярким дискурсом. В то же время, язык религии исключает использование инвективной, приниженной, простонародной и табуированной лексики. Языковые средства религиозного дискурса являются одним из средств репрезентации возвышенных объектов и «сакрального опыта», а также воспитания адресата и нормирования отношений между индивидами. Это означает, что содер-

жание языка религиозного дискурса есть репрезентация его системы референций: божественное, сакральное, высшее, сверхъестественное не может быть помысленно в терминах «приземленных» феноменов, они всегда «над» обыденным, а стало быть, требуют специфичных имен и эпитетов, то есть – специфичного словаря для их репрезентации.

С точки зрения речевых актов религиозный дискурс насыщен высказываниями *перформативного* характера: использование сакральных имен, высказываний, текстов означает актуализацию мистического трансцендентного опыта, «заклинания» мира, «соприкосновения с Абсолютом». Прагматика использования таких речевых феноменов религиозного дискурса, как мантры, молитвы, воззвания, etc. заключается в осуществлении попытки иррационального перехода из области обыденного, повседневного в область сакрального, мистического, сверхъестественного. Другой аспект перформативности религиозного дискурса – это высказывания, имеющие силу институционального действия. Отречение от Церкви, воцерковление, саноположение, покаяние, крещение, исповедь – все эти действия вербально оформляются, сопровождаются конкретными установленными высказываниями, а в ряде случаев (например, исповедь, анафема, воззвание) полностью сводятся только к речевым актам. Эта особенность сближает религиозный дискурс с юридическим и, частично, политическим, которые также используют речевые акты в качестве полноценных институциональных действий.

Как в политическом, так и в религиозном дискурсах широко используются такие коммуникативно-речевые приемы, как обращение, вопрос, восклицание, что позволяют судить о «формально-диалогичном» характере дискурса, который фактически направлен на реализацию преимущественно монологических стратегий (нормирование, воспитание, обращение, призыв). Это существенным образом отличает религиозный дискурс от научного, юридического, медицинского дискурсов.

Характерное для религиозного дискурса использование таких языковых средств, как антитезы («добро – зло», «рай – ад», «бог – человек», «вечное – тленное», «бесконечное – предельное»), безличных конструкций («необходимо, чтобы...», «допустимо, что...», «неприемлемо, чтобы...»), языковых средств с негативной и положительной коннотацией свидетельствует, с одной стороны, о попытках более точно маркировать и описать область Абсолюта как центральной темы предметной области религиозного дискурса и, с другой стороны, о выполнении конкретных познавательных процедур репрезентации, категоризации, интерпретации.

Когнитивный параметр

В современной философии и теории культуры стало общим местом выделять мифологию в качестве исторического – сформированного на ранних стадиях развития человечества – основания современной религии и характерных для нее познавательных процессов. Миф, трактуемый как текст, повествующий о реальных событиях и выстроенный как нарратив, воспринимался как действительность, не альтернативная «основной» действительности, но воспроизводящая и дополняющая ее (К.Леви-Стросс). Как известно, мифологическое познание предполагает снятие когнитивных и логических противоречий, синкретичность и целостность мироописания, линейное расположение элементов рассказа – эти и другие черты предполагают, что миф есть «способ удостоверения», не требующий доказательства, более того – рассказ, не предполагающий иных версий изложения и иных интерпретаций произошедшего.

Безусловно, современный религиозный дискурс существенно отличается структурно и содержательно от архаичных мифологичных форм речемыслительной деятельности; и в то же время он наследует у них ряд существенных когнитивных черт.

Одной из основных особенностей религиозного дискурса является открытое, а не завуалированное, как, например, часто в политическом дискурсе, представление (артикуляция) ценностей и норм как жизнедеятельности, так и самой религиозной коммуникации. Известно популярное изречение «вера не нуждается в доказательстве», свидетельствующее о специфике религиозного познания: знание конструируется на основе догм и мистических переживаний, а истина понимается не как соответствие действительности, а как совпадение с Абсолютом, знание о котором зафиксировано в Сакральном Тексте. Открытая артикуляция ценностно-нормативных основ религии обусловлена ее нормативным статусом: адекватная трансляция сакрального знания и опыта предполагает максимально точное понимание религиозных максим, что достигается с помощью недвусмысленного формулирования ее базовых максим. Однако, это не означает, что религиозный дискурс не обладает

или в недостаточной степени располагает аргументативными средствами. Напротив, толкование, пояснение содержания сакрального текста являются типичными когнитивными процедурами любой религии в силу их повышенного интереса к аутентичному смыслу, содержащемуся в сакральном тексте. Аргументация в религиозном дискурсе адаптирует канонически-догматическую основу религиозного учения к конкретным ситуациям повседневного действия. Религиозный дискурс выстраивается субъектами таким образом, что каждая рутинная ситуация может быть оценена с позиций религиозного учения, ей может быть приписан определенный ценностный статус, а оценочные действия подкрепляются определенной аргументацией. Этот аспект свидетельствует об идеологическом характере дискурса, который разделяет не только религиозный, но и иные типы «институционализированного» дискурса: как политика, так и образование, и юриспруденция оперируют такого рода индуктивной схемой, при которой каждый частный случай категоризируется в институционально фиксированной «классификационной таблице» ценностей, принципов, идей, учений, законов, etc.

Спектр религиозной аргументации варьируется от аргументов к традиции и авторитету до фaszинативного и агонального воздействия (что, впрочем, уже выходит за границы собственно рациональной аргументации). Аргументативные приемы, используемые в религии, аналогичны политической аргументации в том отношении, что указывают на невозможность рационального доказательства положений религиозного дискурса. Обратим внимание на аргументативные тактики, широко используемые в религиозном дискурсе – апелляция к авторитету и апелляция к образцу.

Одним из распространенных аргументативно-риторических приемов, используемых в религиозном дискурсе, является *апелляция к авторитету*. В качестве авторитетов выступают канонические фигуры, ученые-теологи, философы, поэты. Оставляя в стороне вопрос об основаниях надления тех или иных субъектов дискурсивной практики статусом авторитетности (этот вопрос, на наш взгляд, носит скорее социологический характер), обратим внимание на то, что для религиозного дискурса является характерным приписывание статуса безусловного авторитета даже не столько субъектам дискурсивной практики, сколько Сакральному Тексту, который в таком контексте наделяется чуть ли не признаками полноценного коммуниканта. Обладание авторитетом означает наличие пережитого мистического опыта и безоговорочное разделение и понимание религиозных догм. Сакральный Текст в этом отношении обладает абсолютным авторитетом.

Апелляция к образцу также является одной из распространенных аргументативных тактик, посредством которой адресант побуждает адресата воспроизводить необходимые модели поведения. По утверждению А.А.Ивина, в качестве образцов выступают субъекты, общественный престиж которых повышает значимость их действий³. Очевидно, что с помощью этого аргументативного приема реализуются описательные и нормирующие функции дискурса: во-первых, описывается порядок и характер выполнения определенных действий в рамках типа поведения, и, во-вторых, необходимое поведение презентуется как единственно «оправданное», допустимое и морально приемлемое. В качестве образцов служат как сакральные фигуры (например, Иисус, Будда), так и религиозные деятели (священнослужители, верующие, etc.).

Уже этих двух примеров организации религиозной аргументации достаточно, чтобы судить о характере верификации как когнитивной процедуры в дискурсе религиозной культуры – она носит характер отсылки к Тексту как первоисточнику критериев истинности высказываний, соответственно, любое высказывание, отвечающее содержанию Сакрального Текста, трактуется как факт, а высказывания, не соотносящиеся с содержанием Текста, но логически верифицируемые, могут быть расценены как ложные или бессмысленные.

Ряд исследователей⁴ обращают внимание также на такую интересную особенность религиозного дискурса, как презумпция искренности субъекта дискурсивной практики, высказывания которого могут быть оценены как «ложные» или «истинные», «правильные» или «неправильные», но никогда – «преднамеренно ложные» или «манипулятивные».

³ Ивин, А.А. Теория аргументации. – М., 1997.

⁴ См., например: Карасик, В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. – Волгоград: Перемена, 1999. – С.5-19; Мечковская, Н.Б. Язык и религия. – М.: ФАИР, 1998.

Субъект, с точки зрения религиозной дискурсивной практики, может заблуждаться, но никогда не обманывается, высказываясь в «режиме» религиозного дискурса. Эта особенность существенно отличает религиозный дискурс от политического и сближает его с научным дискурсом.

Рассмотрим особенности реализации базовых познавательных операций (репрезентации, категоризации, интерпретации и конвенции) в процессе религиозной дискурсивной практики.

Репрезентативные познавательные операции реализуются в дискурсивном поле религии с помощью двух ключевых механизмов – *обобщения* и *конкретизации*, которые позволяют выделить классы явлений и сущностей в предметном поле религиозного дискурса и оперировать абстрактными именами. Суть абстрактных понятий («Бог», «спасение», «грех», «благо», «зло») раскрывается за счет конкретизации, своего рода их индуктивной «адаптации» к повседневным ситуациям, знакомым и понятным адресатам религиозной коммуникации. И напротив, повседневные ситуации дедуктивно обобщаются в религиозном дискурсе, что позволяет унифицировать все поле возможных поступков, намерений, интересов индивидов и «заклЮчить» их в единую религиозно-идеологическую рамку.

Конкретизация в религиозном дискурсе выражается также в перечислении знаковых событий (например, просветление героя, совершение чуда, непосредственная встреча с сверхъестественными существами, etc), которые могут выступать в качестве «узловых элементов», образующих развернутые повествования и, в целом, Сакральный Текст.

Операции обобщения и конкретизации в религиозном дискурсе выполняют функцию демонстрации не только действительного, но и должного положения вещей. «Синхронное» применение двух операций позволяет встраивать религиозный текст по образцу «морального размышления», при котором сравнивается «частный случай» (конкретизация) с абсолютной ценностью или нормой (обобщение). Более того, частное трактуется в религиозном дискурсе как производное от общего, то есть – Абсолюта. Это отличает этот тип дискурса от, например, политического дискурса, в котором общее может конструироваться как сумма частного (сравним: «Мы все во власти Бога» и «Судьба страны зависит от твоего выбора»). В целом, если в политическом дискурсе репрезентация выполняет скорее конструирующую функцию, то в религиозном – нормирующую (если в политике «описать» означает смоделировать ситуацию, то в религии – оценить ситуацию с моральной точки зрения). Однако, следует признать, что для «институционализированного» дискурса в целом характерно доминирование обобщения над конкретизацией, что объясняется, на наш взгляд, общей установкой на подчинение частных целей и ценностей институциональным.

Основной задачей *категоризации* как познавательной операции религиозного дискурса является разделение предметной области на значимые «сегменты», противопоставление которых имеет определенный смысл для реализации задач религиозного дискурса. Как и для политического дискурса, для религии характерно выделение категорий «свои» и «чужие»: к «своим» традиционно относятся представители разделяемой конфессии, религии или все верующие, к «чужим» – представители иной конфессии, религии или неверующие. Категоризации подвергается также и совокупность «сверхъестественных существ»: известны религии, в которых «высшие существа» располагаются друг относительно друга в иерархическом порядке, образуя своего рода «ранговую систему», позиции которой отличаются различной степенью «сакральности» и близости к Абсолюту. Более того, для религиозного дискурса характерно также распределение категориальных статусов среди объектов физического и социального мира: определенным образом упорядочены физические предметы (в зависимости от степени их мифологизации, «представленности» в религиозных нарративах или использования в отправлении религиозных культов), индивиды (в зависимости от наличия или отсутствия, а также характера и степени их мистического опыта, а также в зависимости от соответствия их образа жизни, поступков, деятельности религиозным нормам), священнослужители (в зависимости от характера и степени мистического опыта).

На основе категоризации строятся процедуры *аналогии*, позволяющие организовать и реорганизовать когнитивный опыт и систему знаний в соответствии с религиоз-

ными ценностями и догмами. Распространенными являются стратегии соотнесения канонизированных и типичных повседневных ситуаций: адресанты религиозного дискурса, объясняя конкретные действия, поступки и положения дел, приводят в качестве аналога примеры из сакральных текстов, обращение к которым является основной и «предельной» объяснительной процедурой.

Религиозная категоризация предполагает также применение процедур сравнения и оценивания, поскольку догматический характер религиозного дискурса «требует», чтобы индивид регулярно соотносил личный и «идеальный» мистический опыт, индивидуальные убеждения и догмы разделяемой им религии, личные модели поведения и подерживаемые в институте религии нормы деятельности. Сравнение строится на объяснении незнакомой ситуации ли связи через известные, и часто – текстуально зафиксированные (в этом случае предполагается, что фоновые знания адресата сформированы сакральным текстом, знание содержания которого является обязательным для приверженцев любой религии). Оценивание строится на моральных и нравственных положениях, формирующих основы религиозного учения. Базовая оппозиция «добро – зло», определяющая ключевые концепты и тезисы религии, выражается в конкретных операторах оценивания «хорошо» и «плохо», «приемлемо» и «неприемлемо», «допустимо» и «недопустимо». Основной задачей использования таких оппозиций является ориентация адресата на этические нормы (заповеди, правила, идеалы). Как правило, положительная оценка связывается с каноническими либо с аналогичными им повседневными ситуациями, агентами действия, действиями, в то время как негативная оценка фиксирует отклонение от религиозных норм и правил. Отметим, что характерным для религиозного дискурса является развитие негативной оценки в наставление и рекомендации посредством обращения к образцу и авторитету.

Религиозная категоризация строится на базе определенных ментальных схем, которые включают в себя такие составляющие, как коллективная идентичность («соборность», «единство», «братство»), ценности и догмы, опыт («откровение», «прозрение», «греховность», «спасение», «покаяние»), представление об истине, индивидуальное и коллективное спасение, образ жизни и прочие. Очевидно, что все эти феномены подчиняются в той или иной степени главным целям религиозного дискурса и преимущественно – представлениям об Абсолюте, как центральном концепте предметной области дискурса религиозной культуры.

Как и в политическом дискурсе, для религии характерны процедуры историзации и нарративизации как распространенные способы категоризации. Отличие заключается в том, что в религиозном дискурсе истинное положение вещей мыслится либо в прошлом (как идеальный опыт, который впоследствии был утерян), либо в будущем (например, «рай»), но никогда в настоящем, в то время, как для политического дискурса характерна экстраполяция «истины» в будущее.

Интерпретация используется в религиозном дискурсе с целью разъяснения как повседневных ситуаций, так и фрагментов сакральных текстов. В первом случае интерпретация осуществляется с теологических позиций, в соответствии с которым «матрица значений и смыслов», зафиксированная в сакральном тексте, применяется к описанию конкретного положения вещей. Во втором случае эта «матрица» «восстанавливается» на материале самого сакрального текста. Типичной для религиозного дискурса чертой является достаточно жесткие предписания к организации коммуникативного аспекта интерпретации: толкование как повседневных ситуаций, так и сакрального текста представляется привилегированным занятием адресантов (священнослужителей). Это отличает этот тип дискурса от иных: в демократическом политическом дискурсе интерпретация, осуществляемая адресатом, является одним из главных условий его реализации, а в юридическом дискурсе сопоставление интерпретаций адресанта и адресата (например, истца и ответчика) трактуется как операция, необходимая для принятия легитимного (например, судебного) решения.

Как и в отношении политического дискурса, применительно к дискурсу религиозной культуры будет справедливым утверждение о том, что он основывается на коллективно разделяемом культурном и социальном опыте: интерпретативные схемы во многом «эксплуатируют» фоновые знания адресатов, что в наиболее очевидном виде можно

наблюдать в процессе религиозного миссионерства. Сакральный текст обнаруживает в этом отношении свою культурную гибкость и адаптивность, что с лингвистической точки зрения во многом достигается за счет его мифологичности, иносказательности, обилия тропов, что в своей совокупности обуславливает множество интерпретаций в зависимости от культурного «багажа» адресата.

Описание и интерпретация религиозного мировоззрения, осуществляемое его носителем, носит характер воспитательного действия, что с одной стороны, сближает религиозный и педагогический дискурсы и, с другой стороны, позволяет провести аналогии с политическим дискурсом, который также строится на презумпции истинности того или иного политического учения, течения, устройства, идеологии. В то же время существуют и отличия: если в политическом дискурсе интерпретация принципиальных положений носит достаточно свободный характер (она не регулируется установленными объяснительными схемами и в целом подчиняется главной цели – убедить адресата в «правильности» политических идей), то религиозная интерпретация регламентируется строгими моделями объяснения, закрепленными в канонических текстах. Проповедь как специфичный жанр реализации этой цели носит именно просветительский и нормирующий характер.

Если политическая интерпретация нацелена не столько на понимание действительности, интенций и целей адресанта, сколько на воздействие на адресата, то религиозная интерпретация организуется относительно как убеждающего воздействия, так и понимания смысла и ценности текста. В соответствии с упомянутым выше принципом «презумпции искренности субъекта», не характерным для политического дискурса, предполагается, что говорящий может ошибаться, заблуждаться, но он ориентирован на постижение Абсолюта и абсолютного смысла. Уточним, что истинность интерпретирующего высказывания религиозного дискурса связывается с аутентичным смыслом сакрального текста, знание которого разделяется ограниченным кругом лиц или субъектами, обладающими определенным мистическим опытом. Такое различие, на наш взгляд, связывается с несовпадением «дискурсообразующих» параметров политического и религиозного дискурсов – если центральным параметром политического дискурса является целевой, то религиозного – онтологический; а это, в свою очередь, предполагает не определенную прагматику действий адресанта, а его особый «когнитивный настрой».

Познавательная операция *конвенции* связана, на наш взгляд, с нормативным аспектом религиозного дискурса. В отличие от иных типов дискурса и в силу высокой степени догматичности, дискурс религиозной культуры практически не использует нормы-конвенции; вся его нормативная сфера формируется достаточно однозначными и документально зафиксированными правилами (заповедями, предписаниями, принципами), конвенциональное отношение к которым опасно с точки зрения стабильности и преемственности той или иной религиозной традиции. Однако, конвенциональные процедуры широко используются в отношении терминов, определенных схем декодирования ключевых высказываний, сюжетов и описаний, и в ряде случаев – в отношении создания и закрепления этикетных норм. Тем не менее, религиозный дискурс избегает использования четких дефиниций тех или иных терминов, что, на наш взгляд, объясняется установкой на использование таких более эффективных в отношении воздействия и «укоренной» интериоризации методов, как апелляция к авторитету, к эмоциям, к канонам. Дефинитивные процедуры характеризуют рационалистический подход к организации познавательной деятельности, что в целом не характерно для религиозного дискурса, основанного на принципах эмоционального, экзистенциального и опытного вовлечения адресата в поле религиозной культуры.

Текстовый параметр

Несмотря на то, что текстовое пространство религиозного дискурса отличается широким спектром текстов различного жанра, их «смысловый центр» всегда совершенно однозначно распознаваем: сакральный текст содержит в себе базовые положения религии, служит ориентиром в и отправной точкой в реализации дискурсной практики как на официальном, так и на повседневном уровнях религии. Сакральный (канонический) текст фактически представляет собой запись религиозного учения, он сам представляет

собой учение, не подлежит трансформации, но может быть интерпретирован, как мы показали выше, для объяснения жизненных ситуаций и построения новых текстов в рамках определенной религии. Сакральный текст наделяется статусом символа веры, ее содержания и даже ее адресантом. Особенностью священного канонического текста является его агентивность и генеративность – с ним «ведут диалог», он «обучает», «наставляет», «воспитывает». Его отличие от базовых текстов иных дискурсов заключается в том, что он включает в себе религиозную картину мира, и исключает критическое действие по отношению к себе – он есть «голос Бога», предельный смысл, высшая ценность, абсолютный закон; он сам есть доказательство самого себя и отрицает «внешнее» доказательство собственного статуса, как это допускается в иных дискурсах, например, в юридическом – даже в отношении Конституции или в политическом – в отношении указов политического руководства.

Сакральный текст наделяется метастатусом – он является образцом построения иных текстов и предопределяет текстовую иерархию в зависимости от степени их сакральности и социокультурной значимости: канонические произведения, не вошедшие в сакральный текст, но имеющие к нему отношение; авторские сочинения, поясняющие фрагменты сакрального текста (например, патристика в христианстве, хадисы в исламе); катехитические тексты (краткое изложение религиозного учения); тексты, используемые в культах (богослужебные книги, молитвенники, etc.); авторская мистико-эзотерическая литература; проповеди; толкования; законодательные тексты (например, в иудаизме или исламе); конфессионально-светская литература. Для определения места текста в иерархизированном текстовом пространстве необходимо учитывать коммуникативную цель, коммуникативный статус, перформативность высказывания, степень авторитетности источника, характер адресата. Так, ритуальные тексты, бесспорно, имеют большее значение, чем конфессионально-светские тексты, поскольку адресатом первых считаются сверхъестественные сущности, Бог, высшие силы (таковы, например, молитвы).

Религиозный дискурс предполагает не только актуализацию канонических и создание интерпретативных текстов, но и использование интертекстуальных единств. В этом аспекте религиозный дискурс в большей мере, чем другие дискурсы (в частности, политический и юридический) «вторгается» в соседние жанровые пространства: литература, публицистика, наука, медицина в разное время и в разной степени испытали влияние религии, что отразилось на корпусе их текстов. Известны примеры классической литературы, научных трактатов, выполненные в рамках религиозной дискурсной практики; однако, с течением времени и со сменой исторических дискурсных формаций, эти тексты утратили свой первоначальный религиозный статус, оставаясь тем временем свидетельством своеобразной экспансии религии в междискурсном пространстве.

Отмеченное жанровое и стилистическое многообразие религиозных текстов проявляется также и в том, что они организуют достаточно сложное интертекстуальное единство: референциальные, цитатные, панорамные, тезисные тексты дополняют, развивают, уточняют друг друга, фактически являясь репрезентациями канонических сакральных текстов с содержащимся в них аутентичным смыслом и ценностями религии.

Стратегии «захватывания внимания» адресата с помощью канонических текстов и их интерпретаций, а также с помощью текстов различных типов и жанров достигают своего максимального эффекта с учетом их строгой контекстуальной обусловленности.

Контекстный параметр

Как и в любом «институционализированном» дискурсе, в дискурсе религиозной культуры определяющее значение для организации контекста имеют прецедентные – канонические сакральные – тексты. Они задают характер, содержание, прагматические особенности использования иных текстов, организуют время и пространство коммуникации, определяют предмет размышлений и рассуждений, устанавливают аргументативные стратегии и моделируют поведение участников общения.

Высокая степень ритуальности религиозного дискурса, с одной стороны, и его личностная ориентированность, с другой стороны, обуславливают два основных типа контекста осуществления религиозной дискурсной практики – *ситуационный* и *экзистенциальный*.

Ситуационный контекст религиозного дискурса предполагает, что те или иные термины, высказывания, тексты реализуются в совершенно определенном хронотопе. Место и время не только организуют когнитивно-смысловые структуры, но и помогают интериоризовать религиозные ценности, идеи и оценки: так, молитва предполагает уединение, а исповедь – общение только двух человек в определенном помещении и в определенное время.

Прагматическим смыслом ритуализации религиозного дискурса является конструирование ситуации сверхзначимости и ценности происходящего и высказываемого. Ритуализация подразумевает использование хронотопных, жанровых, поведенческих инвариантов, дискурсных формул, эмоционально-оценочных знаков. Каждая ситуация осуществления религиозной дискурсной практики включает в себя определенную комбинацию таких ритуальных элементов, и знание их представляет собой еще один контекстообразующий элемент религиозного дискурса – *фоновые знания*. В определенном смысле знание о необходимых составляющих ритуала составляет часть его выполнения.

Экзистенциальный контекст предполагает актуализацию личностных смыслов и индивидуального мистического опыта, смыслжизненных установок и ценностей, уже интериоризованных субъектом дискурса. Для религиозной культуры характерна «презумпция готовности» участника религиозной коммуникации, а участие в дискурсной практике трактуется как основанное на добровольно принятом решении. Поскольку вера – центральный концепт религиозного дискурса – не может быть ни объектом манипуляции, ни предметом «интерпелляции» (Луи Альтюссер), то справедливо утверждать, что религиозный дискурс имеет не столько «внешние», объективные основания, сколько «внутренние», субъективные.

Прецедентность и ритуальность в таком аспекте выступают в качестве вторичных условий осуществления дискурсной практики, в то время как вера, субъективные переживания и личный опыт – в качестве первичных условий. Можно метафорически утверждать, что прецедентный текст и ритуальные формы являются заранее заготовленными ответами на вопросы, которые формулируются благодаря субъективным переживаниям и опыту; однако, если вопрос не будет сформулирован, то ответ не будет предложен. Это обстоятельство существенным образом отличает религиозный дискурс от прочих дискурсов: реализация религиозного дискурса требует некоторого внутреннего усилия, в то время как политический, образовательно-педагогический и юридический дискурсы являются в большей степени объективированными, «отчужденными» от субъекта, выполняющими в большей степени принуждающее действие по отношению к субъекту. Общеизвестны примеры насильственного обращения в веру, «воинствующего миссионерства», агрессивной экспансии религии; однако, эти примеры, скорее, свидетельствуют о преследовании политических целей, а значит – реализации политического дискурса, в то время как религиозный дискурс в своем «чистом виде» не совместим с прямым принуждением.

Коммуникативный параметр

Коммуникация в институте религии характеризуется жесткой иерархией базовых участников коммуникации, порядок которой определяется степенью сакральности и участия в религиозной деятельности. Саны священнослужителей, наличие или отсутствие мистического опыта, духовных переживаний, фоновых знаний о содержании культа, знакомство с сакральным текстом, доступ к «верной» интерпретации канонических текстов, образ жизни, даже форма и жанр высказываний – все это может выступать критерием оценки положения субъекта дискурсной практики в религиозной иерархии и, соответственно, производимые субъектом дискурсные действия могут быть оценены как истинные или ложные, соответствующие или не соответствующие религиозным канонам. Принцип Фуко «право голоса есть право власти» в значительной мере проявляется в религиозной дискурсной практике как распределение полномочий интерпретации текстов, наставления, совета, прощения, наказания, вопрошания в зависимости от коммуникативного – и, по большому счету, социального и культурного – статуса говорящего.

Признавая, что религиозный дискурс имеет субъективные основания, выражающиеся в индивидуальном принятии или непринятии религиозного учения и обращении к вере, мы, тем не менее, акцентируем внимание на строгом и консервативно-нормативном

характере коммуникативного поля религии. Религия, как мы уже говорили, не выполняет побудительно-принудительного действия, но участие в религиозной дискурсивной практике предполагает выполнение ряда предписаний к поведению, к которым относится соблюдение коммуникативно-иерархической дистанции между коммуникантами, акцентирование различий в опыте и знаниях, подчинение, доминирование монологической формы общения над диалогической.

Уникальность религиозной коммуникации состоит в том, что сверхъестественные объекты, Бог, «высшие силы» мыслятся как активные участники общения: онтологический план религиозного дискурса совмещается с коммуникативным планом; предмет дискурса совпадает с его агентом; коммуникативный параметр предопределяется непосредственно предметной областью дискурса. Собственно, «высший» собеседник в религиозной коммуникации (то есть тот, кому обращены молитвы) «выводится» непосредственно из предметной области дискурса: сначала нечто мыслится как сверхъестественный объект, а затем становится эмпирически не наблюдаемым участником религиозной коммуникации. Более того, такая коммуникация циклична: как индивид может общаться непосредственно или опосредованно (через священника или наставника) с высшими силами, так и Бог может выступать с позиции адресанта по отношению к индивиду. Эта особенность в значительной степени специфицирует религиозный дискурс, поскольку иные типы дискурса характерны обратным типом зависимости – реальные (эмпирически наблюдаемые) участники общения могут составлять (или не составлять) предметную область дискурса (например, «учителя и ученики» в образовательно-педагогическом дискурсе или «политики и избиратели» в политическом). Даже если участники коммуникации «моделируются» в онтологическом плане дискурса (например, образование нового юридического лица или создание новой политической должности), то в конечном итоге соответствующие коммуниканты всегда являются эмпирически наблюдаемыми, реальными. Исключение могут составлять крайние проявления тоталитарного дискурса, для которого характерно наделение политического лидера статусом божественного существа, непосредственная коммуникация с которым представляется невозможной или же мифологически конструируется как ситуация обретения истинного знания (ср. религиозное «слияние с Абсолютом»), но при этом «внутренний диалог» с вождем не просто возможен, но поддерживается и приветствуется. Такие примеры в очередной раз доказывают возможность междискурсивных смещений и интердискурсивных влияний, что в целом является предметом отдельного исследования.

Подведем некоторые итоги.

Во-первых, ключевым параметром религиозного дискурса является онтологический: система референций дискурса конструирует его конкретные цели (описание, интерпретация, нормирование, технологизация), коммуникативные характеристики (Абсолют становится одним из участников религиозной коммуникации), язык (возвышенно-фасцинирующий характер языка представляет собой проекцию «высших сил») и так далее.

Во-вторых, все параметры религиозного дискурса выражают его «внутреннее напряжение», связанное с невозможностью рационального (языкового) выражения мистического опыта и духовных переживаний.

В-третьих, религиозный дискурс выступает как механизм актуализации ценностно-нормативных и догматических основ религии, а также как средство контроля и регуляции соответствия действий и мыслей индивида установленным стандартам (эту функцию выполняют такие коммуникативные формы религиозного дискурса, как, например, исповедь, беседа с наставником, осуждение и анафема и т.д.).

В-четвертых, религиозный дискурс представляет собой в высокой степени рефлексивное явление, рефлексивность которого, однако, не сводится исключительно к рациональным механизмам обоснования и объяснения (теологический дискурс), но имеет отношение также и к догматическим нормам интерпретации (мифологический дискурс).

В-пятых, условие веры требует от субъекта «внутреннего усилия» при осуществлении религиозной дискурсивной практики, в то время как в иных институциональных дискурсах специфичным является в большей степени «внешнее принуждение» субъекта к речемыслительной деятельности.

Список литературы

1. Грицанов А.А. Религия / Новейший философский словарь. – Минск, 1999. – С.569.
2. Ивин, А.А. Теория аргументации. – М., 1997.
3. Карасик, В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. – Волгоград: Перемена, 1999.
4. Кожемякин, Е.А. Дискурсивный подход к изучению институциональной культуры. – Белгород: БелГУ, 2008.
5. Кротков, Е.А. Диагностическое познание. – Белгород: БелГУ, 2006.
6. Мечковская, Н.Б. Язык и религия. – М.: ФАИР, 1998.
7. Fitzgerald, T. The ideology of religious studies. N.Y.: Oxford University Press, 2000.

RELIGIOUS DISCOURSE: METHODOLOGY ISSUES**E.A. KOZHEMYAKIN*****Belgorod State University******e-mail:***
kozhemyakin@bsu.edu.ru

The article describes the system of key dimensions of the religious discourse. The author discusses their nature and meanings to build the methodological schemata of epistemological research for discourse conditions of religious cognition and knowledge

Key words: religious discourse, religious cognition, religious knowledge, discourse practice, epistemology.

ЛОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ СВОЙСТВ ВРЕМЕНИ

Современное научное сознание не удовлетворяется частичными представлениями о времени. Назрела необходимость предпринять попытку междисциплинарного синтеза, которая будет шагом вперед в деле создания целостной концепции времени.

О.В.МАЛЮКОВА

*Московский
государственный
университет
инженерной экологии*

В данной статье предлагается новый подход к пониманию сути феномена времени. Проблема темпоральности рассматривается не как подлежащая изучению средствами одной науки (пусть даже такой авторитетной, как физика), а как междисциплинарная область исследований, которая должна реализовываться с помощью различных программ изучения времени. Одной из таких программ является логическая программа изучения свойств этого столь загадочного, и столь значимого для человечества объекта, каким является время.

Ключевые слова: феномен времени, временная логика, свойства времени, измерение времени.

Логическая программа исследования времени и его свойств является составной частью общей познавательной установки человечества, заинтересованной в постижении тайны времени и его использовании в соответствии со своими нуждами. Человеческая познавательная деятельность стала оформляться в виде программ, начиная со времен античности. Появление программ характеризует определенную зрелость процесса познания, ибо их появление по времени хорошо увязывается с появлением философии. Собственно говоря, все первые философские построения и были программами онтологического типа. Определение программы, как и определение любого базового понятия, должно быть предельно широким: программа – это совокупность теоретических, методологических и практических установок, направленных на достижение некоторой четко оговоренной цели. В зависимости от сферы применения программа может быть мировоззренческая, методологическая, гносеологическая, эпистемологическая и практическая. Большинство программ, сформированных в области философии, представляют собой мировоззренческие, гносеологические и эпистемологические программы. В зависимости от успеха в достижении цели все программы можно разделить на удачные и неудачные, законченные и незаконченные. Именно незаконченные программы представляют особый интерес для исследования, к ним относятся программы, не достигшие своей первоначальной цели, но достигшие иного значимого положительного или отрицательного познавательного результата, в результате чего они существенно повлияли на создание иных программ и вошли в их состав. Программа постижения времени и его свойств как раз и является такой незаконченной и во многих своих попытках неудачной программой, но такой, которая является существенной как для философии и построения ее категориального каркаса, так и для всех наук, использующих и опирающихся на категорию времени.

В ряду программ различного типа особый интерес для данного исследования представляют гносеологические и эпистемологические программы. Первой программой этого типа стала программа Зенона Элейского. Его программа теоретического доказательства невозможности описания движения является примером успешного достижения цели в рамках самой программы. Сами доказательства Зенона так никогда и не были опровергнуты. Другое дело, что его доказательства не обосновали невозможность самого движения, но такой цели он и не ставил. Апории Зенона стимулировали развитие физики в аспекте изучения механического движения, что, собственно говоря, и является основной задачей этой науки.

В качестве следующей программы гносеологического типа выступает программа изучения понятия истины, начатая софистическими течениями, продолженная Платоном и завершенная в творчестве Аристотеля путем создания силлогистики, как первой системы формальной логики. Именно в ходе реализации истинностной программы было

установлено, что применение понятия истины ведет к появлению парадоксов, что особую сложность в изучении истины представляет собой свойство ее самоприменимости.

В качестве самой перспективной гносеологической программы античности выступила программа Платона, имеющая целью построение жестко иерархической структуры понятий в мире идей. Несмотря на очевидный крах этой установки, очевидный даже для самого Платона, сама программа стимулировала создание и развитие логики понятий, легла в основу многих философских систем, в том числе неоплатонизма и августицианства. Эта программа является частью даже современного мировоззренческого пространства.

Становящееся естествознание генерировало собственные познавательные программы. Первой естественнонаучной программой стала физическая программа. Ее цель состояла и состоит в изучении материальной структуры мира и построении на этом основании физической картины мира, а также более общей категориальной картины. Основным конкретным предметом изучения физики является движение материальных объектов, в первую очередь, механическое движение. На каждом этапе своего существования физика успешно решала и решает свои основные задачи, связанные со строением вещества и движением. С этой целью в общую программу развития физического знания входит целый ряд неосновных, производных, дополнительных, вспомогательных, инструментальных для физики программ. Одной из таких программ является физическая программа постижения времени. Физика стала первой научной дисциплиной, всерьез обратившей внимание на время. С другой стороны, философия также постепенно формирует собственную программу постижения времени: категория времени входит во все античные списки категорий, дилемма познавательных подходов Гераклита и Парменида связана с различием в их понимании именно времени и т.д. Это связано с особым статусом времени для человеческого бытия. Собственно, человеческое существование протекает на пространственно-временном фоне. Обе эти программы – физическая и философская – хорошо прослеживаются в общественном сознании до настоящего времени, именно они представляют собой проблемное поле для научного изучения времени, именно на их основе создано представление о реальном времени, о геометризованном времени, о метрике времени, о течении времени и его необратимости, которое принципиально для человеческого существования. Представление о реальном времени первоначально формируется в рамках мифологического мышления, следовательно, можно говорить о программе постижения времени в мифологии. Реальное время, зафиксированное мифологической программой, является тем объектом, из которого появляется собственно научная проблематика, с этим же представлением о времени сравниваются результаты научных исследований этого феномена. Физика не могла пройти мимо такого явления, тем более, что основной предмет становящейся физики – механическое движение – изучается с помощью пространственно-временных параметров. Однако достижения физики в изучении природы времени оказались очень скромными, иными словами, физика не справилась с постижением природы времени. Причинами этой неудачи являются следующие факторы:

1. Изучение времени приводит к появлению парадоксов;
2. Не совсем ясно, что за объект, скрывается под этим именем;
3. К изучению времени хорошо применима теорема Геделя о невозможности изучения объекта, средствами, существенно связанными с самим объектом;

Философская программа постижения времени разработала собственную методологию его познания. Логика стала необходимой частью такой философской методологии. Временная логика является частью логики, предмет исследования которой относится ко времени и к оновременным высказываниям. Теоретические источники временной логики восходят к античности. Аристотель, который во всех своих логических сочинениях стоит на позиции постоянности истинностного значения высказываний, в трактате «Об истолковании» отходит от этой точки зрения при анализе будущих случайных событий. В частности он утверждает, что тезис об истинности или ложности любого утверждения не распространяется на утверждения о будущих событиях, если они не являются необходимыми. В качестве примера Аристотель привел утверждение о морском сражении, которое Я.Лукаевич назвал «аристотелевским парадоксом»¹. На основании этого делается вывод о том, что Аристотель допускал изменение истинностного значения некоторых высказы-

¹ Лукаевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., 1959. – С.214-221.

ваний с течением времени. Собственно говоря, вся будущая проблематика временной логики заключена в 9 главе трактата «Об истолковании» и ориентирована на следующий конкретный пример Аристотеля: «Я имею в виду, например, что завтра морское сражение необходимо будет или не будет, но это не значит, что завтра морское сражение необходимо будет или что оно необходимо не произойдет; необходимо только то, что оно произойдет или не произойдет»². Это рассуждение в силу своей многозначности носит еще название «фаталистического аргумента»³. Второе указание на интерес античных логиков к логической проблеме времени можно найти в деятельности представителей т.н. стоическо-мегарской школы. Во-первых, мегарские логики, самым видным представителем которых был Диодор Кронос, интересовались проблемами овремененных высказываний и дали временное определение логического следования: «из p следует q » означало у них то, что никогда не было такого момента времени t , когда p было истинным, а q одновременно с этим ложно. Во-вторых, они объединили модальную логику с логикой временной, предложив временные определения модальностей. Так, возможное – это то, что есть или будет истинным, необходимое – то, что есть истинное и никогда не будет ложным. Именно эти две области исследований изучались средневековой и новоевропейской логикой, именно из них в середине XX века выросла временная логика.

Появление в середине XX века временной логики явилось следствием целого ряда обстоятельств. Самым важным из них является интерес к проблеме времени, связанный с созданием теории относительности и квантовой механики. Второе обстоятельство связано с возникновением в конце XIX века математической логики, ставшей результатом объединения формальной логики и математики, до этого в силу определенных причин практически не связанных. Математика и привнесла в логику проблему обоснования математики, в ходе решения которой возникает неклассическая модальная и временная логика.

Проблема обоснования математического знания сводится к решению двух вопросов, а именно, к обоснованию строгости (законченности) математических доказательств и к обоснованию непротиворечивости математических теорий, составляющих фундамент математической теории (арифметики и теории множеств).

На первый вопрос трудно дать положительный ответ. Проблема заключается в том, что рассуждение, доказывающее строгость какого-либо доказательства, само должно быть обосновано с своей строгости и т.д. Кроме того, существует убедительное представление о принципиальной нестрогости любого математического доказательства, приведенное Лакатосом. Ответ на второй вопрос также имеет свои сложности. Эта проблема была поставлена под влиянием парадоксов, обнаружившихся в теории множеств и математической логике в начале XX века. Парадоксы поставили перед математиками две задачи. Первая из них состояла в том, чтобы найти общие причины этого явления и указать минимальные ограничения для логики математических рассуждений, которые были бы достаточны для устранения парадоксов. Первая задача была решена Расселом и Цермело, которые сформулировали необходимые ограничения для аксиом логики и теории множеств, устранившие все известные парадоксы. Кроме того, Расселом была создана теория типов. Однако все же было не совсем ясно, устраняют ли эти ограничения любые парадоксы. Вторая, более широкая задача состояла в том, чтобы сформулировать общие требования к математической теории, гарантирующие ее непротиворечивость.

В начале XX века были намечены три программы обоснования математики: логицизм, интуиционизм и формализм.

Логицизм – был сформулирован немецким математиком и философом Г.Фреге еще до появления парадоксов. Суть программы состояла в сведении понятий математики к понятиям логики. Классическая же логика считается непротиворечивой. Рассел и Уайтхед в своем классическом труде «Principia mathematica» 1910-1913 гг. предприняли попытку сведения основных математических теорий к логике при условии истинности аксиомы выбора и аксиомы бесконечности. Однако в 1931 г. К.Гедель в статье «О неразрешимых предложениях «ПМ» и родственных систем» сделал вывод о том, что почти все математические теории, включая арифметику, если допустить их непротиворечивость, являются неполными.

² Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.2. М., «Мысль», 1978. – С.102.

³ Карпенко А.С. Логика Лукасевича и простые числа. М.: 2007. – 256 с.

Неполнота теории означает, что существует такой объект, относительно которого нельзя сказать, истинен он или ложен. Отсюда следует, что элементарные логические исчисления, удовлетворяющие требованию полноты, в принципе недостаточны для адекватного представления арифметики и более сложных математических систем, не обладающих свойством полноты. Все это доказало бесперспективность программы.

Интуиционизм был сформулирован Л.Бауэром, который ставил задачу редукции математики к исходным представлениям арифметики. При этом из логики математического рассуждения исключался закон исключенного третьего и актуального бесконечного множества. В качестве правильных и строгих принимались только конструктивные рассуждения, которые связывали любое утвердительное суждение об объекте с его предъявлением в качестве конструкции. Многие считали, что конструктивная математика не может содержать противоречий, если бы удалось свести к арифметике достаточно широкую область математики, то вопрос о ее обосновании был бы решен. Однако этого сделать не удалось. Были построены интуиционистский анализ и интуиционистская теория множеств, но эта деятельность уже не решала проблемы обоснования классической математики. Программа оказалась несостоятельной вследствие своей узости.

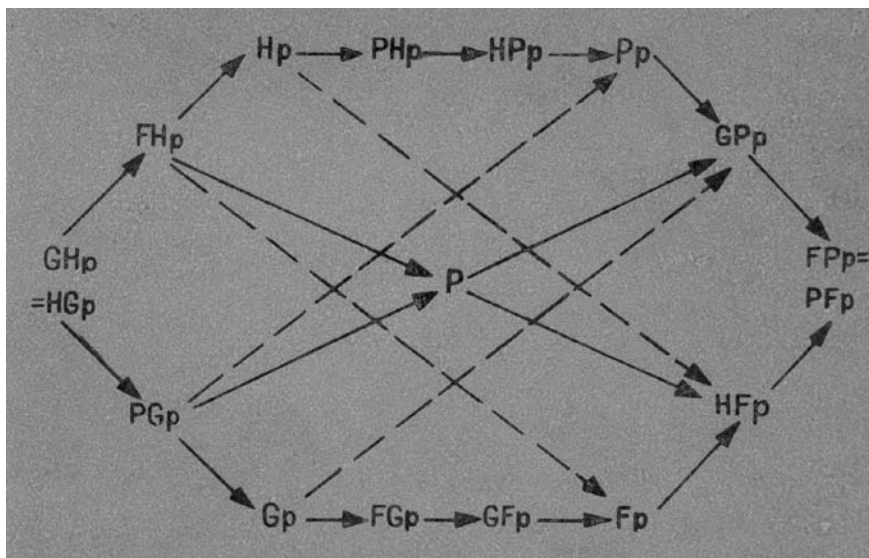
Формализм был предложен Д.Гильбертом. Он взял у логицистов понятие строгой аксиоматизации и формализации теории, у Брауэра – скептическое отношение к закону исключенного третьего для бесконечного множества. Гильберт выдвинул принцип финитизма, согласно которому оперирование с бесконечным может быть сделано надежным только через конечное. Процедура обоснования математики предполагает полную формализацию теории, представление ее в виде не имеющих содержания строчек формул, с которыми можно формально манипулировать. Такая формализованная теория предполагает содержательную метатеорию, которая включает в себя описание структуры формализма, общие принципы логики и специальные правила преобразования. Метатеория должна быть достаточной для строгого обоснования непротиворечивости формализма. Таким образом, специфика подхода состоит в том, что заключение о непротиворечивости реальной математической теории предполагается вывести из непротиворечивости ее формализованного аналога. Успех формалистского обоснования должен был быть обеспечен надежностью метатеоретического доказательства. Как известно, программа Гильберта была поставлена под сомнение другой теоремой того же Геделя. Согласно этой теореме, доказательство непротиворечивости теории не может быть получено средствами, формализованными в самой теории. Иными словами, нельзя доказать непротиворечивость арифметики, не прибегая к средствам, выходящим за ее пределы. А это противоречит замыслу Гильберта.

В результате многочисленные попытки решения проблемы обоснования математики ничем не завершились ни в положительном, ни в отрицательном смысле, ибо традиционные программы ее решения провалились. Однако они стали катализатором для создания целого класса логических исследований и привели к возникновению неклассической логики – многозначной, модальной и временной логики. В 1918 г. американский логик К.И.Льюис предложил первую систему модальной логики, т.н. систему S_3 , он же позднее построил и остальные 5 систем модальной логики. В 1920 г. Я.Лукаевич построил первую систему 3-значной логики. Развитие модальной логики, т.е. формализация понятий необходимости, возможности и случайности, естественным образом вело к созданию исчисления грамматических времен, имеющих четкие аналогии с модальностями. Сама семантика модальных систем, построенная Р.Карнапом⁴ и получившая название семантики возможных миров, как нельзя лучше подходила для формализации времени в качестве оператора модальных высказываний. В 1957 г. выходит первая серьезная книга Артура Прайора «Время и модальность», написанная на основе лекций, прочитанных автором в Оксфорде в 1956 г., в 1967 г. выходит его вторая книга по данной теме «Прошлое, необходимое и будущее»⁵. Одним из самых любопытных и наглядных результатов Прайора оказалась теорема пятнадцати грамматических времен, в которой доказывается, что

⁴ Карнап Р. Значение и необходимость. М.: 1959. – С.38-39.

⁵ Караваев Э.Ф. Основания временной логики. Л., 1983. – 177 с.: содержит наиболее полную информацию о произведениях А.Прайора.

любая сколь угодно длинная последовательность временных операторов F, G, P, H может быть сведена к одной из пятнадцати исходных последовательностей, состоящей всего из двух временных операторов.

Наиболее значимыми результатами, полученными временной логикой, можно считать создание специализированного языка временной логики и строгое определение ряда временных понятий, таких как однородность, симметричность и транзитивность временного потока, постулатов плотности, непрерывности и дискретности времени, его конечности и бесконечности. Эти строгие формулировки ведущих временных понятий получили применение в науке и философии при исследовании временной проблематики.

Итак, логико-временной подход действительно может быть использован для более точной формулировки целого ряда проблем, связанных со временем в целом. Временная логика применяется для уточнения проблематики статической и динамической концепций времени, для которых главным является вопрос о наличии различий онтологического типа в существовании событий прошлого, настоящего и будущего времени. Существуют различные типы существования событий во времени, установление которых является переформулировкой вопроса о том, чем бытие событий настоящего времени отличается от бытия событий прошлого и будущего. А, может быть, они ничем не отличаются, согласно установке статической концепции времени. Типы временного существования являются реальными онтологическими предпосылками, которые принимаются в научных теориях вне зависимости от того, осознаются они или нет на эпистемологическом уровне, существенны. Типы существования во времени и само время характеризуется с помощью особого инструмента, которым является шкала времени. Существуют различные типы шкал, применяемых в различных науках, и временные шкалы, используемые для упорядочивания времени. Типы временного существования обуславливают порядковые особенности той или иной шкалы. Можно предположить, что сам тип временной шкалы меняется в зависимости от предметной области и применяемых методов изучения времени. Как соотносятся понятия времени, шкалы времени и часов? Ответ на этот вопрос можно представить следующим образом.

Шкалой обычно называют конечное линейно упорядоченное множество значений измеряемой величины. Использование элементов логического языка позволяет более строго определить это понятие.

Шкала есть четвёрка объектов $\langle U, R, \Gamma, \Delta \rangle$, где U – непустое множество, R – непустое отношение частичного порядка на U , Γ – множество (возможно пустое) имён некоторых элементов из U и Δ – множество (возможно пустое) имён некоторых связанных подмножеств U . Подмножество V множества U связано, если

$$\forall x \forall y \forall z ((x \in V \& y \in V \& x R y \& x R z \& z R y) \rightarrow z \in V).$$

R есть отношение *частичного порядка*, если оно *антирефлексивно* и *транзитивно*, т.е.

$$\forall x \neg(x R x) \text{ и } \forall x \forall y \forall z ((x R y \ \& \ y R z) \rightarrow x R z).$$

Кванторы $\forall$ и $\exists$ действуют на множестве U .

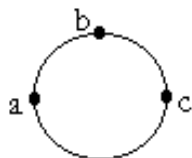
Зачастую отношение *частичного порядка* определяют иначе, сохраняя аксиому транзитивности, но вместо антирефлексивности принимая аксиомы *рефлексивности* и *антисимметричности*:

$$\forall x(x R x) \text{ и } \forall x \forall y((x R y \ \& \ y R x) \rightarrow x = y).$$

По сути, это равноценные определения. Но есть и различия. Так, требование непустоты отношения R на синглетоне (одноэлементном множестве) $U = \{\alpha\}$ в первом случае выполнить невозможно, тогда как во втором случае окажется $R = \{<\alpha, \alpha>\}$, т.е. $R \neq \emptyset$. Вряд ли шкала может представлять собой одноэлементное множество. Для осуществления акта измерения на шкале должно иметься, как минимум, два значения. Ведь шкала призвана обеспечивать возможность что-то различать. Поэтому первое определение *частичного порядка* более естественно для наших целей. Наиболее известным примером повседневно применяемой шкалы является шкала медицинского термометра, измеряющего температуру тела человека.

Применительно ко времени используются шкалы разных типов. Широкое распространение получила шкала, в которой U есть множество действительных чисел, а R – линейный порядок на этом множестве. Часто к этой шкале добавляют Γ , содержащее цифры: имена целых и рациональных, а также некоторых иррациональных чисел (π , e и т.д.) из U . В любом случае в такой шкале нечего брать в качестве Δ , которое остается поэтому пустым. Но не все приборы, измеряющие время, имеют шкалу. Так циферблат часов шкалой не является, т.к. его элементы расположены по окружности и, тем самым, не образуют отношение порядка (и поэтому нельзя дать ответ на существенный вопрос о том, где же раньше побывала стрелка: на цифре «3» или на цифре «9»).

Подход к изучению времени с помощью понятия шкалы позволяет легко разобраться с концепцией т.н. мифологического времени, характеристическим свойством которого объявлена цикличность⁶. Мифологические события не просто следуют одно за другим, а повторяются вновь и вновь. В некоторых мифах творение мира происходит неоднократно. При этом буквально воспроизводится последовательность мировых событий, вплоть до очередной гибели мира. Так, М.Элиаде проводит различие между бесконечным циклическим временем, когда ряд событий повторяется бесконечное число раз, и ограниченным циклическим временем, когда число повторов конечно (например, золотой век может возвратиться почему-то лишь однажды)⁷. Парадоксальным образом, циклическое время, помимо мифов, встречается в современных физических теориях. Так, в 1949 г. К.Гёдель получил космологическую модель, в которой некоторые времениподобные линии оказались замкнутыми⁸.

Все это очень увлекательно, однако ценой принятия концепции циклического времени является отказ от отношения «раньше, чем» как порядкового отношения, и цена эта слишком велика. Примирить идеи цикла и порядка логически невозможно. Либо время как цикл, либо время как порядок, но не то и другое вместе. Если время изобразить при помощи замкнутой линии, как на рисунке, то сказать, какое из событий a , b , c произошло раньше, нельзя в принципе. Если о событиях известно лишь

то, что одно произошло в 3 часа, другое в 9, а третье в 12 часов, но неизвестно, произошли ли они в один и тот же день, то ничего о временной последовательности этих событий сказать невозможно. Проблема в том, можно ли вообще использовать по сути пространственную структуру – линию – для моделирования времени и построения соответствующей модели шкалы. На самом деле это можно делать только тогда, когда точки линии упорядочены (как на отрезке или интервале прямой, т.е. на линии). Но точки окружности уже не упо-

⁶ Элиаде М. Космос и история. М., 1987. – 312 с.

⁷ Элиаде М. Космос и история. М., 1987. – С.107.

⁸ Gödel K. An Example of a New Type of Cosmological Solutions of Einstein's Equations of Gravitation. "Reviews of Modern Physics", Vol. XXI, 1949.

рядочены, т.к. для них не выполняются приведенные аксиомы частичного порядка. Упомянутый результат К.Гёделя приходится оценивать как математический артефакт, открытый в геометрической теории, без должных оснований отождествляющей линию и время.

Итак, время либо упорядочивает, либо вообще не существует. Представляется разумным выбрать первую альтернативу, ибо она хорошо согласуется с нашими интуитивными представлениями о времени, а также с анализом времени в многовековой философской традиции, поколебать которую модные физические теории (или философские аргументы, типа парадокса Мак-Таггарта) не в состоянии постольку, поскольку они повествуют вовсе не о времени, а о часах, возрасте и прочих подобных вещах. Эти объекты имеют отношение ко времени, однако их не надо смешивать с самим временем, его моделированием и измерением. Каково же соотношение времени и часов, которые используются для измерения времени? Измеряют ли часы время?

В контексте рассмотрения времени как шкалы этот вопрос требует уточнения. В основе любых часов лежит некоторый периодический процесс или цикл. Подсчитывая число циклов, прошедших между наступлением событий s_1 и s_2 , мы определяем количество прошедшего между этими событиями времени. В результате получаем некоторое целое число n . Ясно, что n не может быть отрицательным. Случай $n = 0$ соответствует одновременности событий s_1 и s_2 . Остаётся возможность $n > 0$. Теперь зададимся вопросом: какое из событий s_1 и s_2 произошло *раньше*? Небольшое размышление показывает, что использование часов для измерения не даёт ответа на вопрос, что произошло раньше, а что произошло позже. Всё, что мы вправе сказать – это то, что события s_1 и s_2 не одновременны, и что их разделяет n тактов часов. Ситуация оказывается полностью аналогичной измерению расстояний: вместо того, чтобы говорить о времени, мы могли бы сказать, что *расстояние* между объектами s_1 и s_2 равно n (см. рис.). Спрашивать, какой из объектов раньше – бессмысленно, даже если назвать объекты s_1 и s_2 событиями. Ведь расстояние между s_1 и s_2 не изменится, начинать ли измерять его от s_1 к s_2 или от s_2 к s_1 – всё равно получим n .

Более того, расстояние между двумя положениями стрелок часов на циферблате не обязательно пересчитывать на специфические (как думали раньше) единицы времени. Можно измерять путь, пройденный стрелками, в метрах. Ничего удивительного, что и в физических теориях измерение времени в метрах вполне допустимо и данному способу оценки временных интервалов в ряде случаев отдается предпочтение⁹.

Таким образом, на основании показаний часов нельзя осуществить выбор между отрезками $[s_1, s_2]$ и $[s_2, s_1]$. Что бы произошло в мире, если бы все страны приняли закон, согласно которому стрелки аналоговых часов должны идти в обратном направлении, а символы цифровых часов производить обратный отсчёт? – Да ничего, кроме неудобств, связанных с отказом от укоренившихся привычек. Все эти рассуждения и примеры показывают, что часы как особые разновидности периодических процессов¹⁰ действительно не упорядочивают события и, тем самым, не имеют шкал для измерения времени.

Другое дело, что на практике именно при помощи часов человек измеряет интервалы времени. На самом деле опять-таки на практике возникшее затруднение легко разрешается. Это связано с тем, что на практике любой человек заранее, *до* измерения при помощи часов, знает, какое из событий s_1 или s_2 случилось раньше. Стало быть, наряду с циферблатом часов, измеряющим неупорядоченные временные расстояния между событиями, мы располагаем ещё и настоящей *шкалой времени*, упорядочивающей события и не имеющей прямого отношения к часам. Пусть, например, в соответствии с этой шкалой s_2 *раньше*, чем s_1 . Что дают показания часов? – Всего лишь дополнительную (хотя и очень важную) информацию о том, что временное расстояние между s_2 и s_1 (или между s_1 и s_2 – безразлично) равно n .

Итак, время и его измерение с помощью часов представляют собой разные объекты исследования. Актуальность подобного подхода создает твердые основания для изучения времени не только физикой, интерес которой как раз и лежит в сфере часов и измеримости, и следовательно, создает частичные представления о времени. Современное научное

⁹ Тейлор Э., Уилер Дж. Физика пространства-времени. М., 1971. – С. 13.

¹⁰ Карнап Р. Философские основания физики. М., 1971. – 390 с.

сознание уже не удовлетворяется частичными представлениями о времени. Назрела необходимость предпринять попытку междисциплинарного синтеза, которая будет шагом вперёд в деле создания целостной концепции времени.

Новым здесь является сам подход к пониманию сути феномена времени. Проблема темпоральности рассматривается не как подлежащая изучению средствами одной науки (пусть даже такой авторитетной, как физика), а как междисциплинарная область исследований, которая должна реализовываться с помощью различных программ изучения времени, одной из которых и является логическая программа изучения свойств этого столь загадочного, и столь значимого для человечества объекта.

Список литературы

1. Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., 1959. – 312 с.
2. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.2. М., «Мысль», 1978. – 687 с.
3. Карпенко А.С. Логика Лукасевича и простые числа. М.: 2007. – 256 с.
4. Карнап Р. Значение и необходимость. М.: 1959. – 382 с.
5. Караваев Э.Ф. Основания временной логики. Л., 1983. – 177 с.
6. Элиаде М. Космос и история. М., 1987. – 312 с.
7. Gödel K. An Example of a New Type of Cosmological Solutions of Einstein's Equations of Gravitation. "Reviews of Modern Physics", Vol. XXI, 1949.
8. Тейлор Э., Уилер Дж. Физика пространства-времени. М., 1971. – 318 с.
9. Карнап Р. Философские основания физики. М., 1971. – 390 с.

LOGICAL PROGRAM FOR STUDYING THE PROPERTIES OF TIME

O.V. MALYUKOVA

**Moscow State University
of Engineering Ecology**

Modern scientific mind is no longer satisfied with partial views of the time. There is a need for an interdisciplinary synthesis attempt, which would be a step forward towards a holistic concept of time. This paper proposes a new approach to understanding the phenomenon of time. The problem is not considered to be the object of examination by means of a single science (even if such authoritative Physics), but as an interdisciplinary research field that must be implemented by many different programs. One of these is the logical program study properties of this so mysterious, so important for humanity object, such as the time.

Key words: the phenomenon of time, temporal logic, properties of time, measuring time.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 130.2

ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС И ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Т. И. ЛИПИЧ*Белгородский
государственный
университет***e-mail: lipich@bsu.edu.ru**

В статье рассматривается взаимодействие литературы и философии на разных этапах развития русской культуры, а также изменение их роли в обществе. Анализируется процесс становления русского литературно-философского дискурса. Любые культурно-коммуникативные практики можно определить как диалог культур в самом широком смысле слова.

Ключевые слова: философия, литература, дискурс, диалог культур.

В современном гуманитарном знании приобретает особый интерес проблема специфики литературно-философского дискурса: метафоричности философского языка и поэтичности всякого мышления. В связи с этим, возрастает актуальность научной разработки вопросов, связанных с выявлением, описанием и объяснением различных форм взаимодействия философии и литературы на самых разных этапах развития культуры.

Необходимо отметить, что в современной научной литературе нет сколь-нибудь удовлетворительной концепции взаимоотношения философии и художественной литературы. Поэтому осмысление этих взаимоотношений, выяснение контекстов, в которых происходило такое взаимодействие, приобретает особый характер и особый смысл. Историки философии создают в своих трудах перспективу развития философской мысли, анализируют философские концепты, контексты и дискурсы данной эпохи, историки литературы изучают особенности литературного процесса и особенности становления литературных текстов, контекстов и дискурсов. Вместе с тем, каждая такая эпоха имеет весьма сложную контекстную и дискурсную картину взаимодействия философии и литературы.

М.К. Мамардашвили, характеризуя русскую литературу XIX века, говорил, что она совершила «попытку родить целую страну из слов, из смыслов, из правды»¹. Насколько удачной была эта попытка? Действительно, литература выполняла в России важную мировоззренческую, методологическую, общественно-историческую функцию. Она воздействовала на сознание общества, расшатывала старые устои, подводила русскую мысль к осознанию необходимости построения своей собственной философии, т.е. обращению к «вечным» и «проклятым» вопросам мироздания, а также разгадке тайны человека, загадки его судьбы. Кожин в свое время писал о том, что Пушкин и его соратники в Рос-

---

¹ Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1990. – С. 187.

сии решили те самые задачи, которые выполнила на Западе ренессансная литература: они способствовали утверждению национального самосознания, освоению и осмыслению национального бытия народа, а также художественному «закреплению» суверенной личности, созданию литературного языка и классического национального стиля и т.п.

Отношения, возникающие между философией и литературой, показывают, что философия не вытесняет литературу, а литература не стремится заменить собой философию. Они обе нуждаются друг в друге, общаются и ведут диалог, действуют по принципу взаимодополняемости. Более того, мы считаем, что этот диалог является источником саморазвития, как литературы, так и философии, и в конечном итоге, русской культуры. Конечно, философия, выполняющая роль мировоззрения, может оказывать воздействие на литературу, на искусство, делая его более интеллектуальным, в этом случае искусство выполняет роль распространителя философских идей. Но с другой стороны, философский текст, участвующий в этом диалоге стремится к литературно-поэтическому выражению, т.е. философия соединяется с художественными формами слова для того, чтобы более глубоко и разнообразнее выразить бытие человека, его внутренний мир. О таком глубоком согласии философии и литературы писал ряд исследователей. Так, С.Л. Франк отмечал: «Поэтому между художником и мыслителем существует органическое духовное сродство, в силу которого все подлинное и великие предшественники каждой из этих форм творчества не только как личности, в большей или меньшей степени, сочетают в себе оба духовных начала, но и имеют в себе именно их внутреннее единство, ибо оба рода творчества истекают в конечном итоге из одного источника, разветвлениями которого они являются»².

Известно, что поэтическое мышление всегда выступает в виде некой рефлексии. Но если филология исследует систему художественности поэзии, то философия старается проанализировать само мышление поэта, его самосознание, его отношение к действительности. Г. Гейне еще в 1828 году высказал мысль о том, что философствование не только не враждебно духу литературы, но и является её необходимым элементом, и что художественность только тогда становится подлинной, когда опирается на глубокий анализ действительности.³ В России эту мысль высказал В. Белинский, который считал, что поэтическое произведение по своему содержанию то же, что и философский трактат. При этом поэзию он понимал как «мышление в образах». Тем самым, Белинский выражал потребность осмысления действительности в художественной форме. Такая потребность порождалась эпохой, тем контекстом, в котором происходила философизация русской классической литературы XIX века. Таким образом, вопрос о соотношении философии и литературы, их диалоге не имеет на сегодняшний день окончательного решения. Новые подходы открывают новые возможности в решении этой неоднозначной проблемы.

Что касается современных российских исследователей, то они много размышляют и спорят о соотношении философии и литературы. Например, процесс взаимодействия художественной литературы и философии рассматривают в своих работах А.В. Гулыга, Л.Я. Гинзбург, А.Э. Еремеев, Е.А. Маймин, Ю. Манн, Г. Менде, А.С. Колесников, М.С. Розанова, Л.А. Ходанен, М.С. Штерн и др.⁴ О философском начале в литературе рассуждает А.Э. Еремеев. Он определяет «философичность» как «стремление к общему» через индивидуальное, что порождает качественно нового героя, в котором сосредотачиваются все основные идеи автора. Внутренние связи в литературе носят художественный, а не логический характер. Поэтому, делает вывод Еремеев, философичность русской литературы воплощается не только в идеях, проблемах, но и в специфике художественной формы, в своеобразии жанра, сюжета, повествования. В качестве источников «филосо-

² Франк С.Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. – С. 315.

³ Гейне Г. Собр. соч. Т. 5. М., 1958. – С. 148 – 149.

⁴ См.: Философия и литература: современный дискурс // История философии, культура и мировоззрение. К 60-летию профессора А.С. Колесникова. Серия «Мыслители», выпуск 3. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С.8 – 36.; Розанова М.С. Философия и литература: сравнение европейской и американской традиции. Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб., 2003. – С. 99 – 103; Маймин Е.А. Русская философская поэзия. М., 1976. С. 185 – 189.; Менде Г. Мировая литература и философия. М., 1969.; Гулыга А.В. Искусство в век науки. М., 1978. – С. 34 – 49.

личности» литературы он выделяет синтетический характер художественной деятельности, в которой соединяется духовное и практическое, сознание и бытие⁵. А.С. Колесников, исследуя особенности современного развития художественной литературы, считает, что в XX веке философия соединяется с художественными формами слова для того, чтобы глубже и разностороннее выразить бытие человека. Но вместе с тем, резюмирует он, это не мешает философии и литературе по-своему отражать и осваивать мир⁶. Также он обосновывает вывод о том, что проблема места и роли художественной литературы в истории философии, начиная с эпохи романтизма, начинает пронизывать собой все гуманитарное самосознание европейской культуры, отражая происходящие в ней перемены.

На наш взгляд, совершенно верная мысль о том, что именно романтизм на основе решения проблемы человека способствовал сближению философских идей и художественных образов, а также сближению философа с художником и побуждал последнего философствовать. Также большое внимание уделяя художественной литературе и представителю отечественной религиозной философии, в работах которых подчеркивается ее органическая духовная связь с философией⁷. Но вместе с тем, справедливо отмечает исследователь этой проблемы А. В. Песоцкий⁸, к сожалению, обращение к феномену литературы в философских трудах фрагментарны и не имеют концептуального характера.

Необходимо также отметить, что философия, и литература способствуют формированию духовного облика нации, содействуют её нравственному воспитанию, ставят перед собой и перед обществом вопросы, на которые ищут совместные ответы. Таким образом, литература и философия как формы национального самосознания возникают тогда, когда народ начинает ощущать потребность в осознании самого себя, своего места в мире, когда совершаются радикальные изменения в мышлении, способствующие развитию разнообразных сфер общества. Поэтому прямые и косвенные литературно-философские диалогические отношения способствуют духовному единению и консолидации нации. Разнообразные по форме философские сочинения, как теоретические, так и поэтические, в равной мере отвечают на запросы жизни и отражают главные национальные потребности, среди которых основной является – освобождение человека, раскрепощение личности. Говоря словами современного поэта, «поэт в России больше, чем поэт». Диалог философии и литературы порождает в определенном историческом контексте своеобразный литературно-философский дискурс, который оказывает определенное влияние на развитие в целом культур.

В современной гуманитарной науке не выработано понятие литературно-философского дискурса, которое, как нам думается, способно более полно отразить картину диалога философии и литературы, который особенно отчетливо проявился в романтизме. Именно такое положение дел вызвало к жизни современное осмысление этого процесса через понятие дискурс, контекст, которые в свою очередь актуализируют понятия речь, язык, текст.

В современном гуманитарном знании исследование дискурса и дискурс-анализа происходит на стыке лингвистики, социологии, психологии, литературоведения и философии. Мы не ставим целью исследование истории становления этих понятий. Достаточно подробно эта проблема рассмотрена в ряде исследований, в том числе и в рамках бел-

⁵ См.: Еремеев А.Э. Русская философская проза (1820 – 1830-е годы). Томск: Изд-во Том. ун-та. 1989. Еремеев А.Э. К вопросу о философской прозе в русской литературе 1820 – 1830-х годов / проблемы метода и жанра. Сб. ст. Вып. 10. Томск: Изд-во Том. ун-та. – С.84 – 98.

⁶ См.: Философия и литература: современный дискурс // История философии, культура и мировоззрение. К 60-летию профессора А.С. Колесникова. Серия «Мыслители», выпуск 3. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С.8 – 36.

⁷ См.: Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского. Сочинения в двух томах, т.2, М., Мысль, 1988. – С. 290-323; Общий смысл искусства. Издательство: Вира-М, 2009.; Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского. Русская мысль. 1918. – Кн. III – IV; Булгаков С.Н. «Иван Карамазов как философский тип» // «Вопросы философии и психологии», 1902. – Кн. 1; Лосский Н.О. История русской философии. Пер. с англ. – М.: Советский писатель, 1991. – 480 с.; В. В. Розанов, «Легенда о Великом Инквизиторе» Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария», СПб., 1894.

⁸ См. Песоцкий А. В. Художественная литература как социальное явление и предмет философского анализа. Автореф. диссер. на соискание уч. ст. докт. филос. наук. / А. В. Песоцкий. – М., 2009. – С. 19.

городской философской школы, в которой эта проблематика рассмотрена достаточно полно. Мы опираемся на неё в нашем исследовании⁹. В связи с этим, нам близка точка зрения В.П. Римского, который в ряде своих работ поднимает проблемы соотношения речи, языка, текста и дискурса. В его понимании «дискурс – это особая система смыслов, связанных с культурной ментальностью и идеологией той или иной эпохи, которая выражена в самых разнообразных языках (текстах, языково-семантических формах), обладающих связанностью и целостностью и погруженных в речевые и культурно-коммуникативные практики, в жизнедеятельность конкретного человека, в социокультурные, иррационально-психологические и другие контексты, то есть в экзистенциальный пласт бытия»¹⁰. Исходя из этого определения, можно сделать вывод, что литературно-философские концепты в текстах романтиков, как немецких, так и русских, создавались в определенных контекстах, которые играли огромную роль в интерпретации этих текстов, то есть, любое высказывание или текст вне контекста приобретали у них абстрактный характер, а благодаря интерпретации в определенной системе мнений и знаний о мире, они становились конкретными. Благодаря контексту романтический текст принимал определенный смысл. Поэтому для анализа философско-литературных текстов романтиков важно было понимать контекст, в котором создавались эти произведения, и еще шире, дискурс, так как он немислим вне текста и контекста, а контекст остается безгласным и бесчеловечным вне дискурса и текста, как отмечал И.Т. Касавин¹¹.

Любой дискурс вырабатывает определенные концепты, которыми он оперирует, и поэтому необходимо уточнить понятие концепт. Мы считаем, что концепт предельно субъектен и субъективен, но в то же время он выражается в конкретном языке и включает в себя авторские экзистенциальные контексты, которые уже в дискурсе в результате диалога с Другим, наполняются новыми смыслами и становятся общезначимыми. В этом случае, закрепляясь в текстах, они отражаются в национально и исторически определенных дискурсных, культурно-коммуникативных практиках, где и происходит своеобразное формально-логическое осмысление, опредмечивание этих концептов и переход их в понятия, лишённые авторских экзистенциальных смыслов и контекстов. Но в реальной жизни человек мыслит не понятиями, а концептами, в которых закреплены объективно-мыслительные схемы и категории культуры. Эти схемы и категории культуры, погруженные в дискурс, в коммуникативно-речевые практики, человек старается распрямить, наполнить экзистенциальными смыслами. В современной гуманитаристике существует огромное количество определений концепта, мы не будем изобретать еще одно, и поэтому согласимся с его пониманием В.П. Римским, который считает, что концепт – это недоформализованная, образно-схематическая речемыслительная конструкция, нагруженная экзистенциальными смыслами. Философские и литературные концепты всегда связаны с текстами и контекстами определенной исторической эпохи, а также и с людьми, эти тексты создающими. И литераторы, и философы обращаются к образам, как конкретным представлениям в их чувственном облике, но в то же время этого бывает недостаточно, и они ищут некие общие свойства исследуемых образов. Появляются так называемые смысло-образы. В качестве примера можно привести концепты-смыслообразы, которые формировались в литературно-философском дискурсе романтиков: время, мир, хаос, вечность, смерть, бытие, ночь, день и т.д. В них соединялась чувственность и абстрактность, схватывание и овладение реальностью предметного мира. Придание этому миру экзистенциального смысла у каждого автора уникально и неповторимо.

В свою очередь, понимание смысла, его интерпретация связаны с переводом высказывания на иной язык, то есть с его перекодировкой, связанной с творческим овладе-

⁹ См.: Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка – М., 2008. – С. 351-362; Е.А. Кожемякин. Концептуально-методологическое обоснование дискурсивной формы бытия культуры: Дис. ... д-ра филос. н. по спец. 24.00.01 – Теория и история культуры. – Белгород, 2009; Е.А. Кротков. Дискурсивная модель научной рациональности: уч. пос. для преподавателей, аспирантов и соискателей. – Белгород, 2009; и др.

¹⁰ Мельник Ю.М., Римский В.П. Экзистенциальное время: категория, понятие или концепт? // Научные Ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право. №16 (71). 2009. Вып. 10. – С. 34.

¹¹ Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка – М., 2008. – С. 29.

нием текстом или произведением. Поэтому интерпретация и переинтерпретация текстов связана с готовностью толкователя привнести некие свои субъективные смыслы. Смысл сопряжен с представлением о всеобщности, о первоначале бытия, о его глубинной сущности. Смысл – это не только то, что вложил в него автор текста, но и то, что из него извлек толкователь. Следовательно, важно учитывать контексты, в которых создавались эти смыслы, и в которых они читались и толковались. Поэтому произведения, включенные в контексты и культурно-коммуникативные практики, то есть в определенные дискурсы, содержат в себе множество смыслов. Благодаря этому они оказываются способными видоизменяться, обогащаться в различных контекстах восприятия. Смысл дискурса зависит от смыслов литературно-философских текстов. Это же относится и к созданию так называемых «вторичных текстов», которые выступают продуктами текстуального дискурса. В русской культуре на основе осмысления определенных литературно-философских текстов немецких романтиков, идет их своеобразная переинтерпретация и создание «вторичных текстов», например, тексты Любомира, русских романтиков. На основании этого дискурс способствует тому, что один текст может выступать контекстом другого, а также придавать смысл тексту и окружающему миру. Это является общим и для литературного, и для философского дискурсов, так как понимание сути предметов, и в целом мира, связано с интуитивным их постижением, и с интерпретацией, где интуитивное знание переоформляется в рациональное. Образуется так называемый интерпретативный дискурс в ситуации понимания в литературе и философии и шире, в межкультурном взаимодействии, в диалоге культур.

Литература и философия ставят проблемы, которые не могут быть решены однозначно, и они обращаются к общим мировоззренческим темам, но философский дискурс требует более теоретического выражения. Он предельно широк и, охватывая все другие дискурсы, способствует их пониманию. Благодаря этому проблематизируется контекст, а это в свою очередь дает возможность увидеть текст во всей сложности и глубине, а также трансформации частного в общее. В свое время Гегель высказывал опасения, которые не оправдались, что в искусстве происходит разложение художественного творчества, которое постепенно переходит в философскую рефлексию¹². Но с другой стороны, Г.Г. Шпет отмечал, что литература – «это материализация самосознания», «память духа о самой себе»¹³.

Исходя из этого, можно предложить следующее определение: литературно-философский дискурс – это сложное, исторически и идеологически обусловленное, культурно-коммуникативное явление, порождающее систему литературно-эстетических и литературно-философских текстов, обладающих связанностью и целесообразностью, в которых соединены принципы художественного и философского познания и осмысления мира и человека в различных языковых и коммуникативных практиках.

Любые культурно-коммуникативные практики можно определить как диалог культур в самом широком смысле слова. Поэтому можно утверждать, что литературно-философский дискурс по своей природе диалогичен, так как в эти диалогические отношения, складывающиеся в коммуникативных практиках, вовлекаются высказывания и тексты, которые могут оказывать как непосредственное, так и опосредованное воздействие на эти отношения. М.М. Бахтин писал: «Нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и безграничное будущее)»¹⁴.

Поэтому многие современные философы конкретные проблемы общения, диалога и коммуникации связывают с межкультурным диалогом народов, стран, цивилизаций. В свое время И.Г. Гердер выделял взаимодействие культур как способ сохранения культурного многообразия и отмечал, что познание своей культуры, самих себя возможно через познание других культур, поскольку «ни один народ не достиг культуры сам по себе»¹⁵.

В философской литературе понятие диалога культур трактуется весьма широко. В XX веке идеи диалога вошли в ткань философского мышления и получили все большее распространение от этических и эстетических проблем у М. Бубера и М. Бахтина до ана-

¹² Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4 т. – Т.3. – С. 351.

¹³ Шпет Г.Г. Литература // Ученые записки / Тартуского ун-та. Вып. 576, 1982. – С. 152, 155.

¹⁴ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – С. 312.

¹⁵ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М., 1977. – С. 477.

лиза человеческого бытия, как «диалогической жизни», «диалогики» В. Библера и анализа внутреннего диалога, изучения диалогической природы человеческой речи.

При огромном количестве разнообразных смысловых наполнений, дающих понятие культуры, подходов к её изучению, нам близка позиция В.С. Библера, который определяет культуру как форму одновременного бытия и общения людей прошлых, настоящих и будущих культур¹⁶. Следовательно, культура – это общение. Анализ этой категории посвятили свои работы К. Ясперс, М.С. Каган, М.М. Бахтин и др. Например, М.М. Бахтин в своих работах утверждал, что культура – это форма общения людей разных культур. Она есть там, где есть как минимум две культуры, а самосознание культуры есть форма её бытия на грани с иной культурой. На этом основании культура рассматривается как механизм самодетерминации индивида. Общение, по Ясперсу, это отношения, возникающие «между двумя индивидами, которые связываются друг с другом, но должны сохранять свои различия, которые идут друг другу навстречу из уединенности, но знают об этой уединенности лишь постольку, поскольку они вступают в общение»¹⁷. В общении, в культурно-коммуникативных практиках стороны ищут точки соприкосновения, некие общие позиции, в результате борьба мнений переходит в диалог. В этом случае субъект относится к другому, как к субъекту.

Диалог культур предстает как наиболее яркая форма общения культур и как результат взаимного общения культур. Общение в рамках субъектно-объектных отношений можно назвать взаимодействием, которое характеризуется как всеобщая форма связи явлений, осуществляющаяся в их взаимном изменении. Некоторые исследователи выделяют партнерское взаимодействие-диалог, когда не происходит навязывание, а осуществляется взаимодействие двух и более культур¹⁸. Зеньковский В.В. выделяет понятие «влияние» в связи с отношениями Запада и России. Под этим понятием он подразумевает такие отношения, которые предполагают у обеих сторон, по меньшей мере, некую самостоятельность и оригинальность¹⁹. Что же касается понимания взаимовлияния, то это процесс воздействия друг на друга субъектов культуры или культур, которое вызывает обоюдные изменения. Культура по своей сути диалогична. Человечество с момента своего зарождения существует в рамках диалога. В.М. Межуев отмечает, что диалог возможен между людьми, которые находятся на одном уровне цивилизационного развития и связаны, кроме всего, некоей системой ценностей²⁰. Культура, общение культур есть общение индивидов как личностей, поэтому здесь важно признание самоценности всех сторон, участвующих в диалоге. В диалоге культур каждая культура реализует себя как отдельная, самобытная, неисчерпаемая в своей неповторимости культура²¹. Возможность диалога можно отметить только тогда, когда субъект начинает осознавать и выделять свою индивидуальность, свою самоидентификацию через связь с другими, через свою обусловленность другими. Рассматривая диалог как единственно возможную форму события людей, Бахтин справедливо утверждал: «Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты – с ними можно только диалогически общаться. Думать о них – значит говорить с ними»²². Диалог по Бахтину не есть просто общение, разговор, речевая деятельность – диалог есть взаимное самопознание и самоутверждение. Диалог понимается как единственно возможная форма события, существования «Мы» в «Они» и «Я» в «Другом».

Общение личностей в диалоге, в рамках определенного дискурса, происходит благодаря некоторой составляющей общения – тексту. М.М. Бахтин в «Эстетике словесного

¹⁶ Библер В.С. Культура. Диалог культур. Опыт определения // Вопросы философии, 1989. – № 6. – С. 31 – 42.

¹⁷ Ясперс К. Современная буржуазная философия. М., 1978. – С. 324 – 327.

¹⁸ Уразметов Т.З. Культура, история, диалог: соотношение понятий // Проблемы теории и истории культуры: исследования и материалы. – Оренбург, 2005.

¹⁹ см. Зеньковский В.В. История русской философии. – Академический проект, Раритет М., 2001., – С. 23 – 24.

²⁰ См. Межуев В.М. Диалог между цивилизациями как философская проблема // М.: МГУКИ, 2004.

²¹ Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в XXI век. – М., 1990. – С. 299.

²² Цит. по: Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в XXI век. – М., 1990. – С. 146 – 147.

творчества» писал, что человека можно изучать только через тексты, созданные или создаваемые им. Текст, по Бахтину, может быть представлен в разных формах: как живая речь человека; как речь, запечатленная на бумаге или любом другом носителе (плоскости); как любая знаковая система (иконографическая, непосредственно вещная, деятельностная и т.д.). Причем в любой из этих форм текст может быть понят как форма общения культур. Каждый текст опирается на предшествующие и последующие ему тексты, созданные авторами, имеющими свое миропонимание, свою картину или образ мира, и в этой своей ипостаси текст несет смысл прошлых и последующих культур, он всегда на грани, он всегда диалогичен, так как всегда направлен к Другому. Поэтому смысл текста, погруженный в определенные дискурсивные практики, в процессе исторического развития меняется, так как каждая эпоха по-своему «прочитывает», интерпретирует этот текст, открывая в нем что-то новое.

Культурный диалог конкретизируется М.М. Бахтиным в понятии полифонизма, причем, говоря о полифонизме, М.М. Бахтин отмечал также его диалогичность: «Он строится не как целое одного сознания, объектно принявшего в себя другие сознания, но как целое взаимодействие нескольких сознаний, из которых ни одно не стало до конца объектом другого»²³.

Полифония как организующий принцип бахтинской интерпретации – это слово, ключевым коннотативным значением которого выступает понимание многоплановости, многомирности, многоголосия, а здесь, в таком случае, мы уже имеем дело с определенным образом организованным диалогом – полифоническим диалогом.

Идеи диалогизма в культуре в культурно-семиотическом аспекте в 60-80-е гг. XX века развивались представителями тартуско-московской культурологической школы, например, Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Е.М. Мелетинский и другие. Ю.М. Лотман указывал на следующее семиотическое свойство диалога: диалог возможен лишь тогда, когда его участники одновременно различны и имеют в своей структуре семиотический образ контрагента. «Поскольку транслируемый текст и полученный на него ответ должны образовывать, с некоторой третьей точкой зрения, е д и н ы й т е к с т , а при этом каждый из них, со своей точки зрения, не только представляет отдельный текст, но имеет тенденцию быть текстом на другом языке, транслируемый текст должен, упреждая ответ, содержать в себе элементы перехода на чужой язык. Иначе диалог невозможен»²⁴. Таким образом, для того чтобы общаться с другой культурой, культура должна интериоризировать ее образ внутри своего мира.

Говоря о проблеме диалога культур и межкультурного диалога, Ю.М. Лотман указывает на то, что в широкой исторической перспективе взаимодействие культур всегда диалогично. Чертами любого культурного диалога являются: во-первых, попеременная активность передающего и принимающего, во-вторых, выработка общего языка общения. Этот процесс делится на этапы: сначала наблюдается односторонний поток текстов, которые откладываются в памяти принимающего, причем память на этом этапе фиксирует также тексты на чужом, непонятном языке. Следующим этапом является овладение чужим языком и свободное им пользование, усвоение правил порождения чужих текстов и воссоздание по этим правилам аналогичных им новых.

Нам близка мысль В.С. Библера о том, что культура способна жить и развиваться только на грани культур, в одновременности, в диалоге с другими целостными, замкнутыми «на себя», на выход за свои пределы, культурами. Он отмечал, что каждая культура есть некий «двуликий Янус», в том смысле, что ее лицо столь же напряженно обращено к иной культуре, к своему бытию в иных мирах, сколь и внутрь, вглубь себя, в стремлении изменить и дополнить свое бытие. Общение в культуре, то есть бытие в культуре – это всегда (в потенции, в замысле) общение между различными культурами, даже если мы живем в одной и той же культуре. А диалог лишь тогда диалог (в смысле культуры диалога и диалога культур), когда он может осуществляться как бесконечное развертывание и формирование все новых смыслов каждого – вступающего в диалог – феномена культуры, образа культуры, произведений культур.

²³ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М, 1972. – С. 20 – 21.

²⁴ Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и типологии культуры // Избранные статьи в трех томах. – Т.1. – Таллинн, 1992. – С. 19.

Европейские культуры существуют в едином пространстве европейской цивилизации и культуры. В каждой национальной культуре находится то, что объединяет и отличает их. В такой ситуации возможен диалог. По нашему мнению, диалог – это универсальный процесс взаимодействия субъектов межкультурной коммуникации в рамках определенного дискурса, направленный на развитие этого процесса, а так же и на их саморазвитие. Анализируя русскую культуру, её становление необходимо отметить, что основой для развития диалоговых отношений является как пространство внутри России, так и взаимоотношения русской культуры с национальными культурами других стран.

Проблематика диалогизма в русской литературной и философско-культурологической традиции рождалась в пространстве осмысления собственной этнокультурной идентичности. Обращение именно к русской традиции диалогического мышления обусловлено следующими моментами: диалогичность была свойственна и писателям, и литературным критикам, и философски ориентированным мыслителям. В начале XIX века в России происходит формирование русского национального языка, русской литературы, зачатков русской философской мысли, что способствовало созданию русского литературно-философского дискурса. На его формирование оказал большое влияние диалог с французской, английской, но в большей степени, с немецкой культурой.

Россия обращает свои взоры на Германию, чьи философские идеи становятся созвучными русскому умонастроению: Фихте, Шеллинг, Гегель становятся весьма популярными в русском образованном обществе. Точкой пересечения диалогических отношений между философско-литературной общественной жизнью России и Германии становится романтизм, как особый тип творческого мировосприятия. Кант и Фихте, Шеллинг и романтики впервые осознают активность человеческой чувственной и мыслительной деятельности, культурной практики, которая и выступает как глубинная идеальная форма культурного диалогизма. Русские мыслители, своеобразно переработав идеи немецкого романтизма, сформулировали свое видение и понимание основных целей и задач, стоящих перед русской общественной мыслью, важнейшей из которых является осознание собственной идентичности.

Список литературы

1. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1990..
2. Франк С.Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996.
3. Гейне Г. Собр. соч. Т. 5. М., 1958.
4. См.: Философия и литература: современный дискурс // История философии, культура и мировоззрение. К 60-летию профессора А.С. Колесникова. Серия «Мыслители», выпуск 3. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С.8 – 36.; Розанова М.С. Философия и литература: сравнение европейской и американской традиции. Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб., 2003. – С. 99 – 103; Маймин Е.А. Русская философская поэзия. М., 1976. С. 185 – 189.; Менде Г. Мировая литература и философия. М., 1969.; Гулыга А.В. Искусство в век науки. М., 1978. – С. 34 – 49.
5. См.: Еремеев А.Э. Русская философская проза (1820 – 1830-е годы). Томск: Изд-во Том. ун-та. 1989. Еремеев А.Э. К вопросу о философской прозе в русской литературе 1820 – 1830-х годов / проблемы метода и жанра. Сб. ст. Вып.10. Томск: Изд-во Том. ун-та. С.84 – 98.
6. См.: Философия и литература: современный дискурс // История философии, культура и мировоззрение. К 60-летию профессора А.С. Колесникова. Серия «Мыслители», выпуск 3. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С.8 – 36.
7. См.: Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского. Сочинения в двух томах, т.2, М., Мысль, 1988. – С. 290-323; Общий смысл искусства. Издательство: Вира-М, 2009.; Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского. Русская мысль. 1918. – Кн. III – IV; Булгаков С.Н. «Иван Карамазов как философский тип» // «Вопросы философии и психологии», 1902. – Кн. 1; Лосский Н.О. История русской философии. Пер. с англ. – М.: Советский писатель, 1991. – 480 с.; В. В. Розанов, «Легенда о Великом Инквизиторе» Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария», СПб., 1894.
8. См. Песоцкий А. В. Художественная литература как социальное явление и предмет философского анализа. Автореф. диссер. на соискание уч. ст. докт. филос. наук. / А. В. Песоцкий. – М., 2009.
9. См.: Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка – М., 2008. – С. 351-362; Е.А. Кожемякин. Концептуально-методологическое обоснование

дискурсной формы бытия культуры: Диссертация на соискание... д. филос. н. по спец. 24.00.01 – Теория и история культуры. – Белгород, 2009; Е.А. Кротков. Дискурсная модель научной рациональности: уч. пос. для преподавателей, аспирантов и соискателей. – Белгород, 2009; и др.

10. Мельник Ю.М., Римский В.П. Экзистенциальное время: категория, понятие или концепт? // Научные Ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право. №16 (71). 2009. Вып. 10.

11. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка – М., 2008.

12. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4 т. – Т.3.

13. Шпет Г.Г. Литература // Ученые записки / Тартуского ун-та. Вып. 576, 1982. – С. 152, 155.

14. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества.

15. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М., 1977.

16. Библер В.С. Культура. Диалог культур. Опыт определения // Вопросы философии, 1989. – № 6.

17. Ясперс К. Современная буржуазная философия. – М., 1978.

18. Уразметов Т.З. Культура, история, диалог: соотношение понятий // Проблемы теории и истории культуры: исследования и материалы. – Оренбург, 2005.

19. см. Зеньковский В.В. История русской философии. – Академический проект, Раритет М., 2001.

20. См. Межуев В.М. Диалог между цивилизациями как философская проблема. – М.: МГУКИ, 2004.

21. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в XXI век. – М., 1990.

22. Цит. по: Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в XXI век. – М., 1990. – С. 146 – 147.

23. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М, 1972. 169 с.

24. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и типологии культуры // Избранные статьи в трех томах. – Т.1. – Таллинн, 1992.

LITERARY PHILOSOPHICAL DISCOURSE AND THE PROBLEM OF CROSS-CULTURAL DIALOGUE

T.I. LIPICH

Belgorod State University

e-mail: lipich@bsu.edu.ru

The article deals with the interaction of literature and philosophy at different stages of the development of the Russian culture and the change of their role in the society. The process of the formation of the Russian literary philosophical discourse is analysed in the paper. The cultural-communicative practices as a dialogue of cultures in the broad sense of the word are defined here.

Key words: philosophy, literature, discourse, cross-cultural dialogue.

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОКОВ АВТОРИТАРНОЙ ТРАДИЦИИ В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

Т.М. ПЕНСКАЯ

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Penskaya@bsu.edu.ru*

Эта работа посвящена исследованию проблемы происхождения и развития традиции авторитаризма в России. Она представляет попытку ответить на вопрос – как, при каких обстоятельствах сформировался российский авторитаризм и в чем причины его живучести. В основу работы положен комплексный подход к изучению проблемы российского авторитаризма, процессы становления которого рассматриваются на широком фоне с привлечением аналогий. Автор высказала предположение, что формирование авторитарной традиции в России связано было с необходимостью осуществления внешней экспансии, вызванной внутренними и внешними обстоятельствами. В условиях, когда Россия оказалась втянута в межцивилизационный бескомпромиссный конфликт, когда она испытывала острую нехватку ресурсов, победить в этом конфликте можно было только путем создания сильного государства. Это государство могло мобилизовать ограниченные силы и средства и направить их на решение жизненно важных для общества задач. Мобилизационный характер государственности диктовал и требования к политическому режиму, который неизбежно приобретал авторитарный характер.

Ключевые слова: авторитаризм, власть и общество, история России.

Отправной точкой для этой статьи послужила фраза из записок голштинца Адама Олеария о рабском характере русских, которые «плохи на свободе, хороши в рабстве»¹. Это высказывание, ставшая квинтэссенцией отношения «просвещенного» Запада к варварам-москвитам, была написана вскоре (по историческим меркам) после того, как «рабские» по своей натуре русские собрались с силами, изгнали многочисленных неприятелей и восстановили в короткие сроки свою страну. И никто на «просвещенном» Западе не обратил внимания на парадокс – русские «рабы», которые не могут обойтись без ярма, «опьянены своим рабством» и неспособны ни к каким самостоятельным действиям без царской воли, тем не менее, отказались признавать иноземное владычество. По этому поводу отечественный писатель и публицист В.Е. Шамбаров метко заметил, что «...поляки (как и папа римский и иезуиты) допустили грубейшую политическую ошибку, представляя Россию сугобо в рамках собственных моделей, моделей противопоставления своих «свобод» (дворянских) русской тирании. Получалось и впрямь: смени или возьми под контроль царя – и делай с народом что хочешь, как в империи инков...». Это и стало причиной неудачи Речи Посполитой вывести Россию из игры на восточноевропейском политическом поле и поставить ее под свой контроль. «Дело-то в том, что Россия в XVII в. (точнее, в XVI веке, тогда как в следующем столетии ситуация постепенно изменяется – П.Т.) была не абсолютистским, а земским государством... Поляки на такую «мелочь» вообще внимания не обратили, как никогда не обращали внимания на «простолудинов»... Но на Руси земства представляли огромную силу... Когда рухнула вся «вертикаль власти», «горизонталы» сохранились, что и обеспечило живучесть государства»².

Однако эта «черная» (Л.Н. Гумилев) легенда о России, «стране рабов, стране господ» и русских, рабах по натуре, уже прочно пустила корни и пошла гулять по свету. Спустя двести лет после Олеария и триста – после Герберштейна французский маркиз А. де Кюстин, излагая свои впечатления от знакомства с Николаевской Россией, писал, пораженный тем, что он увидел: «Все здесь созвучно – народ и власть. Русские не отказались бы от чудес, творимых волею царя... Но я не могу не поражаться тем, что из общего хора славословящих своего монарха..., не раздастся, хотя бы во имя справедливости, ни

¹ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. – Смоленск, 2003. – С. 184.

² Шамбаров В.Е. Тайна воцарения Романовых. – М., 2007. – С. 139-140.

одного голоса, протестующего против бесчеловечности его самовластия. Да, можно сказать, что весь русский народ от мала до велика опьянен своим рабством до потери сознания... Где нет свободы, там нет души и правды. Россия – тело без жизни, или, вернее, колосс, живущий только головой...». И еще одна весьма характерная фраза: «Нравы русских, вопреки всем претензиям этого полуварварского племени, еще очень жестоки и надолго останутся жестокими. Ведь немногим больше стал лет тому назад они были настоящими татарами. И под внешним лоском европейской элегантности большинство этих выскочек цивилизации сохранило медвежью шкуру – они лишь надели ее мехом внутрь. Но достаточно их чуть-чуть поскрести – и вы увидите, как шерсть вылезает наружу и топорщится. Разве из того, что дикарь обладает тщеславием светского человека, следует, что он приблизился к культуре?... Русские не столько хотят стать действительно цивилизованными, сколько стараются нам казаться таковыми. В основе они остаются варварами. К несчастью, эти варвары знакомы с огнестрельным оружием...»³.

Не будем вдаваться в споры о том, насколько точно маркиз сумел отразить реальные отношения между властью и обществом, монархом, просвещенной элитой и остальным народом. В процитированных пассажах важнее другое – повторение чуть ли не слово в слово тех идей, что были озвучены задолго до того, как француз отправился в загадочную северную страну, недавно сокрушившую империю Наполеона. И эти идеи живут и здравствуют по сей день, их влияние ощущается и сегодня – негативный образ России, страны, сошедшей с «правильного» пути, по-прежнему господствует в общественном сознании Запада, и не только Запада, пустил прочные корни в современном российском общественном сознании и продолжает культивироваться. Примером такого подхода может служить вышедшая недавно работа И.В. Карацубы, И.В. Курукина и Н.П. Сорокина. Написанная и живой, доступной форме, книга содержит целый ряд интересных идей и положений, заслуживающих дальнейшего развития, но согласиться общей тональностью этого исследования трудно именно в силу следования его авторами концепции России как «неправильной» страны, избравшей не ту, не «столбовую» дорогу развития государства и общества⁴.

Однако, как справедливо писала американский историк Н.Ш. Коллманн, такие представления основываются скорее на абстрактных концепциях и теориях, на штампах, чем на анализе конкретной действительности⁵. Ни один народ, ни одна культура, ни одна цивилизация изначально не предрасположена к авторитарному режиму правления, к деспотизму и тирании. Внутри каждого общества всегда существовали и существуют различные тенденции, в том числе и авторитарная, однако возможность их реализации на практике, утверждение в качестве ведущей, системообразующей, зависит от конкретно-исторических обстоятельств, в которых складывается и развивается данное общество. Точно также мы убеждены и в том, что авторитаризм, деспотизм и тирания не являются порождением отдельных личностей и даже целых общественных групп и слоев. Авторитаризм не возникает из ничего, из пустоты подобно *Deus ex machina*, и не может висеть в воздухе, не имея соответствующей опоры. Эта тенденция, существуя внутри общества в скрытом, эмбриональном состоянии, развивается лишь при определенных условиях. В принципе, нет сомнений в том, что прошлое общества определяет его настоящее и будущее. И, поскольку всякое общество, любая культура является результатом длительного процесса формирования характерных именно для данного общества черт и институтов, то, естественно, традиция авторитаризма в России возникла не сразу, а в результате сложения определенных объективных и субъективных факторов.

Но где, когда и при каких обстоятельствах дремавшая внутри русского общества авторитарная тенденция вышла из состояния «анабиоза» и начала разворачиваться? Что обусловило ее победу над всеми остальными? Была ли она порождением отдельных лиц,

³ Кюстин А. де. Николаевская Россия. – М., 1990. – С. 72, 153, 182-183.

⁴ Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. – М., 2005. Ср.: Афанасьев Ю.Н. Опасная Россия // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.yuri-afanasiev.ru/dangerous_rus/index.html

⁵ Коллманн Н.Ш. Соединенные чество. – М., 2001. – С. 37.

как полагают некоторые авторы⁶, или же все-таки авторитаризм победил не потому, что этого хотели московские государи, церковные иерархи, служилый «чин» или кто-либо еще, а в силу стечения обстоятельств, воздействия сложного комплекса внешних и внутренних факторов? Именно поэтому представляется интересным проследить процесс формирования авторитарной традиции в российском обществе «ab ovo», с того момента, когда началось складывание этого общества – т.е. фактически с того момента, когда на территории Восточной Европы начала формироваться Древнерусское государство – предшественник современного Российского государства, предложив свою версию развития событий и генезиса русского авторитаризма.

На наш взгляд, есть все основания полагать – российский авторитаризм стал, если воспользоваться концепцией А. Тойнби «Вызов-Ответ», закономерным ответом русского общества на сложные природно-географические и политические условия, в которых ему пришлось жить и развиваться. На первых порах, во времена Древнерусского государства, говорить о том, что авторитарная тенденция преобладала в русском историческом процессе, не приходится. Представляется, что есть все основания полагать, что до вторжения татаро-монголов древнерусское общество в целом развивалось по тем же направлениям, что и западноевропейское общество эпохи раннего Средневековья. На наш взгляд, есть все основания провести параллель между «империей» Рюриковичей и империей Каролингов (скорее, даже с королевством Меровингов) или целым рядом других раннесредневековых государств⁷. Все эти государства при всем их внешнем блеске и величии были внутренне непрочными и нестабильными. И там, и здесь государство и монархия были слабыми и непрочными. Слабость центральной власти в значительной степени компенсировалась самоорганизацией самого общества, и потому полагать, что эти государства были авторитарными, настоящими монархиями (в смысле «властью одного»), нельзя. Древняя Русь была государством самодержавным (в смысле независимым), но никак не авторитарным, ибо термин «самодержавие» долгое время понимался как синоним независимости, суверенности, самостоятельности государства и его персонального олицетворения – великого князя. Успешное функционирование и эффективность властных механизмов на всех уровнях во многом определялось умением князя взаимодействовать с местными элитами, учитывать их интересы, использовать, вернее, опираться в своей деятельности на складывавшиеся веками обычаи и традиции. И снова прибегнем к примеру раннесредневековой Англии. Как писал М.М. Горелов, «...раннесредневековые государства с их неразвитым аппаратом управления основывались в значительной мере на личном авторитете и личных связях короля и прочих носителей власти, в том числе назначаемых им на места...»⁸. Судьба этих раннесредневековых государств, и Древняя Русь не была исключением из общего правила, зависела от сплетения множества как объективных, так и субъективных обстоятельств.

Продолжая аналогии дальше, можно отметить, что «Империя Рюриковичей» подобно государству Меровингов, империи Каролингов или Англии X – XI вв., на рубеже XII – нач. XIII вв. вступила в эпоху глубокого кризиса и трансформации в некое новое качество⁹. Нельзя исключить такого поворота событий, что, сложись история иначе, в результате начавшейся в конце XII – начале XIII вв. внутренней перестройки древнерусского общества на свет могло появиться сразу несколько новых государственных образований. Однако вторжение татаро-монголов внесло первые серьезные коррективы в ход российского исторического процесса. Оно застало и русскую государственность, и общество в переходный момент развития, когда они были очень далеки от завершения про-

⁶ Янов А.Л. Россия: у истоков трагедии. 1462-584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. – М., 2001. – С. 52-53, 58, 69, 104 и далее.

⁷ Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. – СПб., 1998. – С. 71. См. также, например: Горелов М.М. Датское и норманское завоевания Англии в XI веке. – СПб., 2007; Назаренко А.В. «Ряд» Ярослава Мудрого в свете европейской типологии // Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007). – М., 2009. – С. 29-46.

⁸ Горелов М.М. Указ. соч. – С. 69. Ср.: Глебов А.Г. Англия в раннее Средневековье. – СПб., 2007. – С. 51-54 и далее.

⁹ Макаров Н.А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке: Древности темного времени. – М., 2003. – С. 5-11.

цессов внутренних изменений и обладали высокой степенью пластичности, легко подвергаясь изменениям под влиянием как внешних, так и внутренних факторов развития. Под влиянием этого сильнейшего внешнего фактора вектор развития средневековой русской государственности изменился.

Особенно сильным оказалось воздействие татарского господства на Северо-Восточную Русь, на тот регион, где позднее сформировалось ядро Российского государства. Оказавшись на периферии общеевропейского исторического процесса, вдали от важнейших торговых путей, на территории, бедной природными и иными ресурсами, в условиях, когда перед ним встали новые, более серьезные и сложные задачи, формирующееся российское государство и общество оказались перед мощным «Вызовом» (А. Тойнби). Они были вынуждены искать свое оригинальное решение вставшей перед ними проблемы, создавать такую организацию политической власти, которая смогла бы найти достойный ответ на вопрос – как выжить в этих сложных условиях.

Можно сказать, что молодое Российское государство должно было сыграть роль защитной оболочки, кокона, внутри которого русская православная цивилизация получила шанс на выживание и дальнейшее совершенствование. И с этой задачей оно справилось. «Этот случай еще раз доказывает, – писал А. Тойнби, анализируя итоги его развития в допетровскую эпоху, – что, чем сильнее вызов, тем оригинальнее и созидательней ответ. В России ответ представлял собой эволюцию нового образа жизни и новой социальной организации, что позволило **впервые за всю историю цивилизий оседлому обществу не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников (и не только их – П.Т.) и даже не просто побить их..., но и достичь действительной победы, завоевав номадические земли, изменив лицо ландшафта и преобразовав в конце концов кочевые пастбища в крестьянские поля, а стойбища – в оседлые деревни (выделено нами – П.Т.)...»¹⁰.**

Но каким было это государство и как строились отношения общества с этим государством? В борьбе сперва за обретение утраченной независимости, «самодержавства», а затем и за гегемонию в Восточной Европе, за «ордынское наследство» и «наследство Ярослава Мудрого» способствовали формированию в России характерного государственного устройства и политического режима. Для европейцев, которые в конце XV в. с удивлением обнаружили для себя могущественное государство на востоке Европы, политический режим России, внешне столь отличный от привычных им форм общественно-политического бытия, мог быть охарактеризован в понятных им терминах только как деспотический и тиранический, основанный на идеях автократии и авторитаризма. Очевидно, что здесь и нужно искать корни «черной легенды» о присущем русским чувстве врожденного рабства и преклонения перед деспотической, авторитарной властью монарха, столь распространенными и по сей день не только за рубежом, но и у нас в России. Яркий тому пример – несколько фраз, автором которых является модный ныне историк-писатель Э. Радзинский: «Эпоха московских царей и следующая за ними 300 лет правления династии Романовых были эрой жестоких самодержцев... Московское государство вновь породило типично азиатскую самодержавную власть, у руля которой встала династия Романовых. XVII в. стал предвестником смуты 1917 г...»¹¹. Очевидцы, ярко и живо описывавшие необычные порядки, свойственные «нецивилизованным» москвитам, не смогли понять, что идея сильного государя и сильной центральной власти стала ответом на необходимость мобилизации всех ресурсов «земли» для решения задач, жизненно важных для всего общества. И «земля» была готова поступиться частью своих прежних вольностей и свобод в обмен на гарантируемые властью взамен них «тишину» и порядок как вне, так и внутри страны.

Но насколько «земля» была готова поступиться своими традиционными «вольностями»? Еще раз подчеркнем, что, по нашему мнению, тирания, авторитарный режим, суть которого хорошо видна из знаменитого высказывания Ивана Грозного («Жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же»¹²), не могла существовать в Москов-

¹⁰ Тойнби А. Постигание истории. – М., 1991. – С. 140.

¹¹ Радзинский Э. О Русь! Куда несешься ты? // Империя. – № 4. – 2006. – С. 92, 93.

¹² Послания Ивана Грозного. – СПб., 2005. – С. 30.

ской России только потому, что тот же грозный царь не имел надежных механизмов реализации своих деспотических поползновений (если таковые у него были). Московское государство в XVI в. было недостаточно сильно, чтобы обойтись без поддержки «земли». Характеризуя особенности функционирования государственного механизма России во 2-й половине XV – XVI вв., академик Н.Н. Покровский писал в предисловии к книге санкт-петербургского историка Ю.Г. Алексеева, что «власть эта (Ивана III и, следовательно, его сына Василия – П.Т.) была не так уж и сильна, что местные особенности и различия очень долго давали себя знать в едином государстве... Система власти базировалась не на единственном понятии «государство», а на двух понятиях – «государство» и «общество», на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними... Центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности; исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности (крестьянские и городские общины, дворянские корпорации-«города» и пр. – П.Т.). Но это автоматически означало серьезные права таких организмов, их немалую роль в политической системе всей страны...»¹³.

В этом крылась одновременно и сила, и слабость Московского государства, и, представляется, здесь, возможно, и кроется разгадка правления Ивана Грозного. В своих посланиях он мог писать все, что он думает и как он представляет себе тот политический идеал, который был мил его сердцу. Однако при столкновении с реальной действительностью этот авторитарный идеал неизменно разрушался. Казня своих противников, явных или же только подозреваемых в сопротивлении своим планам, Иван все равно стремился найти оправдание политике репрессий, пытался заручиться поддержкой, «земли», а когда не чувствовал себя абсолютно уверенным в своей правоте, то искал поддержки, утешения и прощения у Бога. Трудно сопрягается образ царя-тирана и деспота с образом постоянно мягущегося, колеблющегося, не уверенного в своей правоте царя и, видимо, не случайно рождается весьма популярная, особенно в околоисторических кругах, идея о безумии, поразившим царя¹⁴.

Было бы, конечно, весьма соблазнительно свести все проблемы русской истории к психическим особенностям того или иного лица, стоявшего во главе государства, но такое объяснение представляется слишком простым и примитивным. Не отрицая роли субъективного фактора, тем не менее, мы далеки от стремления придать ему главенствующий, доминирующий характер. На наш взгляд, метания Ивана Грозного во многом были предопределены как раз несоответствием возможностей того государственного механизма, той политической системы, которая оказалась в его распоряжении, и теми неожиданно усложнившимися условиями, внешними и внутренними, в которых ему и его правительству пришлось действовать. Политические структуры и институты, сформировавшиеся при его деде и отце, в новых условиях оказались неэффективными, неспособными выполнить тех широкомасштабных внешнеполитических планов, которые попытался реализовать Иван IV, подталкиваемый к тому как внешними, так, в особенности внутренними причинами. Конец XVI – начало XVII вв. ознаменовался новым кризисом русской государственности и сложившейся системы взаимоотношений власти и общества, основанной на соблюдении обычая и традиции, а также определенного паритета интересов государства и «земли». И снова, как это было в XIII в., внешняя угроза, до основания потрясшая русское общество и его устои, изменяет вектор политического развития российской государственности.

После Смуты возврат к прежним старым добрым временам был уже невозможен. Конечно, можно представить, как делают некоторые авторы, что было бы, если бы польский принц Владислав стал бы московским царем и правил бы Россией на основе «конституции» боярина М. Салтыкова¹⁵. Однако возникают серьезнейшие сомнения относительно жизнеспособности такой химеры. Во что могло вылиться такое правление, хорошо понимали сами русские того времени. Характерно высказывание «некоего москвитянина», которое приводит в своем дневнике поляк С. Маскевич: «В беседах с москвитяна-

¹³ Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. – Новосибирск, 1991. – С. 5-6.

¹⁴ См., например: Грин В. Безумные короли. – Р.-на-Д., 1997. – С. 226-238.

¹⁵ Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. Указ. соч. – С. 134-136; Янов А.Л. Указ. соч. – С. 29, 353.

ми, наши, выхваляя свою вольность, советовали им соединиться с народом польским и также приобрести свободу. Но русские отвечали: “Вам дорога ваша воля, нам неволя. **У вас не воля, а своеволие: сильный грабит слабого** (выделено нами – П.Т.); может отнять у него имение и самую жизнь. Искать же правосудия, по вашим законам, долго: дело затянется на несколько лет. А с иного и ничего не возьмешь. **У нас, напротив того, самый знатный боярин не властен обидеть последнего простолюдина: по первой жалобе, царь творит суд и расправу** (Выделено нами. В принципе, это высказывание можно трактовать как своего рода манифест «просвещенного» абсолютизма, когда монарх выступает в роли своеобразного арбитра, стоящего над индивидуальными и узкословными интересами – П.Т.). Если же сам государь поступит неправомерно, его власть: как Бог, он карает и милует. Нам легче перенести обиду от царя, чем от своего брата: ибо он владыка всего света”...»¹⁶.

Еще раз подчеркнем, что в этом вопросе мы согласны с мнением Б.Н. Флоря, отмечавшим, что польско-литовская модель общественно-политического развития носила тупиковый характер и была отвергнута русским обществом как неприемлемая¹⁷. Принятие этой модели вряд ли привело бы к установлению в России не то что демократии, но даже ограниченной монархии, а скорее либо к поглощению России Речью Посполитой, либо к установлению режима правления боярской олигархии, весьма сходного с тем, что сложился в 1-й пол. XVII в. в самой Речи Посполитой и с аналогичными печальными последствиями спустя столетие-другое.

Шок и потрясение, испытанное Россией и русским обществом в результате Смуты, на наш взгляд, были таковы, что практически полностью перечеркнули возможность альтернативного развития. Если до этого и могли быть какие-то иллюзии, то теперь они оказались невозможны – спасение от повторения Смуты виделось теперь только в сильной центральной власти. Испытанное «...давление на Россию со стороны Польши и Швеции в XVII в. было столь яростным, что оно неминуемо должно было вызвать ответную реакцию. Временное присутствие польского гарнизона в Москве и постоянное присутствие шведской армии на берегах Нарвы и Невы глубоко травмировало русских, и этот внутренний шок подтолкнул их к практическим действиям ...», – писал А. Тойнби¹⁸.

Главный вывод, сделанный из бурных событий эпохи Смутного времени, заключался прежде всего в том, что в Москве четко усвоили, что «...в условиях того времени стать «ведущей державой» значило обладать экономическим и военным потенциалом, позволяющим играть ведущую роль в мировой политике и вести активную наступательную внешнюю политику, столь же агрессивную и экспансионистскую, как у других крупных европейских держав... Дальнейшая экспансия была невозможна без сильной профессиональной армии, опирающейся на современную индустрию, что... требовало радикальной реформы...»¹⁹.

Но и это еще не все. Само русское общество, испытав нечеловеческое напряжение в годы Смуты, осознало, что только сильное государство, сильная власть способны отстоять независимость страны. Это требовало создания соответствующего государственного устройства, способного обеспечить мобилизацию немногочисленных ресурсов страны и общества на решение жизненно важных вопросов.

Однако в условиях острой нехватки ресурсов разрешить эту задачу можно было только в ущерб традиционным вольностям и свободам, и общество, «земля» была готова поступиться частью своих прежних вольностей и свобод в обмен на гарантируемые властью взамен «тишину» и порядок как вне, так и внутри страны. И снова проведем аналогию, на это раз между «несвободным» Российским государством и «свободным» Польско-Литовским. В конце XVIII в. Речь Посполитая, раздираемая внутренними противоречиями, оказалась разделенной своими соседями и прекратила свое существование.

¹⁶ Дневник Маскевича 1594-1621 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. – Вып. II. – СПб. 1859. – С. 57.

¹⁷ Флоря Б.Н. Иван Грозный. – М., 2003. – С. 395-397.

¹⁸ Тойнби А. Указ. соч. – С. 147.

¹⁹ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. – М., 1999. – С. 48.

Польская правящая элита оказалась неспособна подняться над своими узкословными интересами и в итоге погубила свое государство. Напротив, «служилое» государство, сформировавшееся в России, оказалось способно от мобилизовать скудные силы и ресурсы для того, чтобы дать адекватный ответ на вызов как Запада, так и Востока. Прежние вольности и свободы оказались несовместимы с новейшими требованиями в политической и военной сфере, тогда как московское «рабство» – наоборот. Русское «служилое» государство²⁰, сложившееся в позднем Средневековье, оказалось способно мобилизовать все скудные силы и ресурсы общества для решения общественно важной задачи – дать адекватный ответ на военный вызов как со стороны и Запада, и Востока. Т.о., прав был отечественный историк А. Петров, когда писал, что «...в борьбе за «киевское наследство» (и за ордынское в том числе – П.Т.) Московская держава сформировалась как **сплоченная национальная военно-государственная структура. Сформировался своего рода военный лагерь** (выделено нами – П.Т.). Государева власть стала единой и самодержавной, подчиняя и подавляя частные и общественные интересы. **Только прочное и безусловное сосредоточение сил и средств в распоряжении власти** (выделено нами – П.Т.) дало возможность организовать их и вести активную политику на пространствах Восточной Европы...»²¹.

И если мы принимаем эту точку зрения, то тогда необходимо согласиться и с мнением русского философа Г.П. Федотова, отмечавшего, что «весь процесс исторического развития на Руси стал обратным западноевропейскому: это было развитие от свободы к рабству. **Рабство диктовалось не капризом властителей, а новым национальным заданием: создания Империи на скудном экономическом базисе. Только крайним и всеобщим напряжением, железной дисциплиной, страшными жертвами могло существовать это нищее, варварское, бесконечно разрастающееся государство** (выделено нами – П.Т. И от себя мы добавим – судя по всему, это был единственный выход, ибо в начале XVII в. Европа еще была не готова к экспансии в восточном направлении и у России было время подготовиться к рывку с тем, чтобы встретить потенциальную угрозу во всеоружии)...»²².

«Служилое» государство первых Романовых смогло решить проблему, ранее представлявшуюся неразрешимой. Экспансия и в западном, и в южном направлениях была возобновлена. Хотя на первый взгляд, добиться больших успехов ни Алексею Михайловичу, ни Федору Алексеевичу на этом пути не удалось, тем не менее, старые противники Москвы, Крым и Речь Посполитая, в возобновившейся борьбе получили тяжелые удары. Россия не только смогла положить конец татарской угрозе, но и приступить к освоению Дикого поля (достаточно вспомнить о постройке Белгородской и Изюмской черт, выдвинувших рубежи Русского государства далеко в степь и сделавших возможными походы значительных армейских группировок в Крым), отвоевала у Речи Посполитой не только Смоленщину, но и Левобережную Украину. Более того, она нанесла такие сильные удары польско-литовскому государству, что при всем своем нежелании поляки были вынуждены отказаться от намерений отвоевать утраченные земли и признать Москву по меньшей мере равноправным партнером.

Однако с течением времени, когда эта задача оказалась выполнена, авторитарная традиция, освященная достигнутыми успехами, церковью и обычаем, уже не могла быть отменена просто мановением руки или законодательным актом, тем более что она оказалась чрезвычайно удобным инструментом в руках власти для разрешения задач, нередко расходившихся (и чем дальше, тем больше) с интересами общества. Петр, поставив перед обществом и государством новую сверхзадачу, исходил из того, что Россия может рухнуть под натиском более мощных противников, повторив судьбу Византийской империи²³. Включившись в работу европейского «концерта», Россия должна была любой ценой поддерживать необходимый уровень расходов для сохранения статуса великой державы и

²⁰ Флоря Б.Н. Указ. соч. – С. 395.

²¹ Петров А. Мечты о золотом столе. Киевское наследство в политической жизни средневековой Восточной Европы // Родина. – 2002. – № 11-12. – С. 172.

²² Федотов Г.П. Святые Древней Руси. – М., 2003. – С. 616.

²³ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. – Т. 1. – М.-Л., 1945. – С. 159.

субъекта международного права. В условиях нараставшего социально-экономического и политического отставания России от передовых стран Европы решить эту задачу можно было только при условии сохранения авторитарного политического режима как наиболее эффективного механизма мобилизации ресурсов для достижения успеха в ожесточенной конкурентной борьбе. Попытка России позиционировать себя в мировом сообществе как великую державу в условиях относительной бедности страны и общества неизбежно вело к консервации авторитарной политической традиции.

Эта политическая традиция достигла своего апогея в 1-ю четверть XVIII в., когда государство попыталось, и не без успеха, полностью подмять под себя общество. Новая политическая доктрина была четко выражена в чеканных словах петровских Воинских артикулов 1715 г.: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять»²⁴. В такой конструкции места прежнему сотрудничеству «земли», где «умных людей нет», и «просвещенного» монарха, не было. Патриархальное Московское царство должно было превратиться в регулярную, полицейско-бюрократическую Российскую империю, своего рода машину, перед лицом которой все были бы равны, и даже сам император был бы одним из колес, пусть и самым главным, этого чудовищного механизма. Лишь после смерти Петра Великого началась постепенная либерализация режима, но коснулась она только одной социальной группы, а именно российского дворянства. Самодержавие было вынуждено пойти ему на уступки, поскольку «шляхетство» в ходе петровских преобразований окончательно утвердило себя в качестве главного столпа империи, и заставило власть прислушиваться к своему мнению. Но по отношению к другим сословиям практически ничего не изменилось, и даже более того, давление на них со стороны государства еще более увеличилось. В итоге это позволило российским монархам XVIII в., не обладая такими же ресурсами, как, например, Англия или Франция, выйти в число мировых держав и заставить считаться с собой и своими интересами Европу.

Вместе с тем необходимо отметить, что есть все основания сомневаться в том, что мобилизационный тип государственной машины и подчинение интересов личности и общества интересам государства оказался в конечном итоге наилучшим историческим выбором для России и русского народа. «Служилый» характер государства и отношений между ним и обществом для своего времени был необходимым и сыграл свою положительную роль, но впоследствии он же способствовал в немалой степени консервации отсталых, архаичных форм общественной и политической жизни. Это, в свою очередь, приводило к тому, что каждый раз, когда Россия пыталась совершить рывок вслед за Западом, запустить двигатель внутреннего саморазвития общества и государства так и не удавалось, и последствия модернизационного рывка всякий раз носили конечный характер. Совершив скачок и догнав Европу, Россия затем, по мере иссякания энергии толчка, постепенно замедляла свое развитие, в результате чего снова возникал разрыв между Европой и Россией, преодоление которого требовало новых чрезвычайных усилий со стороны как общества, так и государства.

Список литературы

1. Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. – Новосибирск: Наука, 1991. – 240 с.
2. Афанасьев Ю.Н. Опасная Россия // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.yuri-afanasiev.ru/dangerous_rus/index.html
3. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. – Т. 1. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1945. – 646 с.
4. Глебов А.Г. Англия в раннее Средневековье. – СПб.: Евразия, 2007. – 288 с.
5. Горелов М.М. Датское и норманское завоевания Англии в XI веке. – СПб.: Алетей, 2007. – 176 с.
6. Грин В. Безумные короли. – Р.-на-Д.: Феникс, 1997. – 480 с.
7. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. – М.: Изд-во РГГУ, 1999. – 575 с.

²⁴ Воинский артикул 1715 г. // Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. – Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. – М., 1986. – С. 331.

8. Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. – М.: КоЛибри, 2005. – 638 с.
9. Коллманн Н.Ш. Соединенные честью. – М.: Древлехранилище, 2001. – 463 с.
10. Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. – СПб.: Алетейя, 1998. – 446 с.
11. Кюстин А. де. Николаевская Россия. – М.: Политиздат, 1990. – 352 с.
12. Макаров Н.А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке: Древности темного времени. – М.: Наука, 2003. – С. 5-11.
13. Дневник Маскевича 1594-1621 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. – Вып. II. – СПб. 1859. – С. 7-124.
14. Назаренко А.В. «Ряд» Ярослава Мудрого в свете европейской типологии // Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007). – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. – С. 29-46.
15. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. – Смоленск: Русич, 2003. – 480 с.
16. Петров А. Мечты о золотом столе. Киевское наследство в политической жизни средневековой Восточной Европы // Родина. – 2002. – № 11-12. – С. 168-172.
17. Послания Ивана Грозного. – СПб.: Наука, 2005. – 715 с.
18. Радзинский Э. О Русь! Куда несешься ты? // Империя. – № 4. – 2006. – С. 92-97.
19. Воинский артикул 1715 г. // Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. – Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. – М.: Юридическая литература, 1986. – С. 327-365.
20. Тойнби А. Постыжение истории. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
21. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 700 с.
22. Флоря Б.Н. Иван Грозный. М.: – Молодая гвардия, 2003. – 403 с.
23. Шамбаров В.Е. Тайна воцарения Романовых. – М.: Алгоритм, 2007. – 592 с.
24. Янов А.Л. Россия: у истоков трагедии. 1462-584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 559 с.

TO A PROBLEM OF SOURCES OF AUTHORITATIVE TRADITION IN RUSSIAN SOCIETY

This work is devoted to research of origins and development of tradition of authoritarianism in Russia. It represents attempt to answer a question – as, under what circumstances was the Russian authoritarianism generated and what is the reason of its survivability. The complex approach is put in a basis of work to study the problem of the Russian authoritarianism which developmental processes are considered on a wide background with attraction of analogies. The author starts with the assumption that formation of authoritative tradition in Russia has been connected with necessity of realization of the external expansion caused by internal and external circumstances. In conditions when Russia is involved in the uncompromising conflict between different civilizations, when it faces sharp shortage of resources, to win this conflict means only to create the strong state. This state could mobilize the limited forces and means and to direct them on the decision of the vital problems for the society. Mobilization character of statehood implies also requirements to a political mode which inevitably gains authoritative character.

T.M. PENSKAYA

Belgorod State University

e-mail: Penskaya@bsu.edu.ru

Key words: authoritarianism, power, society, history of Russia.

УДК 140.8

ТВОРЧЕСКИЙ И ПРОЕКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ПОНИМАНИЯ

О.И. ТАРАСОВА*ЕГУ им.И.А. Бунина*

Статья посвящена актуальной философской проблеме – феномену понимания. Понимание принадлежит глубинной, метафизической сущности человека. Понимание – синтезирующая функция разума на основе воображения.

Ключевые слова: понимание, мышление, сознание, воображение, прозрение, интуиция, творчество.

Эпоха рубежа тысячелетий – это эпоха антропологического кризиса и «бегства от мышления» (М. Хайдеггер). Уже очевидно, что осмысление и понимание современной ситуации и тенденций развития стремительно отстает от результатов преобразующей активности человека, что совокупность существующих и возникающих проблем превышает не столько уровень техники, сколько уровень понимания, эвристический и творческий потенциал человеческого мышления. Пожалуй, основная причина системного кризиса цивилизации состоит в том, что человечество постепенно утрачивает контроль и над технологической средой, и над образом жизни, и над процессом собственной эволюции.

Понимание – это дело человека в бытии. Понимание принадлежит глубинной, метафизической сущности человека. Отчужденный от понимания, человек утрачивает свою человеческую сущность. Главная опасность в том, что человек, по словам М. Хайдеггера, подчинен сущности техники, которая ничем техническим не является. Человек становится рабом техники, он утрачивает способность думать, чувствовать и понимать. Вовлеченный в симулятивную событийность, человек утрачивает способность к трансценденции, у него исчезает потребность в мышлении и осознании мира. В дегуманизированной антропологической реальности потенциал разума сводится к интеллекту как инструменту обработки информации для адаптации к искусственной среде и рыночной конкурентоспособности.

В свое время М. Хайдеггер отмечал, что вся бездумная охота на будущее, вычисление его образа путем проекции полумосмысленного настоящего на туманное завтра, пока еще движется в рамках технически-исчисляющего представления. Все попытки морфологически, психологически примерить к настоящей действительности образы декаданса и крушения, рока и катастрофы, заката представляют собой лишь технические манипуляции. Они оперируют аппаратом исчисления симптомов, перечень которых можно удлинять до бесконечности и варьировать каждый раз заново. Подобные анализы не замечают, что работают только в направлении технического расщепления и его методом, представляя тем самым техническому сознанию соразмерное ему историографически-техническое изображение происходящего¹. Иными словами, осмысление человеческой активности, ее результатов и последствий прогрессирующе отстает от самой активности.

Исследование и осмысление феномена понимания имеет в философии свою историю. В европейской философии, особенно в философии XX века, проблема понимания представлена наиболее разнообразно. Тем не менее до настоящего времени в философии нет единого мнения о сущности, природе, формах понимания.

В работах М. Хайдеггера происходит изменение взгляда на феномен понимания в связи с переходом от онтологической к экзистенциальной проблематике. Понимание есть не только способность к познанию и освоению мира. Понимание – это способ, которым конституируется бытие человека в целом. Онтологический характер понимания предвзает всякую человеческую деятельность в качестве предпонимания. Этот феномен пронизывает все отношение человека к миру, с ним связано познание и практическая деятельность.

¹ Хайдеггер М. Поворот // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. – С. 258.

Понимание представляет собой непосредственную сопричастность жизни без опосредования понятием (Г.-Г. Гадамер). Понимание принадлежит сущности человека. Хайдеггер отмечает, что наше присутствие в основании своего существа трансцендирующе. Выход за пределы сущего всегда совершается в самой основе нашего бытия. Такой выход и есть метафизика в собственном смысле слова. Подразумевается, что метафизика принадлежит природе человека. «Метафизика есть основное событие в человеческом бытии. Она и есть само человеческое бытие»². Метафизика – универсальное пространство понимания. «Метафизика – это вопрошание сверх сущего, за его пределы, так, что мы получаем после этого сущее для понимания как таковое и в целом»³.

По словам В.В. Бибихина, «единство *могу-мыслю-пониманию* не столько свойство человека, сколько само его существо. Человеческое существо есть раньше всего открытое миру *могу*»⁴. Человек «*может* мир» и понимает его, но не как знание устройства, инструкции или технологии, а в смысле умения быть в нем. Понимание – это изначальная бытийная характеристика человеческой жизни, «*изначальная форма исполнения человеческого существования*», которое представляет собой в-мире-бытие. До всякой дифференциации понимания на различные направления прагматического и теоретического интереса понимание является способом бытия человека, поскольку оно есть способность бытия и «возможность»⁵.

Понимание – это проявление метафизики как основного события человеческой жизни. Природа понимания коренится в открытости человека бытию. Понимание мистериально, в нем всегда есть некое таинство целостного мышления, тайна полноты целого мира, который не поддается рационализации и формализации. В глубине понимания раскрываются предельные характеристики мироздания, доступные человеку.

В настоящее время феномен понимания признается специфическим видом культуротворческой деятельности человека. Сегодня именно экзистенциальные аспекты понимания требуют дальнейшего философского осмысления. Бытийность человека, его будущее связаны с культуротворческим потенциалом понимания. Но проблема понимания, его качества, проблема состояния интеллектуальной сферы в общечеловеческом масштабе по многим причинам была вынесена за пределы научного и философского анализа.

Современные психологические исследования показывают, что процесс понимания и смыслообразования неразрывно связан со всей структурой психической деятельности человека, которая является сложнейшим динамическим образованием. Поэтому все попытки воспроизвести, воссоздать в ЭВМ этот процесс понимания вне человеческого мировосприятия и вне процесса жизнедеятельности принципиально невозможны. Существенное отличие машинных процедур «приписывания смысла» от процессов смыслообразования человека состоит в том, что понимание определяется побудительными механизмами деятельности, которая своими корнями уходит в мотивационную сферу личности. Человеческая деятельность динамична, и в разные ее моменты одни и те же характеристики объекта занимают различное место в ее структуре и соответственно приобретают различный, переменный, вариативный смысл⁶.

Понимания как отдельного вида мышления не существует. Понимание представляет собой не только результат мышления, но один из его процессов. Понимание так же, как и метафора, – это и процесс, и результат, это и волна, и частица одновременно. У психологии нет оснований рассматривать понимание как особый процесс, отличный от «дела мышления». Мышление в целом направлено на получение человеком новых знаний, а та его сторона, которая является пониманием, представляет собой порождение смысла знания, полученного в процессе мышления.

Понимание обладает некоторой синкретичностью, и потому не поддается однозначной расшифровке в логике линейного мышления и техно – информационной рациональности. В философии проблема понимания актуализируется в такие периоды

² Хайдеггер М. Что такое метафизика // Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. – С. 26.

³ Там же. – С. 24

⁴ Бибихин В.В. Язык философии. М., 2002. – С. 84.

⁵ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. – С. 310.

⁶ Знаков В.В. Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. М., 2007. – С. 29-30.

культурно-исторического процесса, когда нарушаются ранее устойчивые связи между основными смыслообразующими понятиями и новые мировоззренческие задачи выходят за пределы накопленного опыта и теоретического решения⁷. Проблема понимания в образовании актуализируется тогда, когда становится очевидной исчерпанность существующей модели образования производящей человека-массу с потребительским типом мышления. Когда образование оказывается не способным к системной трансляции универсальной культуры, не способным к воспитанию и образованию человека понимающего.

Понимание – синтезирующая функция разума на основе воображения⁸. Понимание это построение вероятностной инвариантной модели множественности целого в диалогическом мыслительном процессе. Понимание является деятельностью сознания, направленного на фиксирование некоторой структуры, обладающей свойством целостности. Для этого необходимо согласование результатов протекания как минимум двух противоположных процессов: процесса структурирования объекта в соответствии с представлением о целостности и процесса восприятия смыслов отдельных составляющих. Доминирующим механизмом понимания выступает синтез разрозненного на основании сходства, подобия (который лежит в основе порождения метафоры). Иными словами основными процессами, участвующими в осуществлении понимания как биполярного процесса, являются: процесс структурирования в соответствии с представлением о целом, условно говоря, процесс «приписывания смысла», и процесс восприятия смыслов частей, «вычерпывание смысла»⁹. Понимание является биполярным сочетанием различных логик, соответствующих специфике левого и правого полушарий мозга. Фундаментальность понимания обеспечивается не только количеством «информационного многознания», но его сочетанием со способностью к инвариантной многозначности и символическому мышлению.

Без образного мышления, познавательного потенциала воображения и творческого отношения понимание не возникает. Любое подлинное понимание начинается вовсе не на понятийном уровне, а на уровне интуитивного схватывания образа понимаемого. Только через личные образные структуры происходит восхождение к сущности собственно понятия. Хотя образ не обладает точностью и четкостью понятийных структур, зато он обладает огромным потенциалом эвристичности. Образ всегда личен. В нем нет универсальной всеобщности понятия, но есть свернутая пружина огромного познавательного интереса¹⁰.

Одним из способов бегства от мышления становится отождествление мышления и приобретенных навыков, понимания и операциональности, разума и рассудка. Человек разумный и духовный становится человеком интеллектуальным, функционирующим и бездуховным.

Устность и письменность – это не только типологически разные культуры, но и два принципиально разных способа осмысления бытия. А также – два различных способа коммуникации: антропологической преемственности бытия и технологической трансляции информации. Переход от устности к письменности – это изменение способа осмысления бытия, зарождение одномерного формализованного мышления и возникновение противоречий между указанием и обозначением (М. Хайдеггер), строгостью и точностью, аналоговым и цифровым, символом и знаком.

Однозначный знак *дан*, и он прост тем, что однозначен. Символ *задан* много-сложностью, богатством смысловых оттенков и возможностей интерпретаций. В противоположность «извлекающему» знаку символ «втягивает» в себя всевозможные смыслы. «Важнейшей особенностью символа является то, что он проникает на все уровни бытия, позволяя буквально или метафизически охватить целый ряд явлений разного уровня»¹¹. Символ – указание, аналог, тенденция, для раскрытия которой требуется сознательное личностное, умственное, творческое усилие. Само наличие этого сознательного усилия

⁷ Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыт философии языка. М., 2008. – С. 566.

⁸ Автономова Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность. М., 1988. – С. 259.

⁹ Долгова О.А. Феномен понимания в структуре познавательной деятельности. Дисс. ... канд. филос. наук. Уфа, 2001. – С. 12.

¹⁰ Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург, 1997. – С. 124 – 125.

¹¹ Абрамов М.Г. Знак и символ // Человек. 2006. № 3. – С. 76.

индивида, далеко выходящее «за тот минимум, что нужен для оперирования знаком, и принимающего характер трансцендирования, как раз и отличает символ от знака»¹².

Прочтение знаков – извлечение однозначного, фиксированного, данного, неподвижного, неизменного, предельно «задокументированного» смысла. Если потребительство, существующее в режиме «приемника», можно обозначить как переход от указания к обозначению, то понимание, удерживает в структуре мысли и ход от указанию к обозначению, и обратное движение от обозначения к указанию. Чтобы извлечь смысл, содержание, знание, информацию из текста, из знаковых систем, необходим обратный ход – от знака к символам, т.е. то, что должен восстановить читатель, который структурой масс-медиа дифференцирован от ситуации событийности, от диалогичности сознаний. Этот путь от знака к символу, который требует умственных усилий, метафизической силы и укорененности в бытии, и составляет личностный путь понимания.

Понимание символично по сути, поскольку представляет собой не нарушенное единство «прямой и обратной связи». То, что утверждают Хайдеггер и Флоренский в идее «слышащей событийности», то, что отмечает М. Мамардашвили и А. Пятигорским. «Символы соотносятся с пониманиями, и поэтому оперирование символом как “знаком” предполагает не реконструкцию денотата этого знака, а реконструкцию субъективной ситуации порождения как денотата, так и знака, то есть ситуацию понимания. Следовательно, символ предполагает необходимость очень тонкого и непрямого обращения с собой»¹³. Иными словами, феномен понимания, связанный с аналоговым иносказанием, является символическим процессом.

М. Мамардашвили и А. Пятигорский утверждают, что в основе знания лежит символическое отношение, которое возникает при особом состоянии сознания. Находясь в таком состоянии, возможно мыслить сущность мира и прозревать основы бытия. Попасты в это особое состояние сознания можно только свободно и добровольно. Обучить попаданию, в рамках рациональной традиции и технического исчисления, невозможно. Это состояние нельзя контролируемо воспроизводить внутри системы образования, функционирующей как масс-медиа. Оно не транслируется. И, по-видимому, такие состояния сознания открываются только в живой со-бытийности, в условиях диалога со-знаний, в ситуации антропологической преемственности и наследования бытия.

Формальное информационное просвещение не привело к просветлению разума. Просвещение базировалось на рациональной коммуникации со стремлением к максимальной информированности. В условиях современной эпохи понимание оказывается невостребованным. Такой процесс деантропологизации человека ведет к превращению социума в инертную антропологическую массу, безразличную к содержанию информации. Смерть субъекта как носителя познавательной активности ведет к утрате мышления и осознанности бытия. Ситуация умственного потребительства открывает неограниченные возможности перегрузки сознания готовыми информационно-образными структурами, т.е. является предпосылкой для реализации любой мировоззренческой обратимости.

Творчество и понимание являются нормой, а не патологией человеческого бытия. Но когда человек отчужден от собственной мыслящей и творческой сущности, тогда общество состоит не из гениев и талантов, а из формальной посредственности. Посредственный человек – тот, кто не следует своей сущности, не делает то, что ему предназначено в бытии. Дети в пространстве устности обладают творческой свободой, в отличие от «занятых делом» взрослых они захвачены миром. У цивилизованного взрослого занятость уже не допускает захваченности. Будучи занятым, нельзя почувствовать осуществленность. Только в свободе человек может расцвести во всей полноте своей одаренности. Если нет возможности самореализации, то деградация будет неизбежна.

Чтобы обрести утраченный контроль над эволюционным процессом, необходим переход не к обществу массового информационно-операционального многознания, а к обществу понимания с соответствующим уровнем осознанности бытия. Для этого требуется не окончательная модернизация *homo sapiens* в *homo informaticus* или *e-homo*, но возвращение человека как мыслящей сущности, открытой бытию.

¹² Абрамов М.Г. Знак и символ // Человек. 2006. № 3. – С. 76.

¹³ Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Указ. соч. – С. 44.

В погоне за информацией человек утрачивает свое «положение в космосе», приобретая «положение в технике» в качестве деиндивидуализованного элемента системы масс-медиа. Поэтому речь должна идти о новой укорененности в бытии, которая позволяет человеку избежать окончательного порабощения существом техники. Необходимо вернуть человеческому интеллекту его культурный смысл, не освобождая при этом от инструментальной функции¹⁴. Ликвидация порабощения существом техники не является отказом от технического прогресса и техники как таковой. Это означает, по Хайдеггеру, способность человека выстоять в технической среде обитания и сохранить дар самостоятельного, творческого, поэтического мышления. Преодоление идеологии потребления не связано с тем, что человек откажется от использования технических устройств и приспособлений. «Мы можем пользоваться техническими средствами, оставаясь при этом свободными от них... Мы можем сказать “да” неизбежному использованию технических средств и одновременно сказать “нет”, поскольку запретим им затребовать нас и таким образом извращать, сбивать с толку и опустошать нашу сущность»¹⁵. «Извлечение» человека из информационного метаболизма и возвращение ему статуса «быть» связано прежде всего с осознанием опасности отождествления мышления и операциональных навыков.

Человек – мыслящая сущность, открытая бытию. Благодаря открытости конечная человеческая природа способна на бесконечное понимание, осмысление всего бытия. Открытость – сущностная способность понимания. Принять к сведению, насытить память готовыми информационно-образными структурами – еще не значит ведать истину бытия. Информация и информированность – это не внимание к бытию, а способ любопытства, которое везде и нигде. Такое многозначащее любопытство заботится не о том, чтобы понимать, а о том, чтобы только смотреть и скользить от нового к новому и стремиться навстречу растущей беспочвенности. Поэтому электронный человек, e- homo, живущий в «режиме не извлеченных смыслов», привыкает не к переменам, а к скорости перемен. Привычка к умственному потребительству и информационно-образная наркомания является показателем ограниченности и искажений экзистенциальной ситуации современного человека, который подчинен сущности техники и вовлечен в симулятивную событийность. Беспочвенная виртуальность мышления письменного типа становится своеобразной искусственно смоделированной оптической регрессией, которая никогда не достигает бытия.

В связи с опытом мировидения М. Хайдеггер говорит о смотреии, которое первично в целом и соотносится с экзистенцией. Это смотрение может быть названо проглядываемостью, прозрачностью. Термин «прозрачность» выбран для обозначения «самопознания», в отличие от прослеживания, наблюдения и оглядывания какой-то произвольно выбранной точки. Прозрачность состоит «в понимающем схватывании полной раскрытости бытия в мире сквозь сущностные моменты его устроенности»¹⁶. Прозрачность – это способность видеть системность жизни. Открытость и укорененность связаны с тем, что внимание фокусируется не на(в) «прозрачности теоретического стекла», через которое приходится смотреть на мир, не на прозрачности «картины мира» в ситуации обособленного визуального мышления, а на прозрачности самого мира. Для прозрения прозрачности бытия необходимо мышление, освобожденное от операциональной, паразитарной формы медиа.

Всякое понимание обладает открытостью и проективным характером. Понимание – движение трансцендирования, возвышения над сущим. Понимание имеет экзистенциальную структуру, которая имеет характер «наброска», «плана». Характер наброска значит, что понимание не охватывает тематически того, в направлении чего оно набрасывает, а именно возможности. Благодаря характеру наброска здесь-бытие постоянно «больше» того, что оно фактически есть, если бы его захотели зарегистрировать как наличное в его бытийном составе¹⁷.

¹⁴ Порус В.Н. Интеллект как культурная ценность // Вестник РФО. 2009. № 1. – С. 79-85.

¹⁵ Хайдеггер М. Отрешенность // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991. – С. 109.

¹⁶ Хайдеггер М. Бытие и время // Исток художественного творения. М., 2008. – С. 471.

¹⁷ Там же. – С. 469-470.

Понимание – способность разума откликаться на каждое мгновение жизни как она есть, как она случается, а не согласно программе или алгоритму. Понимание можно назвать неформальной логикой творческого восприятия канонов бытия. Понимание – это творческая деятельность, соответствующая сущности человека. В творении, по мысли Хайдеггера, речь идет не о воссоздании какого-либо отдельного наличного сущего, а о воспроизведении всеобщей сущности вещей. Творение связано не с производственной однозначной точностью, а с категорией меры, постижением сущности жизни в инвариантной структуре.

Технический способ осмысления бытия сводит к поставляющему производству сотовещаго-в-наличии. Но не только техника является *téχnē*. Выведение истины к сиянию явленности, про-из-ведение истины в красоту, «пойесис» искусства – тоже *téχnē*. Ус-тность – это способ осмысления бытия. Устная культура, определяемая как народная, традиционная, устно-поэтическая, – это реальность художественного, а не технического *téχnē*. Семантическая структура устной культуры как нетехнологического способа осмысления бытия неизмеримо сложнее письменной, поскольку основана на художественном, поэтическом мышлении. Хайдеггер утверждает, что поскольку существо техники не есть нечто техническое, то «сущностное осмысление техники и решительное размежевание с ней должны произойти в области, которая, с одной стороны, родственна существу техники, а с другой, все-таки фундаментально отлична от него. Одной из таких возможностей является искусство»¹⁸.

Искусство – это *téχnē*, но не техника. Искусство, будучи *téχnē*, покоится в ведении. Ведение – это заглядывание вперед, в то, что предуказывает строй и задает меру, еще оставаясь незримым, что только предстоит привести в зримость и внятность для глаза и слуха, такое заглядывание вперед, в еще не узренное нуждается в видении и зоркости совершенно особой степени¹⁹. *Téχnē* – способность разумения, способ видения, знание меры делания. И подразумевается здесь не то, что делается, изготавливается, производится, потому что ведать – значит держать в поле зрения то, в чем все дело, когда производится творение и образный строй. Иными словами, ведать – значит держать в умозрительном предпонимании самостоятельно генерируемый смыслообраз, структурно-символическую аналогию в состоянии динамической переводимости.

Для осуществления проективности мышления необходимо воображение. Воображение самостоятельно генерирует идеи и смыслообразы, вся его деятельность протекает в области идей, для него смысл важнее правдоподобия и зрительного решения. Воображение есть высшая познавательная способность и онтологический дар творчества. Человек творческого склада ума обладает богатством воображения, т.е. способностью выходить за традиционные, стереотипные представления, менять угол зрения и, главное, разрешать мыслительные тупики внелогическим способом. Поскольку программами, алгоритмами или логическими процедурами открытия не сделаешь.

Подлинный процесс усвоения заключается не в накоплении запоминаемой информации, но в творческом отклике на духовно близкое. Только при творческом усвоении осуществляется понимание. Настоящее понимание порождает не однообразное, стереотипное эхо, а созвучие гармоничных резонансов с тем, на что откликается духовная сущность человека. Творчество всегда связано с переживанием. Творчество – род интуиции как непосредственного усмотрения истины, проникновения в сущность бытия. Воображение, имажинативная логика, художественная воля, живущая в душе человека, – это предвосхищение стремлений и целей культуры и бытия, это творческий заряд познания и осмысления мира.

Список литературы

1. Абрамов, М.Г. Знак и символ // Человек. 2006. № 3. С. 72 – 79/
2. Автономова, Н.С. Познание и перевод. Опыт философии языка. М.: РОССПЭН, 2008.

704 с.

¹⁸ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. – С. 238.

¹⁹ Хайдеггер М. Исток искусства и предназначение мысли // Исток художественного творения. – С. 442.

3. Автономова, Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность. М.: Наука, 1988. 287 с.
4. Биbihин В.В. Язык философии. М.: Языки славянской культуры 2002. 416с.
5. Гадамер, Г.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
6. Долгова О.А. Феномен понимания в структуре познавательной деятельности. Дисс. канд. филос. наук. Уфа, 2001. 150 с.
7. Знаков В.В. Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 480 с.
8. Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. 840 с.
9. Мамардашвили, М.К., Пятигорский А.М Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 285 с
10. Порус В.Н. Интеллект как культурная ценность // Вестник РФО. 2009. № 1. С. 79-85.
11. Хайдеггер, М. Исток художественного творения. Пер. с нем. Михайлова А.В. М.: Академический проект, 2008. 528 с.
12. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 480 с.
13. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. 271 с.

CREATIVE AND PROJECTIVE CHARACTER OF UNDERSTANDING

O.I.TARASOVA

*Yelets state university
of I.A. Bunin*

The article is devoted to the actual philosophical issues of the phenomenon of the understanding. The understanding belongs to deep, metaphysical essence of the person. Understanding is the synthesizing function of reason on the basis of imagination.

Key words: understanding, thinking, consciousness, imagination, enlightenment, intuition, creativity.

УДК 111, 123, 124

ПРИНЦИП НЕИЩЕРПАЕМОСТИ УНИВЕРСУМА: АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ

В.Н. ФИНОГЕНТОВ*Орловский государственный
аграрный университет***e-mail: v_fin@mail.ru**

В статье предпринята попытка прояснить одно из ключевых мировоззренческих понятий: понятие универсума. Дается также обоснование идеи неисчерпаемости (многообразной бесконечности) универсума в качестве важнейшего философского принципа. Демонстрируются некоторые существенные антропологические и аксиологические следствия, вытекающие из принятия указанного принципа.

Ключевые слова: универсум, бесконечность, неисчерпаемость, монизм, плюрализм, ценности, гуманизм.

Понятие универсума чаще всего употребляют как понятие по своему содержанию близкое или тождественное понятию «мир». Правда, многие авторы утверждают, что существует множество различных миров. В таком случае универсум понимается как совокупность всех этих (разнообразных) миров. Так, например, античные атомисты говорили об универсуме как множестве возникающих, пребывающих и разрушающихся миров. Г.В. Лейбниц, как известно, рассматривал универсум как множество всех возможных миров. Из этого множества миров реальным является, по Лейбницу, только наш (по его мнению, – это «наилучший из возможных миров») мир, а остальные – только возможны, поскольку их можно логически непротиворечиво помыслить. В некоторых отношениях понятие универсума сближается также с понятием Абсолюта, обозначающим во многих религиозно-философских системах основу мира, полноту бытия, творческое первоначало мира, слитность субъекта и объекта. Понятие универсума близко по содержанию также содержанию понятий «природа» в широчайшем смысле этого слова и «Вселенная», применяемого чаще всего в естествознании.

Номинально универсум (лат. *universum, summa rerum*) означает «все имеющееся», «все, что существует». Именно это номинальное значение обсуждаемого понятия я принимаю в качестве исходного и предварительного его истолкования. Таким образом, универсум – это субъект существования, это все, что в том или ином смысле существует.

Очевидно, что это определение сразу же вызывает серьезные вопросы и, следовательно, требует дальнейших разъяснений. Прежде всего, оно содержит чрезвычайно неясное по своему содержанию понятие существования. На первый взгляд, содержание этого понятия можно пояснить следующим образом. Существующим следует считать все то, что «заявило о своем существовании», что, следовательно, вовлечено в ту или иную форму познавательной или преобразовательной деятельности человека (человечества). Такой подход, несомненно, должен быть охарактеризован как излишне осторожный и в некотором смысле статичный, аисторичный. Действительно, история развития общества однозначно свидетельствует о том, что человечество открывает все новые сферы существования, новые регионы универсума. Когда-то в качестве существующих «регионов универсума» европейцами были открыты Америка, Австралия и Антарктида. Относительно недавно статус существования для человечества обрели галактики и квазары, атомные ядра и элементарные частицы. Подобные примеры можно умножать. Поэтому, несомненно, существованием обладает не только известная в наше время часть универсума, но и неизвестная нам его часть, то есть часть универсума, еще не ставшая предметом познавательной и преобразовательной деятельности человека. Если предположить, что универсум качественно и количественно бесконечен, то человеку и человечеству всегда известна (в определенной мере) только конечная часть такого универсума.

Предположение о многообразной качественной и количественной бесконечности универсума (о неисчерпаемости универсума), несомненно, является фундаментальным

принципом онтологии, в значительной степени определяющим особенности соответствующего мировоззрения. Далее я буду называть это предположение принципом инфинитизма. По всей видимости, строго доказать предположение о бесконечности, неисчерпаемости универсума невозможно. Однако обосновать принцип инфинитизма, на мой взгляд, можно достаточно убедительно. Попытка обоснования сформулированного предположения будет предпринята мною ниже. Но уже сейчас можно сказать, что принятие этого предположения требует внесения существенных коррективов в наиболее распространенные в философии представления об универсуме.

В частности, как правило, универсуму в философии приписывается единство, целостность. Так, например, для Шеллинга универсум – это «действительная целостность (*totalitas*)¹». Этот мыслитель утверждал также, что универсум является «абсолютной тотальностью» («абсолютным субъектом»). С его точки зрения, одна сторона этой абсолютной тотальности – это природа, а другая – мир духа². Аналогичные формулировки мы находим и у Гегеля. Он также говорил об универсуме как о «целокупности»³, как о «полноте природного и духовного универсума»⁴. Гегель писал о «единой органической жизни Универсума». Он подчеркивал, что «Универсум – это не нагромождение множества равнозначных акциденций, но живая, жизненная система»⁵.

Особое внимание понятию универсума уделял Х. Ортега-и-Гассет. Даже саму философию он определял как «познание Универсума»⁶. Он понимал универсум как «все имеющееся» и считал его единым целым. Универсум, утверждал он, – «это целостный объект». Для испанского мыслителя Универсум – «это подлинное целое», это «самодостаточное целое»⁷. Впрочем, суждения Х. Ортега-и-Гассета в связи с вопросом о единстве и целостности универсума непоследовательны и даже противоречивы. Действительно, с одной стороны, как уже отмечено, он подчеркивал, что, по сути, об Универсуме нам известно только то, что он является целостным объектом. С другой стороны, несколькими страницами ниже он писал, что на самом деле и это нам неизвестно. «Нам, – указывал Ортега-и-Гассет, – неизвестно, действительно ли это имеющееся будет единым целым, т.е. Универсумом, или же то, что имеется, скорее, составит различные целые, т.е. будет Мультиверсумом»⁸.

Представляется, что единство, целостность (тотальность) универсума невозможно согласовать с принципом инфинитизма, то есть с признанием его многообразной количественной и качественной бесконечности (неисчерпаемости). Скорее всего, философское утверждение единства, целостности универсума является своеобразным реликтом картины мира, сформировавшейся в лоне монотеистической религии. Действительно, теистическое признание единственного Бога-творца подразумевает ту или иную форму единства, целостности сотворенного им универсума (мира). Именно единый и единственный Бог выступает здесь как гарант единства и целостности универсума (мира).

Так, например, Н.О. Лосский писал в связи с этим, что в мире «все имманентно всему»⁹. Он подчеркивал также, что «мир есть систематическое единство», и это единство обусловлено «Сверхсистемным началом»¹⁰, Богом. Стоит отметить, что, по мнению русского философа, единство мира эволюционирует, прогрессирует, восходя от «отвлеченного единосуция» к «конкретному единосуцию». В духе своего учения о «субстанциальных деятелях», он утверждал: «Исходя из своего отвлеченного единосуция, деятели, все поведение которых вытекает из любви к Богу и всему миру, восходят к конкретному единосуцию: используя свои свойства, которые суть образ Божий в твари, они осуществляют

¹ Шеллинг Ф.В.Й. Соч. в двух томах. Т. 2. М., 1989. – С. 37.

² Там же. – С. 479.

³ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1998. – С. 567.

⁴ Там же. – С.242.

⁵ Гегель Г.В.Ф. Философия религии в двух томах. Т. 2. М., 1977. – С. 478.

⁶ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991. – С.77.

⁷ Там же. – С. 78.

⁸ Там же. – С. 87.

⁹ Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики. Характер русского народа. М., 1991. – С. 55.

¹⁰ Там же. – С. 49.

еще и подобие Божие. Совокупность деятелей, живущих так в Боге, образует совершенную область бытия – Царство Божие»¹¹.

Показательны в этом плане также рассуждения современного мусульманского богослова Саййида Муджтаба Мусави Лари. Он не сомневается в том, что «между всеми компонентами мира существует исключительная взаимосвязь и гармония»¹². Религиозный мыслитель с помощью весьма наглядных образов поясняет характер этой взаимосвязи. «Мир, – пишет он, – представляется своего рода караваном, в котором все путники связаны как бы одной цепью, совместно продвигаются по направлению к одной цели». И далее, сравнивая мир с организмом, он утверждает: «Каждый элемент этого организма выполняет свою конкретную функцию, все другие части и элементы как бы дополняют друг друга»¹³. Разумеется, для Саййида Муджтаба Мусави Лари источником единства мира является единство (и единственность) Бога. С другой стороны, единство мира является для него убедительным свидетельством единства (и единственности) Бога. «Мир, коренящийся на единстве и взаимосвязи своих частей, – указывает он, – обязательно имеет своим происхождением единый источник, единый принцип. Бытие проистекает из единого источника; если признать, что всеобщность вселенной едина, то придется согласиться с тем, что и Создатель ее один. Тот факт, что Создатель сотворил единство вещей во всем многообразии их в мире, является сам по себе убедительным подтверждением Его единственности, универсальности, силы и мудрости»¹⁴.

Богословы и философы, исходящие из предположения о единстве и целостности универсума, претендуют на построение глобальной картины универсума. Осознанно или неосознанно они стремятся охватить (описать, объяснить, понять) своими богословско-философскими теориями и концепциями весь универсум (мир как целостность). Очевидно, что онтологическим основанием таких концепций является предположение о той или иной форме конечности универсума, принятие принципа финитизма. Авторы и сторонники концепций такого рода логично назвать финитистами.

В истории духовной культуры, в истории философии в частности, финитисты представлены достаточно широко. Финитисты, как правило, считают в принципе решенными основные мировоззренческие проблемы. Нерешенными для них остаются лишь некоторые второстепенные вопросы, связанные с уточнениями, конкретизациями, детализациями уже нарисованной ими глобальной картины универсума. Если говорить о религиозном мировоззрении, то, как уже отмечалось, – это монотеизм в различных его формах (иудаизм, христианство, ислам). Если иметь в виду философское мировоззрение, то это разнообразные формы онтологического монизма: монистическая система Б. Спинозы, абсолютный идеализм Гегеля, диалектический материализм и т.д.

Следует подчеркнуть, что нередко авторы и сторонники финитистских концепций говорят о бесконечности универсума и (или) Бога. Так, например, сторонники теистических воззрений утверждают бесконечность Бога. О бесконечности субстанции (Бога, природы) писал также Б. Спиноза. Бесконечность мира (материального мира) подчеркивали создатели диалектического материализма и их последователи... Однако, как показывает анализ, в указанных (и других финитистских) мировоззренческих системах идея бесконечности (универсума, Бога) чаще всего только провозглашалась, но не проводилась последовательно сквозь эти системы. Либо эта идея понималась в таких системах односторонне. Например, в них утверждалась только пространственная бесконечность мира.

Характеризуя финитизм, необходимо отметить, что его сторонникам свойствен гносеологический оптимизм. Другими словами, они убеждены в том, что человечество способно достичь или, по крайней мере, приблизиться к абсолютной истине, построив «окончательную теорию» универсума. В социальном плане финитистам, как правило, свойствен прогрессизм. Иначе говоря, они не сомневаются в том, что человечество развивается по восходящей линии, что оно постоянно движется «вперед и выше», теоретически и практически осваивая и совершенствуя универсум.

¹¹ Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики. Характер русского народа. М., 1991. – С. 58.

¹² Саййид Муджтаба Мусави Лари. Бог и его атрибуты. Лекции по мусульманской догматике.

Третье издание: Август 2004. – С. 107.

¹³ Там же. – С. 108.

¹⁴ Там же.

Напротив, принятие принципа инфинитизма требует от исследователя своего рода скромности и смирения. Указанный принцип требует от него отчетливого понимания того, что любая форма мировоззрения, любое концептуальное построение позитивно охватывает (описывает, объясняет) лишь конечную часть универсума. Все остальное – «бесконечная часть» неисчерпаемого универсума – нам неизвестно. Другими словами, в рамках такого подхода невозможна «позитивная глобальность»: невозможно построение глобальной картины неисчерпаемого универсума, ибо такая картина всегда основывается на непропорциональной экстраполяции свойств известной части универсума на его неизвестную часть. Рассматриваемый подход допускает только, так сказать, «негативную глобальность». Иначе говоря, непознанная часть бесконечного универсума характеризуется в рамках такого подхода только негативно. Перенесение характеристик познанной части универсума на не познанную его часть здесь, как уже сказано, в принципе непропорционально. Разумеется, при этом не отрицается возможность дальнейшего расширения сферы познанного человечеством. Однако это расширение, в сущности, ничего не меняет: в неисчерпаемом универсуме сфера познанного человечеством остается всегда конечной, а сфера неизвестного, не познанного им – всегда бесконечной. Поскольку главным основанием концептуальных построений этого класса является признание многообразной бесконечности универсума, постольку я буду называть их авторов и сторонников инфинитистами.

Инфинитисты, как правило, являются сторонниками онтологического плюрализма, то есть утверждают принципиальную множественность, многообразие, гетерогенность (разнородность) универсума. Такие взгляды развивают, в частности, постмодернисты (Ж. Деррида, Ж. Делез, Ж. Бодрийяр и др.). Инфинитисты исходят также из принципиальной погрешности, гипотетичности, относительности результатов человеческого познания, в том числе и результатов научного познания. Такая позиция свойственна, например, представителям постпозитивистской философии науки (К. Попперу, И. Лакатосу, Т. Куну, П. Фейерабенду и др.). Впрочем, ни постмодернисты, ни постпозитивисты, как правило, не формулируют в явном виде обсуждаемый принцип.

Принятие принципа инфинитизма, очевидно, ведет также к весьма серьезным следствиям для аксиологических и социально-философских построений.

Любопытно, что своего рода «подступы» к онтологическому плюрализму можно обнаружить в работах Ф. Ницше. Еще более любопытно, что именно отрицание онтологического монизма вело немецкого мыслителя к «переоценке всех ценностей». Конкретнее, он пришел к выводу, что отрицание единства мира (универсума) имеет серьезные аксиологические следствия. А именно: автор «Воли к власти» подчеркивал, что одним из онтологических оснований европейского нигилизма является потеря веры людей в то, что весь мир представляет собой «некую цельность, систему, даже организацию», потеря веры в то, что в глубине всего скрывается «некоторая высшая форма власти и управления», потеря веры в то, что миру свойственны «какое-либо единство, какая-либо форма «монизма»¹⁵. Иными словами, Ницше был убежден в том, что человек, принявший такую веру, чувствует себя «в тесной связи и глубокой зависимости от некоего бесконечно превосходящего его целого», по сути, он чувствует себя «модусом божества». И вдруг, восклицает немецкий мыслитель, человек осознает, что «такого «целого» нет!» Как следствие, «человек теряет веру в свою ценность». Человек осознает, что «он создал такое целое, чтобы иметь возможность верить в свою собственную ценность»¹⁶. Таким образом, указанное Ф. Ницше разрушение веры в то, что ценность человека детерминирована его причастностью к некоей мировой целостности и, в конечном счете, – его причастностью к абсолютной ценности Бога-творца, провоцирует мировоззренческий кризис, ввергает человека в состояние отчаяния.

Можно предположить, и опыт девятнадцатого и двадцатого столетий в известной мере подтверждает это предположение, что выйти из этого состояния отчаяния можно, продвигаясь по одному из трех путей.

Первый из них – это путь мировоззрений узко прагматических, вульгарно гедонистических, откровенно циничных, нигилистических. Субъекты таких мировоззрений ин-

¹⁵ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005. – С. 34.

¹⁶ Там же.

терпретируют отсутствие абсолютных ценностей, собственное несовершенство и неотвратимость собственного небытия как своего рода категорический императив, обосновывающий и оправдывающий их стяжательство и «зоологический индивидуализм». Они стремятся «взять от жизни все». Они игнорируют интересы других людей, они попирают нравственные и правовые нормы, они презирают высшие (духовные) ценности и т.д. Разнообразные варианты мировоззрений такого рода представлены почти на всех этапах человеческой истории. Такие мировоззрения, к сожалению, широко распространены и среди наших современников.

Второй путь, выводящий из указанного выше состояния отчаяния, – это путь утопических мировоззренческих конструкций. В соответствии с этими построениями человек (человечество) рано или поздно достигнет окончательного (и позитивного) разрешения экзистенциальных и социальных проблем. Авторы таких построений пытаются рационально обосновать возможность окончательного решения экзистенциальных проблем человека и возможность достижения совершенного состояния общества. Нередко они стремятся обосновать также возможность превращения человека (человечества) в «хозяйина Вселенной», планомерно управляющего ею, указывая на непрерывный прогресс науки и техники и постоянно растущие в связи с этим способности человека воздействовать на земные и космические процессы. Сторонники утопических мировоззрений стремятся обосновать также будущее бессмертие человека стремительным прогрессом генетики, информатики и других направлений современной науки. Разумеется, эти попытки и эти стремления, совсем нетрудно оспорить. Очевидно, например, что эти попытки и стремления абсолютизируют некоторые («позитивные») тенденции в развитии общества и не принимают во внимание многие другие («негативные») тенденции в эволюции человека и человечества. Очевидно также, что утопические воззрения основываются на предположении (может быть, явно не формулируемом и не осознаваемом) конечности, исчерпаемости человека и мира. Действительно, такая уверенность предполагает преодолимость «метафизического расстояния» между нынешним (несовершенным) состоянием человека и человечества их совершенным (идеальным) состоянием, в котором все экзистенциальные и социальные проблемы будут решены полностью и окончательно. Следовательно, это «метафизическое расстояние» является для них весьма значительным, но не бесконечным. Подобное предположение покоится, очевидно, на признании возможности осуществления ряда (пусть очень длинного, но конечного) ступеней совершенствования (совершенства), в начале которого находится человек нынешний (грешный и несовершенный), а в конце – совершенный, безгрешный человек. Иначе говоря, такие (утопические) воззрения относятся к классу финитистских мировоззрений. Очевидно, что онтологическим основанием мировоззренческих построений этого класса является предположение о той или иной форме конечности (финитности) универсума (мира, человека).

Наконец третий путь преодоления отчаяния, вызванного потерей человеком веры в возможность приобщения к абсолютной, божественной ценности, – это путь построения последовательно нерелигиозного гуманистического мировоззрения, основанного на принципе инфинитизма. Один из вариантов такого мировоззрения представлен в моих предшествующих работах¹⁷. Последовательно нерелигиозное мировоззрение однозначно отрицает возможность полного, окончательного и позитивного решения всех человеческих проблем, однозначно отрицает достижимость совершенного (идеального, безгреховного) состояния человека и человечества. Фундаментальной причиной недостижимости человеческого совершенства, безусловным гарантом невозможности полного и окончательного исключения, уничтожения его собственных источников зла и неразумия является внутренняя, душевно-духовная бесконечность человека. Из этой же внутренней, душевно-духовной бесконечности человека однозначно следует невозможность его полной внутренней гармонизации, невозможность полного преодоления внутреннего душевно-духовного хаоса человека. Аналогично рассуждая применительно к обществу, мы приходим к выводу о принципиальной недостижимости «земного рая»: «всесовершенного»

¹⁷ См.: Финогентов В.Н. *Время, бытие, человек*. Уфа. 1992; Финогентов В.Н. *И ропщет мыслящий тростник*. Уфа. 2000; Финогентов В.Н. *Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры*. М., 2009.

царства полной справедливости, свободы, добра, истины, красоты. На мой взгляд, интересным вариантом такого мировоззрения является разрабатываемый мной «трагический гуманизм»¹⁸. Дело в том, что трагический гуманизм, с одной стороны, основан на принципе инфинитизма, с другой стороны, он демонстрирует возможность ценностно-смысловой наполненности жизни человека. Следовательно, такое мировоззрение может вывести человека из состояния отчаяния.

Разумеется, при этом трагический гуманизм сталкивается с необходимостью решения множества мировоззренческих проблем колоссальной сложности. Но это следует считать вполне нормальным, поскольку такой гуманизм, с одной стороны, не может уподобиться утопическому гуманизму, избравшему путь примитивизации человека. Именно примитивизация человека позволяет утопическому гуманизму «решить» важнейшие мировоззренческие проблемы. С другой стороны, трагический гуманизм не может уподобиться теистическому мировоззрению, всегда претендующему на обладание сверхрациональными истинами и являющему собой образец не решения, а предрешения важнейших мировоззренческих проблем. Я имею в виду здесь то важнейшее обстоятельство, что в теизме соответствующее «решение» мировоззренческих проблем, в сущности, является простым следствием основного для такого мировоззрения постулата: гипотезы о существовании Бога.

Широко распространено мнение, согласно которому узко прагматическими, вульгарно гедонистическими и нигилистическими являются все последовательно атеистические мировоззрения. Такое мнение, разумеется, активно поддерживается религиозными авторами. Они убеждены, что без Бога перспектива небытия неизбежна, что в таком случае жизнь человека и человечества лишается духовной и ценностной вертикали, становится, по сути, бессмысленной. Неизбежная перспектива небытия, полагают они, обрекает человека на отчаяние и вырождение, на потерю человеческого облика. В такой позиции есть своя правда. Действительно, отрицание божественных гарантий, неотвратимость угрозы небытия может ввергнуть человека в отчаяние, может вести человека к деградации и духовной смерти. И эта возможность, увы, нередко превращалась и превращается в печальную действительность. Нетрудно показать, однако, что атеистические мировоззрения совсем не обязательно ведут человека к черному пессимизму, нигилизму и деградации. Так, например, трагический гуманизм, как уже сказано, с одной стороны, сознательно принимает угрозу небытия и перспективу небытия человека и человечества. Этим и обусловлено присутствие в названии данного мировоззрения понятия «трагический». С другой стороны, это мировоззрение подчеркивает ценность человеческой жизни и возможность осуществления человеком осмысленной, «поистине человеческой» жизни здесь, на этой грешной земле. Такая («поистине человеческая») жизнь достигается человеком в том случае, если он так или иначе приобщен к высшим («поистине человеческим») ценностям. Это и позволяет определять данное мировоззрение как «гуманизм».

Самое интересное здесь то, что наборы (перечни) этих высших ценностей у религиозных авторов и авторов нерелигиозных достаточно близки. К разряду таких ценностей и те и другие относят истину, свободу, добро, красоту... Конечно, религиозные авторы интерпретируют эту близость как зависимость, вторичность нерелигиозной аксиологии по отношению к аксиологии религиозной. Они утверждают также, что без религиозной поддержки и божественной санкции ценности, провозглашаемые нерелигиозными мировоззрениями, бессильны, не выдерживают «испытания жизнью» и т.д. Они утверждают, что без религиозной поддержки и божественной санкции указанные ценности быстро потеряют свою привлекательность и мощь, и, соответственно, субъекты безрелигиозного мировоззрения неизбежно придут к аморализму и нигилизму.

Для последовательно атеистического мировоззрения, в частности, для трагического гуманизма, творцом и гарантом высших и всех других ценностей, конечно, является человек (общество). С другой стороны, с позиций такого мировоззрения «человекообразное существо» становится человеком только через приобщение к этим ценностям. В от-

¹⁸ См., например, мои статьи: Финогентов В.Н. Гуманизм религиозоподобный и гуманизм трагический // Здравый смысл. 2010, № 1 (54), с. 43-51; Финогентов В.Н. О «гуманизме» великого инквизитора // Здравый смысл. 2010, № 4 (57), с. 40-47).

личие от других фрагментов бытия человек существует не только в мире вещей и процессов, но и в мире ценностей и порождаемых ими смыслов. И именно приобщенность «человекообразного существа» к этому миру и превращает его в человека.

Если признавать антропогенный характер высших ценностей, как это делает трагический гуманизм, то, конечно, им так же, как человеку и обществу, угрожает небытие. Но от этого, на мой взгляд, они не становятся менее ценными. Так, например, ценность прекрасного произведения искусства не уменьшается от того, что оно рано или поздно разрушится. Ценность действий врача, спасающего жизнь человеку, и знаний, на которых эти действия основаны, не понижается от того, что этот человек когда-нибудь умрет. Ценность любви человека к человеку не терпит ущерба от того, что когда-нибудь их жизнь закончится... Скорее наоборот, угроза небытия, хрупкость и смертность человека и творимой им культуры повышают их ценность, интенсифицируют у человека переживание их ценности и требуют от человека бережного отношения к ним. Прекрасен человек, созидающий ценности и, следовательно, себя в качестве человека, несмотря на угрозу и неизбежность небытия!

Вернусь к обсуждению принципа инфинитизма. Уже указывалось, что этот принцип, по всей видимости, не может быть строго доказано и, несомненно, требует обоснования. Самой простой формой обоснования принципа инфинитизма является, на мой взгляд, указание на очевидное присутствие (наличие) в мире феноменов случайности и инноваций, свободы и творчества. Конечно, я не хочу этим сказать, что случайность и инновации, свобода и творчество обуславливают неисчерпаемость универсума. Я хочу сказать, что несомненное наличие в мире случайности и инноваций, а также – свободы и творчества¹⁹ требует поиска их предельных онтологических оснований. В свою очередь, этот поиск предельных онтологических оснований существования названных (принципиально важных для бытия человека) качеств мира ведет к выбору одного из двух путей. Первый путь – это путь признания наличия в универсуме собственных оснований случайности и инноваций, свободы и творчества. На мой взгляд, этот путь с необходимостью приводит к признанию неисчерпаемости универсума, которая (неисчерпаемость) и является предельным онтологическим основанием указанных феноменов. Можно сказать, что все указанные феномены предполагают наличие в универсуме некоторой формы спонтанности, неполной детерминированности. Можно показать, что они – спонтанность, неполная детерминированность – невозможны в конечном, исчерпаемом универсуме. Это сделано в моих предшествующих (указанных выше) исследованиях. Именно по пути признания наличия в универсуме собственных оснований случайности и инноваций, свободы и творчества я и шел в этих исследованиях. Второй путь – это путь отрицания наличия в универсуме собственных оснований перечисленных феноменов.

Кратко охарактеризую здесь этот «второй путь».

Итак, для избравших этот путь универсум лишен собственных оснований случайности и инноваций, свободы и творчества. Иначе говоря, идущие по этому пути предполагают существование внешних по отношению к универсуму оснований случайности и инноваций, свободы и творчества, поскольку они признают наличие этих феноменов в универсуме. Это – путь отрицания неисчерпаемости универсума, путь признания его исчерпаемости и конечности. Признание универсума исчерпаемым, конечным, очевидно, требует признания его несамодостаточности, несубстанциальности, сотворенности. Другими словами, в конечном, исчерпаемом универсуме отсутствуют не только собственные основания случайности и инноваций, свободы и творчества. Такой универсум лишен собственных оснований самого его существования. Иначе говоря, такой универсум нуждается в его Создателе, в Творце. Именно Творца, Бога в рамках такого подхода следует рассматривать в качестве предельного основания существования самого универсума и, соответственно, в качестве предельного основания существования в нем случайности и инно-

¹⁹ Разумеется, можно отрицать наличие в мире случайности и инноваций, свободы и творчества. Как известно, в истории культуры широко представлены мировоззренческие системы, построенные на основе такого отрицания. Такие – фаталистические – системы, очевидно, превращают человека в марионетку (Бога, природы, общества). Несомненно, они примитивизируют и универсум и человека. Они, по сути, снимают вопрос об ответственности человека и о его достоинстве.

вадий, свободы и творчества. Такой – теистический – подход весомо представлен в истории духовной культуры, весьма популярен он и в наши дни. Как известно, этот подход имеет немало привлекательных качеств. Но в нашем контексте его следует рассматривать, прежде всего, как специфический вариант преодоления конечности, исчерпаемости универсума. Действительно, в рамках такого подхода мы имеем некоторое соединение конечного универсума и бесконечного Бога. Результат этого соединения (универсума и Бога, творения и Творца), очевидно, будет бесконечным (неисчерпаемым). Если рассуждать в таком ключе, то обращение к Богу для преодоления конечности, исчерпаемости универсума и, следовательно, для «спасения» феноменов случайности и инноваций, свободы и творчества вполне естественно и закономерно. В противном случае указанные феномены просто не спасти: они, как уже сказано, невозможны в исчерпаемом, конечном универсуме. Да и вообще, человеку гораздо интереснее жить в мире, фундированном Богом, чем в конечном, исчерпаемом (механистичном) универсуме. Логично предположить, однако, что приписывание Богу качеств бесконечности, неисчерпаемости представляет для него (для Бога) весьма серьезную опасность. Ведь аналогично бесконечному, неисчерпаемому универсуму бесконечный, неисчерпаемый Бог, по всей видимости, должен потерять качество единства и цельности, то есть должен потерять свои атрибутивные качества и, следовательно, перестать быть Богом. Иначе говоря, невозможно рациональное соединение качеств, традиционно приписываемых теизмом Богу (в частности, качеств личности или сверхличности, что, в свою очередь, предполагает его единство и цельность), и качеств бесконечности, неисчерпаемости. Соединить в Боге эти качества (бесконечность, неисчерпаемость, с одной стороны, и единство, цельность, с другой) можно только посредством головокружительного скачка веры. Иначе говоря, принятие принципа инфинитизма, по сути, с необходимостью ведет к внетеизму.

Замечу, что помимо собственно теистического варианта «спасения» феноменов случайности и инноваций, свободы и творчества возможен пантеистический вариант их обоснования. Этот вариант, как известно, исходит из отождествления неисчерпаемого универсума с неисчерпаемым же Богом. Правда, Бог в пантеизме является не столько гарантом и основанием существования перечисленных феноменов (ибо неисчерпаемый универсум сам справляется с этими функциями), сколько гарантом и основанием осмысленности бытия универсума.

В связи с обсуждением различных вариантов обоснования существования указанных феноменов можно упомянуть также подход, который использовал для обоснования свободы Н.А. Бердяев. Согласно Бердяеву, свобода «вкоренена» не в бытии и не в Боге, а в «ничто». Для русского мыслителя свобода «раскрывается нам как бездонность, безосновность, как сила, идущая в бесконечную глубину». «Свобода, указывает он, восходит не к природе, а к Божьей идее и к бездне, предшествующей бытию»²⁰.

Вернусь к обсуждению принципа инфинитизма. Прежде всего, отмечу, что его не следует понимать излишне упрощенно и односторонне. Таким – «излишне упрощенным и односторонним» – было бы, например, понимание, согласно которому бесконечность универсума означает только его пространственную бесконечность. Соответственно, совершенно неверным было бы понимание принципа финитизма как утверждения именно пространственной конечности универсума. Принцип инфинитизма утверждает не бесконечность универсума в каком-то одном отношении, например, в пространственном отношении, а именно многообразную качественную и количественную его бесконечность. Такую – многообразную качественную и количественную – бесконечность универсума я буду называть также неисчерпаемостью универсума. Из сказанного следует, что принцип инфинитизма, утверждение неисчерпаемости универсума не совместимы с признанием конечности универсума в каком бы то ни было отношении. Следовательно, бесконечность универсума в каком-либо одном отношении, в частности его пространственная бесконечность, отнюдь не гарантирует его неисчерпаемости. Дело в том, что бесконечность универсума в каком-то одном отношении, к примеру, его пространственная бесконечность, вполне совместима с его конечностью в некотором другом отношении (в некоторых других или многих отношениях). Так, например, можно представить пространственно беско-

²⁰ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. – С. 91.

нечный универсум, который в каком-либо (в субстратном, номологическом...) отношении всюду, то есть во всех его регионах, однороден. Такой универсум, разумеется, нельзя признать неисчерпаемым. Его неисчерпаемость исключается субстратной, номологической или какой-либо иной глобальной однородностью универсума. Я исхожу при этом из того, что любой вид глобальной однородности универсума тождествен конечности этого универсума в определенном отношении, поскольку признание такой однородности предполагает перенесение (экстраполяцию) на весь универсум характеристик, установленных при изучении некоторой конечной его области.

Здесь, видимо, следует поставить перед собой вопрос: совместимо ли принятие принципа инфинитизма с какой-либо формой признания познаваемости универсума? Этот вопрос возникает вполне естественно, тем более что в истории человеческой мысли знает немало отрицаний возможности познания бесконечного и еще больше сетований на трудности понимания бесконечного. Некоторые из этих трудностей зафиксированы уже в знаменитых апориях Зенона Элейского и в не менее знаменитых антиномиях, сформулированных И. Кантом; другие – в парадоксах теории множеств. Можно вспомнить здесь также Аристотеля, заявлявшего, что доверять мышлению в вопросе о бесконечности нелепо, так как избыток и недостаток в данном случае (познания бесконечного) не в предмете, а в мышлении. Правда, история человеческой мысли знает и настоящие «прорывы» в философском и специально-научном постижении бесконечного, достижения, связанные с именами того же Аристотеля, Николая Кузанского, Гегеля, Георга Кантора. При философском рассмотрении проблемы познаваемости бесконечного следует, видимо, учитывать также многовековой опыт апофатического богословия.

Можно сказать, что в философии бесконечное вездесуще. Другими словами, оно скрывается в глубине каждой философской проблемы. Исключая бесконечное из универсума, мы «оскопляем», «обесцвечиваем», «умерщвляем» универсум. В конечном, исчерпаемом универсуме философия была бы, по сути, ненужной; для описания, объяснения и понимания такого универсума было бы достаточно рассудочного специально-научного познания. Отмечу, кстати, что различные формы бесконечного все более громко заявляют о себе и в специально-научном познании (в физике, в космологии, в синергетике), коль скоро оно пытается описывать и объяснять процессы развития (инновационной процессуальности) и феномен случайности. Все это заставляет исследователей «работать» с бесконечностью, несмотря на трудности и опасности, подстерегающие тех, кто дерзнул и решился на познавательное общение с бесконечным. Тем более, что по справедливому замечанию Аристотеля «ко многим невозможным (следствиям)» приводит не только признание бесконечного, но и отрицание его существования²¹.

Вернусь к вопросу о познаваемости неисчерпаемого универсума. В соответствии со сказанным выше, на этот вопрос следует ответить так: принятие принципа инфинитизма, признание неисчерпаемости универсума однозначно исключают возможность глобального познания универсума; принцип инфинитизма и онтология, выстраиваемая на его основе, совместимы только с возможностью локального познания универсума. Возможность локального познания неисчерпаемого универсума, очевидно, предполагает наличие в универсуме некоторых (всегда локальных) форм однородности и упорядоченности, а, следовательно, – присутствие в неисчерпаемом универсуме некоторых форм конечности. Если признание неисчерпаемости, бесконечности универсума необходимо для «спасения» принципиально важных для бытия человека феноменов случайности и инноваций, свободы и творчества, то признание присутствия в универсуме определенных форм конечности диктуется наличием в универсуме некоторых форм однородности, упорядоченности, закономерности, без которых невозможно само существование человека.

Здесь необходимо актуализировать еще один принцип: принцип единства человека и универсума. Подчеркну, что речь идет не о единстве универсума самого по себе (как сказано выше, такое единство несвойственно неисчерпаемому универсуму), а о единстве человека и универсума, о неразрывной взаимосвязи человека и универсума. Именно единство человека и универсума обеспечивает, в частности, постижимость (конечно, в исторически определенных границах) универсума для человека. В человеке универсум

²¹ Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 3. М., 1981. – С. 111.

самораскрывается. Иначе говоря, через познавательную деятельность человека, по сути, осуществляется самопознание универсума. Сказанное не означает обязательного приписывания универсуму некоторых качеств субъекта, в частности – некоего стремления к самораскрытию, к самопознанию и т.п., хотя и такая точка зрения возможна (она была свойственна, например, Гегелю). В рамках моей онтологической модели универсум сам по себе никуда и ни к чему не стремится, хотя бы потому, что он не является чем-то единым, целостным и, следовательно, не обладает глобально охватывающей его процессуальностью. Образно выражаясь, в игре своих неисчерпаемых возможностей неисчерпаемый универсум порождает искру духа, локально и временно его высвечивающую. Вот это-то локальное и временное высвечивание универсума и есть познавательная деятельность человека, есть процесс самораскрытия универсума, к которому сам универсум, в общем-то, “равнодушен”. Ставит преобразовательные и познавательные цели и пытается их достичь только человек. Поэтому мое утверждение о том, что познание универсума человеком есть самопознание универсума, не является антропоморфизацией универсума, оно лишь констатирует укорененность человека в универсуме.

Следует предположить, что дух человека – это не единственное «место», где раскрывается (самораскрывается) универсум. Иначе говоря, в некотором смысле и в соответствующих формах универсум открывается сам себе повсюду. В рамках такого предположения бытие универсума это и есть его самораскрытие. Можно усмотреть своего рода параллельность этого тезиса со знаменитым высказыванием Р. Декарта: «Мыслю, следовательно, существую». Это высказывание разнообразно, нередко очень интересно и глубоко комментировалось и истолковывалось многими авторами. С моей точки зрения, оно имеет два связанных между собой уровня содержания. Первый из них, по сути, очевидный таков: через мышление мы убеждаемся в собственном бытии, то есть акт мышления свидетельствует о нашем бытии. Другими словами, акт мышления открывает нам наше собственное бытие. Второй – фундаментальный – уровень содержания этого высказывания таков: само мышление является бытийственным актом, само мышление есть бытие. Интегрируя указанные два уровня содержания высказывания Декарта, можно утверждать, что мышление, с одной стороны, есть бытие, и оно же есть самораскрытие бытия, оно есть способ данности бытия бытию. В некотором смысле всякое бытие аналогично мышлению: оно есть бытие, и оно же есть самораскрытие бытия, оно есть данность бытия бытию. Таким образом, бытие есть акт самораскрытия, самоданности бытия.

С такой точки зрения дух человека – это то «место», где универсум самораскрывается особенно многообразно. В частности, здесь он самораскрывается не только на уровне единичного, как это происходит в доинтеллектуальных системах (через их процессуальность и взаимодействие), но и на уровне различных степеней общности. Это проявляется в способности человека оперировать понятиями, знаниями различной степени общности. Именно обладание этим уровнем самораскрытия универсума позволяет человеку формулировать законы науки, говорить о сущности тех или иных систем и процессов и т.д. Эта способность человеческого духа является онтологической (и одновременно гносеологической) основой для возникновения и развития всех высших его достижений, науки и философии, прежде всего. Однако она же при прямолинейном ее использовании служит основанием «финитистских» претензий человека на обладание «всеобщими законами», «априорными знаниями», на построение «окончательной теории» и т.п.

Список литературы

1. Шеллинг Ф.В.Й. Соч. в двух томах. Т. 2. М., 1989.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1998.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия религии в двух томах. Т. 2. М., 1977.
4. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991.
5. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики. Характер русского народа. М., 1991.
6. Саййид Муджтаба Мусави Лари. Бог и его атрибуты. Лекции по мусульманской догматике. Третье издание: Август 2004.
7. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005.
8. Финогентов В.Н. Время, бытие, человек. Уфа. 1992.
9. Финогентов В.Н. И ропщет мыслящий тростник. Уфа. 2000.

10. Финогентов В.Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. М., 2009.
11. Финогентов В.Н. Гуманизм религиозоподобный и гуманизм трагический // Здоровый смысл. 2010, № 1 (54), с. 43-51).
12. Финогентов В.Н. О «гуманизме» великого инквизитора // Здоровый смысл. 2010, № 4 (57), с. 40-47.
13. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.

PRINCIPLE OF INEXHAUSTIBILITY OF THE UNIVERSUM: ANTHROPOLOGICAL GROUNDING AND AXIOLOGICAL CONSEQUENCES

V.N. FINOGENOV

Orel State Agrarian University

e-mail: v-fin@mail.ru

The article provides an attempt to clarify one of the key world-view concepts: one of the universum. Also, the grounding of the idea of the universum inexhaustibility (manifold infinity) is given as one of the most essential philosophical principle. Some important anthropological and axiological consequences following the acceptance of this principle are demonstrated in the paper.

Key words: universum, infinity, inexhaustibility, monism, pluralism, values, humanism.

УДК 130.2

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ С.С. ГОГОЦКОГО

М.А. ШАРОВА

*Российский государственный
аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева*

e-mail:**SHAROV.KALUGA@mail.ru**

В статье анализируются антропологические и философско-педагогические взгляды С.С. Гогоцкого. Показано понимание мыслителем специфики философского знания, направленного на преодоление противоречия между верой и разумом, а также принципа «внутреннего нравственного чувства личности», которые должны лечь в основу мировоззренческой целостности человека. Гогоцкий показал необходимость соответствия всех целей воспитания основным идеям знания философского.

Ключевые слова: С.С. Гогоцкий, антропология, философия образования, «внутреннее нравственное чувство личности».

Как мыслитель С.С. Гогоцкий был весьма разносторонен. Его привлекали не только собственно философская и богословская, но и педагогическая области исследования; что, впрочем, было обусловлено общей культурной ситуацией в стране: закрытием кафедр философии (1850-1859 гг.) и, как следствие, переходом части профессоров к иным занятиям.

В «Философском лексиконе» (1857-1879) Гогоцкий дал определение основным понятиям, составляющим языковую и академическую нормы, в том числе философии и педагогики. Под философией он понимал деятельность мысли и познания, получающую содержание от соприкосновения с противостоящим ей миром, как предметом или действительностью, определяемой сознающим началом; философия стремится к познанию безусловного начала вещей, их внутренней связи и отношения их к этому началу. Основное назначение философского знания мыслитель видел в способности преодоления противоречий между верой и разумом и создания целостного религиозного мировоззрения. Он полагал, что философия как высшему проявлению сознательной жизни свойственно развитие, которым и объясняется разнообразие ее изменений. В работе «Введение в историю философии» (1870) Гогоцкий рассматривал развитие философской науки и ее границ в русле объективно-прогрессивной тенденции – дальнейшего обособления и специализации научного знания. Философия, считал мыслитель, начинается с внешнего предела сознания, потом переходит к рассмотрению внутренней нравственной природы человека, достигнув полноты исследования, затем дробится в своих направлениях и занимается преимущественно вопросами нравоучительными. Мыслитель утверждал многогранность философского знания; поэтому, чтобы составить полное понятие об этой науке, необходимо объяснить себе предмет ее исследования, выяснить, на какие основные вопросы распадается ее общая задача и каково ее отношение к другим отраслям знания, к образованию и жизни. «Но философия далеко не исчерпала бы своей задачи, – писал Гогоцкий, – если бы остановилась только на анализе мышления и оснований познания действительности. Она оставила бы без внимания очень важный вопрос о самом качестве, о содержании как вещного мира и субъекта мыслящего и познающего, так и об их взаимном отношении и о том высшем начале, на основании которого и может получить прочный смысл их взаимное отношение. Эти вопросы – самые важные и как бы центральные; предыдущие служат только приготовлением к ним»¹. Педагогика в этом плане виделась ему одним из направлений философского знания, состоящим из двух частей: общей (философской) и прикладной (или практической). В системе наук он отводил педагогике место между двумя видами философского знания – теоретическим и

¹ Гогоцкий С.С. Философия. – В кн.: Гогоцкий С.С. Философский лексикон. Т. IV., Киев, 1872 – С. 83.

практическим – на основании необходимости специфического осмысления, соединения в воспитательной деятельности закономерностей естественного развития ребенка и его целесообразного направления.

В работе «Об историческом развитии воспитания у примечательных народов мира» (1853) Гогоцкий акцентировал взаимосвязь культуры, философии и педагогики. Свое суждение философ пояснял тем, что «культуре свойственно проводить такое или иное отношение физической природы человека к его природе нравственной», а философия стремится «выяснить самые начала нормального отношения физической природы к нравственной как в человеке, так и в мире вообще»², фундаментальным же принципом науки о воспитании должен быть целостный взгляд на мир и человека, что также является базовым элементом культуры, а их осмысление и выражение – задача философии. В части нравственной философии им проведена дифференциация понятий «истина» и «ложь», поэтому «практический смысл человеческой жизни» виделся ему имеющим педагогическую направленность: соединять благие, добрые силы души с «началом» свободы, утвердить волю в добре, в моральном законе. Философ заключал, что основные цели воспитания должны соответствовать идеям философского знания. Поэтому назначение (цель) философии виделась ему состоящей в том, чтобы: во-первых, показать мир как целое; во-вторых, освободить человека от зла и суесть мира посредством развития его нравственной сущности – духа, что является началом истины и совершенного блага; в-третьих, гармонизировать нравственную и физическую природы человека.

В работе «Краткое обозрение педагогики» (1879) им проведено сравнение двух видов нравственной деятельности человека, что объясняет и наличие двух направлений в философии: первого – аналитического, индуктивного, опытного и второго – синтетического, дедуктивного, рационалистического. С позиции мыслителя, различие между этими направлениями коренится в различных характерах впечатлительности человека. Одни люди имеют природную склонность предполагать, что, изучая абстрактные элементы мышления и их отношения, можно найти разгадку таинств природы. Для других – важно узнавать не то, что человек может создавать сам из элементов мышления, а то, что создала Природа (= Творец). Поэтому для того, чтобы стать выше своей природной склонности, надо быть философски образованным, а «развитие ума человека требует знания философии». По Гогоцкому, философия есть любовь к мудрости, а источник философского познания – целостная жизнь духа, духовный опыт.

Центральная тема его антропологии – происхождение человеческого духа, рассматриваемая с позиции гегелевской философии. Мыслитель полагал, что формирование духа человека происходит в ходе его взаимодействия с окружающим миром и проходит стадии: 1) непосредственное чувственное единство человека с внешним миром дает наличие души; 2) осознание человеком его противоположности к внешнему миру дает наличие сознания; 3) осуществляемое человеком в ходе его сознательной деятельности содержательное единство с окружающим миром проявляется собственно как дух, выступающий в формах теоретической (как интеллект) и практической (как воля) деятельностей. Воспитательная функция при этом велика, так как дух одновременно может находиться более чем в одном состоянии и полагаться на различные источники восприятия, а именно: иметь психические состояния; сознавать их; относить их к своему «я», то есть заниматься «самосознанием» и, в то же время, учитывать внешнюю критику, адекватно воспринимать и анализировать ее в своем опыте.

Он указывал, что сознание человека включает в себя взаимосвязь нескольких элементов: 1) сознания как такового (возникает у человека в процессе познания им окружающего мира); 2) самосознания (формируется через вхождение внутреннего «я» человека в противоположность к самому себе); 3) разума, представляющего собой единство сознания как такового и самосознания (формируется через вхождение сознающего «я» человека в отношении противоположности к своему собственному содержанию, наполняющему его знанием). Задача разума – приводить знания человека в порядок. Мыслитель исходил из того, что процесс познания содержит в себе три ступени, в соответствии с

² Гогоцкий С.С. Об историческом развитии воспитания у примечательных народов мира. Киев, 1853 – С. 42.

которыми формируется сознание человека. На первой ступени – человек ощущает предметы окружающего мира (чувственное сознание); на второй – всесторонне исследует (изучает) воспринимаемые предметы и выявляет их различия, связь, единство (воспринимающее сознание); на третьей ступени – устанавливает законы, формулирует научное положение, строит доказательства (рассуждающее сознание).

Гогоцкий исследовал знание в его внутренних источниках. Он утверждал, что любой ответ, данный в соответствии с экспериментальными принципами, всегда порождает новый вопрос, требующий, в свою очередь, нового ответа. Природа человека такова, что созерцания могут быть чувственными, то есть содержат в себе способ, каким предметы воздействуют на нас. Способность же мыслить предмет чувственного созерцания есть рассудок. Философ полагал, что ни одну из этих способностей нельзя предпочесть другой: без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один нельзя было бы мыслить. Поэтому в одинаковой мере необходимо свои понятия делать чувственными, а свои созерцания постигать рассудком. Эти две способности не могут выполнять функции друг друга. Рассудок ничего не может созерцать, а чувства ничего не могут мыслить. Только из соединения их может возникнуть знание.

Мыслитель подчеркивал важность понятийно-рациональной стороны философского познания, считал, что философия является основой других наук и приучает мыслить философски. В отличие от О. Конта, согласно которому каждая отрасль наших знаний последовательно проходит три теоретических состояния: теологическое, метафизическое (отвлеченное) и научное (позитивное) – Гогоцкий не отвергал метафизику только лишь как знание второго этапа, поскольку считал, что трансцендентное миропонимание составляет такую же естественную потребность человеческого духа, как и понимание имманентное. Трансцендентное миропонимание находит основание в двух типах человеческого познающего мышления: в специальных науках и в метафизике. Учение о трансцендентных проявлениях человеческого сознания тесно связано с определением типа мышления. Гогоцкий считал, что мышление человека не исчерпывает собой все знание, не является абсолютным. Он полагал, что мышление человека нуждается в осуществлении внешнего Божественного авторитета, по своей сути оно субъективно, так как не может взять на себя ответственности за судьбы мира.

Науку мыслитель понимал как предмет (продукт) человеческой деятельности и рассматривал ее в двух планах: теоретическом (науки о природе, педагогика, психология, социология и т.д.) и практическом (науки о приемах человеческой деятельности: теория познания, логика и т.д.). Науку о воспитании он характеризовал как искусство, способное находить наилучшие методы жизни и знания.

Гогоцкий обратил внимание на важную проблему соотношения общего и особенного в воспитании. Особенности воспитания обусловлены требованиями народной жизни, занятиями, к которым готовит себя человек, его индивидуальностью. К последней, как он полагал, нужно относиться критически, поскольку кроме нейтральных в нравственном плане сторон индивидуальности, существуют и отрицательные. В целом же, в качестве принципа индивидуализации воспитания должно быть выдвинуто не безусловное следование особенностям индивидуальности, а приспособление к ним. Этому же должно способствовать «единство начал и цели» институтов воспитания – семьи и общества. Но приоритет всеобщего в повсеместной образовательной практике не означает нивелирования личности. В системе его философско-педагогических взглядов категория индивидуальности приобретает двойственное значение. В том случае, когда речь шла о прирожденных качествах ребенка слово «индивидуальность» использовалось им как синоним «особенного». В то же время, Гогоцкий отождествлял индивидуальность и с единичным, опираясь на учение Гегеля, сформулировавшего «закон индивидуальности» в концепции понятия, проходящего стадии – всеобщую, особенную и единичную. По Гогоцкому, индивидуальность возникает на высшей ступени бытия и выявления понятий: она является диалектическим внутренним соединением всеобщего и особенного в единичном. Самая совершенная форма индивидуальности воплощается в человеке как уникальном разумном существе.

Его взгляды на природу человека выдержаны в религиозно-этической традиции, что позволяет объяснить стремление человека к осуществлению нравственной свободы – качества, которое дает человеку возможность упорядочить его внутреннюю организацию,

подчинить человека высшим стремлениям духа, и тем самым достичь своего истинного предназначения – Богоподобия. Из статей «Философского лексикона» видно, что под «душевым началом» личности мыслитель понимал волю или такое действие человека, источник которого находится в нем самом. Воля – такое свободное и сознательное начало души, которое хоть и зависит от определенных мотивов, но имеет склонность к самопознанию и самооценке, то есть может осмысливать и обобщать свои побуждения к действию, выбирать между ними, руководствуясь не чувствами, а осознанием их достоинства и соответствия закону. Начало свободы требует, «чтобы человек возвышался над своими животными инстинктами», развивая в себе «высшие инстинкты, связывающие всех людей»³. Понятие «свободы воли» в антропологии Гогоцкого сближается с понятием «внутренней воли»; осознаваемым как побуждение человека к исполнению долга вопреки его склонностям. Для философа важно определить принцип создания пространства свободы индивидуального развития в процессе воспитательного взаимодействия, потому что воспитание – это и требования и ограничения. Точно так же и человек может приобрести нравственную свободу не естественным путем, а только собственными усилиями, чаще всего принуждая себя. Импульс воспитания – направлять человека на «самобытное понимание» и творческое осуществление нравственно-разумной жизни.

В работе «Краткое обозрение педагогики» (1879) он утверждал, что воспитание влияет, в первую очередь, на внутренние чувства, которые входят в состав душевной жизни человека и требуют необходимости общего приспособления всех средств воспитательного образования к психологическим законам развития душевных сил человека. Под «внутренними чувствами» он понимал «приятное, или неприятное для нас видоизменение в нашем же внутреннем самочувствии или настроении»⁴. Оценка, совершаемая во внутреннем чувстве, есть впечатление, которое входит в состав душевной жизни человека. В философии Гогоцкого внутреннее чувство – это один из видов человеческой деятельности, занимающий промежуточное положение между деятельностями: познавательной и желательной. Во внутреннем чувстве происходят два вида оценок: первая – перцепций (впечатлений), что составляет теоретический характер внутреннего чувства; и вторая – качества состояний (приятное / неприятное), что составляет ее практическую направленность. По положению внутреннего чувства можно судить и об отношении к живой личности человека: в нем – душа (одушевляющее начало всей деятельности человека) и в нем – причина (сила прочувствованной мысли), что особенно важно в периоды образования и самообразования. Кроме того, внутреннее чувство содержит оценку тому, что наш душевный субсид воспринимает и производит. Гогоцкий указывал, что внутреннее чувство – это источник внутреннего мира и гармонии; внутреннего расстройства; стройного или беспорядочного отношения к другим; источник нашего земного рая и ада. Он выделял следующие виды внутреннего чувства человека: телесные, душевные и духовные. Низшие – телесные чувства – исходят от впечатлений и удерживают человека в сфере простых настроений под влиянием органов чувств и зависят от органических причин. Промежуточные – душевные чувства – происходят от представлений, могут удерживаться и сохраняться в сознании человека. Высшие – духовные чувства – состоят в оценке предшествующих чувств и служат тем, что определяют правильность и смысл жизни. Все чувства взаимосвязаны, но не даны человеку в готовом виде, а требуют постоянного развития. Характерны отмеченные им два вида средств образовательного влияния на внутренние чувства: закон зависимости чувств от представлений и закон воплощения чувствования, и переход их от одних к другим. Мыслитель пояснял, что формирование внутренних чувств происходит, прежде всего, в душевной жизни человека, однако «всякое образование, если оно правильное, непременно хранит и питает внутренние чувства»⁵. По Гогоцкому, «педагогическая мудрость опирается на законы философии и состоит в умении способствовать сохранению чистоты высших чувств, простоте сердца»⁶. Жизнь

³ Гогоцкий С.С. Свобода воли. – В кн.: Гогоцкий С.С. Философский лексикон. Т. IV. Вып. 1., Киев, 1872 – С. 308.

⁴ Гогоцкий С.С. Краткое обозрение педагогики. Киев, 1882 – С. 1.

⁵ Там же. – С. 15.

⁶ Там же. – С. 16.

внутреннего чувства находится между внутренним (его глубиной) и внешним (его выразительностью) миром человека. Основным недостатком внутреннего чувства является то, что оно составляет только одно из звеньев в составе всей душевной жизни человека.

Гогоцкий различал умственный и нравственный виды образования. Последнему он придавал особое значение, как способу экзистенциального познания. Развитие религиозного чувства в воспитуемых необходимо начинать с раннего детства. В этом вопросе он провел критический разбор мнения Ж.Ж. Руссо, отодвигавшего сообщение понятий о Боге детям почти к концу их обучения. С правильным формированием религиозного чувства Гогоцкий связывал уровень развития культуры. Он считал, что основным, движущим началом культуры и религии является переработка чувственных перцепций (впечатлений), а не накопление знаний. Культурный аспект развития личности начинается тогда, когда человек сознает в себе, в своей душевной жизни постоянное внутреннее стремление к приобщению ко всеобщему и человеческому. Здесь заключается и общая основа возможности и переработки чувственных впечатлений в знания. «А этот внутренний позыв к чему-то только мыслимому и есть...нравственный; потому что в нем человек созерцает нечто совершеннейшее... Основу, из которой выросла культура и религия, составляет присущее человеку нравственное начало»⁷.

Нравственное воспитание возможно только на основах гармонизации нравственной и душевной жизни человека. Под нравственной жизнью он понимал соответствие всех поступков человека нравственному закону и долгу; а также требованиям правды и любви к ближним; собственным стремлениям к благу и счастью. Познавательная деятельность душевной жизни человека переносит впечатления в: представления, понятия и идеи; познает законы доступного ей мира. Гогоцкий полагал, что формирование нравственных качеств личности имеет свою стадильность: от низших к высшим формам. В основе нравственных действий лежат побуждения, с которых и начинается развитие нравственной жизни. Среди средств нравственного воспитания он отмечал: 1) развитие высших желательных проявлений; 2) общий способ развития душевных сил человека; 3) их сознательное действие (теоретическое или практическое). К условиям «успешного воспитательного образования» мыслитель относил сообщение воспитуемым целесообразных навыков. Он также говорил о роли среды, влияющей на воспитание. Относительно целей нравственного воспитания Гогоцкий выделял: низшие и высшие. Низшие состояли из дисциплинарных правил и таких средств, которые направлены на их восстановление. Высшие предполагали развитие самостоятельного настроения, самостоятельной воли. И те и другие являлись моральными элементами нравственного воспитания.

В статье «Дух обучения» («Философский лексикон») Гогоцкий развил мысль, что цель обучения, смысл образования – целостное мировоззрение, «которое возможно лишь благодаря философски правильному пониманию значения каждого предмета в общей системе образования и правильному настрою разума, воли и сердца»⁸. Ее достижение становится возможным благодаря духу обучения, заключающемуся в рассмотрении учебного предмета относительно к идее жизни вообще в соответствии с принятой системой мирозерцания. Суть этой идеи состоит в признании Бога высшей причиной – началом и целью всего мира.

Гогоцкий, анализируя основания необходимости нравственных правил, пытался раскрыть смысл философских основ воспитания. Он показал, что «если философия и педагогическая наука существуют, то это говорит о том, что в человеческой природе, кроме непосредственно данных ей внутренних и внешних сил и независимо от нашей воли их развития, есть еще возможность сознательного, свободного и целесообразного направления их не только в период зрелого состояния их, но и до наступления этого периода зрелости»⁹. Как мыслитель Гогоцкий показал, что фундаментальным принципом и философией и науки о воспитании является целостный взгляд на человека. Его заслуга состоит в

⁷ Гогоцкий С.С. Краткое обозрение педагогики. Киев, 1882. – С. 22.

⁸ Гогоцкий С.С. Дух обучения – В кн.: Гогоцкий С.С. Философский лексикон. Т. II. Киев, 1862 – С. 631 – 633.

⁹ Гогоцкий С.С. Педагогика – В кн.: Гогоцкий С.С. Философский лексикон Т. IV. Вып. 1., Киев, 1872 – С. 44 – 45.

обращении к религиозно-антропологическим принципам и попытке их научного обоснования, что нашло отражение во взглядах мыслителя на проблемы человека и на педагогический процесс.

Философско-педагогические идеи Гогоцкого получили свое дальнейшее развитие в русской философии. Особенно это относится к мысли о нравственной оценке любого знания, что делает необходимым присутствие морального элемента в воспитании. Дальнейшее развитие этот тезис получил в работах его преемника П.Д. Юркевича, акцентированного на «подчинении» познавательной сферы человека религиозно-нравственному началу («метафизика сердца»). Мыслители показали, что познание будет правильным лишь в том случае, «если все стороны души собрать воедино», что явилось важным показателем развития идей философской и педагогической антропологии середины XIX века. Юркевич также развил идею Гогоцкого о дифференциации духа и души человека, показав, что категория «души» составляет, прежде всего, совокупность переживаний человека (желания, страхи и т.д.); а «дух» – это те сокровенные тайники души, в которые «сам человек даже редко заглядывает», и куда «заглядывать рекомендуют святые отцы», поэтому основой для воспитания должен стать именно «этот внутренний человек». Так, мыслители определили, что первостепенным в педагогике должно быть формирование нравственной стороны души, а все остальные стороны непременно разовьются в нужном направлении при должном развитии стороны нравственной.

В заключение следует отметить, что, к сожалению, о творчестве С.С. Гогоцкого на сегодняшний момент известно весьма мало: его труды не переиздавались, отдельных монографических и специальных исследований не проводилось. Однако уже сейчас очевидно, что С.С. Гогоцкий, равно как И.М. Скворцов («О составе человека» 1817) и П.Д. Юркевич, является ярким представителем Киевской духовно-академической школы, в рамках которой существовала устойчивая традиция философского осмысления культурных и антропологических вопросов.

Список литературы

1. Гогоцкий С.С. Философский лексикон. Т. II. Киев, 1862.
2. Гогоцкий С.С. Философский лексикон. Т. IV., Киев, 1872
3. Гогоцкий С.С. Об историческом развитии воспитания у примечательных народов мира. Киев, 1853.
4. Гогоцкий С.С. Краткое обозрение педагогики. Киев, 1882.
5. Гогоцкий С.С. Философия XVII и XVIII веков в сравнении с философией XIX века и отношение той и другой к образованию. Киев, 1878-1884.
6. Гогоцкий С.С. О различии между воспитанием и образованием в древние и новые времена. Киев, 1879.
7. Гогоцкий С.С. Введение в историю философии. СПб., 1871.
8. Юркевич П.Д. Курс общей педагогики с приложениями. М., 1869.

ANTHROPOLOGICAL AND PHILOSOPHICAL PEDAGOGICAL VIEWS OF S. GOGOTSKY

M.A. SHAROVA

**Russian State Agrarian
University –
MSHA K. A. Timirjazeva/ s name**

e-mail:

SHAROV. KALUGA @ mail. ru

Anthropological and philosophical pedagogical views of S. Gogotsky are analyzed in the article. The article shows the ideas of the scientists who examine the specific character of philosophic knowledge directed to overcoming the contradiction between belief and mind and also the principle of «inner moral sense of personality», which is the basis of the world outlook integrity of person. S. Gogotsky has emphasized the necessity of purposal correspondence of the main ideas of philosophic knowledge.

Key words: S.S. Gogotsky, anthropology, philosophy, education, «inner moral sense of personality».

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 316.052

СИСТЕМА ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: УНИВЕРСАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Г.Н. ГАЙДУКОВА
Р.И. ГАЙДУКОВ

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Gaydukov@bsu.edu.ru*

Территориальное общественное самоуправление представляет собой самоорганизацию граждан по месту их жительства на части территории поселения для самостоятельного и под свою ответственности осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения. Структурная организация системы ТОС может быть представлена в виде универсальной адаптированной к современным условиям модели, содержащей все основные элементы организации ТОС в пределах определенной территории: объект, субъект, принципы, основы, функции, цель деятельности, задачи, механизмы реализации собственных инициатив. Конечная цель развития ТОС на территории Белгородской области – создание эффективной системы, позволяющей оперативно реагировать на проблемы жизнедеятельности населения определенной территории и муниципалитета в целом. Для анализа развития территориального общественного самоуправления на территории Белгородской области необходимо была исследована практика организации ТОС в конкретных муниципальных образованиях. Безусловным лидером в становлении ТОС на территории области является Белгородский городской округ, где работают 104 ТОС, объединенных в 27 Советов Территории.

Ключевые слова: территориальное общественное самоуправление, система, местное самоуправление, принципы ТОС, основы ТОС, функции ТОС, развитие.

Основная цель в развитии местного самоуправления в России, которая обусловлена конституционными положениями, заключается в необходимости приближения власти к населению. Местное самоуправление является одной из основ конституционного строя в России, без которой немислимо нормальное построение и эффективное развитие гражданского общества. В Конституции оно определено как участие местного сообщества в лице населения и органов местного самоуправления в осуществлении власти, а также решении вопросов местного значения.

Многими экспертами признается, что местное самоуправление как российское явление имеет двойственную, а именно государственно-общественную природу¹. Полноценный и эффективный институт местного самоуправления способен сформироваться только в условиях его поддержки, как со стороны государства, так и со стороны местного сообщества, проявляющего активность и чувствующего ответственность за условия своего жизнеустройства на данной локальной территории. При этом роль государства заключается в создании системного и непротиворечивого законодательства, формировании адекватной финансово-экономической среды и необходимых институциональных предпосылок, содействующих проявлению потенциала самоуправления органами муниципальной власти и самоорганизации жителями.

Муниципальные образования могут получить много выгод и преимуществ для местного развития, содействуя общественным инициативам в самых разных формах. Само понятие местного самоуправления, содержащееся в Федеральном законе №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее Федеральный закон №131-ФЗ), – «самостоятельное и под свою ответственность решение населением ... вопросов местного значения ...»² – требует включения граждан в процесс осуществления публичной власти на местах. Только это сможет обеспечить эффективность и результативность реформы местного самоуправления.

Основными задачами местного самоуправления являются обеспечение жизнедеятельности муниципальных образований и обслуживание повседневных потребностей людей. На этом уровне государственное управление должно проявлять себя в гораздо меньшей степени, чем федеральном и региональном. Здесь в большей степени должны реализовываться общественные и самодеятельные начала, особенно на низовом, первичном уровне – уровне **территориального общественного самоуправления** (ТОС). Эта форма исключительно гибкая и максимально приближенная к населению. Она имеет ряд специфических особенностей:

- возникает только там, где есть инициатива граждан;
- отличается многообразием своих уровней (от лестничной клетки до микрорайона или поселка);
- может существовать долгое время или исчезать, когда результат достигнут;
- может иметь или не иметь статус юридического лица и соответствующую атрибутику – название, устав, руководящий орган (совет микрорайона, квартальный комитет, старший дома или подъезда, староста сельской улицы и т.д.);
- может брать на себя несколько полномочий по решению вопросов местного значения, либо выполнять лишь одну функцию.

Согласно действующему Федеральному закону № 131-ФЗ от 06 октября 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» – «под территориальным общественным самоуправлением понимается самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения для самостоятельного и под свою ответственности осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения»³.

В анализе содержания территориального общественного самоуправления можно выделить четыре аспекта: социальный, функциональный, институциональный, социально-психологический. В социальном аспекте ТОС рассматривается как территориальная социальная общность, которая как непосредственно, так и через создаваемые им органы участвует в местном самоуправлении. В функциональном аспекте – ТОС – посредник ме-

¹ См., например: Миронова Н. Архангельская область: опыт самоорганизации и местного развития // Муниципальная власть. 2007. №6. – С. 36-42.

² Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06 октября 2006 г. №131-ФЗ (в ред. от 03.11.2010 г. №286-ФЗ) // Российская газета. – 2010. – 10 ноября. – Ст. 1.

³ Там же. – Ст. 27.

жду населением и муниципальными органами власти, который занимается благоустройством территории, социальной защита населения, сохранением жилищного фонда, газификацией частного сектора и т.д. В институциональном аспекте территориальное общественное самоуправление — это институт гражданского общества, в рамках которого население непосредственно или через органы ТОС решает вопросы местного значения. В социально-психологическом аспекте территориальное общественное самоуправление — это общность ценностей, традиций и мотивов деятельности, основанных на самоидентификации и чувстве сопричастности к управлению соседским сообществом⁴.

Развитая система территориального общественного самоуправления свидетельствует о наличии гражданского общества, высокой самоорганизации населения, его способности самостоятельно без помощи государственной власти разрешать повседневные местные проблемы. Государство в свою очередь должно поддерживать инициативу населения и обеспечивать условия для реализации такого естественного права человека, как право на территориальное общественное самоуправление.

Территориальное общественное самоуправление представляет собой сложную социальную систему, состоящую из различных элементов, основ функционирования и внешней среды. Структурная организация системы ТОС может быть представлена в виде универсальной адаптированной к современным условиям модели, содержащей все основные элементы организации ТОС в пределах определенной территории (рис. 1).

В Федеральном законе №131-ФЗ достаточно четко определены границы социального пространства, в котором может быть создано ТОС: подъезд многоквартирного жилого дома; многоквартирный жилой дом; группа жилых домов; жилой микрорайон; сельский населенный пункт, не являющийся поселением; иные территории проживания граждан⁵. Границы территории, на которой осуществляется территориальное общественное самоуправление, устанавливаются представительным органом поселения по предложению населения, проживающего на данной территории. Таким образом, **субъектом территориального общественного самоуправления** выступает территориальное общество как общность граждан, проживающих на территории и объединившихся для осуществления общественного самоуправления.

Объект ТОС — реализуемые населением инициативы для решения проблем соответствующих территорий, которые, в свою очередь, являются предметом деятельности ТОС. Под инициативами ТОС следует понимать весь комплекс мероприятий, обращений населения и органов ТОС в органы власти, иные организации и различные коллективные действия, направленные на решение проблем и развития территории ТОС.

Практику осуществления территориального общественного самоуправления определяет совокупность теоретических и нормативных предпосылок, условий и порядка организации функционирования ТОС.

Деятельность органов территориального общественного самоуправления регулируется целым комплексом юридических норм различных отраслей права: конституционного, административного, муниципального, финансового, гражданского и других. **Нормативную основу** территориального общественного самоуправления образуют нормативные правовые акты трех уровней: федерального, уровня субъектов Российской Федерации, местного самоуправления. **Территориальную основу** ТОС составляет часть поселения. Границы территории, на которой осуществляется ТОС, устанавливаются представительным органом поселения по предложению населения, проживающего на данной территории⁶.

⁴ См., например: Татаркина Ю.Н. Территориальное общественное самоуправление как институт гражданского общества. Дисс. ... к.с.н. М., 2007.

⁵ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06 октября 2006 г. №131-ФЗ (в ред. от 03.11.2010 г. №286-ФЗ) // Российская газета. — 2010. — 10 ноября. — Ст. 27.

⁶ Там же.

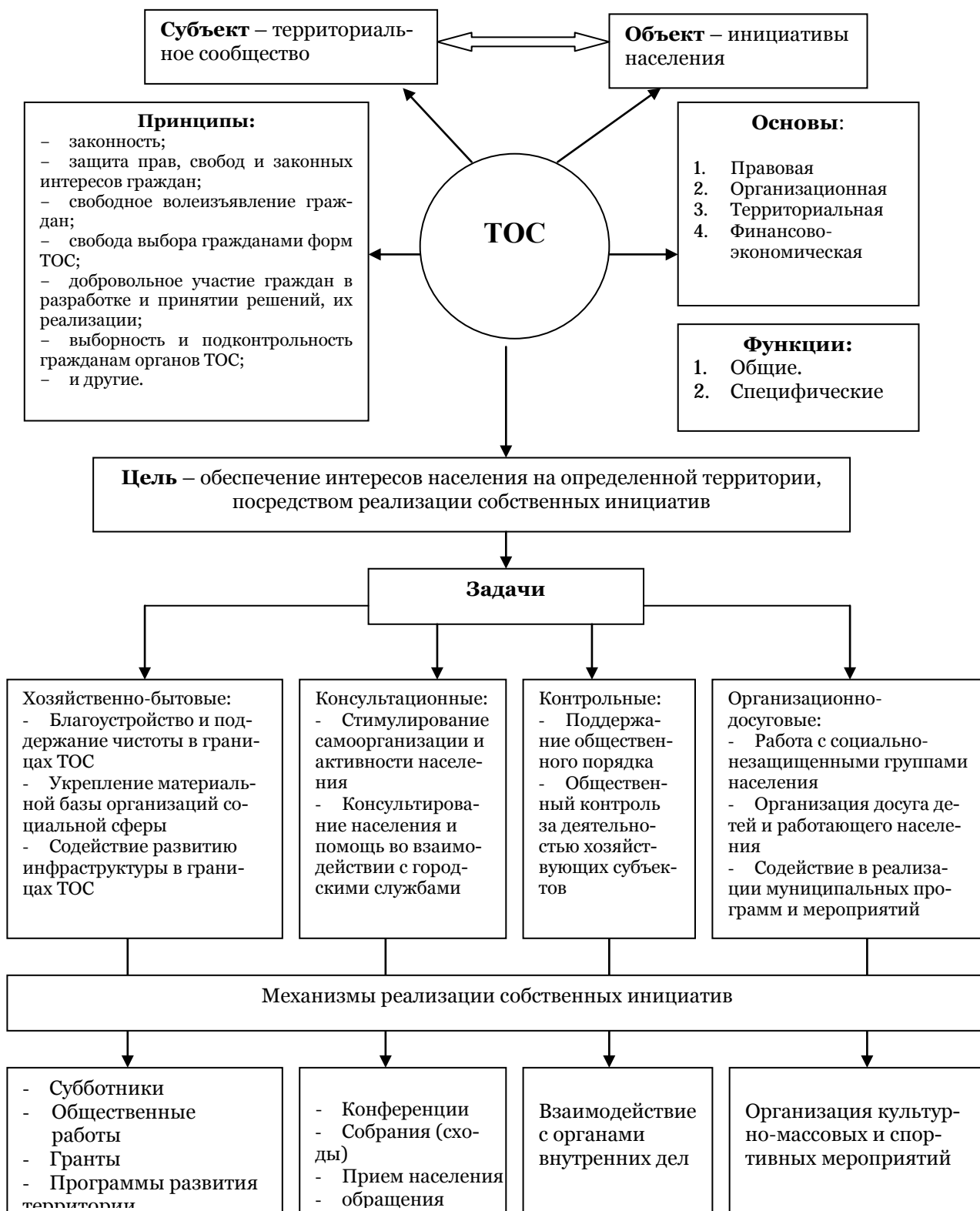

Рис. 1. Организация функционирования территориального общественного самоуправления

Организационная основа ТОС представляет собой систему, которая состоит из взаимодополняющих друг друга органов различного уровня, обеспечивающих согласованное решение находящихся в ведении территориального общественного самоуправления вопросов. При анализе различных источников нами были выделены следующие организационные формы территориального общественного самоуправления:

1. Формы с участием населения: собрания (конференции), выборы органов ТОС, правотворческая инициатива, обращения, обсуждения, общественные инициативы.

2. Органы и должностные лица ТОС: председатель ТОС (староста); исполнительно-распорядительные органы микрорайонов, жилых комплексов, кварталов, улиц, домов, многоквартирных домов (подъездов), малых населенных пунктов; общественные комиссии по отдельным вопросам; контрольно-ревизионные.

3. Ассоциации органов ТОС, которые могут быть организованы на части муниципального образования, в пределах муниципального образования, межмуниципальные, региональные, межрегиональные, общероссийская.

Финансовой основой деятельности ТОС являются: собственные средства граждан (например, собранные на газификацию, ремонт подъезда, дома, дворовых сооружений), арендная плата; часть налога (15-50%) на временную и уличную торговлю; сбор (30%) за право установки гаражей и временных сооружений; собственная экономическая деятельность (в т.ч. создание предприятий торговли, организация ремонтных бригад, муниципальные гранты); заемные средства, включающие в себя не только ссуды и кредиты банков, но и гранты. Органы местного самоуправления передают органам ТОС финансовые средства на осуществление конкретных мероприятий, планов, программ.

Для территориального общественного самоуправления, как института гражданского общества, характерны общие и специфические **функции**. К наиболее общим функциям можно отнести следующие:

1. Функция закрепления и воспроизводства общественных отношений. Институт территориального общественного самоуправления максимально приближен к населению и воспроизводит сложившиеся формы участия граждан в решении местных вопросов. ТОС сочетает в себе прямое волеизъявление граждан и деятельность органов, избираемых жителями.

2. Регулятивная функция обеспечивает коррекцию поведения членов местного сообщества с помощью выработки специальных норм. Даже если какой-то вид деятельности пока не упорядочен, люди стремятся институционализировать его, чтобы гарантировать предсказуемость поведения. Например, только что въехавшие в новый дом соседи выбирают домовый комитет, старших по подъезду, договариваются о правилах соблюдения чистоты в подъезде, очередности его уборки и т.п.

3. Интегративная функция включает в себя процессы сплочения и консолидации членов местного сообщества. Социальный институт упорядочивает деятельность людей, добиваясь некоторой унификации поведенческих реакций, приверженности корпоративной соседской культуре, умножения ресурсов ТОС за счет мобилизации ресурсов каждого конкретного жителя.

4. Транслирующая функция. Каждый институт предполагает наличие механизмов социализации, овладения нормами и предупреждения поведения, разрушающего данный институт. Территориальное общественное самоуправление призвано социализировать жителей в духе соседской солидарности, коллективизма, гражданской лояльности и законопослушания.

5. Коммуникативная функция служит распространению информации внутри соседского сообщества. Коммуникативные возможности конкретных ТОС различны, многое зависит от численности жителей, остроты решаемых проблем, взаимодействия формальных и неформальных каналов, наличие технических средств коммуникации.

Основные направления деятельности ТОС конкретизируются в специфических функциях:

– выявление и защита интересов членов территориального сообщества в органах государственной власти и местного самоуправления;

- общественный контроль за содержанием жилого фонда, своевременным и качественным выполнением жилищно-эксплуатационными организациями работ по его капитальному и текущему ремонту;
- содействие правоохранительным органам в поддержании общественного порядка, общественный контроль за соблюдением предприятиями торговли и бытового обслуживания прав потребителей в порядке и формах, установленных действующим законодательством;
- работа с детьми и подростками по месту жительства;
- содействие в проведении культурных, спортивных, лечебно-оздоровительных и других мероприятий;
- осуществление хозяйственной деятельности по содержанию жилищного фонда, благоустройству территорий, иной хозяйственной деятельности, направленной на удовлетворение социально-бытовых потребностей граждан, проживающих на соответствующей территории, как за счет собственных средств, так и на основании договора между органами ТОС и органами местного самоуправления с использованием средств местного бюджета;
- заключение с юридическими и физическими лицами, а также предпринимателями договоров, связанных с их участием в решении социально-экономических задач на данной территории, заказов на выполнение работ по благоустройству территории, строительству и ремонту объектов социальной инфраструктуры, находящихся в их ведении, с использованием собственных и привлеченных финансовых ресурсов;
- содействие жилищно-эксплуатационным организациям в осуществлении мероприятий, направленных на снижение потерь тепловой, электрической энергии, газа и воды в жилищном хозяйстве;
- внесение в органы местного самоуправления проектов муниципальных правовых актов, подлежащих обязательному рассмотрению этими органами и должностными лицами местного самоуправления, к компетенции которых отнесено принятие указанных актов. В частности, органы ТОС имеют право вносить предложения в органы местного самоуправления по вопросам выделения земельных участков для общественно полезных целей, создания и ликвидации объектов торговли, общественного питания, бытового обслуживания, образования, здравоохранения, культуры;
- самостоятельная разработка, утверждение сметы доходов и расходов, определение в соответствии со своим уставом штатов и порядка оплаты труда работников органов ТОС;
- общественный контроль за качеством уборки территории и вывозом мусора, решением вопросов благоустройства;
- информирование членов местного сообщества о решениях органов государственной власти и органов местного самоуправления, принятых по предложению или при участии членов территориального сообщества при осуществлении ими территориального общественного самоуправления.

Принципы территориального общественного самоуправления – это наиболее общие идеи (начала), которые положены в основу создания и деятельности ТОС и которым должны следовать граждане при осуществлении ТОС, а также органы государственной и местной власти во взаимоотношениях с ТОС.

Принципы территориального общественного самоуправления должны быть продолжением общих принципов осуществления местного самоуправления в Российской Федерации и принципов организации местного самоуправления в конкретном субъекте Российской Федерации. Принципам ТОС в настоящее время уделяется, на наш взгляд, недостаточное внимание. Так, в законах субъектов Российской Федерации, посвященных организации местного самоуправления, эти принципы не раскрываются, не раскрываются они часто и в законах субъектов Российской Федерации о территориальном общественном самоуправлении, что является существенным упущением.

Принципы осуществления территориального общественного самоуправления закрепляются сегодня в Положениях о территориальном общественном самоуправлении, принимаемых представительными органами муниципальных образований⁷. Обобщение нормативных правовых актов о ТОС позволило выделить следующие принципы осуществления ТОС:

⁷ См., например: Положение о территориальном общественном самоуправлении на территории городского округа «Город Белгород» : Решение Совета депутатов г.Белгорода от 23 мая 2006 г. N 288 // Наш Белгород. – 2006. – 02 июня. – №21.

- законность;
- защита прав, свобод и законных интересов граждан;
- свободное волеизъявление граждан на собраниях (сходах), конференциях;
- свобода выбора гражданами форм ТОС;
- добровольное участие граждан, проживающих на территории ТОС, в разработке и принятии решений по осуществлению собственных инициатив в вопросах местного значения, их реализации;
- выборность и подконтрольность гражданам органам ТОС;
- гласность и учет общественного мнения;
- сочетание интересов ТОС и интересов муниципального образования в целом;
- взаимодействие с органами управления муниципального образования;
- ответственность за принятые решения;
- самоорганизация участников ТОС и их самоуправленческая активность.

Таким образом, основная цель функционирования ТОС заключается в обеспечении интересов населения на определенной территории посредством реализации собственных инициатив. Для этого органы ТОС должны решать целый комплекс социально-значимых задач, которые можно сопоставить с функциями и полномочиями ТОС:

1. Организация работы по благоустройству и поддержанию порядка на соответствующей территории (озеленение, организация общественных работ, организация мест массового отдыха, организация субботников).
2. Работа с социально-незащищенными группами населения (пенсионерами, детьми, подростками, многодетными и неполными семьями).
3. Организация досуга детей, подростков и работающего населения.
4. Организация работы по поддержанию общественного порядка.
5. Укрепление материально-технической базы учреждений социальной сферы, за счет участия в городских грантах и привлечения иных средств.
6. Вовлечение местного населения в процессы самоорганизации и развитие его активности для решения местных проблем.
7. Осуществление общественного контроля за соблюдением норм и правил благоустройства, санитарного состояния и другие, хозяйствующими субъектами (организациями торговли, промышленности, частными домохозяйствами и т.д.).
8. Организация консультирования местного населения по вопросам взаимодействия с различными муниципальными службами и оказание помощи в решении этих вопросов.
9. Содействие развитию социально-бытовой, досуговой и иных инфраструктур соответствующей территории.
10. Содействие реализации и проведению общемуниципальных программ, мероприятий и праздников в пределах ТОС.

Естественно, данный перечень задач является неполным и его можно пополнить иными специфическими задачами, но он в достаточной степени отражает сущность организации территориального общественного самоуправления.

Население ТОС непосредственно или через исполнительный орган реализует собственные инициативы посредством различных механизмов и способов (они могут быть реализованы при содействии органов местного самоуправления или различных коммерческих структур), что ведет к реализации задач, стоящих перед ТОС, и достижению цели существования территориального общественного самоуправления.

Таким образом, организации ТОС являются одним из элементов гражданского общества, так как их зависимость от системы административной структуры местного самоуправления незначительна. В то же время такая форма участия граждан в осуществлении местного самоуправления как ТОС является наиболее приближенным к населению звеном в системе местного самоуправления, которое может связать органы местного самоуправления с реальными заботами населения и обеспечить защиту совместных интересов граждан, проистекающих из проживания на определённой локальной территории (посёлок, микрорайон, квартал, деревня, сельский посёлок, хутор), из необходимости и неизбежности взаимодействия жителей этой территории с органами муниципального управления.

Несмотря на все положительные стороны такого феномена как территориальное общественное самоуправление, его развитие на территории Российской Федерации происходит неравномерно. По данным субъектов Российской Федерации, территориальное общественное самоуправление в той или иной степени осуществляется в 64 субъектах Российской Федерации (зарегистрирован устав как минимум 1 устав территориального общественного самоуправления). При этом, по данным органов исполнительной власти таких субъектов Российской Федерации как Курская область, Московская область, Республика Коми, Калмыкия, Дагестан, Башкортостан, Мордовия, Тыва, Саха (Якутия), Пензенская область, Магаданская область, Забайкальский край, Чукотский автономный округ, ТОС в них не развивается – не зарегистрировано ни одного устава.

Всего на территории Российской Федерации зарегистрировано около 16 тысяч уставов ТОС, при этом наибольшее их количество в абсолютном выражении зарегистрировано в Краснодарском крае (4219 или 26,5% от всех ТОСов), Волгоградской области (1901), Тверской области (1812), Республике Марий Эл (1557), Костромской области (1009).

Вместе с тем ТОСы редко регистрируются в качестве юридического лица. В среднем по Российской Федерации в качестве юридических лиц зарегистрировано 1916 ТОСов (12% от их общего количества). По данному показателю максимальное значение относится к регионам Сибирского федерального округа (65,3% или 672 из 1029 ТОСов), а минимальное – к регионам Центрального федерального округа – 4% или 178 из 4458 ТОСов.

ТОСы вправе вносить проекты муниципальных правовых актов. По данным субъектов Российской Федерации в 2006 году ТОСами было внесено 95 проектов муниципальных правовых актов, в 2007 году – 133 проекта, в 2008 году – 169 проектов муниципальных правовых актов, что говорит об усилении роли ТОС в организации местного самоуправления и их активизации.

Стоит отметить, что, как правило, проекты муниципальных правовых актов, внесенные ТОСами, принимаются органами местного самоуправления. С 2006 по 2008 годы всего было отклонено 29 из 397 проектов или 7%, что показывает достаточно хороший уровень правовой подготовки граждан, участвующих в ТОС.

Вместе с тем только в 19 субъектах Российской Федерации из 64, в которых зарегистрированы уставы ТОС, реализуется право на внесение проектов муниципальных правовых актов. По данному показателю можно выделить организацию деятельности ТОС в Костромской и Волгоградской областях – ежегодно вносится порядка 30 проектов муниципальных правовых актов (максимальные показатели по Российской Федерации)⁸.

Белгородская область пока не имеет собственного закона о территориальном общественном самоуправлении, но Правительством Белгородской области в конце 2009 года утверждена долгосрочная областная целевая программа «Повышение социальной и деловой активности населения по месту жительства на 2010-2012 годы». Основными целями реализации данной программы являются: создание благоприятных правовых и организационных условий для реализации населением Белгородской области права на территориальное общественное самоуправление; вовлечение широких слоев населения в общественную жизнь городских поселений, активизация потенциала граждан в решении вопросов местного значения⁹. В настоящее время на территории области действуют 271 ТОС и 83 Совета территории, планируется создать 885 ТОС и 171 Совет территории.

Развитие территориального общественного самоуправления в Белгородской области требует правового, экономического, информационного и методического сопровождения, осуществление которого возможно при поддержке органов государственной власти и местного самоуправления.

⁸ Информация Министерства регионального развития Российской Федерации об организации территориального общественного самоуправления в муниципальных образованиях Российской Федерации (представлена участникам парламентских слушаний в Государственной Думе на тему «Вопросы организации и деятельности территориального общественного самоуправления» 2 июня 2009 года). URL: http://artemieva.duma.midural.ru/docs/notes/toc_info.doc

⁹ Об утверждении долгосрочной областной целевой программы «Повышение социальной и деловой активности населения по месту жительства на 2010-2012 годы»: Постановление Правительства Белгородской области от 28.12.2009 г. №393-пп // Сборник нормативных правовых актов Белгородской области. – 2010. – 15 января. -№ 16.

Конечная цель этого процесса – создание эффективной системы, позволяющей оперативно реагировать на проблемы жизнедеятельности населения определенной территории и муниципалитета в целом. Развитие системы территориального общественного самоуправления позволит совершенствовать муниципальное управление и приблизить местную власть к населению.

Для анализа развития территориального общественного самоуправления на территории Белгородской области необходимо исследовать практику ТОС в конкретных муниципальных образованиях. Безусловным лидером в становлении территориального общественного самоуправления на территории области является городской округ «Город Белгород».

Активно развивать общественное самоуправление городские власти начали в конце 2007 года, когда Совет депутатов г. Белгорода принял городскую целевую программу «Развитие общественного самоуправления в г. Белгороде на 2008-2011 годы»¹⁰.

В результате идея общественного самоуправления получает развитие по целому ряду параметров: соседские сообщества превращаются в ячейки социального партнерства, появляются возможности решения проблем, переходящих с бытового на социальный уровень.

В настоящее время в Белгороде создано 27 Советов территорий, в состав которых вошло свыше 550 активистов. Среди них – старшие подъездов, предприниматели, директора школ и ДОУ, руководители предприятий, представители духовенства, ветеранских, молодежных, общественных организаций и другие. За основу внутригородской территории взят двор. Все Советы территорий возглавляют депутаты Совета депутатов города. За счёт внутренних резервов администрации города в качестве штатной единицы Советам придан секретарь.

Повышение гражданской активности местного сообщества приводит к конкретным результатам: в 2008-2009 году на заседаниях Советов рассмотрено около 600 вопросов, в т.ч. о реализации Стратегического плана развития города, социальной защите населения, благоустройстве территорий, об охране общественного порядка, оказании жилищно-коммунальных услуг, организации досуга и другие. Причём во всех заседаниях Советов принимают участие руководители структурных подразделений администрации города, что даёт возможность широкого информирования граждан, компетентного обсуждения возникающих вопросов и, при необходимости, их оперативного решения¹¹.

В уставах муниципальных образований Белгородской области предусмотрены различные формы территориального самоуправления, в том числе такие формы как староста, квартальный, уличный, дворовый, домовый комитет и т.д., которые, как показывает практика особенно востребованы в мелких муниципальных образованиях с небольшим количеством жителей.

На территории Старооскольского городского округа работают 24 ТОС и 96 председателей уличкомов. Коллегиальным органом председателей уличных комитетов является Совет председателей уличных комитетов (далее – Совет председателей), который избран на общем собрании председателей уличных комитетов в мае 2009 года. В состав Совета председателей вошли 4 председателя уличных комитетов. Основными полномочиями Совета председателей являются проверка работы председателей уличных комитетов и внесение предложений по их поощрению. Члены Совета председателей каждый месяц на заседаниях подводят итоги деятельности председателей уличных комитетов с учетом критериев оценки их работы: организационные мероприятия по вывозу ТБО, по благоустройству территорий, оказание содействия органам внутренних дел в обеспечении общественного порядка и др.

Администрация Старооскольского городского округа ежемесячно проводит с председателями уличных комитетов совещания, на которых присутствуют руководители предприятий ЖКХ, транспорта, торговли. По итогам каждой встречи на основании пред-

¹⁰ Об утверждении городской целевой программы «Развитие общественного самоуправления в г. Белгороде на 2008-2011 годы»: Решение Совета депутатов г. Белгорода от 25.12.2007 г. №603 // Наш Белгород. – 2008. -18 января. – № 2.

¹¹ См.: Территориальное общественное самоуправление в системе муниципального народовластия / сост. А. Н. Нифанов ГУ «Институт региональной политики и законодательства». Белгород, 2009.

ложений и замечаний председателей уличкомов составляется план мероприятий с целью решения администрацией Старооскольского городского округа проблем, возникающих у жителей частного сектора. И эти проблемы решаются, тем самым повышая заинтересованность и эффективность работы председателей уличных комитетов.

На территории Губкинского городского округа уже созданы девятнадцать ТОС, каждое из которых имеет свой зарегистрированный устав, установленные границы и председателя. Регулярно с участием главы администрации Губкинского городского округа, должностных лиц администрации проходят встречи с населением ТОС, где обсуждаются вопросы социально-экономического развития муниципального образования, затрагиваются проблемы и рассматриваются пути их решения.

На территории городского поселения «Город Алексеевка» на сегодняшний день осуществляют свою деятельность 55 председателей уличных комитетов, работой которых охвачено 123 улицы и переулки, ведётся работа по созданию органов ТОС. Практически во всех из них избираются председатели уличных комитетов.

На территории Краснояружского района расположены 7 сельских поселений, одно городское – пос. Красная Яруга и 13 отдаленных хуторов, сел и поселков. В каждом городском и сельском поселении сформированы и функционируют общественные организации, среди которых особая роль отводится деятельности старост, председателям уличных комитетов, комиссиям содействия семье и школе. Для координации деятельности всех общественных организаций, политических партий, религиозных конфессий, с целью улучшения взаимодействия между ними и органами местного самоуправления, а также повышения их роли в решении местных проблем, согласования и учета общественного мнения создан Консультативный совет общественных организаций, политических партий и религиозных конфессий при главе администрации района.

В настоящее время на территории городского поселения «Город Валуйки» функционирует 41 уличный комитет. Уличные комитеты образуются по территориальному принципу, призванные активно содействовать администрации городского поселения в широком привлечении граждан к решению вопросов местного значения. В 2009 году председателями уличных комитетов совместно с представителями администрации были организованы и проведены среди населения, проживающего в частном секторе, субботники по уборке от стихийного мусора территории города Валуйки, лесопосадки микрорайона Раздолье и луга вдоль берега реки Валуй. Совместно с представителями ОГПН Валуйского района были организованы и проведены сходы граждан по вопросу профилактической работы с населением по предупреждению возникновения пожаров.

В Чернянском районе деятельность представителей уличных комитетов в основном сосредоточена в наведении санитарного порядка и благоустройства своих улиц. Оказывается большая помощь по сбору налогов (имущественного и земельного) у лиц, имеющих задолженность, проводится по этому вопросу разъяснительная работа¹².

В то же время, в процессе становления ТОС в различных регионах России выявился ряд общих проблем:

- недостаточная определенность порядка организации субъектов ТОС и выборов их исполнительных органов;
- неполнота и неоднозначность законодательных и нормативных правовых актов, регулирующих вопросы организации и деятельности субъектов ТОС;
- нечеткое определение места субъектов ТОС в системе местного самоуправления;
- неопределенность в источниках финансовых ресурсов субъектов ТОС;
- неумение, а в некоторых случаях нежелание органов местного самоуправления использовать потенциал ТОС, с одной стороны, и недостаточная активность населения по осуществлению своих прав в области самоуправления, с другой (в том числе, это касается участия в выборах органов государственной власти, местного самоуправления и ТОС);
- недооценка общественными объединениями, движениями, партиями потенциала ТОС, равно как и недооценка исполнительными органами субъектов ТОС потенциала общественных объединений, движений, партий в решении вопросов ТОС;

¹² См.: Территориальное общественное самоуправление в сельских поселениях / сост. А. Н. Нифанов ГУ «Институт региональной политики и законодательства». Белгород, 2009.

- слабый контроль исполнительными органами субъектов ТОС за деятельностью структур жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ);
- малая активность исполнительных органов субъектов ТОС в работе по охране окружающей среды;
- слабое взаимодействие исполнительных органов субъектов ТОС с органами социальной защиты;
- недооценка возможностей субъектов ТОС в организации различного вида учреждений: дополнительного образования детей (центров, клубов, студий, станций, лагерей, кружков, детских площадок) и физической культуры, а также молодежных центров по месту жительства и центров общения (в библиотеках, школах, клубах) и т.д.;
- практически полное прекращение использования потенциала субъектов ТОС в охране общественного порядка;
- нехватка методического обеспечения и квалифицированных кадров, вызванная тем, что система обучения выборных должностных лиц и служащих органов, входящих в систему местного самоуправления, до настоящего времени не сложилась, а там, где она есть, носит зачастую формальный характер;
- несовершенство системы судебной защиты субъектов ТОС (практически она отсутствует).

Развитие территориального общественного самоуправления на территории Белгородской области сталкивается со следующими проблемами:

- в ряде районов Белгородской области до настоящего времени не только отсутствуют нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность ТОС, но и в уставы муниципальных районов не внесены положения о территориальном общественном самоуправлении. Наряду с отсутствием регионального закона о ТОС это свидетельствует о недооценке потенциала территориального общественного самоуправления в становлении нового качества отношений между населением и муниципальной властью¹³;
- на местном уровне необходимо более четко определить примерный перечень вопросов, в решении которых могли бы участвовать ТОС, соглашениями о сотрудничестве закрепить вопросы взаимодействия ТОС и органов местного самоуправления, решить вопрос о материальном поощрении активных руководителей ТОС, нормативно определить механизм координации деятельности ТОС.

Таким образом, территориальное общественное самоуправление – особый институт в системе местного самоуправления Российской Федерации, оно не относится к публичной власти, строится исключительно на началах добровольности и демократизма. На территории Белгородской области граждане активно участвуют в муниципальном управлении, активно сотрудничают с местными органами власти и жителями поселений. Именно в таких формах ТОС, как, уличные комитеты, старосты, инициативные группы граждан, комиссии, некоммерческие организации, участие в деятельности формируемых населением органов ТОС, граждане реализуют свое естественное право на участие в решении местных проблем, затрагивающих их индивидуальные и общественные интересы. Однако, несмотря на очевидную пользу, полномасштабная реализация идей ТОС наталкивается на целый ряд проблем: неполнота и неоднозначность имеющихся законодательных и нормативных правовых актов, регулирующих вопросы организации и деятельности субъектов ТОС; неопределенность в источниках финансовых ресурсов ТОС; недостаточность материально-технической базы и другие. Главным достижением территориального общественного самоуправления может и должно стать формирование нового характера взаимоотношений между населением и муниципальной властью, их трансформация от взаимного отчуждения, недоверия и отстраненности к взаимопониманию, согласию и заинтересованному сотрудничеству.

Список литературы

1. Миронова Н. Архангельская область: опыт самоорганизации и местного развития // Н. Миронова // Муниципальная власть. – 2007. – №6. – С. 36-42.

¹³ Ильичев И.Е. Территориальное общественное самоуправление. Белгород, 2010. – С. 131.

2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06 октября 2006 г. №131-ФЗ (в ред. от 03.11.2010 г. №286-ФЗ) // Российская газета. – 2010. – 10 ноября. – Ст. 1.
3. Татаркина Ю.Н. Территориальное общественное самоуправление как институт гражданского общества. Дисс. ... к.с.н. – М., 2007.
4. Положение о территориальном общественном самоуправлении на территории городского округа «Город Белгород» : Решение Совета депутатов г. Белгорода от 23 мая 2006 г. N 288 // Наш Белгород. – 2006. – 02 июня. – №21.
5. Информация Министерства регионального развития Российской Федерации об организации территориального общественного самоуправления в муниципальных образованиях Российской Федерации (представлена участникам парламентских слушаний в Государственной Думе на тему «Вопросы организации и деятельности территориального общественного самоуправления» 2 июня 2009 года). URL: http://artemieva.duma.midural.ru/docs/notes/toc_info.doc
6. Об утверждении долгосрочной областной целевой программы «Повышение социальной и деловой активности населения по месту жительства на 2010-2012 годы» : Постановление Правительства Белгородской области от 28.12.2009 г. №393-пп // Сборник нормативных правовых актов Белгородской области. – 2010. – 15 января. -№ 16.
7. Об утверждении городской целевой программы «Развитие общественного самоуправления в г. Белгороде на 2008-2011 годы» : Решение Совета депутатов г. Белгорода от 25.12.2007 г. №603 // Наш Белгород. – 2008. -18 января. – № 2.
8. Территориальное общественное самоуправление в системе муниципального народовластия / сост. А. Н. Нифанов ; ГУ «Институт региональной политики и законодательства». – Белгород: ИРПИЗ, 2009. – 39 с.
9. См.: Территориальное общественное самоуправление в сельских поселениях / сост. А. Н. Нифанов ; ГУ «Институт региональной политики и законодательства». – Белгород: ИРПИЗ, 2009. – 36 с.
10. Ильичев И.Е. Территориальное общественное самоуправление / И.Е. Ильичев. – Белгород: МУ ИМП, 2010. – 155 с.

SYSTEM OF TERRITORIAL SELF-GOVERNMENT: A UNIVERSAL MODEL AND PRACTICE OF IMPLEMENTATION IN THE BELGOROD REGION

G.N. GAIDUKOVA
R.I. GAIDUKOV

Belgorod State University
e-mail: Gaydukov@bsu.edu.ru

Territorial self-government is a self-organization of citizens at their homes in part of the settlement for self and responsibility of their own initiatives on local issues. Structural organization of TSG can be represented as a universal adapted to modern conditions model containing all the basic elements of the organization of TSG within a defined territory: object, subject, principles, foundations, functions, target activities of problem, mechanisms for implementing their own initiatives. The terminal goal of TSG in the Belgorod region is creating an effective system to respond to the challenges of life defined territory and population of the municipality as a whole. For the analysis of territorial self-government in the territory of Belgorod region has been investigated to practice for the organization of TSG in particular municipalities. The undisputed leader in the development of TSG in the Belgorod region is the Belgorod urban district where they work 104 TSG, which combined in 27 Council of the Territory.

Key words: territorial self-government system, system, public administration, principles of TSG, basics of TSG, TSG functions, development.

УДК 316.42:35

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ МЕНЕДЖЕРОВ*

Л.Я. ДЯТЧЕНКО¹⁾**В.П. БАБИНЦЕВ²⁾***Белгородский
государственный
университет*¹⁾ e-mail: rector@bsu.edu.ru²⁾ e-mail: babintsev@bsu.edu.ru

В статье обосновывается необходимость теоретического анализа социально-технологической культуры менеджеров, рассматриваются основные подходы ее исследованию. Социально-технологическая культура менеджера определяется как система диспозиций личности, выражающихся в формировании и развитии у нее умений и навыков поведения и обеспечивающих достижение профессиональных и жизненных целей при помощи сознательного использования социальных технологий.

Ключевые слова: социальные технологии; социально-технологическая культура; социально-технологическое мышление; социально-технологические компетенции.

Вывод о необходимости технологизации управленческого процесса, под которой следует понимать целенаправленное и систематическое проектирование и внедрение социальных технологий, относится к числу сравнительно немногих, практически, неоспоримых положений современной социальной теории. Эта мысль рефреном проходит практически через все научные публикации, посвященные социологии управления. В научных исследованиях постоянно подчеркивается, что проектирование и внедрение социальных технологий – это та сравнительно новая идея в социологической теории, необходимость в которой, во-первых, назрела; во-вторых, наиболее адекватно отражает магистральное направление эволюции управленческой деятельности. Авторы учебного пособия «Основы современного социального управления: теория и методология» определяют социальные технологии как инновационный раздел социологии управления, изучающий систему методов выявления и использования скрытых потенциалов социальной системы, получения социального результата при наименьших управленческих издержках¹.

Конституирование социальных технологий как области практической деятельности и научного знания актуализировала в социологической литературе проблему социально-технологической культуры субъектов социального управления, как необходимого условия повышения эффективности управленческой деятельности, внедрения социальных технологий в практику. Она является относительно новой, несмотря на то, что отдельные оценки ее элементов и особенностей ее эволюции содержатся в исследованиях, посвященных управленческой культуре (С.В. Алиева, А.А. Белоусов, Л.А. Косторнова, В.Д. Семёнов, Л.П. Яирова и др.²⁾); организационной культуре (С.П. Болотов, Н.О. Коло-

* Статья подготовлена при поддержке проекта П439 от 12 мая 2010 года «Управление формированием социально-технологической культуры менеджеров», выполняемого в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

¹ Основы современного социального управления: теория и методология. М.: Экономика, 2000. – С. 248.

² См.: Алиева С.В. Профессиональная культура государственных и муниципальных служащих: состояние и условия инновационной трансформации (на материалах Южного федерального округа): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону: без изд-ва, 2007; Белоусов А.А. Культура управления и экономика России на рубеже тысячелетий. Владивосток: Веер, 2001; Иванов В.Н., Иванов А.В., Доронин А.О. Управленческая парадигма XXI века. М.: МГИУ, 2002; Косторнова Л.А. Культура управления как проблема философско-антропологического исследования: дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону: без изд-ва, 2001; Нечепуренко Ю.С. Управление развитием профессиональной компетентности персонала в российских трудовых организациях (на примере Европейского региона России): автореф. дис. ... канд. социол. наук. М.: без изд-ва, 2007; Семёнов В.Д. Концептуальные вопросы формирования и развития культуры управленческой деятельности: дис. ... канд. эконом. наук. Екатеринбург: без изд-ва,

миец, Н.А. Постоловская и др.³); информационно-технологической культуре (С.В. Воробьев, Л.В. Гайдаренко, К.Н. Тулинов⁴); технологиям коммуникации (А.М. Баскаков, А.Я. Бродецкий, Т.Г. Григорьева, Т.М. Дридзе, Ю.М. Жуков, Л.А. Петровская Г.Г. Почепцов и др.⁵).

Однако следует отметить, что, несмотря на очевидную связь этих видов культуры с социально-технологической культурой, они не являются тождественными явлениями, а потому исследования указанных авторов не дают полного представления о содержании последней. Существенно, что во многих работах речь идет не о социально-технологической, а о технологической культуре, воплощающейся в знаниях и навыках преобразования природной среды. В частности, по определению Ю.Л. Хотунцева, технологическая культура – это культура преобразующей, творческой, природосообразной (экологически оправданной) деятельности по созданию материальных и духовных ценностей⁶.

Правда, В.Д. Симоненко рассматривает технологическую культуру в социальном (широком) и личностном (узком) планах:

– в социальном (широком) плане технологическая культура – это уровень развития жизни общества на основе целесообразной и эффективной преобразовательной деятельности людей, совокупность достигнутых технологий в материальном и духовном производстве;

– в личностном (узком) плане технологическая культура – это уровень овладения человеком современными способами познания и преобразования себя и окружающего мира⁷. Однако социальный аспект проблемы в его публикациях рассмотрен далеко не в полном объеме.

И.Ю. Башкирова, например, полагает, что технологическую культуру можно рассматривать в высоком, социально-культурном, и в массовом, личном планах. В первом случае автор характеризует ее как некое обобщение – универсальную культуру, типичную для современной исторической эпохи, для современного технологического общества и определяемую уровнем развития научных знаний, технических средств и различных видов технологий материального и духовного производства, содержанием общественной жизни и преобразовательной деятельности людей, образцов поведения, мышления и мировоз-

---

2001; Степанюк Т.В. Социальные факторы формирования и развития управленческой культуры в международных организациях: дис. ... канд. социол. наук. М.: без изд-ва, 2006; Строилова А.Я. Управленческая культура руководителя как фактор формирования имиджа учреждения дополнительного образования детей: дис. ... канд. пед. наук. Оренбург: без изд-ва, 2007; Яирова Л.П. Менеджмент: организационно-управленческая культура. М.: МАН ИПТ, 2000.

³ См.: Болотов С.П. Организационная культура и эффективность менеджмента. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2000; Коломиец Н.О. Развитие организационной культуры персонала. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации, 2001; Постоловская Н.А. Социальные резервы формирования организационной культуры управления персоналом банка: автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб.: без изд-ва, 2003; Шейн Э. Организационная культура и лидерство: Построение. Эволюция. Совершенствование. СПб.: Питер, 2002.

⁴ См.: Воробьев С.В. Воспитание информационно-технологической культуры будущего специалиста экономического профиля: дис. ... канд. пед. наук. Елец: без изд-ва, 2003; Гайдаренко Л.В. Технология формирования информационной культуры управленческой деятельности: На примере слушателей факультета повышения квалификации: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М.: без изд-ва, 2003; Тулинов К.Н. Информационно-технологическая культура: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Уфа: без изд-ва, 2000.

⁵ См.: Баскаков А.М. Формирование культуры управленческого общения у руководителей и учителей общеобразовательных школ: теория и практика: дис. ... д-ра пед. наук. Челябинск: без изд-ва, 1999; Бродецкий А.Я. Основы визуальной коммуникации. Прикладная психология. 1998. № 6; Григорьева Т.Г. Основы конструктивного общения: Методическое пособие для преподавателей. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1997; Дридзе Т.М. Социальная коммуникация в управлении с обратной связью // Социологические исследования. 1998. № 10; Жуков Ю.М. Диагностика и развитие компетентности в общении: Спецпрактикум по социальной психологии. М.: ЗАО «Финстройинформ», 1990; Петровская Л.А. О природе компетентности в общении // Мир психологии. 1996. № 3; Почепцов Г.Г. Коммуникативный инжиниринг: теория и практика. К.: Альтерпрес, 2008; Станкин М.И. Искусство убеждать. Управление персоналом. 1996. №11.

⁶ Хотунцев Ю.Л., Тихонов А.С. Программа образовательной области «Технология» для сельских общеобразовательных школ // Школа и производство. 1996. № 1. – С.11-23.

⁷ См.: Симоненко В.Д. Основы технологической культуры. Брянск: Изд-во БГУ, 1998.

зрения. В данном контексте технологическая культура предстает как созданная самими людьми искусственная среда существования и самореализации, источник регулирования социального взаимодействия между людьми и природой.

В обыденном, узком, личном плане технологическая культура, по мнению И.Ю. Башкировой, – это уровень овладения человеком формами и способами профессиональной, социокультурной деятельности и их сознательного подчинения ценностным социокультурным приоритетам; уровень овладения общими формами реализации искусства планирования, прогнозирования, созидания, исполнения и оформления⁸.

По определению Р.М. Чудинского, технологическая культура – это мера и способ самореализации личности во всех видах творческой деятельности и общении, направленных на освоение наиболее эффективных способов и оптимальных методов преобразования материи, энергии и информации в интересах человека, общества и охраны природы⁹.

В отличие от педагогического ракурса в работах социологов социально-технологическая культура рассматривается, прежде всего, как культура управленческой деятельности, культура оптимизации общественных связей и отношений. Попытка ее предметного анализа как особого феномена была осуществлена в начале 90-х годов XX века в работах Н.С. Данакина, Л.Я. Дятченко, В.Н. Иванова, В.И. Патрушева, Ж.Т. Тощенко и некоторых других ученых, которые исследовали ее под углом зрения готовности к восприятию и освоению социальных технологий управленческими кадрами¹⁰.

Но, до последнего времени среди исследователей нет единства в определении феномена социально-технологической культуры.

Так, украинские ученые Ю.П. Сурмин и Н.В. Туленков, обосновывая ведущую роль социальных технологий в общественном развитии, говорят о социально-технологической культуре как об инструменте овладения новой парадигмой научного мышления и видения социальной реальности. Эту парадигму они определяют как динамическую, многомерную, нелинейную и стохастическую¹¹. Но вполне обоснованная декларация украинских авторов не приближает нас к четкой дефиниции социально-технологической культуры, выявлению ее структуры. Значимость ее заключается, пожалуй, лишь в том, что авторы правомерно увязывают адекватную современности социально-технологическую культуру с нелинейным, поливариантным мышлением.

В кандидатских диссертациях Т.И. Морозова, Л.Г. Пуляева, О.П. Шамаевой принята попытка выделить личностный аспект социально-технологической культуры, обеспечивающий человеку достижение жизненных целей и готовность к эффективным действиям¹².

В частности, в работах Т.И. Морозовой социально-технологическая культура анализируется применительно к школьникам, как к особой статусной группе. Автор определяет ее как систему диспозиций личности, умений и навыков ее поведения, обеспечивающих достижение жизненных целей и благоприятные условия для саморазвития и

---

⁸ Башкирова И.Ю. Дидактические основы формирования технологической культуры у будущих учителей: дис. ... канд. пед. наук. Тула : без изд-ва, 2001. – С. 35 – 36.

⁹ Чудинский Р.М. Формирование технологической культуры личности школьника в учебной деятельности (на примере уроков физики) : дис. ... канд. пед. наук. Воронеж : без изд-ва, 2000. – С. 33.

¹⁰ См.: Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами; Данакин Н.С., Дятченко Л.Я., Сперанский В.И. Конфликты и технологии их предупреждения. Белгород: Белгородский центр социальных технологий, 1995; Иванов В.Н., Патрушев В.И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. М.: Экономика, 2001. – С. 327; Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. М.: Прометей, Юрайт, 1999.

¹¹ Сурмин Ю.П., Туленков Н.В. Теория социальных технологий: Учеб. пособие. К.: МАУП, 2004. – С. 8.

¹² См.: Морозова Т.И. Формирование социально-технологической культуры школьников в регионе: дис. ... канд. социол. наук. Белгород: без изд-ва, 2005; Пуляева Л.Г. Социально-технологическая культура организационно-управленческой деятельности: дис. ... канд. социол. наук. Орел: без изд-ва, 2004; Шамаева О.П. Социально-технологическая культура специалиста (сущность, пути и способы формирования): дис. ... канд. социол. наук. Белгород: без изд-ва, 2000.

проявляющихся в конкретных социальных действиях и взаимодействиях¹³. Автором впервые в отечественной исследовательской традиции предложена структурная модель социально-технологической культуры, включающая в себя потребностный, аксиологический, целевой, мотивационный, когнитивный и операционно-практический элементы¹⁴.

Работы Т.И. Морозовой, Л.Г. Пуляевой и О.П. Шамаевой развивают концептуальный подход к проблеме социально-технологической культуры, сформулированный белгородскими социологами.

В 2006 году на базе Белгородского государственного университета (БелГУ) прошла Международная научно-практическая конференция «Социально-технологическая культура как феномен XXI века». В сборнике, изданном по материалам конференции, содержатся материалы, отражающие процесс исследования структурных, функциональных и коммуникативных аспектов социально-технологической культуры. Большой раздел посвящен проблеме социально-технологической культуры в системе государственной и муниципальной службы¹⁵. В своем выступлении на конференции В.И. Патрушев подчеркнул, что «есть основание полагать, что возникновение социально-технологического видения социальной реальности – и объективной, и субъективной – позволит не только осмыслить природу нового способа «согласованного действия» элементов, процессов и явлений, составляющих социальные самоорганизующие системы, но вместе с тем освоить приемы управления механизмом их взаимодействия, получения социальной энергии в виде общественного интеллекта»¹⁶. Эта идея была поддержана участниками конференции и явилась одним из оснований для продолжения исследований. Весьма важным направлением их стала мысль о том, что повышение уровня социально-технологической культуры населения, а в первую очередь специалистов, даст импульс интеллектуальному развитию социума, продвинет его в направлении разработки и внедрения инноваций.

С учетом этой установки 2009 году в БелГУ состоялся «круглый стол» «Формирование и развитие социально-технологической культуры специалиста». В его работе приняли участия известные российские ученые И.С. Болотин, В.И. Добренков, Л.Я. Дятченко, Ю.А. Зубок, В.А. Мансуров, Ж.Т. Тощенко, В. И. Чупров. В 2010 году состоялся симпозиум с аналогичным названием¹⁷.

Но, несмотря на все попытки концептуального определения, в настоящее время в научной литературе имеют место несколько подходов к пониманию феномена социально-технологической культуры:

- субъективистский подход (Т.И. Морозова, Л.Г. Пуляева, О.П. Шамаева), рассматривающий ее как личностное образование;
- объективистский подход, в соответствии с которым социально технологическая культура характеризуется как инструмент обустройства социального пространства (Ж.Т. Тощенко, Л.Я. Дятченко);
- педагогический (И.Ю. Башкирова, В.Д. Симоненко), обращающий особое внимание на уровень овладения учащимися производственными технологиями и способами преобразовательной деятельности.
- компетентностный (И.В. Бурмыкина), в котором социально-технологическая культура определяется как паттерн базовых представлений, ценностей и технологий организации познавательной и преобразовательной социальной деятельности, реализуемых в социальном взаимодействии, ориентированный на получение оптимального социального результата, достижение жизненных целей, повышение качества жизнедеятельности, посредством технологически грамотной организации и самоорганизации деятельности, раскрытия потенциала (ресурсов) социальной системы и личности. Это культура системного

¹³ Морозова Т.И. Формирование социально-технологической культуры школьников в регионе: дис. ... канд. социол. наук. Белгород: без изд-ва, 2005. – С. 48.

¹⁴ Там же. – С. 32.

¹⁵ См.: Социально-технологическая культура как феномен XXI века. Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. Ч. 1, 2.

¹⁶ Патрушев В.И. Становление и развитие социально-технологической теории // Социально-технологическая культура как феномен XXI века. Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. Ч. 1. – С. 30.

¹⁷ См.: Пути формирования и развития социально-технологической культуры специалиста (материалы симпозиума) // Социология образования. 2010. № 10.

мышления и системного социального действия, характеризующаяся способностью действовать рационально, технологично, конструктивно, инновационно, гуманно¹⁸.

Нам представляется, что ни одно из предлагаемых исследователями определений не лишен недостатков. В частности, в дефиниции Л.Г. Пуляевой совершенно не учтен ценностный аспект явления, ее трактовка характеризует социально-технологическую культуру лишь как владение комплексом процедур. Но за рамками рассмотрения остается проблема значимости данных процедур для субъекта социального действия, мотивация к их овладению, которые органически связаны с установками личности.

В определении Т.И. Морозовой, представляющемся нам в целом довольно корректным, учтен диспозиционный (преимущественно ценностно-смысловой и мотивационный аспект), но не подчеркивается значение сознательного компонента в формировании социально-технологической культуры.

Наиболее полным является определение И.В. Бурмыкиной, в публикациях которой на основе проведения и интерпретации результатов социологических исследований предпринимается попытка комплексного анализа процесса формирования социально-технологической культуры менеджеров¹⁹. Именно она предпринимает попытку поставить и разрешить проблему формирования социально-технологической культуры работников управления.

Однако в нем используется понятие «паттерн», которое, на наш взгляд, не вполне адекватно отражает суть явления. В современной методологии социогуманитарного знания данный термин рассматривается как близкий по содержательным и смысловым характеристикам к понятию «концепция» и трактуется в качестве как коннотативного к таким концептам, как «прозрение», «базовая интуиция», «умозрительное видение». Использование этого понятия, по нашему мнению, элиминирует рациональное начало социально-технологической культуры, что допустимо только по отношению к ее отдельным историческим типам.

Мы имеем в виду то, что социально-технологическая культура личности специалиста в сфере управления (менеджера) может формироваться на различных основаниях. В качестве таких оснований допустимо рассматривать веберовские типы социального действия – традиционный, аффективный, ценностно-рациональный и целерациональный²⁰. На основе первых трех типов вполне возможно формирование социально-технологической культуры, в которой преобладают иррациональные (разумеется, такая характеристика не содержит в рассматриваемом контексте негативной оценки) элементы. Но подобный тип социально-технологической культуры не адекватен статусу и функциям менеджеров в современном обществе.

С учетом приведенных определений социально-технологическая культура менеджера определяется нами как система диспозиций личности, выражающаяся в формировании и развитии у него умений и навыков поведения, обеспечивающих достижение профессиональных и жизненных целей при помощи сознательного использования социальных технологий. Под диспозициями в данном случае понимаются иерархически выстроенные установки, определяющие регуляцию человеческого поведения.

В качестве одного из важнейших аспектов социально-технологической культуры специалистов в сфере управления российские исследователи все чаще анализируют социально-технологическое мышление, под которым понимается алгоритмическое мышление. Так В. Д. Симоненко и ряд солидарных с ним авторов выделяют следующие черты технологического мышления: оно направлено не столько на познание окружающей действительности, сколько на изменение ее в интересах человека; в технологическом

¹⁸ Бурмыкина И.В. Управление формированием и развитием социально-технологической культуры современного менеджера. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – С. 30.

¹⁹ См., например: Бурмыкина И.В. Управление формированием и развитием социально-технологической культуры современного менеджера. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009; Бурмыкина И.В. Феномен социально-технологической культуры современного менеджера. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009; Бурмыкина И.В. Социально-технологический стержень профессионального мышления специалиста // Высшее образование в России. 2007. № 6; Бурмыкина И.В. Социологические аспекты подготовки менеджера в системе профессионального образования // Социология образования. 2009. № 9.

²⁰ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. – С. 14 – 15.

мышлении изменяются функции знаний. Они приобретают комплексный характер и гностическую направленность, ориентацию на еще не познанные объекты и процессы; в технологическом мышлении ведущее место отводится методам и средствам (технологии) усвоения нового материала; технологическое мышление тесно связано с рефлексией, а также с умением строить образ оптимального конечного результата; технологическое мышление является проектным и представляет собой процесс обобщенного и опосредованного познания действительности, в ходе которого человек использует технологические, технические, экономические и другие знания для выполнения проектов по созданию товаров или услуг от идеи до ее реализации, то есть оно призвано активизировать проектную деятельность человека; технологическое мышление направлено в будущее, оно максимально прогностично²¹.

Проблема овладения навыками социально-технологического мышления рассматривается в настоящее время как одна из наиболее важных социальных проблем. Акцентируя внимание на данном обстоятельстве, авторы словаря «Социальные технологии» писали: «Обществу необходима современная доктрина технологизации социального пространства. Устаревшая система технологизации в этой области, отсутствие инновационных социальных технологий модернизации общества, выхода его из кризиса, снятия напряжений – одна из причин неизбежных в таких случаях социальных катастроф, кризисов, неразрешимых конфликтов»²².

При этом мы считаем необходимым обращать особое внимание на феномен рефлексивности мышления управленца (менеджера), учитывая, что рефлексивность представляет собой одну из наиболее характерных черт социальной технологии. В данном случае технологизация деятельности менеджера вполне правомерно может рассматриваться как овладение навыками рефлексивного управления. Именно в таком контексте рассматривает социальные технологии В. Кочергин, связывая три понятия: «технология», «рефлексивность управления»; «алгоритмизация». Он отмечает: «Само изменение субъекта в контексте рефлексивного управления предполагает переход от квазиочевидности к выбору из предложенных альтернатив целей и средств их достижения. Самый высокий уровень означает скачок от предварительного базиса принятия решений к построению и введению собственных правил на общем поле деятельности. Таким образом, социальная технология изнутри меняет степень алгоритмизации, переводя систему с уровня, предписанного прежней программой, на уровень, фактически разрушающий эту технологию (когда последняя перестает быть ею в прежнем смысле)»²³.

Однако, несмотря на появление публикаций, посвященных социально-технологическому (в основе своей рефлексивному) мышлению, очевидно, что данная проблема, практически, не разработана в отечественной литературе.

Вновь, как и в отношении социально-технологической культуры, исходной проблемой является проблема дефиниции данного феномена. Применяя данное понятие, социально-технологическим мышлением специалиста в сфере управления мы определяем понимаем осмысление процессов объективного мира и способов его преобразования в категориях социальной теории. Социально-технологическое мышление – это мышление, для которого характерны:

- понятность, суть которой заключается в умении и готовности дать строгие научные определения явлениям и процессам, с которыми специалист-менеджер имеет дело;
- проблематизация, выражающаяся в способности выявить неразрешенные противоречия, сформулировать суть возникающих на их основе проблем. При этом пробле-

²¹ См.: Симоненко В.Д. Основы технологической культуры. М.: Изд-во Вентана Граф, 1998; Симоненко В.Д., Овечкин В.П. Методологическое и дидактическое обеспечение технологического образования школьников. Технологическое образование и предпринимательство // Сборник научных статей. Брянск: Изд-во БГПУ, 1999; Симоненко В.Д., Ретевых М.В., Матяш Н.В. О сущности понятия «технология» // Технологическое образование на пороге третьего тысячелетия: Сборник трудов научно-практической конференции. Новосибирск: Изд-во: ВНИК «Технология», 1999.

²² Социальные технологии: толковый словарь / Отв. Ред. В. Иванов. М.: Белгород, Луч – Центр социальных технологий, 1995. – С. 217.

²³ Кочергин В. Ролевая структура механизма взаимодействия социальных технологий и управления // Проблемы теории и практики управления. 2003. № 6. – С. 22.

матизация с необходимостью должна сопровождаться депроблематизацией, поиском решений;

- целенаправленность, требующая четкой постановки целей и их декомпозиции;
- научно обоснованная продуктивность, выражающаяся в направленности не столько на познание окружающей действительности, сколько на изменение ее в интересах человека, в ходе которого должен быть сформирован корпус стандартизированных процедур сбора и обработки данных – технологий обращения с материалом: экспериментальными установками, препаратами, подопытными животными и людьми»²⁴;

- проективность и прогностичность, предполагающие ориентацию на будущее, на использование технологических, технических, экономических и других знаний для выполнения проектов по созданию проектов преобразования общественных отношений. В настоящее время речь должна идти о Разработке форсайт-проектов, представляющими собой долгосрочные инновационные проект, авторы которого моделируют целостную картину состояния объекта в относительно далеком будущем. Форсайт-проект выступает как форма мобилизации людей из самых разных слоев общества – от рядовых потребителей и предпринимателей до глав исследовательских центров, государственных и политических деятелей на достижение поставленных на десятилетия вперед задач;

- алгоритмизация, предполагающая анализ проблемных ситуаций, прогнозирование и планирование по образцу, продуктивность которого теоретически обоснована и апробирована на практике.

При этом алгоритмизация мышления является, пожалуй, наиболее важным условием его технологичности.

Практическим воплощением идеи социально-технологического мышления специалиста в области управления должна быть технологическая карта, представляющая собой вид технологической документации, в которой фиксируется процесс деятельности по достижению целей. Подобные карты давно и продуктивно применяются в сфере производства. Очевидно, вызовы времени требуют ее применения и в сфере социального управления.

Следовательно, перспектива развития управленческой практики по-прежнему довольно жестко связана с технологизацией. В свою очередь технологическое мышление специалиста в сфере управления должно опираться на науку. И подобная установка является не ритуальной формулой, но вербальным требованием, невыполнение которого превращает любые идеи о реформировании государственного и муниципального управления в красивые, но абстрактные лозунги.

Вполне естественно, что идея социально-технологического обеспечения управления крайне противоречиво реализуется на практике. Недооценка ее связана, прежде всего, со спецификой социокультурной традиции России, предопределяющей господствующий тип социального поведения человека посредством воздействия на его ценности и цели, которые в значительной степени «задаются» опытом прошлых поколений. Нельзя не учитывать, что утверждению социально-технологического мышления препятствует отечественная ментальная традиция: установка на ценностно-рациональное (в отличие от целерационального) отношение к действительности предопределяет интуитивно-иррациональный подход человека к принятию решений и к их практической реализации.

На наш взгляд, к проявлениям такого подхода в сознании специалистов можно отнести следующие ценностные ориентации и поведенческие стереотипы:

- необоснованная идеализация объектов и процессов, которая нередко выражается в различных вариантах социального утопизма;
- смутный социальный оптимизм с его установкой на то, что «завтра (или когда-нибудь) обязательно будет лучше, чем сегодня»;
- отказ от тщательных подсчетов позитивных и негативных следствий принимаемых решений (в некоторых случаях недопущение самой возможности отрицательных эффектов);

²⁴ Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2000. – С. 29.

– повышенная степень риска в процессе принятия решений, являющаяся в значительной мере следствием недостаточного просчета сценариев развития, чрезмерного упования на интуицию и здравый смысл;

– недооценка возможностей социальной диагностики и профессиональной экспертизы, а также профессионального подхода к социально-преобразующей деятельности в целом, явное или скрытое поощрение дилетантизма;

– непрагматичность и неэкономичность мышления;

– низкий уровень личной ответственности за последствия принимаемых решений и действий, перекладывание ее на внешние обстоятельства.

Преобладающими типами действий в рамках отечественной культурно-исторической традиции были аффективный и традиционный, что предопределило иррациональный подход к определению наиболее привычных форм поведения большинством населения, который не просто был легитимирован русской культурой, но стал одним из формирующих ее факторов, превратившись в своеобразный *гипотетический императив*²⁵. Российские менеджеры являются плотью от плоти отечественной культурной среды, и в их поведении воспроизводятся наиболее типичные для традиционного социума модели поведения, которая традиционно атехнологична.

Широкому применению социальных технологий препятствует и сформировавшаяся в последние годы общественная среда.

Российское общество сегодня представляет собой специфический вариант общества всеобщего риска. Изучая его, специалисты уделяют внимание преимущественно социально-экономическим, политическим и техногенным аспектам риска. Ю.А. Зубок подчеркивает, что «общество риска – это специфический способ организации социальных связей, взаимодействия и отношений людей в условиях неопределенности, когда воспроизводство жизненных средств (условий жизни), физических и духовных сил человека приобретает не социально направленный, а преимущественно случайный, вероятностный характер, вытесняясь производством самого риска»²⁶.

Между тем, при всей правомерности приведенных оценок, нельзя упускать из внимания духовный аспект утверждения общества риска. Он связан с очередным кризисом рациональности. С формированием иррациональной и алогичной по своему содержанию социокультурной среды, в условиях которой крайне трудно анализировать и прогнозировать перспективу социального развития, опираясь на логику научного познания. Эта трудность является естественным следствием тотального распространения иррационального поведения, массовизации абсурда и ликвидации прочно установленных норм и правил.

Ситуация осложняется еще тем, что в обществе все более утверждаются философия, идеология и практика так называемого постмодерна, получившие свое воплощение и теоретическое обоснование в форме идей социальной неопределенности и «утраты реальности», в той или иной мере разработанных в трудах Ж.-Ф.Лиотара, Ж.Бодрийяра, А.Турена, Ж.Делеза и некоторых других мыслителей. Именно они предложили концепцию общества, в котором реальная жизнь подменяется симулякрами – все более тонкими имитациями реальности. «В эпоху Постмодерн, – пишет Д.В.Иванов, – индивид погружается в виртуальную реальность симуляций и во все большей степени воспринимает мир как игровую среду, сознавая ее условность, управляемость ее параметров и возможность выхода из нее. Различение старого и нового типов социальной организации с помощью дихотомии «реальное/виртуальное» позволяет ввести понятие виртуализации как процесса замещения институционализированных практик симуляциями»²⁷.

В концентрированном виде эти идеи отражают настроения, носители которых пытаются описать и легитимировать хаос. Именно постмодернизму присущи «фрагментация, неопределенность и сильное неприятие всеобщих или «обобщающих» категорий»²⁸,

²⁵ Брюшинкин В.Н. Феноменология русской души // Вопросы философии. 2005. № 1. – С. 31.

²⁶ Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи. М.: Изд-во Моск. Гуманитарно-социал. акад., 2003. – С. 146.

²⁷ Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2000. – С.41.

²⁸ См.: Вейз Дж. Э. Времена постмодерна // Режим доступа к изд.: <http://luthlib.narod.ru/articles/pmodern/pmod02.htm>. – Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.

ярко выраженная ориентация на интуицию в противовес рационализму и здравому смыслу. «Ситуация постмодерна» по сути своей «атехнологична». Ее распространение на процесс управления означает, что сама идея массового применения социальных технологий лишается смысла, либо ограничивается сферой манипуляции массовым сознанием, осуществляемой с помощью симулякров.

Препятствует внедрению социальных технологий и профессионально-квалификационный барьер, который определяется недостаточной компетентностью менеджеров в отношении использования социальных технологий в управлении. И суть проблемы заключается не только в том, что специалисты мало знают о социальных технологиях и имеют недостаточные навыки их применения. В большинстве своем они не поднимаются до осознания необходимости их освоения.

Показательны в данной связи результаты проведенного Центром социальных технологий Белгородского государственного университета общероссийского экспертного опроса по проблеме формирования социально-технологической культуры менеджеров (2010 год, N = 30, руководитель Л.Я. Дятченко). В качестве экспертов выступали ученые из различных городов, вузов и НИИ РФ. В ходе опроса все эксперты согласились с тем, что в качестве самостоятельного элемента подготовки будущих менеджеров необходимо выделять их социально-технологическую подготовку.

Но, по мнению многих экспертов, необходимость социально-технологической подготовки менеджеров в полной мере осознают лишь меньшинство работодателей, руководителей образовательных учреждений, преподавателей и студентов. Правда, большинство экспертов отметили, что эту необходимость представители данных когорт осознают «отчасти», но подобная формулировка, по нашему мнению, свидетельствует: проблемой формирования социально-технологической подготовки в ходе обучения менеджеров серьезно никто не занимается. В отношении же руководителей органов управления образованием эксперты предельно критичны. Большинство экспертов (53.33%) высказали мнение, что значимость данной проблемы они вообще не осознают.

Недооценку идеи социально-технологической подготовки менеджеров 43.33% экспертов связывают с тем, что социальные технологии не рассматриваются организаторами обучения в качестве научно обоснованного инструмента менеджмента. По мнению 40% экспертов, социально-технологическая подготовка не закреплена в образовательных стандартах; 33.33% полагают, что мало квалифицированных преподавателей, способных обеспечить внедрение элементов такой подготовки в образовательный процесс; столько же придерживаются мнения, что отсутствует базовый уровень социально-технологической подготовки населения в целом. По мнению 26.67%, лишь незначительное число ученых и специалистов занимаются внедрением социально-технологической подготовки в практику менеджмента

Таким образом, теория и практика формирования социально-технологической культуры менеджеров в современной России формулируется на крайне неблагоприятном социальном фоне. Даже предварительный анализ условий ее реализации, проведенный применительно к региональному уровню, формулирует массу нерешенных проблем.

Прежде всего, сама идея массового применения социальных технологий в их профессиональной деятельности опирается на довольно зыбкие внешние и внутренние основания. Чтобы превратиться в установку российских менеджеров, она должна преодолеть систему барьеров. Остается неясным, в какой мере способны решить эту задачу субъекты-носители данной идеи. И в данной связи возникает другой вполне обоснованный вопрос: а кто собственно принадлежит к их числу среди непосредственных акторов управленческого процесса?

На региональном уровне очевидными сторонниками идеи являются, «первые руководители» и ученые. Однако к числу первых принадлежат далеко не все руководители субъектов Российской Федерации. Многие из них являются заложниками нескольких обстоятельств. Первое связано с постоянно усиливающейся зависимостью от федерального центра и – в силу этого – с необходимостью принимать и осуществлять любые, в том числе и «атехнологические» решения, необходимость которых обычно объясняется политической целесообразностью. Второе – с собственным уровнем профессиональной культуры, который часто недостаточен для последовательного применения (а иногда и осозна-

ния эффективности) социальных технологий. Такое осознание происходит крайне трудно, поскольку сама жизнь нередко убеждает в результативности традиционных методов управления. Третье определяется состоянием объекта управления, также ориентированного на привычные процедуры решения своих жизненных проблем при обращении органы управления. Чаще всего они связаны с использованием личных связей и подкупом управленцев, что особенно типично для сферы государственного и муниципального управления.

Значительная часть последних, постоянно погруженных в рутину текущих управленческих проблем, не воспринимает задачу технологизации управления как приоритетную. В лучшем случае ее необходимость признается применительно к совершенствованию корпоративной самоорганизации самой бюрократии или же рассматривается как призыв использовать технологии для эпизодического решения только частных проблем.

В данном контексте представляется довольно очевидным, что внедрение социальных технологий связано с формированием у специалистов в сфере управления мотиваций для их систематического применения, с созданием условий для их использования и, наконец, с улучшением качества профессионального образования кадров. Именно эти позиции и должны стать основными при проектировании и внедрении региональных инновационных систем подготовки управленческих кадров.

Список литературы

1. Болотин, И.С. Культура менеджера: многоуровневый подход / И.С. Болотин // Высшее образование в России. – 2009. – № 8. – С. 159-160.
2. Бурмыкина, И.В. Концептуальные основы современных социальных технологий / И.В. Бурмыкина // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2007. – № 3. – С. 60-64.
3. Бурмыкина, И.В. Природа социально-технологического капитала в структуре жизненных практик / И.В. Бурмыкина // Социология. – 2007. – № 3/4. – С. 161-169.
4. Бурмыкина, И.В. Социально-технологическая культура государственных и муниципальных служащих / И.В. Бурмыкина // Социология власти. – 2007. – № 6. – С. 83-87.
5. Бурмыкина, И.В. Социальные детерминанты управления формированием социально-технологической культуры современного менеджера / И.В. Бурмыкина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2009. – Т. 63. – № 8. – С. 64-71.
6. Дмитриев, А.В. Роль конфликтологической культуры в подготовке специалистов / А.В. Дмитриев, А.Б. Белинская // Формирование и развитие социально-технологической культуры специалиста: материалы симпозиума, г. Белгород, 17 июня 2010 г. / Под ред. проф. В.П. Бабинцева. – Белгород: КОНСТАНТА, 2010. – С. 73-80.
7. Патрушев, В.И. Введение в теорию социальных технологий / В.И. Патрушев. – М.: Изд-во ИКАР, 2008. – 222 с.
8. Патрушев, В.И. Основы общей теории социальных технологий / В.И. Патрушев. – М.: Изд-во ИКАР, 2008. – 319 с.
9. Патрушев, В.И. Становление и развитие социально-технологической теории / В.И. Патрушев // Социально-технологическая культура как феномен XXI века: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Белгород, 29-31 мая 2006 г. / Отв. ред. Л.Я. Дятченко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – Ч. I. – С. 21-30.
10. Тихонов, А.В. Социология управления: технологии управленческой практики и проблемы исследовательских процедур / А.В. Тихонов // Формирование и развитие социально-технологической культуры специалиста: материалы симпозиума, г. Белгород, 17 июня 2010 г. / Под ред. проф. В.П. Бабинцева. – Белгород: КОНСТАНТА, 2010. – С. 235-243.
11. Тощенко, Ж.Т. Парадоксальный человек / Ж.Т. Тощенко. – М.: ЮНИТИ, 2008. – 543 с.
12. Шамаева, О.П. Проблема социально-технологической культуры в системе высшего образования / О.П. Шамаева // Социально-технологическая культура как феномен XXI века: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Белгород, 29-31 мая 2006 г. / Отв. ред. Л.Я. Дятченко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – Ч. I. – С. 222-225.
13. Шамаева, О.П. Социально-технологическая культура: формирование, состояние и диагностика / О.П. Шамаева. – Белгород: Белгор. гос. технол. ун-т им. В. Г. Шухова, 2004. – 221 с.
14. Шмарин, Ю.В. Социальные технологии развития культуры принятия решений менеджеров: монография / А.В. Богомолова, И.В. Бурмыкина, Ю.В. Шмарин. – Липецк: ЛГПУ, 2009. – 205 с.

THEORETICAL ASPECTS OF FORMATION OF SOCIO-TECHNOLOGICAL CULTURE AND SOCIO-TECHNOLOGICAL THINKING OF MANAGERS

L.Y. DYATCHENKO¹⁾

V.P. BABINTSEV²⁾

Belgorod State University

¹⁾ **e-mail: rector@bsu.edu.ru**

²⁾ **e-mail: babintsev@bsu.edu.ru**

The necessity of a theoretical analysis of the socio-technological culture of managers has been given ground in the article, the basic approaches of the researching have been considered. Socio-technological culture manager is defined as a system of dispositions of personality expressed in the formation and development of her skills and behaviors to ensure the achievement of professional and life goals through the conscious use of social technologies.

Key words: social technologies, socio-technological culture, socio-technological mind, socio-technological competence.

УДК 316

ИМПУЛЬСЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ИНТЕГРАТИВНО-ДЕЗИНТЕГРАТИВНЫХ ПУЛЬСАЦИЯХ

И.А. САВЧЕНКО*Нижегородский
государственный
технический университет
им. Р.Е. Алексеева*

Анализируется влияние фактора повседневности на социокультурные процессы интеграции и дезинтеграции в современном многоэтническом сообществе. Производится краткий теоретический обзор основных подходов к интерпретации повседневности. Представлены материалы эмпирического исследования степени воздействия повседневности на динамику социокультурного взаимодействия. Выявляются позитивные и негативные тенденции взаимовлияния повседневности и социокультурных изменений.

Ключевые слова. Повседневность, социокультурная интеграция и дезинтеграция, многоэтническое сообщество, этническая группа, культурные заимствования, гетерогенное социокультурное пространство, социальная депрессия.

«Существует столь же много «повседневностей», сколько есть авторов, ее (повседневность) изучающих»¹. Эти слова немецкого обществоведа Каролы Липп достаточно верно подчеркивают универсальность и, вместе с тем, многоаспектность фактора повседневности.

Процессы социокультурной интеграции и дезинтеграции, имеющие место в современных полиэтничных сообществах, подвержены влиянию как инструментальных (экономика, политика, право), так и ценностных (культурная идентичность) факторов. Все эти факторы реализуются, по большей мере, в обыденных реалиях социальной жизни. Поэтому повседневность можно считать фактором, обеспечивающим взаимосвязь, комплексность и системный характер проявления инструментальных и ценностных факторов интегративно-дезинтегративного процесса.

Есть мнение, что повседневность не имеет четкой структуры, границ и рамок, не поддается универсальной научной классификации². Действительно, в работах последних лет, предлагающих теоретический анализ феномена повседневности (В.Д. Лелеко³, Н.Л. Пушкарева⁴, Е.Ю. Малова⁵), выделяются многочисленные, во многом отличные друг от друга подходы к обсуждаемому понятию.

Так, В.Д. Лелеко⁶ выделяет пять дискурсов повседневности: исторический, социологический, психолого-гносеологический, и эстетический. Указанные дискурсы и подходы не являют собою нечто разрозненное и лишенное целостности и преемственности. Красная нить, проходящая через все разнородные работы по проблемам повседневности и обыденной жизни, отслеживается и Н.Л. Пушкаревой. Она показывает, как

¹ Lipp C. Alltagskulturforchung, Sociologie und Geschichte. Aufstieg und Niedergang eines interdisziplinären Forschungskonzepts / Zeitschrift für Volkskunde. 1993. 89 Jg. Hf. 1. S. 2. – S. 32-38., s. 32.

² Глазкова Т.В. Повседневность как предмет художественной культуры (репрезентация феномена семьи в литературном дискурсе). Автореф. дисс... канд. культурологи / Т.В. Глазкова. – М.: «Государственный институт искусствознания» Министерства культуры РФ, 2009 – 22 с., – С. 8.

³ Лелеко В.Д. Пространство повседневности как предмет культурологического анализа. Автореф. дисс. докт. культурологии / В.Д. Лелеко. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2002. – 35 с.

⁴ Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения повседневности / Этнографическое обозрение. № 1, 2004. – С. 19-23.

⁵ Малова Е.Ю. Повседневность: сущность и предмет изучения в гуманитарных науках / Современные наукоемкие технологии. Российская академия естествознания, №7, 2007. – С. 31-34.

⁶ Лелеко В.Д. Пространство повседневности как предмет культурологического анализа. Автореф. дисс. докт. культурологии / В.Д. Лелеко. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2002. – 35 с.

эволюционируют и развиваются дискурсы повседневности, начиная от «Психопатологии обыденной жизни» (1904) З. Фрейда через «жизненные миры» Э. Гуссерля и А. Шюца и Франкфуртскую школу (Г. Маркузе, П. Бергер и Т. Лукман к этнометодологии Г. Гарфинкеля и А. Сикурель, «критике повседневной жизни» А. Лефевра и, наконец, интерпретации культур К. Гирца⁷.

В современной социальной науке весьма распространена точка зрения на повседневность, изложенная Б. Вальденфельсом. Этот немецкий исследователь в своих изысканиях отталкивается от предостережений Н. Элиаса: нельзя превращать повседневную жизнь в универсальную категорию и представлять обыденную жизнь в качестве особой автономной сферы, отделенной от общества с его структурами власти. И в итоге Б. Вальденфельс выстраивает генеалогию повседневной жизни, где повседневному противопоставлено неповседневное. К повседневному относится все привычное, упорядоченное, близкое; к неповседневному – непривычное, находящееся вне обыденного порядка, далекое. Повседневность есть место образования смысла, открытия правил; достижения повседневности могут существовать только за счет ее преодоления, – таков вывод Б. Вандельфельса⁸.

Такой подход находит отклик в ряде отечественных работ последних лет. Г.М. Муталова предлагает такое понимание понятия «повседневность», под которым подразумевается та часть жизни человека, на которую он ежедневно тратит больше всего времени по внешней или внутренней необходимости. Вследствие того, что человек затрачивает максимум времени на решение повседневных задач, это в решающей степени влияет на формирование личности, ценностных установок социальных групп и их предпочтений. Внешняя необходимость может быть природного или социального происхождения. Под необходимостью природного происхождения подразумевается среда обитания человека, например, экологические факторы⁹.

В целом, научный анализ повседневной жизни, независимо от дисциплинарного подхода к понятию, – это попытка проникнуть в обыденный человеческий опыт и проследить, каким образом он влияет на масштабные социальные процессы. К примеру, специалисты по истории социальных конфликтов и движений полагают, что сопротивление насилию, если оно ежедневно или хотя бы систематично, тоже есть часть истории повседневного¹⁰.

Так, В.П. Козырьковым¹¹ представлены образы повседневности, среди которых: повседневность как проза жизни; повседневность как область рутинных явлений и тривиального знания; повседневность как индивидуальный жизненный мир; повседневность как профанное пространство; повседневность как обыденный мир (при этом понятия «повседневность» и «обыденность» четко разводятся). В структуре повседневности выделяются различные виды пространства, в которых одновременно пребывает человек: физическое, перцептуальное (доступное непосредственному восприятию) и концептуальное (культурное)¹².

С такой точки зрения, повседневность с неизбежностью должна включать «формы поведения и стратегии выживания и продвижения, которыми пользуются люди в специ-

⁷ См.: Пушкарёва Н.Л. Предмет и методы изучения повседневности / Этнографическое обозрение. № 1, 2004. – С. 19-23.

⁸ См.: Глазкова Т.В. Повседневность как предмет художественной культуры (репрезентация феномена семьи в литературном дискурсе). Автореф. дисс... канд. культурологи / Т.В. Глазкова. – М.: «Государственный институт искусствознания» Министерства культуры РФ, 2009 – 22 с., – С. 8.

⁹ См.: Глазкова Т.В. Повседневность как предмет художественной культуры (репрезентация феномена семьи в литературном дискурсе). Автореф. дисс... канд. культурологи / Т.В. Глазкова. – М.: «Государственный институт искусствознания» Министерства культуры РФ, 2009 – 22 с. – С. 6.

¹⁰ Пушкарёва Н.Л. История повседневности» как направление исторических исследований [Электронный ресурс] / Фонд исторической перспективы // http://www.perspektivy.info_2010-03-16.htm

¹¹ Козырьков В.П. Образы повседневности и проблема их целостности / Наука и повседневность: основания науки в цифровом обществе: Материалы 4-й межвуз. науч. конф. – Н. Новгород, 2002. Вып. 4. – С. 7-10., – С. 8.

¹² Малова Е.Ю. Повседневность: сущность и предмет изучения в гуманитарных науках / Современные наукоемкие технологии. Российская академия естествознания, №7, 2007. – С. 31-34.

фических социально-политических условиях, в том числе и самых экстремальных»¹³. Поэтому определение повседневности как движущей силы интегративно-дезинтегративных пульсаций общественной жизни вполне оправдано.

Влияние факторов обыденной жизни на социокультурные процессы, как мы помним, исследовалось К. Гирцем¹⁴. Воздействие этих факторов на жизнь в полиэтничного сообщества может, на наш взгляд, быть уточнено эмпирически.

Так, нами была составлена анкета и проведено социологическое исследование, направленное на выявления того, каким образом действуют взаимообусловленность и взаимосвязь явлений повседневности и интегративно-дезинтегративных процессов в обществе. Анкетный опрос проводился среди следующих групп респондентов (общая выборка составила 715 человек (n=715)):

1. Студенты из стран дальнего зарубежья (247 человек), обучающиеся в вузах Нижнего Новгорода: Нижегородском государственном техническом университете им. Р.Е. Алексеева (58 чел.), Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (98 чел.), Нижегородской государственной медицинской академии (47 чел.), Нижегородском государственном архитектурно-строительном университете (44 чел.). Опрашивались африканцы (43%), индусы (16%) и китайцы (41%). Гражданство респондентов: 16% – Индия, 41% – Китай, 14% – Камерун, 16% – Танзания, 13% – Намибия.

2. Русские студенты (215 человек), обучающиеся в Нижегородском государственном техническом университете им. Р.Е. Алексеева. Большинство русских студентов являются гражданами России (92%), остальные – граждане Украины, Беларуси, Казахстана и Молдовы.

3. Студенты из стран ближнего зарубежья (253 человека): белорусы – 19%, абхазы – 3%, литовцы – 3%, эстонцы – 5%; украинцы – 17%, грузины – 10%, армяне – 17%, азербайджанцы – 10%, таджики – 3%, туркмены – 3%, молдаване – 8%. Студенты обучаются в Нижегородском государственном техническом университете им. Р.Е. Алексеева (74 чел.), Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (68 чел.), Нижегородском государственном архитектурно-строительном университете (51 чел.), Нижегородской государственной медицинской академии (13 чел.), Волжской государственной академии водного транспорта (21 чел.), Нижегородском лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова (16 чел.), Нижегородском коммерческом институте (6 чел.), Нижегородской государственной консерватории им. М.И. Глинки (4 чел.). Опрошенные являются гражданами России (47%), Украины (23%), Беларуси, Азербайджана и Грузии (по 10%).

Сначала несколько слов о реалиях обыденного существования иностранного студента в России. Стремление иностранца сохранить культурную идентичность уравнивается желанием связать свое будущее с Россией, а слабая адаптивная активность – относительно комфортным самочувствием в российском регионе. Именно эти позитивные показатели способны стать основой интеграционного процесса.

Социально-психологические проблемы интеграции иностранных студентов в российскую социокультурную реальность, как правило, рассматриваются в рамках эффективной организации учебно-воспитательного процесса в вузах, где обучаются иностранцы¹⁵. Между тем, как нам кажется, необходимость исследования проблем интеграции иностранных студентов в России имеет более широкое, социальное значение. По разным данным примерно четверть иностранных студентов остается жить в России (то есть заводят семьи, детей, приобретают недвижимость), более половины – не покидают нашу страну после окончания вуза, а остаются там на неопределенное время¹⁶. Учитывая дан-

¹³ Пушкарева Н.Л. История повседневности» как направление исторических исследований [Электронный ресурс] / Фонд исторической перспективы // http://www.perspektivy.info_2010-03-16.htm

¹⁴ Гирц К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М.: Аст, 2004. – 306 с.

¹⁵ Савченко И.А. Опыт социально-психологического исследования проблем адаптации иностранных студентов в российском вузе / И.А. Савченко, М.В. Свирина, О.И. Морозова, Н.С. Борисова // Методология обучения и повышения эффективности академической, социально-культурной и психологической адаптации иностранных студентов в российском вузе: теоретические и прикладные аспекты. Материалы Всероссийского семинара. Томск: ТПУ, 2008. – С. 113-124.

¹⁶ Давидсон А.Б., Иванова Л.И. Московская Африка / А.Б. Давидсон, Л.И. Иванова. – М.: Театральный институт им. Б. Щукина, 2003. – 117 с.

ный факт, к рассмотрению проблемы интеграции указанной категории мигрантов в культурно-социальные реалии российских регионов следует относиться более чем серьезно.

Не так давно Министерство образования и науки России обнародовало некоторые данные об иностранных студентах, обучающихся в России¹⁷. Всего в российских вузах учатся почти 100 тыс. иностранных граждан, в том числе почти 70 тыс. – на контрактной основе и свыше 30 тыс. – за счет средств федерального бюджета. Больше всего студентов-иностранцев приехало из стран Азии, Африки и Латинской Америки (55 %), а также государств – участников СНГ (33%).

Самая популярная специальность среди иностранных студентов, обучающихся в России, – медицина (19,2% студентов). На втором месте – экономика, финансы, менеджмент (17,5%); на третьем – гуманитарно-социальные специальности (15,6%). Популярны также инженерно-технические специальности, право, естественные и точные науки (в том числе математика).

В соответствии с международными договорами в 2005 году за счет средств федерального бюджета и на предоставляемые государственные стипендии иностранных граждан из 98 государств дальнего и ближнего зарубежья готовят в 170 российских вузах системы Министерства образования и науки России. Лидер по подготовке иностранных студентов – Москва (около 50 вузов). На втором месте – Санкт-Петербург (14 вузов).

Кроме того, прием иностранных учащихся за счет средств федерального бюджета по направлениям Рособразования осуществляют вузы, не относящиеся к системе Минобрнауки: МГУ, Финансовая академия при правительстве Российской Федерации, вузы Минздравсоцразвития России, Минкультуры России, Минтранс России, Минсвязи России, Минсельхоза России, Минэкономразвития России – всего около 20 высших учебных заведений. Целевую подготовку специалистов для государств-участников СНГ по предоставляемым государственным стипендиям осуществляют еще в 31 вузе. Только два из них – московские.

По статистике Минобрнауки, Россия занимает 8 место в мире по числу обучающихся иностранных граждан. На первом месте – США (586 тыс.чел.), на втором – Великобритания (233 тыс.чел.), на третьем – Германия (200 тыс.чел.). Далее следуют Франция (160 тыс.чел.), Австралия (157 тыс.чел.), Испания (124 тыс.чел.), Канада (100 тыс.чел.).

Иностранные студенты приезжают из разных стран мира, из разных климатических зон, являются представителями разных социумов с совершенно различными культурами, традициями, системами норм и ценностей. Кроме того, иностранные студенты, как и все люди, обладают индивидуально-психологическими особенностями.

Приезжая в Россию, иностранный студент попадает в принципиально новые социальные условия. Несмотря на уже имеющийся социальный опыт, полученный в родной стране, условия жизни (и обучения) в России можно считать для студента-иностранца непривычными. Разница между организацией общественной жизни и условиями обучения в родной стране и в России порождает проблемы, связанные с адаптацией студента к условиям жизни и обучения в чужой стране. Иностранному студенту необходимо привыкнуть к новым климатическим и бытовым условиям, к новой образовательной системе, к новому языку общения, к интернациональному характеру учебных групп и потоков и т.д.

Среди городов России, в которых обучаются иностранные студенты, присутствует и Нижний Новгород. В нижегородских вузах учатся иностранные студенты из Марокко, Танзании, Судана, Иордании, Индии, Китая и других, преимущественно азиатских и африканских стран.

Наблюдение за восприятием процедуры опроса иностранными студентами также дало важную информацию для характеристики «ситуации повседневности» иностранцев, поскольку процесс опроса представлял собою некую гипертрофированную ситуацию иностранца в инокультурной среде. Было очевидно, что всех опрашиваемых объединяет не-

¹⁷ Дементьева С.В. Вузы России как механизм адаптации учебных мигрантов в контексте социологического анализа / Методология обучения и повышения эффективности академической, социокультурной и психологической адаптации иностранных студентов в российском вузе: теоретические и прикладные аспекты: Материалы Всероссийского семинара. Т. 2. Томск: ТПУ, 2008. – С. 42 – 59., – С. 44.

достаточная степень адаптации к современной российской повседневной реальности. Исходя из полученных данных, большинство испытывают страх, отчуждение, недоверие к русским людям. Отчасти это является стереотипом, когда индивидом на основе ограниченной информации об отдельных представителях каких-либо этнической группы строятся предвзятые выводы относительно всей группы¹⁸.

Особенности обыденного существования студента из ближнего зарубежья имеют много общего с особенностями, наблюдаемыми у студентов из стран дальнего зарубежья. Хотя среди студентов из ближнего зарубежья специфика выражена не так четко: меньше языковой барьер, больше и обширнее опыт совместного существования с русскими, в конце концов, меньше признаков очевидного отличия от принимающего этноса. В конце концов, благодаря общему «советскому» прошлому, мигрант из СНГ в меньшей степени, нежели студент из дальнего зарубежья, чувствует себя чужим в русской среде¹⁹.

Повседневность русских студентов, как членов принимающего сообщества, конечно же, отличается повседневности приезжих. На первый взгляд, русские коренные жители не могут испытывать ни о культурного шока, ни о каких-либо сложностей вхождения в новую социокультурную среду и, соответственно, в новую повседневность. В какой-то степени это верно. Однако сам факт стремительной этнокультурной гетерогенизации социального пространства делает русских коренных жителей свидетелями социальных изменений. Один и тот же социальный процесс является макросоциальным для русского и микросоциальным, а во многих случаях, индивидуально-личностным – для приезжего.

Анализ результатов опроса. Опрос, направленный на уточнение повседневных проблем опрашиваемых студентов, их общего самочувствия и установок в поликультурном сообществе, был анонсирован вопросом об отношении студентов к актуальной жизненной ситуации (См. диаграмму 1).

Было установлено, что смиренно депрессивное, упадническое отношение к жизни («жить трудно, но можно терпеть»), являющееся, безусловно, барьером для интеграционного движения, характерно лишь для пятой части студентов во всех опрашиваемых группах. Хотя этот показатель нельзя считать незначительным, оптимистичные («жизнь прекрасна») и умеренно-оптимистичные («все не так плохо и можно жить») отношения к повседневности представлены более широко. Так, 33% студентов из ближнего зарубежья, 28% иностранцев и 39% русских утверждают, что их жизнь прекрасна; 47% мигрантов из СНГ, 51% иностранцев и 36% русских считают, что «все не так плохо и можно жить».

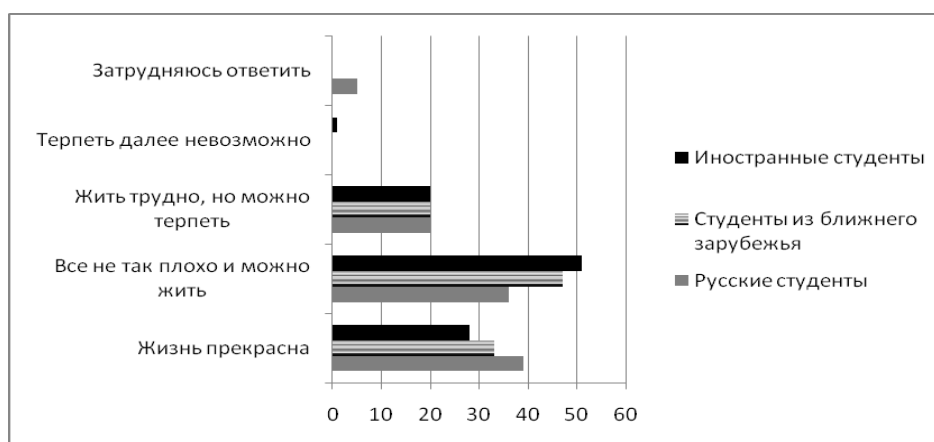

Диаграмма 1. Отношение студентов к актуальной жизненной ситуации

Далее следовал вопрос о повседневном самочувствии студентов в России (см. диаграмму 2).

¹⁸ Савченко И.А. Иностранец студент в России: условия и барьеры интеграции / Вестник Оренбургского государственного университета. № 1, 2010 – С. 20-27.

¹⁹ Савченко И.А. Интеграционные и дезинтеграционные тенденции в мультикультурной молодежной среде. Известия Уральского государственного экономического университета. №1, 2010. – С. 11-20.

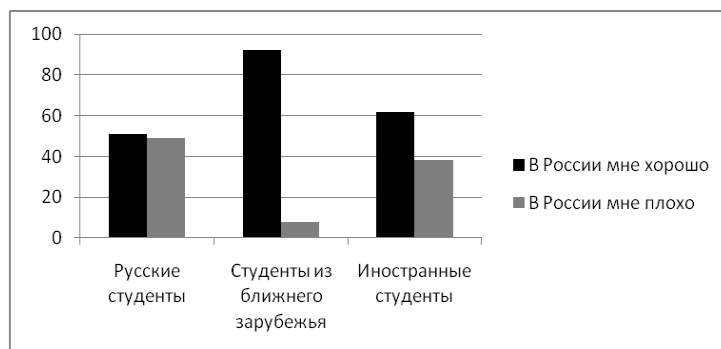

Диаграмма 2. Самоощущение студентов в России

Итак, мы видим, что, большинство студентов в трех выборках положительно оценивают свое самоощущение в России. Между тем, совершенно очевидно, что одним категориям студентов в России явно лучше, чем другим.

Хуже всего себя ощущают в нашей стране студенты-иностранцы: 38% из них указали, что им «плохо в России». Русским в родной стране чуть лучше, нежели иностранцам – 51-му% русских в России «хорошо». При этом лучше всего в России себя ощущают мигранты из бывшего СССР (92%). Можно предположить, что активный интеграционный процесс, наблюдаемый в среде выходцев из ближнего зарубежья, рождает оптимизм и эйфорию. Иными словами, ощущение того, что «все получается», что в жизни нет ничего невозможного, и жизненные перспективы безграничны, придает максимальный смысл повседневному существованию, лишая его таких привычных атрибутов как скука и обыденность.

Ближайшее окружение, как известно, оказывает весомое влияние на повседневное существование человека. Круг общения во многом определяет личность индивида. Так, опрашиваемым студентам предлагалось указать национальность их самых близких друзей (см. диаграмму 3).

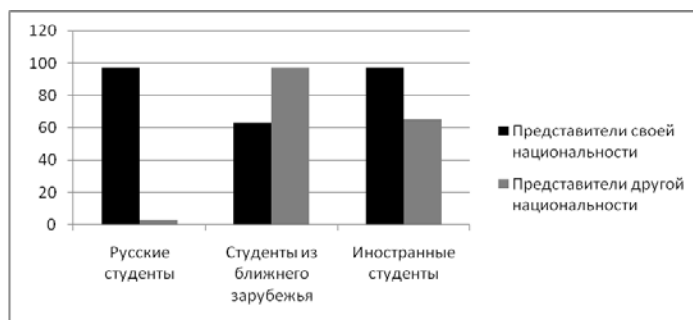

Диаграмма 3. Указание студентов на национальность близких друзей

Из диаграммы видно, что русские и иностранцы (по 97% в обеих выборках) в качестве близких друзей указывают преимущественно представителей своей национальности. Но за схожими показателями – абсолютно различное наполнение.

Так, русские, указав в качестве близких друзей исключительно русских, оставили минимальное пространство (3%) для представителей других этносов в качестве своих друзей, в котором в единичных вариантах встречаются евреи, узбеки, армяне, татары, турки.

Что касается иностранцев, то, хотя среди их ближайших друзей и преобладают представители своего народа, число представителей других этносов также значительно – 63%. Так, русских отметили в основном китайцы (75%), а китайцев – индусы (69%). Африканцы поняли вопрос по-своему: в качестве своих друзей они указывали представителей различных африканских стран – Намибии, Камеруна, Занзибара (название этого государства активно используется африканцами, несмотря на то, что в 1984 г. Занзибар вместе с Танганьикой образовали Объединенную Республику Танзанию).

Студенты из ближнего зарубежья как самых близких друзей отметили русских (97%), грузин (23%), украинцев (20%), белорусов (4%), камерунцев (8%), евреев (8%).

Ответы на данный вопрос выявили определенного рода парадокс: иностранцы, как и русские, указывают в качестве близких друзей представителей своего этноса, а приезжие из стран бывшего Советского Союза в подавляющем большинстве указали представителей других национальностей, среди которых преобладают русские. Таким образом, выборы русских студентов и студентов из стран бывшего Союза ССР не менее показательны, нежели сходство в выборах русских и иностранцев.

Здесь мы снова видим максимальную интеграционную активность приезжих из стран ближнего зарубежья, желание интегрироваться не только политически и экономически, но и социально.

Русские, и это понятно, не до конца осознают нарастание этнической неоднородности своего социума, а если и осознают, то, скорее, как явление внешнего порядка, не переходящее на феноменологический уровень и не влияющее на ход обыденных явлений. Вполне возможно, что русский, которого мигрант из СНГ обозначает своим другом, сам не идентифицирует данного мигранта как друга. Собственно, на наш взгляд, данное положение вещей вполне закономерно и предсказуемо. Представители принимающего сообщества в плане этнокультурной динамики изначально находятся в пассивном положении (они никуда не уезжают и не создают сами для себя ситуацию, к которой надо адаптироваться), поэтому они и не идентифицируют мигранта как члена своего социума. Мигрант же, покидающий свою родину, заведомо делает шаг навстречу представителям нового для себя общества, поскольку с самого начала понимает необходимость адаптации. Однако так бывает не всегда.

Возьмем европейские страны, к примеру, Францию. Многочисленные выходцы из Восточной Европы и СССР, греки, испанцы, португальцы, итальянцы без труда интегрируются в принимающее пространство повседневности и адекватно адаптируются. Можно долго рассуждать о том, что является субстратом такой интеграции (европейская культура или некая общность исторической судьбы, либо что-либо еще). Но на наш взгляд успешная интеграция связана, прежде всего, с индивидуально-групповым желанием адаптироваться. Примерно так, хотя в сопряжении с трудностями и проблемами, происходит интеграция приезжих из стран ближнего зарубежья в российскую повседневность.

В той же Франции выходцы из африканских стран и, в несколько меньшей степени, евроазиатские арабы – не все, но, безусловно, многие, так и не интегрировались в новое социальное пространство повседневной жизни, очевидно полагая, что принимающее сообщество не вправе навязывать приезжему свои нормы; скорее наоборот: оно должно адаптироваться к приезжим. Именно такое отношение к принимающему сообществу демонстрируют иностранные студенты (отметим, что среди китайцев тенденция прослеживается не столь четко). Здесь мы имеем дело с тенденцией к геттоизации, о чем свидетельствует выбор в качестве друзей представителей своей национальности. Наблюдается также явление, которое мы называем анклавной консолидацией – единением различных этнических групп в метаэтническую общность в противовес принимающему обществу, о чем свидетельствует выбор в качестве друзей представителей различных этнических групп, но за исключением членов принимающего сообщества, в нашем случае – русских.

Наши выводы в определенной степени были подтверждены исследованием влияния этнокультурного соседства через выявление культурных заимствований²⁰. Так, мигрантам из стран ближнего зарубежья и студентам-иностранцам задавался открытый вопрос: «Какие качества русских людей Вы переняли у них, живя в России?» (диаграмма 4).

Что касается студентов из стран бывшего Советского Союза, немалая их часть (31%), оценивая влияние соседства с русскими людьми, оказалась убеждена, что ничего не переняли у них. И все же большинство (69%) признают факт заимствований. Такое качество как «независимость и свобода поведения» переняли у русских 21%; 19% научились у русских настоящей русской речи, речевым оборотам, любовь к русской кухне пере-

²⁰ Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций / Н.М. Лебедева. – М.: Институт этнологии и антропологии им. И.Н. Миклухо-Маклая, 1993. – 195 с.

няли 8%, гостеприимство – 8%, речь – 20%, трудолюбие – 4%, любовь к России – 4%, привычку к распитию спиртного – 4%.

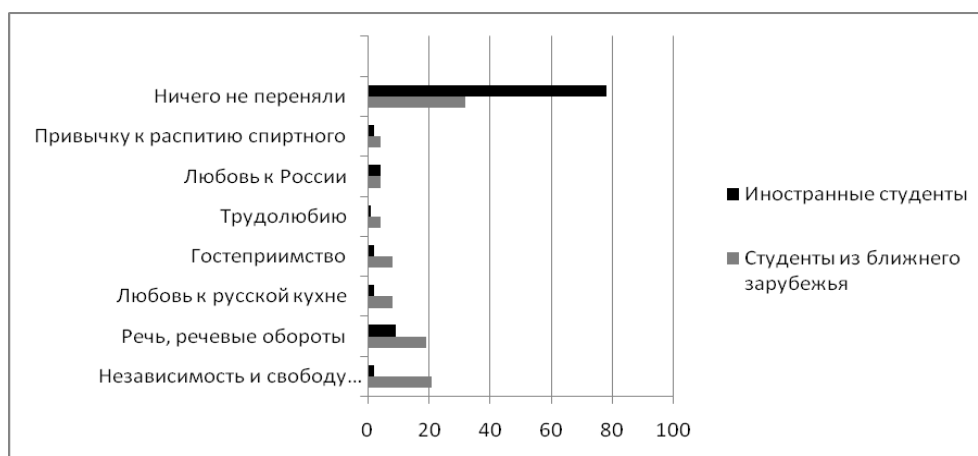

Диаграмма 4. Мнения студентов-мигрантов о качествах, заимствованных у русских

Принципиально иная картина – у иностранных студентов. При оценке влияние соседства с русскими людьми, абсолютное большинство (86%) убеждены, что ничего не переняли у них. Такое качество как любовь к русской кухне переняли 2%, гостеприимство – 2%, трудолюбие – 1%, любовь к России – 4%, привычку к распитию спиртного – 2%, как «независимость и свобода поведения» переняли у русских 2%; 9% полагают, что научились у русских говорить по-русски.

Студенты-иностранцы и студенты из ближнего зарубежья указывают на одни и те же заимствования. Большинство заимствований можно оценивать как положительно окрашенные, а также способствующие интеграционному движению (особенно, любовь к России, «живую» русскую речь и т.д.). «Привычка к распитию спиртного» – единственное негативное заимствование, которое упоминается в обеих категориях мигрантов. Указание данного заимствования говорит, во-первых, о стигматизации поведения «типичного русского», во-вторых, о стремлении незначительного числа респондентов из числа мигрантов (в среднем 3%) каким-то образом оправдать свое собственное пристрастие, которое, возможно, актуализировалось вдали от родительского надзора.

Культурные заимствования, а, точнее, их признание – маркеры интегративного настроения, проявляющиеся в повседневной обыденности. У иностранцев эти маркеры представлены минимально, у студентов из ближнего зарубежья – достаточно ярко.

Студентам-мигрантам предлагалось оценить интеграционный настрой русских через ответы на вопрос: «Как Вы думаете, русские люди, живя рядом с Вами, переняли у Вас какие-либо качества?». И здесь отмеченная выше тенденция, хотя и не столь рельефно, но проявилась снова: мигранты из СНГ в гораздо большей степени убеждены в наличии качеств, заимствованных у них русскими, нежели иностранцы (см. диаграмму 5).

Подавляющая часть опрошенных (94%) признает, что, общаясь с представителями их национальности, русские ничего не переняли. Лишь немногие считают, что русские переняли у них некоторые традиции (2%), кухню (4%).

Среди опрошенных из стран бывшего СССР уверенных в том, что, общаясь с представителями их национальности, русские ничего не переняли у них, гораздо меньше – только 53%. Ряд опрошенных студентов считает, что русские переняли у них некоторые традиции (4%), кухню (4%), уважение к родным (23%), скромность (2%), гостеприимство (4%), трудолюбие (10%).

Достаточно показательны мнения русских студентов по поводу качеств, которые приезжие у них заимствовали и свойств, заимствованных русскими у приезжих (см. диаграмму 6).

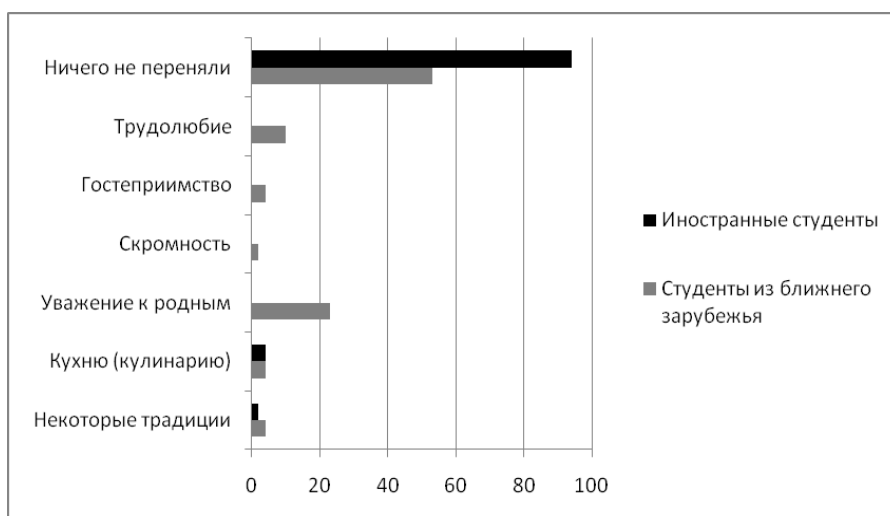

Диаграмма 5. Мнения студентов-мигрантов о качествах, которые русские заимствовали у них

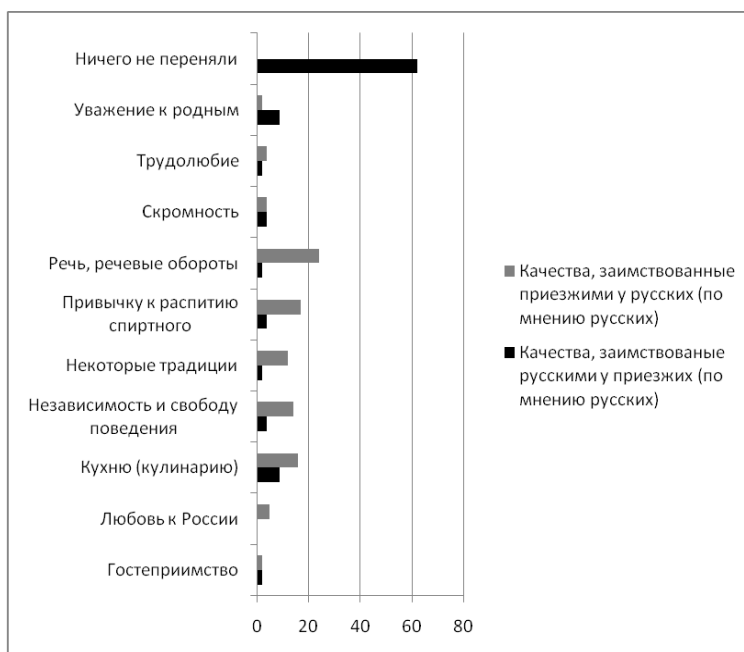

Диаграмма 6. Мнения русских студентов о культурных заимствованиях

Мы видим, что 100% русских убеждены, что приезжие что-либо заимствовали у них. Но надо признать, что среди русских немало и тех, кто признает заимствования русскими у приезжих (62%). Поэтому можно без сомнения утверждать, что интегративный настрой у русских гораздо активнее, чем полагают мигранты.

В целом, соотношение позитивных и негативных оценок взаимовлияния культур свидетельствует о характере групповой идентификации и общего отношения к иной культуре. Выявленное нами преобладание позитивных оценок влияния другой культуры на собственную и собственной на другую есть показатель позитивной групповой идентификации и межгрупповой (этнической) толерантности. Такое сочетание говорит о том, что группа достаточно хорошо адаптирована в иной культуре, оставаясь самостоятельным субъектом межэтнического взаимодействия, с уважением относясь к своей и чужой этнической (культурной) принадлежности.

Выявленное преобладание позитивных оценок влияния собственной культуры на другую в сочетании с высокой долей негативных оценок влияния другой культуры на собственную говорит о том, что представители данной культуры (оценивающей) ощущают влияние иной культуры как угрозу своей собственной культурной идентичности, могущую привести к ее распаду или трансформации. Это – атрибутивный защитный механизм контрсуггестии, приводящий к неадекватности межгруппового восприятия.

Наличие негативных оценок влияния собственной культуры на другую в сочетании с позитивной оценкой инокультурного влияния может свидетельствовать о существовании групповой культурной неудовлетворенности, о распаде данной группы как самостоятельного субъекта социокультурных отношений, о возможной смене членами группы своей групповой принадлежности. Однако таких тенденций нами выявлено не было.

Признание респондентом социокультурных заимствований из иной культуры также позволяет сделать ряд значимых выводов. Сравнительно большая доля воспринимаемых заимствований от другой культуры говорит, во-первых, о воспринимаемых и осознаваемых различиях между собственной культурой и соседней, и, во-вторых, о том, что инокультурное влияние ощущается как сильное и глубокое. Малая доля негативных психологических заимствований от иной культуры говорит о том, что представители данной группы не воспринимают инокультурное влияние как угрожающее их ценностному единству, о включении механизмов психологической защиты, о неадекватности межгруппового восприятия.

Негативная оценка собственной культуры как источника заимствований могла бы свидетельствовать о том, что группа, транслирующая заимствования, не удовлетворена своей культурной принадлежностью и, возможно, стремится к смене групповой идентификации. В нашем исследовании подобных мнений не обнаружено.

Отрицание культурных заимствований также дает исследователю важную информацию²¹. Высокая доля ответов типа «мы у них ничего не заимствовали» (53%) может служить показателем: а) либо завышения статуса собственной группы (отказ от осознания влияния иной культуры на собственную и даже отказ ей в праве влияния) как одного из вариантов контрсуггестии или психологической защиты; б) либо отсутствия в групповом сознании четких различий между своей и иной культурой, недифференцированности группового сознания, возможно, свидетельством того, что группа не является самостоятельным субъектом межгруппового взаимодействия и взаимовосприятия.

Высокая доля ответов «Они у нас ничего не заимствовали» может в ряде случаев говорить о признании более высокого статуса иной культуры, о собственной групповой (культурной) неудовлетворенности. Однако отрицание заимствований из собственной культуры со стороны других этносов можно объяснить и как признание группой своей несовместимости с другой культурной группой (группами) или как демонстрацию собственной уникальности и указание на неспособность других культурных общностей «почти» культуру данной этногруппы.

Важной характеристикой повседневного существования индивида является его поведение в обычных жизненных ситуациях. Поэтому во всех трех группах опрашиваемых был задан вопрос «Меняется ли Ваше поведение в зависимости от того, с представителями каких национальностей Вы находитесь в одной компании?» (диаграмма 7).

Несколько слов о самом вопросе. Конечно, в нем есть определенного рода подвох. Для ученого очевидно, что наше поведение просто не может не меняться в зависимости от того, с кем мы находимся в одной компании. Хотя, конечно, на одних из нас окружение влияет в большей, на других – в меньшей степени. Таким образом, респондент, соглашающийся с тем, что его поведение меняется в зависимости от того, с представителями каких национальностей он находится в одной компании, лишь признает реально существующий факт. Те, кто с данным утверждением не соглашаются, этот факт упорно отрицают, тем самым демонстрируют свою мнимую уникальность или острое нежелание признать свою подверженность ассимилирующему влиянию других культур. Таковых

²¹ Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций / Н.М. Лебедева. – М.: Институт этнологии и антропологии им. И.Н. Миклухо-Маклая, 1993. – 195 с.

меньше всего среди русских (только 41%), достаточно много среди приезжих из СНГ (70%) и иностранцев (79%).

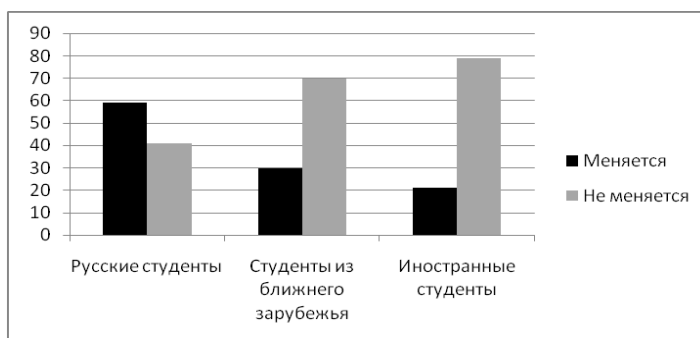

Диаграмма 7. Ответы студентов на вопрос «Меняется ли Ваше поведение в зависимости от того, с представителями каких национальностей Вы находитесь в одной компании?»

Традиционным является мнение, что основные интеграционные барьеры строятся представителями принимающего сообщества. Последний вопрос показал, что это не всегда так. Континтеграционные внутренние установки свойственны и приезжим.

Нам было важно выяснить, ощущают ли студенты связь между индивидуальным обыденным существованием и своей этнокультурой. Иными словами, мы стремились узнать, считают ли студенты культуру ценной, значимой и нуждающейся в сохранении. В трех выборках задавался вопрос «Как Вы думаете, что поможет Вашим соотечественникам в России сохранить свою культуру, или это не нужно?» (диаграмма 8).

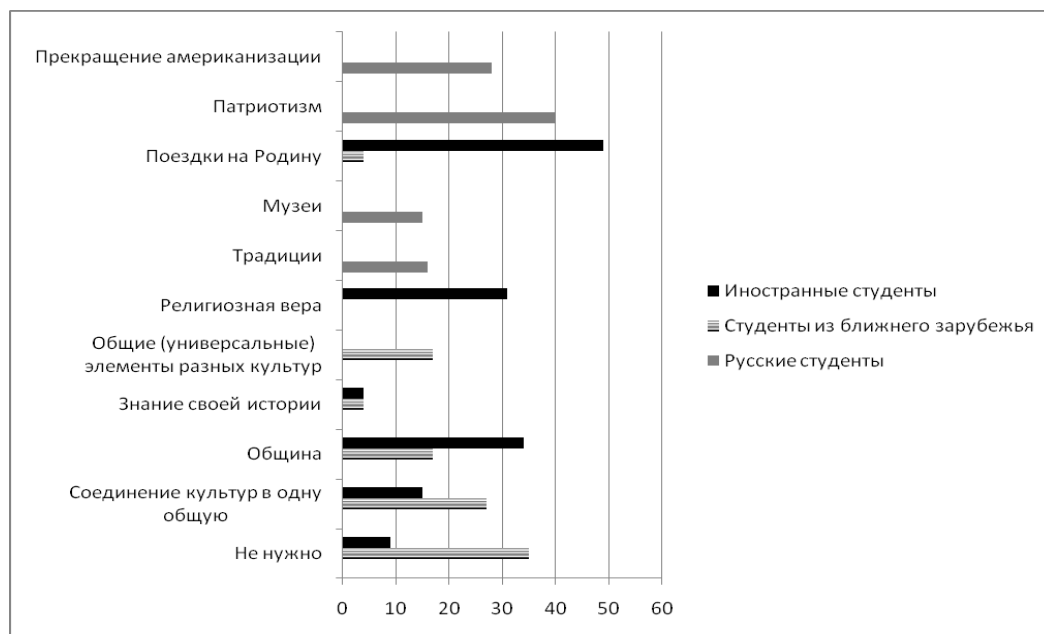

Диаграмма 8. Ответы студентов на вопрос «Как Вы думаете, что поможет Вашим соотечественникам в России сохранить свою культуру, или это не нужно?»

Налицо большое разнообразие ответов (вопрос предполагал свободные ответы). У выходцев из ближнего зарубежья, как мы видим, аккультурационный пафос граничит с маргинальными тенденциями: 35% в принципе отрицают необходимость культурного самосохранения. Среди иностранцев такое мнение разделяют лишь 9%, у русских такое мнение не представлено вовсе.

Многие мигранты из стран бывшего Союза ССР (27%) видят залог сохранения культуры в ее соединении с другими (очевидно, так мигранты надеются сохранить хотя бы отдельные элементы культуры). С таким мнением согласны 15 % иностранцев, русские с таким утверждением не согласны.

В целом, у приезжих из ближнего зарубежья преобладает желание как можно быстрее освоиться в новой культуре, пусть даже путем потери своей собственной. Может показаться, что это неплохо, поскольку элиминируются конфликтные предпосылки. С другой стороны, утрата культурных корней и неминуемая маргинализация, отнюдь не признак успешного интегративного движения и ухода от конфликтов.

Что касается иностранных студентов, их подавляющее большинство (87% африканцев, 91% китайцев и 95% китайцев) уверены, что родную культуру сохранять необходимо (напомним, что так же считают 100% русских и лишь 65% мигрантов из СНГ). В общине видят залог сохранения родной культуры 21% африканцев, 35% китайцев, 47% индусов, в знании своей истории – в среднем около 4% у представителей всех групп. Индусы единственные, кто считает, что для сохранения родной культуры необходима религиозная вера (87%), у остальных опрошиваемых данный показатель в районе 3%. Китайцы большое значение в сохранении культуры придают поездкам на Родину (87%).

Русские видят проблему сохранения родной культуры более широко: 40% считают залогом культурного самосохранения патриотизм. Но при этом многие русские рассматривают проблему культурного самосохранения нейтрально и деперсонализированно: 28% указывают прекращение американизации, 16% – традиции, 15% – развитие музеев. Такая отстраненность от решения проблемы будущего своего народа говорят о «культурной депрессивности» и уверенности в том, что сложные проблемы должно решать государство, а не отдельный человек.

Студентам задавался вопрос: «Какие чувства вызывает у Вас принадлежность к вашей национальной культуре?» (диаграмма 9).

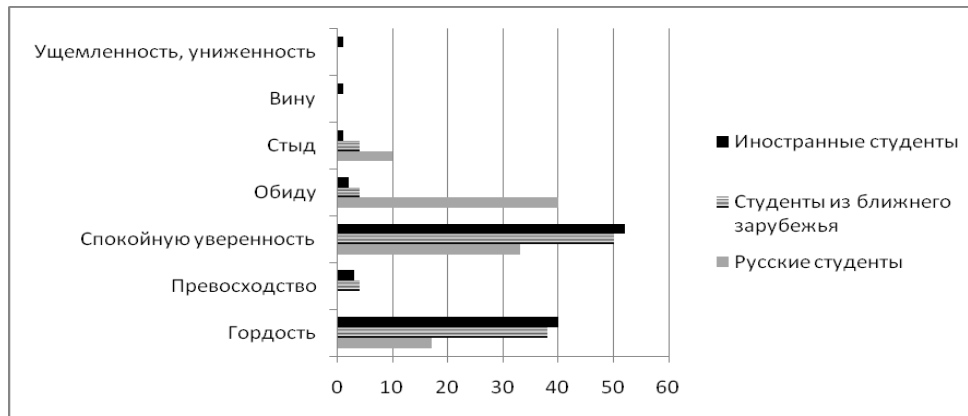

Диаграмма 9. Ответы студентов на вопрос «Какие чувства вызывает у Вас принадлежность к вашей национальной культуре?»

В ответе на данный вопрос 50% студентов из ближнего зарубежья указали спокойную уверенность, 38% – гордость, 4% – обиду, по столько же – стыд, столько же – превосходство. Сходные показатели у иностранцев: 52% указали спокойную уверенность, 40% – гордость, 3% – обиду, 1% – стыд, превосходство – 5%.

У русских студентов – совсем другие показатели. У 40% принадлежность к русской национальной культуре вызывает обиду, у 10% – стыд, и только у 17% – гордость и у 33% – спокойную уверенность.

Таким образом, если разделить чувства, которые у индивида вызывает принадлежность к его национальной культуре, на позитивно (гордость, превосходство, уверенность) и негативно окрашенные (обида, стыд, вина, ущемленность), то окажется, что у русских положительные и отрицательные чувства представлены в равной степени, а в

двух других респондентских аудиториях со значительным перевесом преобладают позитивные настроения (у студентов из ближнего зарубежья – 92%, у иностранцев – 95%).

Эти факты говорят о том, что многие русские утрачивают культурную устойчивость, они дезориентированы и не имеют понятия, как вести себя и культурно сохраняться в мультиэтничном сообществе под напором других культур. Мигранты же, несмотря на набирающие в их среде процессы маргинализации, с абсолютной уверенностью входят в новые культуры. Однако в целом дезориентация русских – с одной стороны и уверенность подверженных маргинализации приезжих – недобрый знак, никак не способствующий интеграции, а, напротив, разобщающий общество.

«Завтра начинается сегодня». Фраза пусть и банальна, но верна. В связи с этим мы задали студентам вопрос: «Как Вы считаете, знание каких языков будет полезно Вашим детям?» (диаграмма 10). Поскольку язык – наиболее осязаемая и, так сказать, «лежащая на поверхности», часть культуры, то указанный вопрос подразумевает культурную среду, в которой опрашиваемые респонденты видят своих потомков.

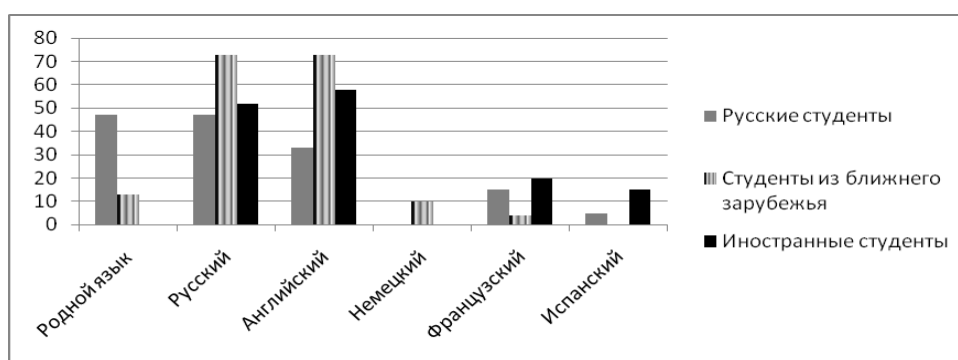

Диаграмма 10. Отношение студентов к полезности изучения языков для их будущих детей (вопрос «Как Вы считаете, знание каких языков будет полезно Вашим детям»)

Указывая на языки, владение которыми будет полезно их детям, студенты из ближнего зарубежья отдали предпочтение русскому и английскому – 73%, немецкому – 10%, французскому – 4%. Родной язык посчитали полезным для своих детей лишь 13%. Это говорит о том, что мигранты не связывают будущее своих детей со своей родиной, с оставшимися там родственниками. Будущее своих детей мигранты, судя по всему, видят в культурной адаптации и реализации их социальных возможностей в социокультурной действительности принимающего общества.

У трех групп иностранных студентов нет единодушия при указании языков, владение которыми будет полезно их детям. Так, китайцы отдают предпочтение русскому (81%) и английскому (75%), индусы – преимущественно русскому (69%). Что же касается африканцев, то они выбирают такие языки как английский (56%), французский (59%), испанский (45%).

В двух других респондентских категориях лидируют маргинальные тенденции: родной язык, напомним, выбрали 13% студентов из СНГ и никто из иностранцев. Последние (в первую очередь, африканцы), судя по всему, указывают в качестве «нужных», прежде всего, официальные языки своих государств, прежде всего английский и французский, которые, конечно же, не являются для иностранных студентов родными.

Этот вопрос подтверждает и нарастающую дезориентированность русских – менее половины из них, живущих в своей исконной культурной среде, считают родной язык «нужным» для своих детей. Этот факт можно оценивать по-разному. Родной язык может не считаться «нужным», поскольку воспринимается как нечто само собой разумеющееся, поскольку усваивается путем естественного развития, а не научения. Но, на наш взгляд, тот факт, что многие русские не рассматривают русский язык как нужный для своих детей может трактоваться более прямо и конкретно: часть россиян (по всей вероятности, примерно пятая часть) не связывают (или связывают не полностью) жизнь своих детей с Россией. Об этом свидетельствуют данные, полученные летом 2010 г. Аналитическим центром

Ю. Левады. На вопрос Левада-Центра «Хотели бы ли Вы, чтобы Ваши дети работали и учились за границей» выбрали ответ «определенно да» 24%, то есть чуть меньше четверти респондентов. В следующем вопросе «Хотели бы ли Вы, чтобы Ваши дети уехали за границу на постоянное место жительства?» ответ «определенно да» избрали 14% опрошенных. И, наконец, в ответе на вопрос Левада-Центра «Вы сами думали о возможности уехать из России за границу хотя бы на какое-то время?» признались, что «постоянно» об этом думают 6% опрошенных. Еще 15% сказали, что думают «довольно часто»²².

Итак, наше исследование дает приблизительное понимание того, как чувствует себя студент-мигрант в повседневности крупного российского города, что препятствует и что способствует его интеграции в новую социокультурную среду.

Прежде всего, отметим, что многие приезжие стремятся сохранить свою культурную идентичность, хотя далеко не все уверены в том, что сохранять ее необходимо. Большинство считает, что только постоянное общение с родными и близкими (переписка и визиты на Родину) позволяют не утратить культурные корни. Принадлежность к родной культуре вызывает в мигрантах гордость и спокойную уверенность.

При этом связь приезжего со своим народом значительно обостряется в кризисных, драматичных ситуациях, связанных с унижением и притеснением соотечественников не обязательно в России, но и в любом уголке Земли.

Хотя мы установили преобладание интеграционной активности выходцев из стран ближнего зарубежья по сравнению с иностранными студентами, можно выделить очевидные показатели слабой интегрированности тех и других. Так, живя бок о бок с русскими, мигранты, тем не менее, убеждены, что в результате такого соседства почти ничего у русских не переняли, да и русские ничего не заимствовали у приезжих. Мигрант уверен, что его поведение никак не зависит от социально-культурного окружения. При этом многие мигранты хотя и не испытывают явной дискриминации, но отмечают периодическую холодность и недоброжелательность со стороны инокультурного окружения. Между тем, в интеграцию культур гораздо больше верят мигранты из бывших советских республик, нежели иностранцы.

Главный маркер повседневных стратегий выживания и продвижения в полиэтничном обществе – дихотомия двух стратегий: стремления адаптироваться и противостояние маргинализации. Причем этот маркер в той или иной степени проявляется как в сред коренного населения, так и мигрантов. Эта дихотомия, конечно же, может провоцировать неуверенность и социальный дискомфорт, но именно она как диалектическое единство дифференциации и сближения, может оцениваться как одно из оснований социокультурной интеграции.

Список литературы

1. Lipp, C. Alltagskulturforchung, Sociologie und Geschichte. Aufstieg und Niedergang eines interdisziplinären Forschungskonzepts / C. Lipp // Zeitschrift für Volkskunde. 1993. 89 Jg. Hf. 1. S. 2. – S. 32-38.
2. Глазкова, Т.В. Повседневность как предмет художественной культуры (репрезентация феномена семьи в литературном дискурсе). Автореф. дисс... канд. культурологи / Т.В. Глазкова. – М.: «Государственный институт искусствознания» Министерства культуры РФ, 2009 – 22 с.
3. Лелеко, В.Д. Пространство повседневности как предмет культурологического анализа. Автореф. дисс. докт. культурологии / В.Д. Лелеко. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2002. – 35 с.
4. Пушкарева, Н.Л. Предмет и методы изучения повседневности / Н.Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. № 1, 2004. – С. 19-23.
5. Малова, Е.Ю. Повседневность: сущность и предмет изучения в гуманитарных науках / Е.Ю. Малова // Современные наукоемкие технологии. Российская академия естествознания, №7, 2007. – С. 31-34.
6. Пушкарева, Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований [Электронный ресурс] / Н.Л. Пушкарева // Фонд исторической перспективы // http://www.perspektivy.info_2010-03-16.htm

²² Комментарий к исследованию российского среднего класса [Электронный ресурс] / Левада-Центр. Аналитический центр Ю. Левады, 9 июля 2008 // <http://www.levada.ru>.

7. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М.: Аст, 2004. – 306 с.
8. Козырьков, В.П. Образы повседневности и проблема их целостности / В.П. Козырьков // Наука и повседневность: основания науки в цифровом обществе: Материалы 4-й межвуз. науч. конф. – Н. Новгород, 2002. Вып. 4. – С. 7-10., с.8.
9. Малова, Е.Ю. Повседневность: сущность и предмет изучения в гуманитарных науках / Е.Ю. Малова // Современные наукоемкие технологии. Российская академия естествознания, №7, 2007. – С. 31-34.
10. Савченко, И.А. Опыт социально-психологического исследования проблем адаптации иностранных студентов в российском вузе / И.А. Савченко, М.В. Свирина, О.И. Морозова, Н.С. Борисова // Методология обучения и повышения эффективности академической, социально-культурной и психологической адаптации иностранных студентов в российском вузе: теоретические и прикладные аспекты. Материалы Всероссийского семинара. Томск: ТПУ, 2008. – С. 113-124.
11. Давидсон, А.Б., Иванова, Л.И. Московская Африка / А.Б. Давидсон, Л.И. Иванова. – М.: Театральный институт им. Б. Щукина, 2003. – 117 с.
12. Дементьева, С.В. Вузы России как механизм адаптации учебных мигрантов в контексте социологического анализа / С.В. Дементьева // Методология обучения и повышения эффективности академической, социокультурной и психологической адаптации иностранных студентов в российском вузе: теоретические и прикладные аспекты: Материалы Всероссийского семинара. Т. 2. Томск: ТПУ, 2008. – С. 42 – 59., с. 44.
13. Савченко, И.А. Иностраный студент в России: условия и барьеры интеграции / И.А. Савченко // Вестник Оренбургского государственного университета. № 1, 2010 – С. 20-27.
14. Савченко, И.А. Интегративные и дезинтегративные тенденции в мультикультурной молодежной среде / И.А. Савченко // Известия Уральского государственного экономического университета. №1, 2010. – С. 11-20.
15. Лебедева, Н.М. Социальная психология этнических миграций / Н.М. Лебедева. – М.: Институт этнологии и антропологии им. И.Н. Миклухо-Маклая, 1993. – 195 с.
16. Комментарий к исследованию российского среднего класса [Электронный ресурс] / Левада-Центр. Аналитический центр Ю. Левады, 9 июля 2008 // <http://www.levada.ru>.

DAILY OCCURRENCE IMPULSES IN INTEGRATION/DECOMPOSITION PULSATIONS

I.A. SAVTCHENKO

***Nizhny Novgorod State
Technical University
named after R.E. Alekseev***

Influence of daily occurrence factor on socio-cultural processes of integration and decomposition in modern multiethnic community is analyzed. It is made a short theoretical review of the basic approaches to daily occurrence interpretation. Materials of empirical research of daily occurrence influence on dynamics socio-cultural interactions are presented. Positive and negative tendencies of interference between daily occurrence and socio-cultural changes come to light.

Key words: Daily occurrence, socio-cultural integration and decomposition, multiethnic community, an ethnic group, cultural loans, heterogeneous socio-cultural space, social depression.

УДК 316.334.2:37

РАЗРАБОТКА ИМИДЖА ВУЗА КАК ФОРСАЙТ-ПРОЕКТ

В.Л. СИДОРОВА*Волгоградский государственный университет**e-mail: verasidorova@volsu.ru*

В статье рассматриваются социально-технологические аспекты формирования и распространения имиджа вуза. Эта деятельность анализируется как форсайт-проект. Определяются особенности проекта, предлагается алгоритм его разработки и реализации. Имиджевый проект в вузе представлен как необходимое условие реинжиниринга образовательной среды.

Ключевые слова: имидж, имиджмейкинг, реинжиниринг, форсайт-проект.

Последнее десятилетие XX века и первое десятилетие XXI века характеризуются радикальными изменениями модели организации высшего профессионального образования в России. Определяя их содержание, обычно применяют понятия «реформирование» или «модернизация», которые лишь частично охватывают содержание крайне противоречивых процессов в данной сфере общественной жизни. Они носят системный характер и радикально модифицируют три основных аспекта функционирования системы образования: идеологию, методологию и технологию управления.

Весьма существенно в данной связи то, что, по меньшей мере, до последнего времени большинство акторов образовательного процесса не имели ясного представления о конечных целях совершающихся перемен и о комплексе их позитивных и негативных следствий. Это относится, прежде всего, к коллективам и администрации учреждений высшего профессионального образования (ВПО), в течение длительного времени функционирующих в ситуации высокой степени неопределенности, разнообразных рисков, не позволяющих им выстраивать долгосрочную стратегию, рассчитанную на наличие твердо установленных социальных норм.

Российские вузы в этот период стали площадками для экспериментов, осуществляемых федеральными менеджерами, многие из которых не учитывали не только специфики отечественной социокультурной традиции, но и всей сложности социально-экономической и духовной ситуации в стране и в мире. Одним из наиболее заметных следствий этих экспериментов стало избирательное расширение пределов автономии учреждений ВПО, предоставившее им возможность самим искать ответы на наиболее значимые вызовы времени. При этом органы управления образованием постарались сохранить за собой рычаги воздействия на вузы и не допустить их чрезмерной самостоятельности.

Среди вызовов, определяющих современный статус и перспективы развития российских вузов, выделяются те, что обусловлены конкуренцией глобального, национального и регионального уровня. В результате ее, любое учреждение ВПО ныне должно постоянно доказывать не только свою жизнеспособность, но превосходство перед другими аналогичными структурами. При этом глобализация образования включает в число реальных или потенциальных соперников лучшие университеты мира. Но и в своей стране сложная демографическая ситуация и ограниченность ресурсов, которые выделяются на образование и науку, многократно усиливают соперничество.

В сложившихся условиях стратегически мыслящие администрации и коллективы учреждений ВПО стараются использовать современные технологии управления, повышающие потенциал вузов, их способность выиграть борьбу за абитуриентов, грантовые программы, заказы со стороны производства. Одной из таких технологий является технология имиджевой работы (имиджмейкинга), представляющая собой систему процедур и операций, направленных на формирование и распространение привлекательного образа вуза.

Имиджмейкинг выступает в качестве необходимого условия обеспечения успешности любой рыночной структуры, а учреждения ВПО ныне рассматриваются как по-

ставщики услуг на их сформировавшемся рынке, подчиняющиеся требованиям маркетинга. Успешное продвижение имиджа делает вуз привлекательным для потребителей его продукции, будь то абитуриенты, научные учреждения или предприятия любой сферы. Вместе с тем, имидж представляет собой один из эффективных способов реинжиниринга вузовской среды, обеспечивающего наращивание и мобилизацию внутренних ресурсов в интересах повышения качества профессионального образования.

Представляется целесообразным рассматривать этот процесс как долгосрочный социокультурный форсайт-проект. При этом под форсайт-проектом понимается долгосрочный инновационный проект, авторы которого моделируют целостную картину состояния объекта в относительно далеком будущем. Он выступает как форма **мобилизации людей из самых разных слоев общества – от рядовых потребителей и предпринимателей до глав исследовательских центров, государственных и политических деятелей на достижение поставленных на десятилетия вперед задач.**

В рассматриваемом контексте требует анализа само понятие форсайт-проекта, являющегося сравнительно новым явлением для отечественной практики социального управления, и во многом поэтому пока еще недостаточно обоснованным теоретически. Несомненно, форсайт-проект представляет собой один из видов социальных проектов, то есть, как отмечает сконструированное его инициатором социальное нововведение, целью которого является создание, модернизация или поддержание в изменившейся среде материальной или духовной ценности, которое имеет пространственно-временные и ресурсные границы и воздействие которого на людей признается положительным по своему социальному значению¹. Более того, именно форсайт-проекты, по нашему мнению, следует рассматривать как логические конструкции и – соответственно – текстовые документы, максимально отвечающие самой идее социального проектирования, зачастую довольно упрощенно трактуемой исследователями и специалистами-практиками. В рамках подобной упрощенной трактовки под социальным проектом нередко понималась и понимается традиционная программа действий, представляющая поэтапный план достижения какой-либо цели. Концепция форсайт-проекта, по нашему мнению, позволяет вернуться к аутоэнтичному пониманию сущности социального проекта как процесса и продукта социокультурного творчества.

Представляется возможным выделить несколько признаков типичного форсайт-проекта.

Во-первых, что следует из самого определения, долгосрочный характер. Правда, данный признак не является специфическим, поскольку долгосрочным могут быть любой проект или любая программа. Но его следует считать необходимым. Долгосрочность форсайт-проекта определяется тем, что он ориентирован на решение сложных проблем, которое не может быть достигнуто в течение короткого периода времени. Мы полагаем, что не представляется возможным строго определить временные границы разработки и реализации форсайт-проекта (они будут различными в каждом конкретном случае), но в любом случае речь идет о периоде, превышающем десятилетие.

Во-вторых, форсайт-проект – это конструкт, основанный на концепте, заранее сформулированном его инициатором. Реализация форсайт-проекта в данном контексте представляет собой внедрение системы новых ценностей и правил, он изначально предполагает изменения не только организационного характера, но, прежде всего, внесение в социальный процесс новых смыслов. Разработка проекта в данном случае обязательно должна предполагать проектирование и применение комплекса технологий социокультурных модификаций, применение которых обеспечивает изменение класса поведенческих реакций человека или целой социальной группы.

В-третьих, из предыдущей характеристики вытекает, что форсайт-проект не ограничивается какой-либо одной сферой жизни, а предполагает комплексное изменение многих из них, при этом акцент делается на модификацию общественного сознания, что рассматривается как необходимое условие организационных изменений. Этим он суще-

---

¹ Луков В.А. Государственная молодежная политика: проблема социального проектирования будущего России // Молодежь и общество на рубеже веков. – М., 1999. – С. 41.

ственно отличается от обычных проектов и программ, в которых обычно представлена противоположная логика, предполагающая движение от инфраструктурных изменений в экономике, социальной жизни и политике к изменению ценностей и смыслов. Отметим в данной связи, что такой подход все чаще не дает необходимого эффекта в современном обществе.

В-четвертых, как уже отмечалось, форсайт-проект представляет собой инновацию, имеющую мобилизационный характер. Его максимально полная и успешная реализация возможна только при активном участии максимально широкого круга акторов, интересы которых затрагивают предлагаемые преобразования. Безусловно, в последнее время участие населения все чаще рассматривается как необходимое условие осуществления любых проектов и программ, но оно обычно основывается на применении административных или экономических механизмов социальной мобилизации. Идея форсайт-проекта предполагает участие на основе ценностно-смыслового консенсуса, осознания сопричастности замыслу и использование сетевых форм самоорганизации. В силу данной особенности для форсайт-проекта приобретает особое значение форма его презентации, поскольку привлекаемость заложенной в основу проекта модернизационной идеи неизбежно увеличивает число сторонников. При этом следует иметь в виду, что включение населения в процесс реализации форсайт-проекта не может быть ограничен лишь участием в обсуждении, как это часто имеет место. Участие должно носить активный характер и предполагать практические действия по решению частных задач проекта.

Отмеченные признаки форсайт-проекта, по нашему мнению, позволяют обосновать, почему форсайт-проект является наиболее предпочтительной (хотя и не единственной) формой организации имиджевой деятельности в учреждении ВПО.

Прежде всего, это связано со спецификой имиджевой работы, ориентированной на изменение установок общественного сознания целевых групп. Но именно на решение такой задачи направлен любой форсайт-проект, предусматривающий модификацию поведенческих реакций. При организации имиджевой работы важно использовать и другую характеристику проектов этого класса – долгосрочность. Ориентация на длительный период воздействия в данном случае определяется, двумя обстоятельствами. Прежде всего тем, что концепция развития образования в России опирается на установку «Образование через всю жизнь». Следовательно, имиджевая деятельность учреждений ВПО должна быть рассчитана на различные возрастные группы. Более того, очевидно, следует говорить о необходимости снижения возрастного уровня групп, находящихся в пределах ее влияния, не ограничиваясь (как это часто имеет место) школьниками старших классов. Кроме того, изменение восприятия вузов и системы высшего образования в целом не может быть осуществлено за сравнительно краткие сроки.

Наконец, продвижение имиджа вуза предполагает расширение состава участников этой деятельности, своего рода модераторов. Но именно эта задача решается при осуществлении форсайт-проектов.

Разработка и реализация форсайт-проекта имиджевой деятельности в вузе предполагает ее выстраивание по алгоритму. Под алгоритмом следует понимать комплекс строго регламентированных процедур формирования и распространения имиджа, в рамках которого осуществляется взаимосвязь и взаимозависимость решений и действий, их коррекция с учетом динамично меняющейся внутренней и внешней среды. В содержательном отношении он представляет собой трансформацию концептуальных положений, разработанных в рамках имиджологии, в систему практических действий. Л.Я.Дятченко подчеркивает: «Технологии – логический результат трансформации знания. Переход от одного уровня знаний к другому, проектирование, внедрение и функционирование технологической системы совершается по определенным правилам или нормативам системы, связан с определенными процедурами»².

Следует выделить ряд особенностей предлагаемого алгоритма.

Во-первых, он носит социально-технологический характер, а это, в свою очередь, означает, что в процессе формирования и распространения имиджа акцент делается на

² Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. – М.: Белгород, 1993. – С. 65.

взаимодействии между людьми – участниками процесса, их организации и мотивации к конкретным действиям и поступкам. Алгоритм в данном случае включает в себя не просто перечисление обезличенных процедур и операций, но учитывает их воздействие на сознание и поведение как объектов, так и субъектов общественно-преобразующей деятельности. Необходимым элементом алгоритма в данной связи становится социокультурная рефлексия. Она представляет собой формы и способы критической оценки окружающей действительности и самооценки, базирующиеся на специфической интерпретации традиционных и современных ценностей и смыслов и воплощающиеся в комплексе взглядов, образов, мифов и символов, используемых для адаптации к сложившемуся социокультурному пространству или – что значительно реже – для его модификации³.

Во-вторых, социально-технологический алгоритм формирования и распространения имиджа является стабильным лишь в пределах определенной ситуации. Он должен быть потенциально динамичен, поскольку изменчива сама общественная ситуация. Но, кроме того, хотя и не очень резко, но меняется статус учреждений ВПО, выступающих объектами имиджевой работы. В соответствии с его изменением эволюционирует иерархия целей вузов, что ведет к обязательным корректировкам предлагаемых в отношении их образов-стереотипов. Однако следует заметить, что изменения касаются главным образом содержательных аспектов алгоритма, его внутреннего наполнения. Формально-логическая схема, определяющая порядок решений и действий в целом остается относительно устойчивой.

В-третьих, социально-технологический алгоритм разработки и распространения имиджа учреждения ВПО соединяет в себе когнитивную и нормативную составляющие. Когнитивный аспект проявляется в том, что он содержит комплекс сведений социально-технологического характера, которые могут быть разработаны, освоены и применены. Нормативная составляющая выражается в том, что элементы алгоритма выступают в качестве требований, обязательных в том случае, если имиджмейкеры рассчитывают на достижение целей имиджевой работы. Обе составляющие не тождественны. Это проявляется, в частности, в том, что знание о технологиях формирования и распространения имиджа не влечет за собой с неизбежностью их применения. В другом случае, готовность и способность выполнять технологические требования не означает компетентности в отношении их содержания.

В-четвертых, алгоритм по своей структуре не является линейным, предполагающим однозначность решений и действий, поскольку не может быть одновекторной современной общественной ситуацией. Она крайне нестабильна, характеризуется высоким уровнем неопределенности и рисков. Н.Л. Смакотина, оценивая современную российскую действительность, вполне обоснованно пишет: «Смутное время, переживаемое российским обществом, характеризуется не только разрушением привычного образа жизни всех социальных слоев общества, возникновением идеологического и морального вакуума, но кардинальным изменением статуса самой реальности: экономической, политической, социальной. Она уже не выглядит закономерно развивающейся, преемственной связью с прошлым опытом, традициями, привычками и становится приблизительной, необязательной, неопределенной, лишенной внутренних и внешних гарантов»⁴. В свою очередь, характеризуя российский социум, Ю.А. Зубок подчеркивает: «Таким образом, общество риска – это специфический способ организации социальных связей, взаимодействия и отношений людей в условиях неопределенности, когда воспроизводство жизненных средств (условий жизни), физических и духовных сил человека приобретает не социально направленный, а преимущественно случайный, вероятностный характер, вытесняясь производством самого риска»⁵.

Отметим в данной связи, что реальное состояние общества и его отдельных сфер наиболее активно стимулирует развитие социологии риска, как самостоятельного науч-

³ Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // СОЦИС. 2010. № 1. – С. 109.

⁴ Смакотина Н.Л. Основы социологии нестабильности и риска: философский, социологический и социально-психологический аспекты. – М., 2009. – С. 7.

⁵ Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи. – М., 2003. – С. 146.

ного направления, продуктивного при исследовании самого широкого круга проблем, в том числе и проблем, связанных с разработкой и практическим внедрением социальных технологий. Безусловно, в данном случае возникает своеобразный когнитивный диссонанс. С одной стороны, социальные технологии, как и технологии вообще, предполагают наличие ситуации-стандарта, в рамках которой наиболее эффективны унифицированные практики. С другой стороны, в реальной современной жизни подобные ситуации являются, скорее, исключением, чем правилом. Нелинейность и вариативность развития, на первый взгляд, ставят под сомнение саму идею технологизации жизнедеятельности. Однако преодоление диссонанса все же возможно, если предположить, что сами социальные технологии должны быть вариативными, гибкими, подвергающимися постоянной коррекции на основе рефлексивных практик.

Следовательно, алгоритм изначально должен быть вариативным, предполагающим использование различных возможностей. Но при этом он предусматривает вполне определенный класс управленческих реакций на конкретные социальные условия и воздействия управленческих факторов.

Как уже отмечалось, социально-технологический алгоритм имиджевой работы мы рассматриваем в современных условиях как обязательный элемент реинжиниринга вуза. Под реинжинирингом в данном случае мы понимаем систему действий, направленных на изменение организационных структур и процессов в вузе и характеризующихся:

- концептуальной обоснованностью, предусматривающей разрыв с малофункциональными организационными структурами;
- целостностью, выражающейся в разработке специального проекта;
- ориентацией на клиента, к которому следует приспосабливать организацию деятельности;
- нацеленностью на результат, который должен удовлетворять потребности клиентов;
- стремлением к децентрализации власти, особенно путем делегирования заданий и полномочий от ректората на факультеты и кафедры;
- усилением самостоятельности работников, которые должны отличаться ответственностью за порученное и выполняемое дело;
- изменением роли руководства, сводящимся к отказу от излишка функций надзора.

До настоящего времени идея реинжиниринга в России рассматривалась, как правило, применительно к корпорациям, действующим в экономике. Однако в последние годы возникла необходимость распространить ее на более широкий класс объектов, в том числе и на образовательные учреждения. Это обусловлено, во-первых, утверждающимся взглядом на них как на структуры, оказывающие комплекс образовательных услуг клиентам, а реинжиниринг нацелен на оптимизацию отношений «поставщик услуг или товаров – потребитель (клиент)». Во-вторых, широким использованием в управлении учреждениями ВПО практик современного менеджмента. В-третьих, развитием научно-производственной составляющей в деятельности вузов.

Отметим в данной связи, что основу процесса реинжиниринга составляет именно формирование образа будущего вуза. Это формальный (зафиксированный на бумаге) взгляд на развитие учреждения ВПО, который должен иметь в виду повышение эффективности функционирования, консолидацию функций, устранение лишних элементов в иерархии, достижение лучших результатов, оптимизацию ценностей (для акционеров). Образ вуза должен быть тесно связан с его потребностями, общими целями и планами.

Основными (максимально устойчивыми) элементами социально-технологического алгоритма имиджевой деятельности являются следующие:

- Формулировка целей и задач имиджевой работы.
- Постановка проблем, требующих разрешения.
- Соотнесение проблем и целей.
- Формирование команды имиджмейкеров.
- Разработка концепции имиджевой деятельности.
- Определение целевых групп.
- Определение каналов распространения имиджа.
- Определение этапов имиджмейкинга.

- Определение рисков.
- Проектирование способов их преодоления.
- Коррекция принятых решений и осуществляемых действий.
- Анализ результатов имиджевой работы.

Для реализации алгоритма мы предлагаем ряд практических рекомендаций, направленных на совершенствование имиджевой работы в вузах.

1. В каждом вузе необходимо разработать концепцию имиджевой деятельности, учитывающую стратегию развития образовательного учреждения, ситуацию на рынках труда и образовательных услуг и многообразие каналов информационно-коммуникационного воздействия.

2. В вузах целесообразно создать научно-исследовательские лаборатории, в задачи которых входит разработка концепции и технологии имиджмейкинга.

3. В каждом вузе в рамках системы менеджмента качества необходимо сформировать систему мониторинга оценки имиджа вуза, объектами которого являются внешние и внутренние целевые группы.

4. При совете ректоров региона целесообразно создание экспертно-консультативной группы, осуществляющей экспертизу имиджевых проектов, а также помощь в процессе их разработки.

5. Целесообразно выделение региональных грантов, поддерживающих исследования в области имиджелогии.

6. Рекомендуется проведение межрегиональной научно-практической конференции, посвященной проблемам разработки и распространения имиджа образовательных учреждений в динамично меняющейся социальной среде.

7. В регионе возможно проведение конкурсов среди журналистов на лучшее освещение деятельности учреждений ВПО.

8. В целях подготовки квалифицированных специалистов в области имиджмейкинга целесообразна разработка специальной образовательной программы магистратуры.

Список литературы

1. Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // СОЦИС. 2010. № 1. С. 109.
2. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. – М.: Белгород, 1993.
3. Луков В.А. Государственная молодежная политика: проблема социального проектирования будущего России // Молодежь и общество на рубеже веков. – М., 1999.
4. Смакотина Н.Л. Основы социологии нестабильности и риска: философский, социологический и социально-психологический аспекты. – М., 2009.
5. Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи. – М., 2003.

HIGH SCHOOL IMAGE DEVELOPMENT AS A FORESIGHT PROJECT

V.L. SIDOROVA

Volgograd State University

e-mail: verasidorova@volsu.ru

The article considers socio- technological aspects of high school image development and promotion. This process is viewed here as foresight project. The article defines essential features of the project and represents an algorithm of its development and realization. A high school image development project is introduced as a necessary condition of education reengineering.

Key words: image, image-making, reengineering, foresight project.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.122

СТАНОВЛЕНИЕ МОДЕРНИСТСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ САКРАЛЬНОГО ТЕКСТА В ЕВРОПЕ И В ИНДИИ

А.В. АРАПОВ

*Воронежский
государственный
университет*

e-mail:

Alexander.arapov@gmail.com

В статье рассматриваются процессы перехода от средневековой к модернистской герменевтике сакрального текста и формирования современных парадигм в библейской и ведической герменевтике в Европе и в Индии.

Ключевые слова: герменевтика, священные тексты, интерпретация, понимание.

Основной задачей данной статьи является рассмотрение процессов перехода от традиционной герменевтики сакрального текста к модернистской и формирования современных парадигм интерпретации Библии и индуистских писаний.

В то время как протестанты и католики вели бурную полемику друг с другом, в библейской герменевтике 17 века шли весьма важные процессы. Если в протестантской герменевтике 16 века критический разум вступил в полемику с церковной традицией, но не посягал на авторитет Священного Писания, то в сочинениях Б. Спинозы, Г. Галилея и Дж. Толанда он заявил свои права в полной мере.

Подход Спинозы имел принципиальное значение для формирования библейской герменевтики Нового Времени. Он начал рассматривать Библию, как человеческое творение, а не слово Божие. Пророков он рассматривал не как Божьих вестников, а как людей, наделенных живым воображением. Традиционная атрибуция Пятикнижия и ряда других книг Ветхого Завета, с его точки зрения ошибочна. Он выдвинул принципы, которые были затем подхвачены и развиты сторонниками историко-критического анализа:

- Необходимо принять во внимание жизнь, характер и занятие автора каждой из библейских книг.

- Необходимо выяснить время, обстоятельства и цель написания книги, ее адресат и язык, на котором она была написана.

- Необходимо проследить историю редактирования каждой из книг и историю составления канона в целом.

- Необходимо выяснить, может ли данный текст содержать ошибки и сознательные подделки, а также производились ли исправления этих ошибок.

Позиция Спинозы была вызовом всей традиционной герменевтике. На этот вызов попытались дать ответы Симон Ришар и Боссюэ. Симон Ришар предпринял попытку от-

делить текстологию от теологии. Критика библейского текста не должна вести к критике догматов. Боссюэ полагает, что развитие библейской критики может даже служить доказательством необходимости церковной традиции, т.к. возникающие вопросы по поводу темных и в Писании требуют обращения к авторитету Церкви для своего разрешения.

Галилей, хотя и не занимался специально библейской герменевтикой, выдвинул в своих научных трудах ряд важных тезисов, которые были восприняты позднейшими герменевтами либерального направления.

- Библия является словом Бога, но, она обладает авторитетом лишь в вопросах теологии. Библия не может иметь нормативное значение в естественнонаучной сфере. В исследовании природы следует опираться исключительно на чувственный опыт и рациональные доказательства.

- Если какие-либо утверждения Писания выглядят противоречащими заключениям естественных наук, следует дать этим утверждениям такое толкование, при котором это противоречие будет устранено. Таким образом согласованность с выводами естественных наук является важнейшим критерием правильности истолкования Писания.

- Толкование Писания должны осуществлять люди, сведущие в естественных науках.

- Комментарии, которые даны с позиций устаревших научных теорий (например, птолемеевой астрономии) должны быть отвергнуты

- При интерпретации книг Священного Писания, следует учитывать, что их авторы обращались к народам, которые имели грубые нравы и примитивные понятия о природе.

И, наконец, на закате XVII века Дж. Толанд выпускает свое сочинение «Христианство без тайн». В нем делается принципиальное утверждение о том, что Евангелие не содержит в себе таких истин, которые не могут быть открытыми посредством разума и эмпирического опыта. В работе Толанда решительно отвергнуто представление теологов патристической и схоластической эпохи о том, что Писание содержит истины, которые не могут быть самостоятельно открыты и полностью постигнуты человеческим разумом.

Уже в начале XVIII века Мэтью Коллинз завершил формирование просветительского подхода к Священному Писанию. Если Галилей полагал, что разума и опыт вполне достаточны в исследовании природы, то Тиндаль распространяет тезис о самодостаточности разума на сферу теологии. Истинная религия – это естественная религия основанная исключительно на разуме. В откровении нет необходимости. В Священном писании истинно лишь то, что согласуется с выводами разума. Все остальное – подделка и вымысел. Начинается новая эпоха, в которой для критического разума нет ничего неприкосновенного, ничего стоящего выше него.

Идея построения земного рая и главенство критического разума – вот две основных идеи, явно или имплицитно лежащие в основе герменевтики модернистского периода.

Формирование модернистской герменевтики в индуизме связано со знакомством индуистских мыслителей с западной философией просвещения и позитивизма, стремлением актуализировать индуистскую традицию в новой интеллектуальной ситуации. Возникла идея проповеди индуизма на Западе и, соответственно, необходимость сделать индуистские священные тексты понятными и приемлемыми для людей с западным мышлением. В 19 веке в самой Индии появляется немало людей усвоивших западный, модернистский образ мысли, чтобы сохранить этих индийцев для индуизма также надо было переинтерпретировать классические тексты.

Известный вайшнавский мыслитель и религиозный деятель Кедарнатх Дутта Бхактивинода (Бхактивинода Тхакур) (1838-1914) в своих работах «*Шри-Кришна-самхита*» и «*Упаक्रमаника*» излагает «Новый подход» (*Adhumika-vAda*) к индуистской теологии и, в частности, к герменевтике индуистских священных текстов. Обосновывая необходимость «Нового подхода» Бхактивинода вводит деление людей, ищущих духовной жизни на три типа. Для каждого из типов людей необходим свой тип герменевтики. Священные тексты содержат вечную истину, однако интерпретация этой истины должна соответствовать типу, которому принадлежит человек. Первый тип – *komala-shraddhas* - это простые люди, у которых не развито критическое мышление. Они привязаны к мирским заботам и удовольствиям. Такие люди составляют большинство в религиозной общине. Для них и предназначены мифологические нарративы в священных текстах. Для

таких людей приемлем и полезен традиционный подход, предполагающий буквальное понимание мифологических нарративов. «Простецу» надо верить в буквальную достоверность описаний ада и рая, данных в священных текстах, т.к. эти описания должны вызывать в нем страх перед наказанием в аду и желанием награды на небесах. Страх наказания и желания награды служат для такого человека необходимыми побудительными мотивами для соблюдения религиозного и нравственного долга. А такое соблюдение может подготовить его для перехода на более высокую ступень духовного развития. Второй тип – *yukty-adhikArIs* – люди с развитым критическим мышлением, интеллектуалы модернистского типа, для которых характерен скептицизм по отношению к традиции. Люди такого типа не удовлетворяются комментариями, построенными на буквальном понимании текстов, и могут вообще уйти из традиции, обратившись к секулярным философским системам. Для таких людей необходима герменевтика нового типа, сочетающая в себе как традицию, так и критицизм. Третий тип людей – *uttaAdhikArIs* – просветленные мистики. Они могут непосредственно, на опыте постигать истины, содержащиеся в сакральных текстах. «Новый подход» предназначен специально для людей второго типа. Легко видеть здесь аналогию со взглядами европейских деистов, которые полагали, что традиционное христианство необходимо лишь для простых людей, чтобы побудить их выполнять гражданские обязанности соблюдать нравственные нормы.

Базовый принцип «Нового подхода» – выделение двух типов сакральных текстов. Сам Бхактивинода следующим образом пишет об этом: «Существует два типа писаний, а именно, те, которые относятся к феноменальным вещам (*artha-prada*) и те которые относятся к трансцендентным вещам (*parArtha-prada*). География, история, астрология, философия, психология, медицина, энтомология, математика, лингвистика, просодия, музыка, логика, йога (!), право, стоматология, архитектура и военное дело и т.п. – это все науки относящиеся к категории *artha-prada*. Те писания, в которых обсуждается высшая цель жизни – относятся к категории *parArtha-prada* или трансцендентных»¹. Поскольку в текстах первого типа обсуждаются вопросы, относящиеся к феноменальному миру, при их интерпретации должны применяться достижения современных наук, исследующих этот мир. Такие тексты могут быть подвергнуты рациональному анализу и ревизии. В них могут быть обнаружены фактические ошибки, подлежащие исправлению. Однако, критический анализ не должен затрагивать содержащиеся в сакральных текстах заключения по духовным вопросам. Тексты второго типа не подлежат анализу посредством критического разума. Бхактивинода пишет в Упаграманике: «В соответствии с нашим Писанием, анализ фундаментальных принципов теологии и мистических прозрений не подлежат ревизии»². Здесь просматривается аналогия со сформулированной Галилеем концепцией разделения теологического и естественнонаучного знания. Между ними есть та существенная разница, что если Галилей защищал нарождающуюся современную науку от традиционалистов, то Бхактивинода защищал традицию от опирающегося на науку критицизма.

Те богословские утверждения, которые не подлежат ревизии, Бхактивинода стремится (не отрицая их) синтезировать с современными ему научными теориями. В частности, он предпринимает попытку синтеза традиционного учения о воплощениях (*avAtara*) с теориями прогресса и эволюции. В «Кришна-самхите» он пишет: «В каких бы условиях жизни душа (*jIva*) ни находилась, Господь Хари посредством своей непостижимой энергии проявляет себя и играет с душой соответствующим образом»³. Далее Бхактивинода излагает следующую концепцию. В эпоху, беспозвоночных существ Вишну воплощается как Рыба, когда возникают существа, имеющие твердую оболочку (панцирь) Вишну воплощается как Черепаха, когда панцирь превращается в позвоночный столб, Вишну воплощается как черепаха. В эпоху переход от животного к человеку Вишну является в материальный мир как Человеколев – Нрисимха. Среди карликов Вишну воплощается как карлик – Вамана, среди нецивилизованных племен – как Парашурама, среди

¹ Цит. по: Shukavak Das. Krishna-samhita and Adhumika-vada. / Shukavak Das. – Sanskrit Religions Institute, 1996. – P. 17.

² Ibid. P.19.

³ Ibid. P.5.

цивилизированных – как Рама, когда человек достигает полного развития сознания Вишну приходит сам Кришна. В эпоху, когда авторитет приобретает логика, Вишну приходит как Будда. В эпоху преобладания атеизма Вишну придет как Калки. Очевидно, что эта концепция содержит грубые ошибки в области биологии. Последующие вайшнавские теологи придали ей более адекватный по отношению к эволюционной теории вид, поставив в соответствие первым трем аватарам рыб, рептилий и млекопитающих. Разумеется, у Бхактивиноды мы видим не радикальную реинтерпретацию сакральных текстов в модернистском духе, а их адаптацию (причем весьма умеренную) к новому духу времени.

Программа психологической интерпретации индуистских сакральных текстов Шри Ауробиндо во многом аналогична программе демифологизации Р. Бульмана, но в отличие от программы Р. Бульмана программа Шри Ауробиндо сохраняет более тесную связь с традиционной герменевтикой и носит более мистический характер. Шри Ауробиндо следующим образом формулирует основополагающую идею своей программы: «Пантеистическое почитание Природы, которое было народной религией, скрывало сакральные слова, эффективные символы духовного опыта и знания, психологической практики самосовершенствования, которая была высшим достижением человеческого рода»⁴. Мифологические образы согласно Шри Ауробиндо имеют психологическую природу. Сакральные тексты индуизма имеют интегрально-монистический характер: Бог един, но обладает множеством сил. Ритуал является символом самопожертвования человека Богу и ответа Бога человеку. Жрецы символизируют различные аспекты человеческого существа. Заказчики жертвы и цари символизируют различные силы Бога. Мифологические сюжеты являются метафорами психологических процессов трансформации личности.

М.К. Ганди рассматривает мифологические элементы сакральных текстов как метафоры нравственных принципов. В.С. Семенцов пишет о герменевтике М.К. Ганди: «Центральным учением поэмы Ганди считал анасакти – бескорыстное действие, подчиняя идеалу такого действия даже столь важный для него идеал «невреждения» (ахимсы) и считая второе необходимым условием первого»⁵.

Таким образом, в Индии, хотя и несколько позже, чем в Европе произошел отход от средневековых парадигм понимания сакральных текстов, но при этом индуистская герменевтика в большей степени сохранила связь с традицией.

Список литературы

1. Shukavak Das. Krishna-samhita and Adhumika-vada. / Shukavak Das. – Sanskrit Religions Institute, 1996.
2. The Secret of Veda. / Sri Aurobindo. – Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram, 1985.
3. Семенцов В.С. Проблемы интерпретации брахманической прозы. / В.С. Семенцов. – М.: Наука, 1981.

DEVELOPMENT OF MODERN HERMENEUTICS OF SACRED TEXTS IN EUROPE AND INDIA

A. V. ARAPOV

Voronezh state university

e-mail: Alexander.arapov@gmail.com

The article deals with the processes of transition from medieval to modern hermeneutics of sacred texts and formation of modern paradigms in Biblical and Vedic hermeneutics in Europe and India.

Key words: hermeneutics, sacred texts, interpretation, understanding.

⁴ The Secret of Veda. / Sri Aurobindo. – Pondicherry: Sri Aurobindo Ashram, 1985. – P. 6.

⁵ Семенцов В.С. Проблемы интерпретации брахманической прозы. / В.С. Семенцов. – М.: Наука, 1981. – С. 28.

НАРОДНОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

М.С. ЖИРОВ¹⁾
Т.А. СЕЛЮКОВА²⁾

¹⁾ Белгородский государственный университет

e-mail: zhirov@bsu.edu.ru

²⁾ Белгородский государственный институт культуры и искусств

e-mail: Taleks37@mail.ru

Статья содержит философско-культурологический аспект формирования народного музыкального творчества в онтологии пространства и времени как социокультурного явления, несущего на себе выраженные приметы национальной принадлежности: языка, культуры, мировоззрения, склада мышления, социальной психологии, характера, темперамента, системы ценностей.

Ключевые слова: народное музыкальное творчество, национально-этническое, социокультурное явление, рефлексия, формы, механизмы, социальная стратификация.

В последние годы в исследованиях гуманитарного профиля заметен поворот в сторону более интенсивных и методологически глубоких изысканий в области изучения провинциальной культуры, в том числе, народной культуры в таких её проявлениях как народное творчество и искусство, народный быт и уклад жизни, мифология и верования, целительство и предания, современная массовая любительская практика и др.

Этот поворот, на наш взгляд, обусловлен рядом факторов, среди которых, полагаем, возможным выделить:

– формирование новой научной дисциплины культурологии (причем, не только в теоретическом, но и эмпирическом вариантах), реализующей потребность в обосновании целостного представления о культуре в аспекте всех ее составляющих (например, традиционное народное творчество, классическое культурное наследие, элитарная национальная художественная культура, суперэлитарная национальная художественная культура, современная поп-культура, постмодернистические изыски в искусстве и т.д.);

– привлечение методов, которые сложились в рамках наук, решающих проблемы общего порядка, связанные с развитием социума (методы культурологии и социологии, социальной философии). При подходе к народной художественной культуре с методологических позиций названных отраслей знания становится возможным создание и обоснование новой концепции традиционной культуры, которая позволяет не только описывать её предыдущие формы, но и «читать» ее современные грани, формы, типы, а возможно, и прогнозировать будущее;

– «второе влияние» эпистемологической концепции гуманитарного знания А.С.Лаппо – Данилевского;

– снятие идеологических запретов с исследований сферы духовной жизни общества, связанной с религией, социумом, политикой;

– переосмысление источниковедческой ценности памятников региональной культуры, позволяющих создать устойчивое представление о культурном своеобразии каждого провинциального города и уезда и степени участия его коренного наследия в формировании общерусской культуры, включая и вклад местных князей, «детей боярских», региональных церковных иерархов, святых, известных и безымянных самородков из народа, интеллигенции, других социальных групп.

Теоретический анализ

Культура русской провинции никогда не имела того отдельного статусного значения, которым обладала «большая» культура столиц. Текст провинциальной культуры вплетен в контекст региональной истории еще плотнее и естественнее, что позволяет «проследить логику становления народного художественного творчества в этнической,

историко-стадиальной многослойности его пластов, жанров, направлений в ракурсе двух аспектов:

– «изнутри» – генезис и эволюция, жанровая природа, формы и виды бытования, их свойства, характеристики, функции, статус его творцов и потребителей и т.д.;

– «извне» – как социальное, этнокультурное, этнохудожественное явление, рассмотренное в контексте региональной истории.

Полевые исследования, в том числе авторские показывают, что народная культура русской провинции многих регионов, в том числе Юга России, вопреки всем объективным и субъективным факторам, сохранила многие уникальные памятники духовной и материальной культуры в таких ее проявлениях, как фольклор (песенный, инструментальный, хореографический, поэтический, обрядовый), традиционное декоративно-прикладное, художественно-прикладное и изобразительное искусство, бытовое художественное любительское творчество, художественная самодеятельность и т.д.

Как показывает анализ, многие из этих структурных элементов имеют вполне конкретный набор явлений народной культуры: от архаичных и традиционных форм до включения в себя множества новых, обладающих ярко выраженными свойствами и характеристиками. Это свидетельствует о плодотворном взаимодействии традиционного слоя народной художественной культуры и инновационных образований, благодаря чему во многих локусах она остается живым, современным конкретно – историческим явлением, развивающимся как универсальное национально-этническое образование, в производстве, сохранении и репродуцировании которого участвуют все слои и социальные группы общества в соответствии с архетипами народной философии, веры, менталитета, психологии, эстетики, морали.

Следовательно, народная художественная культура представляет собой результат и постоянный процесс бытовой, а также особым образом социально-организованной деятельности различных слоев и групп населения, объединяемых понятием «народ» – «единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них – историю всемирной культуры»¹. Именно, творческая деятельность человека (вплоть до появления специальной группы людей – профессиональных деятелей искусства), в которой он выступает субъектом художественного процесса, рождает всё многообразие форм духовной и материальной культуры в виде образцов народного художественного творчества (песенного, инструментального, хореографического, декоративно-прикладного, театрального, игрушки, зодчества и др.).

Базируясь на данных специальной литературы, есть основание полагать, что вплоть до XX века художественная деятельность вливалась в единое русло жизни народа и не воспринималась как специальный вид творчества, имеющий свои особые цели, задачи, функции, свою морфологию видов, жанров, их разновидности, в основе которых лежат вполне определенные мировоззрение, ценности и картина мира, «зашифрованные, как в деятельности – обрядовой и трудовой, так и в творчестве – вербальном и изобразительном фольклоре (устное народное творчество, декоративно-прикладное творчество), а также в фольклорной музыке, танцах, играх и т.д., изменяющихся в зависимости от социокультурных условий. Поэтому мы вправе рассматривать художественную деятельность как матрицу народного творчества; как один из способов познания человеком самого себя в системе: «человек – природа – общество – государство, а также гармоничного моделирования этих отношений особым характером творческой деятельности.

Музыкальная составляющая этого уникального явления относится к категории его доминантных констант, так как способна достаточно полно отражать и аккумулировать особенности менталитета народа, а в силу естественности функционирования, развитости своих форм и видов, является всепроникающей, входящей в быт, трудовую деятельность, досуг, в разнообразные формы повседневной жизнедеятельности. Таким образом, находясь в пространстве народного творчества, музыкальное народное творчество может оказать существенное воздействие на культурную, социальную, художественную жизнь конкретного региона, жизнедеятельность локального социума, его самоидентификацию.

¹ Горький М. Преображение мира: сб. статей / М. Горький. – М., 1980. – С.81.

Само понятие «народное музыкальное творчество» охватывает разнообразные по содержанию и особенностям художественной формы музыкальные и музыкально-поэтические произведения, созданные и исполняемые различными социальными категориями народа, «каждая из которых имеет своё специфическое «лицо», свою определенную точку включения в культурно-творческую деятельность»². Этот постулат даёт основание полагать, что народное музыкальное творчество развивается как универсальное национально – этническое образование, производящее распространяющее и сохраняющее «продукты» духовного (по содержанию) и материального (по форме) музыкального творения.

В этом контексте особый интерес для нас представляют тезисы общественного деятеля, музыкального критика XIX века А.С. Серова, изложенные им почти полтора века назад, дающие «ключ» к методологии анализа предмета: «Наука о народном музыкальном творчестве» еще не существует, но ясно и теперь уже, что как отрасль одной общей громадной науки «человекознания» («антропологии» в обширнейшем смысле) наука о народном музыкальном творчестве, то есть о народной песне, эта будущая «музыкальная эмбриология», состоит в теснейшей связи: 1) с физиологией (зарождение звука в гортани, органы дыхания в процессе пения, словесной речи и т.д.); 2) с этнографией (в самом широком объеме), то есть с наукой о народах, о народных племенах и их родственных сходствах и их различии, с подведением под типы и классификацию; 3) с историей культуры народов (опять в самом объемистом смысле), включая туда все религиозное развитие народов – его поверья, предания и т.д.; 4) с филологией, включая туда подробнейшие исследования языка и словесности каждого народа, преимущественно по памятникам неписанным, традиционным, – так как музыкальные зародыши в каждой нации далеко предшествуют её «письменности»³.

Таким образом, предмет народного музыкального творчества требует целостного осмысления и анализа с социологической, философско-культурологической, социально-психологической точек зрения. Необходимость такого многоаспектного подхода обусловлена ещё и тем, что народное музыкальное творчество имеет свою структуру, свои специфические формы собственных задач, определяемых его включенностью в конкретную социальную среду, а, следовательно, и научную востребованность в определении содержательных акцентов, где «художественное отражение действительности осуществляется в словесно-музыкальных <...> формах коллективного народного творчества, выражающих мировоззрение трудящихся масс и неразрывно связанных с их жизнью и бытом»⁴.

Однако реальная практика бытования народного музыкального творчества, его формы, родовые свойства и характеристики объективно подчеркивают органичность сужения предмета анализа лишь жанровыми рамками или видом искусства. Мы полагаем, что народное музыкальное творчество включает в себя целый мир художественных и нехудожественных явлений, объединенных в целостную систему со сложными внутренними связями между её отдельными составными частями, каждая из которых имеет множество точек соприкосновения с другими образованиями в развитии, функционировании, движущих силах.

Таким образом, на наш взгляд, речь должна идти об утверждении нового взгляда на народное музыкальное творчество как на бытовую утилитарно-эстетическую систему, включающую его традиционные и инновационные формы, функционирующую в условиях динамично протекающих культурно-национальных процессов. Здесь мы должны иметь ввиду, что народная музыка, пение, слово в нем, предстают как некое синтетическое духовно-материальное образование, требующее философско-культурологического осмысления всех его системообразующих понятий в историко-культурной рефлексии.

Так, термин «музыка» в Древней Руси обозначался словом «мусикия», реже – «мусика» и имел несколько значений. К примеру, в «Книге глаголемой алфавит ино-

² Жиров М.С. Русская народная песня: история и современность: монография / М.С. Жиров, О.И. Алексеева. – Белгород, 2007. – С.15-16.

³ Серов А.Н. Русская народная песня как предмет науки // Русская мысль о музыкальном фольклоре / А.Н. Серов. – М.: Изд-во «Музыка», 1979. – С.127.

⁴ Там же.

странных речей», датируемой XVI веком «музикия» рассматривалась как игра в гусли, в домры, в лиры, в цимбалы и в прочие струны имеющие, все они музикией называются и инструментами музикийными. В древнерусском источнике того же периода – «Азбуковнике и сказании о неудобь понимаемых речах» – музикия определяется как гудение на всякого рода музыкальных инструментах, иначе игра на гусях и кинарах, то есть лирах и долярах. Причем, игра на струнных музыкальных инструментах называлась гудением, а на духовых – сопением. В исследованиях современных ученых находим иное толкование этого понятия: «Музикия – в них пишутся бесовские песни и кощунства и их латиняне поют при игре оркестра, музыкальных духовых инструментах, то есть игре на музыкальных инструментах»⁵.

Следовательно, мы можем полагать, что в Древней Руси понятие «музикия» включало инструментальную и вокально-инструментальную музыку. И другого термина обобщающего характера, близкого современному «музыка», (гр. *Musire* – искусство музыки) – вид искусства, отражающий действительность в звуках, художественных образах и активно воздействующий на психику человека, просто не существовало. И тем не менее, анализ образцов устного народного поэтического творчества (народные сказки, былины, пословицы, загадки) подтверждает мысль об упоминании этого понятия применительно к конкретным видам: песне, игре на том или ином инструменте, пляске.

В греческой мифологии происхождение слова «музыка» связывается с «музами» (мыслящими) – девятью дочерьми Зевса и Мнемозины. Другие традиции связывают культ муз с магическим музыкантом Орфеем. С созданием музыки отождествляют египетского Бога мудрости Тота, индийскую богиню красоты и счастья Лакшми (индийскую Венеру), кельтского бога изобилия Дагда. Мы поддерживаем мысль исследователей о том, что практически во всех древних практиках музыка понимается как «...часть упорядочивающей модели космоса, или по теории соответствий уподобляется разным аспектом творения. Она равносильна первозвуку, который сотворил Вселенную»⁶.

Видимо не случайно для К.Леви – Строса представление об изначальной общности музыки и мифа явилось краеугольным камнем всех его логических построений. Как следует из «*Ouverture I*» к первому тому «*Mythologijues*», миф и музыка – инструменты уничтожения времени. Музыка превращает отрезок времени, потраченного на прослушивание, в синхронную замкнутую целостность. Подобно мифу, музыка преодолевает антиномию исторического, истекшего времени и перманентной структуры. Миф изначалью «музыкален», а музыка «мифологична» – таков смысл концепции мыслителя.

Отголоски этой идеи находим в мифологии многих народов, где представлены соответствующие ей символические образы: Орфей с лирой; Вайнямейнен с кантеле; Лель, играющий на свирели; Садко с гусями – самогудками и т.д.

Специалисты по истории и социологии музыки рассматривали народную музыку как определенное понятие, а так же как определенную форму музыкального творчества. Немецкий философ XVIII века Иоган Гердер один из первых систематизировал народную музыку и описал её в теоретическом аспекте, указав на прямую связь песни с музыкой природы, историческим прошлым, отметив, что «литературный компонент песни (слово) позволяет проследить всю культуру народа»⁷.

Гердеровская теория народной музыки и народной песни, поддержанная немецким философом и фольклористом Якобом Гриммом, не утратила своего влияния в области фольклора и фольклористики вплоть до конца XIX века. Согласно этой теории, у народной музыки нет автора. Она как бы сочиняет сама себя (через тех людей, кто непосредственно связан с природой) и являет себя в живом исполнении. По утверждению А.С.Серова «Народная песня – произведение чисто почвенное, растительное. Творчество является тут в самом первобытном своем виде, в зародышах музыкальных, эмбрионах искусства, способных к великолепному дальнейшему развитию...»⁸.

⁵ Николаева Е.В. История музыкального образования: Древняя Русь: Конец X – середина XVII столетия / Е.В. Николаева. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – С.10-12.

⁶ Огородова А.В. Этноджаз как социокультурный феномен. Дисс. ... канд. филос. наук. – Белгород, 2008. – С.19.

⁷ Жиров М.С. Русская народная песня: история и современность: монография / М.С. Жиров, О.И. Алексеева. – Белгород, 2007. – С.16.

⁸ Серов А.Н. Русская народная песня как предмет науки // Русская мысль о музыкальном фольклоре / А.Н. Серов. – М.: Изд-во «Музыка», 1979. – С.13.

Поэтому в XIX в., несмотря на дискуссии исследователей, музыка народа считалась если не «музыкой природы», то, по меньшей мере, природной естественной музыкой, не подверженной городским влияниям. Полагаем необходимым остановиться на основных вопросах научной полемики того периода о том, что существует ли связь между классической и народной музыкой, а также обнаруживаются ли следы происхождения и форм народной музыки в языке или движении.

Касательно первого вопроса мы всецело поддерживаем позицию М.И.Глинки – основоположника русской классической музыки, утверждающую тот факт, что музыку создает народ, а композиторы только аранжируют её. Пример тому – многочисленные шедевры отечественной классической музыки, написанные на народной музыкальной основе, подтверждающие диалог народной и профессиональной музыки, взаимопроникновение, и взаимодействие многих ее пластов, типов, направлений, течений и т.д. На наш взгляд, этот подход, позволяет нам более объективно подойти к пониманию того, как народная музыка создается, исполняется и воспринимается.

В контексте исследуемой нами проблемы особый интерес представляет и вопрос о том, откуда исходит импульс, побуждающий народного музыканта петь, музицировать, танцевать: из родного языка и заложенных в нем знаний или из «естественного» желания двигаться и танцевать? Здесь логика наших рассуждений такова. Если корни народной музыки лежат в речи, то народная музыка – это форма коммуникации, объединяющая речь и музыку в единую выразительную форму; народная музыка – это стадия, достигнутая речью после происхождения стадии взволнованной речи (такой, которая используется для повествования); речь и музыка – суть родственные формы коммуникации, каждая из которых приносит в культуру что-то своё, но этот вклад намного возрастает, когда они объединяются, образуя народную музыку. Следуя логике второго посыла, согласно которому корни народной музыки лежат в движении, то здесь мы снова не можем обойтись без эволюционной теории: ритм, движение организуют общество в единое активное целое. Музыка и танец способствуют этому благодаря созданию самих музыкальных звуков и возникновению групп, необходимых для исполнения и восприятия музыки и танца. В этой связи полагаем необходимым подчеркнуть, что многие образцы народного музыкального творчества возникли как ритуальное или ритмическое сопровождение физического труда, охоты, рыбного промысла, боевого искусства и т.д.

Следовательно, мы можем констатировать, что народная музыка, музыкальное творчество проявляется как неотъемлемый элемент личной, трудовой и общественной жизни народа, отражая целостность его мировосприятия и мироощущения, представляя возможность в любой хронологический момент запечатлеть ту или иную стадию культурно-исторического бытия человека, общества, государства «посредством бинарных вербальных концептов: слова и звука, формирующих, в конечном счете, мировоззрение человека, его эстетическую, нравственную, духовную, художественные сферы»⁹.

Несмотря на то, что чаще всего философской мыслью из античности соизмеряется «научная глубина» проблемы соотношения материального и духовного¹⁰, полагаем необходимым подчеркнуть, что за многие столетия до древних греков в ведийской философии (конца II – нач. I тыс. до н.э.) трепетно относились к демиургической (созидающей) способности музыки «собирать» целостный образ мира из его разрозненных элементов, наделяя поющие гимны действительностью космогонического характера. Анализируя древние концепции, следует сказать о суфийском толковании музыки, в котором хорошо разработан язык музыкальных, теологических и психологических аналогий.

Гениальное озарение об определенной связи между явлением музыки как таковой и процессом упорядочивания посредством её энергии, находим у Пифагора (580-500г.г. до Р.Х.) в его интеллектуальном «услышании» гармонии сфер, которую «мы не воспринимаем только потому, что она воздействует на нас непрерывно»¹¹.

⁹ Жиров М.С. Русская народная песня: история и современность: монография / М.С. Жиров, О.И. Алексеева. – Белгород, 2007. – С.16.

¹⁰ ЦПА ИМЛ (ф. 142, оп. 1, д. 290-291).

¹¹ Жиров М.С. Феномен музыкального фольклора (философско-культурологические аспекты): монография / М.С. Жиров, Сараева Л.П. – Белгород, 2008. – С.16.

Следует подчеркнуть, что именно с деятельностью великих мыслителей Пифагора и Конфуция связано формирование понятия «гармония». Для них гармония – категория космическая, относимая к микрокосму и макрокосму, вместе с тем – категория музыкальная. К примеру, Пифагор характеризовал гармонию при помощи категории лада. По мысли философа, гармония знаменует собой переход человечества от первоначального хаоса (в том числе духовного и душевного) к порядку, упорядоченности и согласию. Вместе с тем, гармония относилась Пифагором и к поведению людей. Она была неразрывно связана с добродетелью.

Аналогичной позиции придерживался Конфуций. Причем ему принадлежит и противоположное понятие – распада гармонии, трактуемого как разрушение социальных связей и структур. Именно у Конфуция впервые прозвучала мысль о единстве музыки и государственного правления. «Если вы хотите знать, – размышлял Конфуций, – какой образ правления существует в данном государстве, послушайте, что поёт народ. А если народ перестает петь, подумайте об этом»¹². Конфуций отмечал, что расстройством музыки соответствует управлению: «Пути музыки имеют много общего с управлением страной <...> В неупорядоченном обществе музыкальные звуки злобны и тем вызывают гнев людей, и управление там извращается <...> Музыка выражает гармонию Неба и Земли, а разлад в музыке есть разрушение данной гармонии»¹³.

Историческое прошлое народов мира убедительно свидетельствует об утверждении идеи тождества макро-микрокосма в аспекте деятельного единства человека и действительности, как результата обживания мира людьми, внесения в него креативного (созидательного) начала, посредством музыкального творчества. Это – народные праздники Великих Деонисий в Древней Греции с обязательным состязанием хоров; излюбленные пантомимы древних римлян, сопровождаемые пением, игрой на музыкальных инструментах, равно как игрища и обряды, сопровождаемые хороводами и «танками» (фигурная форма хоровода) под «алилешные» песни восточных славянских племен.

В средние века, не приемлющие гедонистичности и элитарности эстетической мысли античности, в музыке ценилась способность сплачивать людей, объединять посредством унисонного хорового пения разобщенных, примирять враждующих и соединять их в дружеском союзе. Хор, действительно, являлся «формой единения единоверцев» и воспринимался как гармоничный союз личности с общиной. В пении, по мысли Дж. Вико «как и в мифе заключены первые формы человеческого познания: фантазия, чувство, страсть, роль которых в постижении сути вещей не менее значима, чем роль разума»¹⁴.

В философии Нового времени музыка стала рассматриваться как результат человеческой деятельности. Эту культурологическую составляющую находим в трудах И. Гердера, который «любую культурную деятельность» представляет в значении «откровения» сущности человека, иллюстрацией того, как он создает самого себя, как развиваются его базовые характеристики: язык как средство коммуникации и социальные институты как формы общественных взаимодействий. Таким образом, музыка, музыкальная деятельность приобретает статус специфического человеческого феномена – антропологического и социального.

Огромное значение мыслей и выводов, сформулированных древнегреческим философом Аристотелем (384 – 322 г. до н.э.) в «Поэтике», основано на том, что он создал свою самостоятельную систему эстетических понятий посредством тщательного изучения произведений греческой литературы, образов эпоса, лирики, драмы, многих видов творчества в контексте человеческой жизни и живой действительности. Именно её мыслитель считал истинным содержанием искусства, материалом и образом для художника – творца. Не случайно, видимо, под словом «поэтика» (греческое – поэтике) Аристотель разумеет суть значений «делаю, творю», а само понятие вмещает в себя поэзию, музыку, скульптуру, а также врачебное искусство, математическое искусство.

¹² Древнекитайская философия: В 2-х т. – Т. 2. – М., 1973. – С.16.

¹³ Там же.

¹⁴ Жиров М.С. Феномен музыкального фольклора (философско-культурологические аспекты): монография / М.С. Жиров, Сараева Л.П. – Белгород, 2008. – С.17.

В «Поэтике» Аристотель вводит чрезвычайно важный для нашего исследования принцип – мимесис (подражание, воспроизведение), посредством которого творец волен создавать своё произведение, отличное от всех других в искусствах, представляющих собой «творчество» следующее истинному разуму¹⁵. Согласно этому посылу – сущность искусства – есть живая, подвижная, а не схоластическая абстракция, под которую подгоняются все живые явления.

Художественная правда, добро, красота не разобщены в эстетической природе исканий Аристотеля. Изображаемые характеры он рассматривает преимущественно с их этической стороны, а безнравственные произведения решительно осуждает, подчеркивая, «так и поэт, изображая сердитых легкомысленных или имеющих другие подобные черты характера, должен представлять таких людей благородными»¹⁶. Особый интерес представляют выводы Аристотеля об определенной композиции произведения, которая должна выявить развитие сюжета или фабулы, «а эта фабула должна иметь внутреннее единство во всем своем развитии и быть изображением одного и притом цельного действия»¹⁷. В вопросе о размерах (объеме) произведения Аристотель придерживается понятий «целесообразность», «полезность», справедливо утверждая, что главные формы прекрасного это – порядок в пространстве, соразмерность и определенность¹⁸. Таким образом, в своих эстетических построениях Аристотель исходит и от человеческого восприятия произведения, и от единого происходящего в нём действия, и от стройной последовательности его развития, что способствует, в конечном итоге, духовному очищению каждого, кто творит произведение и кто с ним соприкасается.

Аналогичные умозаключения находим в идее единства прекрасного, доброго, разумного и любви в эстетическом Платона. Более того в своих знаменитых «законах» мыслитель предлагал ввести музыку в законодательство, в систему управления, подчеркивая, что «надо оберегать государство от нарушающих порядок новшеств в области гимнастического и мусического искусства без изменений в самых важных государственных установлениях»¹⁹.

Ценные мысли о месте и роли искусства в системе философских знаний содержатся в работах других ученых. К примеру, искусство, по мысли Ф.Шеллинга, возникает из живого движения глубочайших внутренних душевных и духовных сил, благодаря вдохновению. Искусство приобрело у ученого исключительно важное значение и превратилось даже в «орган философии», её завершение. Согласно утверждения Шеллинга, искусству удаётся достичь невозможного – снять в конечном продукте бесконечную противоположность, преодолеть противоречия между теоретическим и практическим, сознательным и бессознательным и достичь бесконечности. Тем самым искусство оказывалось полной гармонией, совпадением свободы и природы²⁰.

Х.Штейн, как представитель эстетического иррационализма, рассматривал искусство как выражение мировоззрения, а эстетику в связи с этим как основу философии. А.Шопенгауэр считал, что музыка занимает совершенно особое высокое положение, так как она не только, подобно другим видам искусства, отражает идеи, но и является непосредственной объективизацией в нас мировой воли²¹.

В трудах немецкого философа Г.В.Гегеля (1770-1831) представлена проблема соотношения содержания и музыкальных средств его выражения в контексте разных видов музыки (вокальной и инструментальной). Такой подход позволил мыслителю рассмотреть музыку в разных аспектах: как сопровождение, как самостоятельную сферу, как средство реализации «чуда замысла и чуда виртуозной гениальности в исполнении»²².

¹⁵ Покровский Р.А. Сочинение Аристотеля о поэтическом искусстве // Покровский Р.А. Аристотель. – М., 1957. – С.17.

¹⁶ Там же. – С.20.

¹⁷ Там же. – С.21.

¹⁸ Метафизика / пер. А.В. Кубицкого. – М., 1934. – Кн. 13, гл. 3. – С.223.

¹⁹ Платон. Сочинения: В 3-х т. – Т. 3. – Ч. 1. – М., 1971. – С.223.

²⁰ Шеллинг Ф.В. Философия искусств / Ф.В. Шеллинг // Пер. П.С. Попова; Под общ. ред. М.Ф. Овсянникова. – СПб.: Алетей при участии фонда «Универ. книга», 1996. – С.223.

²¹ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр. – Т. 1. – М., 1982. – С.8.

²² Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике: в 2 т. / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 2. – С.277.

По мысли Гегеля, вокальная сфера творчества предполагает органичное единство слова, мелодии, ритма, художественных средств воплощения, где музыкальное выражение – как в характерной, так и в мелодической музыке – должно стать адекватным содержанию текста, обладающего настоящей неподдельностью, «но богатый чувством, лаконично и проникновенно выражающей какое – либо настроение и состояние души...»²³.

В русском искусствознании обращают на себя внимание оригинальные взгляды Н.Г. Чернышевского, выделившего музыку и поэзию «как высшее, совершеннейшие виды искусств», пред которыми исчезает и живопись, и скульптура»²⁴. Исследователь не без основания интересуется вопросом: в каком отношении находится инструментальная музыка к вокальной; в каких случаях вокальная музыка может назваться искусством; какова первая потребность, под влиянием которой человек начинает петь, музицировать; движет ли им стремление к прекрасному или «чувство просится наружу?». Эта мысль ученого содержится в каждом рассуждении об исполнителях народных песен, коих совсем не заботит сам процесс пения и форма исполнительства. Следовательно, чувство и форма противоположны друг другу. Уже из этого одного видим, «что пение, произведение чувства и искусство, заботящееся о форме, – два совершенно различных предмета. Пение первоначально и существенно – подобно разговору – произведение практической жизни, а не произведение искусства»²⁵.

И здесь же Н.Г. Чернышевский справедливо уточняет, что, как всякое «уменье», пение, (равно как и музицирование) требует практических занятий, отработки определенных исполнительских приемов, а орган пения (голос) также требует ученья, чтобы «сделаться покорным орудием воли»²⁶. И в этом смысле естественное пение, как и всякая практическая деятельность, безусловно, становится «искусством», но «вовсе не в том смысле, какой придается слову «искусство» эстетикою». Отмечая преимущества искусственного пения, гораздо более обдуманного, заботящегося о красоте, украшенного всем, чем только может украсить его гений человека, Н.Г. Чернышевский акцентирует внимание на необходимость искреннего чувства, потребности излить его в творческом акте пения (музицирования), что позволит воспроизвести музыкальный образец не только внешнего, но и внутреннего достоинства.

Ценные исследовательские изыскания в вопросах происхождения музыки, её объективного содержания отражены в трудах А.В. Луначарского. Действенность гармонии, мелодии, ритма была для художественного критика поводом искать социалистической действительности, в социальной и биологической природе человека те начала, которые получают выражение в музыкальных образах. Луначарский справедливо полагал, что социально-экономическое освобождение человека даст возможность активно выявлять эти начала, а познание и использование законов организации музыкального материала помогут тому процессу, который критик называл самоорганизацией социалистического общества. Искусство А.В. Луначарский рассматривал как важнейший фактор процесса самоорганизации. В выступлении перед членами культурно-просветительного объединения швейцарских социалистов в 1916 году он представил краткий очерк развития русской музыки на фоне русской общественной жизни, в частности, отметив: «Музыка каждого народа, как и его искусство вообще, является отражением общественной жизни этого народа, выражением его души, как нередко говорят. Да, выражением его души: но не будем забывать того, что душа народа, душа нации изменяется и развивается, как и душа отдельной личности, что эта душа меняется не только во времени, но и в пространстве, и особенно в том, что я назову социальным пространством; при этом я подчеркиваю не музыкальное областничество, не местные оттенки, а глубокое различие национальной души в зависимости от той социальной группы, через которую она нам проявляется»²⁷.

Полагаем, что перечисленные явления в музыке характерны для народного музыкального творчества, посредством анализа которых возможно выявить его основополагаю-

²³ Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике: в 2 т. / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 2. – С.224.

²⁴ Чернышевский, Н.Г. Эстетическое отношение искусства к действительности / Н.Г. Чернышевский. – М.: ОГИЗ, 1848. – С.77.

²⁵ Там же. – С.78.

²⁶ Там же.

²⁷ ЦПА ИМЛ (ф. 142, оп. 1, д. 290-291. – С.288.

щие системобразующие элементы, формирующие архитектуру этого вида деятельности. На наш взгляд, он имеет свои формы, механизмы, социальную стратификацию и т.д.

В контексте данного подхода, по нашему мнению, в центре внимания должны оказаться не только вопросы образа, стиля, семиотики, художественно-выразительных средств, жанрово – видовой системы народного музыкального творчества и ее историческая трансформация, но и сущность, исторические формы, морфология и структура, статус ее творцов и потребителей, ее социальные функции, связь с этническим и социально – психологическим менталитетом этноса.

Современный философско-культурологический подход в изучении народного музыкального творчества требует определенного соотношения его с универсальными, стабильными и динамичными картинами жизни общества, обусловленными историческим состоянием государства. Художественная практика в сфере народного музыкального творчества, в том числе на территории Белгородского региона, сохранила множество образцов материальной и духовной культуры, запечатлевших самые разнообразнейшие явления, события, повороты истории этноса, времена его расцветов и стагнации, войн, революции, борьбы за право сохранения своей этнической самобытности.

Это положение убедительное свидетельство того, что народное музыкальное творчество своими средствами отражает эволюционные и революционные общественные процессы, непосредственно участвует в них. И в то же время оно остается самостоятельной формой общественного сознания. В нем периоды расцвета и упадка не всегда совпадают с аналогичным состоянием самого общества. Эта важная особенность, характерная для искусства в целом, была отмечена в свое время К. Марксом, «определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации»²⁸. Подтверждение данному факту находим в уникальных образцах народного музыкального творчества России рубежа XIX – XX вв. В условиях жестокой политической и социальной нестабильности «русский народ обнаружил изумительную силу, создав при наличии ужаснейших условий прекрасную литературу, удивительную живопись и оригинальную музыку, которой восхищается весь мир.<...> Возникнув в условиях невообразимо трудных, это изумительное творчество совершено со сказочной быстротой»²⁹.

Мы полагаем, что это и есть своеобразный ответ народа на изменившиеся условия жизнедеятельности, связанные с трансформацией социально- исторической ситуации, ломкой житейских стереотипов, появлением новой жизненной социальной среды. В то же время уже в 20-30-е годы прошлого столетия произошло сложное соподчинение народного музыкального творчества с общеполитическими и социальными факторами. Его нередко искусственная включенность в политические структуры общества, с одной стороны, и активная целенаправленная линия на подавление фольклорных форм творчества, с другой, дают основание утверждать о наличии неблагоприятных условий для его развития в России. В период с 30-80-х народное музыкальное творчество предстает в большинстве работ как однородное, не диалектическое явление, лишённое серьезных недостатков и противоречий. При его анализе отмечается постоянный количественный рост участников, повышение их исполнительского мастерства, обогащение жанрового состава³⁰.

Наличие недостатков в развитии народного музыкального творчества зачастую объяснялось мелкими издержками технологического и методического характера. Первопричину всех бед исследователи справедливо видели в «игнорировании основополагающих принципов развития народного творчества, его демократической природы, навязывании не свойственных ему политических и идеологических функций, что влекло за собой серьёзные проблемы в его развитии, падение его престижа, забвение многих жанров и размывание вековых пластов художественной традиции»³¹. И как отмечает ученый, осознание этих потерь сопровождается сегодня попытками восстановить естественные механизмы социального функционирования народного музыкального творчества. Особое

²⁸ Маркс К. Об искусстве / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1976. – С.153.

²⁹ Горький М. Преображение мира: сб. статей / М. Горький. – М., 1980. – С.158.

³⁰ Алексеева Л.Я. От рабочих кружков к народным коллективам / Л.Я. Алексеева. – М., 1973.

³¹ Каргин А.С. Народная художественная культура / А.С. Каргин. – М., 1997. – С.180.

внимание уделяется возрождению фольклорных форм творчества, формированию структур его поддержки. Народное музыкальное творчество преобразуется с учетом новых социально- исторических реалий, становится фактом нового бытия личности. Такой подход открывает принципиально новые предпосылки для её привлечения в творческую деятельность.

Особую значимость приобретает и переоценка народного творчества с точки зрения его социального статуса, роли и места в национально- культурном и духовном возрождении современной России. В связи с изменением эстетической доктрины российского государства (переход к культурно- национальному многообразию и плюрализму) требуется реализация следующих вопросов:

- возрождения наиболее традиционных, устойчивых, существенных сторон и свойств народного творчества;
- восстановления генетической связи современного народного музыкального творчества с дореволюционным и послереволюционным крестьянским и городским фольклором;
- возвращения этносу его исторической функции носителя творческого потенциала, создателя реального и единственного хранителя и проводника национальных духовных ценностей;
- переосмысления значения народного музыкального творчества в обеспечении жизнедеятельности личности.

На наш взгляд, постановка и решение этих вопросов позволит рассматривать народное музыкальное творчество не только как процесс, но и как социокультурное явление. Этот подход обусловлен его синкретичностью, единством непосредственного акта творчества с хранением созданных ценностей их обменом и распространением, передачей информации, которая из поколения в поколение основывается и как бы заново перерабатывается. Иными словами, синкретичность заключается в том, что все эти процессы включены в общую канву жизни, в модель жизнедеятельности индивида, социальных групп и общностей и не отделимы от неё. В конечном итоге, они представляют собой видимый, доступный наблюдению социокультурный феномен, несущий на себе выраженные приметы национальной принадлежности: языка, склада мышления, социальной психологии, национального характера, темперамента и т.д. и отражающий коллективные представления о красоте, ценностях жизни и бытия в контексте историко- культурной рефлексии.

Весьма зримо в народном музыкальном творчестве отражается уровень социального развития человеческого сообщества и состояние его материальной жизни. Показательна в этом отношении мысль Г.В.Плеханова «Первобытное искусство так ясно отражает в себе состояние производительных сил, что теперь в самостоятельных случаях по искусству делают вывод о состоянии этих сил»³². Мы полагаем, что в этой взаимосвязи – путь к осмыслению характера взаимоотношений в народном музыкальном творчестве духовного и материального, прагматического и эстетического, личностного и общинного на любом этапе культурно- исторического развития общества.

Заключение

Таким образом, народное музыкальное творчество, представляет собой своеобразный механизм развития, процесс движения от традиции к новизне, поиска и нахождения способов художественного выражения системы социокультурных ориентаций – знаний, ценностей, норм, образцов жизнедеятельности народа. Именно в музыкально – творческой деятельности осуществляется процесс их актуализации и переработки в «продукт» народного искусства (конкретные образцы народного музыкального творчества), появление новых типов культуры и новых форм художественной активности народа, которые могут быть предметом самостоятельного анализа.

В контексте вышеизложенного, народное музыкальное творчество предстает как хранитель национальных художественных традиций, национального опыта и самосознания. В то же время народное музыкальное творчество является выражением специфических эстетических, нравственных, философских настроений нации, отражает её социаль-

³² Каргин А.С. Народная художественная культура / А.С. Каргин. – М., 1997. – С.158.

но-этнический образ. В данном ракурсе интерес представляет процесс становления и развития народного музыкального творчества в онтологии пространства и времени. Концептуальным для нашей статьи является представление о народном музыкальном творчестве, как одной из базовых основ развития человечества. Осуществляя отбор и накопления социокультурного опыта, участвуя в процессах социализации, народное музыкальное творчество «отражает генезис становления человека как человека культуры»³³. Отсюда – переосмысление значения народного музыкального творчества в обеспечении жизнедеятельности личности в системе отношений «человек – творчество», которая становится все более открытой, менее регламентированной и контролируемой государством.

Список литературы

1. Алексеева, Л.Я. От рабочих кружков к народным коллективам / Л.Я. Алексеева. – М., 1973.
2. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по эстетике: в 2 т. / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 2. – 602 с. (Слово о сущем).
3. Горький, М. Преображение мира: сб. статей / М. Горький. – М., 1980.
4. Гусев, В.Е. Эстетика фольклора / В.Е. Гусев. – Л.: Наука, 1967. – 319 с.
5. Древнекитайская философия: В 2 т. – Т. 2. – М., 1973.
6. Жиров, М.С. Русская народная песня: история и современность: монография / М.С. Жиров, О.И. Алексеева. – Белгород, 2007. – 162 с.
7. Жиров, М.С. Феномен музыкального фольклора (философско-культурологические аспекты): монография / М.С. Жиров, Сараева Л.П. – Белгород, 2008. – 150 с.
8. Каган, М.С. Морфология искусства. Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусства. Ч. I, II, III. – Л.: Искусство, Ленинградское отделение, 1972. – 304 с.
9. Каргин, А.С. Народная художественная культура / А.С. Каргин. – М., 1997.
10. Маркс, К. Об искусстве / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1976.
11. Метафизика / пер. А.В. Кубицкого. – М., 1934. – Кн. 13, гл. 3.
12. Николаева, Е.В. История музыкального образования: Древняя Русь: Конец X – середина XVII столетия / Е.В. Николаева. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – 208 с.
13. Огородова, А.В. Этноджаз как социокультурный феномен. Дисс... канд. филос. наук. – Белгород, 2008. – 169 с.
14. Платон. Сочинения: В 3 т. – Т. 3. – Ч. 1. – М., 1971.
15. Плеханов, Г.В. Искусство и литература / Г.В. Плеханов. – М., 1948.
16. Покровский, Р.А. Сочинение Аристотеля о поэтическом искусстве // Покровский Р.А. Аристотель. – М., 1957. – 35 с.
17. Серов, А.Н. Русская народная песня как предмет науки // Русская мысль о музыкальном фольклоре / А.Н. Серов. – М.: Изд-во «Музыка», 1979. – 366 с.
18. ЦПА ИМЛ (ф. 142, оп. 1, д. 290-291).
19. Чернышевский, Н.Г. Эстетическое отношение искусства к действительности / Н.Г. Чернышевский. – М.: ОГИЗ, 1848. – 179 с.
20. Шеллинг, Ф.В. Философия искусств / Ф.В. Шеллинг // Пер. П.С. Попова; Под общ. ред. М.Ф. Овсянникова. – СПб.: Алетейя при участии фонда «Универ. книга», 1996. – 496 с.
21. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр. – Т. 1. – М., 1982. – 192 с.

NATIONAL MUSICAL CREATIVITY AS THE PHILOSOPHICAL CULTURALOGICAL CATEGORY

M.C. ZHIROV¹⁾
T.A. SELJUKOVA²⁾

¹⁾ *Belgorod state university*

e-mail: zhirov@bsu.edu.ru

²⁾ *Belgorod state university*

e-mail: Taleks37@mail.ru

The article discusses the philosophical culturalological aspect of formation of national musical creativity in space and time ontology as the socio-cultural phenomenon. The authors consider expressed sign of a national identity: language, culture, outlook, a warehouse of thinking, social psychology, character, temperament, system of values.

Key words: national musical creativity, national-ethnic, socio-cultural phenomenon, reflection, forms, mechanisms, social stratification.

³³ Каргин А.С. Народная художественная культура / А.С. Каргин. – М., 1997. – С.176.

УДК 7.01; 783.2

СЕКУЛЯРИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДУХОВНО-МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ XVIII В.

Д.А. ЦЫПЛАКОВ¹⁾
С.М. ЦЫПЛАКОВА²⁾

*¹⁾Новосибирский
государственный
университет*

*²⁾Новосибирский государственный
педагогический университет*

e-mail: nikitina_1973@mail.ru

В статье рассматриваются с теоретической и историко-культурной точки зрения влияние светской музыки на русскую духовно-музыкальную культуру, анализируются особенности новационных процессов в церковно-певческой традиции в России XVIII в.

Ключевые слова: секуляризация, новация, традиция, знаменный распев, партесное пение.

Секуляризационные процессы в Европе начались с отъема монастырских и церковных владений, т.е. происходила передача земель, зданий и другой собственности из церковного ведения в ведение государства или частных лиц. Однако термин секуляризация имеет устойчивую традицию использования его не только в указанном узком смысле как юридически-правового термина, но и в широком смысле. В широком смысле секуляризация понимается как процесс обмирщения, возникновения светского общества. Сам термин происходит от позднелатинского *saecularis* — мирской, временный, первое значение — вековой, столетний¹. Соответственно, понятие секуляризации с мировоззренческой богословской и философской точки зрения включает в себя не только чисто юридически-правовой, но прежде всего мировоззренчески-идейный аспект². Секуляризация как термин в общественном дискурсе характеризуется прежде всего трансформацией вечных религиозно-идеальных понятий, ценностей в ценности и понятия временные, принадлежащие этому миру, миру земному. В этом аспекте хотелось бы проследить один из аспектов этого процесса секуляризации, охватившего Россию в XVIII в. начиная прежде всего с петровских реформ, аспект духовно-музыкальной культуры, ядром которого было церковное пение.

В средневековой Европе в области музыки долгое время доминировало церковное искусство, одной из высших форм ее развития стал григорианский хорал: унисонное католическое пение, аналогом которого в православных странах было византийское одноголосие с гармонической поддержкой и унисонное знаменное пение на Руси. В духовной музыке воплотилось представление о двух взаимосвязанных мирах: мира земного и мира небесного. Унисонное одноголосное пение выражало идею средневекового христианского миропонимания: идею единения земного и небесного. В хоровом исполнении личное проникновение в смысл слова растворяется в коллективном чувстве, объединяя поющих людей в «соборную» общность. Так, церковная музыкальная культура выражала идеационный характер средневековой культуры³, отражающей действительность, но усматривающей за ней сверхреальность, небесный мир.

¹ Происхождение термина восходит к библейскому противопоставлению вечности Бога и временности мира. «Бог живет во свете неприступном», — эти слова ап. Павла (1 Тим. 6:16) указывают как раз на трансцендентный вневременный характер того, что относится к божественному бытию в библейском сознании. Напротив, «мир сей» есть мир временный. Прежде него, по выражению свт. Василия Великого (Кесарийского), было некое состояние вне- и пре-временное: «еще ранее бытия мира было некоторое состояние приличное премирным силам, превысшее времени, вечное, присно продолжающееся». Блаженный Августин противопоставляет этот мир — вечности Бога и говорит, что «самое время есть творение, а потому и оно имеет начало и отнюдь не совечно Творцу».

² Кокс Х. Мирской град: секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М.: «Восточная литература», 1995 г. — С.34.

³ Сорокин П. А. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль: Тексты / Под. ред. В.И. Добренкова. — М.: Изд. Международного ун-та Бизнеса и Управления, 1996. — С.380.

Соединение средневековой духовности со светским гуманистическим началом породило стиль барокко, который характеризовался новым типом мышления. Основные черты стиля барокко — состязательность и дуализм, сопоставление контрастов, эмоциональность, красочная декоративность.

Переоценка ценностных ориентиров, пересмотр роли пения в богослужбной практике, смена анонимности авторства композиторским творчеством, когда акцент с единства переходит на индивидуальность, приводит к поиску новых художественных методов и форм, в которых отражаются новые взгляды на мир. В церковную музыку проникают мирские мотивы, происходит переход от относительной фиксации условных знаковых символов на зафиксированную высотно-ритмическую запись нотными знаками, — все это является результатом пересмотра традиционных взглядов на мир, на человека в мире и, как следствие, сказывается на музыкальной культуре в целом, которая отражает духовное состояние человека и общества.

К XVII в. в европейской музыке уже складываются устойчивые светские жанры и европейская, а в особенности итальянская музыка становится по своему духу светской: главной целью музыки становится внешняя эмоциональная выразительность, церковные произведения по своей форме и сути мало отличаются от оперной музыки. В католических храмах место григорианского хора прочно заняло партесное многоголосное пение.

Было бы, однако, слишком упрощенным провести грань секуляризации духовной музыки по внешнему признаку одноголосия и многоголосия. В XVI — начале XVII вв. в русской духовной музыкальной культуре появляется достаточно необычное явление, основанное на знаменном распеве: строчное многоголосное пение. Имя распевщика Василия Рогова связывают с первым церковным многоголосием. Характерной особенностью этого пения было двух–трехголосие, записанное знаменами в два-три ряда над текстом. Голоса записывались разными цветами (красным и черным). Главный голос, пусть, был основной строчкой многоголосия, пел каноническую мелодию. Он помещался в середине и обрамлялся «верхом» и «низом». Строчное пение характеризовалось параллелизмом интервалов (кварт, квинт), линейностью голосоведения, возникновением диссонансирующих созвучий. Трострочное пение очень трудно поддается расшифровке. Оно не было многоголосием в полном смысле этого слова. Это были «первые ростки» и они не расценивались как отступление от одноголосной традиции. В трострочном пении нашла свое отражение идея «многообразия в единстве» и мыслилась как образ ангелоподобного пения. Есть мнения, что на рождение трострочного пения оказала влияние икона «Троица» Андрея Рублева⁴.

Если бы трострочное пение окрепло и укрепилось, то возможно из недр русской духовной музыкальной культуры развилось национальное многоголосное пение, не похожее на западное.

Однако, широкое распространение в середине XVII века западного партесного пения заглушило развитие строчного многоголосного пения. Оно положило начало пению по западному музыкальному образцу, которое продолжило свое развитие в XVIII веке.

Восемнадцатый век в России назван веком Просвещения. Это был век смены мировоззренческих ориентиров русского общества, которые сказались на всех областях культурной жизни. Коснулось, это, и русской музыки, особенно русской духовной музыки.

В XVIII веке стал очевиден отход от средневекового христианского к светскому мировоззрению. В эпоху Просвещения в противоположность органично слитному религиозно-художественному восприятию мира, приходит дуалистическое мировоззрение, разделяющее светскую культуру от церковной. В эмоциональном плане секуляризованные партесные произведения ярко выражают всю палитру чувств человека. Переживаемые эмоции в музыкальном плане как бы «выливаются» на всеобщее обозрение. Стремительное развитие жанров светской музыкальной культуры, вокальной (опера, песни), инструментальной, влияют на духовную музыкальную культуру и способствуют появлению новых форм в хоровом творчестве.

Истоки трансформации традиции русской духовной музыки прослеживаются с XVII в., когда западное музыкальное мышление внедряется в традиционную область рус-

⁴ Вагнер Г. К., Владышевская Т. Ф. Искусство Древней Руси. — М.: Искусство, 1993 г. — С.211-215.

ской духовной музыкальной культуры. Происходит пересечение двух разных музыкальных систем и мировоззрений. В результате новационные процессы в русской духовной музыке приобретают характер отхода от музыкально-канонического мышления, тесно связанного с богослужебным строем церковного пения. В XVIII веке процесс секуляризации в русской духовной музыке идет полным ходом. Партесное пение с особенной мощью начинает проникать в Россию в результате культурных преобразований, проводимых Петром I. Эти процессы требуют особой рефлексии. Как отмечал А. М. Панченко: «Петровские реформы преследуют две цели — это европеизация и секуляризация. Поэтому Петр I сохраняет и приумножает цивилизационные элементы (поэзию, мажорно-минорную музыку, театр, регулярную школу)»⁵.

Естественно, что и в область русской духовной музыки проникает светское мироощущение. Секуляризация церковной музыки вызывает неоднозначную реакцию в обществе. В многочисленных дискуссиях поднимаются вопросы об искусстве, о его роли в жизни человека, о храмовой музыке. В Москве появляются певчие украинцы, которые поют тенорами. Пение по партиям приводит к дифференциации голосов. Вместо однородных тембров ставка делается на разнородные тембры и их конфигурацию. С развитием партесного пения тембральные сочетания хоровых голосов становятся все разнообразнее.

Партесные произведения выходят за рамки богослужения. Они могут исполняться самостоятельно. Тексты используются композиторами канонические, но распределяются по всему музыкальному материалу свободно. Канонический текст уступает главенствующее место музыкальному материалу и подстраивается под него. Выход церковной музыки за рамки богослужения явился результатом, возникшим на основе изменения взглядов общества на роль церковной музыки.

В дальнейшем своем развитии в партесном пении складывается новый жанр — партесный хоровой духовный концерт. Он продолжает сочетать в себе религиозное и светское начала. Главные теоретические законы духовного концерта были разработаны теоретиком партесного стиля украинцем Николаем Дилецким в его работе «Идея грамматики мусикийской» (русское издание 1679г).

«При Федоре Алексеевиче для церковного пения приглашен был из Польши «иноземец» Н. П. Дилецкий. Он управлял хором Г. Д. Строганова и он же вводит в оборот теорию и опыт «творцов пения римской церкви». Дилецкий создал в Москве «западническую» школу»⁶.

Н. П. Дилецким рассматриваются принципы и методы сочинения партесных произведений. Его труд стал, по сути, учебным пособием по сочинительству партеса. Понятие музыки у Дилецкого существенно отличается от традиционного древнерусского понятия пения. «Что такое музыка?», — пишет автор: «Музыка — это то, что своим пением или игрой настраивает человеческие сердца на веселие, или сокрушение, или плач»⁷. Будучи воспитанником польских музыкантов Яна Зюска, Николая Замаревица, Н. Дилецкий рассматривает музыку в европейской версии теории аффектов, в которой цель музыки — приводить душу в эмоциональное движение.

Теоретическое обоснование музыкального искусства как аффективного, находит свое подтверждение в музыкальной практике. Новацией в русском партесном хоровом концерте стала передача музыкально-выразительными средствами состояния активности, которое выражалось в открытом воплощении радости с энергичными, плясовыми ритмами или печальными интонациями. Такая полярность эмоционального плана присуща эстетике барокко. Происхождением своим партесный концерт был связан с Италией (XVI–XVII вв). Композиторами венецианской школы Андреа и Джованни Габриэли созданы инструментальный концерт. Дальнейшее развитие концерт получил в польской композиторской школе. Потом через Украину и Беларусь концерт проникает в русские земли. Русская музыкальная традиция преобразовала концерт в чисто хоровой, вокальный жанр, что соответствовало, а капелльному характеру духовной музыки.

⁵ Панченко А. М. «Церковная реформа и культура петровской эпохи» //XVIII в. — СПб, 1991. Сб. 17. — С. 3-16.

⁶ Кокс Х. Мирской град: секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М.: Восточная литература, 1995. — С.142.

⁷ Там же.

Эмоциональной опорой хоровому концерту послужила русско-украинская музыкальная народная культура. Западные истоки сказываются в музыкальном построении концерта. Это трехчастная музыкальная форма, где голосоведение хоровых партий проявляется как «состязание» голосов.

Текстами хоровых концертов становятся псалмы, кондаки, тропари, а также светские тексты. Канонические тексты воплощаются концертными художественно-выразительными средствами, используются двухдольные и трехдольные размеры. Использование музыкальных размеров является новацией для русской духовной музыки (в древнерусских распевах понятия размера не существовало). Тексты используются свободно, с повторениями слов ради образно-музыкального воплощения («многажды едину речь поют»), перенос ударений ради художественного приема, хотя в целом правильность ударений (просодии) соблюдается.

Эмоции радости и грусти находят свое выражение в мажорно-минорном ладах, о чем говорится в «Музыкальной грамматике» Н. Дилецкого.

Европейскими новшествами в русском хоровом концерте становятся паузы, повторение слов (например, восемь раз подряд повторяется слово «гром» в концерте «Божественный гром»), виртуозные мелодические украшения, иногда инструментальные вкрапления. Пример — звучание фанфары в начале концерта В. Титова «Златокованную трубу». Появляются обозначения динамических оттенков в партитурах партесных произведений. Ремаркой «тихо» отмечено слово «тайнообразующе» в «Херувимской» Калашникова. В сущности, остается церковным по духу остается только текст псалмов, на который пишутся духовные концерты, музыкальное же наполнение основывается на западных средствах музыкальной выразительности, в точности на итальянских.

В XVIII веке западную музыку, в главной степени итальянскую считают в России эталоном, образцом для подражания и восхищения. Видимо это так и было. Для русской музыкальной культуры, которая изначально была глубоко вокальна и мелодична, так как выросла из знаменного распева, итальянские мелодии были в чем-то сродни русской душе. Итальянская музыка в первую очередь в великосветском обществе была оценена очень высоко. Такова была особенность развития русского общества в XVIII в., что все западное тогда рассматривалось как априорно лучше, чем свое собственное, а отечественная традиция как неразвитое и отсталое. Данная особенность послужила причиной того, что в XVIII веке итальянская музыкальная культура беспрепятственно проникала во все области русской культуры.

Особенной популярностью пользовались итальянские композиторы, которые приезжали работать в Россию. Композиторы работали в разных областях русской музыкальной культуры и являлись творцами и светских, и церковных сочинений. Следствием этого явилось проникновение инструментальной, оперной, вокально-камерной музыки в хоровую духовную музыку.

Итальянские композиторы, Б. Галуппи, Дж. Сартти сочиняли для православной службы свои произведения, однако, будучи представителями другой культурной среды, они трактовали церковные произведения как светские сочинения, используя музыкальные средства, которые подходили скорее к оперному искусству, чем к церковному.

В оперной манере работал Дж. Сартти, сочинявший произведения для православной службы и оставивший немало учеников. Его сочинения «Радуйтесь людие», «Ныне силы небесныя» служили долгое время образцом для подражания. Однако композитор, как это принято в католической традиции, считал духовный концерт за светское произведение, отчего и концерты у него отличаются светской выразительностью и эмоциональностью.

На протяжении XVIII века, у итальянских композиторов талантливые русские музыканты обучались правилам западной гармонии, композиции, музыкальным формам.

XVIII в. — это творчество не только приглашенных западных музыкантов, но также творчество русских композиторов: С. Березовского, Д. Бортнянского, а также менее заметных композиторов П. Соколова, Ф. Диц и др. В их сочинениях партесная музыка приобрела новое более глубокое духовное измерение.

Березовского по праву можно считать основоположником «высокого барокко» в русской духовной музыке. Шедевром этого стиля стал сохранившийся концерт «Не отвержи мене во время старости», созданный примерно в 1760 год на текст 70-го псалма.

Расцветом русского духовного концерта являются 90-е годы XVIII ст. Это зрелые духовные концерты Д. Бортнянского, С. Дегтярева, И. Козловского, А. Веделя. Русский духовный концерт вбирает в себя интонации, близкие романсовой лирике (пример, концерты А. Веделя). Ведется разработка полифонических приемов письма. В творчестве Бортнянского русский классический концерт достиг наивысшей точки своего развития. Сочинения Бортнянского были очень популярны, их исполняли в храмах, на великосветских приемах, в усадьбах.

Вместе с тем, партесная музыка приходит во все большее противоречие с церковным канонам. Секулярное мировоззрение, которое было изначально заложено в его основу, русским духовным композиторами XVIII в. преодолеть не удалось, несмотря на то, что самые известные из них начинали понимать, какое бесценное мелодическое богатство содержит в себе древнерусское церковное певческое искусство. По этому поводу Д. Бортнянский изложил свои взгляды в «Проекте об отпечатании древнего российского крюкового пения». Ценность этого проекта в том, что при всеобщем увлечении западной музыкой, Бортнянский указывает на источник, национально оформившийся, семь веков используемый в певческой практике России и имевший огромное воспитательное и эстетическое значение для духовного образования русского общества.

Таким образом, особенность новационного процесса в русской духовной музыкальной культуре заключается в том, что новации должны встраиваться в ритуально-канонические структуры. Поэтому новации, отражающие секулярное мировоззрение, приходят в противоречие с богослужебным канонам. И как следствие устойчивость богослужебного канона продуцирует синтез традиции и новации, соответствующих мировоззренческим основам идеационного характера культуры.

Партесное пение к концу XVIII столетия претендует на статус традиции. Противоречие партесной традиции и богослужебного канона вызвало потребность приведения музыкальных форм и мелодического содержания духовного пения в соответствие с мировоззренческой основой богослужения. Происходящие в XIX веке мировоззренческие сдвиги в русском обществе вызывают к жизни поиск культурной самоидентификации («возврат к корням»), который предопределил обращение к древнерусской певческой традиции в рамках синтеза традиций и новаций в духовно-музыкальной культуре.

Список литературы

1. Вагнер Г. К., Владышевская Т. Ф. Искусство Древней Руси. – М.: Искусство, 1993 г. – 256 с
2. Кокс Х. Мирской град: секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М.: «Восточная литература», 1995 г. – 261 с.
3. Музыкальная эстетика России XI-XVIII веков. Сост. текстов А. И. Рогова. – М.: Музыка, 1973. – 244 с
4. Панченко А. М. «Церковная реформа и культура петровской эпохи» //XVIII в. – СПб, 1991. Сб. 17. С. 3-16.
5. Сорокин П. А. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль: Тексты /Под. ред. В.И. Добренкова. – М.: Изд. Международного ун-та Бизнеса и Управления, 1996. С. 372 – 392.

SECULAR PROCESSES IN THE RUSSIAN CHURCH SINGING TRADITION IN THE XVIII CENTURY

D.A. TSYPLAKOV¹⁾
S.M. TSYPLAKOVA²⁾

The article investigates the influence of secular music on the Russian musical culture and analyzes the features of innovation processes in the church singing tradition in Russia of the XVIII century.

¹⁾ *Novosibirsk State University*

Key words: secularization, innovation, tradition, “znamenny” chant, polyphony singing.

²⁾ *Novosibirsk State Pedagogical University*

e-mail: nikitina_1973@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

УДК 343.2

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЗНАЧЕНИЯ БОЛЕЕ МЯГКОГО НАКАЗАНИЯ, ЧЕМ ПРЕДУСМОТРЕНО ЗА ДАННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В.А. АВДЕЕВ

*Байкальский
государственный
университет
экономики и права*

e-mail: minenkova-mo@isea.ru

Статья посвящена одному из актуальных вопросов в свете гуманизации уголовной ответственности назначению более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. Рассматриваются обстоятельства, при наличии которых возможно назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. Автором рассматриваются проблемы применения законоположений УК РФ, предусматривающих возможность назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление.

Ключевые слова: уголовное наказание; назначение наказания, санкция нормы Особенной части Уголовного кодекса РФ; обстоятельства смягчающие наказание; более мягкое наказание.

Законодательно регламентированный порядок назначения уголовных наказаний базируется на принципах законности, справедливости и гуманизма. Установленный порядок соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права. Самостоятельная глава, посвященная назначению наказания, постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющие ключевые вопросы назначения и исполнения уголовного наказания, к сожалению, не решают всех проблем, возникающих на правоприменительном уровне. Вследствие этого некоторыми судами допускаются ошибки, связанные с нарушением правил назначения отдельных видов наказания и обращением приговоров к исполнению¹.

Общие начала назначения наказания предписывают судам осуществлять выбор меры государственного принуждения с учетом характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного, обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, а также влияния назначенного наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи. Руководствуясь принципиальными требованиями уголовного за-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» // Российская газета. – 2009. – 11 ноября.

кона, суд (судья) избирает меру государственного принуждения исходя из предусмотренных санкцией видов и пределов наказания. Такой подход соответствует принципу справедливости. Однако исключает из области внимания органов уголовной юстиции не менее значимые базовые положения, служащие обязательным ориентиром для осуществляемой правоприменительной деятельности. Между тем представляется очевидным, что общие правила назначения наказания не всегда оказываются достаточными для выбора оптимальной меры государственного принуждения, обеспечивающей реализации основных его функций и достижение предусмотренных законом целей (ч.2 ст.43 УК РФ).

Совершенствованию осуществляемой правоприменительной деятельности, в известном смысле, может способствовать законодательно регламентированный особый порядок назначения наказания. Указанная позиция соответствует принципу индивидуализации и дифференциации уголовного наказания. В рамках особого порядка назначения наказания пристального внимания заслуживает предоставленная законом возможность назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст.64 УК РФ). Позиция законодателя в указанной части создает предпосылки для выхода за нижний предел санкции уголовно-правовой нормы. Вместе с тем суды крайне редко используют такую возможность. Вероятность назначения наказания ниже установленного законом предела, как правило, осложняется отсутствием регламентации в уголовном законе формулы исключительных смягчающих обстоятельств и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления. Указание закона на то, что исключительными могут быть признаны как отдельные смягчающие обстоятельства, так и их совокупность, не решает задач, поставленных перед правоприменительными органами. Вследствие этого требуется дополнительное теоретическое осмысление исключительных смягчающих обстоятельств, служащих правовым основанием для назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление.

Анализ положений закона позволяет выявить альтернативу оснований, обеспечивающих реализацию исследуемой уголовно-правовой нормы. Назначение более мягкого наказания, нежели предусмотрено за данное преступление, становится возможным при наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления. Идентичным основанием применения указанной нормы признается активное содействие участника группового преступления раскрытию этого преступления. Установление одного из перечисленных оснований, по смыслу закона, обеспечивает возможность назначения наказания ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса. Однако обвинительные приговоры судов, сопряженные с назначением более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, являются лишь редким исключением из общего правила. В этой связи представляется целесообразной модернизация деятельности судов в плане избрания более гуманных мер государственного принуждения, нежели предусмотрены законом. Разумеется, при условии соблюдения принципов назначения наказания. Оптимизации механизма правового регулирования назначения более мягкого наказания может способствовать уяснение смысла и содержания норм, регламентированных ст.64 УК РФ.

Выход за нижние пределы санкции нормы статьи Особенной части УК РФ определяется наличием конкретного правового основания. Роль такого основания может выполнять установление конкретных исключительных обстоятельств. Подобные обстоятельства должны существенно уменьшать степень общественной опасности преступления. Исключительный характер указанных обстоятельств может быть связан с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления. Идентичным образом оценивается активное содействие участника группового преступления его раскрытию. В перечисленных случаях допускается вероятность назначения наказания ниже установленного законом предела, избрание более мягкого вида наказания, предусмотренного в качестве обязательного. При этом следует учитывать не только цели и мотивы, которыми руководствовалось лицо в процессе совершения преступления, но и его роль среди соучастников, поведение во время и после реализации общественно опасного деяния.

Вместе с тем положение уголовного закона не дает исчерпывающих ответов на вопросы, возникающие перед судами в процессе обращения к анализируемым нормам. Принимая во внимание тот факт, что закон не содержит определения понятия и перечня исключительных обстоятельств, представляется целесообразным обращение к достижениям доктрины уголовного права. Научные изыскания в исследуемой области права позволяют выделить следующие подходы к формулированию искомого понятия. Одни исследователи признают в качестве исключительных особые смягчающие обстоятельства, не входящие в общий перечень². Другие называют таковыми особо смягчающие обстоятельства вследствие более широкого их понимания³. Третьи считают исключительными смягчающие обстоятельства, указанные в законе и не вошедшие в этот перечень, но признанные судом смягчающими наказание⁴. Современные специалисты придерживаются последней позиции⁵.

Принимая во внимание тот факт, что перечень обстоятельств, смягчающих наказание, является открытым в современном уголовном законе, представляется обоснованным относить к числу исключительных обстоятельства, закрепленные в Кодексе и не нашедшие в нем своего отражения. Думается, что, придерживаясь этой позиции, суды получают возможность индивидуализировать назначенное наказание с учетом регламентированных законом смягчающих обстоятельств и обстоятельств, не включенных в указанный перечень. Таким образом, исключительными признаются обстоятельства, снижающие степень общественной опасности преступления и личности виновного лица. Указанные обстоятельства регламентируются Уголовным кодексом либо не находят отражения в его содержании. Однако они могут быть положены в основу назначения более мягкого наказания, нежели предусмотрено уголовным законом.

Отличительной чертой исключительных обстоятельств является их влияние на существенное снижение степени социальной опасности реализованного деяния. Исключительные обстоятельства указывают на нецелесообразность назначенного наказания, предусмотренного санкцией нормы за конкретное преступление. В соответствии с законом к исключительным обстоятельствам относятся цели и мотивы, роль виновного лица, его поведение во время и после совершения преступления, а также иные обстоятельства, существенно снижающие степень общественной опасности реализованного деяния.

Вследствие этого побуждения, обуславливающие действия виновного и ориентиры, к достижению которых лицо стремится должны иметь социально полезную направленность или, по крайней мере, не носить низменного характера. Это могут быть мотивы и цели, вызванные стечением тяжелых жизненных обстоятельств либо состраданием, принуждением или определенной зависимостью. Кроме того, преступление может быть вызвано условиями осуществления общественно полезной либо социально приемлемой деятельности, противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Роль виновного лица оценивается как исключительное обстоятельство при условии, что оно выполняло второстепенную функцию в процессе совершения преступления. Это может быть факультативная роль пособника, не принимающего непосредственного участия в совершении преступления, однако, создающего необходимые условия для осуществления общественно опасного деяния его исполнителем.

Поведение субъекта во время или после совершения преступления принимается во внимание судом как исключительное обстоятельство в том случае, если оно имеет позитивное значение для охраняемых уголовным законом интересов. Социально одобряемое поведение виновного лица, влияющее на меру назначенного ему наказания, конста-

² Браинин Я.М. Принципы применения наказания по советскому уголовному праву // Научные записки Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. Т. XII. Вып. 1. – 1953. – С.75.

³ Орлов В.С. Назначение наказания ниже низшего предела, указанного в законе // Применение наказания по советскому уголовному праву. – М., 1958. – С.227.

⁴ Соловьев А.Д. Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву. – М., 1958. – С.131; Карпец И.И. Отягчающие и смягчающие обстоятельства в уголовном праве. – М., 1959. – С.111-112; Шаргородский М.Д. Вопросы Общей части уголовного права. – Л., 1955. – С.170.

⁵ Благов Е.В. Назначение наказания: теория и практика. – Ярославль, 2002. – С.50; Становский М.Н. Назначение наказания. – СПб., 1999. – С.279; Чугаев А.П. Назначение наказания. – Краснодар, 2003. – С.135.

тируется при явке с повинной, активном способствовании раскрытию преступления, изблечению его соучастников и розыску имущества, добытого преступным путем. Особого внимания заслуживает оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольного возмещения имущественного или морального вреда и другие действия виновного лица, направленные на заглаживание причиненного ущерба.

Помимо обстоятельств, смягчающих наказание, указанных в законе, существуют и иные исключительные обстоятельства, которые могут быть приняты за основу при назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. Сложившаяся правоприменительная деятельность является убедительным тому подтверждением. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ снизила Терентьеву наказание с пяти до трех лет лишения свободы в связи с тем, что судом не были в достаточной мере учтены смягчающие наказание обстоятельства: молодой возраст, совершение преступления впервые, чистосердечное раскаяние и положительные характеристики. Совокупность указанных смягчающих обстоятельств признана Судебной коллегией исключительной, дающей основание для назначения более мягкого наказания, нежели предусмотрено санкцией уголовно-правовой нормы статьи Особенной части УК РФ⁶.

Президиум Верховного Суда РФ в постановлении от 25 февраля 1998 года при вынесении решения в надзорной инстанции установил еще более обширный перечень исключительных обстоятельств, побудивших виновную совершить преступление. Таковыми были признаны: наличие у осужденной четверых детей, двое из которых являются малолетними; их воспитание в неблагоприятных семейных условиях; злоупотребление потерпевшим спиртным и его противоправное поведение, способствовавшие совершению преступления; сильное душевное волнение виновной; положительные характеристики по месту жительства и работы; отсутствие надлежащих условий для жизни и воспитания детей⁷.

Иной перечень исключительных обстоятельств фигурирует в постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 21 августа 2002 года, учитывая которые надзорная инстанция снизила назначенное судом наказание в соответствии с требованиями ст. 64 УК РФ. Указанный перечень включает: несовершеннолетний возраст виновного лица; совершение преступления впервые; положительные характеристики с места жительства и работы; незначительный размер имевшегося у лица наркотического средства; не использование большей его части по назначению; продолжительный период пребывания после совершения преступления на свободе и отсутствие с его стороны каких-либо противоправных или предосудительных действий⁸.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в определении от 30 ноября 1999 года признала установленные по делу смягчающие обстоятельства исключительными и, следовательно, существенно снижающими степень общественной опасности совершенного преступления. Совокупность указанных обстоятельств была образована: характером и степенью общественной опасности совершенного преступления; данными, положительно характеризующими осужденного; его деятельным раскаянием; помощью, оказанной потерпевшей; наличием на иждивении детей; противоправностью и аморальностью поведения потерпевшей⁹.

Исходя из содержания нормы, размещенной в ст.64 УК РФ, следует заключить, что закон предусматривает различные виды смягчения наказания. Таковыми являются: а) назначение наказания ниже низшего предела, предусмотренного санкцией нормы статьи Особенной части Уголовного кодекса; б) назначение более мягкого вида наказания, нежели предусмотрено санкцией уголовно-правовой нормы; в) неприменение дополнительного наказания, регламентируемого санкцией нормы в качестве обязательного вида.

⁶ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 апреля 1994 г. по делу Терентьева // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1995. – № 6. – С.11.

⁷ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 25 февраля 1998 г. по делу Кульпиной // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1999. – № 6. – С.12-13.

⁸ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21 августа 2002 г. по делу Адамяна и др. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 3. – С.7-8.

⁹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 ноября 1999 г. по делу Ежеменцева // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2001. – № 1. – С.6-7.

Назначение наказания ниже низшего предела предполагает избрание судом такого вида наказания, который указывается в законе, но с сокращением минимального предела санкции уголовно-правовой нормы, предусмотренной за данное преступление. Шпионаж карается лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет. Однако наличие исключительных обстоятельств может стать правовым основанием для назначения наказания ниже установленного законом предела. Таковым в этом случае является десять лет лишения свободы. Суд, соответствующим образом аргументируя принятое решение, на основании ст.64 УК РФ может выйти за установленные законом пределы. Вследствие этого в обвинительном приговоре суда могут фигурировать сроки лишения свободы, не предусмотренные санкцией нормы ст.276 УК РФ. Разумеется, при условии надлежащего обоснования принятого судом решения, не вступающего в противоречие с действующим уголовным законом. При этом следует иметь в виду, что назначению наказания ниже низшего предела, обозначенного в законе, не препятствует наличие в санкции нормы статьи Особенной части УК РФ альтернативных более мягких видов наказаний (например, ч.2 ст.158, ч.2 ст.159 УК РФ)¹⁰.

Назначение более мягкого вида наказания, как правило, сопряжено с сопоставительным анализом меры государственного принуждения, предусмотренной в санкции нормы статьи Особенной части и более гуманным видом наказания, закрепленным в ст.44 УК РФ. В этом случае суд может назначить более мягкий вид основного наказания, не указанный в санкции соответствующей статьи Кодекса. Это может быть штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы, с соблюдением ст.44, 45 УК РФ не ниже минимальных размеров или сроков, указанных в Общей части Уголовного кодекса. Так, при назначении более мягкого вида наказания за преступление, предусмотренное ч.1 ст.132 УК РФ (от трех до шести лет лишения свободы), суд может избрать более гуманную меру государственного принуждения, нежели регламентируется в санкции, исходя из перечня основных видов наказания, расположенных выше п.«л» ст.44 УК РФ. Соответственно, осужденному может быть назначен другой, более гуманный вид наказания, включая, например, исправительные работы, ограничение свободы или арест.

Смягчение наказания посредством неприменения дополнительного вида наказания, указанного в законе, распространяется на санкции уголовно-правовых норм, предусматривающих дополнительное наказание только в качестве обязательного. Если указанный вид наказания имеет альтернативное значение, анализируемый вид смягчения наказания не может быть использован судом при избрании меры государственного принуждения осужденному лицу. Например, в санкции ст.275 УК РФ предусматривается наказание в виде лишения свободы, назначаемого наряду со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет. Вследствие этого указывается на обязательное назначение дополнительного вида наказания. В свою очередь, установление судом исключительных обстоятельств формирует основание для смягчения наказания, реализация которого позволяет не применять штраф в качестве дополнительного вида наказания.

Назначение наказания ниже низшего предела, более мягкого вида наказания или неприменение дополнительного наказания согласуется с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 года № 1 «О судебном приговоре», в соответствии с которым суды не должны допустить фактов назначения наказания, являющегося явно несправедливым вследствие мягкости или суровости. Исходя из этого, в приговоре необходимо указывать, какие обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности подсудимого, а также иные обстоятельства, характеризующие его личность, доказаны при разбирательстве уголовного дела и учтены судом при назначении наказания. Суды обязаны мотивировать в приговоре выводы по вопросам, связанным с назначением подсудимому вида и размера наказания. Так, в описательной части приговора должны быть указаны мотивы, по которым суд пришел к выводу о назначении наказания ниже низшего предела, предусмотренного уголовным законом за данное преступление, или переходе

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета. – 2007. – 24 января.

к другому, более мягкому наказанию, а также о неприменении дополнительного наказания. При назначении наказания за определенные преступления ниже низшего предела санкции закона в резолютивной части приговора должно быть указано, что это наказание определяется по соответствующему пункту, части или статье Особенной части с применением ст.64 УК РФ¹¹.

Принимая во внимание тот факт, что исключительные обстоятельства, установленные судом, снижают степень общественной опасности не только преступления, но и лица, его совершившего, представляется обоснованным внесение соответствующих дополнений редакционного характера в содержание ч.1 ст.64 УК РФ¹². Думается, что такой подход позволит оптимизировать деятельность судов при назначении более мягкого наказания, нежели предусмотрено за данное преступление. Концентрация внимания на снижении степени общественной опасности преступления и лица, признанного виновным в его совершении, становится подтверждением правильности избранной судом позиции по конкретному уголовному делу.

Руководствуясь нормой закона, предусмотренной ч.2 ст.64 УК РФ, в описательной части обвинительного приговора суда должны содержаться указания на обстоятельства, признанные исключительными, и основания принятого решения.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» // Российская газета. – 2009. – 11 ноября.
2. Брагин Я.М. Принципы применения наказания по советскому уголовному праву // Научные записки Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. Т. XII. Вып. 1. – 1953. – С.75.
3. Орлов В.С. Назначение наказания ниже низшего предела, указанного в законе // Применение наказания по советскому уголовному праву. – М., 1958. – С.227.
4. Соловьев А.Д. Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву. – М., 1958. – С.131; Карпец И.И. Отягчающие и смягчающие обстоятельства в уголовном праве. – М., 1959. – С.111-112; Шаргородский М.Д. Вопросы Общей части уголовного права. – Л., 1955. – С.170.
5. Благов Е.В. Назначение наказания: теория и практика. – Ярославль, 2002. – С.50; Становский М.Н. Назначение наказания. – СПб., 1999. – С.279; Чугаев А.П. Назначение наказания. – Краснодар, 2003. – С.135.
6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 апреля 1994 г. по делу Терентьева // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1995. – № 6. – С.11.
7. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 25 февраля 1998 г. по делу Кульпиной // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1999. – № 6. – С.12-13.
8. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21 августа 2002 г. по делу Адамяна и др. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 3. – С.7-8.
9. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 ноября 1999 г. по делу Ежемцева // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2001. – № 1. – С.6-7.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета. – 2007. – 24 января.
11. Судебная практика по уголовным делам. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации. – М., 2001. – С.472-474.
12. Авдеев В.А. Назначение наказания в российском уголовном праве. Учебное пособие. – Иркутск, 2007. – С.61-62.

¹¹ Судебная практика по уголовным делам. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации. – М., 2001. – С.472-474.

¹² Авдеев В.А. Назначение наказания в российском уголовном праве. Учебное пособие. – Иркутск, 2007. – С.61-62.

LEGAL REGULATION OF Milder SENTENCING THAN PROVIDED FOR A CERTAIN CRIME

V.A. AVDEYEV

***Baikal State University
of Economics and Law***

e-mail: minenkova-mo@isea.ru

The article deals with one of the up-to-date issues of criminal responsibility humanization, i.e. milder sentencing than provided for a certain crime. Circumstances contributing to milder sentencing than provided for a certain crime are covered in the article. The author observes application issues of legal provisions of Criminal Law of the Russian Federation, which enable milder sentencing than provided for a certain crime.

Key words: criminal penalty; sentencing, sanction of norm of Special Part of Criminal Code of the Russian Federation; circumstances contributing to milder sentencing; milder sentence.

УДК 340.155.2

ПРОКУРАТУРА И СУДЕБНЫЕ СЛЕДОВАТЕЛИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Ю.С. ГУСАКОВА*Белгородский
государственный
университет**e-mail: Gusakova@bsu.edu.ru*

В статье исследуются некоторые полномочия прокуратуры и судебных следователей. Так, предварительное следствие производилось одним из членов судебной палаты при обязательном личном присутствии прокурора палаты или его товарища. Эти лица при производстве следствия обладали теми же правами, которые были предоставлены судебному следователю и прокурору окружного суда в общем порядке судопроизводства. Из права прокурора наблюдать за производством предварительного следствия вытекало соответствующее право обжалования действий судебного следователя и возбуждения вопроса о его дисциплинарной и судебной ответственности. При осуществлении этого полномочия прокурор действовал не как сторона, а как представитель закона. Таковы основные аспекты прокурорского надзора за деятельностью судебных следователей во второй половине XIX – начале XX в.в. вплоть до их упразднения.

Ключевые слова: прокуратура, органы расследования, суд, реформа, надзор.

Основным органом предварительного следствия в пореформенной России стал судебный следователь, который начинал следствие не иначе как по законному к тому поводу и достаточному основанию. О начатом следствии он сообщал прокурору, за исключением тех случаев, когда производство было возбуждено по сообщению полиции или по жалобе частного обвинителя.

Законными поводами к началу следствия считались:

- извещение полиции об известном частному лицу преступлении (с указанием или без указания преступника). К извещению приравнивались молва и слухи о преступлении;
- жалоба, т.е. объявление какого-либо лица о совершении в отношении него преступления, причинении ему вреда или ущерба с просьбой о вознаграждении;
- донос, т.е. обвинение кого-либо в преступлении;
- явка с повинной;
- сообщение прокуроров и стряпчих;
- собственное усмотрение полиции.

Все материалы об окончании предварительного следствия поступали в прокуратуру. Если прокурор считал, что обвиняемого надо предать суду, то свое решение об этом он излагал в форме обвинительного акта. Составлять обвинительный акт и поддерживать обвинение в суде были вправе: прокуроры судебных палат, обер-прокуроры Сената, министр юстиции или его товарищ по делам о государственных преступлениях, а также военный прокурор по делам о военных преступлениях.

Предание суду по делам, подсудным суду присяжных, осуществлялось обвинительной камерой судебной палаты. В случае, когда прокурор приходил к необходимости прекратить следственное дело, он входил с представлением об этом в суд, от которого зависело решение вопроса. По делам же «о государственных преступлениях», дознание по которое велось жандармскими управлениями, прокурор судебной палаты, к которому поступали все дела этого рода, если считал необходимым прекратить такое дело, вносил этот вопрос на разрешение особой комиссии, состоящей из трех лиц: губернатора, начальника жандармского управления и прокурора судебной палаты.

Предварительное следствие производилось одним из членов судебной палаты при обязательном личном присутствии прокурора палаты или его товарища. Эти лица при производстве следствия обладали теми же правами, которые были предоставлены судеб-

ному следователю и прокурору окружного суда в общем порядке судопроизводства. Кроме того, прокурор судебной палаты имел право до начала следствия поручить производство дознания прокурору окружного суда, его товарищу или полиции¹.

Анализ взаимодействия прокуратуры и судебных следователей исследуемого периода позволяет сделать и некоторые выводы. Так, из права прокурора наблюдать за производством предварительного следствия вытекало соответствующее право обжалования действий судебного следователя и возбуждения вопроса о его дисциплинарной и судебной ответственности.

При осуществлении этого полномочия прокурор действовал не как сторона, а как представитель закона. Отметим, что «жалобы на действия полиции приносятся прокурору, а на действия следователя, как принятые им собственной властью, так и по требованию прокурора или его товарища – окружному суду². При этом прокурор должен был с одинаковым беспристрастием стремиться к выяснению обстоятельств как уличающих обвиняемого, так и обстоятельство, его оправдывающих.

По этому поводу И.Я. Фойницкий писал: «Такое построение мыслимо только в идее, – настолько оно само по себе искусственно. Несомненно, что в существе прокурорской власти заключается функция охранения закона, но она принадлежит прокуратуре по отношению к власти правительственной, а не по отношению к власти судебной.

В назначении быть стражем закона при правительстве прокуратура получает основание и силу своего существования; становясь стражем закона при суде, она раздвояется в своей деятельности, и, за массой непроизводительных забот по охране закона, имеющего гораздо лучшего охранителя в лице суда, становится менее пригодной для исполнения своей естественной функции защитника и представителя законных интересов правительства»³.

Вторая же стадия расследования – формальное следствие. Юристы того времени определяли его как «объем всех действий следователя, которые направляются против известного лица, поставленного в состояние обвинения, чтобы иметь возможность окончательно решить, действительно ли и в каком виде и степени учинило оно рассматриваемое преступление достойно ли оно наказания»⁴.

Надо сказать, что господствовавшая в то время теория формальных доказательств усугубляла допускавшиеся следователями нарушения. Не собрав законными путями доказательств виновности лица, следователь делал ставку на признание, считая, что при его наличии иных доказательств не потребуется.

Как пишет И.В. Гессен, признание считалось «королем» доказательств и достигалось всеми способами: побоями, пытками, заключением в особые камеры. Это приводило к увеличению числа невинно осужденных⁵.

В стадии формального следствия для сбора изобличающих преступника доказательств применялся осмотр следов преступления, вещественных доказательств и письменных документов. При расследовании преступления, где могли быть оставлены следы, следователю вменялось в обязанность произвести осмотр и освидетельствование, обнаружить такие следы и сохранить их⁶. Различие между предварительным и формальным следствием можно провести по целям и видам следственных действий. Соглашаясь с мнением А.В. Колдаева, со своей стороны, отметим, что на деле же формальное следствие большей частью было бесплодным повторением предварительного⁷.

¹ Наказ министра юстиции, генерал-прокурора чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1896. – С. 67.

² Ст. 493 УУС // Судебные уставы 20 ноября. СПб., 1867. Ч. 2. Кн. 2. Разд. 2. – С. 185.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. – С. 621.

⁴ Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. – С. 134.

⁵ Гессен И.В. Судебная реформа. СПб., 1904. – С. 18-19.

⁶ Ст.ст. 315-356 УУС. // Судебная реформа 1864 года. Разд. 2. СПб., 1867. – С. 137-145.

⁷ Колдаев А.В. Следствие и полицейское дознание по Своду законов Российской империи 1857 года // Правоведение. 1988. № 1. – С. 96.

Однако следует иметь в виду, что суды того времени в основном ориентировались на формальное следствие. Если собранные на предварительном следствии доказательства противоречили доказательствам, добытым формальным следствием, то они судом во внимание не принимались, сколь бы убедительны ни были. Такое недоверие суда к предварительному следствию было вызвано действиями полицейских следователей, которые сплошь и рядом нарушали установленные законами требования либо вовсе их не соблюдали, что приводило к грубейшим нарушениям законоположений о следствии.

Как отмечает И.Я. Фойницкий, уже в 1909 г. для дел, производство предварительного следствия по которым не обязательно, министром юстиции был внесён в Государственную думу проект о допущении отдельных следственных действий, которые могут предприниматься или по непосредственному усмотрению судебного следователя, или по предложению прокурора или его товарища, или по предписанию суда.

Таковыми действиями могли быть те, которые затруднительно производить на суде (осмотры местности, освидетельствование трупов, допросы свидетелей, не могущих явиться в суд и другие). При производстве таких действий должны были соблюдаться правила, установленные для предварительных следствий⁸.

Следует отметить, что в стадии предварительного следствия розыскной процесс в большей своей части был сохранён. Здесь российское право пошло целиком по пути, избранному западноевропейским законодательством. Таким образом, «... и в нашем праве общий характер процесса представляется смешанным. Он является результатом частью опасных публично-правовых соображений, частью гуманных и либеральных идей, покоящихся на представлениях о свободе личности». Такова оценка названных преобразований, данная в уже упоминавшейся работе профессора Томского университета Н.Н. Розина⁹.

И ещё одна образная оценка произведённых преобразований: «...все эти институты – пересаженные деревья, но хорошо принявшиеся, пустившие глубокие корни вниз и украсившиеся сверху густой листвой»¹⁰.

После Февральской революции 1917 г. были образованы Уголовный кассационный департамент Сената, «первоприсутствующим» (председателем) которого был назначен А.Ф. Кони. При департаменте во главе с ним же была образована комиссия, основной задачей которой являлось «восстановление основных положений Судебных Уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве». Комиссии не удалось выполнить указанную задачу ввиду того, что после Октябрьской революции Декретом о суде № 1 от 22 ноября 1917 года были разрушены «доныне существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты суда присяжных и частной адвокатуры»¹¹.

Таковы основные аспекты взаимодействия прокуратуры и судебных следователей во второй половине XIX – начале XX в.в. вплоть до их упразднения.

Список литературы

1. Наказ министра юстиции, генерал-прокурора чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1896.
2. Ст. 493 УУС // Судебные уставы 20 ноября. СПб., 1867. Ч. 2. Кн. 2. Разд. 2.
3. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2.
4. Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб, 1841.
5. Гессен И.В. Судебная реформа. СПб., 1904.
6. Ст.ст. 315-356 УУС. // Судебная реформа 1864 года. Разд. 2. СПб., 1867.
7. Колдаев А.В. Следствие и полицейское дознание по Своду законов Российской империи 1857 года. // Правоведение. 1988. № 1.

⁸ Цит. по: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. С-Пб, 1910. Т. 2. – С. 389.

⁹ Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. Томск, 1913. – С. 58.

¹⁰ Слиозберг Г.Б., Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.1. // Журнал министерства юстиции. 1898. № 2. – С. 287.

¹¹ Скрипилев Е.А. «Кони А.Ф. – выдающийся русский правовед, государственный и общественный деятель (1844-1927)». К 150-летию со дня рождения. // Государство и право, 1994. № 2. – С. 132.

8. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. Томск, 1913.
9. Слиозберг Г.Б., Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.1. // Журнал министерства юстиции. 1898. № 2.
10. Скрипилев Е.А. «Кони А.Ф. – выдающийся русский правовед, государственный и общественный деятель (1844-1927)». К 150-летию со дня рождения. // Государство и право, 1994. № 2.

OFFICE OF PUBLIC PROSECUTOR AND INVESTIGATORS: SOME ASPECTS OF THEIR INTERACTION

U.S. GUSAKOVA

Belgorod State University

e-mail: Gusakova@bsu.edu.ru

The paper considers some problems of function of public prosecutor's office that it had according to the judicial. As a result, supervisory powers of the public prosecutor's office were shortened and transformed into prosecuting agencies. The investigation is made with the assistance of police. Preliminary investigation was made by one of the chamber members at the obligatory presence of public prosecutor or his comrade. So, in 1864 in Russia, public prosecutor's office was the only state institution that made inspection after the investigation.

Key words: public prosecutor's office, reform preliminary investigator, inquiry, supervision.

УДК 343.13

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОКУМЕНТООБОРОТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С НАРКОТИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ, ПСИХОТРОПНЫМИ ИЛИ СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИМИ ВЕЩЕСТВАМИ

Е.В. ИВАНОВА

*Московский
государственный
юбластной
социально-гуманитарный
институт*

e-mail: ivanova-elena-7@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы организации документооборота при расследовании преступлений, совершенных с наркотическими средствами, психотропными или сильнодействующими веществами. Показано, что организация документооборота некоторых органов дознания не является эффективной, а иногда и законной, в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Рассмотрены возможности использования электронных документов и электронного документооборота в уголовном процессе Российской Федерации.

Ключевые слова: расследование преступлений, документооборот, электронные документы.

Расследование преступлений, совершенных с наркотическими средствами, психотропными или сильнодействующими веществами в силу своей специфичности (многообразие преступной деятельности, многоэпизодности, организованности, международной направленности и т.д.) предполагает осуществление значительного по объему документооборота. При этом, как показывает практика, сложившаяся организация документооборота не является эффективной, а иногда и законной, в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Процесс расследования преступлений представляет собой урегулированную нормами уголовно-процессуального права сложную процедуру как по количеству задействованных в ней правоохранительных органов, так и по сути решаемых в ходе ее правовых вопросах. Он охватывает деятельность суда, органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры. Вовлеченными в процесс расследования преступлений, помимо этого могут оказаться многочисленные организации, в том числе правоохранительные органы зарубежных государств и международные органы, например, международная организация уголовной полиции – Интерпол. Участвующие в уголовном процессе правоохранительные и другие организации принадлежат к разным ведомствам и имеют разное местонахождение.

Взаимодействие и обмен информацией между всеми вовлеченными в уголовный процесс органами и организациями осуществляется с использованием или посредством документооборота. Документооборот представляет собой совокупность действий с документами: движение документов в организации с момента их создания или получения до завершения исполнения или отправления (ГОСТ Р 51141-98); комплекс работ с документами: прием, регистрацию, рассылку, контроль исполнения, формирование дел, хранение и повторное использование документации, справочную работу. Документы представляют собой основные информационные ресурсы любой организации, обеспечивая информационную поддержку принятия решений. Документирование осуществляется по установленным правилам. Обеспечивает документирование и организацию работы с официальными документами специальная отрасль деятельности - делопроизводство¹.

Анализ следственной, оперативно-розыскной и экспертной практики показывает, что документооборот, осуществляемый при расследовании уголовных дел включает:

– действия с уголовно-процессуальными документами, обеспечивающими процесс принятия процессуальных решений при расследовании уголовных дел;

¹ ГОСТ Р 51141-98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения», утв. постановлением Госстандарта РФ от 27 февраля 1998 г. № 28.

- действия с документами оперативно-служебного характера;
- действия с документами, обеспечивающими обмен информацией между правоохранительными органами, вовлеченными в уголовный процесс;
- действия с документами, обеспечивающими получение справочной информации, необходимой для всестороннего и полного расследования уголовного дела;
- действия с уголовно-процессуальными документами, регулирующими правоотношения между участниками уголовного процесса;
- действия с документами, обеспечивающими обмен информацией в связи с оказанием международной правовой помощи.

Документооборот при расследовании уголовных дел осуществляется как официально, то есть в нормативно установленном порядке, так и неофициально.

Нормативно-правовые основы, регламентирующие документооборот при расследовании преступлений, совершенных с наркотическими средствами, психотропными или сильнодействующими веществами, составляют:

- Приказ Генеральной прокуратуры РФ №39, МВД РФ № 1070, МЧС РФ №1021, МЮ РФ №253, ФСБ РФ № 780, Министерства экономического развития и торговли № 353, ФСКН РФ № 399 от 29 декабря 2005г. «О едином учете преступлений».
- Приказ МВД РФ № 368, ФСБ РФ № 185, ФСО РФ № 164, ФТС РФ № 481, Службы внешней разведки РФ № 32, ФСИН РФ № 184, ФСКН РФ №97, Минобороны РФ № 147 от 17 апреля 2007г. «Об утверждении инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд».
- Приказ МВД РФ от 2 октября 1997 г. № 640 «Об объявлении решения совместного заседания коллегий МВД Беларуси и МВД России от 30 сентября 1997 года N 6 км/6 км»
- Приказ МВД РФ, Минюста РФ, ФСБ РФ, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков и Федеральной таможенной службы от 6 октября 2006 г. № 786/310/470/454/333/971 «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола»
- Приказ Минэкономразвития РФ от 11 января 2001 г. N 7 «О выдаче копий лицензий на ввоз (вывоз) наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ»
- Соглашение между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством внутренних дел Итальянской Республики о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью и незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (Москва, 11 сентября 1993 г.).

Стандартная схема документооборота при расследовании преступлений, совершенных с наркотическими средствами, психотропными или сильнодействующими веществами, выглядит следующим образом:

Поводом к возбуждению уголовных дел о преступлениях, совершенных с наркотическими средствами, психотропными или сильнодействующими веществами, является, как правило, рапорт об обнаружении признаков преступления. Рапорт об обнаружении признаков преступления составляется должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, и регистрируется в порядке, установленном нормативными правовыми актами органов, осуществляющих ОРД. Заявления и письма граждан, явка с повинной, сообщения организаций в качестве поводов к возбуждению рассматриваемой категории уголовных дел встречаются реже. Документ в предусмотренной законом форме, являющийся поводом к возбуждению уголовного дела направляется в соответствующий орган, который осуществляет действия по проверке данного сообщения.

В ходе проверки орган, ее осуществляющий, вправе привлечь лицо, обладающее специальными знаниями, для чего вещества или предметы направляются на исследование поручением на производство исследования. Результаты исследования оформляются справкой. В форме постановления назначаются ревизии, по результатам которых оформляются акты. При осуществлении проверки могут быть проведены проверочные закупки, о чем выносится постановление. Постановление о проведении проверочной закупки утверждается начальником территориального органа дознания. Акты проверочной закупки и изъятия составляются правоохранительными органами в соответствии с законодательством об опера-

тивно-розыскной деятельности в присутствии понятых. При представлении дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд результатов ОРД, полученных при проведении проверочной закупки или контролируемой поставки веществ, свободная реализация которых запрещена, либо оборот которых ограничен, прилагается постановление о проведении данного ОРМ, утвержденное руководителем органа, осуществляющего ОРД (начальником или его заместителем). В случае представления дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд результатов ОРД, полученных при проведении ОРМ, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, к ним прилагаются копии судебных решений о проведении ОРМ.

По результатам проверки принимается одно из решений: выносится постановление о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, либо о передаче сообщения по подследственности. Постановление о возбуждении уголовного дела, вынесенное дознавателем подлежит согласованию с прокурором. Копия постановления руководителя следственного органа, следователя, дознавателя о возбуждении уголовного дела незамедлительно направляется прокурору.

После возбуждения уголовного дела следователь производит следственные действия, о чем выносит соответствующие решения в форме постановления. Для производства отдельных следственных действий, таких как осмотр жилища, обыск и выемка в жилище, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, контроль и запись переговоров предусмотрен особый порядок. Данные следственные действия проводятся по решению суда, которое принимается по результатам рассмотрения ходатайства следователя, согласованного с руководителем следственного органа или ходатайства дознавателя, согласованного с прокурором.

В соответствии с УПК РФ, для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, следователь выносит ходатайство, подлежащее согласованию с руководителем следственного органа, ходатайство дознавателя согласовывается с прокурором. Для обоснования необходимости избрания соответствующей меры пресечения следователь или дознаватель прилагают соответствующие документы. При расследовании преступлений, совершенных с наркотическими средствами, психотропными или сильнодействующими веществами, к ходатайству могут прилагаться справки об исследовании, справки о судимости и т.д.

При расследовании уголовных дел следователь, дознаватель дает поручения на проведение оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий органу дознания. Результаты оперативно-розыскной деятельности в соответствии с «Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд» указываются в «Сообщении о результатах ОРД». Представление результатов ОРД дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору, в суд для осуществления проверки и принятия процессуального решения в порядке статей 144 и 145 УПК РФ, а также для приобщения к уголовному делу осуществляется на основании постановления о представлении результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД (начальником или его заместителем). Указанное постановление составляется в двух экземплярах, первый из которых направляется дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд, второй - приобщается к материалам дела оперативного учета или, в случае его отсутствия, к материалам специального номенклатурного дела.

При необходимости рассекречивания сведений, содержащихся в материалах, отражающих результаты ОРД, руководителем органа, осуществляющего ОРД (начальником или его заместителем), выносится постановление о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей².

² Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 17 апреля 2007 г. № 368/185/164/481/32/184/97/147 г. Москва» Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд».

Процедура представления результатов ОРД в виде сообщения включает в себя:

1. Рассмотрение вопроса о необходимости рассекречивания сведений, составляющих государственную тайну, содержащихся в представляемых результатах ОРД, и их носителей;
2. Оформление необходимых документов и фактическую передачу результатов ОРД.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», при расследовании уголовных дел, совершенных с наркотическими средствами, психотропными или сильнодействующими веществами, во всяком случае назначается судебная экспертиза, о чем выносится соответствующее постановление. Эксперт при этом имеет право заявлять ходатайство о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов.

Документы, содержащие сведения об обстоятельствах расследуемого события, совершенного с наркотическими средствами, психотропными или сильнодействующими веществами, могут быть истребованы из организаций, либо представлены уполномоченными лицами.

При необходимости производства на территории иностранного государства процессуальных действий, суд, прокурор, следователь, дознаватель вносит запрос об их производстве компетентным органом или должностным лицом иностранного государства в соответствии с международным договором Российской Федерации, международным соглашением или на основе принципа взаимности.

Запрос о производстве процессуальных действий направляется через:

- Верховный Суд Российской Федерации;
- Министерство юстиции Российской Федерации;
- Министерство внутренних дел Российской Федерации, Федеральную службу безопасности Российской Федерации, Федеральную службу Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ;
- Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

По окончании расследования следователь составляет обвинительное заключение, согласовывает с руководителем следственного органа и направляет его прокурору.

Обвинительный акт, составленный дознавателем, утверждается начальником органа дознания. Материалы уголовного дела вместе с обвинительным актом направляются прокурору.

Тенденция значительного роста объемов информации, необходимой для принятия уголовно-процессуальных решений, приводит к тому, что приходится получать, обрабатывать и хранить документы в большем количестве, чем раньше. При этом традиционные методы работы с документами становятся малоэффективными. Правоохранительной системе необходимо обрабатывать и иметь мгновенный доступ к разнообразным массивам информации. Кроме того, информация, которая используется правоохранительными органами в расследовании преступлений, совершенных с наркотическими средствами, психотропными или сильнодействующими веществами, должна была быть структурирована с возможностью быстрого поиска и минимальных затрат времени на обработку запроса.

Более того, совместная деятельность различных правоохранительных структур по осуществлению уголовного процесса приводит к некоторым затруднениям и потере времени, что особенно важно при определении степени виновности или невиновности подозреваемых в уголовном преступлении. Порой эти потери времени могут привести к потере фактора внезапности оперативного расследования.

Например, порядок, установленный статьей 146 УПК РФ, при котором прокурор дает согласие на возбуждение уголовного дела дознавателю, создает серьезные препятствия к своевременному возбуждению уголовного дела, проведению неотложных следственных действий, в том числе с участием защитника, а также оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию преступления, задержанию подозреваемого, закреплению следов и сбору доказательств на первоначальном этапе расследования. Процедура возвращения дознавателя с места происшествия за получением согласия прокурора на возбуждение уголовного дела влечет за собой упущенное время и инициативу по сбору и закреплению доказательств. Наи-

более остро этот вопрос стоит в регионах, где органы дознания территориально удалены от мест дислокации органов прокуратуры, а также при выездах следственно-оперативных групп на места происшествий в нерабочее время, выходные и праздничные дни.

Еще больше вопросов вызывает проведение серии проверочных закупок при расследовании преступлений, совершенных с наркотическими средствами, психотропными или сильнодействующими веществами. Особенностью большинства рассматриваемых преступлений является многоступенчатость в процессе сбыта. По общему правилу преступные группы, совершающие преступления с наркотическими средствами, психотропными или сильнодействующими веществами имеют разветвленную сеть мелкооптовых сбытчиков. Поэтому эффективность деятельности органов дознания зависит от оперативности принятия решений и их реализации.

В практической деятельности правоохранительные органы при осуществлении серии оперативно-розыскных мероприятий сталкиваются с определенными трудностями, связанными с особенностями нормативно регламентированного документооборота и специфики организации структур, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Так, проведение проверочной закупки оперативными сотрудниками ФСКН РФ осуществляется на основании постановления о проведении проверочной закупки, которое утверждается руководителем органа. Последовательное проведение серии проверочных закупок с целью выявления участников преступной группы осуществляется при последовательном получении постановлений. При этом территориальная особенность структуры ФСКН РФ состоит в том, что удаленность руководителя органа дознания от некоторых подразделений составляет до нескольких сотен километров, что во многом затрудняет своевременное получение необходимых документов. В условиях недостатка времени документы о проведении ОРМ получают в факсимильном виде, а оригиналы приобщают к материалам оперативно-розыскного дела задним числом, что представляется недопустимым.

Факты нарушения закона не остаются незамеченными со стороны заинтересованных участников уголовного процесса. Например, при расследовании уголовного дела по факту сбыта наркотических средств в Московской области, оперативными сотрудниками одной из служб ФСКН РФ были проведены в короткий срок несколько проверочных закупок на основании постановлений о проведении проверочной закупки, полученных срочно и с нарушением порядка, установленного действующим законодательством. При судебном рассмотрении данного уголовного дела у адвокатов подсудимых возникли обоснованные вопросы о порядке получения решений о проведении проверочных закупок. В судебном заседании оперативные сотрудники заявили, что преодолели расстояние более 300 км от места проведения оперативно-розыскного мероприятия до начальника органа дознания, располагающегося в г. Москва менее чем за 1ч.30мин, что выглядело достаточно фантастично с учетом организации движения в столице России.

Необходимость экстренного получения некоторых документов в практике раскрытия преступлений, совершенных с наркотическими средствами, психотропными или сильнодействующими веществами, свидетельствует о целесообразности применительно к подобным ситуациям использовать возможности электронного документооборота. Такой подход позволит не только оперативно принимать решения об осуществлении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, требующих согласования с контролирующими органами, либо руководителями, но и своевременно вносить в них необходимые изменения и дополнения, что представляется невозможным при факсимильном обороте документов.

Согласно Федеральному закону от 20 февраля 1995 г. «Об информации, информатизации и защите информации», а также Федеральному закону от 4 июля 1996 г. «Об участии в международном информационном обмене» «документированная информация (документ) - зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать». Электронный документ, удовлетворяющий названным условиям, является «документом» в контекстах действующих нормативно-правовых актов, и на него распространяется весь комплекс гражданского, административного и уголовного законодательства, кроме прямо указанных случаев, если федеральными законами или иными нормативными правовыми актами не устанавливается или не

подразумевается требование о составлении такого документа на бумажном носителе (п. 3 ст. 11 ФЗ № 149-ФЗ).

В развитие электронного документооборота был принят Федеральный закон от 10 января 2002 г. «Об электронной цифровой подписи», который создает правовую основу для широкого использования электронной цифровой подписи в предпринимательской деятельности, для дальнейшего развития электронной коммерции в самом широком смысле этого слова. В соответствии с российским законодательством электронная цифровая подпись - реквизит электронного документа, предназначенный для защиты данного электронного документа от подделки, полученный в результате криптографического преобразования информации с использованием закрытого ключа электронной цифровой подписи и позволяющий идентифицировать владельца сертификата ключа подписи, а также установить отсутствие искажения информации в электронном документе³.

Системы электронного документооборота формируют новое поколение систем автоматизации. Основными объектами автоматизации в таких системах являются документы (в самом широком их понимании, от обычных бумажных до электронных любого формата и структуры) и процессы, представляющие собой как движение документов, так и их обработку. В качестве приложений автоматизации документооборота указываются:

- регистрация корреспонденции (входящие, исходящие);
- электронный архив документов;
- согласование и утверждение документов;
- контроль исполнения документов и поручений;
- оформление командировок;
- организация внутреннего информационного портала организации и ее подразделений;
- система контроля выполнения должностных инструкций.

Представляется, что электронный документооборот может быть использован при осуществлении информационного обмена между некоторыми участниками уголовного процесса, осуществляющими деятельность по расследованию уголовных дел, совершенных с наркотическими средствами, психотропными или сильнодействующими веществами. Например, заявление экспертом ходатайства о предоставлении дополнительных материалов, необходимых при производстве экспертизы, получение заключения специалиста, направление поручения на проведение следственных действий, информационный обмен с международными органами полиции, в том числе запросы о правовой помощи и некоторые другие документы вполне могут быть организованы посредством электронного документооборота. В таком же порядке электронного обмена уголовно-процессуальными документами, имеющими соответствующие реквизиты, могут быть приняты некоторые судебные решения, например, о производстве обыска, что позволит значительно сократить потери времени в расследовании преступления.

Широкие возможности имеются и в использовании автоматизации делопроизводства, регулирующего движение документов в уголовном процессе. Вопросы организации современного автоматизированного делопроизводства, требований к оформлению организационно-распорядительных документов, организации оперативного и архивного хранения документов довольно обстоятельно разработаны советским, а затем российским документоведением и архивоведением и используются в практике всех организаций, начиная от законодательных и правительственных органов и заканчивая коммерческими структурами и индивидуальными предпринимателями. Интересно, что во многих странах СНГ также продолжают использовать по традиции российские правила делопроизводства.

Следует отметить, что регламент процессуального документооборота, осуществляемый в ходе предварительного расследования, нередко вызывает вопросы при оценке судом допустимости доказательств. Например, при расследовании уголовного дела по факту сбыта наркотических средств в г. Воскресенск следователем были допущены нарушения, выразившиеся в подтасовке процессуальных сроков. Так, следователь составил про-

³ Серго А. Электронный документооборот // Российская юстиция. – 2003. – №5.

токол осмотра наркотических средств и приобщил их к материалам уголовного дела в период, когда данные объекты находились в экспертном учреждении. В судебном заседании после ознакомления с регистрационными актами, были выявлены данные нарушения, что привело к признанию недопустимыми некоторых доказательств. Следует заметить, что внедрение технологий электронного учета оборота уголовно-процессуальных документов позволило бы более эффективно организовать процесс регистрации и мониторинга деятельности подразделений правоохранительных органов, а также контроля за исполнением процессуальных сроков со стороны органов прокуратуры и суда.

Авторами отмечается, что развитие информационных технологий в сфере делопроизводства имеет и свои отрицательные стороны, такие как замена носителей, программ, способов доставки, что в определенной степени препятствует стабильности делопроизводственных процессов, усложняет задачи сохранности документов и использования имеющихся документальных массивов. Кроме того, в России пока не установлен порядок признания юридической силы электронных документов государственными органами и судами, который бы в полной мере соответствовал потребностям деловой деятельности и государственного управления, а также сложившейся практике применения электронных документов и информации. В связи с этим высказывается мнение о том, что идеальное делопроизводство должно базироваться на параллельном и одновременном функционировании электронных и бумажных документов, во многом содержащих идентичную информацию⁴.

Указывается также на наличие специальных проблем, связанных с созданием технологии автоматизированного хранения, разграничения допуска, защиты электронных документов. Так, разработчики ряда проектов рассматривают общий поток информации, не дифференцируя его по уровням, характеру, статусу. Между тем информация существенно различается по ряду параметров: а) степени конфиденциальности (открытая, конфиденциальная, гостайна); б) области применения (процессуальная, управленческая, нормативно-техническая, правовая, финансово-экономическая); в) правовому статусу (имеющая юридическое толкование, нормативно-справочная и др.). В связи с этим к указанным информационным массивам должны быть применены различные инструменты защиты, разграничения доступа, организации оценки, хранения, использования, и потому нельзя говорить о единых правилах ведения делопроизводства⁵.

Несмотря на отсутствие нормативной регламентации, возможностями электронного документооборота все же используются в правоохранительной сфере. Так, по данным опроса сотрудников правоохранительных органов нескольких регионов Российской Федерации, 62% респондентов пользуются в настоящее время электронными базами данных. К идее легализации электронного документооборота в уголовном судопроизводстве России положительно отнеслись 68% сотрудников. При этом 12% опрошенных высказались за полный переход на безбумажные уголовные дела, а 56% - за частичное использование электронных документов наряду с бумажными. Почти треть респондентов (32%) являются противниками электронного документооборота⁶.

Использование электронного документооборота неопределимо при обмене информацией в международном правовом поле расследования преступлений. Учитывая транснациональный характер преступности, совершаемой с использованием веществ, опасных для здоровья, следует отметить, что привлечение в уголовный процесс возможностей электронного документооборота позволит значительно сократить сроки исполнения поручений и международных запросов.

Следует отметить, что УПК РФ не регламентирует способ исполнения документов и подписи на них, в связи с этим, как представляется, отсутствуют процессуальные условия, которые препятствовали бы осуществлению электронного документооборота.

⁴ Сокова А.Н. Идеальное делопроизводство // Секретарь-референт. – 2004. – №11.

⁵ Гусев А., Колдин В., Актуальные проблемы информатизации судов // Российская юстиция. – 2002. – №3.

⁶ Клементьев А.С. Опыт создания интегрированных информационных систем органов уголовной юстиции зарубежных стран // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2008. – №1.

В последнее время уже появились предпосылки использования в качестве доказательств электронных документов, заверенных электронной цифровой подписью, в судопроизводстве. Например, в письме Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 апреля 1992 г. №К-3/96. в соответствии с Инструктивными указаниями «считается возможным принимать в качестве доказательств по рассматриваемым им делам документы, заверенные ... электронной подписью». Более того, принятие новой целевой программы «Развитие судебной системы на 2007-2011 годы и внедрение проекта «Электронное правосудие», представляющего собой безбумажную технологию ведения судебных дел, свидетельствует об избрании курса перевода Российского правосудия в форму электронного документооборота.

Таким образом, использование электронных документов и электронного документооборота в уголовном процессе Российской Федерации, нормативное регламентирование порядка автоматизированного делопроизводства и установление юридической силы документов, исполненных с использованием цифровой подписи, позволило бы решить целый ряд вопросов по организации процесса расследования преступлений, таких как:

- сокращение до минимума процесса принятия оперативных решений, связанных с визированием документов;

- повышение эффективности внутренней организации расследования преступлений, посредством уменьшения сроков, установленных законом, в частности:

а) получение в короткие сроки доказательственной информации, основанной на консультационной и справочной деятельности участников уголовного процесса, а также учреждений и органов, вовлеченных в процесс расследования;

б) повышение эффективности взаимодействия следователя и иных участников уголовного процесса, посредством предусмотренного УПК документооборота с применением электронных технологий.

Список литературы

1. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской от 17 апреля 2007 г. № 368/185/164/481/32/184/97/147 г. Москва» Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд»

2. Гусев А., Колдин В., Актуальные проблемы информатизации судов // Российская юстиция. – 2002. – №3.

3. Клементьев А.С. Опыт создания интегрированных информационных систем органов уголовной юстиции зарубежных стран // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2008. – №1.

4. Серго А. Электронный документооборот // Российская юстиция. – 2003. – №5.

5. Сокова А.Н. Идеальное делопроизводство / Секретарь-референт. – 2004. – №11.

ORGANIZATION OF DOCUMENT FLOW AT INVESTIGATION OF THE CRIMES COMMITTED WITH NARCOTICS, PSYCHOTROPIC AND DANGEROUS DRUGS

E. V. IVANOVA

*Moscow state regional
socio-humanitarian institute*

*e-mail:
ivanova-elena-7@yandex.ru*

The article considers the organization of document flow at investigation of the crimes committed with narcotics, psychotropic and dangerous drugs. It shows that the organization of document flow of some agencies of inquiry is not so effective and sometimes it is not legal at detection and investigation of crimes. The article studies possibilities to use electronic versions of documents and electronic document flow in the criminal trial of the Russian Federation.

Key words: investigation of crimes, document flow, electronic documents.

УДК 343.13

СИСТЕМА И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И КРОВНОЙ МЕСТИ

Н.В. КУЗЬМИНА*Костромской
государственный
технологический
университет***e-mail:**
Kuzmina.nat@yandex.ru

В настоящей работе автор настаивает на необходимости формирования системы противодействия организованной этнической преступности и кровной мести на прочной научной основе. Выявлены трудности процессуального, организационно-правового, статистического и общесоциального характера, препятствующие эффективному функционированию имеющихся методов борьбы с данными формами этнодевиантного поведения. Предлагается применение комплексного системного подхода в противодействии опасными проявлениям этнической преступности.

Ключевые слова: организованная этническая преступность, кровная месть, мотив национальной и религиозной ненависти и вражды, система противодействия, организационно-правовые и общесоциальные меры профилактики.

В России высокими темпами растет активность преступных организаций, в основе создания и функционирования которых лежит национально-этнический признак. Вместе с тем, формирование системы противодействия организованной этнической преступности и кровной мести, как наиболее опасных проявлений этнического делинквентного поведения, не имеет серьезного научного обоснования.

Это связано в первую очередь с трудностями изучения данных негативных явлений. Приходится констатировать, что в настоящее время в уголовной статистике не выделяются разделы по этнической преступности и ее отдельных видов, мотив национальной и религиозной ненависти и вражды пока не является тем признаком, по которому можно было бы выделять этническую преступность в отдельный раздел; соответственно не просчитываются ее уровень, структура и динамика.

Программирование и планирование деятельности правоохранительных органов, общества по борьбе с любым видом преступности должны строиться на основе анализа государственной и ведомственной статистической отчетности, результатов криминологических исследований, экспертиз и мониторинга, опросов общественного мнения населения, материалов деятельности правоохранительных органов. Что касается противодействия организованной этнической преступности, его программирования и планирования, то соответствующие правоохранительные органы проводят необходимые исследования в основном на ведомственном уровне, зачастую в тех учреждениях, на которые возложены иные экспертные задачи.

Преступную деятельность этнических групп и иностранных граждан по степени организованности можно условно подразделить на два блока: общеуголовная и организованная. *Общеуголовная* этническая преступность представляет собой противоправную деятельность представителей различных этносов, проживающих в нашей стране, которая носит неорганизованный характер. Для лиц неславянской национальности, не объединенных в составе этнических преступных формирований, характерно в основном совершение корыстно-насильственных и насильственных преступлений, не нуждающихся в профессионализме исполнителей. По криминальной активности в указанной сфере этнической преступности лидирующее положение занимают мигранты из Украины, Белоруссии и Молдовы. *Организованная* этническая преступность – это система организованных по этническому признаку преступных формирований, занимающихся преступной деятельностью как промыслом.

Жизнестойкость и потенциал преступных группировок, сформированных по этническому принципу, значительно выше, чем у преступных объединений с разнородным этническим составом. Группировки, создаваемые в рамках этнических сооб-

ществ, отличаются большой мобильностью и наличием «территории для отхода», где деятельность правоохранительных органов затруднена, а порой и невозможна. Такие преступные группы формируются в основном в тех регионах, где имеются разветвленная коммерческая инфраструктура, приносящая высокие прибыли, а также коррумпированные связи в среде органов государственной власти и управления из числа земляков и лиц сходной национальности.

Криминологи указывают на устойчивую деятельность в современной России азербайджанских, чеченских, грузинских, таджикских, китайских группировок.

Всего в настоящее время на территории России действуют более 43 тысяч преступных формирований различной степени организованности и масштаба деятельности, из них: 160 крупных организованных преступных сообществ и около 35000 небольших (до 20 человек) групп. Около 600 группировок созданы по национальному «неславянскому» признаку, т.е. в их составе до 95% лица только одной национальности (неславянской).

Эти группировки, как правило, стремятся к «специализации» своей криминальной деятельностью. Так, например, «азербайджанские» группировки стремятся расширить свой контроль над наркобизнесом, азартными играми и торговлей на рынках; «армянские» – над торговлей краденными автомобилями, группами мошенников разного рода; «грузинские» и некоторые северокавказские группировки специализируются на квартирных кражах, захвате заложников и разбоях, контрабанде наркотиков; «чеченские» – стремятся контролировать топливно-энергетический и автомобильный бизнес, финансово-кредитные учреждения и предприятия, добывающие и торгующие редкоземельными металлами.

Представления о том, что контрабанда наркотиков осуществляется, прежде всего, этническими меньшинствами и иностранцами, весьма распространены среди специалистов, изучающих организацию контрабанды и национальные рынки наркотиков в Центральной Азии и в России. Между тем возникают сомнения в достоверности подобной позиции в связи с тем, что она не опирается ни на анализ судебной практики, ни на статистику правонарушений или на иные, статистически подтверждаемые и убедительные доказательства.

При сопоставлении утверждений разных авторов заметны значительные различия в их позициях о роли, той или иной этнической группы на нелегальном рынке наркотиков. Например, в числе лидеров наркобизнеса в России одни называют таджиков другие азербайджанцев, третьи цыган и чеченцев.

Речь идет не только о публикациях журналистов, подобные же расхождения заметны при сравнении докладов известных экспертов и официальных лиц. Так, в широко цитируемом докладе Совета по внешней и оборонной Политике (СВОП) утверждается, что «Азербайджанцы – главная сила на рынке наркотических веществ во многих областях. В Москве и Подмосковье они контролируют 100 процентов торговли героином и метадонном, а также значительную часть рынка марихуаны».

А вот по мнению начальника Управления по борьбе с незаконным оборотом наркотиков ГУВД столицы полковника милиции Василия Сорокина «90% всего героина в Москву доставляется и реализуется таджикско-афганскими преступными группировками». Этот вывод, прямо противоположный сделанному СВОП, также широко цитировался в российской и зарубежной прессе.

Преступления, совершаемые этническими организованными преступными группами, в большинстве своем имеют мотивацию, связанную с национальной или религиозной ненавистью или враждой, а также в ряде случаев – мотив кровной мести.

Совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы является обстоятельством, отягчающим наказание. Кроме того, в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в ряде составов преступлений данный мотив выступает в качестве квалифицирующего признака (например, п. «л» ч.2 ст. 105 УК РФ, п. «е» ч.2 ст. 111 УК РФ, п. «е» ч.2 ст. 112 УК РФ, п. «б» ч.2 ст. 115 УК РФ, п. «б» ч.2 ст. 116 УК РФ, п. «з» ч.2 ст. 117 УК РФ, ч.2 ст. 119 УК РФ, п. «б» ч.2 ст. 244 УК РФ).

Также указанные мотивы законодателем могут выделяться в основном составе преступления (п. «б» ч.1 ст. 213 УК РФ) или в особо квалифицированном (ч. 4 ст. 150 УК РФ).

В действующем законодательстве не указано, что следует понимать под политической, идеологической, расовой, религиозной ненавистью или враждой в отношении какой-либо социальной группы как мотива совершения преступления, в том числе экстремистской направленности. Не выработано это определение и правоприменительной практикой, что затрудняет процесс квалификации рассматриваемых преступлений. В результате по ряду материалов уголовные дела не возбуждаются или возбуждаются с указанием на совершенно иные мотивы (например, хулиганские, либо мотивы, не связанные с национальной или религиозной ненавистью), а в случае возбуждения не всегда доходят до суда.

В силу указанных трудностей при квалификации преступлений, совершенных организованными группами или преступными сообществами, сформированными по этническому признаку, и соответственно, в силу трудностей при вынесении справедливых приговоров по указанным делам, возникают проблемы и при криминологическом изучении рассматриваемых преступлений.

Отдельно сегодня российский законодатель выделяет **мотив кровной мести** как квалифицирующий признак убийства, подчеркивая особую общественную опасность данного внеправового обычая. В современной России и других странах постсоветского пространства в силу ряда факторов (криминальная политика в области этнонациональных отношений, процессы межэтнической криминальной интеграции, низкий уровень и деформация правосознания, неприятие правовых норм государствообразующего этноса, отсутствие сильной власти и др.) такие институты, как «кровная месть» и «абречество», ранее цементирующие жизненный уклад этносов, превратились в противоправные.

Кровная месть – обычай, сложившийся при родовом строе как универсальное средство защиты рода. В отдельных современных энциклопедических словарях отмечается, что кровная месть состоит в *обязанности* родственников убитого отомстить убийце или его родным.

Кровная месть возникла как явления межсоциорное. Кровная месть и вообще нанесение ответного ущерба на ранней стадии исторического развития общества было суровой необходимостью. Ведь когда община теряла человека, то изменялось соотношение сил в пользу той, члены которой совершили убийство. Если оставить убийство безнаказанным, то это откроет дорогу для новых такого же рода действий, что в конце концов может привести к гибели общины, не нашедшей силы для ответного удара. Уничтожение члена общины-обидчика, во-первых, восстанавливало баланс сил, во-вторых, было предупреждением всем соседям, что ни одна смерть члена данной общины не останется безнаказанной. В противном случае, община неотвратимо понесет потери. Необходимо отметить, что убийство члена рода обидчика могло быть воздаянием не только за убийство, но и воздаянием за другие тяжкие виды ущерба (тяжкие телесные повреждения, имущественный ущерб, обида женщины).

Хотя кровная месть имеет древние истоки, этот обычай сохранился до наших дней. До сих пор убийства, совершаемые по мотиву кровной мести, встречаются во многих странах, например, в Греции, Албании, Сербии, Италии, на Корсике, Японии, Йемене. Этот древний обычай общинно-родового строя бытует на территории Туркмении, Таджикистана, Киргизии, Казахстана, Грузии, Абхазии, Азербайджана. Как показало изучение судебно-следственной практики, случаи убийств по мотиву кровной мести сохранились и на территории России, преимущественно среди народов Северного Кавказа: Адыгеи, Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Чечни.

В качестве яркого примера можно привести Дагестан. По данным МВД Республики Дагестан в современный период количество убийств и ранений в Дагестане, совершенных на почве кровной мести, превысило дореволюционный период и составило 10-15 процентов от общего числа зарегистрированных в Республике Дагестан преступлений.

На древний обычай кровомщения (например, туркменский, дагестанский, чеченский, ингушский) оказал большое влияние шариат.

Считается, что по шариату *право* на кровомщение дается ближайшим наследникам, как умышленно убитого человека, так и такого, смерть которого последовала от умышленно нанесенных ран. Однако, исследователи шариата, опираясь на Коран, считают, что Священное писание не поощряет кровную месть.

Объектом кровомщения по шариату может быть только настоящий убийца, а потому, если убийство совершено по подкупу, отвечает не подкупивший, а учинивший убийство. Считалось, что кровомщение по шариату может иметь место, если убийца: а) совершеннолетний, б) в полном присутствии разума и в) умышленно совершил убийство или поранение. За увечье частей тела имеющему право на кровомщение шариатом разрешается произвести увечье в равной степени по длине, ширине и глубине причиненного увечья, но не более.

По шариату кровомщение не может быть совершено имеющим на то право самовольно; для этого требуется разрешение муфтия – высшего духовного лица, начальника казиев.

Шариатом установлено вознаграждение на тот предмет, если бы имеющий право за убийство или членовредительство на кровомщение взамен этого захотел получить вознаграждение.

Сегодня наблюдается *трансформация обычая «кровной мести»*. Как уже подчёркивалось, в Дагестане, Северной Осетии, Чеченской Республике отдельные этнические традиции не просто получают криминальное применение, но и превращаются в криминальные традиции.

Так, если первоначально объектом кровной мести на Кавказе являлись те лица, на ком «лежит кровь рода», то позднее кровомщение стало ответной мерой на оскорбление женщины, захват земли, тяжкое оскорбление словом или действием. Теперь кровомщение распространяется и на лиц, свидетельствующих против преступников, в частности, на участников организованных преступных групп, сотрудничающих с правоохранительными органами или отказавших в предоставлении помощи преступной группировке, выплате «дани» и т.п.

Х.М. Мусаева, в своем исследовании отмечает совершение насильственных действий, носящих характер мести, в отношении конкретных государственных и общественных деятелей. В частности, 27 августа 2003 г. в результате взрыва в автомобиле был убит министр по национальной политике, информации и внешним связям Республики Дагестан Магомед-Салих Гусаев. Основным мотивом убийства считается месть ваххабитов, поскольку погибший был одним из идеологов борьбы с ваххабизмом и постоянно заявлял о необходимости искоренения этой разновидности террористов. Еще одним примером является убийство в начале сентября 2002 г. начальника 6-го управления по борьбе с экстремизмом и уголовным терроризмом МВД Дагестана Ахбердилава Акилова. Основной версией убийства является кровная месть ваххабитов.

Т.Б. Рамазанов отмечает широкое распространение в Северокавказском регионе случаев учинения самосуда над преступниками потерпевшей стороной, а также кровной мести и т.п. Так, в правоохранительной практике довольно часто имеют место факты, когда отдельные представители дагестанского этноса, осужденные за преступления против личности, освободившись после 15–20, а то и более лет лишения свободы, оказывались убитыми своими кровниками. Нередко месть кровников проникает и сквозь затворы уголовно-исполнительной системы.

В.П. Кравченко, исследуя криминологические проблемы преступности в Республике Ичкерия, приходит к подобным выводам. Им отмечается, что наряду с военнослужащими, главами районных администраций, чиновниками, жертвами криминального насилия становятся и иные граждане республики, когда мотивом содеянного является не только возмездие за сотрудничество с федеральной властью, участие в процессах стабилизации обстановки в регионе, но и месть потерпевшим вследствие иных причин. Это могут быть обстоятельства, характерные только для этого региона («кровная месть»). Наряду с этим действует и типичная мотивация насильственной преступности.

Следует особо подчеркнуть, что в настоящее время в районах распространения ислама в Российской Федерации сохраняется ряд норм адатов (адат – обычное право у мусульман в противоположность религиозному праву – шариату), выступающих формой взаимодействия местных обычаев с предписаниями шариата. Некоторые такие нормы (например, предусматривающие кровную месть, захват имущества в обеспечение долга или допускающие полигамию) противоречат действующему законодательству РФ. В отдельных районах Северного Кавказа (например, в Ингушетии и Чечне) обсуждается возможность законодательного закрепления отдельных положений адатов.

Активизацию обычая кровной мести ряд авторов называют причиной возможных будущих конфликтов в чеченском обществе в начале XXI вв. По мнению М.М Сайдулаева, внутренний вооруженный конфликт в Чечне с 1994 по 2003 гг. привел к таким жертвам и к таким человеческим трагедиям, несправедливостям, которые стихийно привели к возрождению института «кровной мести».

Рассматриваемые криминальные явления – организованная этническая преступность, кровная месть, а также тесно связанные с ними криминальная миграция различных этногрупп и этносов, этнические конфликты, – эти и другие явления современных этнических процессов находятся в общей системе детерминационных связей, способных порождать такие крайние преступные проявления этнической антикультуры, как этнический экстремизм, этнополитический терроризм, крайний национализм, националсепаратизм.

Противодействие данным негативным явлениям должно носить системный характер и проводиться на трех основных уровнях: общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном. *Общесоциальная* профилактика предполагает меры по экономической, социальной, политической и духовной сфер жизни общества (в том числе в национальных республиках в составе РФ) посредством принятия и реализации государственных планов экономического и социального развития.

Специально-криминологическая профилактика строится на основе выделения повышенно-криминогенных и повышенно-виктимных социальных групп, сферы деятельности и объекты. В контексте изучаемой проблемы к повышенно криминогенным группам могут быть отнесены отдельные национально-этнические группы, занимающиеся нелегальной деятельностью (контрабанда наркотиков, оружия, угон автомашин и др.). К повышенно-виктимным регионам следует отнести, прежде всего, Северокавказский регион, регионы с интенсивными миграционными потоками, а также города-мегаполисы.

Индивидуальное предупреждение преступлений, в том числе экстремистской и террористической направленности – это воздействие на тех лиц, от которых можно ожидать совершение подобных преступлений, а также на ту среду, которая создает условия совершения преступления (лица, занимающиеся изданием и распространением экстремистских материалов, признанных таковыми по решению суда; рецидивисты; лица без определенного места жительства и постоянной (временной) регистрации; молодежные неформальные объединения).

К непосредственным мерам правового и организационного воздействия на **организованную этническую преступность** целесообразно отнести следующие:

1. Усиление различных видов контроля за социально-экономическими и политическими процессами, за финансовыми и товарными потоками (бюджетного, банковского, валютного, таможенного и других). Причем в среднесрочной перспективе это направление может дать большие результаты, чем контроль за отдельными лицами.

2. Последовательно вводить ограничения на совмещение должностей в системе государственной службы и в акционерных обществах с долей государственного участия. В настоящее время такое совмещение вполне законно. Так, Указом Президента РФ «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий», утвержден список важнейших отраслей промышленности, где разрешается поручать на контрактной основе представлять интересы государства в советах директоров должностным лицам органов государственного управления за соответствующее вознаграждение. Пользуясь этим, многие высокопоставленные чиновники министерств и ведомств входят в советы директоров различных акционерных обществ. Этот феномен представляет собой не что иное, как узаконенную коррупцию.

3. Нуждается в правовой регламентации процесс перехода государственных служащих на должности руководителей коммерческих предприятий. Целесообразно в этом отношении учесть зарубежный опыт урегулирования подобных вопросов.

4. Важной антикриминогенной мерой является процесс скорейшей реализации законодательного решения о предоставлении государственными должностными лицами сведений об имущественном положении членов семей. Финансовый контроль за доходами и имуществом должностных лиц и их семей существует во всех цивилизованных странах.

5. Повышение эффективности борьбы с коррупцией. В конце 2008 г. был принят федеральный закон «О противодействии коррупции». Под понятием «коррупция» в документе

понимается злоупотребление служебным положением, дача (получение) взятки в целях получения выгоды. Данный закон не является полностью доработанным, т.к. меры профилактики и борьбы с коррупцией имеют размытые формулировки. В связи с этим в правоприменительной практике возникают проблемы формирования механизмов практической реализации данного закона и других взаимосвязанных с ним нормативных актов.

Необходимо заметить, что положительным моментом в данной ситуации явилось принятие постановлений Правительства РФ от 05.03.2009 г. № 195 «Об утверждении Правил проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции» и от 05.03.2009 г. № 196 «Об утверждении Методики проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции».

Однако вводя институт антикоррупционной экспертизы проектов законов, законодатель до сих пор не закрепляет в нормах права понятие, правила проведения криминологической экспертизы проектов криминологически значимых законодательных и иных правовых актов в целях недопущения в них положений (пробелов, исключений и иных недостатков), прямо или косвенно способствующих совершению преступлений, в том числе в сфере экономики. Криминологическая экспертиза являющейся основополагающей для проведения других видов экспертиз как проектов законов, так и самих законов. Проект положения о криминологической экспертизе был разработан по распоряжению Совета безопасности РФ несколько лет тому назад, но так и не был принят.

К другим проблемам, затрудняющим борьбу с коррупцией, следует отнести отсутствие реальных проверок достоверности поданных чиновниками деклараций, непрописанность ответственности организаторов фирм-однодневок.

Сегодня Совет по противодействию коррупции рассмотрел идею введения кратных штрафов за коррупцию вместо уголовного преследования, которое уже не впечатляет коррупционеров. Все взятки делятся на два вида: простые (размером до 150 тыс. руб.) и крупные (свыше 150 тыс.). Скоро эта шкала может усложниться. Предлагается, что размер простой взятки снизится до 25 тыс. руб., следующий уровень – значительный – составит 25-150 тыс., затем идет крупный размер, где взятка будет колебаться от 150 тыс. до 1 млн. руб. Самым высоким уровнем станет размер взятки свыше 1 млн, пишет «Российская газета».

В соответствии с этой шкалой предлагаются и меры уголовного преследования к коррупционерам. Суд сможет выбирать между тем, какой вид наказания применить к обвиняемому: посадить, оштрафовать или использовать обе меры воздействия. Для этого к новой шкале взяток предлагаются и соответствующие наказания. Так, простая взятка (до 25 тыс. руб.) может караться штрафом в 25-50-кратном размере суммы взятки либо лишением свободы до трех лет с 20-кратным штрафом. Для значительной взятки (25-150 тыс. руб.) предлагается 30-60-кратный штраф или лишение свободы от 3 до 7 лет с 30-кратным штрафом. Крупная взятка (150 тыс. – 1 млн. руб.) оценена в штраф размером, 40-70-кратным сумме взятки, либо арестом на срок от 3 до 7 лет с 40-кратным штрафом. Самый высокий уровень коррупции оценен соответствующе. Это 80-100-кратный штраф либо лишение свободы на срок от 8 до 15 лет с 70-кратным штрафом.

Планируется также введение еще одной поправки к УК РФ: вынести в качестве отдельного состава преступления пособничества во взяточничестве.

Здесь считаем необходимым заметить, что следует отразить реально действующие формы коррупции в уголовном законодательстве. К ним, в частности, относятся: коррупционный лоббизм, фаворитизм, протекционизм, взносы на политические цели, взносы на проведение выборов, предоставление конфиденциальной информации, традиции перехода государственных чиновников на должности почетных президентов корпораций и частных фирм, инвестирование коммерческих структур за счет бюджета, перевод государственного имущества в акционерные общества, обучение детей за рубежом за счет спонсоров и многие другие опасные завуалированные формы коррупции.

Кроме этого, целесообразно вернуть конфискацию имущества как вид уголовного наказания в ст. 44 УК РФ. В настоящее время конфискация имущества признается мерой уголовно-правового характера, основание применения которой зафиксированы в ст. 104.1 УК РФ.

6. Необходима практическая реализация конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (п. 1 ст. 19 Конституции РФ). Это предполагает принятие законов об уточнении депутатского иммунитета, об ответственности должностных лиц категории «А» (в том числе и руководителей субъектов Федерации) за нарушения законов и о ликвидации необоснованных привилегий.

7. Создание механизма парламентского контроля над уголовной политикой в сфере борьбы с организованной экономической преступностью, в том числе с организованными группами, сформированными по национально-этническому признаку.

8. Скорейшее принятие комплексного федерального закона по борьбе с организованной преступностью, который бы включал в себя меры и по противодействию деятельности организованных этнических преступных групп.

9. Выработка на законодательном уровне определения политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы как мотива ряда преступлений, в том числе экстремистской направленности.

Меры предупреждения совершения **преступлений по мотиву «кровной мести»** исходя из анализа причин, сущности и особенностей проявления данного криминального явления, должны включать не только механизм императивного регулирования, но диспозитивного и поощрительного регулирования. Особая конструктивная роль в предупреждении преступлений по мотиву «кровной мести» должна, безусловно, принадлежать оптимальной государственно-правовой политике и согласительным процедурам.

Целесообразно согласиться с А.М. Зюковым в том вопросе, что необходимо законодательно закрепить определение кровной мести, под которой, по его мнению, следует понимать «...противоправный, антиобщественный обычай, воспринимаемый в обществе как обязанность родственников погибшего отомстить и заключающийся в умышленном противоправном лишении жизни лица за причиненную виновному или его родственникам тяжкую кровную обиду, совершаемый во исполнение долга, по обычаям родового быта, с целью отмщения этому лицу или его родственникам».

А.М. Зюков считает, что механизмами примирения кровников могут быть: просьба о прощении лица (либо его родственников), по вине которого наступили обстоятельства объявления кровной мести к родственникам погибшего лица; привлечение к процедуре примирения членов примирительных комиссий, образованных при органе местного самоуправления; денежная компенсация родственникам погибшего лица со стороны виновного лица и другие меры.

Безусловно, неотъемлемой частью комплексной технологии противодействия криминогенным тенденциям на Северном Кавказе и в других регионах РФ должно стать формирование высокого образовательного уровня и правового сознания населения, развитие не только национальной культуры и национально-культурных автономий, но и привитие знания о мировых общечеловеческих ценностях, высшей из которых является человеческая жизнь.

Полагаем, что рассмотренные здесь механизмы противодействия девиантному и делинквентному поведению этнических групп могут эффективно работать только при функционировании на территории Российской Федерации сильной государственной власти, в том числе в национальных Республиках страны.

Список литературы

1. Ткач Е.В. Нелегальная миграция и этническая преступность //Труды академии управления МВД России. – 2008. – № 8.
2. См.: <http://www.crime.ru/Main/FMAIN.htm> Дежурная часть.
3. Более подробно см.: Кузьмина Н.В. Анализ деятельности организованных преступных этнических групп в контексте противоправного поведения // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право. – 2010. – № 20 (91). Выпуск 14. – С.129-139.
4. Независимая газета. – 2001 г. – 28 августа.
5. М. Севастьянов, Д. Черненко. Героин нашего времени. //Тверская 13 (Москва). – 2002 г. – 24 января.

6. Большой энциклопедический словарь (сост. Е.Ю. Сверчков), 2003 // <http://bbs.ogo.ru/book/BESLOV01.HA>; <http://bbs.ogo.ru/book/BESLOV02.HA>
7. Годовой отчет МВД Республики Дагестан на 1 января 2001 г. // Текущий архив МВД РД. – Махачкала, 2000).
8. См.: Сюкияйнен Л.Р. Шариат, обычай, закон: координаты правового бытия российского мусульманина // Человек и право: Книга о Летней школе по юридической антропологии (Звенигород, 22 – 29 мая 1999 г.) / Отв. ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. – С. 82–92; Сюкияйнен, Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. – М., 1986.
9. Туркменский обычай в этом случае отступает от шариата: у туркмен убивали родственников убийцы и даже одноплеменников.
10. Зюков А.М. Кровная месть: внеправовой обычай и государственно-правовая политика. – Владимир, 2009. – С.34.
11. Сайгитов У.Т. Влияние традиций и обычаев на преступность в Республике Дагестан // Журнал российского права. – 2004. – № 3.
12. Цит. по: Мусаева Х.М. Проблемы борьбы с преступностью на Северном Кавказе: региональный аспект: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М.: РГБ, 2005. – С. 61–62.
13. Рамазанов Т.Б. Проблемы преступности в Республике Дагестан: теория и практика: дис... д-ра юрид. наук: 12.00.08. – М.: РГБ, 2003. – С. 57.
14. Кравченко В.П. Криминологические проблемы преступности в кризисном регионе с экстремальными условиями: по материалам Чеченской Республики: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М.: РГБ, 2005. – С. 57.
15. Сайдулаев М.М. Чеченский конфликт: истоки, движущие силы, пути урегулирования (этнополитический аспект): монография. – М., 2003. – С. 31, 176.
16. «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий»: Указ Президента РФ от 16 ноября 1992 г. N 1392 (в ред. Указа Президента РФ от 15.09.2008 N 1359) // Справочная правовая система КонсультантПлюс.
17. «О противодействии коррупции»: Закон РФ от 25.12.08 г. // Российская газета. – 2008 г. – 30 декабря.
18. Постановление Правительства РФ от 05.03.2009 г. № 195 «Об утверждении Правил проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 10. – Ст. 1240.
19. Постановление Правительства от 05.03.2009 г. № 196 «Об утверждении Методики проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 10. – Ст. 1241.
20. Дмитрий Медведев признал новые провалы в борьбе с коррупцией // http://www.gazeta.ru/politics/2011/01/12_a_3489246.shtml
21. Зюков А.М. Кровная месть: внеправовой обычай и государственно-правовая политика. – Владимир, 2009. – С.101.

THE SYSTEM AND ORGANIZED JURIDICAL MECHANISMS OF ETHNIC CRIMES AND MORTAL REVENGE PREVENTION

N.V. KUZMINA

**Kostroma State
Technological University**

**e-mail:
Kuzmina.nat@yandex.ru**

In this work the author claims the necessity to form the system of ethnic criminality and mortal revenge prevention which must build on scientific basic. Trial, organized juridical, statistical and social difficulties in the process of ethnic deviations struggle are revealed. It is offered to use the complex and system method for ethnic criminality and mortal revenge prevention.

Key words: organized ethnic criminality, mortal revenge, motive of national and religion hatred and enmity, the system of prevention, organized juridical and social mechanisms of prevention.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 346.14

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ПРОЦЕССУАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Г. А. БОРИСОВ
В. В. КУТЬКО
С. В. ШЕРСТОБИТОВА

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: Borisov@bsu.edu.ru

В статье процессуализация законодательства России рассматривается как господствующая тенденция его развития и функционирования. Предпринятый анализ создаст условия для институционализации соответствующей государственно-правовой закономерности, поиска путей научного ее освоения и сознательного использования. Ставится в этом контексте вопрос о модернизации общетеоретической подготовки специалистов направления «Юриспруденция», выдвигаются предложения по оптимизации всех уровней профессиональной подготовки.

Ключевые слова: теория государства и права, материальное право, процессуальное право, юридический процесс, государственно-правовая закономерность, властные полномочия, юридические ограничения, учебные программы.

I

На преобразования, происходящие в современном российском обществе и государстве, накладывают отпечаток обособление групп интересов и соответствующих им видов деятельности носителей публичной власти. С неизбежностью они нуждаются в адекватном юридическом оформлении и сопровождении, а также теоретическом обосновании и высокопрофессиональной подготовке функционеров. Умножение юридических форм государственной деятельности становится следствием усложнения социально-экономических, государственно-институциональных, научно-инновационных, образовательных и других сфер приложения инициативы и энергии людей и соответствующего углубления тенденции процессуализации законодательства России. Данная тенденция становится господствующей не только в связи с появлением новых видов государственной работы и равновеликого массива норм и институтов процессуального права, но самое главное – увязывается с укреплением требований законности при осуществлении функций государства и его органов, гарантированностью реализации прав граждан. Здесь складываются условия для упрочения разрешительного порядка деятельности органов и лиц, действующих в режиме правовых ограничений, в пределах, определяемых нормами процессуального права.

Складываются при этом основания для суждений о наличии избыточных функций и скрытых полномочий в бюрократических структурах публичной власти и обладающих властными полномочиями лиц. Но само наличие предметов ведения, полномочий, компетенций, нормативного порядка приведения их в действие означает введение их деятельности в правовые рамки и пределы, определяемые принципом «разрешено только то, что закреплено в законе». Разрешительный режим здесь соотносится с высокой организованностью и точностью¹ юридической деятельности государственных органов и должностных лиц, обеспечивающих осуществление властных функций в строгом соответствии с процессуальными требованиями, исключающими (существенно ограничивающими) совершение юридических действий «по усмотрению». Все это свидетельствует о наличии комплексной системы правовых средств укрепления правового порядка государственной деятельности, независимо от их разновидностей, целей осуществления и результатов.

II

Закономерность процессуализации отечественного законодательства нуждается в научном объяснении как фактора реальной жизни, в глубоком осознании формирующихся здесь потребностей, в сознательном использовании соответствующих требований объективного порядка. В зависимости от особенностей научных подходов и решений складывается определенное качество и результативность государственной деятельности, создаются условия для эффективного осуществления функций государства и его органов, но, прежде всего, гарантированной реализации прав и свобод граждан.

В настоящее время в юридической науке имеет значение сложившаяся к середине XX века характеристика процессуального права в тесной связи с правоохранительной деятельностью, т.е. доминирующим в определенных условиях был узкоотраслевой подход к характеристике юридического процесса (М. С. Строгович, В. М. Савицкий и др.). В другом варианте юридический процесс рассматривался как судебное право, объединяющее уголовное, гражданское, позже административное судопроизводство (Н.Н. Полянский, И.В. Михайловский, В.А. Рязановский и др.). Решающими аргументами в обосновании такой позиции становятся выводы о том, что правоохранительная (юрисдикционная) деятельность имеет особую специфичность, исключающую всякие параллели с другими видами (формами) государственной деятельности в силу её особого значения для прав человека. Не отрицая процессуальной природы других правовых форм государственной деятельности (правотворчество, контроль, государственная регистрация прав и др.), представители традиционного понимания юридического процесса правовой порядок исполнения соответствующей государственной работы именовали юридическими процедурами, несопоставимыми по своим показателям с юридическим процессом.

Во второй половине XX века сложилась концепция «широкой» интерпретации процессуального блока нормативных установлений и научного объяснения юридического процесса в целом (П. Е. Недбайло, В. М. Горшенев, Н. В. Витрук, В. О. Лучин и др.). При всем различии оценок внутри данного направления, его представители установили, что юридический процесс и процессуальное право складываются не только в правоприменительной деятельности управомоченных субъектов, в том числе при отправлении правосудия. Он присутствует там, где нормативно определяются предметы ведения и властные полномочия, которые нуждаются в юридическом сопровождении, т.е. принятии процессуальных норм, определяющих порядок их реализации. В соответствии с предметной характеристикой такая интерпретация создает условия для обособления качественно разнообразных видов (форм) юридической деятельности и одновременно унификации учредительного, правотворческого, правоприменительного, контрольного, надзорного, регистрационно-правоустанавливающего, официального интерпретационного процессов. Основаниями для дифференциации и унификации соответствующих видов государственной деятельности стали однопорядковые правовые формы осуществления функций государства, государственной деятельности. Состоялась при этом научная проработка и формирование системы категорий, понятий и целостной теории процессуального права, в

¹ См. Алексеев, С. С. Право: азбука-теория-философия. Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – С. 381-382.

которой юридический процесс рассматривается как комплексная система, охватывающая все разновидности правовых форм государственной деятельности. Они в равной степени имеют отношение к определению порядка её осуществления, к установлению правовых пределов осуществления полномочий органами публичной власти и другими властвующими субъектами, соответственно, к укреплению гарантий осуществления прав и свобод человека и гражданина.

Внимание сосредотачивалось на вопросах системы и систематики процессуального права, свойствах нормативности соответствующих предписаний законодательства, усилия исследователей концентрировались на установлении особенностей процессуальных правоотношений, их согласовании с категорией «юридическая процессуальная форма». Отмечая масштабность проведенных разработок и формирование научной модели юридического процесса, установим значительный научный и практический потенциал направления. Это сказывается в ходе трансформации традиционных процессуальных отраслей к новому их качеству и роли. Свидетельством тому является приведение в соответствие с потребностями жизни и общечеловеческими ценностями уголовно-процессуальной, гражданско-процессуальной, арбитражной и административной процессуальной отраслях, которое состоялось на рубеже XXI века. Работы по кодификации традиционных процессуальных отраслей права не могло не сказаться на количестве и качестве отраслей и институтов процессуального законодательства, о чем свидетельствует изобилие административных регламентов, реформирование государственно-правовых институтов и форм, затрагивающих учредительную, правотворческую, надзорную, регистрационно-правоустанавливающую и другие правовые формы государственной деятельности. Подтверждается, что процессуально-правовые средства осуществления этих видов государственной работы нужно рассматривать в единстве. Для них свойственны общность юридической природы, социального назначения и роли как важного инструмента юридического упорядочения социальных связей, складывающихся в системе властеотношений.

Одновременно следует видеть незавершенность теории процессуального права по ряду позиций. В частности, речь о месте науки процессуального права в системе историко-теоретических наук, в системе отраслевых юридических наук. Исследователи не обращаются к особенностям методологических оснований изучения процессуального права и законодательства. Незавершенными являются представления о соотношении: абсолютные общечеловеческие ценности – основные права человека и гражданина – юридический процесс; демократия – законность – юридический процесс; государственная власть – режим её осуществления – процессуальное право. Нет сложившихся позиций о правообеспечительных средствах реализации норм процессуального права – юридической процессуальной ответственности. Исследователи, наконец, подходят к обнаружению принципов процессуального права, т. е. обращаются к фундаментальному уровню научного исследования проблемы.

III

Обнаружение закономерности процессуализации современного законодательства России, создание соответствующего блока знаний по научному объяснению порядка реализации (сознательного использования) этой закономерности предполагает сосредоточение внимания на образовательном срезе проблемы. Реальное положение дел здесь нельзя признать благополучным.

Во-первых, нет ни общей, ни специальной (уровень спецкурса) учебной дисциплины, соответственно, учебников или учебных пособий, которые бы содержали обобщенные знания о процессуальном праве, особенностях его нормативной характеристики, о юридическом процессе в целом. Дефицит профессиональной подготовки юристов на уровне общетеоретического компонента не могут восполнить отдельные параграфы действующих учебников по теории государства и права, проблемных общетеоретических курсов, академических изданий. Объем сведений о процессуальном праве, предлагаемый в учебных пособиях и учебниках несопоставим с объемом действующих и принимаемых нормативных источников, содержащих процессуальные предписания.

Во-вторых, отсутствует площадка, на которой могло бы прозвучать обоснование настоятельной необходимости модернизации учебных программ в соответствующем ключе. Прежде такую миссию выполняли координационные совещания, которые проходили под

эгидой Министерства образования и продуктом которых становились типовые учебные программы. Предлагаемые сейчас рекомендации, к сожалению, не ориентируют на концептуальные построения реальных вузовских учебных программ, учебников и учебных пособий. Последний раз научное обсуждение проблем совершенствования юридического образования на общероссийском уровне имело место в 1992 году.² Между тем, на индивидуальном уровне со страниц юридических изданий звучит озабоченность относительно качества общетеоретической подготовки по юридической специальности, в частности, отсутствием общетеоретического процессуального образовательного компонента.³

Отдельно может стоять вопрос о возможностях использования трибуны Международной ассоциации процессуального права. Однако на этом пути складываются определенные трудности. Среди них можно назвать отсутствие сотрудничества с данным всемирным форумом при формировании программ его работы. При существующем порядке в программах проведения Всемирных конгрессов по процессуальному праву закладываются исключительно отраслевые (узкопрофильные) проблемы развития современного правоприменительного процесса (составительного, следственного), обсуждение которых состоялись, например, в г. Торонто 15 июня 2009 г.⁴ Общеметодологический уровень научной проработки соответствующих проблем, к сожалению, не проникает в повестки дня работы Всемирного научного сообщества. Малоактивными при этом являются усилия отечественных научных и вузовских ассоциаций, возрастание влияние которых могло бы создавать такие условия, возможности и перспективы. Сам факт интеграции России в болонское образовательное пространство создает предпосылки для активного участия в работе научных и образовательных ассоциаций, например, Европы с очевидной пользой для всех сторон.

В-третьих, как уже отмечалось, прорабатываются пути преодоления дефицита общетеоретической процессуальной подготовки юристов. Выдвигается предложение, например, о введении новой учебной дисциплины «Общая теория процессуального права».⁵ Предложение это едва ли приемлемо по основаниям возникновения многочисленных нерешенных вопросов относительно времени и места расположения данной дисциплины в системе других учебных курсов, а также с учетом факторов рассогласования отраслевых и видовых компонентов в изучении юридических процессов. Немаловажным при этом становится фактор возрастания количества учебных курсов и дисциплин, в связи с которым потребуется дополнительное переустройство системы и др. Нецелесообразно, наконец, обособление общей теории государства и права и теории процессуального права в условиях неотработанности многочисленных проблем распределения компонентов учебного материала между уровнями профессиональной подготовки – бакалавриатской или магистерской.

Предпочтительными представляются два пути преодоления дефицита процессуальной общетеоретической подготовки по специальности «Юриспруденция».

Первый. На уровне бакалавриатской подготовки полезным было бы в учебной программе и в концепции учебного пособия предусмотреть введение положений о месте теории процессуального права в системе юридических наук и в системе учебных дисциплин правоведения. Согласованию подлежат соответствующие вопросы в теме «Система права и система законодательства». В теме учебного пособия «Функции современного государства» вопрос о правовых (процессуальных) формах государственной деятельности изложить в контексте представлений о признаках, понятии и разновидностях правовых

² См.: Бахрах, Д. Н. Обсуждение проектов вузовской программы по теории государства и права / Д. Н. Бахрах, С. В. Кодан, Д. А. Ягофаров // Государство и право. – 1992. – № 9. – С. 40-43.

³ См.: Бахрах, Д. Н. Очерки теории российского права / Д. Н. Бахрах. – М.: Изд. «Норма», 2008. – С. 190-193.

⁴ Бевзенко, Р. С. Сближение Романо-германской и англосаксонской процессуальных систем / Р. С. Бевзенко, Д. Я. Малешин, Н. С. Бочарова, И. В. Решетникова : По материалам конференции Международной ассоциации по процессуальному праву в Торонто, июнь, 2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – Август. – С. 58-79 // Режим доступа: www.vestnik.ru/content.php?bc_tovar_id=49

⁵ Протасов, В. Н. О насущной потребности в новой учебной дисциплине – «общей теории процессуального права» / В. Н. Протасов // Государство и право. – 2003. – № 12. – С. 53-59.

форм деятельности носителей публичной власти учредительной, правотворческой, правоприменительной, надзорной, регистрационно-правоустанавливающей и др.

В учебной программе и учебном пособии обособить раздел «Правовые формы государственно-властной деятельности в механизме правового регулирования», в пределах которого предложить к изучению темы: «Понятие и виды правовых форм деятельности субъектов-носителей властных полномочий», «Правотворчество как правовая форма государственной деятельности», «Реализация норм права. Применение норм права как правовая форма деятельности носителей властных полномочий», «Толкование нормативных предписаний (установлений) законодательства и его результаты». В других разделах и темах перепрофилировать вопросы правосознания и формирования ценностей правовой культуры носителей публичной власти, правового поведения носителей властных полномочий, процессуальной правовой ответственности и др. Здесь нет необходимости разработки дополнительных учебных дисциплин, либо чтения спецкурсов.

Второй. На уровне магистерской подготовки основная нагрузка по формированию процессуального правосознания выпускников юридических факультетов должна быть возложена на профильный курс «Современные проблемы юридической науки и производства». В условиях действия общих тенденций развития юридической науки и практики этот курс должен не только отразить основные компоненты теории процессуального права, но и юридической практики как результата любой государственно-властной деятельности, венчающейся принятием правовых актов в режиме требований законности и обоснованности. Формирование концепции магистерского курса «Современные проблемы юридической науки и производства» в контексте постановки вопроса о совершенствовании процессуальной подготовки выпускников юридических вузов становится сегодня актуальным и практически значимым.

В целом, обнаружение, познание, сознательное использование объективной закономерности процессуализации права и законодательства предполагает проведение тщательного анализа институциональной системы с точки зрения предпосылок формирования, правовой природы, роли и назначения совокупности правовых средств юридического упорядочения властно-организационной деятельности, юридического процесса. Важным становится установление качественных характеристик правовых форм деятельности и юридической практики, а также правообеспечительных средств. Многие зависят от состояния научных исследований и концептуальных построений, отработанности понятийного строя теории юридического процесса, широкой его интерпретации. Важной, наконец, является проблема кадрового обеспечения (прежде всего в образовательном контексте) осуществления названной закономерности. Все это обуславливает поиск путей обнаружения, научного освоения и максимально эффективной реализации названной закономерности, равно как и других государственно-правовых закономерностей, которые нужно рассматривать в системе.

Список литературы

- 1) Алексеев, С. С. Право: азбука-теория-философия. Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М. : «Статут», 1999. – 712 с.
- 2) Бахрах, Д. Н. Обсуждение проектов вузовской программы по теории государства и права / Д. Н. Бахрах, С. В. Кодан, Д. А. Ягофаров // Государство и право. – 1992. – № 9. – С. 40-43.
- 3) Бахрах, Д. Н. Очерки теории российского права / Д. Н. Бахрах. – М. : Изд. «Норма», 2008. – 288 с.
- 4) Бевзенко, Р. С. Сближение Романо-германской и англосаксонской процессуальных систем / Р. С. Бевзенко, Д. Я. Малешин, Н. С. Бочарова, И. В. Решетникова : По материалам конференции Международной ассоциации по процессуальному праву в Торонто, июнь, 2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – Август. – С. 58-79 // Режим доступа: www.vestnik.ru/content.php?bc_tovar_id=49
- 5) Протасов, В. Н. О насущной потребности в новой учебной дисциплине – «общей теории процессуального права» / В. Н. Протасов // Государство и право. – 2003. – № 12. – С. 53-59.

REGULARITIES OF LEGISLATIVE PROCESSUALISATION IN RUSSIA: ISSUES OF MODERNISATION OF LAW EDUCATION

G. A. BORISOV
V. V. KUTKO
S. V. SHERSTOBITOVA

Belgorod State University

e-mail: Borisov@bsu.edu.ru

The article considers legislative processualisation of Russia it is considered as a dominating tendency of its development and functioning. The authors discuss conditions for institutionalizing of corresponding state-legal law and ways of its scientific development. The attention to the question on modernization of general theoretical preparation of experts at speciality «Jurisprudence» is brought in this contex. Optimization of all professional standards is discussed in the paper.

Key words: state and right theory, substantive law, procedural right, legal process, state-legal law, imperious powers, legal restrictions, curriculums.

УДК 342.732

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

В.И. ЕВТУШЕНКО*Белгородский
государственный
университет**e-mail: 77712@live.ru*

В статье рассмотрено возникновение и становление конституционного права человека и гражданина в Российской Федерации на благоприятную окружающую среду. Рассмотрены основные нормативные акты, регулирующие данное право – международные соглашения, в том числе относящиеся к так называемому «мягкому» праву, внутригосударственные законодательные акты, проведен анализ трудов ученых – правоведов, посвященных данной проблематике. Рассмотрены основные направления совершенствования права человека и гражданина в Российской Федерации на благоприятную окружающую среду, вынесены на рассмотрение конкретные предложения по его улучшению.

Ключевые слова: право человека и гражданина на благоприятную окружающую среду, право на благоприятную среду обитания, экологические права человека и гражданина.

В статье 42 Конституции Российской Федерации установлены три самостоятельных и тесно взаимосвязанных между собой экологических права. Это право человека и гражданина на:

- 1) благоприятную окружающую среду,
- 2) достоверную информацию о её состоянии,
- 3) возмещение ущерба, причинённого здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Помимо трех основных экологических прав, закрепленных в главе 42 Конституции Российской Федерации современному международному праву известно еще 2 вида экологических прав человека. Это право человека и гражданина:

– на участие общественности в принятии решений по вопросам, касающимся окружающей среды;

– на доступ к правосудию по вопросам, касающимся окружающей природной среды.

При этом право человека и гражданина на благоприятную окружающую среду является основным, а другие указанные экологические права человека и гражданина вытекают из него, направлены на установление механизма его реализации и являются обеспечивающими это стержневое право всех экологических правовых норм.

По данным Всемирной организации здравоохранения состояние здоровья человека до 80 % определяется условиями среды его обитания¹. Таким образом, можно сделать вывод, что наряду с другими социальными институтами право на благоприятную окружающую среду определяет показатели качества жизни. Более того, успешная реализация этого права создает необходимые условия для осуществления всех других прав, свобод и интересов человека. Экологическая составляющая в большей или меньшей степени проявляется в каждом из видов прав. Как справедливо замечает Сучкова В. А., «...стандарты в области прав человека, прямо не относящиеся к проблемам окружающей среды, могут заключать в себе соответствующие предпосылки для их расширительного юридического толкования. Право на жизнь, например, следует считать нарушенным, когда государству не удается закрепить или ограничить внесение высокотоксичных веществ в источники питьевой воды. Если соответствующие органы признают такие связи, тогда экологиче-

¹ Бринчук М. М. Экологическое право: учебник // Подготовлен для системы КонсультантПлюс. 2008.

ский критерий может быть включен в число правовых норм, обеспечивающих права на жизнь»².

Так, гражданские (личные) права определяют защищенность человека, его здоровья и имущества от какого либо незаконного вмешательства (к примеру, от вредного воздействия окружающей среды). Политические права граждан выражают возможности индивида на участие в осуществлении государственной власти (посредством проведения референдума по вопросам охраны окружающей среды, участия в процессе подготовки и принятия экологически значимых решений и др.), установления контроля за властью (путем судебного обжалования решений и действий государственных органов и должностных лиц, а также их бездействия, нарушающих экологические права граждан). Культурные права позволяют обеспечивать рост уровня экологической культуры человека. Осуществление социальных и экономических прав позволяют обеспечить человеку достойный, с учетом экологических факторов, жизненный уровень:

- право на труд в экологически безопасных условиях;
- защиту здоровья от вредного воздействия загрязненной окружающей среды;
- право на экологическое образование³.

Впервые вопрос о необходимости защиты права человека на благоприятную окружающую среду был поднят на Стокгольмской Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде 1972 года, которая «...стала поворотным пунктом в экологической политике государств и международного сообщества»⁴. В первоначально подготовленном для обсуждения на конференции проекте Стокгольмской Декларации содержалась, в том числе, следующая формулировка: «Каждый имеет фундаментальное право на безопасную и здоровую окружающую среду для полного удовлетворения основных прав человека, включая право на уровень жизни, соответствующий его здоровью и благополучию»⁵. К сожалению, в окончательном варианте Декларации этот принцип был изложен в довольно расплывчатой, аморфной форме: «Человек имеет основное право на свободу, равенство и благоприятные условия жизни в окружающей среде, качество которой позволяет вести достойную и процветающую жизнь, и несет ответственность за охрану и улучшение окружающей среды на благо будущих и нынешних поколений»⁶.

Следующим этапом развития международно-правового регулирования прав человека на благоприятную окружающую среду стала конференция ООН по окружающей среде и развитию, проведенная в Бразилии в июне 1992 года, результатом которой явилась Рио-де-Жанейрская Декларация по охране окружающей среды и развитию⁷. Она закрепила право каждого человека иметь на национальном уровне доступ к информации, которая касается окружающей среды и имеется в распоряжении государственных органов, провозгласила как принцип положение о том, что в центре внимания непрерывного развития находятся люди, и они имеют право на здоровую жизнь в гармонии с природой⁸.

Несмотря на то, что принятые в Стокгольме и Рио-де-Жанейро международные соглашения и по названию и по форме являются декларациями, т. е. принадлежат к так называемому «мягкому» международному праву, не имеющему для государств, их подписавших, обязательной силы. Тем не менее, данные международные декларации имеют огромное морально-политическое значения, а содержащаяся в них программа действий

² Сучкова В.А. К вопросу о классификации экологических прав человека // Московский журнал международного права. 2006. № 2. – С.150

³ См.: Бринчук М. М. Теоретические основы экологических прав человека. // Государство и право. 2004. №5. – С.11

⁴ См.: Петров З. В. Экологическое право России: Учебник для вузов. – М.: Издательство БЕК, 1998. – С. 504.

⁵ Шемшуненко Ю. С. Правовые проблемы экологии. Киев: Наукова думка, 1989. – С. 12.

⁶ Стокгольмская декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, принята 16 июня 1972 года в г. Стокгольме. // Действующее международное право. Т. 3. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 682 – 687.

⁷ Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию, принята 16 июня 1992 г. в г. Рио-де-Жанейро. // Действующее международное право. Т. 3. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 687 – 692.

⁸ Конституция Российской Федерации (комментарий) // Под редакцией Топорина Б. Н. – М.: Юрист, 2000. – С. 232.

государств – участников по защите окружающей среды, защите экологических прав человека как на международном, так и на внутригосударственном уровне, выводит Стокгольмскую декларацию и декларацию Рио далеко за рамки просто соглашений государств о намерениях⁹.

В 1994 году была предпринята очередная попытка сформулировать на международном уровне наиболее полное и содержательное определение понятия прав человека на благоприятную окружающую среду. Результатом явился проект Принципов «Права человека и окружающая среда», разработанный подкомиссией ООН по правам человека и окружающей среде¹⁰. Принципы «Права человека и окружающая среда» были приняты в качестве декларации. В них не только выделяется и содержательно раскрывается новый вид прав – экологические права, но и подчеркивается их взаимосвязь со всеми существующими правами: гражданскими, политическими, социальными, культурными, экономическими.

Проект Международного Пакта по окружающей среде и развитию 1995 года, подготовленный Международным союзом охраны природы и природных ресурсов (МСОП) предпринимает попытку кодифицировать институт обеспечения соблюдения экологических прав человека¹¹. Возрастает число международных соглашений по вопросам сохранения окружающей среды, в Международном Суде создана камера по экологическим вопросам, что демонстрирует признание на международном уровне нового вида прав – экологических.

Тем не менее, до сих пор право человека на благоприятную (здоровую) окружающую среду прямо не закреплены ни в одном из универсальных международных документов и его реализация в международном праве зачастую целиком зависит от правоприменительной практики, что является основой для множества судебных прецедентов¹².

Право человека на благоприятную (здоровую) окружающую среду получило отражение в некоторых региональных документах, большей частью – европейских. Так, в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. отмечалось невозможность охраны окружающей среды и поддержания её качества только на внутригосударственном уровне и мировому содружеству предлагалось решать эту проблему сообща, в общемировом масштабе¹³.

Понятие «право человека на благоприятную окружающую среду» получило свое развитие в:

– Европейской Конвенции о доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (получившая название по месту своего проведения – г. Орхусе, Дания: общепринятое название: «Орхусская Конвенция»). В ней впервые право человека на благоприятную окружающую среду рассматривалось не только как право нынешнего, но и будущего поколения¹⁴;

⁹ См.: Копылов М. Н. К вопросу об эффективности норм «мягкого» международного экологического права. // Экологическое право. 2006. №6. – С. 30 – 33.

¹⁰ Проекты принципов, касающихся прав человека и окружающей среды. URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/instree/1994-dec.htm>

¹¹ Проект Международного Пакта по окружающей среде и развитию. URL: http://translate.google.ru/translate?hl=ru&langpair=en%7Cru&u=http://www.i-c-e-l.org/english/EPLP31EN_rev2.pdf

¹² См. Трудова О. В., Яковлев Э. Ю. К вопросу о классификации, содержании, правовой гарантированности экологических прав человека и гражданина (сравнительный анализ правовых систем Российской Федерации и Евросоюза). // Международное публичное и частное право. 2008. №2. – С. 22 – 25.

¹³ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Подписан в Хельсинки, Финляндия, 01 августа 1975 года. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных Союзом Советских Социалистических Республик с иностранными государствами. Выпуск XXXI. М., 1977. – С. 544 – 589.

¹⁴ Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, принята на Четвертой Конферен-

– Африканской Хартии прав человека и народов, статья 24 которой гласит, что «все народы имеют право на общую удовлетворительную окружающую среду, благоприятную для их развития»¹⁵ и т. д.

Представляет интерес практика Европейского Сообщества, где в январе 2000г. была принята белая книга об экологической ответственности, в которой сформулированы положения об ответственности государств – членов ЕС за вред, причиненный окружающей среде, экологическим правам граждан, и его возмещении.

На Конференции министров окружающей среды Европы в Софии в 1995 г. были одобрены Руководящие принципы по обеспечению доступа к экологической информации и участию общественности в процессе принятия решений в области охраны окружающей среды. Основной смысл этого документа заключается в том, что он признает доступ к экологической информации как естественное право каждого. В соответствии с ним в 1997 году была подготовлена международная Конвенция по обеспечению доступа к экологической информации, которая носит обязательный для исполнения характер, и определяют права граждан и обязанности государственных органов относительно обеспечения этих прав¹⁶.

Текст проекта этой Конвенции подробно рассматривался на состоявшемся в Словении в 1997 году европейском эко-форуме. Там была выработана Декларация, получившая название Словенской, в которой на первом месте стоит раздел «Доступ к информации». Декларация исходит из принципа, что информация, которой владеют органы государственной власти, является достоянием людей. Общественный интерес должен превалировать над соображениями любой секретности информации. Ни при каких обстоятельствах государственные органы не должны удерживать информацию, пока не будет доказано, что вред, причиненный представлением такой информации, превысит общественный интерес в ее предоставлении. Более того, принимая во внимание все возрастающую роль электронных средств в обмене информации, в Декларации содержится требование о том, чтобы определенные важные категории экологической информации были доступны через сети Интернет или их эквиваленты¹⁷.

Более восприимчивыми и адекватными в вопросах нормативного закрепления права человека на благоприятную окружающую среду оказались национальные законодательства¹⁸. Происходящие в мире процессы формирования механизмов защиты права человека на проживание в условиях благоприятной окружающей среды не могли не сказаться, даже несмотря на проводимую СССР в тот период политику закрытости и изоляционизма, на общем направлении проводимой Советским Союзом работы по расширению и совершенствованию отечественного законодательства в области охраны природы и защиты права человека и гражданина на благоприятную окружающую среду. Но и в настоящее время, в период гораздо большей открытости российского общества и гораздо большей восприимчивости российским законодательством международных правовых норм, «...имплементация международных, включая европейские, экологических норм и стандартов в российское законодательство осуществляется постоянно и с трудом ввиду новизны проблем, отсталости и недостаточной технической оснащенности народного хозяйства, неисполняемости значительной части природоохранных предписаний, чему служит их некая декларативность и размытость»¹⁹.

Отсутствие в международном праве строгого определения (т. е. такого, содержание которого определено в соответствии с принципами общего международного права) понятия «право человека на благоприятную окружающую среду» а также то, что право на благоприятную окружающую среду, хотя и относится к правам нового поколения, по

ции министров «Окружающая среда для Европы», Орхус, Дания, 23-25 июня 1998 года. URL: <http://www.ecoaccord.org/prtr/aarhus.htm>

¹⁵ Африканская хартия прав человека и народов, принята 26 июня 1981 года, Найроби. URL: http://www.concourt.am/hr/rus/inter/6_4.htm

¹⁶ См.: Буркова Л.Н. Экологические права человека в Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону: 2005. – С. 90.

¹⁷ См.: Крыжановская А.А. Использование программ для ЭВМ – деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих // Журнал российского права. 2004. № 6. – С. 78.

¹⁸ См.: Шемпученко Ю. С. Плюс экологизация всей земли (проблемы кодификации международного экологического права). // Экологическое право. 2009. №2/3. Специальный выпуск. – С. 56 – 59.

¹⁹ Боголюбов С.А. Концепция развития экологического законодательства. // Черные дыры в Российском законодательстве. Юридический журнал. 2004 № 2. – С. 418.

своей структуре тесно переплетены с системой прав человека в целом, приводит на уровне национальных законодательств к различному отношению к праву на благоприятную окружающую среду, и, как следствие, к неоднозначной оценке его правовой природы. Так, впервые на национальном уровне право на благоприятную окружающую среду закреплено в конституции Испании, а затем в конституциях и других законодательных актах Азербайджана, Белоруссии, Бельгии, Грузии, Индии, Испании, Мозамбика, Молдовы, Перу, Португалии, Финляндии, Эфиопии, ЮАР, Южной Кореи и других государств.

В тоже время, например, Конституция Португальской Республики относит право на благоприятную (здоровую) окружающую природную среду к социальным правам, Конституция Королевства Испания – к социально-экономическим, а Конституция Королевства Бельгия – к социальным, экономическим и культурным правам²⁰.

Особняком в ряду национальных правовых систем стоит законодательство Германии, статья 20а Основного закона которой закрепляет обязанность государства защищать, «...сознавая ответственность перед будущими поколениями, ... естественные основы жизни» человека²¹. Таким образом, законодательство Германии не закрепляет отдельного правового института прав граждан на благоприятную окружающую среду, а закрепляет обязанность государства по её защите и, соответственно, право человека и гражданина на благоприятную окружающую среду не закреплено в Основном законе ФРГ в виде отдельного правового института, а вытекает из обязанности государства, корреспондируясь с ней²².

В современной России право человека на благоприятную окружающую среду является одним из основных конституционных прав. Как и в любой иной области, в регулировании отношений охраны окружающей среды, признания, охраны и защиты экологических прав человека и гражданина Конституция Российской Федерации играет основополагающую роль в силу ее особого уровня правового регулирования, ее верховенства на всей территории страны. «Принципиальные положения, определяющие особое место Конституции в иерархии нормативных правовых актов Российской Федерации, заложены в ней самой»²³.

Будучи основным законом, Конституция России представляет правовую основу для развития отраслей российского законодательства, в том числе экологического. В тоже время, конституционные положения должны «...находиться в зависимости от динамики развития природы, природо- и правопользования»²⁴.

В Федеральном законе Российской Федерации «Об охране окружающей среды» принято законодательное определение понятия «благоприятная окружающая среда» как «...окружающей среды, качество которой обеспечивает функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов»²⁵.

Необходимо отметить, что данное определение в точности воспроизведено в принятом состоявшимся 03 декабря 2009 года пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств «Модельном законе об экологической ответственности в отношении предупреждения и ликвидации вреда окружающей среде»²⁶.

²⁰ Третьякова А. А. Понятие экологических прав граждан по законодательству стран-членов Европейского Союза // Экологическое право. 2002. № 1. – С. 54.

²¹ Основной закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 г. (с последующими изменениями и дополнениями до 29 июля 2009 г.). URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/LAW/BRD.HTM>

²² См.: Матвеева Е. В. Правовой механизм реализации экологических прав граждан в России и Германии: вопросы терминологии. // Экологическое право. 2010. №2. – С. 22 – 27.

²³ Игнатьева И. А. Отражение конституционных норм в экологическом законодательстве России: проблемы законодательной техники. // Журнал российского права. 2003. №5. – С.10

²⁴ Трудова О. В., Яковлев Э. Ю. Исходные теоретические основания конституционно – правового исследования экологической сферы. // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 23. – С. 40.

²⁵ Федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. Федерального закона от 14.03.2009 г. № 32-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. №2. Ст. 133.

²⁶ Модельный закон об экологической ответственности в отношении предупреждения и ликвидации вреда окружающей среде. Принят на тридцать третьем пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 03 декабря 2009 года. // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2010. № 46. – С. 108 – 140.

Аналогичные определения благоприятной окружающей среды содержатся и во многих региональных законодательных актах²⁷.

Помимо понятия «благоприятная окружающая среда» законодательство России содержит и близкое по смыслу определение понятия «благоприятная среда обитания». Так, в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации «О санитарно – эпидемиологическом благополучии населения» «граждане имеют право на благоприятную среду обитания, факторы которой не оказывают вредного воздействия на человека»²⁸.

Расхождение в определении близких понятий «благоприятная среда обитания» и «благоприятная окружающая среда» стало следствием той широкой дискуссии, которая развернулась среди правоведов. В настоящее время принято считать, что «окружающая среда» – более широкое понятие, чем «среда обитания», включающее в себя не только систему элементов природной среды (земля, недра, океаны, моря, реки, озера, атмосферу, близлежащее космическое пространство, флору и фауну и т. д.), но и искусственную среду, созданную человечеством для удовлетворения его потребностей, как материальных, так и социальных, культурных и т. д.²⁹.

Данная дискуссия не прекратилась даже после принятия официально признанного определения, сформулированного в Федеральном законе Российской Федерации «Об охране окружающей среды», которое сразу же совершенно справедливо стало подвергаться критике за отсутствие юридических критериев благоприятности окружающей среды³⁰.

Данное положение, по мнению Бринчука М. М., вызвано тем, что на уровне международного права, федерального и регионального законодательства России основное внимание уделено охране окружающей среды, но нет четко сформулированной цели данной деятельности, а само понятие «благоприятная окружающая среда» не «...осознано ни в науке..., ни в природоохранной практике правоприменения»³¹.

В качестве определяющего юридического критерия права человека и гражданина на благоприятную окружающую среду различными правоведомы предлагались различные параметры. Так, Топорнин Б. Н. рассматривает в качестве определяющего такой критерий как качество окружающей среды³². Глушкова С. А. определял благоприятную среду как среду, при которой достижим возможно высший уровень здоровья, то есть состояния полного физического, душевного и социального благополучия³³. Бринчук М. М. предлагал использовать в качестве характеристики окружающей среды не только её качество, а её состояние, являющееся, по его мнению, более широким понятием, включающим в себя не только качественные, но и количественные нормативы³⁴.

²⁷ См.: Экологический кодекс Республики Башкортостан от 28 октября 1992 года №ВС-13/28 (в ред. Законов РБ от 25.05.2010 г. №265 – з) // Ведомости Верховного Совета и Правительства Республики Башкортостан. 1993. №3. Ст. 57.; Экологический кодекс Республики Татарстан от 15 января 2009 года №5 – ЗРТ (в ред. Законов РТ от 16.05.2010 г. №20 – ЗРТ) // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2009. №1. Ст.5.

²⁸ Федеральный закон Российской Федерации от 30 марта 1999 г. №52 – ФЗ «О санитарно – эпидемиологическом благополучии населения» (в ред. Федерального закона от 28.09.2010 г. №243 – ФЗ). // Собрание законодательства РФ. 1999. №14. Ст. 1650.

²⁹ См.: Ласкина Н. В. Комментарий к Федеральному закону от 30 марта 1999 г. №52 – ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Подготовлен для системы КонсультантПлюс. 2010.

³⁰ См.: Васильева М. И. О применении в праве экологических критериев благоприятности окружающей среды. // Государство и право. 2002. №11. – С. 87.; Соколова Н. Л. Развитие принципов международного экологического права и проблемы их имплементации (на примере законодательства Российской Федерации): автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 1998. – С. 20; Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Черноморец А. Е. Научно-практический комментарий к федеральному закону «Об охране окружающей среды». Волгоград: Панорама, 2005. – С.131-133.

³¹ См.: Бринчук М. М. Благоприятная окружающая среда – важнейшая категория права. // Журнал российского права. 2008. №9. – С. 37-52.

³² См.: Топорнин Б. Н. Вступительная статья. Конституция Российской Федерации. Комментарий / Под. общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. – М.: Юридическая литература, 1994. – С. 63.

³³ Глушкова С. И. Права человека в России. М.: Юрист, 2005. – С. 370.

³⁴ См.: Бринчук М. М. Теоретические основы экологических прав граждан // Государство и право. 2004. №5. – С. 5 – 15.

Алиев О. К. в качестве подобных критериев права человека на благоприятную окружающую среду рассматривает систему нормативов охраны окружающей среды и лимитов природопользования³⁵.

Среди разнообразных определений термина «благоприятная окружающая среда», приведенных в различных научных изданиях, наиболее проработанной автору представляется дефиниция, в соответствии с которой окружающая среда является благоприятной, «...если ее состояние соответствует установленным в экологическом законодательстве требованиям, касающимся чистоты (незагрязненности), ресурсоемкости (неистощимости), экологической устойчивости, видового разнообразия, эстетического богатства, сохранения уникальных (достопримечательных) объектов природы, сохранения естественных экологических систем, использования природы с учетом допустимого экологического и техногенного риска»³⁶.

Некоторые правоведы предлагают определение понятия «благоприятная окружающая среда», использованное в Федеральном законе Российской Федерации «Об охране окружающей среды», понятием в узком смысле, а приведенное выше определение предлагают считать понятием в широком смысле³⁷.

Различные точки зрения среди ученых – правоведов сложились и на природу права человека на благоприятную окружающую среду. Козлова Е. И. и Кутафин О. Е. относят его к социально – экономическим правам³⁸. А, например, Буркова Л. П. полагает, что «...право на благоприятную окружающую среду характеризуется тем, что оно является естественным, основным, абсолютным, всеобщим, гарантируемым, непосредственно действующим, неотчуждаемым и не подлежащим ограничению со стороны государства. Данные характеристики позволяют сделать вывод о том, что право на благоприятную окружающую среду относится к личным правам человека и должно быть выведено из сферы социально-экономических прав»³⁹.

Высказывались мнения о праве на благоприятную окружающую среду как на одну из существенных гарантий права на жизнь⁴⁰. Данное положение опирается, в том числе, на ряд судебных прецедентов, первый из которых имел место еще в 1985 году, когда в деле Яномами против Бразилии по ходатайству, внесенному от имени индейцев яномами, Комитет по правам человека ООН установил связь между качеством окружающей среды и правом человека на жизнь⁴¹. При таком подходе право на благоприятную окружающую среду, основное среди других экологических прав человека, определялось как одно из надпозитивных, естественных прав человека. Свойство надпозитивности при этом вытекает из самой природы человека – без существования в благоприятной среде человеческий род обречен на вымирание.

В доктрине международного права вплоть до последнего времени господствовало деление прав человека на гражданские, политические, социальные, экономические и культурные. И только в середине 80-х годов XX века на волне «экологизации» международных отношений и под впечатлением Африканской Хартии прав человека и народов 1981 года, правоведом ряда стран, и, в первую очередь, чешским юристом Карелом Ва-

³⁵ См.: Алиев О. К. Конституционные основы охраны окружающей природной среды и природопользования: характеристика, проблемы, тенденции // Юрист. 2007. №4. – С. 2 – 4.

³⁶ Бринчук М. М. Благоприятная окружающая среда – важнейшая категория права. // Журнал российского права. 2008. №9. – С. 39.

³⁷ См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону Российской Федерации «Об охране окружающей среды» (постатейный). / Под ред. Анисимова А. П. // М.: Деловой двор, 2010. 600 с.

³⁸ Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России : Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1999. – С. 241.

³⁹ Буркова Л. Н. Экологические права человека в Российской Федерации (конституционно – правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2005. – С. 14.

⁴⁰ См. Мишанин К. С. Конституционное право человека и гражданина на благоприятную окружающую среду: гарантии и защита в законодательстве Российской Федерации: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2005; Кальченко П. Б. Право человека на жизнь (вопросы теории и практики): учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2003. – 76 с.

⁴¹ Pan American Union, Final Act of the Ninth Conference of American States, Res. XXX, at 38 (1948), reprinted in OAS, Basic Documents Pertaining to Human Rights in the Inter-american System, 1996; Case 7615, Brazil, INTER-AM.CH.R., 1984–1985 Annual Report 24, OEA/Ser.L/V/IL66, 1985. Doc. 10, rev. 1.

саком, первым генеральным секретарем Международного института прав человека в Страсбурге, впервые предпринимается попытка обосновать существование третьего поколения прав человека – коллективных прав, или прав солидарности⁴², к которым ряд правоведов относит, в частности, право на благоприятную окружающую среду⁴³.

В тоже время рядом правоведов предлагается выделить экологические права человека, основным из которых является право на благоприятную окружающую среду, в качестве самостоятельной разновидности прав. Так, Шемшученко Ю. С. еще в конце 80-х годов XX века писал о том, что право человека на благоприятную окружающую среду представляет собой самостоятельный правовой институт⁴⁴.

Наиболее правомерным автору представляется мнение М. И. Васильевой, которая считает, что в праве на благоприятную окружающую среду «...можно увидеть различные групповые признаки. Например, свойства личного права, поскольку его реализация неотделима от индивида и его права на жизнь. Реализация данного права посредством участия в принятии эколого-значимых решений, в референдумах, вступления в информационные отношения, проведения общественных акций приближает его к политическим правам. Те элементы «права – притязания», которые проявляются в случае нарушения с причинением вреда, придают данному праву черты имущественного. В части компенсаций вреда населению экологически неблагополучных районов можно говорить о принадлежности его к группе социально-экономических прав человека, непосредственно связанных с распределительными отношениями в обществе»⁴⁵.

Таким образом, право каждого на благоприятную окружающую среду является одним из основополагающих прав человека и предполагает реальные возможности проживания в здоровой, отвечающей международным и государственным стандартам окружающей природной среде. Данное право, выступает как прирожденное, имманентно присущее человеку качество. Право на благоприятную окружающую среду принадлежит к числу тех прав и свобод, совокупность которых дает возможность судить о положении личности в конкретном обществе, а также и о характеристиках государства. Более того, успешная реализация этого права создает необходимые условия для осуществления всех других прав, свобод и интересов человека.

Право на благоприятную окружающую среду является комплексным институтом, поскольку его реализация осуществляется в различных по юридической природе правоотношениях (конституционных, административных, экологических, имущественных, и др.), регулируемых правовыми нормами различных отраслей законодательства. Ядро указанного института составляют нормы Конституции России.

Соответственно, любое загрязнение окружающей среды может рассматриваться не только как нарушение конституционного права человека и гражданина на благоприятную окружающую среду, но и как опосредованное нарушение всех других прав человека⁴⁶.

Учитывая то, что другие экологические права человека и гражданина, установленные статьей 42 Конституции Российской Федерации: право на достоверную информацию о ее состоянии и право на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением, носят обеспечительный характер и направлены на установление механизма реализации основного права — права человека и гражданина на благоприятную окружающую среду, можно выделить основные направления совершенствования государственного регулирования реализации конституционного права человека и гражданина в Российской Федерации на благоприятную окружающую среду:

⁴² Vasak K. *Human Rights: A Thirti-Years Struggle: the Sustained Efforts to Give Force of the Universal Declaration of Human Rights* // UNESCO Courier. Paris: UNESCO, 1977. November.

⁴³ См.: Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М. Юридическая литература, 1991. С. 30; Сучкова В. А. К вопросу о классификации экологических прав человека // Московский журнал международного права. 2006. № 2. – С. 147; Варламова Н. В. Третье поколение прав человека как форма юридизации отношений между социальными общностями // История государства и права. 2009. №14. – С. 41 – 45.

⁴⁴ См.: Ефимова Е. И. Развитие института экологических прав и обязанностей в эколого-правовых исследованиях // Экологическое право. 2004. №2; 2004. №3; 2005. №2.

⁴⁵ Васильева М. И. Право на благоприятную окружающую среду как элемент правового статуса личности. // Экологическое право. 2005. №1. – С. 20.

⁴⁶ Сучкова В.А. К вопросу о классификации экологических прав человека.// Московский журнал международного права. 2006. № 2. – С. 156.

Во-первых, необходимо принятие поправок в Федеральный закон Российской Федерации «Об охране окружающей среды», в соответствии с которыми законодательно была бы принята новая редакция определения понятия «благоприятная окружающая среда», в соответствии с которой были бы определены четкие юридические критерии благоприятности окружающей среды.

Во-вторых, необходимо совершенствование эколого-правового механизма, заложенного в российском законодательстве, посвященном охране окружающей среды и защите права человека и гражданина на благоприятную окружающую среду. В большинстве нормативных актов, входящих в эту группу наблюдается нарушение правил юридической техники правотворчества⁴⁷, слишком много норм отсылочного характера. Установление стандартов в области окружающей среды: норм по выбросам вредных веществ в воздух, воду, почву и ответственность за их нарушение устанавливаются не на законодательном уровне.

Едиственный стандарт в этой области на законодательном уровне зафиксирован в Федеральном законе Российской Федерации «О радиационной безопасности населения» и устанавливает основные гигиенические нормативы (допустимые пределы доз) облучения на территории России в результате использования источников ионизирующего излучения. Ни один другой Федеральный закон Российской Федерации не содержит нормативов по выбросам ядовитых веществ, а только определяет органы, которые вправе разрабатывать такие нормативы, как на федеральном, так и региональном уровнях. Таким образом, можно сделать вывод, что практически все нормативы вредного воздействия на окружающую природную среду устанавливаются подзаконными нормативными актами, что является нежелательным и может вести к злоупотреблениям чиновниками своим служебным положением путем изменения нормативов выбросов в пользу заинтересованных лиц, которыми в первую очередь являются крупные производители.

В-третьих, необходимо законодательное установление органов, которые будут заниматься контролем в области экологии. Формирование таких органов предусмотрено практически всеми законами, принятыми на федеральном уровне. Однако в мае 2000 года Россия ликвидировала независимые органы государственного управления в области охраны природы. Полномочия упраздненных Госкомэкологии и Рослесхоза получило Министерство природных ресурсов. То есть функции защиты окружающей среды передали структуре, главная цель которой принципиально другая. Следствием стал фактический развал создававшейся годами системы экологического контроля. Численность инспекторов сократилась втрое⁴⁸.

Проведенное в 2008 году реформирование исполнительной власти не улучшило положение в области надзора в экологической сфере. Как писала Злотникова Т.В., «...при сохранении двух надзорных органов, занимающихся плохо разграниченными функциями в экологической сфере (Ростехнадзор и Росприроднадзор), их подчинили ... все тому же Министерству природных ресурсов, переименовав его в Минприроды»⁴⁹.

Для выполнения функций контроля за состоянием окружающей среды необходимо создание независимых органов контроля, возможно и общественных, но с законодательно установленным статусом, независимыми от их деятельности источниками финансирования, а, главное, с правом непосредственного участия в обсуждении, проведении независимой экологической экспертизы и влияния на принятие решений как федеральными, так и региональными властями по вопросам, касающимся экологической сферы.

В-четвертых, необходимо законодательное установление и ужесточение ответственности за неисполнение стандартов в области природопользования и охраны окружающей среды. Также, необходимо нарабатывать практику привлечения к ответственности лиц, совершивших экологические правонарушения и преступления. «Особого внимания заслуживает проблема усиления и комплексного нормативного, организационно-

⁴⁷ См.: Таловеров С. Ю. Совершенствование эколого-правового механизма в условиях современной России. // Юридический мир. 2009. № 4. – С. 56 – 60.

⁴⁸ Субботина Е. Защитим природу. // Труд. 2003. 19 ноября.

⁴⁹ Злотникова Т. В. Природоохрана России. Эколого-правовой социально-политический взгляд на 20-летие. // Экологическое право. 2010. № 2. – С. 21.

технического, экономического, идеологического обеспечения неотвратимости юридической ответственности за экологические правонарушения»⁵⁰.

Оценивая практику применения уголовной ответственности за экологические преступления, специалисты отмечают ее низкую эффективность. Так, уголовные дела о самых массовых и опасных нарушениях – загрязнении водного и воздушного бассейнов – составляют 0,96% общего числа экологических преступлений; загрязнение земли – 0,75%. Большинство специалистов видят причины этого в неспособности правоохранительных органов обеспечить надежный контроль и надзор за выполнением законов об охране и рациональном использовании земли. В свою очередь, работники природоохранной прокуратуры отмечают, что недостатки их работы обусловлены, прежде всего, несовершенством законодательства⁵¹.

В-пятых, существует острая необходимость в создании действенных механизмов экономического стимулирования субъектов хозяйственной деятельности к сокращению их негативного воздействия на окружающую среду и рациональному ресурсо- и энергопотреблению. В числе таких механизмов – платность негативного воздействия на окружающую среду, льготное налогообложение, введение залоговой стоимости упаковки, стимулирование применения альтернативных видов автомобильного топлива, создание конкурсных преимуществ соответствующим инвесторам и другие меры.

В-шестых, необходимо детально разработать механизмы и процедуры защиты экологических прав граждан. Они являются необходимым условием для того, чтобы провозглашенные права стали реальностью. Сегодня реализация экологических прав граждан практически отсутствует, а суды, которым отведена особая роль в защите этих прав, почти бездействуют. Так, в судебных и арбитражных органах иски граждан и организаций к Чернобыльской АЭС о полном возмещении ущерба не рассматривались. По-видимому, или из-за юридической неосведомленности граждан, или из-за отказа названных органов принимать такие иски к рассмотрению, но, главным образом, вследствие полной бесперспективности таких исков, поскольку их удовлетворение реально невозможно с учетом несопоставимости миллиардных размеров ущерба и наличных средств ответчика – АЭС как юридического лица⁵².

Список литературы

1. Бринчук М. М. Экологическое право: учебник // Подготовлен для системы Консультант-Плюс. 2008.
2. Сучкова В.А. К вопросу о классификации экологических прав человека // Московский журнал международного права. 2006. № 2.
3. Бринчук М. М. Теоретические основы экологических прав человека. // Государство и право. 2004. №5.
4. Петров З.В. Экологическое право России: Учебник для вузов. – М.: Изд-во БЕК, 1998.
5. Шемшуненко Ю. С. Правовые проблемы экологии. Киев: Наукова думка, 1989.
6. Копылов М. Н. К вопросу об эффективности норм «мягкого» международного экологического права. // Экологическое право. 2006. №6. – С. 30 – 33.
7. Трудова О. В., Яковлев Э. Ю. К вопросу о классификации, содержании, правовой гарантированности экологических прав человека и гражданина (сравнительный анализ правовых систем Российской Федерации и Евросоюза). // Международное публичное и частное право. 2008. №2. – С. 22 – 25.
8. Буркова Л.Н. Экологические права человека в Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2005.
9. Крыжановская А.А. Использование программ для ЭВМ – деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих // Журнал российского права. 2004. № 6.

⁵⁰ Васильева М. И. Концептуальные вопросы совершенствования экологической политики и законодательства об охране окружающей среды // Экологическое право. 2007. № 2. – С.12.

⁵¹ См.: Воробьев С. Д. Прокурорский надзор в системе защиты конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду. Монография. / Под. редакцией доктора юридических наук П. А. Астафичева. – Орел: Издательство ОРАГС, 2009. – 124 с.

⁵² См.: Малеин Н.С. О юридической ответственности и компенсации ущерба в связи с авариями, катастрофами, экологическими бедствиями. // Право и чрезвычайные ситуации. Сборник статей. – М.: изд-во ИГиП РАН, 1992. – С.164

10. Шемпученко Ю. С. Плюс экологизация всей земли (проблемы кодификации международного экологического права) // Экологическое право. 2009. №2/3. Специальный выпуск. – С. 56 – 59.
11. Боголюбов С.А. Концепция развития экологического законодательства. // Черные дыры в Российском законодательстве. Юридический журнал. 2004 № 2.
12. Третьякова А. А. Понятие экологических прав граждан по законодательству стран-членов Европейского Союза // Экологическое право. 2002. № 1.
13. Матвеева Е. В. Правовой механизм реализации экологических прав граждан в России и Германии: вопросы терминологии. // Экологическое право. 2010. №2. – С. 22 – 27.
14. Игнатьева И. А. Отражение конституционных норм в экологическом законодательстве России: проблемы законодательной техники. // Журнал российского права. 2003. №5.
15. Трудова О. В., Яковлев Э. Ю. Исходные теоретические основания конституционно – правового исследования экологической сферы. // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 23.
16. Ласкина Н. В. Комментарий к Федеральному закону от 30 марта 1999 г. №52 – ФЗ «О санитарно – эпидемиологическом благополучии населения» // Подготовлен для системы КонсультантПлюс. 2010.
17. Васильева М. И. О применении в праве экологических критериев благоприятности окружающей среды. // Государство и право. 2002. №11. – С. 87.;
18. Соколова Н. Л. Развитие принципов международного экологического права и проблемы их имплементации (на примере законодательства Российской Федерации): автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 1998. – С. 20;
19. Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Черноморец А. Е. Научно-практический комментарий к федеральному закону «Об охране окружающей среды». Волгоград: Панорама, 2005. – С. 131 – 133.
20. Бринчук М. М. Благоприятная окружающая среда – важнейшая категория права. // Журнал российского права. 2008. №9. – С. 37 – 52.
21. Топорнин Б. Н. Вступительная статья. Конституция Российской Федерации. Комментарий / Под. общ. ред. Б.Н. Топорнина , Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. – М.: Юридическая литература, 1994. – С. 63.
22. Глушкова С. И. Права человека в России. М.: Юрист, 2005.
23. Бринчук М. М. Теоретические основы экологических прав граждан // Государство и право. 2004. №5. – С. 5 – 15.
24. Алиев О. К. Конституционные основы охраны окружающей природной среды и природопользования: характеристика, проблемы, тенденции // Юрист. 2007. №4. – С. 2 – 4.
25. Научно-практический комментарий к Федеральному закону Российской Федерации «Об охране окружающей среды» (постатейный) под ред. Анисимова А. П. // М.: Деловой двор, 2010. 600 с.
26. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России : Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1999.
27. Мишанин К. С. Конституционное право человека и гражданина на благоприятную окружающую среду: гарантии и защита в законодательстве Российской Федерации: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
28. Кальченко П. Б. Право человека на жизнь (вопросы теории и практики): учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2003. – 76 с.
29. Pan American Union, Final Act of the Ninth Conference of American States, Res. XXX, at 38 (1948), reprinted in OAS, Basic Documents Pertaining to Human Rights in the Inter-american System, 1996; Case 7615, Brazil, INTER-AM.CH.R., 1984–1985 Annual Report 24, OEA/Ser.L/V/IL66, 1985. Doc. 10, rev. 1.
30. Vasak K. Human Rights: A Thirti-Years Struggle: the Sustained Efforts to Give Force of the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier. Paris: UNESCO, 1977. November.
31. Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М. Юридическая литература, 1991.
32. Сучкова В. А. К вопросу о классификации экологических прав человека // Московский журнал международного права. 2006. № 2.
33. Варламова Н. В. Третье поколение прав человека как форма юридизации отношений между социальными общностями. // История государства и права. 2009. №14. – С. 41 – 45.
34. Ефимова Е. И. Развитие института экологических прав и обязанностей в эколого-правовых исследованиях // Экологическое право. 2004. №2.; 2004. №3.; 2005. №2.
35. Васильева М. И. Право на благоприятную окружающую среду как элемент правового статуса личности // Экологическое право. 2005. №1.
36. Сучкова В.А. К вопросу о классификации экологических прав человека // Московский журнал международного права. 2006. № 2.

37. Субботина Е. Защитим природу. // Труд. 2003. 19 ноября.
38. Злотникова Т. В. Природоохрана России. Эколого-правовой социально-политический взгляд на 20-летие. // Экологическое право. 2010. № 2.
39. Васильева М. И. Концептуальные вопросы совершенствования экологической политики и законодательства об охране окружающей среды // Экологическое право. 2007. № 2.
40. Воробьев С. Д. Прокурорский надзор в системе защиты конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду. Монография. / Под. Редакцией доктора юридических наук П. А. Астафичева. – Орел: Издательство ОРАГС, 2009. – 124 с.
41. Малеин Н.С. О юридической ответственности и компенсации ущерба в связи с авариями, катастрофами, экологическими бедствиями.// Право и чрезвычайные ситуации. Сборник статей. – М.: изд-во ИГиП РАН, 1992.

MODERN TENDENCIES OF IMPROVEMENT OF STATE REGULATION OF CONSTITUTIONAL LAW OF THE PERSON AND THE CITIZEN ON FAVORABLE ENVIRONMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

V.I. EVTUSHENKO

Belgorod State University

e-mail: 77712@live.ru

The comparative analysis of the federal and regional legislation is lead by the example of the Belgorod area and devoted to legal regulation of ecological human rights, ecological safety and protection of the persons injured at extreme situations of ecological character and the conclusion that the legislation of the Belgorod area is developed enough and rather full is made. It is developed and it is accepted according to the federal legislation in the area, it details the law and to it does not contradict. A number of the statutory acts on the issue are an innovation for the regional legislation

Key words: environment, ecological safety, extreme situation of ecological character, action on resettlement.

УДК 341.94

ОБРАТНАЯ ОТСЫЛКА В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

О.В. КОСТИНА
О.Р. ШЕВЧЕНКО

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: kostov80@rambler.ru

Статья посвящена проблеме обратной отсылки как способа применения коллизионной нормы в международном частном праве. Анализируются точки зрения зарубежных и отечественных ученых, выступающих как за принятие обратной отсылки, так и за ее непринятие, рассматривается разрешение проблемы обратной отсылки в контексте российского законодательства. Выявляется ряд проблемных моментов применения обратной отсылки, предлагается решения по их устранению.

Ключевые слова: международное частное право, коллизионная норма, обратная отсылка, способ применения коллизионных норм.

Разрешая вопрос о коллизии законов, международное частное право (далее – МЧП) достаточно часто сталкивается с проблемами в области применения коллизионных норм. Одним из самых сложных вопросов относительно применения коллизионных норм в доктрине и практике МЧП был и остается вопрос об обратной отсылке. Проблема обратной отсылки, как способа применения коллизионных норм, возникла перед судами ряда государств во второй половине XIX в., когда при рассмотрении споров в силу двусторонней коллизионной нормы требовалось применять иностранное право¹.

Эта проблема возникает тогда, когда отечественное право отсылает к иностранному праву, а из коллизионных норм последнего вытекает необходимость обращения вновь к отечественному праву. Таким образом, возникает замкнутый круг, когда правовые системы отказываются разрешать вопрос по существу, а только отсылают друг к другу. Как образно заметил в отечественной литературе академик В.М. Корецкий, проблема обратной отсылки похожа на настольный теннис².

Вопрос об обратной отсылке – один из немногих, которые в МЧП вызывают столько противоположных точек зрения, как в теории, так и в судебной практике государств.

Проблема применения обратной отсылки связана, прежде всего, с решением вопроса относительно характера и действия коллизионных норм. Поскольку коллизионная норма, как нам известно, предписывает применение иностранного права, и теории, и практике приходится ответить на вопрос, в каком объеме это право должно быть применено: подлежит ли применению только материально-правовая норма указанного иностранного правового порядка или же весь этот правовой порядок в целом. Оба ответа на этот вопрос приводят на практике к существенно различным последствиям.

Если мы будем считать, что отечественная коллизионная норма отсылает к иностранному праву в целом, то следует применять иностранные коллизионные нормы и, соответственно, следует принять обратную отсылку.

Если же отечественная коллизионная норма отсылает только к нормам иностранного материального права, то нормы иностранного коллизионного права не принимаются и, соответственно, не принимается обратная отсылка. Все это еще раз подтверждает дискуссионность вопроса обратной отсылки³.

Дискуссионным в литературе МЧП остается и вопрос о принятии или же непринятии обратной отсылки, как способа применения коллизионных норм, так как законо-

¹ Гукасян, А.А. Обратная отсылка в международном частном праве: некоторые аспекты правового регулирования // Современные проблемы государства и права. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2003. – С. – 373-377.

² Богуславский М.М. Международное частное право: учебник. – 6-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 704 с.

³ Варавенко В.Е. Обратная отсылка и отсылка к праву третьего государства в контексте унификации коллизионного права // Вестник Российской правовой академии. – 2008. – № 2. – С. – 43.

дательная практика и доктрина иностранных государств не дают однозначного ответа на этот вопрос⁴.

Обзор правовых решений, закрепленных в нормативно-правовых актах различных государств, представляет собой разнообразную картину индивидуализированных подходов к затронутой проблеме. Так, Вводный закон к Германскому гражданскому уложению⁵ содержит положение, которое допускает возникновение обратной отсылки. Закон о международном частном праве Венгрии исходит из возможности принятия обратной отсылки только в случаях, когда иностранное право отсылает к венгерскому закону, а вот Закон о международном частном праве Эстонии обратную отсылку не признает. Но можно сделать вывод, что все же большинство государств мира либо в законодательстве, либо в судебной практике применяют теорию отсылок, но в ограниченном объеме. И причина этому – практическая целесообразность, то есть обратная отсылка на законном основании позволяет суду применять свое собственное право, что, несомненно, на наш взгляд, значительно упрощает процесс разрешения спора. Также в пользу принятия обратной отсылки приводят обычно довод и о том, что сама идея коллизионного метода регулирования состоит в выборе правовой системы, с которой данное правоотношение имеет наиболее тесную связь. И именно поэтому, следует использовать не только ее материальные, но и коллизионные нормы.

Принятие обратной отсылки убедительно, на первый взгляд, аргументирует И.С. Перетерский: «В некоторых случаях применение иностранного права, очевидно, не являлось бы необходимым для закрепления и развития, международных гражданско-правовых отношений, то есть для той цели, которая лежит в основе применения иностранного права. Наша коллизионная норма отсылает к иностранному праву, несомненно, как к праву действующему. Если же в данном конкретном случае иностранное право само отказывается от регулирования подлежащего отношения, то есть оказывается правом бездействующим, то, следовательно, и коллизионная норма лишена в этом случае конкретного содержания, а поэтому и не подлежит применению»⁶.

Таким образом, по мнению И.С. Перетерского, принятие обратной отсылки чаще всего аргументируется практической целесообразностью или идеологическими соображениями. Но, на наш взгляд, при более детальном и внимательном рассмотрении аргументация И.С. Перетерского оказывается небезупречной. Действительно, суду удобнее применять отечественное право. Однако выход на отечественное право после рассмотрения иностранной коллизионной нормы в случае принятия обратной отсылки не сильно облегчает работу суда, так как работа по установлению содержания иностранного права уже проделана.

Самый главный его аргумент в пользу принятия обратной отсылки, как способа применения коллизионных норм, заключается в следующем: если иностранное право, к которому отсылает отечественная коллизионная норма, признает себя бездействующим, его нельзя применять. Но ведь признание иностранного права действующим или бездействующим, как нам известно, зависит от отечественной, а не от иностранной коллизионной нормы. Тот факт, что иностранная коллизионная норма отсылает к отечественному праву, не означает, что иностранное материальное право не способно регулировать соответствующие отношения. Поскольку, по мнению нашего законодателя, иностранное право больше связано с этими отношениями, оно и должно их регулировать.

Иностранная доктрина в силу уязвимости обратной отсылки, выработала несколько концепций, стремящихся обосновать обратную отсылку⁷.

⁴ Богуславский М.М. Международное частное право: Учебник. 5-е изд., М.: Юрист. – 2005. – С. 604.

⁵ Вводный закон к Гражданскому уложению Германии от 18.08.1896г. (в ред. От 21 сентября 1994 г., с последующими изменениями до 31 мая 2005г.) // Гражданское уложение Германии (Бергман В.), начные редакторы. – А.Л. Маковский и другие. – 2-е изд., доп. – М.: Волтерс Клувер. – 2006.

⁶ Перетерский И. С., Крылов С. Б. Международное частное право. М. – 1940. – С. – 42.

⁷ Варавенко В.Е. Сравнение доктринальных и законодательных решений проблемы обратной отсылки в международном частном праве России // Сб. материалов II Международная научно-практическая конференция «Образование и наука без границ – 2007». – Белгород, 2007.

Э. Йайме выделяет три преимущества принятия обратной отсылки: во-первых, это гармонизация решения; во-вторых, неприменение иностранного закона, который сам не хочет применяться; и, в-третьих, облегчение задачи судьи⁸.

Если отечественное право должно быть применено только потому, что это более удобно, то на наш взгляд, законодатель вообще должен отказаться от системы коллизионных норм.

Большинство авторов, впрочем, пытаются найти обоснование принятия обратной отсылки в традиционной теории⁹.

По мнению Нибуайе, обратная отсылка имеет обоснование в публичном порядке, с позиций которого недопустимо, чтобы отношение имеющее связь с Францией, не получило правового регулирования. Основной недостаток построений Нибуайе, на наш взгляд, заключается в том, что он полагает, что в случае отсылки иностранной нормы к отечественному правопорядку происходит отказ иностранного права от регулирования отношения. Но ведь отказ иностранного суда от рассмотрения спора не означает невозможность использования иностранного права. Отказ иностранного права от регулирования отношения не означает невозможность обратиться в иностранный суд.

П. Курб утверждает, что «обратная отсылка позволяет обратиться к французскому праву, не потому что оно является правом страны суда, а потому что оно представляется наиболее связанным с интересами, которые затронуты в деле; в этом смысле обратная отсылка устраняет некоторые дефекты коллизионной нормы»¹⁰.

Эта позиция, по нашему мнению, наиболее ближе к истине. Действительно, в случае, если иностранная коллизионная норма отсылает к отечественному праву, происходит смещение центра локализации отношения, и мы можем говорить о дефектности отечественной коллизионной нормы, которая привязывает отношение к неблизкому правопорядку. Устранение этой дефектности происходит путем применения отечественных норм материального права.

Итальянский ученый Е. Витта считает, что хорошим решением вопроса обратной отсылки, как способа применения коллизионной нормы, было бы заключение международного договора, в котором бы предусматривались ситуации, когда обратную отсылку следует принимать, а когда нет¹¹.

Позволим себе согласиться с утверждением итальянского ученого, так как проблему обратной отсылки проще разрешить путем заключения между странами двустороннего международного унифицированного договора либо, при его отсутствии – на основе общих принципов коллизионного регулирования, включающих коллизионные нормы.

Против признания обратной отсылки выдвигается довод о том, что коллизионная норма страны суда уже решила проблему выбора права. И поэтому отсылку к праву другого государства следует понимать как отсылку исключительно к материально-правовым нормам. Против обратной отсылки выдвигается и чисто практический аргумент. При этом обращается внимание на множество сложных проблем, с которыми сталкивается местный судья при ознакомлении с материальным правом другого государства и его применении при регулировании конкретного гражданско-правового отношения с иностранным элементом. Эти проблемы еще более усложняются, когда судья вынужден уяснить и применить коллизионные нормы права другой страны. Каждая страна выбирает свой путь разрешения данной проблемы.

По нашему мнению, проблема обратной отсылки не может быть решена в одном лишь положительном или в одном лишь отрицательном смысле. Необходимо найти «золотую середину» в решении данного вопроса.

Давайте рассмотрим проблему разрешения обратной отсылки в контексте российского права.

⁸ Белозерцев Е.П. Международное частное право: коллизионное регулирование. М., 2004. – С. – 114-116.

⁹ Международное частное право: Учеб. Отв.ред. Г.К. Дмитриева. – 2-е изд., М.: ТК Велби, Изд-во Проспект. – 2008. – С. – 157.

¹⁰ Международное частное право: Учеб. Отв.ред. Г.К. Дмитриева. – 2-е изд., М.: ТК Велби, Изд-во Проспект. – 2008. – С. – 320.

¹¹ Канашевский В.А. Международное частное право. М., 2009. – С. – 134.

В отечественном МЧП, появлению законодательных решений проблемы обратной отсылки, как способа применения коллизионных норм, предшествовало появление её доктринальных решений. В первых работах по МЧП, принадлежащих перу дореволюционных российских ученых, ситуация обратной отсылки рассматривалась как фактор, дестабилизирующий правовое регулирование частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом. А.Н. Манделъштам писал: «С первого взгляда ясно, что принятие этого принципа вносит в международную жизнь элемент непостоянства и случайности, способный поколебать самое прочное здание международного права»¹². И.А. Ивановский, ссылаясь на мнение профессора А.А. Пиленко утверждал, что ситуация обратной отсылки представляет собой ошибку, возникающую в ходе применения коллизионных норм. «Отсылка есть симптом, свидетельствующий о том, что мы допустили абсолютизацию своей конфликтной нормы, абсолютизацию, не соответствующую конфликтным воззрениям другого затрагиваемого в деле закона»¹³.

Для советской науки МЧП второй половины XX века и современной российской науки, характерен отказ от попыток, предложить определенный вариант решения проблемы обратной отсылки¹⁴. Большинство ученых не предлагают свой вариант решения проблемы обратной отсылки, а ограничиваются обзором норм, направленных на ее решение, закрепленных в действующем законодательстве¹⁵.

Вместе с тем, в последнее время появились работы, авторы которых не ограничиваются обзором законодательства, а отстаивают свою точку зрения по поводу решения проблемы обратной отсылки.

Так в работе А.В. Аничкина¹⁶ обосновывается необходимость принятия отсылок иностранных коллизионных норм. Феномен обратной отсылки рассматривается им как проявление принципа наиболее тесной связи – одной из закономерностей правового регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом. Н.И. Марышева считает, что обратная отсылка может применяться в области коллизионно-правового регулирования брачно-семейных отношений, осложненных иностранным элементом. Однако она ограничивает случаи применения отсылок иностранных коллизионных норм вопросами семейно-правового статуса физических лиц¹⁷. Вместе с тем, на наш взгляд, поскольку МЧП является частноправовой отраслью российского права, для которой характерна диспозитивная направленность правового регулирования, можно предположить и обосновать возможность принятия отсылок иностранных коллизионных норм и в других случаях. В связи с этим требуется более определенное решение данного вопроса при чем не только в доктрине, но и в законодательстве.

Законодательная практика решения проблемы обратной отсылки, как способа применения коллизионной нормы, в МЧП РФ развивалась иным путем, отличным от развития доктрины. Длительное время общая норма, решавшая проблему, отсутствовала: ни ГК РСФСР 1964 года¹⁸, ни Основы гражданского законодательства СССР и союзных республик 1991 года¹⁹, не содержали такие нормы.

¹² Манделъштам А.Н. Гаагские конференции по кодификации международного частного права. Т. 1. Кодификация МЧП: [Электронный ресурс]. – СЭПС Гарант. – М.: 2004.

¹³ Ивановский И.А. Опыт новых построений в области частного международного права. – СПб., 1911. – С. – 68-70.

¹⁴ Толстых В.Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. – СПб.: Изд-во Р.Асланова «Юридический центр Пресс». – 2004. – С. – 210.

¹⁵ Ануфриева Л.П. Международное частное право. Т. 1. М., 2002; Богуславский М.М. Международное частное право. М., 1974; Бужигаева Т.Е. Международное частное право. М., 2005; Галенская Л.Н. Международное частное право. М., 1983; Звеков В.П. Международное частное право: Курс лекций. М., 2001; Федосеева Г.Ю. Международное частное право. М., 2005.

¹⁶ Аничкин А.В. Институт обратной отсылки в современном международном частном праве // Московский журнал международного права. – 2001. – № 1. – С. – 24-29.

¹⁷ Марышева Н.И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. М., 2007. – С. 59-60.

¹⁸ Гражданский кодекс РСФСР от 12.06.1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 406.

¹⁹ Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31.05.1991 г. № 2211-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1991. – № 26. – Ст. 733.

Впервые попытка сформулировать общую норму, решающую проблему, была предпринята в ходе создания проекта Закона о международном частном праве и международном гражданском процессе.²⁰ В соответствии с нормами ст. 4 законопроекта²¹, санкционировалось принятие обратной отсылки. В российское гражданское законодательство правило об обратной отсылке, как способе применения коллизионных норм, включается впервые и проблеме обратной отсылке посвящены две нормы, а, именно, ст. 28 Закона «О международном коммерческом арбитраже»²² и ст. 1190 ГК РФ.

Часть 1 статьи 28 Закона отвергает обратную отсылку только для ситуаций, связанных с действием института автономии воли. Если стороны выбрали в договоре право, считается, что они выбрали материальное право, а не коллизионное право соответствующего государства.

В отличие от статьи 28 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» ст. 1190 ГК РФ решает эту проблему четко, хотя и не единообразно:

«1. Любая отсылка к иностранному праву в соответствии с правилами настоящего раздела должна рассматриваться как отсылка к материальному, а не к коллизионному праву соответствующей страны, за исключением случаев, предусмотренных п. 2 настоящей статьи.

На практике применение нормы п.1 ст.1190 ГК РФ представляется достаточно неприемлимым как для суда, рассматривающего конкретный спор, так и для наиболее заинтересованной в скорейшем рассмотрении спора стороны в деле. Очевидно, что применение иностранного права неизбежно ведет к затягиванию судебного процесса и суд не может оперативно защитить права и интересы одной из сторон в деле²³.

Указанное связано с тем, что, не принимая обратной отсылки, как условие применения коллизионной нормы, к российскому праву, суду будет необходимо установить содержание иностранного права, к которому отсылает российская коллизионная норма. В соответствии с п.1 ст. 1191 ГК РФ при применении иностранного права суд устанавливает содержание его норм в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве.

2. Обратная отсылка иностранного права может приниматься в случаях отсылки к российскому праву, определяющему правовое положение физического лица (ст. 1195-1200)».

Анализируя п.2 ст.1190 ГК РФ, можно сделать следующие выводы, а именно, применение обратной отсылки в случаях, касающихся определения личного закона физического лица, способствует большей стабильности и определенности в отношении установления прав личности, не говоря уже о том, что данное обстоятельство облегчает работу суда. Использование обратной отсылки в отношении правового положения физического лица отражает и общую тенденцию части третьей ГК РФ, исходящей из критерия наличия тесной связи соответствующих отношений с применяемым правом.

Подход отечественного законодателя к решению вопроса относительно отсылок является непоследовательным. Общее правило п.1 ст.1190 ГК РФ сформулировано таким образом, чтобы предотвратить случаи принятия отсылок иностранных коллизионных норм. Запрет на их применение не выражен непосредственно, однако, он фактически установлен, так как понимание отсылки отечественной коллизионной нормы как отсылки только к материальным нормам иностранного права, говорит об отказе от учета содержания и применения коллизионных норм иностранного права. Вот именно поэтому дополнительное правило п.2 ст.1190 ГК РФ выглядит, по нашему мнению, нелогичным. Мы позволим себе не согласиться с выбранным решением отечественного законодателя, по-

²⁰ Аничкин А.В. Институт обратной отсылки в современном международном частном праве // Московский журнал международного права. – 2001. – № 1. – С. – 40.

²¹ Международное частное право: современные проблемы. Под ред. М.М. Богуславского. М., 2004. – С. – 176.

²² Закон Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже» от 07.07.1993 года № 5338-1 // Российская газета. – №156. – 14.08.1993.

²³ Варавенко В.Е. Решение проблемы обратной отсылки в международном частном праве РФ // Актуальные проблемы юридических наук: сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции – Пенза, 2007.

сколькx данное решение не соответствует объективным характеристикам ситуации, а также принципам применения иностранного права. И на наш взгляд, отказ от учета содержания и применения коллизионных норм иностранного права является ярким примером абсолютизации «внутригосударственного» аспекта ситуации обратной отсылки, а также грубым нарушением требования уважения суверенитета иностранного государства, выраженного в принципах сотрудничества и суверенного равенства государств. В целом, отечественный законодатель лишь имитирует принятие во внимание «международного» аспекта ситуации обратной отсылки.

Конечно, сказывается отсутствие судебной практики о принятии обратной отсылки. Причиной отсутствия такой практики, на наш взгляд, заключается в том, что:

- 1) такие вопросы практически никогда не ставятся в суде;
- 2) не освещаются в решениях судов, поскольку они возможно достаточно сложные и судьи просто не указывают на них в своих решениях и, как следствие этому –
- 3) дела, в которых могла бы быть применена обратная отсылка практически не рассматриваются.

Анализируя вышеизложенное подведем итог, нормы, направленные на решение вопроса об обратной отсылке, закрепленные в ст. 1190 ГК РФ достаточно критичны с позиции их практической применимости и результативности, а также с позиции подхода к пониманию ситуации обратной отсылки. И по нашему мнению, решение вопроса относительно обратной отсылки должно опираться на: 1) объективные характеристики обратной отсылки как проблемной ситуации; 2) современное состояние правового регулирования частнопровых отношений, осложненных иностранным элементом, принципы и тенденции развития МЧП.

Список литературы

1. Гукасян. А. А. Обратная отсылка в международном частном праве: некоторые аспекты правового регулирования // Современные проблемы государства и права. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2003. – С. – 373-377.
2. Богуславский М.М. Международное частное право: учебник. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 704 с.
3. Варавенко В.Е. Обратная отсылка и отсылка к праву третьего государства в контексте унификации коллизионного права // Вестник Российской правовой академии. – 2008. – № 2. – С. – 43.
4. Богуславский М.М. Международное частное право: Учебник. 5-е изд., М.: Юрист. – 2005. – С. – 604.
5. Вводный закон к Гражданскому уложению Германии от 18.08.1896г. (в ред. От 21 сентября 1994г., с последующими изменениями до 31 мая 2005г.) // Гражданское уложение Германии (Бергман В.), начные редакторы. – А.Л. Маковский и другие. – 2-е изд., доп. – М.: Волтерс Клувер. – 2006.
6. Перетерский И. С., Крылов С. Б. Международное частное право. М. – 1940. – С. – 42.
7. Варавенко В.Е. Сравнение доктринальных и законодательных решений проблемы обратной отсылки в международном частном праве России // Сб. материалов II Международная научно-практическая конференция «Образование и наука без границ – 2007». – Белгород, 2007.
8. Белозерцев Е.П. Международное частное право: коллизионное регулирование. М., 2004. – С. – 114-116.
9. Международное частное право: Учеб. Отв.ред. Г.К. Дмитриева. – 2-е изд., М.: ТК Велби, Изд-во Проспект. – 2008. – С. – 157.
10. Канашевский В.А. Международное частное право. М., 2009. – С. – 134.
11. Мандельштам А.Н. Гаагские конференции по кодификации международного частного права. Т. 1. Кодификация МЧП: [Электронный ресурс]. – СЭПС Гарант. – М.: 2004.
12. Ивановский И.А. Опыт новых построений в области частного международного права. – СПб., 1911. – С. – 68-70.
13. Толстых В.Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. – СПб.: Изд-во Р.Асланова «Юридический центр Пресс». – 2004. – С. – 210.
14. Ануфриева Л.П. Международное частное право. Т. 1. М., 2002; Богуславский М.М. Международное частное право. М., 1974; Бужигаева Т.Е. Международное частное право. М., 2005; Галенская Л.Н. Международное частное право. М., 1983; Звекон В.П. Международное частное право: Курс лекций. М., 2001; Федосеева Г.Ю. Международное частное право. М., 2005.

15. Аничкин А.В. Институт обратной отсылки в современном международном частном праве // Московский журнал международного права. – 2001. – № 1. – С. – 24-29.
16. Марышева Н.И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. М., 2007. С. 59-60.
17. Гражданский кодекс РСФСР от 12.06.1964 г. // Ведомости ВС РСФСР, 1964. – № 24. – Ст. 406.
18. Основы гражданского законодательства от 10.04.1962 // Ведомости ВС СССР, 1961. – № 50. – Ст. 525.
19. Международное частное право: современные проблемы. Под ред. М.М. Богуславского. М., 2004. – С. – 176.
20. Закон Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже» от 07.07.1993 года № 5338-1 // Российская газета. – №156. – 14.08.1993.
21. Варавенко В.Е. Решение проблемы обратной отсылки в международном частном праве РФ // Актуальные проблемы юридических наук: сборник статей III Всероссийская научно-практическая конференция – Пенза, 2007.

RENOI IN THE THEORY OF INTERNATIONAL PRIVATE LAW

O.V. KOSTINA¹⁾

O.R. SHEVCHENKO²⁾

Belgorod State University

¹⁾ **e-mail: kostov80@rambler.ru**

²⁾ **e-mail: kostov80@rambler.ru**

The article deals with the problem of renvoi as a means of conflict rule in international private law. Analyzed in terms of foreign and domestic scientists, acting as the adoption of renvoi, and for its failure, is considered solution to the problem of renvoi in the context of Russian legislation. Reveals several problematic moments of renvoi, it is proposed solutions to address them.

Key words: private international law, conflict rule, renvoi, how to apply conflict rules.

УДК 347.61/64

РАЗДЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ СУПРУГОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ-УЧАСТНИКАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

А.Н. ЛЕВУШКИН*Ульяновский
государственный
университет**e-mail: lewuskin@mail.ru*

Статья посвящена некоторым особенностям правового регулирования раздельной собственности супругов в Российской Федерации и отдельных государствах-участниках Содружества Независимых Государств. Автор проводит сравнительно-правовой анализ регулирования имущественных отношений между супругами, уделяя наибольшее внимание правовой регламентации раздельной собственности супругов законодательством стран СНГ. В статье на основе анализа различных национальных правовых актов государств – участников СНГ исследуются некоторые наиболее актуальные вопросы режима раздельной собственности супругов в государствах СНГ.

Ключевые слова: Государства-участники Содружества Независимых Государств, супруги, имущество, раздельная собственность супругов, совместная собственность супругов.

Важность рассмотрения вопроса об имуществе каждого из супругов (раздельной собственности) в отдельных государствах-участниках Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) состоит в том, что добрачное имущество не подлежит разделу при расторжении брака и тем самым защищает имущественные интересы сторон.

Статья 26 Кодекса Республики Беларусь о браке¹ и семье воспроизводит положение о том, что к имуществу, не входящему в состав совместной собственности супругов, а принадлежащему каждому из них, относятся: полученное одним из супругов во время брака в дар и в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам.

Помимо положений, предусмотренных статьей 26 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, статья 36 Семейного кодекса Российской Федерации², статьи 36 Семейного кодекса Республики Таджикистан³, статья 25 Семейного кодекса Республики Узбекистан⁴ и статья 34 Закона Республики Казахстан «О браке и семье»⁵ включают и то имущество, которое получено одним из супругов во время брака по иным безвозмездным сделкам. Такая же норма содержится и в статье 37 Семейного кодекса Кыргызской Республики.⁶

В качестве иных безвозмездных сделок на практике может выступать приданое, выделяемое родственниками жене. Судебная практика относит к собственности каждого супруга, полученные им ценные призы, премии, если последние присуждены за индивидуальные творческие достижения, какими являются, например, государственные премии, а также другие награды, медали и тому подобное, если, конечно, премии не являются способом дополнительного вознаграждения за труд как вид заработной платы. В последнем случае они включаются в состав общего имущества.

¹ Кодекс о браке и семье Республики Беларусь //

http://www.minjust.ru/ru/activity/international_cooperation/infozags/zagszakvo/index.php?from4=2.

² Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.12.2010 N 386-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 1. Ст. 16.

³ Семейный кодекс Республики Таджикистан. – Режим доступа: <http://www.asia-realty.ru/co-zakon-tajikistan.php?Id=351> (дата обращения: 15.11.2010).

⁴ Семейный кодекс Республики Узбекистан// http://www.minjust.ru/ru/activity/international_cooperation/infozags/zagszakvo/http://www.minjust.ru/ru/activity/international_cooperation/infozags/zagszakvo/.

⁵ Закон Республики Казахстан «О браке и семье» //

http://www.minjust.ru/ru/activity/international_cooperation/infozags/zagszakvo/index.php?from4=2.

⁶ Семейный кодекс Кыргызской Республики //

http://www.minjust.ru/ru/activity/international_cooperation/infozags/zagszakvo/index.php?from4=2.

В случаях спора часто бывает необходимо отграничить подарки, сделанные одному супругу, от свадебных подарков, которые, как правило, делаются обоим супругам и, следовательно, относятся к их общей собственности⁷.

В пункте 9 постановления Пленума Верховного Суда Украины от 12 июня 1998 г. № 16 «О применении судами некоторых норм Кодекса о браке и семье Украины» говорится о том, что общим совместным имуществом могут быть страховая сумма, страховое возмещение, уплаченные за счет общих средств супружества, страховые платежи, которые были повернуты при досрочном расторжении договора страхования или которые мог бы получить один из супругов в случае досрочного расторжения такого договора на время фактического прекращения брака. Сомнений в необходимости таких разъяснений не может быть, ведь обусловленные они нуждами судебной практики, которая не всегда была однозначной.

В юридической литературе относительно правового режима страховых платежей, страховых сумм и возмещений также высказывались разные взгляды. Так, на мысль одних авторов, страховые суммы, полученные одним из супругов по договору добровольного личного страхования, должны считаться его личным имуществом. Относительно же имущественного страхования высказывалась мысль о возможности признания полученных одним из супругов страховых сумм (возмещений) общей собственностью, если было застрахованное их общее имущество.

При определении правового режима страховых возмещений необходимо исходить из того, что они являются общей совместной собственностью, если имело место страхование общего совместного имущества супругов, и раздельной, если страховалось раздельное имущество одного из супругов. Тем не менее, возникает вопрос о правовой судьбе страховых платежей, внесенных одним из супругов – страхователем по договору страхования его раздельного имущества, ведь такие платежи могли вноситься за счет общих средств супругов. Они могут быть возвращены страхователю при досрочном прекращении договора согласно ст. 28 закона «О страховании» (в редакции от 4 октября 2001 г.). Очевидно, если они вносились за счет общих средств супружества, то также должны считаться его общей собственностью.

Определение конкретного имущества, принадлежавшего каждому супругу до брака (добрачного имущества), подтверждается соответствующими документами, которые свидетельствуют о приобретении его до вступления в брак, или свидетельскими показаниями и споров, как правило, не вызывает.

Семейный кодекс Украины⁸ содержит целую главу, посвященную праву личной частной собственности мужа и жены. Помимо положений, предусмотренных Кодексом Республики Беларусь о браке и семье и Семейным кодексом Российской Федерации, Семейный Кодекс Украины к личному имуществу жены (мужа) относит, в том числе, и имущество, приобретенное ей (им) за время брака, но за средства, которые принадлежали ей (ему) лично.

В данном случае имеются ввиду денежные суммы, вырученные от реализации добрачного имущества или иного имущества, принадлежащего на праве собственности одному супругу и в последствии были израсходованы на приобретение иных вещей или внесены в качестве вклада в банк или иную коммерческую организацию.

Хотя такое положение и не зафиксировано в Семейном кодексе Российской Федерации оно презюмируется. Так, Пленум Верховного Суда РФ дал следующее разъяснение по этому вопросу: «имущество, приобретенное хотя и во время брака, но на личные средства одного из супругов, принадлежавшие ему до вступления в брак, а также полученное в дар или в порядке наследования», не становится совместной собственностью супругов. Следовательно, если на деньги, вырученные от продажи дачи, принадлежавшей до брака жене, была приобретена мебель, которой пользуются все члены семьи, то эта мебель ос-

⁷ Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации/ О.Ю. Ильина.// М.: Городец, 2007. – С. 186.

⁸ Семейный кодекс Украины //

http://www.minjust.ru/ru/activity/international_co-operation/infozags/zagszakvo/.

тается в собственности жены. Если на вклад в сбербанке, который принадлежит одному супругу, затем вносились дополнительно средства, составляющие общую собственность супругов, то при разделе вклада нужно выделить сумму, которая принадлежит первому супругу.

Одинаково решается вопрос о вещах индивидуального пользования. Вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и т.д.), за исключением драгоценностей и других предметов роскоши, хотя и приобретенные в период брака за счет общих средств супругов, признаются имуществом того супруга, который ими пользовался.

К вещам индивидуального пользования можно отнести, например, компьютер для программиста, рояль для музыканта, рыболовные снасти для любителя рыбной ловли. Поскольку стоимость вещи для признания ее роскошью законом не устанавливается, определение этого критерия в каждом конкретном случае остается на рассмотрение суда.

Значительно более сложной есть ситуация с ценностями и предметами роскоши, поскольку ни закон, ни судебная практика еще не сформулировали определения понятия такого имущества. В связи с этим, в частности, предлагалось считать ценностями и предметами роскоши вещи, которые не являются необходимыми и имеют значительную стоимость, а при этом необходимо учитывать уровень жизни семьи. Однако, как отмечалось в юридической литературе, к таким предметам могут быть отнесены драгоценные камни и изделия из них, другие украшения, на приобретение которых израсходованная значительная сумма денег из общего бюджета семьи, редчайшая посуда, картины известных художников, антикварные и другие уникальные вещи.

Такая точка зрения была поддержана и кое-что развитая в украинской юридической литературе, в которой отмечалось, что ценностями и предметами роскоши могут быть ювелирные изделия из ценных металлов, камней, антикварные или другие уникальные вещи, изделия чрезвычайно высокой стоимости. Эта точка зрения содержит довольно важный и конкретный критерий – это должны быть вещи сверхвысокой стоимости. При таком подходе ювелирные изделия из золота и ценных камней обычной стоимости должны признаваться раздельной собственностью того из супругов, который пользуется ими в повседневной жизни. Другое дело, что законодательная терминология должна подкрепляться конкретными критериями для правильного толкования того или другого термина, ведь от этого наконец (как в данном случае) зависит правовая судьба имущества супружества. Однако перспектив в решении этой проблемы пока что не намечает.

Больше того, как не удивительно, в Семейном кодексе Украины правовой режим имущества индивидуального пользования и ценностей определен во многом по-новому, ведь согласно пункт 2 статьи 57 Семейного кодекса «личной частной собственностью жены и мужчины есть вещи индивидуального пользования, в том числе ценности, даже тогда, когда они были приобретены за счет общих средств супружества». Как видим, приведенная норма содержит две основные новеллы. Во-первых, в новом Семейном кодексе Украины не приводится ориентировочный перечень вещей индивидуального пользования, которое, конечно, в будущем будет создавать трудности в рассмотрении споров о изменности имущества между супругами. Во-вторых, в нем закреплено без весомых на то оснований принцип раздельности ценностей, приобретенных за общие средства, которые за действующим до недавнего времени в Кодексе о браке и семье признавались общим имуществом супругов. Практика подтвердила эффективность конструкции часть 2 статьи 24 Кодекса о браке и семье, на что нельзя не учитывать в современном этапе нормотворчества. Считаем, что наличие в новом семейном законодательстве подобной нормы есть крайне необходимой, ведь она внесет определенность в правовой режим такого имущества, будет оказывать содействие уменьшению количества споров между супружеством относительно такого имущества. Верным оказался принцип раздельности имущества супругов, которое получено каждым из них в дар или в порядке наследования. Он нашел свое определенное закрепление и продолжение в Семейном кодексе.

Кроме того, Семейный Кодекс Украины в отличие от Семейного кодекса Российской Федерации и Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, закрепляет возможность признания судом в качестве личной частной собственности жены, мужа имущество, приобретенное ею, им за время их раздельного проживания в связи с фактическим прекращением брачных отношений.

Имущество каждого из супругов может быть признано их общей совместной собственностью, если будет установлено, что в период брака были произведены вложения, значительно увеличившие стоимость этого имущества (капитальный ремонт, переоборудование и т.п.), если иное не предусмотрено брачным договором. Данные положения содержатся в Семейных кодексах Украины и Российской Федерации, а также Законе Республики Казахстан «О браке и семье».

Правила, установленные комментируемой статьей о признании имущества одного из супругов их совместной собственностью, применяются судебной практикой давно и относятся к вещам длительного совместного пользования супругов, к домам, дачам, которые из собственности одного супруга, таким образом, переходят в совместную собственность. Для этого необходимо установить, что в период брака стоимость имущества одного супруга существенно увеличилась за счет общего имущества супругов или за счет труда и средств другого супруга. Это положение может применяться и к автомашинам, дорогостоящим приборам и оборудованию длительного пользования, в современных условиях – к предприятиям. В таких случаях возникает вопрос: с какого момента возникает совместная собственность супругов на эти предметы. В случае спора этот момент определит суд исходя из изменений, которые произошли с предметом в связи с капитальным ремонтом, переоборудованием и тому подобное и теми вложениями другого супруга, вследствие которых стоимость этого имущества увеличилась.

Отмеченные последствия (переход имущества от раздельного к общему супружескому), как уже отмечено, настанут по решению суда.

При этом сам по себе факт длительного совместного использования в интересах семьи имущества, являющегося собственностью одного из супругов, и совместный хозяйственный уход по сохранению этого имущества не является основанием для возникновения общей совместной собственности. Недостаточным, скажем, для признания дома общей собственностью есть сам по себе факт переоборудования его или проведение капитального ремонта. Важным является то, что преобразование имущества происходило вследствие денежных или трудовых затрат второго супруга или их обоих. Обязательно нужно установить, что данное имущество существенно увеличилось в цене. При таких обстоятельствах законодательство допускает возникновение общей совместной собственности супругов на раздельное имущество, принадлежавшее им. Другой супруг при разделе такого имущества получает часть его.

Важно и то, что общая совместная собственность супругов может возникнуть и в результате переработки супругами имущества (материалов), принадлежащих одному из них. Однако это будет основанием возникновения общей собственности на новообразованную вещь только в том случае, когда её ценность значительно выше, нежели стоимость использованного (переработанного) имущества (материала) и при условии, что новообразованная вещь возникла в результате совместного труда супругов, или за счет средств того супруга, не являющегося собственником переработанного материала. В том случае, когда труд и средства одного из супругов, вложены в имущество другого, в незначительной степени улучшили это имущество, супруг, понесший расходы, может требовать возмещения этих затрат, но не признания себя совладельцем этого имущества.

Выводы.

Таким образом, сравнительно-правовое исследование отдельных положений правового регулирования режима раздельной собственности супругов обосновывает необходимость пересмотра некоторых норм Семейный кодекс Российской Федерации и включения в него ряда положений, содержащихся в украинском и белорусском семейно-брачном законодательстве, которые в течение сравнительно небольшого срока их действия сумели доказать свою практическую значимость в вопросах правового регулирования.

Список литературы

1. Кодекс о браке и семье Республики Беларусь
// http://www.minjust.ru/ru/activity/international_cooperation/infozags/zagszakvo/index.php?from4=2.
2. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.12.2010 N 386-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 1. Ст. 16.
3. Семейный кодекс Республики Таджикистан. – Режим доступа: <http://www.asia-realty.ru/co-zakon-tajikistan.php?Id=351> (дата обращения: 15.11.2010).

4. Семейный кодекс Республики Узбекистан // http://www.minjust.ru/ru/activity/international_cooperation/infozags/zagszakvo/http://www.minjust.ru/ru/activity/international_cooperation/infozags/zagszakvo/.
5. Закон Республики Казахстан «О браке и семье» // http://www.minjust.ru/ru/activity/international_cooperation/infozags/zagszakvo/index.php?from4=2.
6. Семейный кодекс Кыргызской Республики // http://www.minjust.ru/ru/activity/international_cooperation/infozags/zagszakvo/index.php?from4=2.
7. Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. – М.: Городец, 2007.
8. Семейный кодекс Украины // http://www.minjust.ru/ru/activity/international_cooperation/infozags/zagszakvo/.

SEPARATE PROPERTY OF SPOUSES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE SEVERAL STATES-PARTICIPANTS IN THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES: COMPARATIVE LEGAL RESEARCH

A.N. LEVUSHKIN

Ulyanovsk State University

e-mail: lewuskin@mail.ru

The article discusses some features of legal regulation of the separate property of spouses in the Russian Federation and several states-participants of the Commonwealth of Independent States. The author carries out the rather-legal analysis of regulation of property relations between spouses, paying attention to legal regulation of the separate property of spouses in the legislation of the CIS countries. The article analyzes various national legal certificates of the states-participants of the CIS and investigates questions of modes of the separate property of spouses in the states CIS.

Key words: States-participants of the Commonwealth of Independent States, spouse, property, separate property of spouses, joint property of spouses.

УДК 349.2

ТРУДЯЩИЕСЯ (РАБОТНИКИ) – МИГРАНТЫ И ИНОСТРАНЦЫ, РАБОТАЮЩИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

В.Л. МИХАЙЛИКОВ¹⁾
О.В. НИКУЛИНА²⁾

*¹⁾ Белгородский
государственный
университет*

e-mail: mihailikov.vitalii@mail.ru

*²⁾ Белгородский юридический
институт МВД России*

e-mail: mihailikov.vitalii@mail.ru

Наблюдающийся в последние годы количественный рост трудовой миграции в Россию, в том числе нелегальной, требует сбалансированной политики российского государства для повышения эффективности борьбы с незаконной миграцией, масштабы которой весьма значительны. Проведение эффективной миграционной политики требует в то же время соблюдения прав и законных интересов трудящихся-мигрантов, упрощения порядка въезда-выезда и пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации с достижением при этом баланса между использованием национальных трудовых ресурсов и привлекаемой иностранной рабочей силой.

Ключевые слова: работник, миграция, иностранцы.

Рассмотрение правового статуса иностранных работников следует начать с изучения понятийного аппарата, включающего законодательное определение таких терминов, как «иностранец», «иностранец-гражданин», «иностранец-работник» и «трудящийся-мигрант».

Правовое определение понятия «иностранец-гражданин» первоначально было сформулировано в Федеральном законе «О гражданстве Российской Федерации»¹, в соответствии с которым иностранным гражданином признается лицо, не являющееся гражданином РФ и имеющее гражданство (подданство) иностранного государства.

Немногом позднее понятие «иностранец-гражданин» было закреплено в Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в РФ»². Данный правовой документ определяет положение иностранных граждан в РФ, порядок их учета, а также контроля над ними. Для целей данного Закона иностранным гражданином признается физическое лицо, не являющееся гражданином РФ и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства.

Как видно, эти два определения не являются полностью идентичными, поскольку в соответствии с вышеназванным законом, у иностранца должно быть доказательство наличия иностранного гражданства, а Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» такого требования не устанавливает.

В Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в РФ» впервые дано определение понятия иностранного работника, то есть иностранного гражданина, временно пребывающего в Российской Федерации и осуществляющего в установленном порядке трудовую деятельность.

Хотелось бы также отметить, что из существующего определения явно следует, что понятие «иностранец-работник» не распространяется на иностранных граждан, временно или постоянно проживающих в РФ.

Таким образом, эти категории иностранных граждан во многом уравниваются в трудовом правовом статусе с гражданами РФ, хотя на них и распространяются некоторые законодательные ограничения, связанные с осуществлением трудовой деятельности (например, по общему правилу временно проживающим иностранным гражданам не разрешается заниматься трудовой деятельностью вне субъекта РФ, в котором им разрешено

¹ Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации». Собрание законодательства РФ. 31.05.2002. № 62. ст. 2031.

² Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в РФ» // Российская газета. № 115. 25.07.2002.

временное проживание, за исключением определенных случаев), а также ограничения, применимые ко всем иностранным гражданам.

Определенная сложность в регулировании правового положения иностранных граждан в сфере труда на территории РФ заключается в том, что в законодательстве РФ нет определения понятия «трудящийся-мигрант».

В то же время согласно п. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Однако в международно-правовых актах, в том числе международных договорах с участием РФ, употребляется термин «трудящийся-мигрант», а не «иностраный работник». В связи с этим появляется необходимость исследовать понятие «трудящийся-мигрант», определить круг лиц, составляющих данную категорию, провести сравнительный анализ терминов «трудящийся-мигрант» и «иностраный работник», а также понятие «трудящийся-мигрант» для последующего внесения в российское законодательство.

Понятие «трудящийся-мигрант» закреплено в актах ООН, МОТ, а также актах региональных международных организаций.

Так, Генеральной Ассамблеей ООН в 1990 г. была принята Международная конвенция ООН «О защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей». Данная Конвенция определила термин «трудящийся-мигрант» как «лицо, которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого он или она не является».

Вышеназванная Конвенция не применяется к лицам, направленным или нанятым международными организациями; лицам, статус которых регулируется соглашением с государством работы по найму и которые в соответствии с этим соглашением не считаются трудящимися-мигрантами; инвесторам; беженцам и лицам без гражданства; учащимся и стажерам; морякам и трудящимся, занятым на стационарной прибрежной установке, которым не было выдано разрешение на проживание и участие в оплачиваемой деятельности в государстве работы по найму.

Исходя из смысла этого определения, можно выделить две важные характеристики трудящихся-мигрантов, отражаемые в Конвенции.

Во-первых, подчеркивается, что статус «трудящегося-мигранта» распространяется не только на работающих или работавших ранее лиц, но и на лиц, только собирающихся приступить к работе.

И, во-вторых, что к трудящимся-мигрантам относятся и нелегальные мигранты, т.к. в определении нет уточнения, что к данной категории лиц могут быть отнесены только лица, законно осуществляющие трудовую деятельность.

Данная Конвенция была ратифицирована необходимым количеством государств только в 2003 г. и тогда же вступила в силу. Следует отметить, что эта Конвенция распространяет понятие «трудящийся-мигрант» на наиболее широкий круг лиц по сравнению со всеми иными международно-правовыми договорами и актами. Очевидно, незначительное количество ратификаций обусловлено распространением понятия «трудящийся-мигрант» и на нелегальных мигрантов.

Между РФ и преимущественно странами бывшего СССР, а также некоторыми иными государствами был заключен целый ряд двусторонних договоров о сотрудничестве в области трудовой миграции.

На 2007 г. вступили в силу договоры РФ с Таджикистаном, КНР, Республикой Польша, Литовской Республикой, Республикой Армения, Республикой Молдова, Украиной, Киргизской Республикой, Словацкой Республикой, Социалистической Республикой Вьетнам.

Эти международные договоры также несколько по-разному трактуют понятие «трудящийся-мигрант».

В качестве оснований классификации этих соглашений предлагаем ввести, во-первых, гражданскую принадлежность участников, во-вторых, основания возникновения трудовых отношений и, в-третьих, срок осуществления трудовой деятельности.

1. Для определения круга лиц, являющихся трудящимися-мигрантами, для целей данных Соглашений в основном используется принцип гражданства работников.

Так, Соглашения «О принципах трудовой деятельности российских граждан на территории Республики Польша и польских граждан на территории РФ», «О трудовой деятельности и социальной защите граждан РФ, работающих на территории Республики Армения, и граждан Республики Армения, работающих на территории РФ», «О трудовой деятельности и защите прав граждан РФ в Республике Таджикистан и граждан Республики Таджикистан в РФ» и др. распространяются только на граждан соответствующих государств, осуществляющих трудовую деятельность в государстве, с которым заключено такое соглашение.

2. В отношении оснований возникновения трудовых отношений вышеуказанные соглашения также не имеют единого подхода.

Так, Соглашения с Украиной, Республиками Армения и Молдова признают в качестве трудящихся-мигрантов только лиц, работающих по трудовым договорам. Соглашения РФ с Киргизией, Литвой и Словакией распространяются на лиц, работающих не только по трудовым договорам, но и по договорам подряда. Соглашения РФ с КНР и Польшей предусматривают, что в качестве трудящихся-мигрантов допускаются лица, работающие по трудовым договорам или же договорам, заключенным между принимающим государством и юридическими лицами государства гражданства, с которыми работники состоят в трудовых отношениях.

Такая форма привлечения работников заимствована из западной практики и называется «аутсорсинг» (outsourcing). В этих случаях для выполнения какой-либо работы заказчик обращается в организацию, оказывающую услуги по предоставлению специалистов в какой-либо конкретной области, при этом указанные специалисты состоят в трудовых отношениях с этой организацией, но выполняют работу для заказчика.

Наиболее широкий круг лиц признается в качестве трудящихся-мигрантов в соответствии с Соглашением между РФ и Таджикистаном. В данном случае к трудящимся-мигрантам относятся лица, работающие по трудовому договору, гражданско-правовым договорам, а также заемные работники, т.е. лица, работающие по договорам, заключенным между принимающим государством и юридическими лицами государства гражданства, с которыми работники состоят в трудовых отношениях. Столь широкий круг лиц, относящихся к трудящимся-мигрантам, обусловлен, по-видимому, тем, что это Соглашение является самым новым (вступило в силу 16.01.2006) и договаривающиеся стороны отразили в нем существующие реалии, выраженные в многообразии форм труда.

3. Указанные Соглашения также можно разграничить по срокам, в течение которых иностранным гражданам разрешается осуществлять трудовую деятельность.

Нормы большинства соглашений не устанавливают определенного срока осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами, из этого следует вывод, что вопрос об этом сроке решается в соответствии с внутренним законодательством страны трудоустройства (соглашения между РФ и Украиной, Арменией, Молдовой, Литвой).

В соответствии с соглашениями с иными государствами срок выполнения работы иностранными гражданами варьируется от одного года до двух лет, в зависимости от вида заключаемого договора и условий его выполнения.

Следует отметить, что как международными конвенциями, так и двусторонними договорами РФ из круга трудящихся-мигрантов исключаются лица отдельных профессий (лица свободных профессий, моряки и т.д., беженцы и вынужденные переселенцы, и/или иные категории лиц).

Однако подобных оговорок в отношении круга лиц, относимых к иностранным работникам в Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в РФ», не существует. Из этого можно сделать вывод о том, что понятие иностранного работника более широкое, чем понятие трудящегося-мигранта.

Однако хотелось бы не только отметить отсутствие однообразия понимания понятия «трудящийся-мигрант», но и постараться выделить общие черты.

По-видимому, общим в определении трудящихся-мигрантов является то, что, во-первых, к этой категории лиц относятся лица, перемещающиеся из одной страны в другую, во-вторых, целью такого перемещения является трудоустройство в иностранном го-

сударстве (государстве временного проживания), в-третьих, в качестве трудящихся-мигрантов допускаются лица, законно проживающие в стране трудоустройства.

Исключением является лишь Конвенция ООН 1990 г., предлагающая принципиально иной подход и распространяющая понятие «трудящийся-мигрант» и на нелегально занятых работников.

В науке уже предпринимались попытки выработать определение понятия «трудящийся-мигрант».

Б.А. Асриян в своем исследовании указал на некоторые недостатки в данном определении³.

Во-первых, он указывает на отсутствие упоминания о гражданстве трудящегося-мигранта.

Во-вторых, по его мнению, не следует смешивать самого трудящегося-мигранта и членов его семьи, поскольку их приезд в страну направлен на сохранение семейных связей с трудящимся-мигрантом, а не на осуществление трудовой деятельности.

Миграционная политика всех государств строится на принципе дифференцированного подхода к различным профессиональным группам. Этот подход заключается в привлечении максимального числа высококвалифицированных специалистов при одновременном ограничении притока низкоквалифицированных работников. Миграция, кроме того, влияет на уровень жизни населения, социально-политическую и семейную обстановку, конкуренцию, уровень безработицы, общественную безопасность и др. Как отмечает Т.Н. Дохунаева, трудовая миграция является частью международных экономических отношений⁴.

Нельзя не согласиться с замечаниями Б.А. Асрияна. Однако сам он, справедливо отмечая, что термин «иностранец» распространяется не только на иностранных граждан (апатридов), осуществляющих трудовую деятельность по трудовому договору, но и на лиц, работающих на основании гражданско-правовых контрактов, предлагает относить к категории трудящихся-мигрантов только лиц, работающих в РФ по трудовому договору. Ученый также предлагает ввести понятие «работник-мигрант» в российское законодательство для его разграничения с международно-правовым понятием «трудящийся-мигрант» и понятием «иностранец». Однако он не приводит четкой формулировки понятия «работник-мигрант».

На наш взгляд, основополагающими критериями для отнесения к категории «трудящийся-мигрант» являются: отсутствие у лица гражданства РФ, факта допуска в РФ для осуществления трудовой деятельности и фактическое ее осуществление, вне зависимости от того, выполняется ли работа по трудовому договору или гражданско-правовому контракту. Из этого можно сделать вывод, что понятие «трудящийся-мигрант» должно распространяться и на лиц, работающих по гражданско-правовым договорам.

Второй момент, не следует разделять работников-мигрантов по российскому законодательству и трудящихся-мигрантов по нормам международного права. Необходимо ввести понятие «трудящийся-мигрант», которое соответствовало бы основным подходам в международном праве. Введение этого понятия необходимо для обеспечения единообразного понимания трудящихся-мигрантов в отечественном законодательстве, а также для более полной защиты этой категории лиц.

И последнее, нельзя сводить проблему регулирования прав трудящихся-мигрантов только к выделению лиц, работающих по трудовым договорам. Сложность в определении этого понятия заключается также и в том, что лица, работающие по трудовым договорам, могут быть временно пребывающими в нашей стране, постоянно или временно проживающими в РФ. Как уже говорилось выше, необходимо распространить понятие «трудящийся-мигрант» и на работников, временно проживающих в РФ.

На основании вышеизложенного, считаем необходимым присоединиться к предложенному определению трудящегося-мигранта для включения его в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в РФ». Трудящийся-мигрант – граж-

³ Социальные и трудовые права мигрантов в Российской Федерации. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 – М., 2004. – 180 с.

⁴ Дохунаева Т.Н. Миграция населения // Трудовое право. 2006. № 7. – С. 10-17.

данин иностранного государства или лицо без гражданства, постоянно проживающее на территории иностранного государства, мигрирующее в РФ с целью осуществления трудовой деятельности и имеющее доказательство наличия договоренности об осуществлении трудовой деятельности на территории РФ (трудовой договор или гражданско-правовой контракт) или осуществляющее трудовую деятельность в установленном российским законодательством порядке.

Глобализация экономической деятельности является одной из главных тенденций современной международной жизни, которая влияет и на рынок труда. Активно происходящий во всем мире процесс интернационализации производства сопровождается интернационализацией рабочей силы. Миграция в наши дни – мировая проблема. В настоящее время, по данным ООН, 2% населения мира (140 млн. человек) проживают не в той местности, где родились⁵.

Международное право имеет ряд нормативных документов, регулирующих вопросы привлечения и использования иностранной рабочей силы. Главным из них является то, что необходимо добиться баланса между прерогативами государства и правами мигрантов.

Каждое государство имеет собственное национальное законодательство о миграции, исходя из своих конкретных экономических и социальных потребностей.

Проблемами мигрантов заняты в мировом масштабе Международная организация по миграции, в масштабе РФ – Федеральная миграционная служба.

Миграция бывает разных видов, в том числе внутренняя и внешняя, политическая и экономическая (трудовая). Кроме того, миграция бывает брачной и армейской.

Часто грани между разными видами миграции стираются: законная миграция становится нелегальной, временная – постоянной и т.д.

Тенденции развития общемировой миграции:

- 1) увеличение трудовой миграции;
- 2) увеличение ее размеров. В ней участвуют почти все страны, даже те из них, которые являются относительно изолированными от мирового сообщества (Северная Корея, Куба). Миграция из временного фактора превращается в постоянный. Центрами притяжения иностранной рабочей силы являются страны Западной Европы, Саудовская Аравия, Сингапур, Малайзия, некоторые страны Латинской Америки. Своеобразным центром миграции является Израиль, население которого ежегодно увеличивается на 2/3 за счет мигрантов;

- 3) увеличение нелегальной миграции. Часто законная миграция (туристическая, по частным приглашениям) становится незаконной, такие лица трудоустраиваются как могут;

- 4) увеличение в общемировой миграции доли высококвалифицированных специалистов (так называемая утечка мозгов).

По данным МОТ, в Европе проживают 30 млн. мигрантов, в Африке – 20 млн., в Северной Америке – 17 млн., в Латинской Америке – 12 млн., на Ближнем Востоке – 9 млн., в Азии – 7 млн.⁶

Как показывает мировой опыт, работники средней квалификации и среднего возраста практически полностью привязаны к национальным рынкам труда (у них складывается профессиональная карьера и т.д.).

Низкоквалифицированные же работники достаточно мобильны. Перемещение таких работников объясняется в основном демографическими и экономическими причинами в странах «третьего мира».

Довольно мобильны также лица молодого и старого возраста (которые уезжают к своим детям). Миграция по срокам действия, в свою очередь, делится на⁷:

- 1) безвозвратную миграцию (со сменой гражданства, на постоянное место жительства);

⁵ Никольская Г.К. Иммигранты на рынке труда развитых стран // Трудовое право. 2002. № 4. – С. 74-82.

⁶ Ступин В. Утечка мозгов: мировые и российские тенденции // Человек и труд. 2002, № 7. – С. 40.

⁷ Гладков Н. Различие понятий «иностраный работник» и «трудоустроенный – мигрант» // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2008. № 1.

2) мигрантов, которые по окончании срока действия трудового договора должны покинуть данную страну;

3) сезонную миграцию – перемещение в определенные периоды года;

4) временную миграцию: по частным приглашениям, по туристическим поездкам, на учебу и отдых.

Миграционная политика почти всех государств сводится к следующим принципам: привлечение квалифицированных специалистов, социальная и культурная ассимиляция приезжающих, сдерживание нелегальной иммиграции.

Эксперты МОТ указывают на следующие моменты в отношении прав мигрантов, которые необходимо соблюдать всем государствам:

- равный доступ в трудоустройстве;
- равный доступ к будущей работе на основе личных качеств;
- равное продвижение по службе;
- обеспечение государственных мер защиты в случае безработицы;
- равная оплата за труд;
- обеспечение безопасных условий труда.

Как и любое социальное явление, миграция имеет свои положительные и отрицательные стороны.

Положительные последствия:

– миграция уменьшает давление на рынок труда страны-экспортера, сокращает безработицу;

– трудовые мигранты, заботясь о своих семьях, посылают значительное количество заработанных денежных средств на родину (по данным ООН, количество пересылаемых денежных средств мигрантами своим семьям составляет 100 млрд. долларов в один календарный год). Эти средства помогают снизить уровень бедности в их стране и помогают развитию местного производства;

– страны-экспортеры используют труд высококвалифицированных работников, не затрачивая усилий на их подготовку.

Любые государственные меры борьбы с нелегальной миграцией бесполезны, если работодателям выгодна подобная система найма рабочей силы, ее оплаты и налогообложения. По данным МВД РФ, мимо государственной казны таким образом «пролетают» миллиарды долларов, оседающих в кармане подобных работодателей.

Выход из сложившейся ситуации – строгое соблюдение трудового и налогового законодательства, обеспеченное принудительной силой государства.

Нелегальные мигранты во время работы часто не имеют минимальных трудовых прав (государственного минимума оплаты труда – МРОТ, установленного законом нормальной продолжительности рабочего времени и времени отдыха, отмечается повышенная интенсивность работ, длительная задержка выплаты зарплаты или выплата ее в неполном объеме и др.).

Как правило, помощь данным работникам оказывает соответствующая этническая община. Эти мигранты легко попадают в сети организованной преступности, что так или иначе негативно отражается как на уровне безработицы, так и на криминогенной ситуации в регионе.

Мигранты выполняют низкооплачиваемые работы по необходимости и в надежде получить более привлекательную работу.

Все это вместе взятое вызывает зачастую неприязнь местного населения и возникновение социальных конфликтов. Многие нелегальные мигранты не имеют письменного трудового договора с нанимателем, в отношении многих из них отмечается сверхэксплуатация труда, использование элементов принудительного труда и дискриминация.

Существует мнение, что самый эффективный способ бороться с нелегальной миграцией – ее легализация. Любому государству выгоднее получать в казну налоги от иностранных работников, чем их депортировать и преследовать штрафами. С данным мнением, на наш взгляд, стоит согласиться частично.

Миграционную амнистию широко применяют во всем мире. Среди ее мер: создание единой информационной базы данных работ для мигрантов, миграционных бирж труда и др.

Таким образом, следует сделать вывод, что миграция – такое явление, бороться с которым весьма проблематично. Она всегда была, имеет место в настоящем и будет в будущем.

Мировое сообщество пришло к выводу о том, что необходимо не бороться с данным явлением, а грамотно координировать законодательные процессы в этой области с соответствующей правоприменительной практикой. Поощрять миграцию из экономически слаборазвитых перенаселенных регионов. Регулярно проводить миграционные амнистии, вводить квоты не на приглашение иностранцев, а на разрешение работать, чтобы мигрант, получивший такую квоту, обладал трудовой правосубъектностью в полном объеме на территории РФ (включая право на свободный поиск работы, обжалование действий работодателя и т.д.).

Список литературы

1. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.06.2002. N 22. ст. 2031.
2. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в РФ» // Российская газета. № 140. 31.07.2002.
3. Гладков Н. Различие понятий «иностраный работник» и «трудящийся – мигрант» // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2008. № 1.
4. Дохунаева Т.Н. Миграция населения // Трудовое право. – 2006, № 7. С. 10-17.
5. Никольская Г.К. Иммигранты на рынке труда развитых стран // Трудовое право. 2002. № 4. С. 74-82.
6. Социальные и трудовые права мигрантов в Российской Федерации. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Асриян Б.А. – М., 2004. – 180 с.
7. Ступин В. Утечка мозгов: мировые и российские тенденции // Человек и труд. 2002. № 7. С. 40.

WORKERS – MIGRANTS AND FOREIGNERS WORKING IN THE RUSSIAN FEDERATION: CORRELATION OF CONCEPTS

V.L. MIHAJLIKOV¹⁾

O.V. NIKULINA²⁾

¹⁾ *Belgorod State University*

e-mail: mihailikov.vitalii@mail.ru

²⁾ *Belgorod Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of Russian*

e-mail: mihailikov.vitalii@mail.ru

Quantitative growth of labour migration observed in recent years to Russia, including illegal one, demands the balanced policy to improve efficiency of struggle against illegal migration which scales are rather significant. At the same time, carrying out an effective migration policy demands to observe the rights and legal interests of migrants' workers, to simplify the entrance – exit and staying of foreign citizens and persons without citizenship in the Russian Federation with achievement such balance between use of national manpower and involved foreign labour.

Key words: worker, migration, foreigners.

УДК 334.732.2:316.3

КРЕДИТНАЯ КООПЕРАЦИЯ КАК ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ДЕТЕРМИНАЦИЯ В УСЛОВИЯХ МИРОВОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В.В. НЕВЛЕВ*Белгородский
государственный
университет**e-mail: info@bsu.edu.ru*

В условиях мирового кризиса и сохраняющейся экономической нестабильности в России кредитные кооперативы выступают одним из гарантов социальной защищенности ее граждан. Рассматривается роль кредитной потребительской кооперации в создании механизмов функционирования гражданского общества.

Ключевые слова: кредитная кооперация, гражданское общество, кооперативные ценности, финансовая взаимопомощь, социальная защищенность, правовое регулирование.

Парадигма гражданского общества сегодня рассматривается в качестве вектора, определяющего направление развития российской государственности. Известно, что становление гражданского общества является отражением эволюции социально-экономических отношений, находящим субстанциональное выражение в появлении ассоциаций экономически свободных индивидов, обладающих равными правами и возможностями. Следовательно, возможность самоорганизации гражданского общества детерминирована средой, то есть социально-экономическими и правовыми условиями, создаваемыми, в конечном счете, государством.

Вопрос о юридической природе гражданского общества, формах взаимодействия институтов гражданского общества и государства, несмотря на обилие теоретических исследований, остается открытым. Об этом свидетельствуют диаметрально противоположные дефиниции юридических формулировок, а также отсутствие у институциональных образований гражданского общества самоидентификации в качестве части гражданского общества.

Анализ научных источников по проблемам кредитной кооперации, как структуры гражданского общества, позволяет заключить, что данная тематика не получила должного исследовательского внимания. В частности, отсутствуют работы, направленные на выявление онтологического статуса кредитной кооперации. Тем не менее, изучение деятельности кредитной потребительской кооперации как элемента гражданского общества может создать необходимый научный базис для реформирования финансово-кредитной системы Российской Федерации, что особенно актуально в условиях экономической нестабильности.

Исследование сущности кредитной потребительской кооперации как института гражданского общества следует предварить обращением к дефиниции «гражданское общество».

Дифференциация таких феноменов как «общество» и «государство» произошла в процессе генезиса человечества, сопровождавшегося изменениями форм и способов организации бытия индивидов, обусловивших постепенное отделение публичного и политического от частного неполитического. Термин «гражданское общество» ведет свое происхождение от древнеримского слова «*civitas*», употреблявшегося для обозначения сообщества римских граждан. Здесь прослеживается этимологическое несоответствие формулировки ее содержанию. Ведь гражданское общество – отнюдь не общество граждан (политических субъектов), а, напротив, сообщество частных (неполитических) лиц – носителей частных целей и интересов. Сообщество же граждан можно рассматривать как государство, то есть политическое сообщество¹.

¹ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: Учебник для вузов. – М, 1999. – С. 279.

Как отмечает Л.Ю. Грудцына: «Политико-правовой анализ субстанциональных основ гражданского общества должен проводиться в двух плоскостях: 1) гражданское общество можно рассматривать как идею, доктрину, утопию (идеологический аспект); 2) гражданское общество можно представить как взаимосвязанную систему общественно-политических институтов (институциональный аспект)»².

Интересную трактовку понятия «гражданское общество» предлагает Н.И. Матузов, утверждающий, что любое общество (за исключением догосударственных или родовых) является гражданским, так как состоит из граждан. Ученый считает, что гражданское общество – это «совокупность внешнегосударственных и внешнеполитических отношений (экономических, социальных, культурных, нравственных, духовных, семейных, религиозных), образующих особую сферу специфических интересов свободных индивидов-собственников и их объединений»³.

В.Д. Зорькин и В.А. Кикоть рассматривают гражданское общество как рациональный способ социального существования людей, основанный на разуме, свободе, демократии и праве, благодаря которому устанавливается необходимая доля вмешательства в экономическую, социальную и культурную жизнь⁴. Л. Карпов говорит о гражданском обществе как о совокупности «независимых от государства производителей, а также саморегулирующихся организаций, вроде профсоюзов, политических партий, культурных организаций, научных ассоциаций, а также семьи и церкви»⁵.

Таким образом, большинство исследователей выделяют в качестве главного признака гражданского общества его автономию, иммунитет от вмешательства государства. Анализ различных подходов к феномену «гражданское общество» позволяет предположить, что его основными характеристиками являются свобода и инициативность его членов, имеющих возможность и желание объединяться в группы, ассоциации; многообразие форм собственности, возможность доступа к собственности на основаниях, регламентированных законодательством; признание и обеспечение прав и свобод человека.

Гражданское общество создается институционально из потребностей отдельных индивидов в объединении в целях отстаивания своих политических, экономических, духовных и иных интересов. Сущность гражданского общества заключается в его негосударственной природе, а существование возможно лишь в условиях развитого производства и наличия среднего класса. В демократическом правовом государстве институты гражданского общества призваны обеспечивать соблюдение прав и свобод, осуществлять общественный контроль деятельности государственной власти, формировать режим согласования интересов общества и государства, являть собой элемент системы социальной защиты.

Специфика становления гражданского общества в России заключается в том, что его элементы строились в значительной степени не на экономическом базисе и частной собственности, как это было на Западе, а на ассоциации отдельных личностей в институте земства. Причем процесс формирования гражданского общества был инициирован «сверху», реализовываясь через предоставляемые права на объединения с целью самоуправления.

Немаловажную роль в развитии традиций гражданского общества сыграла сельская поземельная община, в рамках которой были сильны идеи самоуправления, справедливости и коллективизма. Особенности российского менталитета, которому присущи соборность, склонность к объединению ради преодоления трудностей, предопределили популярность коллективных форм хозяйствования, к которым можно отнести и кооперацию.

Гражданское общество в России зарождалось в особых социокультурных реалиях, характеризующихся явно выраженным этатизмом общественной жизни, что, в свою очередь, было следствием геополитических условий, ментально-религиозных и природно-

² Грудцына Л.Ю. Адвокатура, нотариат и другие институты гражданского общества в России. / Под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Михалевой. – М.: Издательство «Деловой двор», 2008. – С. 32.

³ Матузов Н.И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. – 1995. – №3. – С. 84-85.

⁴ Зорькин В.Д., Кикоть В.А. Новая Конституция – путь к свободе. – М., 1995. – С. 4.

⁵ Карпов Л. Россия и правовое государство // Свободная мысль. – 1992. № 9. – С. 24.

географических факторов. В России практически отсутствовала группа «средних» собственников: русское купечество лишь отдаленно напоминало европейских предпринимателей. Это связано, на наш взгляд, с имевшими место особенностями правового регулирования деятельности корпораций, монополией государства на производство и продажу отдельных товаров, отсутствием развитой транспортной инфраструктуры, другими факторами.

Формальное закрепление за купечеством корпоративных прав при Петре I, получившее дальнейшее развитие в царствование Екатерины II, не смогло обеспечить должного уровня автономии этого сословия и инициировать развитие рыночных структур⁶. Тем не менее, вторая половина XIX – начало XX веков ознаменовались появлением ряда «самодеятельных» организаций, среди которых были благотворительные и просветительские общества, кассы взаимопомощи, профессиональные и творческие объединения.

Идеи кооперативной идеологии весьма органично вошли в традиционный уклад жизни большинства жителей Российской империи, привыкших в сложных условиях существования рассчитывать на себя и на помощь общины. Многие исследователи отмечают в качестве специфической черты российской кооперации ее идеальное «наложение» на ментально-культурные традиции, воплощающиеся в коллективизме, патриотизме, соборности. В частности, А.В. Чаянов указывал, что «идеологический заряд кооперации призван, с одной стороны, компенсировать отсутствие нормальных экономических и социальных условий для ее развития, а с другой должен явиться истоком того хозяйственного, а возможно, и социального идеала, который мыслится исходя из теоретического обоснования наличных форм экономической организации»⁷.

Социальные традиции российского населения базируются на обширности территорий, расположенных преимущественно в местностях с суровым климатом, удаленности от мировых экономических центров, отсутствию дорог и транспортной инфраструктуры. Выживание в столь сложных условиях было возможно только благодаря консолидации усилий, что предопределило преобладание коллективных форм ведения хозяйства. Немаловажную роль в формировании особой коллективной идеологии сыграло православие как религия, постулаты которой подразумевают органическое объединение личности и общества, а социальным идеалом земного бытия выступают идеи всеобщности и всеединства.

Соответствие кооперативных идей традициям российского хозяйствования подтверждает уровень развития кооперации в России на рубеже XIX-XX веков. В предреволюционной России насчитывалось порядка 400 тыс. кооперативов различных видов с общим числом членов около 19 млн. человек⁸. Это связано, по нашему мнению, с тем, что стремление к объединению, проистекающее из свойственных человеческой природе чувств солидарности и взаимопомощи, в отдельные моменты истории становится единственно возможным средством выживания.

В начале XXI века российское гражданское общество все еще находится у истоков своего институционального становления, о чем свидетельствуют отсутствие практики длительного и эффективного функционирования компонентов гражданского общества, неразвитость социального инициирования, доминирование в сознании народа этатистских представлений. Между тем, только свойственное институтам гражданского общества диалектическое противоречие, выражающееся в том, что частный интерес способствует в конечном итоге достижению общественного блага, может обеспечить прогресс общества и государства.

Закрепленное в Конституции Российской Федерации 1993 года право каждого на объединение является юридической основой образования и деятельности различных видов и форм общественных объединений, способных решать проблемы общества в сфере обеспечения политических, экономических, социальных и иных прав. Воплощение идеала «гражданского общества» возможно через систему общественных институтов, не-

⁶ См.: Rieber A.I. *Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia*. – Chapel Hill, 1982. – P. 65.

⁷ Домников С.Д. Кооперативный идеал в России начала XX века. Кооперация. Страницы истории. Вып.4, – М., 1994. – С. 17.

⁸ Сероштан М.В., Соловых Н.Н. Российская социальная традиция как духовно-нравственная основа развития потребительской кооперации // *Фундаментальные и прикладные исследования*. – 2004. – № 2-3. – С. 21.

которые из которых в нашей стране еще не функционируют. При этом не стоит забывать, что главным элементом гражданского общества является духовно и экономически свободный индивид.

Структура развитого гражданского общества представляет собой совокупность организаций и объединений, фондов и движений, функционирующих в различных сферах общественной жизни и имеющих как коммерческую, так и некоммерческую направленность. Особое место в структуре гражданского общества занимают некоммерческие организации, действующие в сфере потребления. Они включают в свой состав граждан и организации, не имеющих целевой направленности на увеличение личного дохода в результате участия в деятельности таких объединений. Стремление потребительских организаций – достижение общих для организации целей, обеспечение социальной защиты при одновременном стимулировании активности и гражданской ответственности.

Кредитная потребительская кооперация представляет собой негосударственный общественный институт, основанный на членстве и позволяющий индивидам (их группам) удовлетворять финансовые потребности. Как институт гражданского общества кредитная кооперация может рассматриваться в силу наличия ряда специфических черт: во-первых, она отличается от иных финансовых структур наличием уникальных взаимосвязей между членами кредитных кооперативов; во-вторых, у нее имеются особые цели и задачи; в-третьих, можно говорить о существовании кооперативной философии и идеологии.

Социальная сущность кредитной кооперации проявляется в нескольких аспектах:

1. Кредитная кооперация является важным звеном так называемого «третьего сектора» или сектора добровольной активности, включающего в себя лиц, не ставящих перед собой задач по увеличению личного дохода через участие в объединении или посредством владения им. Функционирование таких организаций направлено на достижение общего блага, вовлечение населения в процесс социальных изменений.

2. Кредитная потребительская кооперация воплощает идеал консолидации личности и общества, тем самым нивелируя социальную напряженность.

3. Кредитная кооперация служит инструментом финансовой поддержки малообеспеченных слоев населения, предоставляя возможности повышения благосостояния. При этом, в отличие от иных финансовых инструментов, потребительское кооперативное кредитование отличается своей доступностью. Эффективность действия кооперации особенно наглядно проявляется в периоды экономических кризисов.

4. Двойственность природы кооперативного кредитования определяется тем, что оно одновременно является и формой ведения хозяйственной деятельности, и инструментом формирования особых общественных отношений. Не имея направленности на получение прибыли, кредитная кооперация, тем не менее, способствует решению важных экономических задач, поощряет инициативность, предприимчивость, ответственность.

5. Кооперативное кредитование создает особую группу общественных отношений, характеризующуюся идеями взаимопомощи и взаимной поддержки, тем самым объединяя интересы разных индивидов и организаций в едином русле удовлетворения финансовых потребностей.

6. Кооперация и кредитная потребительская кооперация, в частности, обеспечивают занятость населения, способствуют повышению трудовых доходов.

7. Кооперативное потребительское кредитование активизирует потребительский спрос, что, в свою очередь, стимулирует развитие производства.

В системе кредитования, основанной на кооперативных принципах, заинтересованы как граждане, так и юридические лица. Ведь назначение кредитных потребительских кооперативов – распространять финансовые услуги населению в тех сферах, которые в силу ряда причин (экономических, географических и других) не охвачены банковским сектором. По данным аналитиков, доля кредитования малых предприятий в общем объеме банковского кредитования незначительна и составляет всего 5-10%⁹. Слабый ин-

⁹ Емелин А.В., Иванов О.М., Мамута М.В., Маркварт Э. Предоставление и рефинансирование кредитов для малого и среднего бизнеса: текущее состояние, проблемы и пути решения: аналитический доклад // Кредитование малого бизнеса в России и Германии: Материалы совместного российско-германского проекта. – М.: OST-EURO, 2005. – С. 14.

терес банков к этому сектору бизнеса объясняется достаточно высокими рисками, связанными с кредитованием вновь создаваемых или существующих непродолжительное время организаций, отсутствием однозначной юридической базы и стимулирующих налоговых режимов, а также большими издержками, приводящими к низкой рентабельности подобных операций.

Кооперативная модель потребительского кредитования имеет дуалистическую природу: с одной стороны она является формой хозяйствования, а с другой стороны, это форма социализации со своей философией и идеологией. Уяснение сущности кредитной потребительской кооперации невозможно без рассмотрения ее идеологической составляющей.

Кооперативная идеология, на наш взгляд, представляет собой совокупность систематизированных представлений о кооперации, основанных на определенных ценностных предпочтениях. Таким образом, в центре кооперативной идеологии находится группа доминирующих ценностей, обоснование приоритета которых и составляет содержание идеологии. По своей сути кооперативная идеология относится к группе коллективистских идеологий, так как она отражает интересы определенных объединений.

Кооперативные ценности, являющиеся фундаментальными основами кооперативной идеологии, можно определить как признаваемые и применяемые членами кооперативов нравственные ориентиры. Кооперативные ценности вносят начала гуманизма во внутрикооперативные отношения, а также отношения кооперативов с иными субъектами хозяйствования. Ценности обеспечивают поддержание репутации кооперативов как социально направленных институтов, функционирующих на особых условиях доверия и взаимопомощи. Декларация «О кооперативной идентичности» выделила следующую группу кооперативных ценностей: взаимопомощь, взаимная ответственность, демократия, равенство, справедливость и солидарность¹⁰. Помимо этого к группе этических ценностей были отнесены: честность, открытость, социальная ответственность и забота о других.

Кредитная потребительская кооперация строится на началах самоуправления, взаимной помощи и взаимной ответственности. Она важна и полезна тем, что открывает доступ к финансовым услугам людям с невысокими доходами, для которых банковский кредит зачастую труднодоступен.

Одной из тенденций развития современного общества является возрастание роли самоуправления, эффективность которого напрямую зависит от уровня развития структурных элементов гражданского общества. Социально ориентированная рыночная экономика не может обойтись без институтов, подобных кредитной потребительской кооперации. Так как существование гражданского общества невозможно без наличия реально работающего механизма обеспечения материальных потребностей граждан.

Экономическая структура российского общества в XXI веке характеризуется наличием разнообразных форм собственности, возможностью индивидов образовывать коммерческие либо некоммерческие объединения и ассоциации. Изменения произошли и в идеологической составляющей гражданского общества: интерес населения к политическим организациям постепенно изменился и трансформировался в интерес к структурам, действующим в сфере потребления, то есть направленным на улучшение качества жизни.

Специфика кредитной потребительской кооперации заключается в том, что данный институт, кардинально отличаясь от института банковского кредитования, действует на основе принципов равенства прав членов кредитного кооператива (при принятии решений, при доступе к услугам кредитного кооператива, при доступе к информации), самоуправления, независимости от органов государственной власти и местного самоуправления. Социальная сущность кредитной потребительской кооперации проявляется в формировании особых общественных отношений по взаимоподдержке, объединении общими кооперативными интересами и совместной кооперативной собственностью. Здесь немаловажную роль играет доверие, базирующееся, как правило, на личном знакомстве членов (пайщиков) кооператива.

Финансовая устойчивость кредитной кооперации основывается на демократических формах управления деятельностью кооператива. Каждый член (пайщик) кооператива может участвовать в его управлении непосредственно или через выборные органы.

¹⁰ Материалы Юбилейного XXXI конгресса МКА в Манчестере. – М., 1995. – С. 36.

Общее собрание членов кредитного кооператива (пайщиков) обладает исключительной компетенцией при принятии таких решений, как утверждение устава, сметы доходов и расходов кооператива, избрание, переизбрание, досрочное прекращение полномочий правления. Вовлечение членов кредитного кооператива в управление его деятельностью, беспрепятственное получение информации о деятельности кооператива стабилизирует функционирование последнего.

Эффективное решение задач экономического и социального роста, развитие гражданского общества в России возможно лишь при условии обеспечения материальных потребностей индивидуумов. Только наличие функционирующих правовых механизмов реализации экономических свобод личности, формирование социального слоя владельцев средств производства, самостоятельность и равноправие хозяйствующих субъектов способны укрепить российское гражданское общество. Институт кредитной потребительской кооперации, организуя финансовую взаимопомощь членов (пайщиков) кооператива, тем самым повышает их личное благосостояние, обеспечивает занятость населения, и, в целом, выступает гарантом социальной стабильности.

Список литературы

1. Грудцына Л.Ю. Адвокатура, нотариат и другие институты гражданского общества в России / Под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Михалевой. – М.: Изд-во «Деловой двор», 2008.
2. Домников С.Д. Кооперативный идеал в России начала XX века. Кооперация. Страницы истории. Вып.4, – М., 1994.
3. Емелин А.В., Иванов О.М., Мамута М.В., Маркварт Э. Предоставление и рефинансирование кредитов для малого и среднего бизнеса: текущее состояние, проблемы и пути решения: аналитический доклад // Кредитование малого бизнеса в России и Германии: Материалы совместного российско-германского проекта. – М.: OST-EURO, 2005.
4. Законы о кооперативных организациях Российской Федерации: Сборник законов. – Белгород: Изд-во БУПК «Кооперативное образование», 2009. – 411с.
5. Зорькин В.Д., Кикоть В.А. Новая Конституция – путь к свободе. – М., 1995.
6. Карпов Л. Россия и правовое государство // Свободная мысль. – 1992. № 9.
7. Коряков И.А. Принципы кооперативного движения. – Чита: Изд-во ЗИП СибУПК, 1998. – 235с.
8. Материалы Юбилейного XXXI конгресса МКА в Манчестере. – М., 1995.
9. Матузов Н.И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. – 1995. – №3.
10. Нересянец В.С. Общая теория права и государства: Учебник для вузов. – М, 1999.
11. Сероштан М.В., Соловых Н.Н. Российская социальная традиция как духовно-нравственная основа развития потребительской кооперации // Фундаментальные и прикладные исследования. – 2004. – № 2-3.
12. Теплова Л.Е. Основы потребительской кооперации: Учебное пособие для 10-11 кл. общеобразовательных учреждений. – М.: Вита-Пресс, 2005. – 160с.
13. Теплова Л.Е. Теория и история потребительской кооперации: Учебник. – Белгород: Изд-во БУПК «Кооперативное образование», 2008. – 432с.
14. Уколова Л.В. Кооперативы в современной России: Учебное пособие. – Белгород: Изд-во БУПК «Кооперативное образование», 2007. – 184с.
15. Rieber A.I. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. – Chapel Hill, 1982.
16. Striking the Balance in Microfinance: A Practical Guide to Mobilizing Savings. – USA: Pact Publications, 2002. – 382 p.

LENDING COOPERATIVES AS A CIVIL SOCIETY INSTITUTION: DETERMINATION IN THE CONTEXT OF WORLD INSTABILITY

V.V. NEVLEV

Belgorod State University

e-mail: info@bsu.edu.ru

In spite of the world crisis and conserved economic instability lending cooperatives are coming forward as a guarantor of the social safety net. The role of lending consumer cooperatives in creation of civil society functioning mechanism is viewed.

Key words: lending cooperatives, civil society, cooperative values, financial mutual assistance, social safety, legal regulation.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 327(460)

ГЕОСТРАТЕГИЯ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИСПАНИИ

А.А. АНДРЕЕВА

*Воронежский
государственный
университет*

e-mail: h2-h3@yandex.ru

Статья посвящена процессу выработки внешнеполитической стратегии и формированию национального интереса Испании. На примере Испании была проанализирована и показана взаимосвязь между этими процессами и географическим положением страны. Также была охарактеризована современная внешнеполитическая модель Испании.

Ключевые слова: геополитика, зарубежная политика, международная система, Испания, холодная война, конфронтация, Европейский Союз, цивилизация, Средиземноморский регион.

В современную эпоху технологическое развитие начинает отодвигать на второй план роль географии в определении внешнеполитической стратегии. Однако, географическое положение страны на карте мира все еще имеет важное значение в этом вопросе. Государства разрабатывают свою внешнеполитическую деятельность, опираясь в первую очередь на особенности ближайшего окружения, в котором они находятся, и на общность рисков и возможностей, которые оно создает¹.

Если взглянуть на политический атлас мира, можно увидеть уникальность положения Испании как перекрестка дорог, соединяющего в себе вертикальный и горизонтальный способ взаимодействия. К первому относятся отношения Европа-Африка, где Испания является своего рода территориальной границей между двумя мирами: западным/христианским и восточным/мусульманским. Таким образом, Испания первая берет на себя удар, наносимый нестабильностью марокканского режима, который раздирают национальные конфликты, бедность, отсутствие свобод, что толкает многих африканцев на то, чтобы стремиться попасть в Европу через «испанскую дверь». К географической горизонтали относятся отношения Европа-Средиземноморье. Помимо этого, Испания является атлантической страной, что повышает ее статус как стратегического объекта на геополитической карте мира.

Геополитическое положение Испании – полупериферическое с европейской точки зрения и полуцентрального с точки зрения мировой геополитики – определило место страны в международной иерархии власти и векторы ее внешнеполитической деятельности, направленные на Европу, Средиземноморье и Атлантику. Начавшаяся политика экспансии и конкисты позволила стране стать одной из ключевых международных держав.

¹ Muir R. Geografía política moderna. – Madrid, 1997. – P.134.

Однако, с окончанием периода испанского колониального могущества и выходом на первый план экономически более развитых Англии и Франции, Испания заняла маргинальное положение как на Европейской части континента. Отныне Испания как маленькое периферическое государство не имела конфронтационных интересов с другими державами, внешняя политика ее основывалась на формуле «Испания дружит со всеми и не воюет ни с кем».

Именно с XX века, ввиду абсолютного превосходства других европейских держав, Испания, не имея возможности выступать на международной арене в качестве державы в классическом смысле, обратилась к образу «морального престижа». Этот образ основывался на дипломатии, мультилатерализме и национализме, и его риторика вбирала в себя проблемы поддержания мира, безопасности, борьбы против бедности, международного диалога и т.д.

К действию в рамках *мягкой силы* Испания пришла после долгого периода маргинальности своей внешней политики и стратегии неприсоединения к военным блокам, характеризовавшим страну в XX веке (неучастие в Первой и Второй мировых войнах). Однако во второй половине XX века, с началом «холодной войны», Иберийский полуостров стал слишком значимым в геостратегическом плане, чтобы сделать возможным нейтральность его стран.

Доктрина сдерживания, предложенная Джорджем Кеннаном и ставшая основой безопасности США, начиная с президентства Трумэна, основывалась на стратегии установления специальных *защитных поясов* вдоль территории Соединенных Штатов. В этом контексте, каждой фигуре международной шахматной доски отводилась определенную роль². Иберийский полуостров, Канарский и Балеарский архипелаги, наряду с анклавом в Северной Африке и Британскими островами, являлись жизненно важными для Атлантического Альянса, т.к. эти зоны составляли связующие пункты, через которые Атлантический Альянс мог бы реагировать в случае гипотетической прямой угрозы Западной Европе.

Кроме того, будучи связующим звеном между Западом и Востоком/ Атлантикой и Средиземноморьем, и Севером и Югом/ Европой и Африкой, испанская территория могла бы быть задействована в ходе возможных трех сценариев потенциальных конфликтов той эпохи:

1. В случае возможного конфликта в Центральной Европе Канарские острова и Иберийский полуостров превратились бы в логистическую вспомогательную базу, не говоря уже об использовании территории в целях тактической перегруппировки и высадки военных сил НАТО.

2. В случае вторжения в Западную Европу военно-десантных сил – сценарий менее реальный, чем предыдущий – периферическое положение испанской территории позволило бы использовать ее в качестве платформы классической реакции подобного рода.

3. В случае возможной угрозы Южной Фланге НАТО – как прямой (советский флот), так и косвенной (дестабилизация Северной Африки), – Гибралтар стал бы опорой единого фронта между странами по обе стороны Средиземноморья.

Все вышеперечисленное, а также новая логика «холодной войны» – потеря абсолютной автономии государствами и невозможность определять самим свою международную позицию (отныне нейтральным являлся не тот, кто хочет, а тот, кому позволили США или СССР) – привели к тому, что Испания стала слишком ценной фигурой на геостратегической карте, чтобы гегемоны позволили ей выбрать традиционную политику неприсоединения к военным блокам. В итоге, Испания – культурно западная страна с полуоткрытой экономикой и ясно выраженной антикоммунистической направленностью – в 1953г. подписала с США договор о Дружбе и Сотрудничестве. Этот договор позволял США открыть военные базы и оперировать в их пределах на испанской территории (Са-рагоса, Торрехон де Ардоз, Рота и Гандо) в обмен на экономическую помощь, предназначенную для модернизации испанских вооруженных сил, и поддержку США по вступлению Испании в Организацию Объединенных Наций³.

² Kennan G.F. The Sources of Soviet Conduct. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.historyguide.org/europe/kennan.html>

³ González J.R. Geopolítica y gobierno del territorio en España. Valencia, 2009. – P.78.

После смерти диктатора, перехода на демократический путь преобразования и вхождения в состав Европейского Сообщества, внешняя политика Испании с 1986г. приобрела ярко выраженную «европеизированную» направленность. Эта направленность выражалась не в том, что, в первую очередь, имела своей целью развитие двусторонних отношений с ЕС, а в том, что синхронизировалась с зарубежной политикой Сообщества, действуя в демократических рамках, и характеризовалась как политика гражданского государства, *civil state*⁴. В этом смысле Испания заняла пассивную позицию в системе международных отношений, с присущим ей относительно не большим политическим весом, и компенсировавшим это моральным престижем, позволяющим выступать в качестве посредника в международном диалоге. Таким образом, политическая международная маргинальность из слабости стала достоинством. Действуя в рамках идеалистической риторики, Испания быстро добилась престижа за счет успешной ассимиляции или нейтрализации исламского мира со свойственными ему бедностью и несправедливостью.

В рамках идеалистической концепции гражданского государства на международной арене Испания имела две важные стратегии поведения, зависевшие от уровня развития общества/страны, с которым/которой имела дело. Традиционно внешняя политика страны велась в четырех направлениях: европейском, атлантическом (США), средиземноморском и латиноамериканском.

В средиземноморском и латиноамериканском направлениях Испания выступала в качестве миротворца, посредника и сотрудника, который действовал исключительно дипломатическими методами, и целью которого являлось развитие демократических процессов в этих странах и продвижение таких общих ценностей, как защита прав человека, его основных прав и свобод и равенства. Таким образом, эти отношения можно охарактеризовать в большей степени как вертикальные, ибо, имея уже заданные установки и ориентиры, Испания пыталась, хотя и с помощью *мягкой силы*, способствовать развитию общих ценностей в этих двух регионах мира.

Атлантический и Европейский форумы проходили в горизонтальном направлении, где Испания, пользуясь своим дипломатически нейтральным положением, выступала в качестве активного посредника между Атлантикой/ Европой и Латинской Америкой/ Средиземноморьем. В данном случае Испания занимала относительно пассивную позицию⁵.

Террористические атаки Вашингтона и Нью-Йорка 11 сентября 2000 г., обнажившие абсолютную уязвимость даже такой сверхдержавы, как Соединенные Штаты Америки, выдвинули на первый план проблему столкновения Юга с Севером, ислама как широкой культуры с христианским миром. Именно в этом контексте Испании начинает отводиться ответственная роль буферной зоны между конфликтным регионом мусульманского Средиземноморья и христианским Западом. Акцент на использование *мягкой силы* Испанией в наши дни представляется, возможно, более правильным, чем использование классической *жесткой силы*.

Открывшиеся после окончания «холодной войны» и падения коммунистического лагеря мировые границы привели не столько к так называемому «столкновению цивилизаций», сколько к дестабилизации международной обстановки странами третьего мира, которая, в свою очередь, оказала негативное влияние на Западный мир.

Выделяют много причин, лежащих в основе интереса главных мировых держав к определенным зонам нестабильности. Наиболее важными являются два аспекта. С одной стороны, речь идет о внутренних кризисах большого количества государств, возникших на постсоветском и постколониальном пространствах и неспособных функционировать легитимно, нестабильность которых грозит отразиться на соседних государствах. К ним прибавляются глубокие экономический и социальный кризисы в обществах, где бедность

⁴ Гражданское государство – объединение индивидов в гражданское общество, подчиняющихся системе законов и судебной власти. Основным законом гражданского государства является обращение к системе правосудия в случае ущемления или нарушения прав гражданина. Отсюда следует, что права каждого гражданина защищены законом.

⁵ Evolución geopolítica del norte de África: implicaciones para España // Ministerio de Defensa. Madrid, 2007. – P.50-68.

и голод охватывают широкие слои населения. С другой стороны, все объясняется желанием захватить контроль над определенными стратегическими ресурсами – от углеводорода до других минералов или от наркотиков до воды⁶.

Сфера прямой компетенции Испании по поддержанию стабильности миропорядка и безопасности как в пределах собственных границ, так и европейских, ограничивается участием в проблемах Средиземноморья. Средиземноморский регион в настоящее время представляется еще одной «пороховой бочкой Европы» ввиду латентных или скрытых конфликтов и напряжений: Палестина, Кипр, исламский фундаментализм в Египте и Алжире. В регулировании конфликтов, выходящих за пределы этого региона, Испания участвует лишь косвенно. В определенных случаях Испания предоставляет свою территорию в качестве трамплина для высадки и перегруппировки сил НАТО.

Дестабилизаторами политической обстановки в этих странах являются два фактора. Первый состоит в нагнетании националистических настроений, находящихся поддержку в культурно-этнических особенностях общества, наряду с требованиями суверенитета и территориальной независимости. В случае, если эти движения направлены против государства, они могут поставить под угрозу существующие границы и их деление. Если эти движения исходят из самого государства, то они могут спровоцировать появление конфликта низкой интенсивности (например, между странами Магриба за возвращение территорий в пустынных регионах, или случай Западной Сахары).

Другим фактором, способным вызвать напряжение между странами региона, является борьба за природные ресурсы – например, углеводород, газ или воду в Северной Африке. Так, напряжение между Турцией, Сирией и Ираком стало следствием борьбы за контроль над водами Тигра и Евфрата. Сюда можно отнести конфликты между Израилем и арабскими государствами за доступ к водным ресурсам реки Иордан.

Тем не менее, все вышеперечисленные проблемы Средиземноморских государств не несут *прямую* угрозу испанской стабильности, ввиду отсутствия конфликта интересов между Испанским Королевством и другими государствами региона. Исключение составляет лишь Марокко, находящееся в территориальной близости. Сложность ситуации вызвана тем, что с одной стороны, Испания должна обеспечить связь и взаимодействие между полуостровом и своими африканскими анклавами Сеутой и Мелильей наряду с другими важными островами (Алусемас, Чафаринас, Велес да ла Гомера). С другой стороны, Марокко претендует на то, чтобы играть более важную роль в контроле Гибралтарского пролива, минимальная ширина которого от испанского до марокканского берега составляет менее 14 км, периодически поднимая вопрос о территориальной принадлежности вышеупомянутых анклавов. Подобные территориальные притязания переносятся также на морскую часть: Марокко, не признавая принадлежность анклавов Испании, не признает и юридическую морскую зону, которая им принадлежит. В связи с этим возникает проблема демаркации водных границ, которая так же затрагивает исключительную экономическую зону острова Альборан – источника многочисленных столкновений между рыбаками и прибрежной гвардией обеих сторон из-за отсутствия двустороннего соглашения, регулирующего эту тему. Та же самая проблема относится и к демаркации линии между Канарскими островами и претендующей на независимость Западной Сахарой. Это выявляет проблему рыболовства и разработок по добыче нефти, возглавляемых транснациональными корпорациями американского, французского, британского, южноафриканского и испанского происхождения⁷.

Подводя итог, можно сказать, что Испании в виду ее уникального положения всегда отводилась особая роль в регулировании отношений между различными региональными силами. Ярко выраженная стратегически-оборонительная функция во время холодной войны, после ее окончания была заменена на посредническую для решения широкого спектра проблем с мусульманским миром, граничившим с Европой. Таким образом, представляя так называемую буферную зону между Европой и странами по ту сторону Средиземноморья, Испания в настоящий момент является ключевым актором в ре-

⁶ Méndez R. y Marcu S. La posición geoestratégica de España // coord. J.C. Pereira La política exterior de España (1800-2003). Barcelona, 2003. – P.478-496.

⁷ Klein L. Marruecos, la amenaza: su guerra de baja cota contra España. Barcelona, 2005. – P.184-190.

гионе. В виду определенных культурных традиций ведения внешней политики, испанской особенностью является прибегание не к политическому давлению для решения того или иного вопроса в регионе, а к политическому диалогу между представителями различных культур. В этом смысле, зародившаяся и развивавшаяся под сильным влиянием европейской/римской, арабской и еврейской культур, современная Испания представляет собой идеального посредника в развитии диалога между исламским и христианским мирами.

Список литературы

1. Evolución geopolítica del norte de África: implicaciones para España // Ministerio de Defensa. Madrid, 2007.
2. González J.R. Geopolítica y gobierno del territorio en España. Valencia, 2009.
3. Kennan G.F. The Sources of Soviet Conduct. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.historyguide.org/europe/kennan.html>
4. Klein L. Marruecos, la amenaza: su guerra de baja cota contra España. Barcelona, 2005.
5. Muir R. Geografía política moderna. – Madrid, 1997.
6. Méndez R. y Marcu S. La posición geoestratégica de España // coord. J.C. Pereira La política exterior de España (1800-2003). Barcelona, 2003.

GEOSTRATEGY AND THE FOREIGN POLICY MODEL OF SPAIN

A.A. ANDREEVA

Voronezh State University

e-mail: h2-h3@yandex.ru

The article discusses the process of drafting of the foreign strategy and shaping of the national interest of Spain. The author pretends to analyze and demonstrate the interconnection between these processes and geographical position of the country. The current foreign policy model of Spain also was characterized in the paper.

Key words: geopolitics, foreign politics, international system, Spain, Cold War, confrontation, European Union, civilization, Mediterranean region.

УДК 342.732

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ВЗГЛЯДОВ А.Я. ВЫШИНСКОГО НА ГОСУДАРСТВО

И.И. АНИСИМОВ*Белгородский
государственный
университет*

В правосознании современного российского общества определяющей является традиционная, – консервативная парадигма мышления, оказывающая свое многогранное влияние на развитие российской государственности. При этом нельзя не отметить важность изучения преемственности политико-правовых идей русской мысли, что обуславливает актуальность исследований, посвященных с одной стороны, анализу «руководящих идей», которыми жило и живет российское общество, а с другой – изучению их эволюции и трансформации. Поэтому особый интерес и актуальность приобретает обращение к наследию А.Я. Вышинского, – советского правоведа и государственного деятеля, политико-правовая концепция которого не осталась без влияния традиционных констант русской государственности: Православия, державности и соборности, которые в «русском варианте» коммунизма «заменялись» на схожие понятия «в рамках» коммунистической идеологии.

Ключевые слова: право, государство, А.Я. Вышинский, политика, коммунизм, социализм, религия, традиция, марксизм, христианство, идеология, философия, культура, история, преемственность.

События последнего времени все чаще ставят Россию перед историческим выбором. Страна остро нуждается в обосновании смысла своего существования. И, с этих позиций, исследование идей А.Я. Вышинского – апологета коммунизма и сталинского режима, может существенно помочь как в выяснении того, почему в русском обществе в начале XX столетия произошла подмена вековых идеалов, так и в исследовании факторов, способствующих их жизнеспособности. При этом нельзя не отметить важность изучения преемственности политико-правовых идей русской мысли, что обуславливает актуальность исследований, посвященных с одной стороны, анализу «руководящих идей», которыми жило и живет российское общество, а с другой – изучению их эволюции и трансформации.

Важное место в политико-правовой теории А.Я. Вышинского занимают его взгляды на феномен «государство» и его сущность, которые базировались на марксистской теории. И в своих теоретических построениях он часто апеллирует к идеологам коммунизма. Так, на страницах одного из главных своих трудов – «Вопросы теории государства и права», советский правоведа и государственный деятель отмечает: «Государству и праву принадлежит в истории человеческого общества человеческой культуры гигантская роль. Государство и право, неразрывно связанные друг с другом, стоят у самой колыбели современного классового общества, появляясь вместе с разделением классов... Величайшая заслуга учения Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина заключается в том, что, опираясь на диалектический материализм, оно дало подлинно научное объяснение происхождения и самой природы государства, его места и роли в истории общественных движений, его целей, задач и функций, показало и научно обосновало перспективу его дальнейшего развития... В этом отношении велика заслуга товарища Сталина, развившего дальше марксистско-ленинское учение о государстве, давшего его гениальное завершение...»¹.

Как писал Н.А. Бердяев «Русский коммунизм трудно понять вследствие двойного его характера. С одной стороны он есть явление мировое и интернациональное, с другой стороны – явление русское и национальное. Особенно важно для западных людей понять национальные корни русского коммунизма, его детерминированность русской историей. Знание марксизма этому не поможет»².

¹ Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. – С. 209.

² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма // URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/istoki/00.html> (дата обращения – 30.11.10).

Однако, при исследовании феномена русского коммунизма и политико-правовых трудов авторов, которые говорили о воплощении коммунистической доктрины в условиях России, нельзя не коснуться истоков коммунистического учения. Так, по словам Ф. Энгельса: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни... Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: степенью развития, с одной стороны — труда, с другой — семьи... Старое общество, покоящееся на родовых объединениях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; его место заступает новое общество, организованное в государство, низшими звеньями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения, — общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором отные свободно разветвляются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей писаной истории вплоть до нашего времени»³.

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»⁴ — говорит Манифест коммунистической партии.

В основе развития общества и государства, по мнению классиков марксизма, лежат производственные отношения. Так, по словам К. Маркса: «Чем дальше назад уходим мы вглубь истории, тем в большей степени индивид, а, следовательно, и производящий индивид, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому: сначала еще совершенно естественным образом он связан с семьей и с семьей, развившейся в род; позднее — с возникающей из столкновения и слияния родов общиной в ее различных формах... Производство обособленного одиночки вне общества — редкое явление, которое, конечно, может произойти с цивилизованным человеком, случайно заброшенный в необитаемую местность и потенциально уже содержащим в себе общественные силы, — такая же бессмыслица, как развитие языка без совместно живущих и разговаривающих между собой индивидов... Итак, когда речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной ступени общественного развития — о производстве общественных индивидов. Может поэтому показаться, что для того, чтобы вообще говорить о производстве, мы должны либо проследить процесс исторического развития в его различных фазах...»⁵.

В марксистской теории государство представляет собой объединение, которое направлено на достижение единой цели, и цель эта заключается в построении «земного рая». Вместе с тем, здесь можно вести речь не только о «механическом объединении» различных частей, составляющих государство, но необходимо учитывать, что это объединение происходило на основе идеи, претендовавшей на сверхценностное оправдание человеческого бытия.

Марксизм понимает личность в рамках диалектического подхода как соотношение части и целого. Как писал Н.А. Бердяев, «Марксизм более сложное явление, чем обыкновенно думают. Не нужно забывать, что Маркс вышел из недр немецкого идеализма начала XIX века... Совершенно также Фейербах, главный представитель левого гегельянства, и тогда, когда он называл себя материалистом, весь был пропитан идеалистической философией и даже оставался своеобразным теологом. Особенно у юного Маркса чувствуется его происхождение от идеализма, которое наложило печать на всю концепцию материализма... Свобода есть сознанный необходимость, но это сознание необходимости может творить чудеса, совершенно перерождать жизнь и создавать новое,

³ Ф.Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства // URL: <http://lib.rus.ec> (дата обращения — 23.07.2010).

⁴ Манифест коммунистической партии // URL: <http://www.1917.com/Marxism/Manifesto/Manifesto.html> (дата обращения — 23.07.2010).

⁵ К.Маркс. Капитал // URL: <http://aldebaran.ru>. (дата обращения — 12.01. 2010).

небывшее. Переход к царству свободы есть победа над первородным грехом, который Маркс видел в эксплуатации человека человеком. Весь моральный пафос Маркса связан с этим раскрытием эксплуатации, как основы человеческого общества, эксплуатации труда. Маркс явно смешивал экономическую и этическую категории»⁶.

Он же подчеркивает и одну из главных особенностей коммунистического учения: «Марксизм ставит проблему общества, но не ставит проблему человека, для него человек есть функция общества, техническая функция экономики. Общество есть первофеномен, человек же есть эпифеномен. Такое унижение человека находится в разительном противоречии с обличительным учением Маркса об овеществлении (Verdinglichung) человеческой жизни, о дегуманизации. У него остается коренная двусмысленность: есть ли превращение человека в функцию экономического процесса грех, зло прошлого, капиталистической эксплуатации или это есть онтология человека»⁷.

Говоря о происхождении государства и о его дальнейшей судьбе в рамках коммунистического «идеального общества», теории и практики марксизма удивительным образом сходятся во мнениях с представителями консервативной мысли. Так, например, по словам А.С. Хомякова «Государство было создано Славянами, как необходимая крайность, – и они призвали его, не смешивая его с общиной, с нравственным внутренним началом, с началом жизни, которое сберегли в себе. Вот почему Государство никогда у нас не обольщало собою народа, не пленяло народной мечты; вот почему, хотя и были случаи, не хотел народ наш облечься в государственную власть (в республику), а отдавал эту власть избранному им и на то назначенному Государю, сам желая держаться своих внутренних, жизненных начал»⁸. А.Я. Вышинский, в своем анализе идей теоретиков коммунизма, подчеркивает: «Маркс разъясняет... что на первой фазе коммунизма еще нет «равенства» и «равного права»... Эта «несправедливость» еще по необходимости сохраняется. Но она все более смягчается и уменьшается, стремясь к полному исчезновению»⁹.

Вместе с тем, здесь нельзя не обратить внимание на тот факт, что апологеты коммунизма говорили не только о «перманентной» борьбе с «рецидивами» «старого мира», с остатками эксплуататорского менталитета, и т.д., а о непрерывном движении «вперед, к светлому будущему», которое не допускало бы «топтания на месте». А если таковое вдруг возникало, то его проще всего было бы не заметить. То есть коммунистический режим просто «должен» был рано или поздно столкнуться с проблемой легитимности в представлении общества, так как часто практика воплощения идей коммунизма расходилась с теорией. Следовательно, возникала и проблема «оправдания» этого возникшего расхождения. Что, в частности, имело место в период правления И.В. Сталина, когда вместо «экспорта революции» был взят курс на «построение социализма в отдельно взятой стране», и, чтобы укрепить это государство, политический режим не мог хотя бы отчасти, не обратиться к ее традициям, что являлось уже прямым «предательством» коммунизма. Задача «оправдания» проводившейся государственной политики была возложена в том числе и на А.Я. Вышинского, который должен был теоретически обосновывать «реальность» сталинского СССР.

И он в полной мере справлялся с ней. Так, говоря о государстве, А.Я. Вышинский обращает особое внимание на вопрос о т.н. «государстве переходного периода», т.е. государстве в период перехода к коммунизму. Прежде всего, советский правовед подчеркивает саму важность феномена государства, приводя слова о нем К. Маркса: «В «Немецкой идеологии» в разделе о Фейербахе Маркс писал: «Так как государство есть та форма, в которой индивиды, принадлежащие к господствующему классу, проводят свои общие интересы и в которой концентрируется... все гражданское общество данной эпохи, то, отсю-

⁶ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма // URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/istoki/00.html> (дата обращения – 30.11.10).

⁷ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма // URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/istoki/00.html> (дата обращения – 30.11.10).

⁸ Аксаков К.С. Несколько слов о русской истории, возбужденных историею г. Соловьева // Аксаков К.С. Об основных началах русской истории. – М.: Искусство, 1995. С. 137.

⁹ Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. – С. 43.

да следует, что все общие учреждения опосредуются государством и получают политическую форму»¹⁰.

Но опять-таки, Вышинский говорит об «отмирании» государства, которое откажется от аппарата «социалистической деспотии» во имя «высших идеалов: «...новое государство должно действовать как великолепно организованная и слаженная во всех своих частях особая машина государственного управления, вплоть до того момента, когда рост производительных сил, небывалый избыток материальных богатств... не приведут к такой высоте новой, социалистической культуры, когда станет излишним пользование специальной машиной управления»¹¹. Но как связан рост материальных благ с возращанием нравственного, по марксистской терминологии, «культурного» уровня человека?

«Душа русского народа была сформирована православной церковью, она получила чисто религиозную формацию. И эта религиозная формация сохранилась и до нашего времени, до русских нигилистов и коммунистов»¹² – писал Н.А. Бердяев в 1937 году.

А.Я. Вышинский анализировал вопросы государства и права в их взаимосвязи через призму коммунистической теории. Говоря о будущем коммунистического строя и «государстве будущего», Вышинский, тем не менее, не оставляет и «настоящего». Так, он подчеркивает: «В «Государстве и революции» Ленин дал исчерпывающее изложение проблемы отмирания государства, показав неизбежность использования в течение всего еще очень долгого времени развития пролетарского государства и права, как могучих орудий преобразования социалистического общества. 20 лет пролетарской диктатуры, ее гигантские успехи в невиданно короткий срок, в тяжелых условиях капиталистического окружения расцвет производительных сил СССР... служат изумительным по силе убедительности подтверждением правильности марксистской теории... Социализм победил на основе могучей власти пролетарской диктатуры... на основе беспощадного подавления сопротивления врагов... К великим... победам наша страна пришла... неустанно работая над укреплением государственной власти Советов... всей советской государственной системы»¹³.

Вообще, говоря о взглядах А.Я. Вышинского на государство, нельзя не остановиться на определении этого феномена в отечественной правовой науке. Как правило, в ней государство рассматривается как «часть политической системы определенного общества», его «центральный институт», возникающий на определенном этапе развития.

А.Я. Вышинский не занимался разработкой особой теории, но опирался на марксистскую концепцию происхождения государства, в основе которой лежит труд Ф.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», написанный немецким философом в 1884 году. Теоретики марксизма придерживались того взгляда, что в основе возникновения государства лежали материальные факторы, в частности: разделение труда, возникновение собственности и избыточного продукта, и т.д. Следствием появления и развития указанных факторов стало разделение общества на противостоящие друг другу классы, антагонизм между которыми и привел к появлению государства, как особой организации, выражающей интересы экономически господствующего класса, как, в частности, это подчеркивал В. Ленин¹⁴: «В вопросе о государстве, в учении о государстве, в теории о государстве вы всегда увидите, когда познакомитесь с вопросом и вникнете в него достаточно, всегда увидите борьбу различных классов между собой, борьбу, которая отражается или находит свое выражение в борьбе взглядов на государство, в оценке роли и значения государства... Было время, когда государства не было. Оно появляется там и тогда, где и когда появляется деление общества на классы, когда появляются эксплуататоры и эксплуатируемые»¹⁵.

А.Я. Вышинский, говоря о государстве, на первый взгляд почти дословно цитирует классиков коммунизма. Однако, нельзя не отметить, что довольно часто, в его словах

¹⁰ Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. – С. 45.

¹¹ Там же. – С. 45-46.

¹² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма // URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/istoki/00.html> (дата обращения – 30.11.10).

¹³ Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. – С. 49.

¹⁴ Ленин В.И. О государстве // Антология мировой правовой мысли. – Т. 3. – М., 1999. – С. 528-529.

¹⁵ Ленин В.И. О государстве // URL: <http://vilenin.eu> (дата обращения – 13.12.10).

видны следы «синтеза» марксизма и русской традиции. Это, среди прочего, проявлялось в отстаивании им идеи «построения коммунизма в отдельно взятой стране». И, с точки зрения К.Маркса и Ф. Энгельса, удивительно, что такой страной оказалась Россия, отстававшая в промышленном развитии от государств Западной Европы, и пролетариат которой отличался мировоззрением традиционного русского крестьянства. Не в этом ли одна из причин специфики русского коммунизма?

Можно говорить об особом «русском» варианте верховной власти, при котором духовно-нравственные начала превалируют над юридической составляющей. Этот «вариант» не мог не оказать своего влияния и на политико-правовую теорию А.Я. Вышинского. Вместе с тем, в своих трудах он основывается, прежде всего, на постулатах научного коммунизма. И, например, первая глава «Вопросов теории государства и права» называется «Вопросы права и государства и Маркса»¹⁶. Авторитет классиков коммунизма для него непререкаем: «...Бухарин... в 1925 году... напечатал... статью «К теории империалистического государства»... В примечании к этой статье Бухарин осмелился заявить, что в споре о государстве был прав не Ленин, а он»¹⁷.

«Красной нитью» через труды А.Я. Вышинского проходит идея об «особом пути» Советской России: «Советское государство – государство нового типа. Советская конституция – Конституция нового, принципиально иного, чем конституция других стран и исторических эпох. Конституция социалистического государства характеризуется совершенно новыми, не известными другим конституциям, чертами и особенностями»¹⁸. Но главное при этом то, что «историческая Россия» продолжала свое существование, в то время как, например, в концепции Троцкого, страна приносилась в «жертву» мировой революции¹⁹.

Коммунизм «заимствовал» от христианства идею переворота мироздания, построения нового мира на новых принципах. Он имеет и свое «псевдооткровение» – труды классиков коммунизма, которые являлись в зависимости от их градации: работы К. Маркса и Ф. Энгельса, В. Ленина и И.В. Сталина, «аналогом» или опять-таки «заменой» Св. Писания и Священного Предания Церкви. Хотя человек в нем сам «додумывается» до коммунистического «псевдооткровения». Однако, коммунистический переворот носит насильственный характер, что совершенно противоположно Православию, но схоже с методами, который нашли свое применение в истории западного христианства: казни еретиков, религиозные войны, и т.д. Что не случайно, так как коммунизм представляет собой западную «псевдорелигиозную ересь», – по словам английского историка А.Дж. Тойнби.

А.Я. Вышинский обращает внимание и на важнейшую особенность коммунистической идеологии (как и идеи христианской государственности) – совпадение конечных целей общественной жизни и жизни отдельного человека: «Государство, – писал Маркс... не может устранить противоречие, существующее между назначением администрации и ее доброй волей, с одной стороны, и имеющимися у нее средствами и возможностями – с другой, не устранив себя самого, ибо оно само покоится на этом противоречии. Оно зиждется на противоречии между общественной и частной жизнью, на противоречии между общими интересами и интересами частными...»... Такое противоречие – закон капиталистического общества. В обществе социалистическом такого закона нет, потому что нет такого противоречия»²⁰.

Как отмечал Н.А. Бердяев, «Религиозная формация русской души выработала некоторые устойчивые свойства: догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя своей веры, какова бы она ни была, устремленность к трансцендентному, которое относится то к вечности, к иному миру, то к будущему, к этому миру. Религиозная энергия русской души обладает способностью переключаться и направляться к целям, которые не являются уже религиозными, напр., к социальным целям»²¹.

¹⁶ См: Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949.

¹⁷ Там же. – С. 51.

¹⁸ Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. – С. 125-126.

¹⁹ Троцкий Л.Д. Что такое перманентная революция? // URL:

http://www.politology.vuzlib.net/book_o076_page_80.html (дата обращения – 22.11.10).

²⁰ Цит. по: Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. – С. 201.

²¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма // URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/istoki/00.html> (дата обращения – 30.11.10).

Эти слова русского философа в полной мере относятся и к политико-правовой теории А.Я. Вышинского. Концептуальная основа его взглядов стала результатом синтеза коммунистической идеологии и традиционных духовных констант Русской цивилизации – Православия, самодержавия и соборности.

Список литературы

1. Аксаков, К.С. Эстетика и литературная критика [Текст] / К.С. Аксаков. – М.: Искусство, 1995. – 525 с.
  2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма [Электронный ресурс] // URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/istoki/00.html> (дата обращения – 30.11.10).
  3. Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права [Текст] / А.Я. Вышинский. – М.: Юрид. лит., 1949. – 417, [2] с.
  4. Ленин В.И. О государстве [Текст] // Антология мировой правовой мысли : В 5 т. / Нац. общ.-науч. фонд; Рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин; Науч.-ред. сов.: В. Н. Кудрявцев(пред.) и др. Т.3: Европа. Америка, XVII-XX вв. / Отв. ред. О. А. Жидков. – 1999. – 829, [1]с.
  5. Ленин В.И. О государстве [Электронный ресурс] // URL: <http://vilenin.eu> (дата обращения – 4.12.10).
  6. Манифест коммунистической партии [Электронный ресурс] // URL: http://www.patriotica.ru/history/marks_manifest.html (дата обращения – 13.12.10).
  7. Маркс К. Капитал [Электронный ресурс] // URL: <http://aldebaran.ru>. (дата обращения – 12.01.2010).
  8. Троцкий Л.Д. Что такое перманентная революция? [Электронный ресурс] // URL: http://www.politology.vuzlib.net/book_o076_page_80.html (дата обращения – 22.11.10).
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства [Электронный ресурс] // URL: <http://lib.rus.ec> (дата обращения – 23.07.2010).

PHILOSOPHICAL VIEWS OF A.Y. VYSHINSKY TOWARDS THE STATE

I.I. ANISIMOV

Belgorod State University

The conservative paradigm still dominates in the modern Russian society and it still influences on the Russian government system. It is rather important to investigate the continuity of Russian political legal ideas which explains actuality of the analysis of evolution and transformation of “leading ideas” in the Russian society. Thus, we face the raise of the interest towards ideas of A.Y.Vyshinsky – a Soviet legal law researcher and state person. His political legal conception is determined by such constants of Russian government system, as Orthodoxy, power statehood and collegiality, which were transformed in “Russian version” of communism into similar ideological concepts.

Key words: law, state, Vyshinsky, politics, communism, socialism, religion, tradition, Marxism, Christianity, ideology, philosophy, culture, history, continuity.

ТРУД В XXI ВЕКЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

М. Ю. ВОЛОШИН¹⁾
И. В. СЕМЧЕНКО²⁾
В. В. ГАШКОВ

*Белгородский
государственный
университет*

¹⁾ e-mail: volochin@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail:
semchenko@bsu.edu.ru

Статья посвящена анализу феномена труда в XXI веке. Исследованию эволюции форм труда в отражении его понятийно-концептуального содержания в философской мысли. В статье отмечается двойственный характер современного философского дискурса о труде, совмещающего противоречивые трактовки труда как «производящего» и «непроизводимого».

Ключевые слова: труд, форма, содержание, концепт, современность.

Анализ проблемы труда, его эволюции и современной формы позволим себе предварить обращением к определению понятия «труд», который трактуется Новой философской энциклопедией как: «целесообразная деятельность человека, рассмотренная 1) под углом зрения обмена человека с природой — в таком случае в труде человек при помощи орудий труда воздействует на природу и использует ее в целях создания предметов, необходимых для удовлетворения своих потребностей; 2) под углом зрения социально-исторической ее формы»¹. Рассмотрим подробнее предложенное определение.

Так в первом смысле труд понимали еще в Античности, отмечая его необходимый и неизменный характер для человека. Оценочная сторона такой интерпретации может носить отрицательный характер, труд как печальная необходимость добывания «хлеба насущного» или религиозная трактовка труда как следствия повреждения природы человека. Вместе с тем, уже здесь явно видно противоречие смыслов между принуждением, не свободным выбором труда или трудом как необходимостью; и конституирующим характером труда, деятельностью, позволяющей маркировать человека как существо отличное от остального живого. В любом случае остается качество «неизменности» труда как такового, добровольного или конституирующего. Второе значение понятия «труд», которое мы находим в энциклопедии, актуализирует изменчивость труда, его социально-исторических форм. Труд здесь есть форма активности или также деятельности человека, подверженная изменениям. Безусловно, выявление факторов изменяющих труд должно учитывать новации в средствах труда, технике и технологиях, однако, позволим себе отметить их вторичность по отношению к фактору цели. Именно определение цели труда, ответ на вопрос «для чего?», влияет на характер трудовой деятельности и также сопрягается с проблемой мотивации труда (в более узком смысле).

Так у Г.В.Ф. Гегеля мы можем найти такое высказывание: «Опосредствование изготовления и приобретения соответственных распавшимся на частности потребностям, столь же распавшихся на частности средств есть труд, который специфицирует для этих многообразных целей непосредственно доставляемый природой материал с помощью многообразных процессов. Это формирование сообщает теперь средству ценность и целесообразность, так что человек в своем потреблении имеет отношение преимущественно к произведениям людей и он потребляет именно такие человеческие усилия»². Гегель отмечает, что труд как деятельность не замыкается на самом себе в бесконечном обороте производства вещей и удовлетворения потребностей абстрактного человека. Труд есть средство удовлетворения потребностей человека, но это утверждение стоит понимать так, что труд есть средство удовлетворения целей человека. Можно также добавить пропис-

¹ Труд/ Новая философская энциклопедия
<http://terme.ru/dictionary/879/word/%D2%D0%D3%C4>

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1934. — С. 221–222].

ную истину, что труд как и любая другая деятельность есть деятельность целесообразная. Труд как квинтэссенция человеческих усилий есть «материализация» или воплощение целей, само производство и потребности вторичны.

Также у К. Маркса мы находим следующее: «Мы предполагаем труд в такой форме, в которой он составляет исключительное достояние человека. Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т.е. идеально. Работник отличается от пчелы не только тем, что изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, во все время труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходимо тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения...»³. Марксова «целесообразная воля» лежит в основе труда и тем более, чем менее интересен сам процесс труда. То есть труд изменяется в соответствии с целями человека, но статичен в соответствии с его же потребностями. Такой труд можно назвать «производящим», а сам подход к его определению возникает в эпоху модерна, сконцентрированной на производстве в целом.

Отметим, что итогом такого производства является вещь и именно с критики этого конечного продукта модерна (и отношений с ним связанных) начинает Ж. Бодрийяр: «...труд – также и в форме досуга – заполняет все нашу жизнь как фундаментальная репрессия и контроль, как необходимость постоянно чем-то заниматься во времени и в месте, предписанных вездесущим кодом. Люди всюду должны быть приставлены к делу – в школе, на заводе, на пляже, у телевизора или же при переобучении: режим постоянной всеобщей мобилизации. Но подобный труд не является производительным в исходном смысле слова: это не более чем зеркальное отражение общества, его воображаемое, его фантастический принцип реальности. А может, и влечение к смерти»⁴. Бодрийяр несомненно исходит из постмодернистских оснований, делая подобное заключение, однако само утверждение труда как «не производительного», симулятивного, воображаемого, нуждается в анализе. Это представляется нам важным, поскольку если считать это утверждение реальным (в противовес нереальности труда в современности), то Бодрийяр констатирует переворот, произошедший с трудом, его кардинальное изменение от производящего к «не производящему». По его мнению, связь вещей, их обмен и циркуляция в процессе производства поглощается символами. Обмен вещей больше не обмен вещей, а симулякров или видимостей. Однако уже у К. Маркса мы находим анализ проблемы потребительской и меновой стоимости, дополняемой Бодрийяром анализом стоимости символической.

В целом, К. Маркс в трактовке потребительской стоимости отталкивается от понятия потребности, считая их неизменными и объективными: «... труд знаменует собой избавление от возможности опосредовать связь потребностей вещей какой-либо структурой, которая не просто осуществляла бы взаимную подгонку потребности и вещи, но и служила бы указанием невозможности их существования/описания иначе, чем через выявление присущих им структурных качеств. Таким образом, трудовая деятельность как олицетворение «естественности» меновых отношений между человеком и природой оказывается способом придания статуса природной «данности» или «сущности» меновым отношениям уже именно между людьми. Конечной инстанцией труда как обмена между человеком и природой выступает потребительная стоимость.

Понятие потребительной стоимости описывает вещи, исходя из наиболее общего выражения заключенной в них полезности из всеобъемлющей калькуляции полезных свойств, отмеряемых в соответствии с неким общим ранжиром. Именно поэтому вещи

³ Маркс К. Капитал. М., 1953. – С. 185.

⁴ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. – С. 62].

кажутся специально созданными для потребления»⁵. То есть полезность как качество присущее вещи отторгается от самой вещи в понятии потребительской стоимости и тем самым объективизируется. И если это можно назвать «качественным» измерением вещи, то стоимость меновая измерение «количественное», абстракция, выстраиваемая на основе количественных характеристик вещей и возможности их эквивалентного обмена. Равенство одной вещи другой, их соразмерность, противостоят теории символической стоимости, приводимой Ж. Бодрийяром. Поскольку в ней вещь может стать даром и вовлечься в обмен только будучи несоразмерной с другой. Дарение не несет «печать» равноценности, поскольку призвано установить отношения иерархии, неравенства.

Вместе с тем, все приведенные теории стоимости и концепции труда соотносимы, что в рамках философского дискурса получает следующую трактовку: «Соотнесенность с целями может задаваться «объективно» – в контексте стоимостного наполнения труда, однако та же соотнесенность с целями может задаваться и «субъективно» – в контексте ценности, которая придается труду. Пренебрежение к символическому измерению труда ведет к тому, что рассмотрение трудовой деятельности осуществляется в терминах анализа стоимостей, пренебрежение к материальному измерению – к тому, что то же самое рассмотрение вершится в терминах анализа ценностей. В первом случае трудовая деятельность обретает фактичность в противовес значимости, во втором – наделяется значимостью в противовес фактичности.

Преобладание фактичности над значимостью оборачивается попытками свести труд к роли предпосылки производства, приписыванию ему роли метафизического основания или первоисточка последнего. При этом предельным выражением подобного подхода становится изъятие самого труда из многоликих производственных процессов, представление его как чего-то не производимого, но лишь производящего. Наоборот, преобладание значимости над фактичностью сопряжено с тем, что трудовая деятельность должна познаваться лишь в контексте исследования связанных с ней мотиваций, побуждений и фиксирующих их установлений, на которые возлагается миссия производства труда, причем уже не сам труд изымается из производственных процессов, а именно производственные процессы как бы изымаются из труда. В предельном варианте это может означать, что труд лишь производится, но уже не производит»⁶.

Таким образом, возможно говорить о производящем труде, когда труд будет пониматься как основополагающее допущение, некий метафизический принцип, запускающий процесс производства. В своем столкновении две трактовки труда выявляют равную недостаточность, поскольку объективизм потребностей, движущих человеком в процессе труда преодолен символически. Если К. Маркс мог быть уверен в том, что: «... по вкусу пшеницы невозможно узнать, кто ее возделывал, так же по этому процессу труда не видно, при каких условиях он происходит: под жестокой ли плетью надсмотрщика за рабами или под озабоченным глазом капиталиста, совершает ли его Цинцинат, возделывающий свои несколько югеров, или дикарь, камнем убивающий зверя»⁷, – то в настоящее время мы можем сказать, что труд более многомерен и вещь, неотличимая по своей «потребительской стоимости», может отличаться стоимостью символической.

Сама потребность в труде определяется целями человека, что делает понятным пример М. Вебера о традиционализме как «враге» капитализма: «Однако тут возникают неожиданные затруднения. В ряде случаев повышение расценок влечет за собой не рост, а снижение производительности труда, так как рабочие реагируют на повышение заработной платы уменьшением, а не увеличением дневной выработки. Так, например, жнец, который при плате в 1 марку за морген ежедневно жнет 2.5 моргена, зарабатывая таким образом 2,5 марки в день, после повышения платы на 25 пфеннигов за морген стал жать вместо предполагавшихся 3 моргена, что дало бы ему теперь 3,75 марки в день, лишь 2 моргена, получая те же 2,5 марки в день, которыми он, по библейскому выражению, «довольствовался». Увеличение заработка привлекало его меньше, чем облегчение работы: он не спрашивал: сколько я смогу заработать за день, увеличив до максимума производи-

⁵ Ашкерев А.Ю. Философия труда// Социологическое обозрение. Т.3 №2 2003. – С.59-61.

⁶ Там же. – С.52.

⁷ Маркс К. Капитал. М., 1953. – С. 191.

тельность моего труда; вопрос ставился по-иному: сколько мне надо работать для того, чтобы заработать те же 2,5 марки, которые я получал до сих пор и которые удовлетворяли мои *традиционные* потребности?»⁸.

Можно сказать, что капитализм в ходе своего развития последовательно изменял сам труд или шло смещение целей. Если в начале он носил черты традиционализма, мог быть определен как целерациональная деятельность направленная на решение целей локализованных вне самого производства, что и фиксирует М. Вебер в своем примере; то далее цель локализуется в самом труде, что составляет суть капитализма в его веберовском понимании: работа ради работы.

Однако далее мы должны учитывать, что указанное совмещение ведет к изживанию труда как производящего. Производство, будучи направленным во вне самого себя, на решение других, посторонних себе целей не может не производить. Производство, труд как деятельность замкнутая на себя, не производит, а действительно симулирует. Возникает вопрос, что можно производить не производя. Ответ мы находим у Бодрийяра, который говорит о видимости, симулякре. Производство сводится к копированию или тиражированию.

В полном соответствии с таким пониманием труда находится современная западноевропейская цивилизация и ее экономика. Вот как характеризует ее А. Дугин, ссылаясь на Дж. Мэрфи: «

1. Рынок вбирает в себя все (Market discounts everything).
2. Цены меняются трендами (The prices move in trends).
3. История повторяется (The history repeats itself)»⁹.

Так первый тезис означает тот факт, что реальность не просто конвертируется рынком/обменом, но полностью освоена им и «вобрана», рынок есть все, все эквивалентно и обмениваемо.

Второй тезис связан с тем, что: «... динамика рыночных цен в системе трендов становится самостоятельным процессом, независимым от фактической реальности товара или стока»¹⁰. То есть потребность как основа труда изымается из самой схемы ценообразования продукта и сам труд оказывается подчиненным игре знаков, автономных и алеаторных.

Третье положение раскрывается через идею повторяемости как некий «возврат» к модерну или традиционализму, что также не лишено смысла, поскольку позволяет провести параллели с ницшеанским концептом «вечного повторения». Отсутствие направления развития или даже самого развития, внутренних детерминант и прочих «несущих конструкций» располагает систему к такому сценарию.

Место труда в приведенной концепции постмодернистского финансового мироустройства есть место исключенного элемента, он как бы подразумевается, но о нем забыли. Знак или симулякр поглотил труд как реальный процесс. В этом смысле труд в эпоху постмодерна является не столько производящим, сколько непроизводимым. Он не производится как реальность. Вещи, ценности как итог труда и его суть покинули форму труда и обособились в знаке.

Список литературы

1. Ашкерев А.Ю. Философия труда// Социологическое обозрение. Т.3 №2 2003. – С.59-61.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма/ Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. — М.: Прогресс, 1990.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1934.
5. Дугин А. Дух постмодерна и новый финансовый порядок
<http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/00/354/81.html>
6. Маркс К. Капитал. М., 1953.
7. Новая философская энциклопедия <http://terme.ru/dictionary/879/word/%D2%Do%D3%C4>

⁸ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма/ Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. — М.: Прогресс, 1990. — С.80-81.

⁹ Дугин А. Дух постмодерна и новый финансовый порядок
<http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/00/354/81.html>

¹⁰ Там же.

LABOUR IN THE XXI-TH CENTURY: EVOLUTION OF THE FORM AND CONTENT

M. Y. VOLOSHIN¹⁾
I. V. SEMCHENKO²⁾
V. V. GASHKOV

Belgorod State University

¹⁾**e-mail: volochin@bsu.edu.ru**

²⁾**e-mail: semchenko@bsu.edu.ru**

The article presents the results of the analysis of the phenomenon of labour in the XXIth century. The paper studies the evolution of labour forms in terms of its conceptualization in the philosophy. The author reveals the binary manner of the philosophical discourse on labour which combines controversial interpretations of «productive» and «non-produced» labour.

Key words: labour, form, content, concept, modernity.

УДК 130.2

ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ КАДРОВОЙ РАБОТЫ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

А.А. ГОРЯЙНОВ*Белгородский
государственный
университет**e-mail: goriaynov@bsu.edu.ru*

В статье на примере социальных служб Белгородской области рассматриваются актуальные проблемы диагностики кадровой работы в сфере государственного и муниципального управления.

Ключевые слова: кадровая работа, принципы управления кадрами, кадровая политика, система управления, региональные социальные службы.

Эффективность реформирования деятельности социальных служб будет напрямую зависеть от степени согласованности ценностей и норм реализуемой кадровой политики организации с индивидуальными ценностными ориентациями. Поскольку так или иначе государственные организации на рынке труда функционируют в открытой конкурентной среде необходимо отметить еще ряд особенностей.

Во-первых, по сравнению с коммерческими структурами организации, которые финансируются за счет бюджетов различных уровней, имеют объективные ограничения в финансовых возможностях привлечения специалистов. Лимитированные бюджетные ресурсы значительно сужают спектр инструментов как управления организацией в целом, так и персоналом в частности. Согласно данным Белгородстата среднемесячная заработная плата в Белгородской области в 2010 году составила 15,885 тыс. рублей, что на 12,3% больше, чем в 2009 году. Наиболее высокие зарплаты в регионе отмечены у финансовых работников – 32,799 тыс. рублей, в сфере добычи полезных ископаемых – 24,735 тыс. рублей, в металлургическом производстве – 24,589 тыс. рублей, а также в производстве электроэнергии, газа и воды – 20,571 тыс. рублей. Самые низкие зарплаты наблюдались в текстильном и швейном производстве – 7,19 тыс. рублей; в обработке древесины и производстве изделий из дерева – 7,33 тыс. рублей; у работников, предоставляющих коммунальные, социальные и персональные услуги – 10,164 тыс. рублей, а также в здравоохранении и социальных услугах – 10,276 тыс. рублей¹.

Второй особенностью является широкое внедрение и постоянное совершенствование информационно-коммуникативных технологий в практику оказания государственных услуг, в том числе и части услуг по социальному обслуживанию населения. В соответствии Государственными программами Российской Федерации «Информационная Россия 2000-2010» и «Информационное общество (2011 – 2020 годы)» правительством Белгородской области принято постановление № 34 –пп от 29 января 2010 г. «О системе мер по развитию информационного общества и формированию электронного правительства в Белгородской области на 2010-2012 годы», разработаны и реализуются «План формирования электронного правительства в Белгородской области на 2010 – 2012 годы» и «План перехода на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде органами исполнительной власти Белгородской области», что сказывается на работе специалистов всех уровней: меняется содержательное наполнение работы, выдвигаются новые требования к профессиональным компетенциям, что, безусловно, увеличивает не только функциональную нагрузку, связанную с переходом в новый формат оказания услуг, но и ведет к росту моральной и психологической нагрузки на персонал.

Необходимо отметить, что только финансовыми инструментами невозможно привлечь и закрепить высококвалифицированный персонал. В материальном плане работ-

¹Средняя зарплата в Белгородской области в 2010г выросла на 12,3%
[//http://www.rosinvestproekt.ru/rnws.asp?id=67255&fd=17&fm=2&fy=2011](http://www.rosinvestproekt.ru/rnws.asp?id=67255&fd=17&fm=2&fy=2011)

ники социальной сферы существенно проигрывают работникам других секторов сферы обслуживания, что естественно сказывается на престижности их работы. Сложившаяся в результате кризисных явлений в экономике ситуация на рынке труда позволяет социальным службам усилить собственный кадровый потенциал за счет привлечения на работу высококвалифицированных специалистов из смежных отраслей, которые высвободились в связи со значительными сокращениями персонал, и поэтому медлить с указанными мероприятиями нельзя. И это еще раз подтверждает то, что назрела проблема формирования актуальной кадровой политики для социальных учреждений, которая позволила бы определить общую стратегию реализации системного подхода в работе с кадрами.

Кадровая политика – это ценности и принципы управления занятостью, на основании которых разрабатываются методы практической работы с персоналом (организационно-экономические, административные и пр.) реализуемые в данной организации, включая такие направления как отношения планирования кадров; требования к квалификации кадров; условия продвижения, ротации, сокращения кадров; трудовую дисциплину; стратегии развития персонала; взаимоотношения «руководитель-подчиненный»; политику охраны труда и безопасности. Можно согласиться с утверждением, что «кадровая политика – это целенаправленная деятельность по созданию трудового коллектива, который наилучшим образом способствовал бы совмещению целей и приоритетов предприятия и его работников»². Применение методов социологического исследования позволяет нам оценить, насколько данные цели совмещены через изучение субъективного восприятия проблем кадровой политики сотрудниками социальных служб.

Кадровая политика создается на основе общей стратегии развития системы управления и представляет собой способы действий в отношении персонала, направлена на его развитие. В кадровой политике отражаются специфика *внутриорганизационных параметров*, к которым относятся стратегические цели и задачи организаций и учреждений (в нашем случае социальной сферы); содержание функций сотрудников организации; система планирования потребности в персонале; система подбора, создания базы данных для кандидатов, отбора претендентов; процедуры найма, увольнения сотрудников; система трудовой адаптации, обучения новых сотрудников; система управления оплатой труда, социальных гарантий сотрудников; система оценки профессиональной деятельности сотрудников и контроля; система коммуникации в организации; система обучения, развития, планирования карьерного роста персонала и движение; традиций (или внутренних неформальных регулятивов трудовой деятельности), и *внешние параметры, представленные региональным фактором*: рынок труда; динамика социально-экономических и политических процессов в регионе; возможные изменения правового поля.

Для того чтобы выяснить, каковы сегодняшние проблемы организации кадровой работы в учреждениях социальной сферы было проведено социологическое исследование, основными направлениями которого стали: анализ ценностных ориентаций, системы трудовой мотивации сотрудников учреждений социальной сферы; выявление специфики кадровых технологий реализуемых на практике в учреждениях социальной сферы: профессиональной адаптации, системы оценки персонала и технологии управления карьерой, а также анализ проблем реализации кадровой политики и применения кадровых технологий в учреждениях социальной сферы региона, выявление направлений оптимизации. Исследование проводилось в сентябре 2010 года в муниципальных учреждениях социальной защиты Белгородской области.

В нашем исследовании мы придерживались модели анализа, которую предлагает А.И. Пригожин, выделяя три уровня диагностики кадровой политики: идеологемы (ценности, область целеполагания) – правила (принципы организации работы – отношения власти, структура) – нормы (исполнение работы, человеческие отношения)³. Данное видение обеспечивает системное восприятие кадровой политики, поскольку связывает три среза: реальные условия трудовой деятельности (формальные регулятивы, правила, условия труда, структура рабочих мест), восприятие принципов кадровой политики (ценно-

² Строительева Т.Г. Новые подходы к разработке кадровой политики предприятий Алтайского края, определяющиеся условиями экономического роста // Управление персоналом, 2008, № 9.

³ Пригожин А.И. Методы развития организаций – М.: МЦФЭР, 2003 г.

стные ориентации, цели и задачи трудовой деятельности) и поведенческие установки взаимодействия (методы работы с персоналом, трудовая мотивация, функциональная слаженность). Подобный подход позволяет выявить проблемы реализации кадровой политики: если принципы относятся к декларациям, то ценности и нормы представляют собой уже сферу реализации данных принципов в устойчивых трудовых практиках.

Выделение списка ценностей, лежащих в основе кадровой политики, является достаточно серьезной методологической и методической проблемой. В кадровом менеджменте традиционно отмечают четыре группы ценностей, лежащих в основе декларируемой кадровой политики: равенство, уважение, условия труда и безопасность.

Равенство подразумевает прозрачную беспристрастную систему регулирования трудовых отношений, исключая влияние субъективных факторов. Это означает, что взаимоотношения между сотрудниками выстраиваются на основе закона и формальных правил, действует справедливая система оплаты труда, отсутствует дискриминация при найме, ротации и продвижении сотрудников.

Уважение отражает приоритет личности и интересов сотрудника, учет личной ситуации, обстоятельства при планировании деятельности и принятии управленческих решений, обеспечение психологически комфортных, стабильных, предсказуемых условий работы и самоуважения работников. На эффективность работы персонала зачастую влияют факторы, косвенно воздействующие на труд: бытовые проблемы, проблемы, связанные с сохранением собственного здоровья, уход за детьми, организация досуга. Эти проблемы важны, их следует учитывать, поскольку профессиональная деятельность является основным источником средств к существованию для сотрудников и лиц, находящихся на их иждивении. Структура рабочего времени должна способствовать поддержанию баланса между работой и личной жизнью.

Благоприятные условия труда – включают широкий спектр инструментальных ценностей, включая сбалансированную систему трудовой мотивации, благоприятный морально-психологический климат, грамотную организацию труда. Работа приносит удовлетворение, когда действует основанная на объективной оценке результатов труда система вознаграждения, равномерно распределяется функциональная нагрузка, присутствуют реальные возможности карьерного роста, ставятся интересные и разнообразные задачи, существует обратная связь между руководителями подразделений и подчиненными.

Безопасность реализуется через обеспечение физически комфортных, благоприятных санитарно-гигиенических, физиологических условий труда. Неблагоприятные условия труда, отсутствие элементарных удобств на рабочем месте негативно сказываются на культуре труда и связаны с потенциальным и реальным риском снижения работоспособности людей.

Данные группы ценностей закреплены в действующем трудовом законодательстве и в том или ином виде декларируются в кадровой политике и поддерживаются многими организациями. Однако зачастую возникают противоречия между стратегией соблюдения политики и реализацией текущих целей деятельности: практическая деятельность вносит свои корректировки и намечает основные пути (способы) их достижения. Результатами подобного рассогласования систем ценностей могут стать несоответствие содержания трудовой деятельности жизненным целям человека, ломка ценностных ориентаций, которые в свою очередь приводят, к возникновению суррогатных форм социальной, психологической, профессиональной адаптации, конфликтам внутри трудового коллектива.

В ходе предварительного контент-анализа документов были определены базовые принципы, лежащие в основе положений кадровой политики региональных социальных служб: единоначалие; гибкость; отбор кадров; личная ответственность; корпоративность; взаимозаменяемость и ротация; информативность; стабильность. Важно отметить, что здесь выделены не все, а только ключевые принципы работы с персоналом – отражающие базовые положения кадровой политики. Каждому из данных принципов соответствует набор ценностных установок, отражающих целевые и содержательные аспекты деятельности. В прикладном исследовании мы ставили задачи выявить, как соотносятся данные принципы с основными ценностными ориентациями, формальными/ неформальными нормами, лежащими в основе системы трудовой мотивации персонала, определить унифицирующие/ дифференцирующие группы ценностей с выявлением степени

их влияния на эффективность работы подразделений служб, а также изучить мнение экспертов по проблемам реализуемой кадровой политики в системе управления социальной сферой региона и влиянию данной политики на эффективность деятельности социальных служб региона.

Ввиду высокой вероятности получения «социально востребованных» ответов сотрудников изучались, как текущие оценки, так и проективные оценки условий труда по дополнительным параметрам, отражающим влияние социально-психологических факторов на осуществление профессиональной деятельности: особенности отбора и продвижения персонала, функциональная слаженность, организационная структура, организационные отношения, закономерности межличностного общения, сплоченность, уровень конфликтности, отношения «руководитель-подчиненный», трудовая мотивация.

В рамках проведенного исследования мотивация сотрудников изучалась в двух перспективах: во-первых, сквозь призму индивидуального восприятия респондентами сложившейся в настоящее время ситуации (оценки собственного положения, меняющихся условий профессиональной деятельности, морально-психологического климата коллективов) анализировалось социальное самочувствие сотрудников учреждений, во-вторых, была сделана попытка выявить ожидания относительно предполагаемого места работы с применением проективных вопросов. Это позволило определить доминантные мотиваторы трудовой деятельности и выделить среди респондентов подгруппы с различными видами мотивации.

В качестве исходной точки изучения отношения сотрудников к реформированию социальной сферы был использован блок вопросов, посвященный изучению социального самочувствия. Именно уровень социального самочувствия сотрудников выступает показателем результативности проводимых организационных преобразований, с точки зрения изучения динамики функциональной слаженности коллективов учреждений социальной сферы.

Самочувствие можно определить через понятие удовлетворенности человека различными сторонами жизни, т.е. отождествить понятия «социальное самочувствие» и «интегральная удовлетворенность жизнью». В данном ракурсе социальное самочувствие выступает в качестве определенного результата рефлексии человеком собственной жизни, своих успехов и неудач, как отражение образа жизни и для полноты его измерения учитываются факторы как трудовой, так и бытовой, социальной, культурно-досуговой активности респондентов. Социальное самочувствие складывается из трех составляющих: 1) внутреннего состояния человека (здоровье, настроение, испытываемые чувства) – данные субъективные факторы играют существенную роль в том, как респонденты оценивают ситуацию и осуществляют выбор среди предлагаемых ответов, но, к сожалению, учет создаваемых ими «помех» в рамках социологического исследования невозможен; 2) оценки внешних условий (восприятие ситуации в коллективе – морально-психологического климата, изменения организационного характера, изменения функциональной нагрузки на подразделение и внутри коллектива и т.д.); 3) восприятие собственного положения в новых условиях – оценка перспектив, построение индивидуальных мотивов и целей деятельности, представление о своем будущем.

Для определения уровня социального самочувствия можно провести более подробный анализ и выделить различные сферы жизнедеятельности, но для решения исследовательских задач было важно зафиксировать социальное самочувствие в его целостности, как обобщенную результирующую характеристику процесса адаптации людей к сегодняшней жизни.

При ответе на вопрос «Как изменилось Ваше настроение за последние полгода?» 48.5% опрошенных сотрудников отметили, что настроение не изменилось, 16.6% сказали, что настроение улучшилось, 35% указали на ухудшение настроения, рост напряженности, нервозности. Достаточно низкий уровень социального самочувствия, среди значительной части сотрудников может послужить тревожным сигналом о возможном росте текучести персонала и ослаблении кадрового потенциала учреждений. Для выявления внутриорганизационных условий факторов, оказывающих влияние на социальное самочувствие сотрудников, был проведен анализ взаимосвязей данного показателя с индикаторами трудовой мотивации и самооценкой своего положения.

В целом, для анализа информации при объединении названных трех показателей было выделено 3 группы респондентов с различным социальным самочувствием: 1-я – самочувствие «не изменилось»; 2-я – «улучшилось»; 3-я – самочувствие «ухудшилось». Выяснилось, что среди тех, чье настроение не изменилось, преобладают респонденты со стажем работы до от 5 до 10 лет. Ухудшилось настроение в основном в группе сотрудников со стажем работы от 10 до 20 лет. В подгруппе тех, у кого улучшилось настроение, ядро составляют сотрудники с опытом работы до 5 лет.

При сопоставлении данных с результатами ответов на вопрос «Насколько Вы довольны своим служебным положением сейчас?» обнаружилось, что между данными показателями существует статистически значимая зависимость. Так в подгруппе тех, кто высказал недовольство своим служебным положением, процент респондентов, чье настроение ухудшилось, составил 70.7%, в то время как в подгруппе умеренно довольных и довольных составил около 30% от численности выбравших данный вариант ответа.

Для доказательства нашего утверждения сравним уровень социального самочувствия респондентов и субъективную самооценку удовлетворенности служебным положением (показатель успешности процесса адаптации). В данном случае мы не берем во внимание реальное положение респондента. Так как, на наш взгляд, самочувствие – как внутренняя характеристика, зависит именно от субъективного восприятия человеком уровня своего положения, а не от реального должностного или управленческого статуса. В ходе анализа нам важно было выявить, насколько респондент смог реализовать в профессиональном плане, чтобы быть довольным своим положением или нет. В результате наблюдается определенная тенденция: зависимость уровня самочувствия от самооценки собственного социопрофессионального статуса. Респонденты, считающие себя вполне довольными должностным положением, в большинстве случаев, отметили, что настроение улучшилось, их социальное самочувствие, удовлетворенность морально-психологическим климатом в коллективе, условиями работы в целом выше, по сравнению с другими группами опрошенных. В то время как респонденты, отметившие, что могли достичь большего, преимущественно указали, что их настроение не изменилось. Настроение «недовольных» своим служебным положением ухудшилось.

Анализ данных показал, что уровень социального самочувствия в большей степени зависит от успешности активной адаптации сотрудников к условиям службы. Процесс перехода к новым условиям работы – достаточно сложный период времени для любого сотрудника, поэтому немаловажное значение имеет и адаптация сотрудников. Создание благоприятных условий труда, как процесс реализации одной из групп ценностей кадровой политики, предполагает, что введение в сотрудников в новые условия функционирования будет сопровождаться, прежде всего, ознакомлением их с положением дел в отрасли, организации, сложившейся практикой управления и работы, а также теми изменениями, которые произошли и будут происходить, а также причинами, которыми они вызваны. Это процесс длительный, иногда занимающий несколько месяцев. Прежде, чем сотрудник сможет работать эффективно в соответствии с новыми требованиями, ему необходимо адаптироваться. В этот период у него часто возникает чувство неуверенности, неопределенности в своих действиях и решениях. Если такой сотрудник не получает поддержки со стороны коллектива организации, у него появляется чувство внутренней тревоги, которое так или иначе сказывается на эффективности его деятельности.

Рассматривая процесс адаптации, можно говорить о его двухаспектном направлении: с одной стороны, и организация принимает на себя определенное рода обязательства, нанимая работника для выполнения конкретной работы. Организация ожидает от сотрудника, что тот будет эффективно выполнять конкретную должностную функцию в обмен на получение им значимых для него благ, в качестве которых могут выступать признание, перспективы должностного и профессионального роста, приемлемый уровень оплаты труда. С другой стороны, за тем фактом, что человек работает в организации, стоит его сознательный выбор, основанный на определенной мотивации этого решения, на принятии на себя всей ответственности за это решение. Сотрудник понимает, что он берёт на себя определённые обязательства, принимая решение о выполнении данной деятельности в данном коллективе, он как бы обязуется справляться с ней, так как обладает необходимыми знаниями, навыками, опытом, способностями. Еще до начала трудо-

вой деятельности в процессе социализации человек приобретает определённые цели и ценностные ориентации поведения, в соответствии с которыми формирует свои требования к трудовой организации. Любая организация, в свою очередь, исходя из стоящих перед ней целей и задач, предъявляет свои требования к сотрудникам, к трудовому поведению – дисциплине, к качеству и объёму исполняемых работ. Реализуя свои потребности, они взаимодействуют, приспособляются друг к другу.

Адаптированность работника в коллективе проявляется на объективном уровне в его поведении – в практиках трудовой деятельности: взаимоотношениях с коллегами, руководством, партнёрами, в показателях эффективности труда, на субъективном – в удовлетворённости условиями и уровнем организации труда, получаемым по результатам работы материальным вознаграждением, морально-психологическим климатом в коллективе, возможностью профессионально-образовательного роста и т.п.

При оценке степени удовлетворённости настоящим местом работы предварительно был проведен анализ ожиданий и представлений респондентов о том, какие качества представляются им наиболее значимыми в выборе места работы (табл.1). Ответы распределились следующим образом:

Таблица 1.

Оцените значимость предлагаемых критериев места работы по 10-ти бальной шкале

	N		Медиана	Стд. отклонение	Дисперсия
	валидные	пропущенные			
высокая квалификация	286	0	9,00	2,548	6,494
возможности самореализации	286	0	8,00	2,739	7,500
рост проф.уровня	286	0	8,00	2,770	7,674
трудные цели	286	0	7,00	2,997	8,980
постоянное повышение квалификации	286	0	7,00	2,930	8,587
личная предприимчивость изобретательность	286	0	8,00	2,917	8,507
самостоятельность	286	0	8,00	3,133	9,818
не требующая напряжения	286	0	4,00	2,990	8,940
не ответственная	286	0	2,00	3,587	12,865
нерегламентированный график	286	0	4,00	3,211	10,308
разъезды, командировки	286	0	4,00	3,432	11,780
возможности для обучения	286	0	8,00	3,273	10,709
карьерный рост	286	0	7,00	3,386	11,464
рост влияния	286	0	8,00	2,869	8,229
социальная значимость	286	0	10,00	2,601	6,767
претиж	286	0	8,00	3,221	10,377
комфортные условия работы	286	0	10,00	2,822	7,965
невредная для здоровья	286	0	10,00	2,928	8,571
гарантия от безработицы	286	0	10,00	3,179	10,106

гарантия соц.благ, льгот	286	0	10,00	3,315	10,986
высокий уровень оплаты труда	286	0	9,00	3,565	12,709
достойное пенсионное обеспечение	286	0	9,00	3,631	13,185
обеспечение жильем	286	0	5,00	4,075	16,608
гибкая система вознаграждения	286	0	9,00	3,097	9,591

Однофакторный дисперсионный анализ показал, что переменная стажа работы оказывает статистически значимое влияние на распределение переменных таких мотиваторов, как трудные трудовые цели, перспективы карьерного роста, гарантия социальных благ, высокий уровень оплаты труда, достойный уровень пенсионного обеспечения, обеспечение жильем и гибкая система вознаграждения: наблюдается статистически достоверная обратная зависимость между показателями важности указанных мотиваторов и стажем работы респондентов, т.е. с ростом трудового стажа снижается значение этих переменных.

Для выявления доминирующих «векторов» мотивации трудовой деятельности входе интерпретации данных был использован факторный анализ, при котором все предполагаемые мотивы были разбиты на 5 групп факторов, отражающих особенности мотивационных моделей сотрудников.

К первой группе были отнесены мотивы, связанные с возможностями и перспективами профессиональной самореализации, ростом профессионализма, повышением квалификации, отработкой навыков трудовой деятельности. Условно, респондентов, показавших наибольшие показатели в данной группе, можно охарактеризовать как нацеленных на приобретение опыта работы, намеренных строить карьеру в рамках организации. Сходной моделью мотивации обладают 20% респондентов (невозможно говорить о полном соответствии мотивационных моделей, речь идет о значимом пропорциональном сходстве показателей). Причем необходимо подчеркнуть, что значимость данной модели высока в группе респондентов со стажем работы до 5 лет и постепенно снижается в остальных группах.

Ко второй группе мотивов были отнесены мотивы, связанные со стремлением сохранить стабильную занятость, гарантированные социальные блага. Положительно связаны с этим фактором показатели «не требующая интеллектуального и физического напряжения», «не ответственная», и обратно связаны – индикаторы карьерного роста и повышения профессиональной квалификации. Можно интерпретировать это следующим образом: респонденты с высокими показателями по данному фактору согласны исполнять монотонную, неотвечественную, неинтересную для них работу взамен на невысокую, но стабильную оплату, для них работа выступает инструментальной деятельностью. Аналогичной модели придерживаются порядка 50% опрошенных сотрудников. Ядро данной группы составляют сотрудники со стажем 5 -10 лет и 10-20 лет. В данных двух подгруппах респондентов удовлетворенность служебным положением несколько выше по сравнению с другими группами.

Ядро третьей группы мотивов составили два показателя – «нерегламентированный рабочий день» и «работа, связанная с разъездами и командировками», они обратно связаны с показателем «хорошие физические условия труда», т.е. респонденты, давшие высокие показатели по данному фактору, согласны работать в менее комфортных условиях, если им будет предоставлена возможность путешествовать, менять обстановку, знакомиться с новыми людьми. Численность респондентов с подобной мотивационной моделью составила 2%, что объяснимо спецификой работы учреждений социальной сферы.

Четвертый фактор объединил мотивы, характеризующие отношение респондентов к настоящей работе как к «временной». Показатели престижа, предоставления возможностей для обучения, напрямую связаны с показателями «гибкий график работы», «не требует напряжения», и обратно связаны с показателями «достойное пенсионное

обеспечение», высокая оплата труда и «постановка сложных трудовых целей» Это указывает на то, что респонденты не рассчитывают на продолжительную занятость в данной сфере, используя нынешнюю ситуацию для приобретения опыта работы, полезных связей либо в настоящий момент находятся в поиске, «ожидают» новое место работы. Среди опрошенных сотрудников придерживаются данной мотивационной модели 15%. В данной подгруппе респондентов удовлетворенность своим служебным положением крайне низкая. Ядро составляют сотрудники со стажем до 5 лет.

Пятый фактор объединил мотивы респондентов, которые нацелены «доработать до пенсии без лишних напряжений» – для них характерно внимание к хорошим физическим условиям труда, престижу места работы, не важны показатели карьерного роста и возможности для обучения, повышения квалификации. Численность респондентов данной подгруппы составила 13%. Степень удовлетворенности служебным положением средняя, что характерно большинству респондентов в данной подгруппе не видят возможностей что-либо изменить.

Подобное распределение ответов, говорит о проблемах поддержания трудовой мотивации сотрудников в учреждениях: наиболее компетентные и трудоспособные группы сотрудников, обладающие не только необходимым уровнем профессиональной квалификации, но и достаточным опытом работы не видят перспектив собственного развития в рамках службы и склонны минимизировать собственные усилия.

Отмеченная тенденция полностью подтверждает наше предположение о том, что именно степень успешности прохождения процесса адаптации оказывает решающее влияние на уровень социального самочувствия. Дополнительным подтверждением служит распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, есть ли у Вас перспективы карьерного роста?» (табл.2).

Таблица 2

Как Вы считаете, есть ли у Вас перспективы карьерного роста?

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	да	89	31,1	31,1	31,1
	нет	197	68,9	68,9	100,0
	Итого	286	100,0	100,0	

Среди 31,1% тех, кто считает, что такие перспективы есть, 93% составляют «представители» первой, второй мотивационной подгрупп. Среди тех, кто считает, что перспектив нет – большинство представителей четвертой и пятой подгрупп.

Расчет таблиц сопряженности для стажа работы и перспектив карьерного роста указывает на статистически значимую зависимость между данными переменными. Подобное распределение ответов, говорит нам о том, что те принципы кадровой политики, которые декларируют планирование карьеры и продвижение по службе, не вполне реализуются и в действующем виде не способствуют обновлению организаций социальной сферы. Проективное планирование персонала работает не вполне эффективно, если более двух третей персонала не видят возможностей сделать карьеру в рамках служб. А возможности оптимизации использованию внутренних кадровых ресурсов путем ротации не используются в полной мере.

Политика повышения профессиональной востребованности работников предусматривает не только возможности для карьерного роста, но также и возможности для обучения и профессионального развития. Для прояснения ситуации о предоставляемых учреждениями социальной сферы возможностях повышения квалификации был использован блок вопросов, которые позволяли оценить как реальные условия работы, так и индивидуальные усилия сотрудников в данном направлении. При ответе на открытый вопрос «С какими условиями Вы связываете возможности продвижения по карьерной лестнице?» респонденты указали опыт работы, дополнительное профессиональное образование, повышение квалификации, развитие профессиональных навыков – 6% от отметивших, что возможности есть (процент незначителен, т.к. большинство уклонились от

ответа). Но как они оценивают возможности повышения квалификации? И данные здесь неутешительны: ответы респондентов распределились следующим образом (табл.3):

Таблица 3.

Созданы ли у Вас в организации условия для повышения профессиональной квалификации?

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	да	146	51,0	51,0	51,0
	нет	140	49,0	49,0	100,0
	Итого	286	100,0	100,0	

51 % всех опрошенных сотрудников указали, что в их подразделениях созданы условия для повышения квалификации и профессиональной подготовленности кадров помимо плановых мероприятий. Плановое повышение квалификации прошли порядка 35,3 % опрошенных сотрудников.

Для анализа того, какие формы самообразования наиболее часто используются сотрудниками учреждений социальной сферы региона в целях повышения своей квалификации, была применен вопрос с внутренним ранжированием. 76.6% респондентов отметили, что чаще всего для самообразования используют научную и периодическую литературу по специальности, интернет; 53.1 % обращаются в случае необходимости за помощью к более опытным коллегам. 25.2% опрошенных указали на то, что использование в работе информационных изданий и справочников по специальности позволяет им поддерживать компетенцию на должном уровне. 33.6 % сотрудников отметили, что практическая работа лучший способ повысить свой профессиональный уровень. Безусловно, эти высказывания справедливы, но только порядка 7% опрошенных указали, что их опыт позволяет им наставлять других.

Данное распределение подтверждается ответами на вопрос о преимущественном использовании различных видов занятий в свободное время. Ранжирование показало, что среди многообразия форм проведения досуга на первом месте стоит отдых в кругу семьи – 70.6% выбрали данный вариант ответа. 45.3 % сотрудников отметили, что решение бытовых проблем отнимает значительную часть свободного времени. 41.6% опрошенных сотрудников выбрали просмотр телепередач, фильмов, 21% предпочитают чтение другим видам досуга, 2.5% в основном мужчины опрошенных увлекаются конструированием, техникой. Только 4 респондента указали, что занимаются научной работой.

Социо-профессиональное положение, как совокупность социальных позиций, выделяемых по таким критериям как требуемая квалификация, престиж профессии, должность, является одним из основных ориентиров для самоидентификации, ключом к формированию статусно-ролевой определенности. От того насколько совпадают ожидания сотрудников относительно содержательных и организационных изменений профессиональной деятельности с реалиями реформирования, зависит успех их адаптации к условиям службы, мотивация в последующей трудовой деятельности. Чем выше ролевая определенность человека, тем успешнее действуют механизмы самоидентификации; чем более размыты ценностные ориентации, тем сложнее адаптация. В данных условиях система дополнительного профессионального образования – повышения квалификации может служить своеобразным буфером, залогом сохранения кадрового состава в условиях перемен. Предоставляя возможности для совершенствования навыков, приобретения дополнительных знаний по специальности, с одной стороны, организация решает ряд важных экономических задач по преумножению человеческого капитала сотрудников, повышению эффективности и производительности труда, с другой, задействуются внутренние, основанные на внутриличностных потребностях и интересах мотиваторы, более длительные по степени оказываемого на индивида воздействия. В условиях нестабильности и перемен временной фактор адаптации играет существенную роль. Практика западных стран показывает, внедрение либеральной модели социальной работы предполагает, что

до трети финансирования услуг должно осуществляться за счет грантовой формы, т.е. подразумевается активное участие сотрудников в исследовательских проектах. Это значит, что в рамках мероприятий по реализации кадровой политики должны создаваться благоприятные условия для стимулирования научно-исследовательской работы сотрудников. Возрастающие нагрузки на личный состав, изменение содержания выполняемых функций при сохранении прежних размеров оплаты труда могут спровоцировать отток квалифицированных кадров, но перспективы развития своих профессиональных знаний и умений, получения новых знаний по специальности могут задержать ориентированных на построение профессиональной карьеры в рамках организации сотрудников, сгладить адаптационные процессы.

Еще одним немаловажным аспектом успешной адаптации являются условия, в которых приходится трудиться сотрудникам учреждений социальной сферы. Для выявления факторов, оказывающих негативное влияние на эффективность и производительность труда, сотрудников попросили оценить по 10-ти бальной шкале какие внешние условия в наибольшей степени мешают работе. Были получены следующие результаты (а. вычислено по сгруппированным данным) (табл.4):

Таблица 4.

**Какие внешние условия наиболее часто мешают Вам в работе?
(оцените по 10-ти бальной шкале)**

Переменная	N		Медиана	Стд. отклонение	Дисперсия
	валидные	пропущенные			
шум	286	0	5,28 ^a	3,649	13,317
отсутствие необходимой оргтехники	286	0	6,63 ^a	3,773	14,237
стесненные условия	286	0	7,09 ^a	3,693	13,637
физически тяжелые условия	286	0	2,35 ^a	3,425	11,729
морально-психологический климат	286	0	7,21 ^a	3,691	13,621
большое количество посетителей	286	0	4,96 ^a	3,353	11,244
неравномерная загруженность	286	0	4,50 ^a	3,317	11,005
удаленность вспомогательных служб	286	0	3,78 ^a	3,333	11,106
неравномерность функциональной нагрузки	286	0	4,87 ^a	3,524	12,418

Как видно из приведенной выше таблицы, наряду с бытовой неустроенностью, значительная часть сотрудников отметила факторы организационно-управленческого порядка – морально-психологический климат в коллективе, неравномерное распределение функциональной нагрузки. Здесь также как и с мотивационными моделями наблюдается статистически значимая разность между средними значениями переменных неравномерной функциональной нагрузки, физически тяжелыми условиями труда в зависимости от стажа респондента (графики 1, 2). Переменная «отсутствие необходимой оргтехники» получила наиболее высокие показатели в подгруппе сотрудников со стажем работы до 5 лет, что видимо также отражает особенности распределения профессиональных обязанностей внутри подразделений.

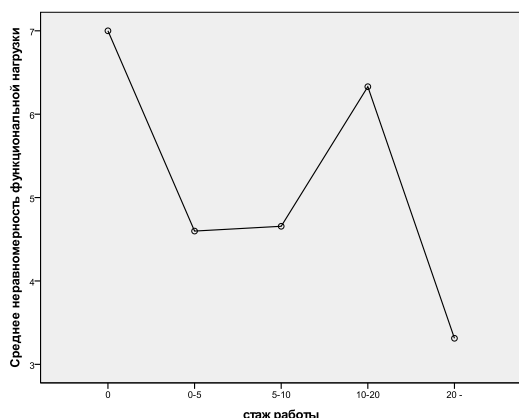

График 1.

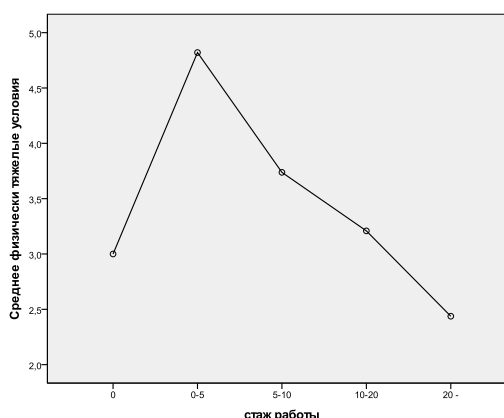

График 2.

И здесь нам необходимо подробнее остановиться на анализе внутри коллективных взаимодействий. Надёжность и эффективность работы любой организации, зависит от согласованности совместной деятельности сотрудников, т.е. от групповой деятельности, поскольку каждая рабочая группа может включать в себя множество ещё более мелких групп, в которых также осуществляется непосредственное взаимодействие сотрудников, начальников, руководителей при выполнении определённых видов трудовой деятельности.

В процессе совместной трудовой деятельности формируется определенная социальная трудовая среда – отношения, в которые вступают люди в процессе трудовой деятельности. Бюрократизация социальной сферы оказывает существенное влияние на поведение сотрудников в профессиональной среде. В рамках трудовых отношений формируются и межличностные отношения, специфика построения которых зависит от социальных статусов и спектра ролей каждой личности в трудовой организации. Принцип единоначалия в кадровой политике (распределение власти среди руководителей, когда подчиненный отчитывается перед непосредственным начальником), приводит к концентрации важнейших функций по управлению кадрами в руках линейных руководителей, в том числе вопросов связанных с оплатой труда, планированием карьеры, возможностями продвижения и прочее. При низкой формализации критериев оценки работы (по данным независимых исследовательских центров в России она составляет около 40%, в то время как в среднем значение по странам Европейского Союза составляет 75%⁴) это ставит работников в достаточно жесткие условия личной зависимости. «В условиях дефицита средств на *оплату труда* важнейшим вопросом является распределение данных средств, позволяющее, во-первых, привлечь и удержать наиболее ценных работников и, во-вторых, осуществлять меры по стимулированию остального персонала. Именно поэтому – для утверждения самой возможности воздействовать на подчиненных – линейные руководители пытаются обеспечить себе монопольные права по всей «линейке» кадровой работы».⁵ Данные российских исследований показывают, что степень влияния иерархической системы подчинения во взаимоотношениях внутри коллективов зачастую выходит за пределы достаточности. Например, по данным исследования Додловой М.Ч. из 78,6% респондентов из числа работников региональных органов власти, получавших просьбы о дополнительной работе, 95,6% соглашались почти всегда или достаточно част⁶.

Данные нашего исследования также указывают на неравномерность распределения функциональной нагрузки внутри подразделений учреждений социальной сферы.

Анализируя полученные результаты в первую очередь необходимо отметить определенные тенденции. 48.66 % сотрудников утверждают, что распределение функцио-

⁴ Гурков И.Б., Зеленова О.И., Гольдберг А.С., Саидов З.Б., Система управления персоналом на российских фирмах в зеркале международного сравнения// Мир России, 2009, №3 – С.146

⁵ Гурков И.Б., Зеленова О.И., Гольдберг А.С., Саидов З.Б., Система управления персоналом на российских фирмах в зеркале международного сравнения// Мир России, 2009, №3 – С.143

⁶ Додлова М.Ч. Институциональное регулирование контрактных отношений в системе государственной бюрократии. Автореферат дисс... кандидата экономических наук. М.: 2008. – С. 23.

нальных обязанностей не изменилось, в то время как в вопросе относительно изменения объема работы 76.57% (отметившие варианты ответа 1 и 2) говорят об общем увеличении объема работы. Это может являться свидетельством того, что учреждения социальной сферы на момент проведения исследования стали работать более интенсивно.

Обращает на себя внимание тот факт, что 64,7% сотрудников считают, что функциональная нагрузка распределена не равномерно между сотрудниками подразделения. При этом примерно половина опрошенных считает, что именно они загружены больше других (48.6% выбравшие варианты ответа 1 и 2). Такое положение дел создает благоприятную почву для возникновения конфликтов на основе выполнения служебных задач. Сопоставляя эти данные с полученными ответами на вопросы по конфликтам внутри коллективов, можно сказать, что имеет место не только напряжение внутри отдельных подразделений, но и между подразделениями. Так как более половины опрошенных считают, что некоторые подразделения работают в ослабленном режиме.

Выходом из этой ситуации может служить ротирование части сотрудников из подразделений, которые работают в ослабленном режиме в те, которые перегружены функционально. Взаимозаменяемость и ротация – временное выбывание отдельных (сотрудников) работников не должно прерывать функциональный процесс. Для этого каждый член профессиональной группы должен уметь выполнять функции другого сотрудника (работника) своего профессионального уровня.

Анализ блока вопросов, нацеленного на выявление уровня конфликтности в подразделениях позволяет прийти к выводам, что в целом ситуация стабильна. 60.5% опрошенных сотрудников отметили, что они не помнят случаев конфликтов не относящихся к служебной деятельности. Однако почти 12% отметили, что конфликты в подразделениях случаются достаточно часто.

Функциональные конфликты, а именно на их выявление был направлен вопрос №8, имеют тенденцию переходить в межличностные. Если исходить из этого, то в 7% случаев (вариант ответа «конфликты случаются очень часто») конфликты достигают того уровня, при котором они практически не могут быть разрешены обычными средствами управления. Кадровая политика представляется важным моментом в управлении коллективами, поскольку определяет генеральную линию и принципиальные установки в работе с персоналом, направленные на эффективное функционирование трудового коллектива и учреждения в целом. И здесь мы видим трудности в реализации еще одного принципа декларируемой кадровой политики, а именно принципа гибкости как умения находить общее мнение, избегать конфликтов, принимать решения сообща.

Следует указать, что конфликты на межличностном уровне имеют две стороны: негативную, которая очевидна, и позитивную, которая дает возможность проанализировать ситуацию, разобраться в противоречиях, найти способы решения конфликта. Сегодня специалисты в области управления персоналом считают, что конфликт выступает фактором развития профессиональной группы. Наличие конфликта в подразделении является более желательным, чем нежелательным, поскольку конфликт и умение его разрешить является показателем динамики профессиональной группы. Анализ таблиц сопряженности распределения функциональной нагрузки и конфликтов указывает на наличие статистически значимой зависимости между данными переменными: повышенные функциональные и психо-эмоциональные нагрузки, связанные со спецификой работы, оказывают негативное воздействие на морально-психологический климат в коллективе. Но кадровая политика, реализуемая в учреждении, должна создавать условия для снижения негативного влияния и реабилитации профессиональных рисков, связанных с повышенными эмоциональными нагрузками (синдром сгорания) и дисбалансом нагрузки функциональной. Условия перехода к новой модели управления системой социального обслуживания необходимо развивать формализованные методы оценки работы (нагрузки) персонала, которые могли бы ограничить субъективный фактор влияния на распределение обязанностей внутри подразделения. Отрегулировать реализацию принципов эффективного отбора кадров и корпоративности возможно, делегируя часть полномочий связанных непосредственно с отбором, расстановкой, поощрением кадров кадровым службам, поскольку именно «кадровые службы и финансы являются самым жестким и эффективным инструментом, когда необходимо осуществлять централизованные

преобразования, быстрые по времени и скоординированные в рамках большой неоднородно организованной и полифункциональной структуры»⁷.

В необходимости этих решений убеждает и анализ группы вопросов по проблематике отношений «руководитель – подчиненный».

Ответы респондентов по данным вопросам распределились следующим образом:

Таблица 6

Бывали ли случаи несправедливого отношения к Вашему подразделению со стороны начальства?

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	да	76	26,6	26,6	26,6
	нет	210	73,4	73,4	100,0
	Итого	286	100,0	100,0	

Таблица 7

Бывали ли случаи несправедливого отношения к Вам со стороны руководителя подразделения?

		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	да	51	17,8	17,8	17,8
	нет	235	82,2	82,2	100,0
	Итого	286	100,0	100,0	

Показатели данной группы вопросов говорят о том, что отношения «руководитель-подчиненный» для большинства сотрудников – 82,2% являются приемлемыми. Однако 17,8% респондентов открыто говорят о несправедливом отношении к ним со стороны начальника подразделения. В данном случае, если не принимать специальных мер, то возможна эскалация напряженности, что приведет к снижению эффективности труда. Более того, если принимать во внимание, что среди респондентов, которые открыто говорят о плохих отношениях с начальством, могут оказаться сотрудники, которые являются неформальными лидерами, к мнению которых прислушиваются в коллективе подразделения, возможно противостояние между коллективом подразделения и его начальником. При таком положении дел также необходимо обращать особое внимание на критерии оценки качества выполнения тем или иным сотрудником своих функциональных обязанностей. При оценке работы сотрудника следует стараться исключить помехи, т.е. субъективные свойства характера или манеры поведения, которые представляются не симпатичными. Следует определить, формальные параметры оценки качества работы, и строго их придерживаться во избежание перерастания конфликтов в межличностные. Справедливая оценка возможна лишь в том случае, если точно определена цель деятельности подразделения и учреждения в целом. Ориентировочным пунктом для вынесения оценки работнику являются служебные требования. И только четкое определение этих требований дает право позитивно или негативно оценивать то или иное поведение или определенную способность.

Заключительный блок вопросов был представлен проективными вопросами, касающимися оценки респондентами перспектив работы в учреждениях социальной сферы. Анализируя данную группу вопросов, необходимо сразу отметить то обстоятельство, что всего 28,3% (выбравшие в 17 вопросе вариант) – чуть менее трети опрошенных оста-

⁷ Рубцов В.Н. Специфика кадровых процессов в органах городского самоуправления современной России: Диссертация ... канд. социол. наук. 23.00.02. – Саратов, 2005. – С. 87.

лись бы работать в учреждениях социальной сферы в том случае, если бы им предоставили возможность перейти на другую работу (таблица 8). В свою очередь те, кто, практически не задумываясь, уволились бы из учреждений социальной сферы, составляют 15%. Подавляющее большинство из тех, кто готов перейти на другую работу обосновывают это низким уровнем оплаты труда (85,7%) и лишь небольшое количество сотрудников называют иные факторы желания перейти на другую работу, среди которых морально-психологический климат в коллективе и тяжелые условия труда.

Таблица 8

Если бы представилась возможность, Вы бы перешли на другую работу?					
		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	навряд ли	43	15,0	15,0	15,0
	скорее всего	71	24,8	24,8	39,9
	наверное, нет	91	31,8	31,8	71,7
	нет	81	28,3	28,3	100,0
	Итого	286	100,0	100,0	

Таблица сопряженности: возможность перейти на другую работу / удовлетворенность служебным положением

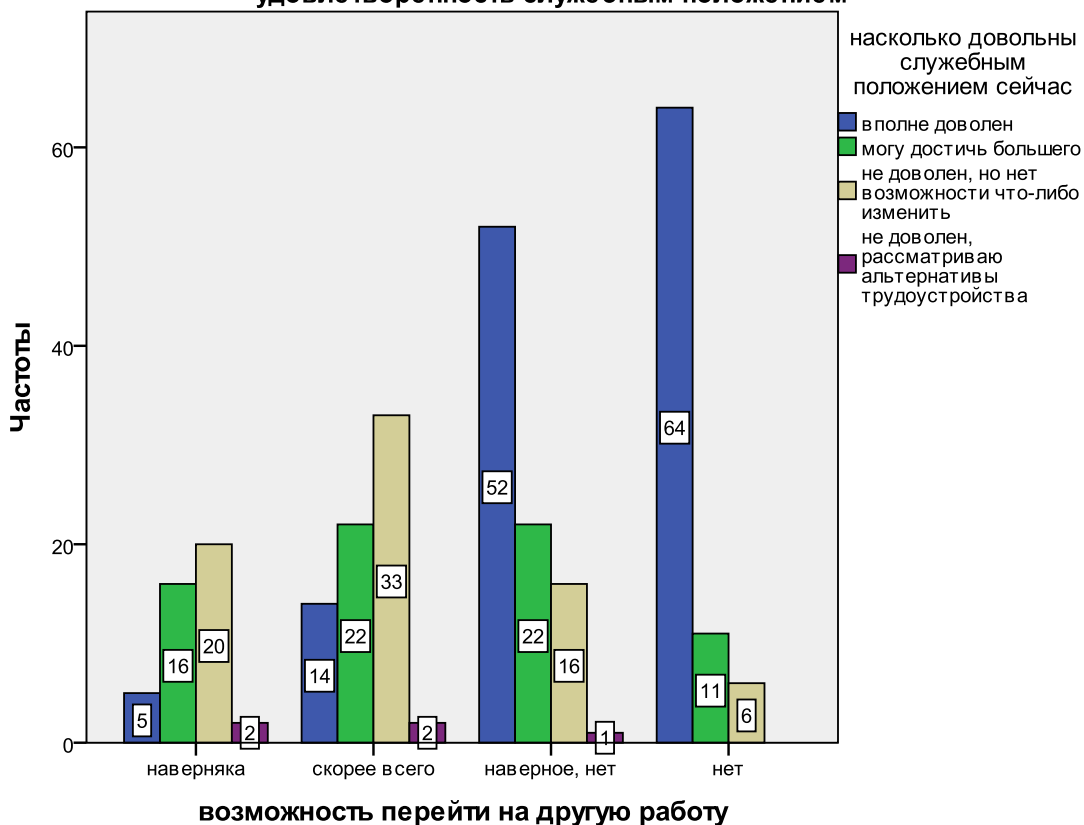

Диаграмма 11

Если мы посмотрим на данные сопряженности удовлетворенности условиями труда и оценки перспектив ухода с работы (статистически значимых зависимостей с другими показателями выявлено не было), то увидим, что среди тех, кто рассматривает другие варианты трудоустройства, недовольные своим служебным положением составляют ядро группы. К «балансирующим» можно отнести сотрудников, которые уверены, что

способны достичь большего. На эту категорию сотрудников будет оказывать влияние группа тех, кто не собирается мириться со своим служебным положением и ищет работу, учитывая процентное соотношение указанных групп респондентов, можно сказать, что такое влияние будет достаточно сильным. Интересно также отметить, что сотрудники, поддерживающие взаимоотношения с коллегами во вне рабочее время, в целом более позитивно оценивали условия трудовой деятельности (нагрузку, взаимоотношения в коллективе, перспективы карьерного роста) по сравнению с теми, кто ограничивается общением в рабочее время, и демонстрируют нацеленность на долговременную занятость в данных структурах.

Экспертный опрос подтвердил общие тенденции, выявленные в нашем исследовании. Большинство опрошенных экспертов, в качестве которых выступили руководители структурных подразделений и руководители учреждений социальной сферы региона, в ходе интервью отметили, что в целом система социальных служб региона способна эффективно оказывать услуги различным категориям населения. В качестве ключевых проблем отрасли эксперты назвали недостаточный уровень финансирования, рост цен на услуги и низкий уровень профессиональной компетенции работников. Объективные причины недостаточного финансирования учреждений социальной сферы обостряют проблемы трудовой мотивации персонала.

Главными мотиваторами трудовой деятельности являются материальные блага. Значимость профессиональных мотиваторов достижения, таких как саморазвитие, возможности для обучения, карьерный рост, сильна в группах сотрудников, начинающих трудовой путь – со стажем работы до 5 лет. Только четыре эксперта указали на наличие в организации системы адаптации сотрудников (показательно, что трое из них работают в системе менее полугодом), причем она рассчитана главным образом на первичную адаптацию, т.е. обучение вновь поступающих на работу. Вторичная адаптация сотрудников к изменяющимся условиям работы как система мер кадровой политики отсутствует. Очевидно, что в целях обеспечения конкурентоспособности учреждений социальной сферы на рынке труда и сохранения кадрового потенциала необходимо активизировать использование внешних мотиваторов трудовой деятельности, стимулирующих сотрудников к продолжительной занятости. С точки зрения экспертов в качестве таких стимулов целесообразно рассматривать дополнительное пенсионное обеспечение по выслуге лет и другие виды социальных преференций сотрудникам, в том числе и оказание гарантийных услуг при получении потребительских кредитов, содействие в приобретении жилья, что является актуальной проблемой для молодых специалистов (это подтверждается результатами общего опроса сотрудников).

На настоящий момент текучесть кадров не является острой проблемой учреждений социальной сферы, но это не их «заслуга», а скорее следствие ограниченности рынка труда региона. Внутренние возможности учреждений для повышения эффективности использования имеющегося у них кадрового потенциала реализуются не в полной мере. Проблемы воплощения декларируемых принципов кадровой политики в практику управления персоналом проявились и в экспертных интервью. Низкая формализация оценки деятельности сотрудников, отсутствие четких критериев учета трудового вклада, неразработанная система мотивации, субъективная система распределения функциональных обязанностей, отсутствие четких критериев отбора персонала, недостаточная информированность сотрудников о целях и задачах деятельности организаций – все это усугубляет профессиональные риски и не способствует привлечению квалифицированных кадров в отрасль.

Стратегические цели реформирования социальной сферы содержание реформ также не являются достаточно ясными для сотрудников учреждений: в ответах респондентов цели, отражающие ориентиры профессионализации социальной сферы, тенденции менеджериализации отрасли практически отсутствуют. Среди названных целей доминируют общекультурные ориентиры, такие как «возвращение к духовным корням и традициям», «создание благоприятного социального климата в регионе», «поддержка эмоционального здоровья граждан» и др., а также инструментальные цели, связанные непосредственно с реализацией узких профессиональных задач отдельных подразделений – «оказание социальных услуг с использованием универсальных электронных карт», «ра-

бота по принципу одного окна», «решение проблем одиночества пожилых граждан». Отсутствие единой концепции развития социальной сферы сказывается на общей рассогласованности представлений работников отрасли о целях и направлениях профессиональной деятельности.

Интервьюирование показало, что применение принципов государственной кадровой политики в отношении госслужащих применительно к работникам, не имеющим указанного статуса, не нашло подтверждения в результатах исследования. Более того, ограниченный характер финансирования не всегда позволяет в полной мере реализовывать эти принципы и в отношении госслужащих. Так, например, для получения выплат в полном объеме госслужащие должны проходить ежегодное повышение квалификации, а выделяемые на данные цели бюджетные средства позволяют охватить программами далеко не всех сотрудников, часть служащих вынуждены либо проходить обучение за свой счет, либо терять часть заработка по итогам аттестации за год. О повышении квалификации рядовых сотрудников речь вообще не идет, т.к. денег на эти мероприятия не выделяют, средств, полученных за оказание платных услуг, у организаций не хватает. Сами сотрудники не всегда могут выделить из собственных сбережений деньги на повышение квалификации, и многие из опрошенных не видят смысла в дополнительном обучении, т.к. не существует прямой зависимости между повышением квалификации и уровнем заработной платы. Принцип приоритета конкурса при приеме на службу не работает в условиях низкого престижа профессии социального работника и низкого уровня оплаты труда: доминирует формальный отбор на основе необходимого уровня образования и с учетом включенности в социальные сети. Таким образом, принципы формирования кадрового состава (профессионализм и компетентность, профессиональное обучение и подготовка кадров, обязательность формирования кадрового резерва и работы с ним) реализуются не в полной мере.

В заключение раздела следует отметить, что, основываясь на полученных в результате социологического опроса данных, можно утверждать, что выдвинутые нами гипотезы подтвердились частично.

Так, можно утверждать, что ценности, лежащие в основе регуляции профессиональной деятельности, актуализируются в сознании сотрудников как под влиянием текущих условий труда, особенностей социальных взаимодействий внутри трудового коллектива, а также в зависимости от таких признаков как образование, социально профессиональный статус, должностной статус. Однако, гипотеза о том, что нравственные компоненты ценностной структуры обладают интегрирующими характеристиками в трудовых коллективах социальных служб, не была подтверждена, поскольку понимание назначения и целей профессиональной деятельности, а также ценностей, которые стоят за конкретными задачами профессиональной деятельности, у опрошенных существенно различаются. Нет также общего понимания тенденций развития социальной службы, что не способствует повышению управляемости коллективов. Одним из решающих факторов трудовой мотивации является внешнее стимулирование сотрудников с помощью материального вознаграждения.

Действительно, сотрудники располагающие социальными сетевыми ресурсами по месту службы, продемонстрировали более высокую степень удовлетворенности трудом и ориентацию на долговременную занятость в структурах социальных служб, в то время как сотрудники не располагающие сетевыми ресурсами, в целом демонстрировали более низкие оценки условий труда.

В общем, результаты исследования показали, декларируемые принципы кадровой политики недостаточно формализованы и не в полной мере реализуются в практике кадровой работы в учреждениях социальной сферы. Частично это связано с недостаточным финансированием затрат на персонал, отчасти с высокой ролью неформальных субъективных практик в сфере управления персоналом и высокой ролью линейных руководителей, обусловленной бюрократическим характером структуры учреждений социальной сферы.

В условиях низкой формализации принципов кадровой политики, раздвоение стандартов и норм управления кадрами способствуют снижению трудовой мотивации сотрудников, а, следовательно, и эффективности деятельности подразделений в целом.

Низкая формализация критериев оценки качества и объема работы сотрудников учреждений проявилась в неравномерности распределения функциональной нагрузки, как внутри подразделений, так и между ними, что негативно влияет на эффективность использования внутренних человеческих ресурсов учреждений.

В связи с вышеизложенным представляется важным не просто разработать комплексную модель профессионально ориентированной кадровой политики для социальных служб, но и обозначить базисные технологии работы с кадрами на основе действующих форм и процедур, уже проверенных на практике, и с адаптацией новых методов кадровой работы, применяемых в других отраслях.

Список литературы

1. Средняя зарплата в Белгородской области в 2010г выросла на 12,3% // <http://www.rosinvestproekt.ru/rnws.asp?id=67255&fd=17&fm=2&fy=2011>
2. Строителева Т.Г. Новые подходы к разработке кадровой политики предприятий Алтайского края, определяющиеся условиями экономического роста // Управление персоналом, 2008, № 9.
3. Пригожин А.И. Методы развития организаций – М.: МЦФЭР, 2003 г.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990.
5. Гурков И.Б., Зеленова О.И., Гольдберг А.С., Саидов З.Б., Система управления персоналом на российских фирмах в зеркале международного сравнения // Мир России, 2009, №3 – С.146.
6. Додлова М.Ч. Институциональное регулирование контрактных отношений в системе государственной бюрократии. Автореферат дисс... кандидата экономических наук. М.: 2008. – С. 23.
7. Рубцов В.Н. Специфика кадровых процессов в органах городского самоуправления современной России: Диссертация ... канд. социол. наук. 23.00.02. – Саратов, 2005. – С. 87.

ISSUES OF SOCIAL SERVICES PERSONNEL MONITORING IN BELGOROD REGION

A.A. Goriaynov

The article discusses the case of Belgorod region social services to reveal the up-to-date issues of personnel monitoring in the sphere of state and municipal bodies.

Belgorod State University

e-mail: goriaynov@bsu.edu.ru

Key words: personnel management, principles of personnel management, management system, regional social services.

УДК 130.2 : 792.077 : 008

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОГО ЛЮБИТЕЛЬСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ДИВЕРСИФИКАЦИИ

М.С. ЖИРОВ
Я.С. ПЕРЕПЁЛКИНА¹⁾

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: Yanochka6@yandex.ru

Статья посвящена анализу процесса культурной диверсификации любительского театрального творчества в контексте историко-культурной эволюции.

Ключевые слова: Диверсификация, любительское театральное творчество, эволюция, традиция, парадигма.

В начале XXI в. объективными закономерностями многополярного мира становятся дифференциация культур, их обособление, возникновение межкультурных разломов, равно как и диалог культур, их ценностей, проявляющийся, в частности, в процессах культурной диверсификации. На фоне динамичного изменения мировых и национальных ценностных систем и поиска ориентиров диверсификация эволюционирующей культуры представляет собой её сегментацию, разделение на составные части, а также активное моделирование и реализацию новых форм гармонизации жизнедеятельности человека и общества.

Произошедший в конце XX столетия ряд социальных преобразований и экономических потрясений, приведший российское общество к деморализации, размыванию и утрате корневых основ русской художественной культуры, искусства, народного творчества, к созданию благоприятных условий для развития форм художественного творчества, ориентированных на получение наибольшей материальной выгоды, что проявилось в падении общего уровня нравственности общества, в торможении процессов выявления и развития самобытного потенциала народа, в утрате национальных традиций и фольклорных форм творчества.

В сложившейся ситуации особенно актуальным становится возрождение, сохранение и развитие народного художественного творчества, в частности, русского любительского театрального творчества, как процесса и результата благоприятного воздействия на духовный мир человека, формирования чувства принадлежности к своему народу, сохранения нравственных норм и образцов, выработанных предшествующими поколениями. Театральное творчество, как один из наиболее действенных видов жизнедеятельности человека, в силу своей эмоциональности и возможности непосредственного одномоментного воздействия на массовую аудиторию, способно оказывать значительное влияние на его духовный и нравственный выбор. Это обстоятельство актуализирует разработку проблемы культурной диверсификации русского любительского театрального творчества как специфического рода человеческого познания и созидательной деятельности, удивительного синтеза создания разума и эмоций, уникального средства гармонизации бытия мира человека в истории культуры, способного влиять на формирование и углубление ценностного отношения к уникальности человеческой личности, к природе, обществу, обуславливающего осознание ценности собственного «Я». Неслучайно поэтому народный артист СССР К.К. Ирда отмечал: «Когда я думаю о театре будущего, мне, прежде всего, хочется видеть его мудрым театром слова, который учит человечество испытывать наслаждение от самой человеческой и радостной деятельности – мышления»¹.

Так как театральное творчество обладает уникальной способностью сочетать в себе множество философско-культурологических истин и интерпретаций, соединяя при

¹ Ирда К.К. Размышления о театре. Л., 1955. – С. 234.

этом множество смыслообразующих основ, исследование данного явления культуры возможно, по нашему мнению, через рассмотрение тенденций диверсификации театрального творчества. В аспекте интересующей нас проблемы, диверсификация являет собой (от позднелатинского *diversificatio*) изменение, разнообразие (от латинского *diversus* – разный и *facio* – делаю)².

В культурологическом словаре приведено следующее определение этого понятия: «Диверсификация культуры – это распадение, расчленение единой культуры на составные части. Если различие культурных черт затрагивает не второстепенные, а главные элементы, то единая культура распадается на множество культур. Распадение не обязательно сопровождается катастрофой и гибелью народа, хотя подобное случалось в истории. Диверсификация культуры выражается в форме разветвления доминирующей культуры на множества субкультур. Подобный процесс надо оценивать скорее позитивно, поскольку нередко он ведёт к образованию многочисленных субкультур и увеличению культурного разнообразия»³.

Исходя из приведённых определений, обосновано, на наш взгляд, постулирование диверсификации любительского театрального творчества как одновременного многовекторного развития разнообразных видов театрального творчества в их неразрывном взаимодействии и взаимопроникновении, иными словами, в совокупном разнообразии.

Диверсификация любительского театрального творчества позволяет представить одно из сложносоставных многомерных социально-культурных явлений, характеризующих современный период развития общества, неразрывно связанный с поиском векторов выхода из сложившегося духовно-нравственного кризиса, с формированием качественно новой культурно-творческой парадигмы, ориентированной на гуманизацию личности. Анализ тенденций диверсификации русского любительского театрального творчества в контексте философской, историко-культурной рефлексии, его основных теоретических и аксиологических основ позволяет выявить творческий и воспитательный потенциал данного многоаспектного явления в духовной сфере «иерархии ценностей» народа, в пространстве народной художественной культуры, в диалоге народной и православной традиции.

Научный интерес к проблемам изучения истории и теории русского любительского театрального творчества предопределён расширением спектра его социально-культурных, духовно-нравственных, социально-психологических и эстетических функций в современном обществе, многообразием новых видовых и жанровых форм воплощения актуальных проблем, а также появлением оригинальных режиссёрских и актёрских новаций.

Существенное значение в процессе изучения истории и теории театра (в частности, XIX в.) оказали работы русских писателей, в первую очередь, драматургов, утверждавших высокую общественную роль и значение действия, вынесенного на сцену, самыми авторитетными среди которых являются С.Т. Аксаков, А.И. Герцен, Н.В. Гоголь, И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский, В.А. Жуковский, Н.А. Некрасов, А.Н. Островский, А.С. Пушкин, А.К. Толстой, И.С. Тургенев. Специфическая роль театрального творчества в формировании сознания и нравственного облика человека выявлена в трудах В.Г. Белинского, Н.В. Станкевича, Н.Н. Страхова и др. мыслителей XIX в., в том числе и белгородцев по рождению.

Аспекты общеэстетической направленности любительского театрального творчества в России исследуются в работах Э.М. Бескина, А.А. Гвоздева, С.С. Данилова, В.И. Иванова и др. Историко-театроведческие аспекты проблемы нашли отражение в работах А.Д. Авдеева, В.П. Анисимова, С.А. Арутюнова, Б.Н. Асеева, Ю.К. Бегунова, А.А. Белкина, П.Г. Богатырёва, В.Н. Всеволодского (Гернгросса).

Определённый интерес в плане изучения любительского театрального творчества регионов России представляют работы современных учёных (Т.С. Гриц, Е.П. Доманова, С.Н. Зенин, О.Я. Жирова, М.С. Жиров, М.А. Кулабухова, М.В. Литвинова, В.А. Шаповалова и др.).

²Энциклопедический словарь. Т. 7. СПб., 1998. – С. 345.

³Кравченко А.И. Культурология: словарь. М., 2000. – С. 144.

Исследования, связанные с проблемами культурной диверсификации театрального творчества, ещё не осуществлялись. Творческая деятельность любительских театральных коллективов, в частности, в социокультурном пространстве региона, пока ещё не стала предметом специального научного анализа, а возможности русского любительского театрального творчества – как сложного, многоаспектного, диверсифицированного явления, способствующего творческому развитию личности – изучены фрагментарно.

С момента зарождения русского любительского театрального творчества ему присущи зрелищность и театрализация повседневной жизни, будней и праздников, труда и отдыха, обрядовых и внеобрядовых моментов. Эволюция ценностных ориентиров неуклонно вела к содержательному обогащению форм театра, в котором языческие начала постепенно уступили место христианским установкам. Театр первых веков христианства существенно влияет на характер богослужения, которое всё более театрализуется. Перестав бороться с театром, церковь использовала его приёмы для популяризации церковных догматов, которые, учитывая неугасающую привязанность народа к театрально-драматическим представлениям, преподносились теперь во впечатляющей, образной и общепонятной форме. Церковные действия способствовали появлению библейских действий на сцене придворного и школьного театров конца XVII в. Не случайно термин «действие» удержался и в государственном профессиональном театре. Примером непосредственной связи церковного действия с зарождающейся русской литературной пьесой могут служить «Пещное действие» и трагедия Симеона Полоцкого «О Навуходносоре-царе, о теле злате и трех отроцах, в пещи не сожжённых».

Русское любительское театральное творчество, диверсифицируясь, проходило определённые стадии, каждая из которых формировала появление новой парадигмы, использование новых художественно-выразительных средств и возможностей. Базовые этапы диверсификации русского любительского театрального творчества: распад на жанры, виды, увеличение разнообразия структурных особенностей, расширение сферы деятельности, – являются результатами идеологического, культурно-исторического развития общества.

Существовавшие в России церковные действия не могли полностью стать основой государственного театра, ввиду того, что они выражали только церковно-религиозную идеологию. К тому же церковные действия представляли собой ещё не театр, а лишь театрализованное богослужение. Неразрывная связь действий с церковной службой, с библейскими и евангельскими сюжетами исключала возможность какого-либо расширения их содержания и тематики.

Театральные действия начали постепенно проникать в светское общество, формируя интересы новых социальных групп. Русский народ ещё задолго до появления профессионального театрального творчества, а позже – просто не имея к нему доступа – на протяжении нескольких веков создавал свои достаточно яркие драматические произведения. Так постепенно формировался народный репертуар с характерными для деревенского простого населения сюжетами. В репертуар народного театра входили переосмысленные за долгие столетия календарно-обрядовые действия, включающие народные игрища, ряжения, сценки, пародии, сатирические пьесы уже в более художественной форме.

В развитии любительского театрального творчества на Руси особая роль принадлежит крепостному театру, который (будучи двух типов: усадебный и городской) существовал в России на протяжении столетия (с середины XVIII в. до середины XIX в.).

С момента своего зарождения и в процессе исторического развития русское любительское театральное творчество претерпело многочисленные изменения. На смену друг другу приходили всё более совершенные формы драматических действий, менялось и функциональное значение театрального творчества в народе: от первобытного, утилитарного – до обличительно-сатирического и нравственно-эстетического.

В русском любительском театральном творчестве XX в. нашли отражение все этапы истории Союза советских социалистических республик: революция и гражданская война, межвоенный период с коллективизацией и индустриализацией, Великая Отечественная война, период восстановления разрушенного войной народного хозяйства, период освоения целины и массовых комсомольскихстроек, период оттепели, застойный период и т.п. Каждая из вех требовала особого воплощения, специфического метода.

В 90-е годы XX в. наблюдается спад любительского театрального движения. Связан он был с затянувшимся социально-политическим и культурным кризисом (начало которого восходит если не к перестройке, то уже к периоду военных действий в Афганистане). Усталость, напряжение и нестабильность привели к тому, что зритель больше не хотел видеть правду жизни на сцене, а напротив, хотел смеяться и отдыхать. Поэтому в профессиональных театрах зарождается новый жанр – мюзикл, не всегда исполненный высоконравственного смысла, выполняющий в большинстве своем роль развлечения. Кризис театра был налицо. Однако необходимо отметить, что именно любительский театр в наименьшей степени оказался подвержен кризису.

К концу XX в. в любительском театральном движении проявились некоторые перемены. Долгие споры по поводу целей и роли любительского театра привели к определенным выводам. Ведущими функциями любительского театрального творчества названы социально-воспитательная и художественно-творческая. В настоящее время ведущим любительским театральным коллективам, достигшим творческой и организационной зрелости, присваивается звание «народный театр». Возродилось старое название, в котором заключён новый исторический смысл, так как до революции в названии «народный театр» вкладывалось противопоставление театра трудящихся искусству правящих верхов и имущих классов⁴.

Сегодня любительское театральное творчество выступает как специфический род человеческого мышления и деятельности, как уникальное средство гармонизации жизненного мира человека, любительское театральное творчество оказывает существенное влияние на формирование ценностного отношения к человеческой личности, к природе, обществу, культуре, религии, укрепляет оптимистические настроения человека, выстраивающего «храм» в душе своей.

Любительское театральное творчество, влияя на сознание, духовно-эмоциональный мир человека, формирует целостный облик личности человека: активно содействует духовному росту, воспитывает идейные и нравственные убеждения, стимулирует социально-преобразующую деятельность, повышает политическую культуру, культуру труда и быта. Эстетическая игра творческой фантазии, развлечение, сопереживание незаметно переводят богатство нравственного содержания творчества в личностное достояние. Формируется целостное отношение человека к миру, накладывается отпечаток на все стороны его жизни и деятельности, на отношения, понимание цели и смысла жизни. Театр обостряет ум, нравственно облагораживает чувства, расширяет кругозор. Процесс «катарсического» – «очищающего» воздействия искусства, безусловно, сложен и неоднозначен. Он связан глубинными корнями с явлениями, происходящими в психике, духовном мире личности; на него оказывают непосредственное или опосредованное влияние факторы социального бытия, которые могут как усиливать, так и снижать эффективность этого процесса. Учёными (философами, психологами, культурологами, театроведами и др.) достаточно всесторонне и глубоко проанализировано и экспериментально подтверждено влияние театра, театрального творчества на развитие личности: умственное, нравственное, эстетическое; вскрыты природа художественных способностей и предрасположенность человека к театральному творчеству как форме деятельности. Одной из доминантных его задач является глубокая нравственная социализация, моральное совершенствование человека, активное созидание личности, развитие всех её сторон и духовно-творческого потенциала. Причём, данный потенциал реализуется не только в сфере художественной практики, но и во всей системе отношений человека с окружающими. Творческий подход к решению возникающих проблем становится естественной привычкой и сущностным качеством человека. Театральное творчество является мощным средством нравственного воздействия на человека и общество, выступая духовным даром, средством коммуникации, школой нравственной культуры.

Культурная диверсификация русского любительского театрального творчества является эстетическим и духовно-нравственным ресурсом нации, обеспечивающим гуманизацию и гармонизацию бытия человека, общества, государства, способом сохранения и популяризации корневых основ русской художественной культуры, искусства, народного творчества, фактором формирования целостной гармоничной личности.

⁴ Хайченко Г.А. Русский народный театр конца XIX – начала XX в. М., 1975. – С. 335.

Выявление перспектив развития любительского театрального творчества в сфере гармонизации жизнедеятельности человека сопряжено сегодня, в ситуации девальвации духовно-нравственных ценностей, в первую очередь, с обнаружением и трансляцией его воспитательного, собственного педагогического потенциала. Разработка таких вопросов предполагает междисциплинарное обращение к «багажу» наук, вовлечённых ныне в интерактивное взаимодействие.

Предпринятый нами комплексный анализ позволяет рассмотреть тенденции диверсификации любительского театрального творчества:

- процесс увеличения разнообразия и трансформация форм и видов творчества;
- процесс расширения структурных особенностей и свойств;
- процесс расширения функционального назначения;
- обогащение содержания и характера деятельности;
- рост внутреннего разнообразия, расширение смыслового поля.

Феномен любительского театрального творчества в его многожанровости (драма, комедия, трагикомедия, водевиль, пантомима, мелодрама, пастораль, кукольный театр, мюзикл, фарс), расширение сфер деятельности любительского театрального творчества (крепостной театр, крестьянский театр, рабочий театр, студенческий (молодёжный) театр-студия, детский театральный коллектив, православный театр) обусловлены социокультурными и историческими процессами.

Русское любительское театральное творчество сложносоставное и многовекторное социально-культурное явление, ориентированное на формирование личности и общества в каждую из культурно-исторических эпох, культурная диверсификация которого представлена поступательным расширением спектра форм и способов отражения бытия как основы многофункциональной аксиологической системы, реализующей русскую культурно-художественную традицию, и выступает как: а) историко-культурный и социальный процесс эволюции русского любительского театрального творчества, сопряженный с формированием его аксиологической парадигмы; б) процесс модернизации и совершенствования феномена культуры, его обогащение новыми выразительными средствами художественного воздействия; в) сложная многоуровневая и многопрофильная структура, представленная в своей целостности и уникальности её отдельных элементов; г) процесс расширения сферы воздействия театрального творчества на структуры, изначально не являвшиеся тождественными по своей функциональной роли и принадлежности; д) целенаправленный образовательно-гуманизационный процесс, базирующийся как на традиционных, так и на инновационных методах духовно-нравственного воздействия.

Список литературы

1. Ирдж, К.К. Размышления о театре [Текст] / К.К. Ирдж. – Л. : Искусство, 1955. – 78 с.
2. История русского драматического театра от истоков до конца XX в. [Текст] : учеб. пособие для студентов / отв. ред. Н.С. Пивоварова ; авт. кол.: И.Л. Вишневецкая и др. ; М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федеральное агентство по культуре и кинематографии ; ГИИ. – М. : ГИТИС, 2005. – 735 с.
3. Кравченко, А.И. Культурология [Текст] : учеб. пособие / А.И. Кравченко. – 3-е изд. – М. : Академический проект, 2000. – 432 с.
4. Хайченко, Г.А. Народный театр и дооктябрьская правда [Текст] / Г.А. Хайченко // Вопросы театра / под ред. Е.Г. Холодова. Всероссийское театральное общество. – М., 1970. – С. 139-140.
5. Хайченко, Г.А. Русский народный театр конца XIX – начала XX века [Текст] / Г.А. Хайченко. – М. : Наука, 1975. – 288 с.
6. Энциклопедический словарь [Текст] : Репр. воспр. изд. «Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона». В 86 т. – СПб. : Фирма Полрадис, 1998.

CULTURAL DIVERSIFICATION OF AMATEUR THEATRICAL CREATIVITY

M.S. Zhyrov,
Y.S. Perepyolkina

The article is devoted to the analysis of the process of the cultural diversification of amateur theatrical creative work in the context of historic and cultural evolution.

Belgorod State University
e-mail: Yanochka6@yandex.ru

Key words: diversification, amateur theatrical creative work, evolution, tradition, paradigm.

УДК 328.185

ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ КОРРУЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

М.О. ИЗOTOV

Статья посвящена анализу становления концепта коррупции в истории социально-философской мысли.

Орловский государственный аграрный университет

Ключевые слова: коррупция, общество, государство, государственная служба.

e-mail: max198522@mail.ru

Коррупция является сложным социальным феноменом, для которого весьма трудно подобрать логически строгое и удовлетворяющее всех определение. Поэтому, чтобы разобраться с сущностью этого явления, следует в первую очередь обратиться к анализу становления и эволюции понятия «коррупция» в истории человеческой мысли.

В развитии представлений о коррупционной деятельности можно выделить несколько периодов.

Первый из них следует охарактеризовать как становление и актуализацию проблемы коррупции и ее влияния на общественное развитие. Этот период продлился до конца XIX века. А свое начало он берет со времен древнейших цивилизаций, в которых были предприняты первые попытки противодействия различным видам деятельности, носящим коррупционный характер.

Так, например, первое упоминание о коррупции в системе государственной службы, нашедшее отражение в древнейшем из известных человечеству памятнике государственности – архивах Древнего Вавилона, – относится ко второй половине XXIV в. до н. э. В эпоху шумеров и семитов Царь Лагаша Урукагина (Урунимгина) реформировал государственное управление «с целью пресечения злоупотреблений своих чиновников и судей, уменьшения поборов и повинностей с храмового персонала, защиты храмовых владений от посягательств со стороны царской администрации, а также уменьшения и упорядочения оплат за обряды»¹. Начинания царя Лагаша продолжил царь Хаммурапи (XIX в. до н.э.), деятельность которого отразилась в текстах его Законов:

«(§ 5). Если судья будет судить судебное дело, постановит решение, изготовит документ с печатью, а потом свое решение изменит, то этого судью должно изобличить в изменении решения, и он должен уплатить сумму иска, предъявленного в этом судебном деле, в 12-кратном размере.

(§ 6). Если человек украдет достояние бога или дворца, то этого человека должно убить; а также того, кто примет из его рук украденное, должно убить»².

Подобные упоминания о коррупции можно встретить и в других древневосточных текстах: «Эдикт Нармаба» (Египет, XIII в. до н. э.), трактат «Артхашастра Каутильи» (Древняя Индия, IV в. до н. э.) и т.д. Данные акты делают достаточно обоснованным утверждение о том, что «теоретически возникновение и существование коррупции становятся возможными с момента обособления функций управления в общественной и хозяйственной деятельности»³. В дальнейшем, вместе с усложнением общественных структур происходит развитие форм коррупционных отношений.

Продолжением первого периода явилось развитие представлений о коррупции в эпоху Античности, когда произошел качественный скачок в понимании сущности исследуемого феномена. В эту эпоху впервые было употреблено слово «коррупция», хотя оно и носило двойственный и неоднозначный характер. «Коррумпировать (от лат.

¹ Большая Советская Энциклопедия (В 30 томах). Т. 27 / Гл. ред. А. М. Прохоров. – Изд. 3-е – М.: «Советская энциклопедия», – С. 94.

² Ванцев, В. А. Основные этапы развития понятия коррупция // Следователь, 2006. – №8 – С. 34.

³ Суворин, Э. В. Коррупция в постсоциалистических странах: сущность, особенности, стратегии противодействия (политологический анализ): Дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Москва, 2008. – С. 21.

«*corrumpere*») значило повреждать желудок плохой пищей, портить воду в закрытой таре, расстраивать дела, расточать состояние, приводить в упадок нравы, упускать возможности, развращать молодежь, искажать смысл, позорить достоинство. Среди прочего, отнюдь не в своем первом значении, «корруптировать» означало подкупать кого-либо или всех – народ (не обязательно должностное лицо) деньгами, щедрыми раздачами»⁴.

В Древнем Риме термин «коррупция» стал использоваться в близком к современному значению – менять за деньги показания в суде и подкупать судью – и впервые получил юридическое оформление в Законах XII Таблиц: «Неужели ты будешь считать суrowsым постановление закона, карающее смертной казнью того судью или посредника, которые были назначены при судоговорении (для разбирательства дела) и были уличены в том, что приняли денежную мзду по (этому) делу?»⁵. Тем самым, была заложена основа для изучения коррупции в нормативно-правовом аспекте.

Ряд важных идей, связанных с явлением коррупции, были высказаны Платоном и Аристотелем. Платон в своем проекте идеального государства правителей и стражей, т.е. лиц, обладающих властью, лишает права обладания собственностью. «Ведь только в таком государстве будут править те, кто на самом деле богат – не золотом, а тем, чем должен быть богат счастливый: добродетельной и разумной жизнью. Если же бедные и немощные добиваются доступа к общественным благам, рассчитывая урвать себе оттуда кусок, тогда не быть добру»⁶, – считает Платон. Такая «отчужденность от собственности во многом исключала саму возможность для проявления коррупционной деятельности со стороны власть имущих»⁷, поскольку отталкивает от власти корыстолюбивых людей, а также сокращает возможности ее использования в личных целях для правителей. Если отвлечься от утопичности проекта этого философа, то следует отметить, что эта идея помогла становлению таких важных для современного общества антикоррупционных мер как запрет на одновременное совмещение предпринимательской деятельности с государственной службой для должностных лиц.

Аристотель отмечал, что должностные лица «бывают доступны подкупу и часто приносят в жертву государственные дела ради угождения. Поэтому было бы лучше, если бы они не были освобождены от всякого контроля»⁸... Контролировать их должны граждане, к которым должны быть отнесены в первую очередь представители среднего класса. «... Наилучшее государственное общение – то, которое достигается посредством средних, и те государства имеют хороший строй, где средние представлены в большем количестве, где они – в лучшем случае – сильнее обеих крайностей»⁹, – считает философ. Можно сказать, что Аристотель заложил в своих трудах основу для антикоррупционной концепции, в которой гражданское общество выступает в роли контролера государственной власти и пресекает коррупционную деятельность чиновников.

В Средние века понятие «коррупция» получает преимущественно религиозную трактовку и связывается с греховной природой человека. Термином «*corruptibilitas*» обозначалась брэнность человека, подверженность разрушению, но отнюдь не его способность брать и давать взятки¹⁰.

Великий мыслитель эпохи Возрождения Никколо Макиавелли сравнивал коррупцию и подобные ей явления с болезнью: «...врачи говорят, что в начале (ее) трудно распознать, но легко излечить; если же она запущена, то ее легко распознать, но излечить трудно. Так и в делах государства: если своевременно обнаружить зарождающуюся недуг, что дано лишь мудрым правителям, то избавиться от него нетрудно, но он запущен так,

⁴ Основы противодействия коррупции /Под ред. С. В. Максимов. – М.: Спарк, 2000 – С. 19.

⁵ Графский В. Г. Всеобщая история права и государства. – 2-е изд. – М.: Норма, 2007. – С. 190.

⁶ Платон. Государство. Законы. Политик. – М.: Мысль, 1998. – С. 273 – 274.

⁷ Подвойский Л. Я. Платон о чиновниках и коррупции: экстраполяция на современность //Проблема коррупции: пути междисциплинарного исследования: материалы V Международной научной конференции «Россия и Восток» /под ред. П. Л. Карабущенко. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009. – С. 274.

⁸ Аристотель. Политика //Аристотель. Соч.: В 4-х Т. Т. 4. – М.: Мысль, 1984. – С. 432.

⁹ Там же – С. 508.

¹⁰ Основы противодействия коррупции / Под ред. С. В. Максимова. – М.: Спарк, 2000 – С. 20.

что всякому виден, то никакое снабдьбе уже не поможет»¹¹. То есть Макиавелли поднял вопрос о степени распространенности коррупции и ее влияния на социальную систему.

В Новое время в Европе происходит формирование централизованных государств со сложным бюрократическим аппаратом управления, а также становление современных правовых систем, выступающих в роли основных регуляторов поведения граждан. Именно в это время формулируется наиболее популярное и в наши дни понимание коррупции как «преступного использования государственным служащим своих полномочий ради личного обогащения»¹².

Томас Гоббс высказывает важную мысль о том, что коррупции подвержены не только государственные лица, но и представители экономической элиты: «Поэтому обычно люди, кичащиеся своим богатством, смело совершают преступления в надежде, что им удастся избежать наказания путем подкупа государственного правосудия или получить прощение за деньги или другие формы вознаграждения»¹³. Тем самым он указывает на важный аспект коррупционных отношений: проблему отношений чиновника и бизнесмена и возникновения коррупционных связей между ними.

Шарль Луи Монтескье отмечал свойственную каждому человеку склонность к использованию власти в личных целях: «Но известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела»¹⁴. То есть Монтескье делает акцент в борьбе с такими явлениями как коррупция на ограничении властных полномочий чиновников. «Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, — указывает он, — необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга»¹⁵. Основой же ограничения властного произвола должен выступать реализация принципа разделения власти на три независимые ветви: законодательную, исполнительную и судебную.

Таковы основные идеи о коррупции и борьбе с ней, которые были высказаны на первом этапе развития рассматриваемого понятия. Следует отметить, что в указанный период сформировалось целостное представление о коррупции и ее отрицательном влиянии на общественное развитие. Однако это представление по большей части носит описательный характер и не раскрывает многих существенных черт коррупции.

С конца XIX века чрезвычайно возрастает роль государства в регуляции всех общественных процессов и, соответственно, увеличивается власть чиновников. Одновременно зарождался крупный капитал, кланы которого, борясь за большие экономические выгоды, ушли от системы дачи эпизодических взяток части государственных чиновников к схемам прямого влияния на деятельность элитных политиков и высших чиновников, поставив их на службу своим интересам¹⁶. В это время начинается второй этап в истории исследования феномена коррупции. Для него характерно возрастание интереса социальных и гуманитарных наук к проблеме коррупции и борьбе с ней. Происходит дифференциация знания об этом явлении. В рамках социологии, политологии, экономики, юридических наук разрабатываются свои методологические подходы, по-своему описывающие механизм коррупционного поведения государственных служащих. Рассмотрим их подробнее.

В социологии коррупция понимается как дисфункциональное явление, патология общества, порождающая в нем уродливые формы взаимоотношений между людьми. «Коррупция представляет собой особую социальную структуру, то есть совокупность устойчивых и достаточно универсальных (они приспособлены к существованию в различных сферах жизни общества) норм, принципов взаимоотношений людей. При этом имеются в виду не отдельные, единичные случаи и персоны, а социальные группы, которые

¹¹ Макиавелли Н. Государь // Н. Макиавелли. Избранные сочинения / Пер. с итал. Г. Маравьевой и др. — Калининград: Янтарный сказ, 2000. — С. 14.

¹² Ванцев В. А. Основные этапы развития понятия коррупция // Следователь, 2006. — №8 — С. 35.

¹³ Гоббс Т. Левиафан. — М.: Мысль, 2001. — С. 204.

¹⁴ Монтескье Ш. Л. О духе законов. — М.: Мысль, 1999. — С. 137.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Суворин Э. В. Коррупция в постсоциалистических странах: сущность, особенности, стратегии противодействия (политологический анализ): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. — Москва, 2008. — С. 30.

поддерживают эту структуру в качестве главного или в качестве неотъемлемого условия (источника) своего существования»¹⁷. Здесь коррупция предстает в виде неофициальной подсистемы социального регулирования, существующей параллельно с официальным механизмом регуляции общественной жизни. Эта «параллельная система» регулирования порождается неэффективной деятельностью органов государственной власти. В соответствии с таким подходом коррупционное поведение должностных лиц определяется как «неформальное, девиантное (отклоняющееся) поведение управляющей элиты, проявляющееся в нелегитимном использовании ею социальных благ»¹⁸.

В основе подобного социологического понимания феномена коррупции лежат теория рациональной бюрократии М. Вебера, структурно-функциональный подход и теория социальной аномии Т. Парсонса и Р. Мертон.

Вебер, исходя из своих трех типов легитимного господства, утверждает, что современное государство осуществляет господство над своими гражданами при помощи бюрократии. Поэтому необходимым условием нормального функционирования государственной власти выступает работа бюрократии, основанная на формальной рациональности. Такая рациональность предполагает «развитие и превращение современного чиновничества в совокупность трудящихся, высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой словесной чистотой, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и низкого мещанства»¹⁹. Таким образом, согласно концепции Вебера, распространение коррупции среди государственных служащих связывается с нерациональной организацией их деятельности.

В структурном функционализме Т. Парсонса утверждается, что основной характеристикой любого общества является его структура, под которой понимается «совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе»²⁰. Коррупция здесь также рассматривается структурным элементом, органично включенным в социальную систему. При этом коррупционная деятельность является отклоняющимся от социальных норм поведением, которое носит неформальный характер. То есть, здесь отмечается важная характеристика коррупции – ее дополнительность по отношению к формальным институтам.

В структурном функционализме раскрывается механизм воспроизводства этого явления. Согласно этому подходу, в период социальной стабильности степень распространенности коррупции стабильна, находится примерно на одном уровне, характерном для того или иного общества. Иначе дело обстоит, когда в социальной системе происходят стремительные перемены и ее структура нестабильна. В этот момент коррупция получает широкое распространение. Для описания этой ситуации следует обратиться к понятию «социальная аномия». Социальная аномия, согласно Мертону, возникает в результате «расхождения между культурно предписанными устремлениями и социально структурированными путями осуществления этих устремлений»²¹. Аномия порождает ситуацию в обществе, при которой ее члены не способны достичь своих целей законными или одобряемыми социумом средствами и игнорируют их, пытаясь достичь своих целей незаконными средствами. Как следствие, ситуация аномии приводит к падению авторитета правовых и нравственных норм и рождает спрос на отклоняющиеся, девиантные формы поведения, в том числе и на коррупционные практики.

Таким образом, в рамках структурного функционализма коррупция может рассматриваться как специфический вид отклоняющегося от нормы поведения должностных лиц, возникающего в рамках отдельных подструктур социального организма и порождаемого нарушениями функционирования социальной структуры.

¹⁷ Дахин А. В. Коррупция: элементы социологической модели // Коррупция в органах государственной власти: природа, меры противодействия, международное сотрудничество: Сборник статей / Под редакцией П. Н. Панченко, А. Ю. Чупровой, А. И. Мизерия. – Н. Новгород. – 2001. – С. 192.

¹⁸ Гараев Р. Ф. Понятие коррупции / Р. Ф. Гараев, Н. В. Селихов // Следователь, 2001. – №2 – С. 47.

¹⁹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // М. Вебер Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 657.

²⁰ Парсонс Т. О социальных системах. – М.: Академический Проект, 2002. – С. 11.

²¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, 2006. – С. 247.

В политологии коррупция рассматривается как одно из явлений политической сферы, деформирующее политическую организацию общества. Здесь исследование коррупции преимущественно связано с вопросом обладания властью или способа борьбы за нее. Коррупционная деятельность в таком контексте понимается как поведение, выражающееся в нелегитимном использовании должностными лицами своего положения с целью занятия и удержания власти в обществе. При этом основным участником коррупционных отношений выступает господствующая политическая элита, представляющая собой привилегированный слой общества – ограниченный круг лиц, активно влияющих на происходящие социальные процессы посредством использования механизма политической власти²².

Сами же эти коррупционные отношения, по мнению политологов, особенно наглядно проявляются во время выборов. Например, исследователь политических партий М. Дюверже отмечает, что для обеспечения победы участники выборов часто прибегают к коррупционным практикам²³. Здесь отмечается важная черта коррупции. Она заключается в том, что коррупционные отношения направлены не только на удовлетворение личных корыстных интересов их участников, но и на достижение определенных целей: получение властных полномочий для обеспечения безопасности и возможностей дальнейшего обогащения на коррупционной основе.

В политологии основные причины распространения коррупции среди чиновников кроются в особенностях взаимоотношений между представителями политической элиты и простыми гражданами. Если в обществе слабо развиты гражданские отношения, граждане проявляют пассивность к происходящим политическим процессам, то отсутствует общественный контроль за деятельностью должностных лиц и возникают благоприятные условия для развития коррупционных отношений в эшелонах власти. Если же, наоборот, развит институт гражданского общества, которое активно участвует в политической жизни и влияет на деятельность государственного аппарата, то в обществе формируется неблагоприятная среда для развития коррупции.

Исходя из этих причин, в политологии предлагаются меры борьбы с коррупцией, которые связаны с укреплением институтов политической власти, развитием гражданского общества и повышением уровня политической культуры населения. Совершенствование политических институтов, по мнению Дюверже и Хантингтона, приводит к более эффективной организации государственного аппарата и отношений между гражданами и властью. «Коррупция находится в обратной зависимости от степени политической организации»²⁴, – считает С. П. Хантингтон.

Политическая культура характеризует особенности ценностей, позиций, образцов поведения, характерных для взаимоотношений граждан и власти того или иного общества. По отношению к коррупции уровень политической культуры определяет два аспекта. Во-первых, он влияет на нравственное отношение к этому феномену. «...политическая культура способствует поддержанию баланса между властью правительственной элиты и ее ответственностью»²⁵, – отмечает по этому поводу Алмонд. Во-вторых, от уровня политической культуры зависит степень участия граждан в политической жизни общества и наличие общественного контроля за деятельностью государственных лиц. Наличие развитой политической культуры будет приводить к снижению уровня коррупционных отношений в обществе. Поскольку она способствует активному участию граждан в политической жизни и развитию зрелого гражданского общества в целом, способного уменьшать произвол со стороны представителей власти.

Таким образом, с точки зрения политологии, коррупция рассматривается как поведение должностных лиц, выражающееся в нелегитимном использовании ими своего положения с целью занятия и удержания власти в обществе. Основными мерами по пре-

²² Гараев Р. Ф. Понятие коррупции // Следователь, 2001. – №2 – С. 44 – 45.

²³ Дюверже М. Политические партии. – М.: Академический Проект, 2000. – С. 201.

²⁴ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 87.

²⁵ Алмонд Г. А. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. А. Алмонд, С. Вебра // Пол. Ис., 1992. – №4 – С. 125.

дотворачиванию такой деятельности являются укрепление институтов политической власти, развитие гражданского общества и повышение уровня политической культуры.

В экономической науке, в рамках неонституциональной школы, сформировался свой подход в исследовании феномена коррупции. Согласно ему, коррупция изучается исходя из посылки, что она является рациональной разновидностью поведения, направленной на нахождение оптимального способа реализации интересов в условиях ограниченности ресурсов. То есть, «решение дать (взять) взятку опирается на ту же калькуляцию затрат и выгод, что и любое другое экономическое решение»²⁶. Например, у С. Роуз-Аккермана коррупция определяется как «разновидность экономического поведения в условиях риска, обусловленного совершением преступления и возможным наказанием за него»²⁷.

Описывается коррупционное поведение при помощи модели «принципал – агент», детально описанную в работах Эггертсона²⁸. Эта модель характеризует взаимоотношения трех участников: принципала, агента и клиента. Принципом является лицо или организация, ставящие перед собой цели и обладающие ресурсами для их реализации. В его роли могут выступать какой-либо государственный орган или ведомство, государство или общество в целом. Для реализации поставленных перед собой целей принципал нанимает агента, которым являются государственные служащие. Агенту задаются цели, передается необходимые ресурсы (властные, финансовые) и назначается вознаграждение за выполненную работу. В дальнейшем принципал, наняв агента, может контролировать его деятельность, чтобы обеспечить достижение необходимого результата и адекватное для этого расходование ресурсов. Клиентом является лицо, группа, организация, которые для решения своих проблем, целей нуждаются в использовании вверенного агенту ресурса и поэтому вынуждены обращаться к нему (например, граждане, предприниматели, обратившиеся за помощью к чиновнику). Коррупцией в рамках этой модели выступают такие действия агента, при котором он использует ресурсы принципала не для решения задач последнего, а для достижения собственных целей. Клиенты при этом выступают в роли взяткодателей, вступивших в сговор с агентом для решения своих проблем за передаваемую ему взятку.

Сами коррупционные ситуации в рамках описываемой модели возникают из-за наличия асимметрии в доступе к информации, существующей между агентом и принципалом. Агент по сравнению с принципалом владеет большей информацией о состоянии текущих дел, может утаивать ее и использовать в личных, корыстных целях. В результате разрыв в доступе к информации приводит к тому, что чиновник имеет монопольное право распоряжаться государственным ресурсом в условиях отсутствия контроля со стороны государства и общества, а также маловероятного риска наказания за коррупционную деятельность. В таких ситуациях и возникают коррупционные сделки.

Основные причины распространения коррупции в обществе экономисты видят в чрезмерном и неэффективном вмешательстве государства в экономические процессы. Поэтому ими предлагаются такие антикоррупционные меры, которые должны быть направлены на ограничение возможностей произвольного усмотрения и чрезмерного вмешательства государственных служащих в хозяйственную деятельность простых граждан.

Таким образом, в экономической теории под коррупцией принято понимать разновидность поведения государственных служащих, направленного на извлечение выгоды за счет использования государственных ресурсов в личных целях. Причины размаха коррупционной деятельности видятся в чрезмерном и неэффективном вмешательстве государства в экономическую жизнь общества. Поэтому основные меры борьбы с коррупцией направлены на уменьшение произвола и чрезмерного вмешательства чиновников в хозяйственную деятельность простых граждан.

В юридической науке сложилась традиция толкования феномена коррупции как общественно опасного противоправного явления, характеризующегося подкупом-

²⁶ Барсукова С. Ю. Коррупция: научные дебаты и российская реальность // *Общественные науки и современность*, 2008. – №5 – С. 37.

²⁷ Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы /пер. с англ. О. А. Алякринского. – М.: Логос, 2003. – С.27.

²⁸ Эггертсон Т. Экономическое поведение и институты. – М.: Дело, 2001. – 408 с.

продажностью должностных лиц при корыстном использовании ими своих должностных полномочий. Например, Кушниренко определяет коррупцию как «социально-правовое явление, выражающееся в систематическом использовании государственными служащими своего служебного положения за материальное вознаграждение в интересах третьих лиц или групп, в результате чего подрывается авторитет государственной власти и государственной службы; прямом или косвенном использовании должностными лицами своих служебных возможностей и полномочий для личного обогащения»²⁹.

Юристами выделяются следующие признаки коррупционного преступления³⁰: 1) непосредственное нанесение вреда авторитету или иным охраняемым законом интересам государственной власти; 2) незаконный характер получаемых государственными служащими каких-либо благ; 3) использование государственным служащим своего статуса вопреки интересам государственной службы; 4) наличие у государственного служащего умысла на совершение действий (акта бездействия), объективно причиняющих ущерб интересам государственной власти; 5) наличие у виновного корыстной или иной заинтересованности.

Основными причинами, способствующими распространению коррупции в органах государственной власти, с юридической точки зрения выступают следующие: несовершенство и противоречия в системе законодательства, отсутствие реально функционирующего правового механизма наказания за противоправную коррупционную деятельность, а также деформирование правосознания граждан. В качестве мер противодействия коррупционным преступлениям в юриспруденции выделяются: разработка специального законодательства, регулирующего антикоррупционную деятельность государства; организация деятельности независимых и дееспособных правоохранительных структур и судов; проведение криминологических экспертиз действующего законодательства с целью выявления коррупциогенных норм и т.д.

Таким образом, в юридической науке коррупция рассматривается как разновидность правонарушения, преступления чиновников против интересов государства. А меры противодействия с ней связаны с совершенством законодательства и созданием условий неотвратимости наказания за совершение противоправного деяния.

Таковы основные традиции (социологическая, политологическая, экономическая, юридическая) исследования феномена коррупции, сложившиеся за время второго исторического этапа постижения сущности данного явления в гуманитарной мысли. Оценивая значимость приведенных выше подходов, следует отметить, что каждый из них вносит существенный вклад в развитие проблематики коррупции и борьбы с ней. Однако необходимо подчеркнуть, что сохраняющееся видение феномена коррупции с разных точек зрения не способствует целостному видению этого социального явления.

Поэтому возникла объективная потребность в построении целостного представления о феномене коррупции в социально-гуманитарном знании. Это обстоятельство привело к тому, что в конце XX в. были созданы предпосылки для начала нового третьего этапа в истории исследования коррупции. Его основной чертой является становление междисциплинарного анализа коррупции с целью формирования целостного взгляда на данное социальное явление. В рамках указанного этапа развиваются такие подходы, как социально-экономический, политико-экономический и политико-правовой.

Социально-экономический подход рассматривает коррупцию как социальное явление, тесно связанное с теневой экономикой. В единстве они представляют собой своеобразный социальный институт, сеть неформальных отношений, функционирующих и сосуществующих параллельно с официальными общественными структурами. Например, в исследовании Тимофеева особенностей социально-экономической жизнедеятельности в советском обществе делается вывод, что коррупция чиновников, вплетаясь в теневую экономику, являет собой «новую, теневую систему прав и даже шире – новый, теневой порядок»³¹, дополняющий и частично заменяющий официально установленный.

²⁹ Кушниренко С. П. Понятие и основы профилактики коррупции // Противодействие коррупции на муниципальном уровне: сборник – М.: Волтерс Клувер, 2008. – С. 3 – 4.

³⁰ Максимов С. В. Коррупция. Закон. Ответственность. – М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2008. – С. 19 – 20.

³¹ Тимофеев Л. М. Институциональная коррупция. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000 – С. 50.

Для политико-экономического подхода характерно рассмотрение коррупции как системы отношений, охватывающей две сферы: 1) отношения между отдельными взяточниками и взяточполучателями; 2) функционирование крупных коррупционных сетей на государственном и межгосударственном (глобальном) уровнях. Сторонником подобного взгляда на феномен коррупции является Страхов³².

В политико-правовом подходе дается характеристика явлению политической коррупции с юридической точки зрения. Так, Кабанов формулирует понятие политической коррупции как социально-правового или политико-криминологического явления, проявляющегося в совокупности совершенных преступлений должностными лицами органов государственной власти и местного самоуправления или претендентами на эти должности, или по их поручению другими лицами с использованием своего служебного, имущественного или иного положения вопреки интересам других лиц и общества в целях занятия, сохранения, распределения или утраты соответствующей государственной должности³³.

Существуют и другие попытки междисциплинарного анализа явления коррупции. Но всеобъемлющего, междисциплинарного подхода, способного наиболее полно раскрыть природу этого явления, еще не разработано.

Формированию такого подхода к определению сущности коррупции как социального феномена может способствовать использование потенциала философии, для которой свойствен именно целостный взгляд на рассматриваемую проблему. На базе философского дискурса возможно преодоление жестких границ между подходами, исследующими коррупцию с разных точек зрения. По нашему мнению, с философской точки зрения, коррупцию можно определить как социальный феномен, предполагающий деятельность государственных служащих, их взаимоотношения с другими членами общества, связанные с использованием ими своего должностного положения в личных корыстных целях и приносящие ущерб государственным и общественным интересам.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что рассмотрение коррупции в рамках социальной философии позволяет использовать уже наработанные методологические подходы для определения ее сущности и выработки на этой основе комплексной стратегии борьбы с коррупцией в современном обществе.

Список литературы

1. Большая Советская Энциклопедия (В 30 томах). Т. 27 / Гл. ред. А. М. Прохоров. – Изд. 3-е – М.: «Советская энциклопедия», – с. 94.
2. Ванцев, В. А. Основные этапы развития понятия коррупция // Следователь, 2006. – № 8 – с. 34 – 37.
3. Суворин, Э. В. Коррупция в постсоциалистических странах: сущность, особенности, стратегии противодействия (политологический анализ): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2008. – 255 с.
4. Основы противодействия коррупции / Под ред. С. В. Максимов. – М.: Спарк, 2000 – 255 с.
5. Графский В. Г. Всеобщая история права и государства. – 2-е изд. – М.: Норма, 2007. – 752 с.
6. Платон. Государство. Законы. Политик. – М.: Мысль, 1998. – 798 с.
7. Подвойский, Л. Я. Платон о чиновниках и коррупции: экстраполяция на современность // Проблема коррупции: пути междисциплинарного исследования: материалы V Международной научной конференции «Россия и Восток» / под ред. П. Л. Карабущенко. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009. – с. 274 – 278.
8. Аристотель. Политика // Соч.: В 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль, 1984. – с. 375 – 644.
9. Макиавелли, Н. Государь // Н. Макиавелли Избранные сочинения / Пер. с итал. Г. Маравьевой и др. – Калининград: Янтарный сказ, 2000. – с. 7 – 84.
10. Гоббс, Т. Левиафан. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.
11. Монтескье, Ш. Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
12. Дахин, А. В. Коррупция: элементы социологической модели // Коррупция в органах государственной власти: природа, меры противодействия, международное сотрудничество: Сборник

³² Страхов С. В. Политико-экономические аспекты коррупции в странах с формирующейся рыночной экономикой: Автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.14. – Москва, 2007. – 27 с.

³³ Кабанов П.А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение. – Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2004. – С. 34.

статей /Под редакцией П. Н. Панченко, А. Ю. Чупровой, А. И. Мизерия. – Н. Новгород. – 2001. – С. 192 – 201.

13. Гараев, Р. Ф. Понятие коррупции //Следователь, 2001. – №2 – с. 43 – 50.
14. Вебер, М. Политика как призвание и профессия //М. Вебер Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – с. 644 – 704.
15. Парсонс, Т. О социальных системах. – М.: Академический Проект, 2002. – 832 с.
16. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, 2006. – 873 с.
17. Дюверже, М. Политические партии. – М.: Академический Проект, 2000. – 538 с.
18. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс–Традиция, 2004. – 480 с.
19. Алмонд, Г. А. Гражданская культура и стабильность демократии /Г. А. Алмонд, С. Вебра //Пол. Ис., 1992. – №4 – с. 122 – 134.
20. Барсукова, С. Ю. Коррупция: научные дебаты и российская реальность //Общественные науки и современность, 2008. – №5 – с. 36 – 47.
21. Роуз-Аккерман, С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы /пер. с англ. О. А. Алякринского. – М.: Логос, 2003. – 356 с.
22. Эггертсон, Т. Экономическое поведение и институты. – М.: Дело, 2001. – 408 с.
23. Кушниренко, С. П. Понятие и основы профилактики коррупции //Противодействие коррупции на муниципальном уровне: сборник – М.: Волтерс Клувер, 2008. – с. 3 – 30.
24. Максимов, С. В. Коррупция. Закон. Ответственность. – М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2008. – 255 с.
25. Тимофеев, Л. М. Институциональная коррупция. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000 – 365 с.
26. Страхов, С. В. Политико-экономические аспекты коррупции в странах с формирующейся рыночной экономикой: Автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.14. – Москва, 2007. – 27 с.
27. Кабанов, П. А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение. – Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2004. – 174 с.

GENESIS OF CONCEPT CORRUPTION IN SOCIAL AND PHILOSOPHICAL THOUGHT

M.O. IZOTOV

The article is devoted to the scientific and theoretical constricting of the concept "corruption" in the social and philosophical thought.

Orel State Agrarian University

Key words: corruption, society, State, public service.

e-mail: max198522@mail.ru

УДК 165.1

ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О НИЧТОЖНЫХ СДЕЛКАХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ, ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Н.В. КОЗЯР*Белгородский
государственный
Университет**e-mail: kozyar@bsu.edu.ru*

Статья посвящена анализу действующего законодательства о ничтожных сделках, основных тенденций и правоприменительной практики.

Ключевые слова: законодательство, ничтожная сделка, правоприменение.

Действующий Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ)¹ в ст.166 впервые легально закрепил деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые. В частности, п.1 отмеченной статьи устанавливает, что «сделка недействительна по основаниям, установленным настоящим Кодексом, в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка)».

Такое деление не является абсолютной новеллой для российской цивилистической науки. Доктриной гражданского права двойственность недействительности была воспринята еще в дореволюционное время, однако, со стороны законодателя, такое закрепление было осуществлено впервые. Причем, в качестве общего правила о последствиях несоответствия сделки требованиям закона устанавливается именно ничтожность. Такой вывод следует из ст.168 ГК РФ, согласно которой: «Сделка, не соответствующая требованиям закона или иных правовых актов, ничтожна, если закон не устанавливает, что такая сделка оспорима, или не предусматривает иных последствий нарушения». Данное положение рассматривается как общее основание недействительности. Специальные основания предусмотрены ст.ст.169-179 ГК РФ. К числу ничтожных среди составов, предусмотренных данными статьями, относятся: сделки, совершенные с целью, противной основам правопорядка и нравственности (ст.169 ГК РФ); мнимые и притворные сделки (ст.170 ГК РФ); сделки, совершенные гражданином, признанным недееспособным (ст.171 ГК РФ); сделки, совершенные несовершеннолетним в возрасте до 14 лет (ст.172 ГК РФ).

В литературе справедливо отмечено, что, предусматривая общее основание недействительности сделок, ст. 168 ГК РФ не предполагает, да и едва ли может предполагать, установление точно определенного перечня законов и иных правовых актов, несоответствие которым влекло бы ничтожность сделки².

При этом в судебной-арбитражной практике признается, что под законами и иными правовыми актами имеются в виду те, которые указаны в статье 3 ГК РФ. Это федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации и в определенных случаях акты министерств и иных федеральных органов исполнительной власти. Поэтому сделка, противоречащая закону субъекта Российской Федерации или иному правовому акту такого субъекта, не говоря уже об акте органа местного самоуправления, не может признаваться недействительной по статье 168 ГК РФ³.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.

² Кресс В.В., Тузов Д.О. Некоторые проблемы практики применения статьи 168 Гражданского кодекса Российской Федерации арбитражными судами // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2001. – №10. – С.90.

³ Шпачева Т.В., Шпачев Е.В. О способах защиты права (законного интереса) в арбитражном суде // Арбитражные споры. 2009. – №1. – С.40-41.

Иные нормативные акты иногда прямо указывают на ничтожность как последствия несоблюдения определенных правил. Например, п.2 ст.38 Жилищного кодекса РФ⁴ содержат правило, согласно которому условия договора, которыми переход права собственности на помещение в многоквартирном доме не сопровождается переходом доли в праве общей собственности на общее имущество в таком доме, являются *ничтожными*. Аналогичные положения о ничтожности содержатся в ст.122 Кодекса внутреннего водного транспорта РФ⁵, ст.39 ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»⁶ и многих других.

В нормативном акте, регулирующем порядок и условия совершения сделок, может и не содержаться указания о ничтожности (или даже о недействительности). Но если в нем не содержится прямых указаний об иных последствиях несоблюдения его требований при совершении сделки, то последняя должна признаваться ничтожной в силу ст.168 ГК РФ. На ст. 168 ГК РФ надлежит ссылаться при констатации недействительности сделки с одновременным указанием статьи Кодекса или правового акта, конкретизирующего основание недействительности сделки.

В литературе неоднократно отмечалось, что нормативная реализация доктринальных положений о ничтожности сделок породила ряд практических проблем. В частности, А. Томилин в этой связи пишет: «содержащиеся в действующем гражданском кодексе нововведения о ничтожных и оспоримых сделках породили больше проблем, чем их разрешили. Здесь налицо яркий пример непродуманного введения в текст закона отдельных положений, «выдернутых» из контекста теории без достаточных пояснений, необходимых для понимания и правильного применения».⁷ В контексте деления недействительных сделок на ничтожные и оспоримые им также отмечено, что появление новых правил о ничтожных сделках, согласно которым они считаются таковыми независимо от признания их ничтожности судом, «привело к большей неопределенности и, следовательно, к снижению стабильности гражданского оборота»⁸.

Одним из наиболее дискуссионных в плане толкования положений о ничтожности сделки в ст.166 ГК РФ является вопрос о возможности (необходимости) судебного признания ничтожности сделки. Проблема, в частности, связана с указанием в п.1 ст.166 ГК РФ на то, что ничтожная сделка является таковой вне зависимости от судебного признания. Несмотря на то, что этот аспект учения о ничтожности впервые нашел нормативное закрепление в законодательстве, его выделяли еще в российской дореволюционной цивилистике. Так, К.П. Победоносцев отмечал: «Что само по себе ничтожно, то ничтожно с самого начала, в какую бы минуту ни было признано ничтожным... Акт, ничтожный сам в себе, может быть прямо отвергнут, как ничтожный, всяким, к кому обращено требование по такому акту»⁹. Тем не менее, практические проблемы, связанные с этим, возникли сразу же после вступления в силу части первой ГК РФ, что нашло отражение в судебной практике.

В этой связи вполне уместно привести примеры из судебной практики 1995 г., то есть непосредственно после вступления в силу части первой ГК РФ. Так, Арбитражные суды субъектов Федерации, основываясь на положениях о том, что ничтожная сделка является таковой независимо от признания ее такой судом, требования о признании недействительной ничтожной сделки рассматривали как неподведомственные судебному рассмотрению. В то же время Высший Арбитражный Суд РФ, практически сразу же занял иную позицию, согласно которой соответствующие иски вполне возможны и подлежат

⁴ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 №188-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2005. – №1 (часть 1). – Ст.14.

⁵ Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 24-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – №11. – Ст.1001.

⁶ Федеральный закон от 21.12.2001 №178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №4. – Ст.251.

⁷ Томилин А. Ничтожные и оспоримые сделки: трудности правоприменительной практики // Хозяйство и право. – 1998. – №8. – С.107-108.

⁸ Там же. – С.108.

⁹ Победоносцев К.П. Курс гражданского права: В 3 т. Т. 3 / Под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003. – С. 32.

рассмотрению в суде. В частности, по одному из дел, рассмотренных в 1995 г., Пермским арбитражным судом производство по иску прокурора о признании недействительным договора аренды нежилого помещения было прекращено вследствие неподведомственности спора арбитражному суду. Аргументация сводилась к тому, что договор аренды является ничтожной сделкой, так как не соответствует требованиям закона, а поэтому суд не должен рассматривать иск о признании его недействительным. Апелляционная инстанция оставила данное определение без изменения. Однако, при оспаривании определения о прекращении производства по делу в порядке надзора Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ отменил судебный акт и передал дело на новое рассмотрение, указав при этом следующее: «Согласно пункту 1 статьи 166 Гражданского кодекса Российской Федерации ничтожная сделка является недействительной независимо от признания ее таковой судом. Следовательно, названная статья Закона не исключает возможность признания ничтожной сделки недействительной, а поэтому суд должен был рассмотреть исковое заявление по существу и принять решение».¹⁰ Высший Арбитражный Суд РФ последовательно придерживался данной позиции, приводя подобную аргументацию и по другим делам¹¹.

Как видно из приведенного примера, решение судебной инстанцией обозначенного вопроса основано на том, что ст.166 ГК РФ прямо не запрещает предъявления соответствующего требования, а, всего лишь, говорит о недействительности ничтожной сделки вне зависимости от судебного подтверждения.

Количество подобных дел в судебной практике, видимо, постепенно увеличивалось, что потребовало соответствующих разъяснений. В этой связи, уже в 1996 г. они были даны в п.32 совместного Постановления Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного судов «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹² В частности, было отмечено: «Ничтожная сделка является недействительной независимо от признания ее таковой судом (п.1 ст.166 ГК РФ). Учитывая, что Кодекс не исключает возможность предъявления исков о признании недействительной ничтожной сделки, споры по таким требованиям подлежат разрешению судом в общем порядке по заявлению любого заинтересованного лица.

Признавая тот факт, что ст.166 ГК РФ действительно не содержит запрета на судебное установление ничтожности сделки, хотелось бы также обратить внимание на иные положения данного нормативного акта, которые, хотя и косвенно, но можно истолковать как ограничение на предъявление соответствующих требований. Так, ст.12 ГК РФ предусматривает исчерпывающий перечень способов защиты гражданских прав, о чем свидетельствует последний пункт, содержащий указание на то, что защита гражданских прав может осуществляться «иными способами, предусмотренными законом». В отмеченной статье прямо предусмотрены такие способы, как: признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности; применение последствий недействительности ничтожной сделки. Как видно, в отношении оспоримых сделок прямо предусматривается возможность признания их недействительными с одновременным указанием на самостоятельный характер способа защиты в виде применения последствий ее недействительности. В то же время способы защиты, связанные с ничтожностью сделки, представлены только ссылкой на применение последствий. Причем, хотя перечень способов защиты, установленный ст.12 ГК РФ не является исчерпывающим, но, исходя из содержания последнего пункта, иные способы защиты могут устанавливаться лишь законом, причем достаточно прямо и недвусмысленно. Такого толкования доста-

¹⁰ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09.11.1995 №5765/95 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 1996. – №2.

¹¹ См. напр.: Постановление Президиума ВАС РФ от 28.12.1995 №4306/95 // Вестник ВАС РФ. – 1996. – №3.

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ №6, Пленума ВАС РФ №8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – №9; 1997. – №5.

точно последовательно придерживаются как в научной литературе¹³, так и в судебной практике¹⁴.

Как было отмечено выше, допустимость иска о признании ничтожной сделки недействительной судебные инстанции выводят из того, что ГК РФ не исключает возможность предъявления таких исков, однако в силу буквального толкования ст.12 ГК РФ, для допустимости такого иска необходимо прямое указание закона¹⁵. Таким образом, с позиции норм самого ГК РФ вполне можно оспорить правомерность судебной практики об использовании иска о признании недействительной ничтожной сделки. Причем анализ этих норм приводит к мысли о том, что разработчики ГК РФ как раз и предполагали излишним такой иск в силу того, что рассматриваемые сделки не нуждаются в судебном подтверждении их ничтожности.

Кроме того, положения ранее отмеченного Постановления Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного судов также не вполне последовательны. С одной стороны, абз.1 п.32 Постановления указывает на возможность использования требования о признании недействительности ничтожной сделки как самостоятельного способа защиты. С другой же стороны, абз.2 п.32 отмечает, что «при удовлетворении иска в мотивировочной части решения суда о признании сделки недействительной должно быть указано, что сделка является ничтожной. В этом случае последствия недействительности ничтожной сделки применяются судом по требованию любого заинтересованного лица либо по собственной инициативе». Вызывает недоумение тот факт, что указание на признание сделки недействительной должно содержаться в мотивировочной части, хотя выводы суда по существу заявленных требований должны содержаться в резолютивной части судебного решения (ч.5 ст.198 ГПК РФ¹⁶). Противоречия снимались, если бы речь шла о судебном решении по иску о применении последствий недействительности ничтожной сделки. В такой ситуации надлежащая мотивировка решения об удовлетворении иска действительно должна содержать ссылку на ничтожность сделки, но если в качестве самостоятельного требования заявлено признание ничтожности сделки, соответствующий вывод должен содержаться в резолютивной части решения.

Другой проблемный аспект практической реализации ст.166 ГК РФ в части специфики ничтожных сделок видится в следующем. Могут ли иные, несудебные органы устанавливать факт ничтожности сделки и относиться к ней как не имеющей юридической силы? С точки зрения прямого толкования п.1 ст.166 ГК РФ о том, что ничтожная сделка недействительна независимо от признания ее таковой судом, можно сделать однозначный вывод – не только могут, но и должны, если это связано с их деятельностью. Однако, позиции, высказанные в научной литературе, а также в судебной практике далеко не так однозначны.

В частности, была высказана точка зрения, согласно которой ни налоговый, ни иной орган или должностное лицо не вправе устанавливать факт ничтожности сделки без обращения в суд¹⁷. А.Томилин, придерживаясь такого мнения, говорит, что должностные лица государственных органов «берутся самостоятельно устанавливать факты ничтож-

¹³ См. напр.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный). Том 1. 3-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. – М.: «Юрайт-Издат», 2007; Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Под ред. В.П. Мозолина, М.Н. Малейной. – М.: НОРМА, 2004; Гражданское право: учеб. в 3 т. Т.1. / Отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. – М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2005. – С.347 и др.

¹⁴ См. напр.: Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 02.08.2010 по делу №А45-24660/2009 // СПС Консультант Плюс: Судебная практика; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 17.09.2010 по делу №А63-3737/2009 // СПС Консультант Плюс: Судебная практика; Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 01.09.2010 по делу №А33-5800/2010 // СПС Консультант Плюс: Судебная практика и др.

¹⁵ Об этом также см.: Павлова И.Ю. Правовые проблемы признания ничтожных сделок недействительными в судебном порядке // Право и политика. – 2005. – №4. – С.140-142.

¹⁶ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №46. – Ст.4532.

¹⁷ См. напр.: Медведев А. Недействительные сделки: бухгалтерские и налоговые проблемы // Хозяйство и право. – 1999. – №8. – С.61, 63.

ности той или иной сделки» вследствие «неясности и возможности различного толкования некоторых норм, посвященных ничтожным сделкам».¹⁸ Э. Цыганов, комментируя решение арбитражного суда по этому поводу, пишет: « Кроме того, судом неправильно истолкованы нормы ст.166 ГК. То, что в п.1 ст.166 определено, что ничтожная сделка является недействительной независимо от признания ее таковой судом, вовсе не означает, что становить факт ничтожности сделки может любое лицо без обращения в судебные органы».¹⁹ Данная точка зрения мотивируется тем, что для установления факта ничтожности сделки необходимо указать наличие обстоятельств, влекущих за собой ничтожность сделки.

Анализируемая проблема актуализировалась с момента легального закрепления категории ничтожности, однако дискуссии в этом отношении имели место, в том числе, и в советское время.

Так, Д.М. Генкин считал, что для признания ничтожной сделки недействительной нет необходимости в специальном решении суда²⁰. Такой же точки зрения придерживались и О.С. Иоффе²¹.

В.П. Шахматов считал, что для объявления ничтожных сделок недействительными судебное решение необходимо, но поскольку недействительность их заранее предрешена законом, то это имеет практическое значение, главным образом, для определения последствий недействительности²².

Н.В. Рабинович по этому поводу отмечала, что ничтожные сделки нуждаются в объявлении недействительными судом, так как «только суд или арбитраж могут констатировать наличие условий и предпосылок, согласно закону приводящих в обязательном порядке к недействительности сделки». Кроме того, решение суда о недействительности сделки служит основанием и для всех последствий, которые закон с этим связывает. Если же стороны не приступили к исполнению ничтожной сделки, то объявление ее судом недействительной подчеркивает принципиальную недопустимость ее исполнения²³.

Конечно, можно согласиться с тем, что признание ничтожности сделки требует четкого определения правового основания такой недействительности. Именно поэтому считаем, что иск о признании ничтожности сделки принципиально допустимым. В силу сказанного, было бы желательным дополнить п.1 ст.166 ГК РФ следующим положением: «*В случае необходимости заинтересованное лицо вправе обратиться в суд с иском о признании сделки ничтожной*». Соответственно этому, необходимо дополнить ст.12 ГК РФ указанием на возможность защиты гражданских прав с помощью данного способа защиты.

В то же время, указание на обязательность судебной констатации факта ничтожности сделки и невозможности ссылаться на ничтожность без судебного подтверждения представляется нежелательным. Это связано с тем, что определенность в действительности (недействительности) сделок значима не только для ее участников, но и для иных субъектов, деятельность которых связана с правовой оценкой таких сделок, например: регистрирующих, налоговых, таможенных и иных органов.

Квалификация сделки как ничтожной является актом правоприменения. Однако, практически очевидно, что такая деятельность не является привилегией только суда. Например, орган власти, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимое имущество, при осуществлении регистрационных действий проводит правовую экспертизу представленных документов, в том числе гражданско-правовых договоров. При несоответствии представленных документов требованиям закона регистрирующий орган не только вправе, но и обязан отказать в государственной регистрации в силу абз.4

¹⁸ Томилин А. Ничтожные и оспоримые сделки: трудности правоприменительной практики // Хозяйство и право. – 1998. – №8. – С.108.

¹⁹ Цыганов Э. Суд позади, но проблемы остались // Экономика и жизнь. – 1996. – №18. – С.22.

²⁰ Генкин Д.М. Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону // Учен. зап. ВИЮН. – 1947. – Вып.5. – С. 49.

²¹ Иоффе О.С. Советское гражданское право. – М.: Юридическая литература, 1967. – С. 295, 297.

²² Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. – Томск, 1967. – С. 148.

²³ Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. – С.16-17.

п.1 ст.20 ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»²⁴. Данное нормативное положение содержит одно из оснований к отказу в регистрации, состоящее в том, что документы, представленные на государственную регистрацию прав, по форме или содержанию не соответствуют требованиям действующего законодательства. Данное основание включает в себя случаи несоответствия сделки (договора) требованиям закона, что подтверждается многочисленной судебной практикой.²⁵ Таким образом, в данном случае речь идет о ничтожных сделках, даже если в решении об отказе не используется термин ничтожность. Если в законе указать, что сделка может считаться ничтожной только после судебного подтверждения, то для обоснованного отказа в регистрации было бы необходимо обращаться в суд, что существенно затруднит регистрационную деятельность.

В то же время, если договор не соответствует требованиям закона, но последним в качестве последствия установлена оспоримость, регистрирующий орган не вправе по этому основанию отказывать в государственной регистрации. Так, в одном из арбитражных дел была оспорена законность действий регистрирующего органа, связанных с отказом в государственной регистрации. В частности, Управление отказало гражданину в государственной регистрации договора аренды. В качестве мотивации своих действий Управление сослалось на статью 20 (абзац 4 пункта 1) Закона о регистрации и установило, что размер арендной платы, указанный в договоре аренды определен не по итогам торгов, а протокол о результатах торгов и договор аренды не соответствуют действующему законодательству. Отказывая в удовлетворении заявленных требований суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что Управление установило несоответствие содержания представленного на регистрацию протокола о результатах торгов от 19.06.2008 №1, являющегося основанием для заключения сделки аренды, и самого договора аренды от 02.07.2008 №Д.1403.3 требованиям действующего законодательства и в рамках представленных ему полномочий правомерно отказало в государственной регистрации договора аренды. Кассационная инстанция (ФАС Волго-Вятского округа), соглашаясь с тем, что нарушения закона действительно имели место, в то же время отменила арбитражное решение и признала действия Управления незаконными, ссылаясь при этом на следующие обстоятельства. В силу п.1 ст.449 ГК РФ торги, проведенные с нарушением правил, установленных законом, могут быть признаны судом недействительными по иску заинтересованного лица, а в соответствии с п.2 указанной статьи признание торгов недействительными влечет недействительность договора, заключенного с победителем торгов. Таким образом, по смыслу упомянутой нормы права, до признания в судебном порядке торгов недействительными не может быть признан недействительным (по основаниям, связанным с нарушением правил проведения торгов) и договор, заключенный по их результатам.²⁶ Высший Арбитражный Суд РФ оставил это решение без изменения.

Данный пример наглядно демонстрирует практическое значение различий в способах установления недействительности ничтожных и оспоримых сделок. При оспоримости сделки, последняя может рассматриваться как недействительная и не имеющая юридической силы, только после соответствующего судебного решения об этом. В то же время при ничтожности сделки регистрирующий орган не просто вправе, но обязан отказать в регистрации, ссылаясь на данное обстоятельство. В случае же несогласия заявителя с подобной квалификацией, он вправе обратиться в суд с заявлением об оспаривании отказа в регистрации. Аналогичным образом должен решаться вопрос об установлении ничтожности в деятельности иных правоприменительных органов, связанных с необходимостью правовой квалификации юридических сделок. Тем не менее, это не исключает некоторой специфики в определенных конкретных случаях.

²⁴ Федеральный закон от 21.07.1997 №122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – №30. – Ст.3594.

²⁵ Постановление ФАС Центрального округа от 01.02.2010 по делу №А08-1240/2009-6 // СПС Консультант Плюс: Судебная практика; Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 07.06.2010 по делу №А74-3978/2009 СПС Консультант Плюс: Судебная практика; Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 30 января 2006 года №А43-2647/2004-23-80 // СПС Консультант Плюс: Судебная практика.

²⁶ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 11.08.2009 по делу №А31-4779/2008-10 СПС Консультант Плюс: Судебная практика.

Так, весьма своеобразна и, отчасти, противоречива практика применения норм о ничтожности сделок в деятельности налоговых органов. На сегодняшний день случаи недобросовестности налогоплательщика разрешаются судами с использованием института недействительности мнимых и притворных сделок, закрепленных в Гражданском кодексе РФ. В Постановлении Пленума ВАС РФ от 10 апреля 2008 г. №22²⁷ суд указал, что для обеспечения поступления в бюджет налогов в полном объеме налоговый орган должен руководствоваться ст. 170 ГК РФ.

Учет налогоплательщиком хозяйственных операций по мнимым или притворным сделкам приводит к искажению фактических отношений налогоплательщика с контрагентами для целей налогообложения. В таком случае признание сделки недействительной влечет за собой изменение порядка налогообложения на основании норм налогового законодательства.²⁸ Особое внимание в налоговой деятельности уделено притворным сделкам, поскольку таковой является сделка, которая совершена с целью прикрыть другую сделку. Согласно п.2 ст.170 ГК РФ притворная сделка ничтожна. При этом к сделке, которую стороны действительно имели в виду, с учетом существа сделки, применяются относящиеся к ней правила. Таким образом, зачастую именно с помощью совершения притворной сделки субъекты налогообложения пытаются уменьшить налоговую базу. Налоговый орган, при выявлении притворной сделки вправе изменить юридическую квалификацию и применить к сделке те нормативные правила, которые вытекают из ее существа с соответствующим доначислением налогов. В то же время п.2 ст.45 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ)²⁹ указал, что взыскание налога с организации или индивидуального предпринимателя, если их обязанность по уплате налога основана на изменении налоговым органом юридической квалификации сделки, совершенной таким налогоплательщиком, осуществляется в судебном порядке. Позиция Высшего Арбитражного Суда РФ об исключительно судебном характере взыскания разъяснена в п.9 Постановлении Пленума ВАС РФ от 28.02.2001.³⁰

В связи наличием отмененной налоговой нормы в практике возник вопрос о возможности налоговых органов в своей оперативной деятельности руководствоваться измененной квалификацией, в частности при выдаче справок о наличии налоговой задолженности, то есть вправе ли ссылаться на факт ничтожности (притворности) сделки налогоплательщика. С одной стороны, п.2 ст.45 НК РФ обращает внимание на необходимость судебного подтверждения данного факта при осуществлении взыскания соответствующей недоимки. С другой стороны, притворная сделка является ничтожной и недействительна вне зависимости от судебного признания, что должно учитываться в деятельности соответствующих органов власти. В противном случае, какая-либо практическая необходимость разграничения ничтожных и оспоримых сделок по процедуре установления недействительности (обозначенной в п.1 ст.166 ГК РФ), будет отсутствовать. В этой связи, Пленум ВАС РФ от 12.10.2006 в п.8 специально разъяснил, что при изменении юридической квалификации гражданско-правовых сделок судам и налоговым органам следует учитывать, что сделки, не соответствующие закону или иным правовым актам (ст. 168 ГК РФ), мнимые и притворные сделки (ст. 170 ГК РФ) являются недействительными независимо от признания их таковыми судом в силу положений ст. 166 ГК РФ³¹.

Тем не менее, некоторые примеры из арбитражной практики показывают, что арбитражные суды далеко не всегда учитывают этот момент и без достаточных оснований

²⁷ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10.04.2008 №22 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2008. – №5.

²⁸ Митряшкина О.А. Налоговые последствия учета налогоплательщиками в целях налогообложения хозяйственных операций по мнимым и притворным сделкам // Налоги (журнал). – 2009. – №1. – С.4-5.

²⁹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 №146-ФЗ // Собрание законодательства РФ». – 1998. – №31. – Ст.3824.

³⁰ Постановление Пленума ВАС РФ от 28.02.2001 №5 «О некоторых вопросах применения части первой Налогового кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2001. – №7.

³¹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 №53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2006. – №12.

расширительно толкуют положения п.2 ст.45 НК РФ. Так, ОАО «Фаюр-Союз» (далее – общество) обратилось в Межрайонную инспекцию Федеральной налоговой службы №1 по городу Владикавказу (далее – инспекция) с запросом о выдаче справки об отсутствии у общества задолженности по уплате налогов, сборов, пеней и штрафов. Инспекция выдала обществу справку от 05.02.2007 №176 с указанием на наличие такой задолженности по состоянию на дату выдачи. Наличие задолженности было основано на изменении юридической квалификации некоторых сделок общества. Арбитражный суд Республики Северная Осетия-Алания решением от 16.04.2007 указанные действия инспекции признал незаконными и обязал инспекцию выдать обществу справку об отсутствии налоговой задолженности перед бюджетом. Федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа постановлением от 25.07.2007 решение суда первой инстанции оставил без изменения. При этом, данные суды (помимо некоторых иных оснований) исходили из того, что оспоренное решение инспекции основано на изменении юридической квалификации заключенных обществом сделок. Следовательно, до вынесения решения суда о взыскании с общества доначисленных налогов, начисленных пеней и штрафов инспекция в соответствии с п.2 ст. 45 НК РФ не может считать, что у общества имеется неисполненная обязанность по их уплате. Как видно, необходимость использования судебного порядка взыскания такой задолженности, судами была истолкована как обязательность судебного решения для установления факта самой задолженности, возникающей, по мнению налоговых органов, при совершении притворной (ничтожной) сделки. Суды, таким образом, по сути, отказали инспекции в праве на самостоятельную квалификацию сделок как ничтожных. И только при обжаловании таких решений в порядке надзора в Президиум ВАС РФ последний отменил принятые по делу судебные акты и отказал в удовлетворении требования о признании незаконными действия инспекции. При этом мотивировка включала в себя, в том числе, следующие аргументы. «Не основана на законе ссылка суда кассационной инстанции на нарушение инспекцией ст. 45 НК РФ, согласно которой не допускается взыскание во внесудебном порядке задолженности по налогам, если обязанность по уплате налога основана на изменении налоговым органом юридической квалификации сделок, заключенных налогоплательщиком с третьими лицами. При этом Президиум исходит из того, что в данном случае оспариваются не действия должностных лиц по взысканию задолженности во внесудебном порядке, а действия по выдаче справки с указанием недоимки»³².

Таким образом, Высший Арбитражный Суд РФ исходил из того, что налоговый орган вправе квалифицировать сделки налогоплательщика как ничтожные и исходить из этого в своей деятельности, за исключением возможности внесудебного взыскания задолженности по налогам.

Анализируя проблемы законодательства и практики внесудебного установления ничтожности сделки в практике налоговых органов, также можно обратить внимание на еще одно обстоятельство, которое неоднозначно решается в судебной практике. Оно также связано с применением п.2 ст.45 НК РФ. В данном нормативном акте не дается официального толкования того, что необходимо понимать под изменением юридической квалификации сделки. В связи с этим возникает вопрос, подпадают ли под действие п. 2 ст. 45 НК РФ случаи, когда в решении, вынесенном по результатам проверки, указано на мнимость сделок налогоплательщика, то есть совершение сделки лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия. Решение этого вопроса влияет на возможность налоговых органов взыскивать соответствующую недоимку по налогам в принудительном (внесудебном) порядке. Арбитражные решения, в том числе и обжалованные в порядке надзора в Президиум ВАС РФ, могут содержать прямо противоположные выводы. Так, иногда указание на мнимость сделки рассматривается как изменение квалификации. В частности по одному из дел, арбитражный суд указал следующее: «инспекция доначислила налоги, основываясь на том, что реализация товаров взаимозависимым лицам фактически не осуществлялась, создавался формальный документооборот, товары отгружались самим налогоплательщиком. На основании этого суд

³² Постановление Президиума ВАС РФ от 08.04.2008 №10405/07 по делу №А61-295/07-4 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2008. – №7.

пришел к выводу о том, что налоговый орган изменил юридическую квалификацию сделок, а значит, не имел права взыскивать недоимку в бесспорном порядке»³³. В то же время, по другому делу, арбитражным судом делается иной вывод: «налогоплательщик заключал договоры для создания видимости хозяйственных операций. В таком случае инспекция вправе взыскать сумму налога в бесспорном порядке, нормы п. 2 ст. 45 НК РФ не применяются»³⁴.

Подобная противоречивость, естественно, не идет на пользу стабильности экономического обороту. Не берясь сейчас делать вывод о правомерности или неправомерности той или иной позиции, можно обратить внимание что «корень» данных проблем находится в отсутствие единой позиции по вопросу о том, что же вправе устанавливать факт ничтожности сделки и, соответственно, применять правовые последствия такой ничтожности. По нашему мнению, дальнейшее развитие и конкретизация законодательства о ничтожных сделок должны основываться на исходном тезисе о том, что ничтожность сделки может устанавливаться не только судебными, но и иными органами власти, деятельность которых связана с правовой оценкой гражданско-правовых сделок.

В этой связи, вполне можно присоединиться к словам Д.О. Тузова, который пишет, что «отрицание за кем бы то ни было, кроме суда, права констатировать ничтожность сделки привело бы на практике к еще большему нарушению закона: учреждения юстиции вынуждены были бы регистрировать ничтожные сделки с недвижимостью и «основанные» на них права и обременения; налоговые, таможенные и иные контролирующие органы были бы лишены возможности оперативно применять санкции к нарушителям, «прикрывающимся» недействительными договорами, и т.д. и т.п. В результате судебный контроль за административной деятельностью превратился бы из последующего, каким он в большинстве случаев является сейчас, в предварительный, органы власти и их должностные лица не смогли бы нормально осуществлять свои управленческие функции, а суды, и без того перегруженные делами, оказались бы просто захлестнутыми лавиной исков о признании ничтожных сделок недействительными»³⁵.

При несогласии с правовой квалификацией сделки органом исполнительной власти, субъекты такой сделки ни в коей мере не лишаются права на оспаривание действий властных органов в суде, в силу действие конституционного принципа осуществления правосудия только судом (ст.118 Конституции РФ³⁶). Однако это абсолютно не означает, что только суд вправе давать правовую оценку общественным отношениям. Этот принцип в гражданском судопроизводстве предполагает приоритет судебной формы защиты права над иными, который обусловлен особыми процессуальными гарантиями для участников спора, что образует специфическую процессуальную форму³⁷.

Сказанное в отношении несудебной квалификации ничтожных сделок также относится и к самим участникам сделки (договора). Одна из сторон договора вправе ссы-

³³ Постановление ФАС Уральского округа от 01.04.2009 №Ф09-1696/09-С3 по делу №А60-16312/2008-С10 // СПС Консультант Плюс: Судебная практика (Определением ВАС РФ от 06.08.2009 №ВАС-9307/09 отказано в передаче дела в Президиум ВАС РФ для пересмотра в порядке надзора данного постановления). Также аналогичные выводы содержатся в следующих судебных постановлениях: Постановление ФАС Поволжского округа от 21.11.2008 по делу №А57-6254/2008 // СПС Консультант Плюс: Судебная практика; Постановление ФАС Уральского округа от 09.04.2007 №Ф09-612/06-С2 по делу №А71-559/05 // СПС Консультант Плюс: Судебная практика и др.

³⁴ Постановление ФАС Московского округа от 28.04.2007, 02.05.2007 №КА-А40/3348-07 по делу №А40-36745/06-20-175 // СПС Консультант Плюс: Судебная практика (Определением ВАС РФ от 13.08.2007 №9983/07 отказано в передаче в Президиум ВАС РФ для пересмотра в порядке надзора данного постановления). Аналогичные выводы содержатся в постановлениях и по иным делам, например: Постановление Президиума ВАС РФ от 01.06.2010 №16064/09 по делу №А27-6222/2009-6 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2010. – №9; Постановление ФАС Уральского округа от 18.05.2009 №Ф09-2983/09-С2 по делу №А50-20641/2008 // СПС Консультант Плюс: Судебная практика и др.

³⁵ Тузов Д.О. Ничтожность и оспоримость юридической сделки: пандектное учение и современное право. – М.: Статут, 2006. – С.106.

³⁶ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (принята всенародным голосованием) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – №4. – Ст.445.

³⁷ См. напр.: Гражданский процесс: учебник / Под ред. М.К. Треушников. – М.: Городец, 2007. – С.65-66; Гражданский процесс: учебник / Отв. ред. В.В. Ярков. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С.31-32 и др.

латься на ничтожность договора в качестве возражений против требований контрагента, предъявленных как в судебном, так и во внесудебном порядке. Однако ничтожность сделки далеко не всегда очевидна, субъекты гражданского оборота вполне могут нуждаться в правовой определенности тех сделочных отношений, участниками которых они являются³⁸. Это также касается тех случаев, когда сторона, ссылающаяся на ничтожность договора, еще не приступила к его исполнению. Такая определенность необходима во избежание тех негативных последствий, которые могут быть связаны с неисполнением договорного обязательства (например, неустойка), если договор все же ничтожным не является. Поэтому в таких ситуациях полностью исключить возможность предъявления иска о признании сделки ничтожной. Вряд ли более уместным является такое решение: предварительное исполнение предположительно ничтожного договора, а в последующем предъявление иска о применении последствий ничтожности сделки. Тем более, что последствия ничтожности далеко не всегда сводятся к простому возврату сторон в первоначальное положение (реституция).

Следовательно, полностью отрицать возможность самостоятельного использования иска о признании сделки ничтожной вряд ли оправдано. В литературе и судебной практике такой иск обычно именуется как «иск о признании недействительной ничтожной сделки». Именно так он обозначен в п.32 совместного Постановления Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного Судов РФ №6/8 от 01.07.1996. В то же время такая формулировка подвергается критике. В частности, А Томилин говорит, что она является «громоздкой юридической конструкцией с трудноуловимым смыслом».³⁹ Такое название действительно не является удачным, оно, видимо, появилось из аналогии с оспоримыми сделками. Используемый фразеологический оборот предполагает, что требование состоит в том, чтобы ничтожную сделку суд признал недействительной. Этого, конечно, абсолютно не требуется. Ничтожную сделку нельзя признавать или не признавать недействительной, она является разновидностью недействительности в силу закона. Можно сделку признать ничтожной. По смыслу такого требования, иск следует именовать о признании (или установлении) сделки ничтожной. В литературе были предложены вполне приемлемые и более компактные термины для его обозначения – иск о ничтожности или негативный иск (от лат. negationis – отрицающий, отрицательный; negatio – отрицание)⁴⁰.

При вынесении судебного решения о признании сделки ничтожной суд не превращает действительную сделку в ничтожную. Такая сделка не имеет юридической силы и до судебного решения. «Суд в данном случае только подтверждает, что такого правоотношения нет и никогда не было. Иск о признании сделки ничтожной, являясь разновидностью установительного иска (иска о признании), направлен на установление судом факта недействительности сделки и отсутствия правоотношения, на которое эта сделка была направлена. Следовательно, этот иск представляет собой так называемый отрицательный или негативный иск о признании»⁴¹. Судебное решение о признании ничтожной сделки недействительной не вызывает возникновения, изменения или прекращения правоотношений между истцом и ответчиком. Суд в такой ситуации «выступает в роли своего рода юридической консультации, которая дает квалифицированные ответы на вопросы участников правоотношений»⁴².

С позиции действующего гражданского законодательства, в частности, ст.168 ГК РФ, при несоответствии сделки требованиям закона или иных правовых актов она признается ничтожной в качестве общего правила. Для того, чтобы сделка считалась оспо-

³⁸ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: Учебно-практический комментарий (постатейный) / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: «Проспект», 2010.

³⁹ Томилин А. Ничтожные и оспоримые сделки: трудности правоприменительной практики // Хозяйство и право. – 1998. – №8. – С.108.

⁴⁰ Тузов Д.О. Иски, связанные с недействительностью сделок: Теоретический очерк. – Томск: Пеленг, 1998. – С.9; Осокина Г.Л. Иск (теория и практика). – М.: Городец, 2000. – С. 81.

⁴¹ Кресс В.В., Тузов Д.О. Некоторые проблемы практики применения статьи 168 Гражданского кодекса Российской Федерации арбитражными судами // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2001. – №10. – С.91-92.

⁴² Павлова И.Ю. Недействительность сделок в российском гражданском праве. Дис. ... к.ю.н. – М., 2004. – С.109.

римой или применялись иные последствия, необходимо указание на это в законе. Как отмечено Д.О. Тузовым: «Недействительность порочной сделки всегда обусловлена ее несоответствием императивным правовым предписаниям, поэтому естественным правовым результатом такого несоответствия является недействительность *ipso iure* (ничтожность). Оспоримость же, будучи проявлением диспозитивного начала, должна устанавливаться только как исключением из общего правила»⁴³.

Такое положение неоднократно критиковалось в литературе. Так, по мнению А.В. Чирярина, действующее правило о ничтожности сделки, не соответствующей требованиям закона или иным правовым актам, указанное в ст. 168 ГК РФ, не способствует стабильности гражданского оборота и не отвечает интересам ее сторон, поскольку все подпадающие под данные признаки сделки в императивной форме признаются недействительными. Однако далеко не каждое несоответствие сделки отдельным нормам закона и иным правовым актам должно выступать основанием ее ничтожности (неизбежно влечь ничтожность) и являться столь значимым с юридической точки зрения для действительности сделки. В интересах гражданского оборота целесообразно в каждом конкретном случае исследовать обоснованность и аргументированность признания соответствующей сделки недействительной.⁴⁴ К.И. Скловский в этом отношении говорит, что «недостаток статьи 168 ГК РФ, вообще весьма уязвимой, состоит в том, что она не проводит различий между серьезным и мелким нарушением. В результате едва ли не любая сделка может быть признана не соответствующей закону»⁴⁵.

Такое положение критикуется еще и потому, что «оно делает институт недействительных сделок мощным оружием в руках недобросовестных коммерсантов, стремящихся во что бы то ни стало использовать любое основание для уклонения от надлежащего исполнения своих обязательств»⁴⁶.

Вследствие этого, в цивилистической литературе уже неоднократно вносятся предложения о закреплении в качестве общего правила оспоримости сделки, а не ее ничтожности. Обычно это обосновывается тем, что общее правило об оспоримости сделок, не соответствующих требованиям закона или иных правовых актов, в большей мере соответствует общим принципам гражданского права: недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав (п.1 ст.1 ГК). Также при этом предлагается закрепить четкий перечень ничтожных сделок⁴⁷.

К настоящему времени мы можем видеть и некоторые изменения законодательства в этом направлении. Так, например, в отношении крупных сделок акционерных обществ, законодатель первоначально устанавливает ничтожность сделки и затем изменяет положения ФЗ «Об акционерных обществах»⁴⁸ и свою позицию в сторону оспоримости. Для этого в п.6 ст.79 данного Закона, была добавлена фраза о том, что «крупная сделка, совершенная с нарушением предусмотренных настоящим Федеральным законом требований к ней, может быть признана недействительной по иску общества или его акционера», чего ранее не было и данные нарушения приводили к ничтожности.

Таким образом, можно обнаружить тенденцию к ограничению роли ничтожности в правовом регулировании сделочных отношений. Однако, как представляется, в настоящее

⁴³ Тузов Д.О. Ничтожность и оспоримость юридической сделки: пандектное учение и современное право. – М.: Статут, 2006. – С.128.

⁴⁴ Чирярин А.В. Правовые проблемы недействительности сделок и их последствия в российском законодательстве. Дис. ... к.ю.н. – Рязань, 2006. – С.35.

⁴⁵ Скловский К.И. Вопрос о пределах вмешательства государства в частную собственность в судебной практике // Хозяйство и право. – 2002. – №6. – С.41.

⁴⁶ Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. – М.: Бератор-Пресс, 2003. – С.8-9.

⁴⁷ См. напр.: Павлова И.Ю. Недействительность сделок в российском гражданском праве. Дис. ... к.ю.н. – М., 2004. – С.102; Черярин А.В. Недействительные сделки и их последствия: спорные вопросы действующего законодательства и судебной практики // Российский судья. – 2000. – №8. – С.26-27; Газарьян Б., Зинченко С. Ничтожные и оспоримые сделки в практике предпринимательства // Хозяйство и право. – 1997. – №2. – С.122-123.

⁴⁸ Федеральный закон от 26.12.1995 №208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №1. – Ст.1.

время нецелесообразно отказываться от правовой конструкции ничтожности в сфере регулирования частных отношений, в том виде как она сформулирована в п.1 ст.166 ГК РФ, то есть недействительности вне зависимости от судебного признания. В советское время, когда данное правило не закреплялось в законе, а лишь формулировалось в цивилистической науке, подтверждение ничтожности осуществлялось в судебном порядке. Это можно было считать приемлемым в силу особенностей экономических отношений. В настоящее время, в связи с неимоверно возросшим рыночным оборотом, отказ от этой законодательной конструкции не избавит нас от тех проблем. Это еще больше дезориентирует правоприменителя. Поэтому, дальнейшее развитие теории и нормативного закрепления ничтожности должно учитывать возникающие в правоприменении трудности и оперативно разрешать их как в виде совершенствования законодательства, так и путем разъяснения существующих нормативных положений. Для этого, по нашему мнению, требуется дальнейшая проработка учения о ничтожных сделках в цивилистической доктрине.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.
2. Кресс В.В., Тузов Д.О. Некоторые проблемы практики применения статьи 168 Гражданского кодекса Российской Федерации арбитражными судами // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2001. – №10. – С.90.
3. Шпачева Т.В., Шпачев Е.В. О способах защиты права (законного интереса) в арбитражном суде // Арбитражные споры. 2009. – №1. – С.40-41.
4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 №188-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2005. – №1 (часть 1). – Ст.14.
5. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 24-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – №11. – Ст.1001.
6. Федеральный закон от 21.12.2001 №178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №4. – Ст.251.
7. Томилин А. Ничтожные и оспоримые сделки: трудности правоприменительной практики // Хозяйство и право. – 1998. – №8. – С.107-108.
8. Победоносцев К.П. Курс гражданского права: В 3 т. Т. 3 / Под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003.
9. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09.11.1995 №5765/95 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 1996. – №2.
10. Постановление Президиума ВАС РФ от 28.12.1995 №4306/95 // Вестник ВАС РФ. – 1996. – №3.
11. Павлова И.Ю. Правовые проблемы признания ничтожных сделок недействительными в судебном порядке // Право и политика. – 2005. – №4. – С.140-142.
12. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №46. – Ст.4532.
13. Медведев А. Недействительные сделки: бухгалтерские и налоговые проблемы // Хозяйство и право. – 1999. – №8. – С.61, 63.
14. Цыганов Э. Суд позади, но проблемы остались // Экономика и жизнь. – 1996. – №18. – С.22.
15. Генкин Д.М. Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону // Учен. зап. ВИЮН. – 1947. – Вып.5. – С. 49.
16. Иоффе О.С. Советское гражданское право. – М.: Юридическая литература, 1967. – С. 295, 297.
17. Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. – Томск, 1967. – С. 148.
18. Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. – С.16-17.
19. Митряшкина О.А. Налоговые последствия учета налогоплательщиками в целях налогообложения хозяйственных операций по мнимым и притворным сделкам // Налоги (журнал). – 2009. – №1. – С.4-5.
20. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (принята всенародным голосованием) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – №4. – Ст.445.
21. Чирярин А.В. Правовые проблемы недействительности сделок и их последствия в российском законодательстве. Дис. ... к.ю.н. – Рязань, 2006.
22. Склоковский К.И. Вопрос о пределах вмешательства государства в частную собственность в судебной практике // Хозяйство и право. – 2002. – №6. – С.41.
23. Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. – М.: Бератор-Пресс, 2003.

ACTUAL LAWS ON MINOR CONTRACTS IN MODERN RUSSIA:
TENDENCIES AND ISSUES OF IMPLEMENTATION

N.V. KOZYAR

Belgorod State University
e-mail: kozyar@bsu.edu.ru

The paper presents the results of analysis of actual laws on minor contracts, is main tendencies and implementation.

Key words: law, minor contract, legal implementation.

УДК 156.945\90

К ПРОБЛЕМЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Л.У. КУРБАНОВА

Грозненский нефтяной институт им. академика М.Д. Миллионщикова

e-mail: medna59@mail.ru

В статье дан краткий анализ проблемы гендерной идентичности, культурной парадигмы, корреляция данных дискурсов как базовых категорий в историографии как отечественных, так и западных исследователей. Дана попытка выявить основные критерии половой самоидентификации личности и их интерпретация в практиках различных культур.

Ключевые слова: гендер, самоидентификация, традиционная культура, гендерные практики и стереотипы.

Гендерные исследования в качестве онтологических понятий оперируют целым рядом базовых категорий, к числу которых принадлежит категория половой идентичности¹. Проблема гендерной идентификации личности с середины XX в. становится активно дискутируемой темой в микротеории. Обусловлено это следующими моментами. В повседневности половые различия воспринимаются как фундаментальные и существует предубеждение, что человек приходит в мир с уже заданной биологической программой; осуществлять свою жизнь в мужском либо женском обликах. Еще в 30-е гг. нашего века полевые исследования американских этнологов Маргарет Мид, а позднее Кесслера и Маккенны показали, что существуют общества, где сознательно, при необходимости, ребенку внушается иная, чем биологическая, половая идентификация. Так, примитивные общества в районах южных морей Индийского океана сами решают, какой пол будет у ребенка в зависимости от того, достаточно ли в семье охотников. Если в семье не появляется ребенок мужского пола, то девочку начинают воспитывать по мужскому типу, и у нее в последующем формируется тип поведения, соответствующий мужскому² эти исследования еще раз говорят в пользу социальной детерминированности пола. Но вопрос «Природа или культура»: что является исходной причиной существования на протяжении многих веков такой модели социальных отношений между мужчинами и женщинами, в рамках которой один пол присваивал себе право говорить и действовать (и тем самым репрезентировать его интересы) от имени «второго» пола? Можно ли объяснить универсальностью биологического различия универсальную практику субординации женщин в патриархальной культуре, имеет ли здесь место причинно-следственная детерминация? Почему женское, как правило, отождествляется с природным началом, с тем, что подлжит контролю и управлению, в то время как мужское воспринимается как инстанция культуры и социального порядка, как самостоятельное и автономное начало? Существует ли «неизменная сущность» женщины (определяемая все той же биологической трагедией «слабого» пола)? Эти вопросы по-прежнему задают себе большинство теоретиков, занимающихся гендерными исследованиями сегодня, хотя на первый взгляд, они кажутся, по меньшей мере, архаическими³.

Придание социально-половой идентификации индивиду есть сложный процесс, включающий воспитание, освоение ролей, исполнение социальных ожиданий, профессиональную подготовку и многое другое. Получается, половая дифференциация является универсальной характеристикой. Может ли человеческий индивид сам избирать эту универсальную принадлежность? Бесспорно, первичную половую принадлежность индивид не выбирает, но что означает быть мужчиной или женщиной в том или ином обществе? На этот вопрос пытается дать ответ современная микротеория. Для этих целей разработаны

¹ Ерохина Л.Д. Миф о женской покорности или этика ненасилия. // Философские науки. – 2003. – № 6. – С.126.

² М. Киммен. Гендерное общество. М., 1999. – С.111.

³ Усманова А. Гендер и культура в парадигме гендерных исследований. : Введение в гендерные исследования. Часть 1: Учебное пособие. (ХЦГИ, Санкт-Петербург: Алетейя, 2001), – С.433..

соответствующие категории. Так, сексуальная принадлежность означает биологическую принадлежность к полу, а термином «гендер» обозначают социальную характеристику пола. Тем самым пол можно рассматривать как социальную категорию, как результат приписывания обществом индивиду определенных качеств. В различных культурах принадлежность к социальным слоям и группам можно проследить по формам персональной репрезентации. В них включаются формы одежды, уход за телом, движения и мимика, походка, способы выражения эмоций, жесты и скорость речи, и многое другое.

Личность человека формируется в процессе повседневного общения с окружающими. Культура определенного общества принимается человеком не как нечто внешнее, извне навязанное, но как состоящая из моделей соответствующего поведения, которые возникают в коммуникации и постоянно укрепляются постольку, поскольку люди сообща взаимодействуют с условиями жизни.

Практически любая традиция, любой культурный стандарт имеет в своей основе исторически обусловленную необходимость, связь с которой уже потеряна, но тем не менее благодаря которой в качестве стереотипов социальное знание живет и передается от поколения к поколению⁴.

Общественное сознание поставляя информацию в виде цельных, внутренне не дифференцированных стереотипов нормативно ориентированного поведения, осуществляет стабилизирующую функцию социального контроля, функцию преемственности культуры. Надо отметить, трансформация информационного поля общественного сознания на личностный уровень конкретной личности проходит через осмысление им данных установок, норм и правил гендерного поведения зачастую через призму собственного видения. Происходит некая «ревизия» в каждом поколении, заданных культурной символикой, стандартов поведения. Этот процесс протекает интенсивно в условиях трансформации социально-политических структур общества, например, как мы наблюдали вовлечение женщины в преобразование общества в годы строительства социализма и защите Родины в годы Великой Отечественной войны. Смена гендерных ролевых функций – процесс неоднозначный. С одной стороны, культурные стереотипы поведения на уровне индивидуального сознания порождают способность к повторению, воспроизведению и констатации того, что общественное сознание «передает» индивиду как некие нормы, правила, не только не требующие теоретического осмысления, но и исключающие его, а с другой стороны, поведенческие установки культуры не зеркально отражаются и усваиваются. Культура выступает не только средством легитимации социального неравенства – она так же предлагает способы его преодоления: любая «революция» (от социалистической до женского освободительного движения) начинается с борьбы за переоценку культурных ценностей и изменение культурной политики⁵. Культурная политика класса, пола или расы – это борьба за то, чтобы сделать «видимой» историю и культуру данной социальной группы, это борьба за репрезентацию, это борьба с доминирующей идеологией, узурпировавшей право на «именование», на натурализацию так называемого «здорового смысла», на представление «официальных версий» и реконструкцию исторического прошлого. История феминизма является, возможно, наиболее ярким примером такой борьбы – включавшей в себя как критику доминантных (патриархатных) способов репрезентации женщин, так и создание антисексистских позитивных образов и значений феминности. Роль критически настроенных интеллектуалов повышается по мере того, как усложняются механизмы репрессии и доминирования в капиталистическом обществе, поскольку именно они берут на себя функцию разоблачения доминирующей идеологии и формирование стратегии культурного сопротивления власти.

В культуре можно наблюдать два следующих процесса, идущих одновременно: с одной стороны, в общеисторическом масштабе происходит поступательное движение от табу к

⁴ Азарова Е. А. Влияние культуры на формирование и изменение моральных стереотипов. / Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г.А.Тишкин. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С.213.

⁵ Цит. По А.Усманова. Гендер и культура в парадигме культурных исследований: Введение в Гендерные исследования. Часть 1: Учебное пособие. ХЦГИ, Санкт-Петербург; Алетей, 2001. – С.433.

⁵ Jordan G., Weedon Ch. *Cultural Politics. Class, Gender, Race and the Postmodern World* (Blackwell, 1995).

заменяющим их более творческим нормам, с другой — та норма, которая становится общепринятой, постепенно преобразуется в привычный моральный «автоматизм», в этикетный шаблон, в процедуру обычая. Нравственное сознание освобождается от уже бесспорных, не вызывающих разногласия проблем, переводя их на уровень подсознательных и интуитивно-чувственных стереотипов поведения. Оно принимается за решение новых проблем, закреплением новых нормативов. Эти процессы, с одной стороны, способствуют появлению и сохранению социального знания, с другой — позволяют появиться новым представлениям, более адекватным существующей ситуации⁶.

Говоря о конкретных людях «мужественный» или «женственная», мы думаем, что даем им точную характеристику, а еще вернее, точно их идентифицируем. Нам представляется, что они в реальности таковы, какими мы их обнаруживаем. На самом же деле мы отождествляем индивида с идеей, создаваемой в сознании, и мы думаем, что идея половой идентичности такова, какой мы ее себе представляем. Но именно данное обстоятельство рождает сомнения в ее правильности. На самом деле идея половой идентичности может резко измениться в зависимости от ситуации, а это порождает сомнения в возможности определить чью-либо половую идентичность. Можно сказать, что она есть нечто сомнительное, никогда полностью нереализованное, никогда «здесь» в продолжительном времени. Идея половой идентичности для поддержания своего существования в поступках, чувствах и мыслях должна пересматриваться снова и снова, чтобы не оставить места сомнению кто же перед нами реально — мужчина или женщина. Эта точка зрения собственных поправок и определения половой идентичности может показаться странной и даже абсурдной, и даже «вне нас», так как всегда остается возможность найти субъекта отношений, в ком может воплотиться идея половой идентичности. Большинство из нас думает, что половая идентичность «другого» более реальна, чем наша собственная, и почти каждый измеряет себя в соответствии со стандартами «мужественности» и «женственности», которые он находит в реальных мужчинах и женщинах. В то же самое время, почти для каждого индивида его собственная половая идентичность реально ощущается только мимолетно и с большими перерывами.

Социальная жизнь предлагает индивидам множество возможностей для самоидентификации, которые американец Эрвинг Гоффман называет множественностью сцен. Продолжая в том же театро-терминологическом духе, Гоффман предполагает существование социальных сценариев для различных видов личностной репрезентации. Люди хотят, чтобы их увидели окружающие в том или ином свете, но внутри каждого из нас сидят усвоенные формы социального опыта, которые легитимируют формы нашего личного выражения⁷.

Такие рассуждения можно в полной мере отнести и к самоидентификации мужчин и женщин. В обществе вырабатываются институциональные правила для признания поведения мужским или женским. Американский этнометодолог Гарольд Гарфинкель подчеркивает что «нет ни единой социальной ситуации, где бы принадлежность индивида к мужскому или женскому полу была бы безразличной. Многие социальные поступки возможны только потому, что мы твердо уверены, кого мы имеем перед собой — мужчину или женщину. Зачастую признается «неписаное» правило быть или мужчиной или женщиной. Третьей возможности в обществе не предусмотрено»⁸. В данном случае Гарфинкель приводит пример с изменением пола. Он сравнивает транссексуалов с иностранцами, которые в чужой стране вынуждены гораздо больше соответствовать принятым формам общения и поведения, чем сами граждане этой страны. Полное смещение гендерных конструктов в обществе, на биологическом, социальном и психологическом уровне, можно рассматривать как окончательно изменение вечных основ культуры, ее «несущих каркасов».

Таким образом, гендерный анализ не просто добавил новое измерение и позволил преодолеть некоторые ограничения классического социального анализа, но по существу внес неопределимый вклад в то преобразование целостной картины прошлого, которое составляет сегодня сверхзадачу обновленной социокультурной истории.

⁶ Jordan G., Weedon Ch. *Cultural Politics. Class, Gender, Race and the Postmodern World* (Blackwell, 1995). – С.216.

⁷ Практикум по гендерной психологии. Под редакцией Клециной И.С.-СПб..2003. – С.61.

⁸ Там же. – С.72.

Идеология культуры не только предлагает концепцию внешнего мира, но она также формирует самого субъекта, вписывая его в эту картину мира. Идеология – это система репрезентаций, выполняющая не столько теоретическую функцию, сколько практическую – она пропитывает все общество, обеспечивая механизм формирования общественной солидарности. Общество нуждается в заведомо мифическом представлении о мире. Идеология культуры мистифицирует и деформирует внешний по отношению к индивиду мир, в ней реальные отношения с необходимостью трансформируются в отношения символические, воображаемые. Культура – это совокупность идеальных проекций индивидов, и в этом секрет ее эффективности как цемента социальных отношений и институтов. Основной целью любой идеологии всегда было конституирование индивидов в воображаемые «субъекты», чтобы обеспечить их действительное подчинение социальному порядку, отводя им роль либо слепых его сторонников, либо жертв.

Тем самым проблема идентичности субъекта – это проблема конституирования его символического статуса в системе социальных отношений. В культуре (через идеологию) субъект создает собственный нарциссический образ, социализируясь посредством вписывания себя в определенную символическую структуру социума), вместо «истинной», всегда тождественной самой себе, идентичности классического субъекта.

Современные гендерные исследования пронизали собой, хотя и неравномерно, почти все области общественных наук. На сегодняшний день гендерная проблема в ее наиболее широком истолковании представляет собой огромное междисциплинарное поле, охватывающее социально-экономическое, демографическое, социологическое, культурно-антропологическое, психологическое и интеллектуальное измерения.

Например, в большом числе статей и книг исследуются нормативные предписания, гендерная идеология, включающая расхожие представления о женщинах, которые обычно фиксируют сугубо мужской взгляд на этот предмет и, несмотря на наличие некоторых внутренних противоречий, рисуют в целом негативные стереотипы мужского восприятия, а также навязываемые социумом модели женского поведения. Эти идеи мыслителей разных исторических эпох были зафиксированы в религиозной литературе, научных и философских трактатах⁹, поэтических и других произведениях¹⁰, которые сохранялись и читались последующими поколениями. Научная революция, которая перевернула картину мира образованных европейцев, открыв им, новый взгляд на вселенную, мало, что изменила в давно сложившемся представлении о женской неполноценности. Более того, некоторые историки считают, что она его усугубила, отстаивая ассоциируемые с мужчинами – или определяемые как мужские – понятия разума, порядка, контроля, закона и продолжая отождествлять женский характер с иррациональностью, неупорядоченностью и необузданностью. Признание галеновской идеи о комплементарности полов не предполагало их равноправия. К концу XVIII века идея комплементарности привела к распространению представлений о том, что половые различия пронизывают все виды человеческого опыта: даже форма скелета доказывала большинству наблюдателей, что женщине самой природой предназначено сидеть дома и выхаживать детей¹¹. Фактически вплоть до XX века наука давала больше «доказательств» сущностного неравенства полов, чем аргументов в пользу их равноправия.

Вопреки претензии на универсальность господствующая идеология и то мировоззрение, которая она предлагает, с необходимостью являются узкими и избирательными. Поэтому одновременно в обществе существуют практики, которые доминирующая система отрицает или исключает. Наличие таких групп самого происхождения и масштаба позволяет говорить о постоянном присутствии в обществе напряжения и противоречий между основными системами практик, значений и ценностей и множеством маргинальных.

Социальное напряжение часто лежит в плоскости статуса женщин и общественной организации.

В поисках корреляции между статусом женщин и характером общественной организации историки идут вслед за антропологами, которые подчеркивают ее непрямой ха-

⁹ Платон. Соч.: В 3 т. М., 1990. – С. 687.

¹⁰ Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990. – С. 115.

¹¹ Гендерная теория и искусство. Антология. Составила Бредихина, Кети Дипуэл. М., 2004. – С. 112.

рактар и указывают на то, что усложнение общественных структур влекло за собой снижение авторитета женщины в семье, сокращение ее имущественных прав, установление двойного стандарта норм поведения и морали и, вместе с тем, усиление неформального влияния женщин через более широкую сеть социальных связей за пределами семьи и домохозяйства¹².

Вся гендерная идеология строилась на взаимосотнесенных и взаимоопределяющих концепциях, одним своим полюсом обращенных к женщинам, а другим – к мужчинам, но видимая сторона имела «женский образ», поскольку ее творцы предпочитали рассуждать о противоположном поле. В основе всех идей относительно женщин и в законах, вытекающих из них, лежали понятия, в которых мужчины осознавали свои собственные гендерные характеристики.

Вот почему, сохраняя в целом периодизацию, фиксирующую структурные трансформации в обществе, гендерная история делает акцент на различных последствиях этих перемен для мужчин и для женщин, на долю которых достались не дивиденды, а издержки «прогресса».

Оказывается, что в более отдаленное время асимметрия гендерной системы была гораздо слабее, что в эпохи, которые традиционно считаются периодами упадка, статус женщины относительно мужчин, отнюдь не снижался, а в так называемые, эры прогресса плоды последнего распределялись между ними далеко не равномерно. Однако, при такой постановке проблемы, несмотря на несоответствие фаз исторического опыта мужчин и женщин, задача периодизации исторического развития отходит на второй план, речь уже идет главным образом о его оценке и интерпретации.

Процессы демократизации и гуманизации общества детерминируют изменение нормативной социальной системы, что требует изучения процессов производства и воспроизводства легитимных социальных моделей поведения и конструирования современных идентичностей. Социальные изменения определяют модификацию гендерной системы, повседневных практик гендерных отношений. Демократизация общества, происходящая в условиях индивидуализации и плюрализации жизненных стилей, актуализирует изучение современных гендерных норм, выявление изменений в доминирующих социокультурных паттернах, в отношении общества к норме и отклонению от неё. Исследование конструирования гендерных норм позволяет объяснить механизмы и формы контроля повседневных практик гендерного поведения, что даст возможность формирования оптимальных социальных условий для успешной социальной интеграции индивидов и социальных групп и толерантных общественных отношений.

Современное общественное мнение негативно санкционирует преодоление гендерных норм посредством социального принуждения, стигматизации и дискриминации. В свою очередь, стигматизируемые меньшинства выстраивают политики сопротивления доминирующей гендерной системе. Актуальной становится рефлексия социального контекста и опыта социальных групп, вытесняемых на периферию социальных норм, имеющих маргинальную самоидентификацию, в аспекте их нормализации и социального участия. Восприятие проблем маргинальных социальных групп в общественном дискурсе постепенно изменяется от категорического неприятия и непонимания в направлении уважения достоинства и прав человека.

Комплексный подход к истории традиционной культуры призван учитывать, помимо психических и культурных составляющих гендерной идентичности, положение субъекта в социальной иерархии и конфигурацию последней.

Таким образом, необходимость разработки новых концепций и исследовательских моделей, которые позволили бы совместить гендерный и социальный подходы в конкретно-историческом анализе, очевидна. Но нынешнее положение вещей вынуждает констатировать, что решение многих, стоящих перед гендерной историей проблем, еще потребует значительных усилий, направленных на соединение всех методологических ресурсов и реализацию продуктивного сотрудничества социальных историков, философов и культурологов. Исследование проблемы конструирования гендерных норм расширяет и

¹² Социальные проблемы рационального соотношения профессиональных и семейно-бытовых функций женщин. М., 1980. – С.92.

углубляет дискурс половой идентичности, раскрывает новые горизонты для научных исследований, помогает выявлению новых сюжетных линий гендерной проблематики. А это представляется важным как в плане развития обществоведческого знания, так и в аспекте лучшего понимания современных реалий общественного развития.

Список литературы

1. Ерохина Л.Д. Миф о женской покорности или этика ненасилия // Философские науки. – 2003.
2. Мак Киммен Гендерное общество. М., 1999.
3. Усманова А. Гендер и культура в парадигме гендерных исследований. Введение в гендерные исследования. Часть 1: Учебное пособие. (ХЦГИ, Санкт-Петербург: Алетейя, 2001).
4. Усманова А. Гендер и культура в парадигме гендерных исследований: Введение в гендерные исследования. Часть 1: Учебное пособие. (ХЦГИ, Санкт-Петербург: Алетейя, 2001), С.433.
5. Азарова Е. А. Влияние культуры на формирование и изменение моральных стереотипов. / Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.
6. Цит. По А. Усманова Гендер и культура в парадигме культурных исследований: Введение в гендерные исследования. Часть 1: Учебное пособие. (ХЦГИ, Санкт-Петербург; Алетейя, 2001. Jordan G., Weedon Ch. *Cultural Politics. Class, Gender, Race and the Postmodern World* (Blackwell, 1995). Санкт-Петербургское философское общество, 2001.
7. Азарова Е.А. Влияние культуры на формирование и изменение моральных стереотипов. / Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.
8. Практикум по гендерной психологии. Под ред. Клещиной И.С. – СПб. 2003. С.61.
9. Практикум по гендерной психологии. Под ред. Клещиной И.С. – СПб. 2003.
10. Платон. Соч.: В 3 т. М., 1990. С. 687.
11. Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990. С. 115.
12. Гендерная теория и искусство. Антология. Составила Бредихина, Кети Дипуэл. М., 2004. С.112.

CONCERNING THE PROBLEM OF GENDER IDENTITY: SOCIAL AND CULTURAL ASPECT

L.U. KURBANOVA

M.D. Millionschikov
Grozny Oil Institute

e-mail: medna59@mail.ru

This article provides a brief analysis of the problem of gender identity, cultural paradigm, correlation of the specified discourses as basic categories in the historiography both domestic and western researchers. An attempt was made to indicate the basic criteria of gender self-identification of personality and their interpretation in practices of various cultures.

Key words: gender, self-identification, traditional culture, gender practices and stereotypes.

ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ СИНЕРГЕТИКИ В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Н.Н. МАЛЬЦЕВА

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: maltseva@bsu.edu.ru

В статье проводится анализ возможностей применения синергетики в философии истории. Автор показывает что в макросоциальных (детерминистских) методологических подходах, применяемых при изучении истории, привлечение синергетических принципов сводится либо к чисто формальному, либо не приемлемо по существу. При описании частных исторических явлений имеется возможность применять синергетический подход. Предсказательная сила при этом практически отсутствует, поскольку нелинейность ситуации не дает возможности однозначного предсказания. Это является проблемой синергетики вообще и не связано с методологическими проблемами самой исторической науки.

Ключевые слова: философия истории, исторический факт, синергетика, методология.

Изучение прошлых событий в исторической науке имеет свои специфические черты. Важное значение приобретает ценностная оценка исследователем исторических фактов. А.Я. Гуревич, указывая на взаимосвязь объективного и субъективного начал в историческом познании, отмечал что, «попытки познать «объективное», отвлекаясь от «субъективного фактора» в истории, означают не что иное, как беспощадное изуродование живого организма человеческой культуры на прокрустовом ложе естественнонаучного мышления»¹. Отсюда важнейшая проблема для историка – интерпретация изучаемых фактов и документов; при этом существенную роль будут играть изначальные установки учёного.

В.С. Стёпин охарактеризовал данную проблему следующим образом: «Когда исследователь реконструирует те или иные фрагменты духовной истории, то он сталкивается с необходимостью понять соответствующий тип культурной традиции, который может быть радикально иным, чем его собственная культура»². Ф.В. Лазарев отмечает, что человеческое сознание и познание может предопределяться не только историческими особенностями, но и «наличными социальными детерминантами» – формами материальной деятельности людей, экономическими связями и отношениями, их интересами как представителями тех или иных социальных групп, механизмами функционирования властных институтов, способами манипулирования общественным сознанием и т. п.³

На сегодняшний день существует множество различных подходов, пытающихся применять синергетические принципы при описании исторических и обществоведческих процессов. Так, М.В. Сапронов рассматривает вопрос о пересмотре гносеологических оснований общественных наук с целью перехода на новый уровень, связанный с отказом от классических парадигм. По его мнению, это можно осуществить в порядке овладения историками синергетическими концепциями. В синергетике он видит «новый взгляд на окружающий мир, новый идеал научности, новый способ постановки и решения задач, наконец, новый

¹ Гуревич А.Я. Традиционное и новое в историческом знании [Текст] / А.Я. Гуревич // Современные проблемы философии истории: Тезисы докладов межвузовской научной конференции. – Тарту, 1979. – С. 27.

² Стёпин В.С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологические аспекты) [Текст] / В.С. Стёпин // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 41.

³ Лазарев Ф.В. Проблема истины в естествознании и в социально-гуманитарных науках [Текст] / Ф.В. Лазарев // Философия социальных и гуманитарных наук. Учебное пособие для вузов / Под общ. ред. проф. С.А. Лебедева. М.: Академический Проект, 2006. – С. 15.

принцип использования познавательных возможностей человека»⁴. По мнению А.М. Аманжолулы, «ситуация в социосинергетике далеко не однозначна, однако сам этот методологический подход имеет право на существование в гуманитарном знании»⁵. Говоря о возможностях социальной синергетики, О.А. Музыка подчёркивает что «спецификой социально-философского анализа нелинейного процесса развития общества становится сегодня социальная синергетика как развивающееся научное направление, способное выступить методологическим ориентиром современной науки и выйти на новый уровень интерпретации нестабильности как характеристики развития современного социума»⁶.

По мнению А.П. Назаретяна, распространение синергетики обеспечивает стирание границ между естествознанием и обществоведением и дает возможность построить универсальную эволюционную картину мира. С его точки зрения общество в рамках синергетического подхода «может быть представлено неравновесной системой особого типа, устойчивость которой обеспечивается искусственным опосредованием внешних (с природной средой) и внутренних отношений»⁷.

В.Т. Волон и Д.Ф. Китаев указывают на два магистральных направления применения синергетики в истории: «прямое использование математики: моделирование исторических процессов, исследование возможных вариантов эволюции общественных систем с оценкой вероятностей тех или иных сценариев их развития, нахождение точек потери устойчивости» и «переосмысление исторического процесса, роли и значения истории для общества»⁸. Это указание имеет предварительный характер. Первое из отмеченных магистральных направлений пока не может быть реализовано в полном объеме, поскольку еще не разработан математический аппарат самой синергетики. Второе направление только описывает уже произошедшие события другим языком и не несет никакой прогностической функции.

С.А. Гомаюнов подчёркивает, что синергетика, возникнув в области физики, химии, приобретя соответствующее математическое обеспечение, достаточно быстро вышла за рамки этих наук, и вскоре биологи (а за ними социальные исследователи) оказались под ее мощным воздействием. Вместе с тем он же отмечает, что «по мере перехода синергетики в новые области знания все более ощущалась трудность в переносе туда соответствующего математического обеспечения. Это проявилось уже в биологии и стало камнем преткновения в гуманитарных науках»⁹. На наш взгляд, этот «камень преткновения» не может быть преодолён в силу того, что при построении математических моделей конкретных процессов (единой теории самоорганизации, как уже отмечалось, пока не существует) используются конкретные физические величины из области термодинамики. Они могут применяться лишь при исследовании физико-химических процессов и некоторых биологических явлений, в основе которых лежат энергетические процессы. Изучение же явлений общественной жизни на основе синергетического подхода без соответствующего математического аппарата, как отмечает А.И. Оксак, «совершенно бесперспективно. Такого математического аппарата нет. А перенос термодинамических понятий и моделей на явления общественной жизни «не нуждается в критике»¹⁰.

⁴ Сапронов М.В. Концепции самоорганизации в обществознании: мода или необходимость? (Размышления о будущем исторической науки) [Текст] / М.В. Сапронов // Общественные науки и современность. – 2001. – № 1. – С. 155-156.

⁵ Аманжолулы А.М. Методологические проблемы применения естественнонаучных методов в историческом исследовании: история и синергетика [Текст]: Автореф. дисс. ... докт. исторических наук / А.М. Аманжолулы – Караганда, 2007. – С. 6.

⁶ Музыка О.А. Аксиологическая компонента социальной синергетики в системе развития общества [Текст]: Автореф. дисс... докт. филос. наук / О.А. Музыка. – Таганрог, 2007. – С. 11-12.

⁷ Назаретян А.П. Синергетическая модель антропогенных кризисов: к количественной верификации гипотезы техно-гуманитарного баланса [Текст] / А.П. Назаретян // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс – Традиция, 2000. – С. 458.

⁸ Волон В.Т. Синергетика как базовая методология гуманитариев XXI века [Текст] / В.Т. Волон, Д.Ф. Китаев. – Самара, 2005. – С. 244.

⁹ Гомаюнов С.А. От истории синергетики к синергетике истории [Текст] / С.А. Гомаюнов // Общественные науки и современность. – 1994. – № 2. – С. 99-100.

¹⁰ Оксак А.И. О границах применимости синергетического подхода в гуманитарных науках [Текст] / А.И. Оксак // Человек в изменяющейся России: философская и междисциплинарная парадиг-

Примером метафорического ослабления объяснительных возможностей синергетики в исторических и социальных науках может быть следующее. Физическая система определяется тем, что между ее отдельными элементами существуют некие фундаментальные взаимодействия, которые обеспечивают целостность системы. Эти взаимодействия подчиняются определенным природным законам и не могут быть изменены или нарушены. Любое же макросоциальное системное объяснение предметно ориентировано на ментальные отношения внутри социума. Это никак не связано с природными законами и определяется, по словам В.А. Пироженко, символическими границами полномочий должностных лиц. Этим границ в физической реальности нет, они присутствуют лишь в сознании людей. «То, что ученые социогуманитарных областей знания называют системой, не имеет ничего общего с системами в естественно-математических науках. Если строго подходить к определению данных понятий и анализу контекста их употребления, в химии и физике, то мы вынуждены констатировать, что в обществе не существует систем в этом смысле»¹¹.

Неадекватность математических методов синергетики содержанию и предмету исследования связана с тем, что применение в исторических исследованиях синергетических моделей не решает основную проблему общественных наук, которая заключается в точности интерпретации полученных данных – в том насколько математическая модель соответствует объективной исторической реальности. Поскольку ментальное взаимодействие между людьми не может быть точно описано количественно, использование методов математического моделирования в социально-гуманитарных науках не означает каких-либо перспектив для синергетики в этой области знания. Невозможность экспериментальной проверки также связана с ментальностью взаимодействий между людьми, которую практически нельзя воспроизвести и повторить. Синергетика делает ставку на изучение тенденций в развитии системы. А на тенденциях нельзя прогнозировать те или иные события, и они не могут заменить физический закон. О невозможности прогнозирования с использованием синергетики в исторических исследованиях пишет также И.С. Добронравова. «Многие попытки, – отмечает она, – запустить механизм самоорганизации по образу и подобию тех, что успешно работают в одних странах, будут с неизбежностью обречены на провал в других странах просто за неимением пространства, в котором такая самоорганизация могла бы иметь место»¹².

Таким образом, большинство исследователей, трактующих возможности и границы применимости синергетики в макросоциальном знании, как правило, ограничиваются формальными заявлениями, и в них не проводится серьезного методологического анализа данной проблемы. Исследователи, склонные к изысканию эвристических возможностей синергетики в философии истории сосредоточивают особое внимание на переосмыслении макросоциальных подходов. Рассмотрим некоторые из них.

1. Формационный подход был разработан на основе исследований К. Маркса, Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова, В.И. Ленина и др. Исходным здесь является понятие общественно-экономической формации, которая представляет собою сложное исторически-динамичное отношение производственных отношений, производительных сил, иных общественных связей. Составляющими общественно-экономической формации принято считать базис и надстройку. Базис представляет собой совокупность производственных отношений, которым соответствует определённый экономический строй. Надстройка есть совокупность общественных отношений, которые вырабатывают определённые формы общественного сознания. В стабильном состоянии базис и надстройка гармонизируют друг с другом. Производственные отношения на определенном этапе развития производительных сил перестают соответствовать последним, и конфликт разрешается путём перестройки производственных отношений. Такая перестройка происходит либо

мы: материалы Всерос. науч. конф. (г. Белгород, 4-7 окт. 2006 г.) : в 2 ч. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – Ч. 1. – С. 71.

¹¹ Пироженко В.А. Синергетика в обществознании: непреодолимые трудности и сомнительные перспективы [Текст] / В.А. Пироженко // Наукове пізнання. – 2004. – № 1 (13). – С. 71.

¹² Добронравова, И.С. Причинность и целостность в синергетических образах мира [Текст] / И.С. Добронравова // Практична філософія. – 2003. – № 1. – С. 8.

мирным, либо насильственным путём; тем самым изменяется и вся общественно-экономическая формация. Новая формация постепенно «прорастает» в старой, и смена происходит закономерно и заранее предсказуемо: формации меняются в строго определённой последовательности.

Формально можно применить синергетические термины и описать смену общественно-экономических формаций следующим образом. В состоянии гармонии система находится в гомеостазе. В определенный момент времени в системе возникает неустойчивое состояние, что в конечном итоге приводит к качественному изменению системы – меняется общественно-экономическая формация. В случае, если заранее известно, каким будет переход система будет менять свою структуру под специфическим воздействием, что однако, противоречит синергетическому определению самоорганизующейся системы.

2. Цивилизационный подход был предложен Арнольдом Тойнби. Исходным здесь является понятие цивилизации, которая характеризуется двумя наиболее важными признаками. «Вселенская церковь, – пишет он, – является основным признаком, позволяющим предварительно классифицировать общества одного вида. Другим критерием для классификации обществ является степень удаленности от того места, где данное общество возникло. Сочетание этих двух критериев позволяет найти общую меру для размещения обществ на одной шкале, с тем чтобы определить место каждого из них в непрерывном процессе развития». И далее: «Число известных цивилизаций невелико. Нам удалось выделить только 21 цивилизацию, но можно предположить, что более детальный анализ вскроет значительно меньшее число полностью независимых цивилизаций – около десяти»¹³. Движущими силами истории, согласно А.Дж. Тойнби, являются: вызов, брошенный цивилизации извне (невыгодное географическое положение, отставание от других цивилизаций, военная агрессия); ответ цивилизации в целом на вызов; деятельность талантливых, богоизбранных личностей (великих людей). Цивилизации конечны в своем существовании. Подобно людям, они рождаются, растут, живут и умирают. Каждая цивилизация в своей судьбе проходит четыре стадии: зарождение; рост; надлом; дезинтеграция, завершающаяся смертью и полным исчезновением цивилизации.

В рамках неклассической науки цивилизационный подход приобрел несколько иную окраску. Если в классической исторической науке переходные процессы рассматривались как момент выбора системой дальнейшего пути развития, и объективным считался только тот путь, который система выбрала, то «неклассическая наука, – пишет А.И. Ионов, – сосредотачивается на процессах, *предваряющих* точку бифуркации и идущих в ней самой, акцентирует внимание на случайности выбора и большом влиянии внешних культурных воздействий на факт выбора»¹⁴. Несмотря на то, что формально возможны синергетические описания событий истории в цивилизационном ракурсе, весьма затруднительным является синергетически-корректное объяснение предельных причин (общих параметров порядка) этих событий.

3. Культурологический подход О. Шпенглера близок цивилизационно-историческому подходу А.Дж. Тойнби. Цивилизация в рамках культурологического подхода – высший уровень развития культуры, завершающий период развития культуры, предшествующий ее смерти. По словам О. Шпенглера, «жизнь была чисто органической, необходимейшим и осуществленным выражением души: теперь она становится неорганической, бездушной, подчиненной опеке рассудка. Это признавали – и тут лежит наиболее типическая ошибка самочувствования всякой цивилизации – как некоторое завершение. Однако этот дух человечества мировых городов являет собой отнюдь не возвышение душевной стихии, а некоторый остаток, который обнаруживается после того, как вся органическая полнота остального умерла и распалась»¹⁵.

Основная идея культурологического подхода состоит в том, что, несмотря на многообразие различных культур и отдельных специфических феноменов исторического разви-

¹³ Тойнби А.Дж. Постигание истории [Текст] / А. Дж. Тойнби. – сб./пер. с англ. Е.Д. Жаркова. – М., 2006. – С. 82, 86.

¹⁴ Ионов И.Н. Теория цивилизаций и эволюция научного знания [Текст] / И.Н. Ионов // Общественные науки и современность. – 1997. – № 6. – С. 131.

¹⁵ Шпенглер О. «Закат Европы». [Текст] / О. Шпенглер – Т.1. Новосибирск, 1993. – С. 464-465.

тия, существуют некоторые универсальные органические законы исторического процесса. Принцип понимания связан с тем, что мы должны оценить культуры прошлого, находясь в настоящем, в других культурно-исторических условиях. Если же необходимо перевести эти принципы на синергетический язык, то мы должны интерпретировать их как внутренние параметры порядка рассматриваемой культуры независимо от универсальных законов. Это принципиально непосильная задача. Таким образом, нет оснований говорить об эффективности применения синергетики в рамках культурологического подхода.

Наряду с попытками синергетического переосмысления макросоциальных подходов к пониманию истории и исторических процессов ведутся исследования возможностей применения синергетического подхода на уровне конкретных исторических явлений. Наиболее интересным в этом отношении представляется подход К.В. Хвостовой, в котором предпринимается попытка оценить возможности применения синергетического моделирования при описании конкретных исторических процессов. К.В. Хвостова предлагает следующее решение. В глобальных, синергетических моделях с наименьшим числом переменных и эвристически подбираемыми параметрами, эти переменные и параметры как бы поглощают всё разнообразие интересующих историка факторов. Таким образом, сведения исторических источников фактически трактуются как избыточная информация. Подобное моделирование, представляет интерес с точки зрения социальной прогностики, но носит скорее теоретический характер или социологический, но никак не конкретно-исторический. «Оба типа исследований: с одной стороны – глобальный, синергетический, с другой – конкретно-исторический, при котором общие выводы, относящиеся к большим общностям исторического прошлого, являются результатом сопоставления малых совокупностей, могут существовать лишь параллельно и не заменяют друг друга»¹⁶. Мы согласны с мнением К.В. Хвостовой о том, что моделирование глобальных исторических процессов можно рассматривать как дополнение к конкретно-историческим исследованиям. Однако здесь имеется некоторая опасность.

Во-первых, как отмечает сама К.В. Хвостова: «Представления о субъект-объектной корреляции при получении исторических выводов явно или не явно разделяются всеми профессиональными историками и специалистами по методологии истории. Эта корреляция проявляется в эвристическом подходе к исследованию различных сторон действительности, в выборе аспектов изучения и приёмов аргументации, индивидуальном предзнании, отражающем общие исторические представления учёного»¹⁷. Синергетическое моделирование в этом случае будет весьма осложнено и едва ли продуктивно.

Во-вторых, синергетическое моделирование не позволяет описывать процесс перехода из одного стабильного состояния в другое или предсказывать какие-то революционные события, происходящие в неустойчивом состоянии. Ведь именно при таких ситуациях возрастает роль случайных факторов, и незначительное в рамках глобального масштаба конкретно историческое событие в точке бифуркации может оказать важнейшее влияние на систему.

Возникает, таким образом, парадоксальная ситуация: синергетический подход, выявляя параметры порядка исторической системы, тем самым теряет информацию о конкретных событиях и отдельно взятых фактах. В состоянии гомеостаза это не имеет существенного значения, поскольку случайные факторы как бы сглаживают друг друга, и наблюдается линейная тенденция в развитии системы. На нелинейном же участке, что как раз и является прерогативой синергетического подхода, роль случайных факторов резко возрастает, и возникает необходимость строить синергетические модели конкретно-исторических процессов.

К.В. Хвостова отмечает что, нелинейные модели не дедуцируются из теоретических постулатов синергетической теории; их вводят на основе свободного эвристического выбора. Такие модели, используемые в многофакторном гуманитарном знании могут быть заменены другими моделями, что даст другой результат. Поскольку исследование относится к прошлому, то возможности верификации результатов ограничены. Другая сложность состоит в том, что любое историческое событие «многослойное, неоднознач-

¹⁶ Хвостова К.В. Постмодернизм, синергетика и современная историческая наука [Текст] / К.В. Хвостова // Новая и новейшая история – 2006. – № 2. – С.29.

¹⁷ Там же. – С.23.

ное с точки зрения своей исторической перспективы, оно происходит из множества корней в прошлом, и оно обременено множеством следствий, которые не всегда очевидны в данный момент или не до конца проявляются в реальности, а потому не могут быть приняты во внимание историком на том или ином этапе процесса познания прошлого»¹⁸.

Особо отметим исследование ситуаций исторического перехода, когда в рамках синергетики они рассматриваются как бифуркационные состояния. Как подчеркивает Н.А. Хренов, «с точки зрения новых представлений переход означает не только нарушение преемственности, но и возникновение принципиальной непредсказуемости будущего развития, что возвращает к древней категории хаоса»¹⁹. Конечно, заранее предсказать, какое решение примет человек, не представляется возможным. Однако, существует принципиальная разница между природными и общественными явлениями с точки зрения неопределенности. В первом случае неопределенность является принципиальной в силу естественных законов, во втором – она связана с субъективными факторами отдельных людей или их групп. «Историческое движение следует в эти моменты мыслить не как траекторию, – как отмечал еще Ю.М. Лотман, – а в виде континуума, потенциально способного разрешиться рядом вариантов. Все узлы с пониженной предсказуемостью являются моментами революций или резких исторических сдвигов. Выбор того пути, который, действительно реализуется, зависит от комплекса случайных обстоятельств, но в еще большей мере, от самосознания актантов»²⁰. В этом случае систему формально можно считать самоорганизующейся, если сознательный выбор людей рассматривать как внешний фактор.

Однако здесь возникает несколько проблем. Главная из них состоит в том, что система подвергается специфическому сознательному воздействию. Если же актантов рассматривать как элементы системы, то ее непредсказуемость будет определяться не только объективными, но и субъективными факторами, что в большой степени осложняет поиск ее параметров порядка. Таким образом, при рассмотрении исторических переходов при внешней схожести на типичные бифуркационные состояния, которые описываются синергетикой, внутреннее содержание этих переходов в некоторой степени выходит за рамки самоорганизующихся систем, поскольку в них важную роль играют субъективные факторы.

Итак, в макросоциальных (детерминистских) методологических подходах, применяемых при изучении истории, привлечение синергетических принципов сводится либо к чисто формальному, либо не приемлемо по существу. В рамках формационного подхода основной объект изучения (общественно-экономическую формацию) нельзя рассматривать как самоорганизующуюся систему, в рамках цивилизационного и культурологического подходов возникают сложности с выявлением параметров порядка самоорганизующейся системы, что ведет к неэффективности применения синергетики в исследовании исторических процессов. При описании частных исторических явлений имеется возможность применять синергетический подход; предсказательная сила при этом практически отсутствует, поскольку нелинейность ситуации не дает возможности однозначного предсказания, что является проблемой синергетики вообще и не связана специально с методологическими проблемами исторической науки.

Список литературы

1. Гуревич, А.Я. Традиционное и новое в историческом знании [Текст] / А.Я. Гуревич // Современные проблемы философии истории: Тезисы докладов межвузовской научной конференции. – Тарту, 1979.
2. Стёпин, В.С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологические аспекты) [Текст] / В.С. Степин // Вопросы философии. – 2004. – № 3.

¹⁸ Власова В.Б. Исторический факт в потоке парадигмальных сдвигов [Текст] / В.Б. Власова // История методологии социального познания. Конец XIX–XX век. – М., 2001. – С.16.

¹⁹ Хренов Н.А. Переходность как следствие колебательных процессов между культурой чувственного и культурой идеационального типа [Текст] / Н.А. Хренов // Переходные процессы в русской художественной культуре. Новое и новейшее время. – М.: Наука, 2003. – С. 26.

²⁰ Лотман Ю.М. Исторические закономерности и структура текста [Текст] / Ю.М. Лотман // Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. – М.: Языки русской культуры, – 1996. – С. 325.

3. Лазарев, Ф.В. Проблема истины в естествознании и в социально-гуманитарных науках [Текст] / Ф.В. Лазарев // Философия социальных и гуманитарных наук. Учебное пособие для вузов / Под общ. ред. проф. С.А. Лебедева. М.: Академический Проект, 2006.
4. Сапронов, М.В. Концепции самоорганизации в обществознании: мода или необходимость? (Размышления о будущем исторической науки) [Текст] / М.В. Сапронов // Общественные науки и современность. – 2001. – № 1.
5. Аманжолулы, А.М. Методологические проблемы применения естественнонаучных методов в историческом исследовании: история и синергетика [Текст]: Автореф. дисс. ... докт. исторических наук / А.М. Аманжолулы – Караганда, 2007.
6. Музыка, О.А. Аксиологическая компонента социальной синергетики в системе развития общества [Текст]: Автореф. дисс... докт. филос. наук / О.А. Музыка. – Таганрог, 2007.
7. Назаретян, А.П. Синергетическая модель антропогенных кризисов: к количественной верификации гипотезы техно-гуманитарного баланса [Текст] / А.П. Назаретян // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс – Традиция, 2000.
8. Волов, В.Т. Синергетика как базовая методология гуманитариев XXI века [Текст] / В.Т. Волов, Д.Ф. Китаев. – Самара, 2005.
9. Гомаюнов, С.А. От истории синергетики к синергетике истории [Текст] / С.А. Гомаюнов // Общественные науки и современность. – 1994. – № 2.
10. Оксак, А.И. О границах применимости синергетического подхода в гуманитарных науках [Текст] / А.И. Оксак // Человек в изменяющейся России: философская и междисциплинарная парадигмы: материалы Всерос. науч. конф. (г. Белгород, 4-7 окт. 2006 г.): в 2 ч. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – Ч. 1.
11. Пироженко, В.А. Синергетика в обществознании: непреодолимые трудности и сомнительные перспективы [Текст] / В.А. Пироженко // Наукове пізнання. – 2004. – № 1 (13).
12. Добронравова, И.С. Причинность и целостность в синергетических образах мира [Текст] / И.С. Добронравова // Практична філософія. – 2003. – № 1.
13. Тойнби, А.Дж. Постижение истории [Текст] / А. Дж. Тойнби. – сб./пер. с англ. Е.Д. Жаркова. – М., 2006.
14. Ионов, И.Н. Теория цивилизаций и эволюция научного знания [Текст] / И.Н. Ионов // Общественные науки и современность. – 1997. – № 6.
15. Шпенглер, О. “Закат Европы”. [Текст] / О. Шпенглер – Т.1. Новосибирск, 1993.
16. Хвостова, К.В. Постмодернизм, синергетика и современная историческая наука [Текст] / К.В. Хвостова // Новая и новейшая история – 2006. – № 2.
17. Власова, В.Б. Исторический факт в потоке парадигмальных сдвигов [Текст] / В.Б. Власова // История методологии социального познания. Конец XIX-XX век. – М., 2001.
18. Хренов, Н.А. Переходность как следствие колебательных процессов между культурой чувственного и культурой идеационального типа [Текст] / Н.А. Хренов // Переходные процессы в русской художественной культуре. Новое и новейшее время. – М.: Наука, 2003.
19. Лотман, Ю.М. Исторические закономерности и структура текста [Текст] / Ю.М. Лотман // Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. – М.: Языки русской культуры, – 1996.

APPLICATION OF SYNERGETICS IN PHILOSOPHY OF HISTORY: POSSIBILITIES AND RESTRICTIONS

The article provides the analysis of possibilities of synergetic application in philosophy of history. It shows that the synergetic principles either are reduced to formal or are not essentially adequate in macro-social (deterministic) methodological approaches in history sciences. There is an opportunity to use synergetically approach by describing particular historical events. Then, predictive potential is minor since there is no possibility to provide unequivocal prediction. This issue is the general problem of the synergetics and is not linked to methodological problems of the history science itself.

N.N. MALTSEVA

Belgorod State University

e-mail: maltseva@bsu.edu.ru

Key words: philosophy of history, history fact, synergetics, methodology.

УДК 37.013.42

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПОДГОТОВКА В ВУЗЕ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «НАНОБИОТЕХНОЛОГИЯ»*

А.В. МАМАТОВ
М.И. СИТНИКОВА
С.И. ТАРАСОВА
Д.В. КОНОВАЛОВ

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: mamatovav@bsu.edu.ru

e-mail: Sitnikova@bsu.edu.ru

e-mail: Tarasova_S@bsu.edu.ru

e-mail: konovalov@bsu.edu.ru

Статья посвящена возникшей необходимости использования междисциплинарного подхода в образовании в целом, и в особой степени сферы нанотехнологий, для обеспечения подготовки кадров высокой квалификации, соответствующих потребностям современной экономике, и междисциплинарной интеграции, как инструменту, позволяющему решить задачи междисциплинарной подготовки. Авторы пришли к выводу, что интеграция способствует обобщению и уплотнению, унификации и росту информационной емкости знания, а в роли средства для реализации задач интеграции знаний выступают междисциплинарные связи.

Ключевые слова: образование, междисциплинарная подготовка, междисциплинарная интеграция, междисциплинарная связь, нанотехнология.

Актуальность проблемы междисциплинарной подготовки обусловлена тем, что современный вуз призван выполнять роль катализатора развития экономики и социальной сферы России в подготовке культурных, ответственных, созидающих профессиональных кадров.

Промышленные предприятия России и ее регионов, стремясь повысить эффективность своей работы, формируют заказ на подготовку востребованных специалистов высокой квалификации, профессиональные компетенции которых способны удовлетворить нужды высокотехнологичного сектора экономики.

Знаковым событием в этой связи становится появление надотраслевых технологий, включающих информационные и нанотехнологии. Человек, который из атомов конструирует новые материалы, не просто физик или химик, он – естествоиспытатель в широком смысле и должен владеть информацией из разных областей знаний. Для подготовки таких специалистов требуется новая система непрерывного междисциплинарного образования: от средней школы до вузов, аспирантуры, докторантуры и последующей переподготовки¹.

Назревшую необходимость развития междисциплинарной подготовки в науке и образовании на современном этапе социально-экономического развития общества отмечает директор РНЦ «Курчатовский институт» М. Ковальчук, открывая круглый стол «Подготовка кадров для междисциплинарных исследований»². Он констатирует, что узкоспециализированная система образования исчерпала себя. Сегодня актуальными являются работы на стыке наук и технологий, что приводит к необходимости формирования в условиях инновационной экономики нового мировоззрения, новых знаний и навыков. В частности, это в особой степени касается сферы нанотехнологий как новой технологической культуры. Необходимость междисциплинарного подхода в подготовке специалистов для промышленности будущего, наряду с отраслевым принципом в образовании, признал также и замминистра образования и науки А. Хлунов. В российских вузах

* Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. государственный контракт № П2410 от 18 ноября 2009 г.

¹ Тезисы о синтезе. Поиск – газета научного сообщества [эл. ресурс] // режим доступа: <http://www.courier-edu.ru/cour0904/8400.htm>

² Комиссия Общественной палаты РФ (ОПРФ) по образованию и науке провела круглый стол «Подготовка кадров для междисциплинарных исследований». [эл. ресурс] // режим доступа: <http://kiaa.polyn.kiaa.su/new114.html>

реализуются профессиональные образовательные программы двух специальностей для подготовки профессионалов в сфере нанотехнологии по направлению «Нанотехнология», открывшихся в 2003 году: «Нанотехнология в электронике» и «Наноматериалы». В настоящее время в этом направлении осуществляется в экспериментальном порядке с 2004/2005 по 2009/2010 гг. обучение и бакалавров, и магистров с квалификацией соответственно «бакалавр техники и технологий» и «магистр техники и технологий».

Одним из важнейших ресурсов повышения качества образования в рамках междисциплинарной подготовки является *междисциплинарная интеграция*, к определению значения понятия которой в педагогической науке сложились разные подходы.

Д.М. Семенов междисциплинарную интеграцию считает основой качества, в частности, медицинского образования³, так как изменения, наблюдаемые в профессиональной деятельности современного специалиста, неизбежно влекут за собой необходимость формирования взаимосвязанных систем междисциплинарных медицинских знаний, создание условий для развития и актуализации познавательной творческой активности. Исходя из этого, задачей вузовских преподавателей является разработка междисциплинарного подхода к обучению, направленного на преодоление фрагментарности знаний и недостаточной взаимосвязи учебных дисциплин в ходе профессиональной подготовки в вузе.

Междисциплинарную интеграцию относят к педагогическому условию, которое, во-первых, изменяет содержание образования, делает его более насыщенным и целостным, во-вторых, предполагает внедрение в учебный процесс современных информационных технологий, в-третьих, активизирует познавательную деятельность обучаемых, формирует интегрированное профессиональное мышление (Н.А. Бреднева).

Закономерности объединения предметов или явлений, имеющего определенную степень плотности (части образуют целое) трансформируются в сложное понятие «интеграция».

Идеи интеграции образования нашли свое воплощение в работах отечественных ученых В.С. Безруковой, А.П. Беляевой, М.Н. Берулавы, И.В. Блауберга, В.Н. Воронина, С. Готта, А.А. Данилюка, В.И. Загвязинского, Г.А. Монаховой, С.А. Печерской, Ю.Н. Семина, Г.Н. Серикова, Ю.С. Тюнникова, А.Д. Урсула, Г.Ф. Федорца, Н.К. Чапаева, Э.Г. Юдина и др., а также зарубежных исследователей А. Вигфилда, С. Секкера и др.

Интеграция научного познания представляет собой процесс движения взаимного обмена научными данными и взаимосвязанного развития тех или иных научных дисциплин. Другими словами, это процесс становления целостности, связанной с обменом идеями, понятиями, методами, взаимопроникновением структурных элементов различных областей знаний, ведущий к уплотнению и концентрации знаний, расширению эвристических и познавательных способностей обучающихся. Интеграция способствует обобщению и уплотнению, унификации и росту информационной емкости знания.

Острая необходимость интеграции научного познания подтверждается предсказанием В.И. Вернадского: «Дело в том, что рост научного знания в XX в. быстро стирает грани между отдельными науками. Мы все больше специализируемся не по наукам, а по проблемам. Это позволяет, с одной стороны, чрезвычайно углубляться в изучаемое явление, а с другой – расширить его охват со всех точек зрения»⁴.

Правомерным оказалось утверждение, что комплексное междисциплинарное знание богаче по содержанию и шире по объему, чем знания каждой отдельной отрасли науки, участвующей в его получении, оно отражает исследуемый объект в иных параметрах и характеристиках; каждая из специальных научных дисциплин исследует только какую-либо одну часть изучаемого явления или системы явлений.

Интеграция, как утверждает К.Г. Кречетников⁵, – это не только усиление связей, это – изменение исходных элементов. Если такого изменения нет, то нет и усиления свя-

³ Семенов Д.М. Междисциплинарная интеграция как основа качества медицинского образования [эл. ресурс] // режим доступа: <http://www.vgmu.vitebsk.by/science/intconf/1-semenov.html>

⁴ Вершинин, В.И. Специфика межпредметных связей в высшей школе / В.И. Вершинин, Ю.П. Дубенский, Н.А. Ждан [текст] // Наука и школа. – 2000. – №4. – С.10.

⁵ К.Г. Кречетников Интеграция дисциплин в учебном процессе // [эл. текст] // режим доступа: <http://aeli.altai.ru/nauka/sbornik/2001/krehetnikov.html>

зей, оно подменяется механическим объединением. Интеграционный процесс означает новообразование целостности, которое обладает системными качествами общенаучного, межнаучного или внутринаучного взаимодействия, соответствующими механизмами взаимосвязи, а также изменениями в элементах, функциях объекта изучения, обусловленных обратной связью вновь образуемых системных средств и качеств. Переход от изучения совокупности частных явлений к рассмотрению обобщающих научное знание инвариантных концепций и принципов, по мнению Н.И. Резника, должен сопровождаться усилением внутри- и междисциплинарных связей.

Сущность интеграции как явления определяется единством объективного мира, взаимной связью явлений природы, общества, а также необходимостью их системного, целостного познания. Структура интеграции представляет собой сложнейшую иерархию взаимопроникновения различных элементов и уровней, видов и типов, направлений и общих закономерностей.

Ценное наследие по теории и практике взаимосвязи учебных дисциплин накопилось в истории педагогики. Его составляющими являются: обоснование объективной необходимости отражать реальные взаимосвязи реального мира в учебном процессе; акцентирование внимания на мировоззренческой функции межпредметных связей, их роли в общем умственном развитии студентов; выявление положительного влияния межпредметных связей на формирование системы знаний; разработка методики скоординированного преподавания различных учебных предметов и др.

В основу подхода Г. Бергера к междисциплинарной интеграции положено понятие междисциплинарности, под которой понимается взаимодействие между двумя или несколькими различными предметами, которое может варьировать от простого обмена идеями до взаимной интеграции целых концепций, методологий процедур, эпистемологии, терминологии, данных исследовательской и образовательной деятельности в весьма широкой области. В данном подходе междисциплинарная интеграция рассматривается как процесс согласования содержания учебных дисциплин с точки зрения отражения ими единых, непрерывных и целостных явлений профессиональной деятельности, возможность использования обучаемым всего комплекса достижений соответствующей дисциплины в диалектическом единстве с другими предметами и учебными курсами, согласование в едином образовательном процессе целей и задач отдельных теоретических и практических дисциплин, специальностей и вуза в целом. Междисциплинарная интеграция выступает средством, которое позволяет обучающим и обучаемым использовать содержание каждой дисциплины для построения соответствующего предметного образа рассматриваемого явления или процесса и объединение этих образов в целостную картину профессиональной деятельности.

Основу междисциплинарной интеграции учебных дисциплин составляет содержание образования. Содержание образования – наиболее важный компонент процесса подготовки специалиста; категория, заданная, обусловленная целями и потребностями общества, выражающаяся в требованиях к системе знаний, умений и навыков и профессиональных качеств специалиста. Структура содержания образования характеризуется набором учебных дисциплин, их взаимоположением и взаимосвязями. Поэтому наряду с анализом набора структурных элементов представляется целесообразным и выявление основных линий взаимосвязи и интеграции учебных дисциплин, а также соответствующую этим линиям группу дисциплин по их циклам и между циклами. Усложнение структуры содержания образования, обусловленное потребностями современного производства, способствует развитию большей многосторонности специалиста и создает предпосылки для подготовки обучающихся к новым, более сложным условиям общественного производства.

Современные государственные образовательные стандарты направлены на создание целостной системы непрерывного образования, ориентированы на формирование научного стиля мышления студентов на основе методологически важных знаний, составляющих ядро современной картины мира, и вооружение будущих специалистов мобильным информационным багажом, позволяющим адаптироваться им в быстро изменяющихся условиях.

Реализация идеи междисциплинарной интеграции в системе образования осуществляется на разных уровнях: внутрипредметных связей; межпредметных связей; меж-

предметного синтеза. Уровень внутрипредметных связей представляет собой уровень реализации ведущих идей в рамках одного предмета. На уровне междисциплинарных связей ведущими идеями являются: идея единства мира; идея познаваемости мира; идея изменения и развития. Уровень межпредметного синтеза характеризуется установлением междисциплинарных связей между гуманитарными предметами и предметами естественнонаучного цикла на основе реализации идеи самоорганизации сложных систем (М.Н. Берулава).

В рамках нашего исследования особый интерес представляют *междисциплинарные связи*. Они выступают в роли средства для реализации задач интеграции знаний, ее основным инструментом. Наиболее полное обоснование дидактической значимости междисциплинарных связей в классической педагогике дал К.Д. Ушинский. Особенно ценны суждения русского педагога о мировоззренческой роли межпредметных связей, которые создают ясные, полные и взаимосвязанные представления о предметах реального мира. К.Д. Ушинский считал, что «знания и идеи, сообщаемые какими бы то ни было науками, должны органически строиться в светлый и, по возможности, обширный взгляд на мир и его жизнь».

Проблемы междисциплинарных связей отражены в работах ученых – педагогов, психологов, физиологов, методистов: Б.Г. Ананьева, Н.С. Антонова, С.Я. Батышева, Г.И. Батуриной, А.П. Беляевой, М.Н. Берулавы, И.Д. Зверева, И.М. Низамова, В.Н. Максимовой, М.И. Махмутова, М.Н. Скаткина, А.В. Усовой и др. В их исследованиях отмечается, что только междисциплинарные связи позволяют вычленивать составные компоненты содержания образования, предусмотреть соотношение и последовательность развития системообразующих идей, законов, понятий, общенаучных методов, которые используются в различных учебных дисциплинах.

Междисциплинарная связь – это такая конструкция содержания учебного материала дисциплин, характеризующаяся: составом связи – эвристическими построениями, организующими существующий объем литературы, стимулирующими дальнейшие исследования, координирующими исследовательские усилия и облегчающими коммуникацию между предметами способом связи – методическими приемами обучения (а также формами учебного процесса) адекватными дисциплинам, между которыми устанавливается связь; направленностью связи, обеспечивающей управляемость формирования умений и навыков комплексного использования знаний при решении задач учебно-воспитательного характера. Междисциплинарная связь является одним из основных этапов междисциплинарной интеграции в образовании.

Таким образом, междисциплинарная связь – конструкция содержания учебного материала дисциплин, характеризующаяся: составом связи между содержательными компонентами учебных дисциплин, методическими приемами обучения и формами учебного процесса, адекватными дисциплинам, между которыми устанавливается связь.

Особый интерес для установления логических связей учебного материала как внутри дисциплины, так и между дисциплинами, на наш взгляд, представляют работы И.Н. Антипова, А.М. Сохора, в которых рассматриваются методы анализа внутренних связей учебного материала и установления межпредметных связей. Однако эти методы недостаточно конкретно отвечают требованиям, предъявляемым к процессу междисциплинарной интеграции в высшей школе.

Традиционные междисциплинарные связи устанавливаются между отдельными элементами учебных дисциплин в целях координации их содержания и сроков изучения. Направления же интеграции образования отражают комплексные междисциплинарные связи. Таким образом, для современного назначения знания и обучения характерны две взаимосвязанные тенденции междисциплинарности: координация и интеграция.

Другими словами, междисциплинарные связи представляют собой своего рода координацию, то есть тщательно разработанную взаимосвязь учебных дисциплин. Координация – согласование учебных программ родственных дисциплин в трактовке общих понятий, во времени их изучения (В.Н. Максимова). Объединение же нескольких учебных предметов в один, в котором научные понятия связаны общим смыслом и методами преподавания, в свою очередь, представляет собой интеграцию. Таким образом, интеграция и координация – это взаимосвязанные между собой тенденции в развитии идеи

взаимосвязи дисциплин, то есть координация способствует интеграции. Педагогическая интеграция в высшей школе представляет собой процесс объединения дисциплин с целью вооружения студентов целостным универсальным знанием, формирования у них профессионально важных качеств, повышения уровня конкурентоспособности будущих специалистов.

Междисциплинарная интеграция, основанная, в первую очередь, на междисциплинарных связях, представляет собой высшую форму единства целей, принципов, содержания образования и создание укрупненных дидактических единиц на основе взаимосвязи учебных дисциплин. Междисциплинарная интеграция находит свое отражение в междисциплинарной подготовке, что структурно включает не только анализ содержания образовательных областей с целью выделения общих знаний и умений, но и интегративный характер преподавания различных дисциплин, с учетом их предметной, информационной и структурной взаимосвязи. При междисциплинарной подготовке учебные дисциплины и даже отдельные разделы и темы в них рассматриваются как части определенных ступеней иерархии профессиональной подготовки. Междисциплинарная подготовка в вузе есть дидактически целесообразное сочетание обучения общеобразовательным и профилирующим дисциплинам с применением компьютерных и коммуникационных технологий, которые выступают как мощное средство в решении задач познавательной и профессиональной деятельности (О.П. Панкратова).

Нам известен целый ряд междисциплинарных дисциплин: математическая лингвистика как производная от связи лингвистики с математикой; логическая семантика, включающая в себя семиотику с логикой; культурология, отражающая различные аспекты истории и теории культуры; философия, в состав которой вошли структурная лингвистика, семиотика, политэкономия, психоанализ и др. Важную роль на современном этапе российского профессионального образования играет междисциплинарная магистерская подготовка, включающая в себя в рамках профессиональных программ дисциплины специализации, направленные на овладение методами смежных наук. По мнению ректора МИФИ М. Стриханова, междисциплинарные магистратуры нужно делать элитными, «с жестким набором наиболее способных людей, которые восприимчивы к различным наукам и дисциплинам»⁶. Это позволит студентам-магистрантам одновременно углубить специальные знания и освоить концепции и способы понимания действительности, созданные в разных научных областях.

Важнейшее значение междисциплинарная подготовка имеет в формировании региональной нанотехнологической сети, создании системной nanoиндустрии в регионе. Междисциплинарная подготовка в данной области может успешно осуществляться на базе таких специальностей и направлений подготовки, как «Медицинская физика», «Нанотехнология», «Наноматериалы», «Биохимия», «Стоматология», «Медицинская физика», «Физика»; «Химия», «Биология»). Примерами междисциплинарной подготовки являются сложившийся в БелГУ опыт включения в образовательные программы различных специальностей и направлений подготовки дисциплин: «Материалы и методы нанотехнологии в физике», «Биологическая активность наноструктурных материалов и покрытий», «Нанотехнологии в биологии», «Теоретические основы супрамолекулярной химии и нанохимии», «Свойства нанодисперсных систем» и др. и опыт реализации междисциплинарных специализированных магистерских программ: «Биосовместимые наноимплантаты» и «Моделирование физико-химических процессов получения наноразмерных объектов». Такой подход способствует междисциплинарной подготовке обучающихся в области нанотехнологий и наноматериалов и формирует их готовность к сотрудничеству в командах региональных структур.

Список литературы

1. Тезисы о синтезе. Поиск – газета научного сообщества [эл. ресурс] // режим доступа: <http://www.courier-edu.ru/cour0904/8400.htm>

⁶ Тезисы о синтезе. Поиск – газета научного сообщества [эл. ресурс] // режим доступа: <http://www.courier-edu.ru/cour0904/8400.htm>

2. Комиссия Общественной палаты РФ (ОПРФ) по образованию и науке провела круглый стол «Подготовка кадров для междисциплинарных исследований». [эл. ресурс] // режим доступа: <http://kiaa.polyn.kiae.su/new114.html>

3. Семенов Д.М. Междисциплинарная интеграция как основа качества медицинского образования [эл. ресурс] // режим доступа: <http://www.vgmu.vitebsk.by/science/intconf/1-semenov.html>

4. Вершинин, В.И. Специфика межпредметных связей в высшей школе / В.И. Вершинин, Ю.П. Дубенский, Н.А. Ждан [текст] // Наука и школа. – 2000. – №4. – С.9-11.

5. К.Г. Кречетников Интеграция дисциплин в учебном процессе // [эл. текст] // режим доступа: <http://aeli.altai.ru/nauka/sbornik/2001/krehetnikov.html>

6. Ушинский К.Д. Собрание сочинений [текст] // Ушинский К.Д. Т.3. – М. – Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1950. – 429 с.

INTERDISCIPLINARY UNIVERSITY EDUCATION IN THE SPECIALTY OF «NANOBIOTECHNOLOGY»

A.V. MAMATOV
M.I. SITNIKOVA
S.I. TARASOVA
D.V. KONOVALOV

Belgorod State University

**e-mail: mamato-
vav@bsu.edu.ru**

e-mail: Sitnikova@bsu.edu.ru

**e-mail:
Tarasova_S@bsu.edu.ru**

e-mail: konovalov@bsu.edu.ru

The article deals with the originated necessity usage of interdisciplinary approach in education as a whole and especially in the nanotechnological field. It is necessary for training high qualification specialists correspond to present-day economic requirements and interdisciplinary integration as a tool permitting to solve the problems of interdisciplinary training. The authors came to the conclusion that integration promotes summarizing, concentration, unification and increasing of informational knowledge capacity. Interdisciplinary ties play a part of implementer of attainments integration problems.

Key words: Education, interdisciplinary education, interdisciplinary integration, interdisciplinary relation, nanotechnology.

УДК 174 (075.8)

НЕОРТОДОКСАЛЬНОЕ ПРОЧТЕНИЕ ПРОЛОГА ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА

А.А. ПЕЧЕНКИН*Тулский государственный
педагогический университет
им. Л.Н. Толстого***e-mail: phileo@tspu.tula.ru**

Статья посвящена проблеме экзегетики Священного Писания в рамках неортодоксальных традиций. В статье рассматривается альтернативная трактовка пролога Евангелия от Иоанна неортодоксального учения катаров, а также связь этой трактовки с ранней христианской традицией. Большое внимание уделяется лингвистическому анализу дошедших до нас текстов. В статье анализируется проблема допустимости дуализма в христианстве в рамках альтернативной трактовки пролога Евангелия от Иоанна.

Ключевые слова: теология, катары, гностицизм, Евангелие, дуализм, христианство, космогенез.

Среди разнообразных форм христианства особое место всегда занимал катаризм. Хотя его дуализм казался многим, как теологам, так и историкам, возрождением манихейства, сами катары все же претендовали на то, что они проповедают аутентичное учение Христа.

Катарами называют последователей средневековой христианской ереси, появившейся в Европе в середине X столетия и исчезнувшей приблизительно через четыреста лет. Священной Книгой катаров являлся Новый Завет и лишь некоторые книги Ветхого Завета. Посланцем Бога и носителем Откровения для катаров был Христос. Спасение достигалось через крещение, покаяние и исполнение заповедей и обетов. Однако, интерпретация катарами Святого Писания была абсолютно неортодоксальной. Катарская церковь, угрожавшая официальной Церкви, фактически была уничтожена.¹

Прежде всего, катары не признавали того, что Бог сотворил мир, отягощенный Злом. Во многом подобная традиция понимания космогенеза была характерна и гностическим общинам. Гностицизм – это особые религиозные учения в Римской Империи I-IV веков н.э., построенные на принципах синкретизма и вобравшие в себя теологию христианства, иудаизма и восточных культов. Во многом следует определять гностицизм не как ересь, а как ответвления христианства, по различным причинам не сумевшие стать ортодоксальным направлением. К примеру, церковь «еретика» Маркиона просуществовала 200 лет и составляла реальную конкуренцию будущей ортодоксальной церкви. Спецификой гностического мировоззрения, среди прочего, следует назвать негативное отношение к творению, которое не имеет ничего общего с Богом и, соответственно, непричастность всеблагого Бога ко Злу в мире.²

Итак, отрицание творения мира Богом привело катар к признанию двух различных и противоположных начал творения – мира и Бога.

В качестве аргументов они часто приводили принципы формальной логики, взятые из Аристотеля: «Противоположные начала противостоят друг другу. Добро и Зло – это противоположные принципы. Следовательно, они содержат и противоположные начала». В этом же ключе они цитировали Евангелие от Святого Матфея: «Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые; не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые».

¹О феномене катаризма и истории репрессий против него существует многочисленная литература, в частности можно порекомендовать два тома Жана Дювернуа: Duvernoy Jean, *La religion des cathares* и *L'Histoire des cathares*, Toulouse, Privat (1977, 1978) а также Anne Brenon *Les Archipels cathares*, L'Hydre, 2002 и *Le Choix herétique*, La Louve, 2006. О крестовом походе против альбигойцев см. Michel Roquebert, *L'Épopée cathare*, reed. 2 vol. Perrin, Tempus, 2006.

²Поснов М.Э. Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним», гл. До-христианский и вне-христианский гнозис.- Киев, «Жизнь с Богом», 1917.

Однако в данном случае нас больше всего интересуют именно аргументы из Священного Писания. Основополагающим текстом теологии для катаров было Евангелие от Иоанна. Это Евангелие само по себе несет явственный латентный дуализм. Этот дуализм Евангелия от Иоанна исследователи считают одним из главных факторов появления и развития дуалистических концепций катаризма. Катары не просто обосновывали им собственные теории, но использовали некоторые его тексты – особенно Пролог Евангелия от Иоанна во время своих наиболее торжественных церемоний крещения Духом – *consolament*, читая его по-латыни.

Третий стих первой главы Евангелия от Иоанна в латинском переводе, используемом в средневековой западной Европе, звучал следующим образом: «*Per ipsum omnia facta sunt, et sine ipso nihil factum est*»³. Католики переводили это как «Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть». Но катары считали этот перевод неверным из-за многозначности греческого оригинала и латинского перевода. Они переводили «Без Него Ничто стало быть». То есть они придавали латинскому слову «*nihil*» в данном контексте грамматическое и лексическое значение существительного, приводя при этом множество цитат из Нового Завета, где слово «ничто» действительно употребляется как существительное. В полемике с католиками им задавали вопрос, как полчается, что если Иоанн говорит, что Бог сотворил Все, то как может существовать созданное без Него иное творение, даже если это Ничто? На это катары отвечали, что слово «Все» не всегда имеет одно и то же значение в Новом Завете: когда Иоанн говорит, что Бог сотворил все, это следует понимать как невидимый универсум, Благое Творение (*omnia bona, invisibilia*): но существует также еще и видимый универсум (*omnia mala, visibilia*), к которому Бог не имеет отношения. В доказательство они приводили то, что в Писании часто говорится «Все – суета». Но тогда мы не можем говорить об одном и том же «все», потому что Бог не может создать суетный универсум. Таким образом, существует Злое Творение, и оно имеет свое собственное начало⁴.

То есть в основе своей разница между «ортодоксальной» и альтернативной, «еретической» интерпретацией заключалась в семантических нюансах, которые позволяли видеть дуалистический смысл в Евангелии.

Еще лучше это видно в окситанском (южнофранцузском) переводе Евангелия, сделанном самими катарами. Вообще, окситанский текст так называемого катарского Нового Завета является абсолютно ортодоксальным за исключением первых строк Пролога Евангелия от святого Иоанна. Катары основывали свои переводы на старолатинской (доиеронимовской) или «старолангедокской» рукописи Нового завета, так называемом Кольбертинском кодексе⁵, от которого сохранилась поздняя копия 12 века. По сравнению с этой рукописью в Вульгате святого Иеронима была перемещена цезура и модифицирован ритм и пунктуация первых стихов. То есть латинский (а даже возможно греческий) текст, с которого переводилась «старолангедокская» версия этого Евангелия, отличается от текста латинской Вульгаты в одном конкретном месте. Вот текст в переводе Вульгаты, являющейся основой современного текста Библии:

[Ио. 1, 3]: «Всё чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть».

[Ио. 1, 4]: «В Нем была жизнь, и жизнь была свет...».

А вот текст в переводе «старолангедокской» версии:

³ Прим.автора – здесь и далее в детальном разборе латинского, а также катарского прочтения пролога Евангелия от Иоанна оказана помощь кандидата исторических наук и известного исследователя катаризма в СНГ Дульневой Н.Н.

⁴ О катарской экзегетике пролога Евангелия от Иоанна см Nelli. Rene, *La Philosophie du catharisme*, reed. Privat, 1986.

⁵ Codex Colbertinus (Кольбертинский кодекс), saec. xi (W), xii (Ay B J M N S T V); xii -xiii (Beu), хранится в Париже, в Национальной библиотеке, Lat. 254 (Colbertinus 4051); содержит Четвероевангелие и Деяния в старолатинской версии и остальную часть Нового Завета по Вульгате. Издания: J. Belsheim, *Codex Colbertinus Parisiensis... 4051* (Christiania, 1888); H. J. Vogels, *Evangelium Colbertinum*, 2 vols. (*Bonner biblische Beiträge*, iv-v; Bonn, 1953); Jülicher. Цит. по Брюс М. Мецгер. *Ранние переводы Нового Завета. Их источники, передача, ограничения*. ISBN 5-89647-024-X

[Ио. 1, 3]: «Всё чрез Него начало быть, а без Него начало быть ничто».

[Ио. 1, 4]: «Что начало быть в Нем, было жизнью, и жизнь была свет...».

«Таким образом, эти строки трактуются катарями как выражение онтологического дуализма: *Totas causas son feitas per Lui e sens Lui es fait nient*. Катары перевели фразу *et sine ipso factum est nihil* как *...e senes lui es fait nient*. Точка. «И без Него ничто стало быть». С того момента, как слово *nihil* не определяется больше предложением («из того, что стало быть»), оно тут же приобретает на латыни не отрицательный, а утвердительный смысл. На окситан же само слово *nient* ясно означает «ничто, небытие, квазиничто, негативное существование»⁶.

Итак, неортодоксальная христианская теология основывалась в Средние века на этом самом альтернативном прочтении. Теологические дискуссии и тогда, и чуть позже, в эпоху схоластики, часто исходили из того, где поставлена запятая или как трактовать то или иное слово, или даже из его написания или пропуска в том или ином месте. Одним словом, текстологические нюансы имели решающее значение для богословия.

Однако можно возразить: нам неизвестно, что именно давало средневековым катарам основания для подобного перевода и подобного прочтения? Попробуем разобраться в самом тексте этого Пролога, ставшего камнем преткновения.

Для этого нам придется рассмотреть не Средневековье, а обратиться к истории заката Римской Империи. Ответ на вопрос о происхождении традиции дуалистического прочтения Евангелия от Иоанна находится во времена становления самого христианства, когда имели место быть различные варианты будущего учения.

Но прежде, чем мы перейдем к непосредственному анализу текста, следует немного остановиться на характеристике христианской культуры и письменности в первые века нашей эры.

На заре своего существования, христианство не было тем монолитным догматически учением, которые знакомо нам. Раннее христианство – это прежде всего процесс, нежели результат. До начала 4 века христианство, в том виде, в котором его проповедовал апостол Павел, нашло множество последователей в пределах Римской Империи. Христианство распространялось не как догматически сформированное учение, а как особенное, не виданное до этих пор в эллинском мире мировоззрение. Именно по этой причине в среде эллинской интеллектуальной элиты начались концептуальные разработки учения, потенциал которого выводился на Вселенский уровень. Сочетая категориальную философскую практику античности и новые положения молодого учения, вырабатывались концепции строения мира, объяснения существования зла, учение о Духе, Материи и т.п. И уже в те далекие времена раннехристианская мысль, в той мере, насколько она больше относилась к Христу, как Спасителю, рождает принципы существования Двух Начал в Бытии.⁷ Естественно, не ограничиваясь данной темой. Раннехристианские гностические «секты» обосновывали существование независимого от Бога зла, но не возводили его, подобно иранским представлением, в ранг равносущного феномена. Популярность в раннехристианской среде подобных теологических концепций, была, по-видимому, обусловлена тем, что такое понимание не замыкало христианство в наследии иудаизма, а открывало его другим, прежде всего исходящим из эллинской мудрости, рефлексиям и анализу Писания. С прошествием времени, когда христианство уже стало делить себя на ортодоксию и гетеродоксию, многие положения ранних интеллектуальных поисков были преданы забвению, но часть из них осталась внутри ортодоксального христианства как традиция мысли. Становление христианского канона Писания вовсе не означало исчезновение прежних подходов к пониманию мира, которые существовали в становящемся христианстве в многообразной форме, начиная с первого века.

Для становящейся ортодоксальной мысли (той, что признавала канон Писания в современном виде) вопрос о трактовании космогенеза не являлся решающим на тот момент. Но сам факт включения в текст Писания Пролога в евангелии от Иоанна говорит о

⁶ Brenon Anne, *Le vrai visage du catharisme*, reed. Loubatieres, 2004, – P.59-60.

⁷ См. Свенцицкая И.С., Трофимова М.К. *Апокрифы древних христиан*. – М.: Мысль, 1989.

том, что вариант сотворения мира в Книге Бытия не являлся для христианства исчерпывающим, ввиду его замкнутости лишь на мировом творении. И потому понимание и интерпретация Пролога Иоанна со временем стало тем краеугольным камнем внутри ортодоксального христианства, на основе которого выводились богословские обоснования как самого творения, так и теодицеи.

Итак, на греческом языке мы имеем стих Ио 1.3 (пока на знаках препинания мы акцент делать не будем):

παντα δι αυτου εγενετο και ξηρω αυτου εγενετο ουδε εν J γεγονεν.

Дословно перевод которого: *все через Него сделалось, и без Него сделалось даже не («ен» здесь несколько вариантов перевода – или переводим как «одно», получая «ни одно», или рассматриваем как «не»), то (которое) стало быть (J γεγονεν) значит «стало», которое произошло до «других становлений».*

В ортодоксальном переводе это предложение дано в «отредактированном» виде: *Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть.*

Но в греческом варианте звучит предложение иначе. Особенно, если учесть, что в ранних текстах имел место быть вариант написания ουδεν, что в переводе означает «ничто». Дело в том, что в поздних редакциях Евангелия было применено или разделение, или смысловая трансформация. Таким образом, этот текст, имевший место быть задолго до Вульгаты, верно читается так:

παντα δι αυτου εγενετο και ξηρω αυτου εγενετο ουδεν J γεγονεν

Все через Него стало и без Него стало Ничто что стало быть

Проще: *Через Него возникло все и Ничто возникло без Него что возникло*

Во многом это похоже на «старолангедокскую» версию :

[Ио. 1, 3]: *«Всё чрез Него начало быть, а без Него начало быть ничто».*

И прежде всего следует отметить, что мы провели анализ текста «ортодоксальной» редакции. Это не гностическое апокрифическое евангелие, а именно варианты написания в ортодоксальной, правда ранней редакции. И данное нами прочтение подтверждается использованием ουδεν в папирусе Бодмера II (P66), одного из старейших отрывков греческого текста Нового Завета, относящегося примерно к 200 г. н.э.

Далее, что касается пунктуации. Критические издания Нового Завета, в частности Нестле-Аланда⁸ дают нам следующие варианты различных традиций пунктуации Ио. 1, 3, из которых наиболее для нас интересны:

Первый (самые ранние тексты, где знаков препинания не было вовсе)

ουδε εν (или ουδεν в папирусе 66) J γεγονεν

Или «ни одно (ничто из) или ничто что стало быть...»

Второй, где после ουδε εν или ουδεν стоит точка

ουδε εν (или ουδεν). J γεγονεν

Или «ни одно (ничто из) или ничто. Что стало быть...»

И, наконец, третий, где точка стоит после «что стало быть»:

ουδε εν J γεγονεν.

То есть, «ничто, что стало быть.»

В издании Нестле-Аланда указывается, что существовало две рукописные традиции подобной пунктуации, происходящие от второго и третьего варианта (у Нестле-Аланда второй вариант даже имеет большую текстологическую древность). При этом второй вариант возобладал у ранних Отцов Церкви александрийского направления (Феофил Антиохийский, св. Иринея Лионский, Ориген, Климент Александрийский, св. Александр Александрийский, Евсевий, св. Афанасий, Маркелл, Мелетий, свв. Кирилл Иерусалимский и Кирилл Александрийский, св. Исихий, бл. Феодорит, св. Григорий Нисский и тд.), у некоторых западных Отцов Церкви (Тертуллиан, св. Киприан, св. Иларий, св. Амвросий и тд.), а также у еретиков – гностиков, ариан... Третий же вариант был принят позднее у авторов преимущественно антиохийской ориентации и вошел в церковную традицию.

⁸ The Greek New Testament. 4th Rev. / Ed. by B. Aland, K. Aland, J. Karavidopoulos, C. M. Martini and B. M. Metzger. Stuttgart, 1994.

И хотелось бы сразу пояснить, что привычное нам разбиение на стихи отсутствовало в древних текстах. Все деление на стихи результат редакторской деятельности более позднего периода. Первоначально текст был «монолитен».

И таким образом, учитывая показанную нами древность использования «ничто», знаков препинания и разбивки на стихи мы имеем Иоанн 1,3-4 (основываясь в вопросе «ο δ'ν» на папирусе Бодмера II (P66)):

3 πντα δι ατο γ'υνετο κα ξερω ατογ'υνετο οδ' ν. γ'υρονεν
4 ν ατ ζεν κα " ζεν τ| φρω τιν νηρπεν

[Ио. 1, 3-4]: Все через Него стало и без Него стало Ничто. Что стало быть в Нем жизнью было и жизнь была свет людей

И вот еще раз текст в переводе «старолангедокской» версии:

[Ио. 1, 3]: «Всё чрез Него начало быть, а без Него начало быть ничто».

[Ио. 1, 4]: «Что начало быть в Нем, было жизнью, и жизнь была свет...».

И в переводе Вульгаты:

[Ио. 1, 3]: «Всё чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть».

[Ио. 1, 4]: «В Нем была жизнь, и жизнь была свет...».

Как мы видим в [Ио. 1, 4] остается поле для интерпретации смысла [Ио. 1, 3].

Конечно, встречаются упоминания о том, что подобное написание (имеется в виду ουδεν) в папирусе (P66) является ошибкой переписчика. Но на то, что подобная орфография была как минимум известна не только в рамках одной какой-либо школы переписчиков, что с определенной долей скептицизма может быть заявлено, указывает ряд сохранившихся до наших дней вариантов прочтения Иоанна 1.3 у ранних христианских теологов, которые перечислены выше.

Но следует отметить, что используя данный вариант прочтения пролога, христианские авторы придерживались ортодоксального толкования всего Творения, не заостряя внимания на концепции Начал, в отличии от гностических течений, где придерживались совершенно иной точки зрения на все мироустройство.

Иоанн Златоуст даже выступал против второго варианта пунктуации Ио 1., 3 (александрийской рукописной традиции, когда после ουδεν стоит точка), утверждая, что это приводит к еретическому прочтению.

Для ортодоксальной церкви 1-3 веков, строившей развитие своей догматики на принципах «всеединства», что выразилось в «эллинизации иудаизма» и «иудаизации эллинизма», то есть в признании Ветхозаветных книг боговдохновенными и принятии части иудейской традиции в формирующуюся христианскую догматику Нового Завета, было вполне закономерным провести параллель между творением первой главы книги Бытия и Евангелием от Иоанна. А для этого следовало избрать «идеологически верный» вариант прочтения Иоанна 1.3. Что в рамках истории, по-видимому, и было совершено, так как после четвертого века никаких сведений о вариантах прочтения Иоанна. 1.3 в ортодоксальной позиции уже нет, за исключением некоторых старолатинских рукописей, в частности Кольбертинской, о которой мы уже упоминали. Более того, замена пунктуации в Ио. 1,3 на исключительно третий вариант, как правило, объясняется его «бесспорными богословскими преимуществами». Скорее всего, подобными соображениями о «преимуществах» руководствовались и при отбрасывании версии с ουδεν.

В первые же века христианство боролось и с эллинизмом, и с иудаизмом, и с внутренними ересями, при чем следует отметить, что гностические течения никогда не были столь опасны для церковной организации, как грядущие в 4 веке ереси Ария и Нестория. А потому полемика по данному вопросу не стояла среди первоочередных задач Церкви.

Вопрос о корректности прочтения Иоанна. 1.3 встает лишь в начале третьего века, когда начинается развиваться катехизаторское направление в рамках формирующейся теологии христианства. И именно в это время особо остро встает проблема канонических книг Нового завета, а так же о вариантах ортодоксальной картины сотворения мира. Это время той стадии организации церкви, когда еще не было понятия «ереси» как таковой, ибо еще шло формирование самой «ортодоксии». И потому именно в эту эпоху можно уследить во второстепенной литературе (по отношению к самим священным текстам) варианты «свободной» ортодоксальной мысли. Яркий пример тому Климент Александрийский, которого смело можно назвать христианским гностиком в рамках ортодоксального богословия. Однако после третьего века даже подобное богословствование будет порицаться. То же самое было и с концепциями Оригена, которого Дидим именовал «Вторым после Павла», ибо столь велик вклад этого человека в развитие всей христианской, обособленной от иудаизма и эллинизма, специфической философской мысли (богословской). Но, сколь бы не велик был вклад Оригена в развитие христианства, на Пятом Вселенском Соборе (533г.) он был осужден.

Что касается самого прочтения, то Ориген пишет:

«Παῦτα δι' αὐτοῦ εὐγενετο (аорист), καὶ χωρὶς αὐτοῦ εὐγενετο (аорист) οὐδεν» . (Origenes. *Commentarii in evangelium Joannis. 13.19.118*)

Также такое же οὐδεν встречается и у Климента :

(Clemens. *Excerpta ex Theodoto. 3.45.3*): «Παῦτα γὰρ δι' αὐτοῦ γεγενεῖν (плюсквам.), καὶ χωρὶς αὐτοῦ γεγενεῖν (плюсквам.) οὐδεν». (Все ибо через него появилось и без него появилось ничто)

И у Епифания в его «Панарионе»:

(Ephraim. *Panarion. XXXIII, 3; 1.451*): «παῦτα δι' αὐτοῦ γεγενεῖναι (Прош.вр.соверш.вида) καὶ χωρὶς αὐτοῦ γεγενεῖναι (Прош.вр.соверш.вида) οὐδεν»

(перевод – «все (наиболее вероятно, что имеется в виду весь Космос, хотя есть варианты толкования, что это или Материя, или Духовная материя) через него стало (и) без него стало ничто»). При этом, заметим, что во всех приведенных нами примерах после οὐδεν стоит точка.

Таким образом, мы видим, что традиция катарского прочтения Пролога Евангелия не является «изобретенной» катарами, а относится к раннехристианской эпохе, а потому уже в этом их заявления о следовании истинно христианскому началу имеют под собой твердую почву, и это не рассматривая аскетической практики катар.

Но сами варианты такого прочтения имеют корни вне ортодоксального христианства, а восходят к теоретическим построениям ряда гностических течений. Следует отметить, что все тексты гностиков⁹ пропитаны темой исхождения зла не от Истинного Бога, причем дуализм в гностицизме понимался не предельно (иначе, проповедовали позже манихеи), а в варианте именно христианском – Истинный Бог всеблагое начало, не имеющее отношения ко Злу. Сами же гностические течения – это скорее альтернативные ветви христианства, чем течения в ортодоксальном христианстве (к которому, в сравнении гностицизмом, следует отнести катарскую церковь). Гностики в большинстве своем претендовали на особое знание. Знание, понимаемое мистически, близкое к Откровению, правда, доступное лишь избранным. Они обладали своими Евангелиями. Катары же – это возвращение к апостольской чистоте, основанное на отрицании многих иудео-христианских ошибок и нестыковок в теологии и прежде всего в вопросе комогенеза. Катары преодолели несуразности теодицеи, основанной в ортодоксии на Новом Завете и перетолкованном Ветхом Завете. Но, в отличие от ранних гностических школ, катары остались в рамках многих ортодоксальных положений. Прежде всего, организационных и т.д. И если гностики исчезли из истории вместе с падением Западной Римской цивилизации (следует отметить, что серьезных гонений на гностические общины не было со стороны доминирующей Церкви, так как это гностическое знание было эзотерическое, а значит не «социальнонаправленное»), то катары создали стройную структуру Церкви,

⁹Прим.автора –гностицизм отличался тем, что не был однороден и состоял из множества школ и направлений со сложными теологическими логико-мифическими системами, на основе примата образа Христа-Спасителя.

которая, не будь крестового похода против них, французского завоевания и Инквизиции, сохранилась бы по сей день.

То есть возводить прямые генетические связи к гностической теологии будет в корне неверно, однако признать влияние концепций гностицизма, через раннеортодоксальное (до эпохи Вселенских Соборов) учение, будет вполне уместно. Ибо именно гностики впервые в молодой тогда христианской культуре поставили множество «теоретических» вопросов, на решении которых выросла ортодоксия.

Однако, еще раз повторимся – существенным было влияние гностической теологии на образ мысли ранних христиан, а отнюдь не на Средневековые ереси, путем «сохранения» своего учения. Те есть возведение средневековых ересей в прямую генетическую связь с гностицизмом некорректно. Однако схожесть поставленных вопросов и примерно одинаковый путь решения ряда теологических задач у гностицизма и катаров сходно, что указывает на присутствие в ортодоксальном христианстве определенных внутренних противоречий. Влияние гностицизма на средневековые ереси, как бы заманчиво не было заявить о генетической связи, следует признать опосредованным.

Таким образом, в первые три века христианства у авторов была возможность приводить варианты некоторых текстов без их «ортодоксальной» цензуры, которая начала формироваться именно в спорах с первыми христианскими ересями, и прежде всего, с гностицизмом, который вызвал раннее христианство на «интеллектуальную дуэль».

И если отбросить различные варианты возвышенных гностических мифологем, то одна основная мысль свойственна всем ранним гностикам – мир материальный не есть творение Благого Бога, зло не от Бога, повелитель этого мира (архонт) – Дух Зла. И потому прочтение Пролога в указанном нами варианте, со временем было изменено, по видимому, из догматических соображений. Но все же традиция эта сохранилась, а альтернативная трактовка Иоанн. 1.3. стала полем интеллектуальной борьбы.

Традиция трактовки Иоанн 1.3. как указание на существование двух онтологических принципов, берет свое начало не от гностиков, а от ортодоксального христианства, но с заметным гностическим влиянием. Традиция подобного понимания сохранилась в христианском мире до 14-15 веков.

Список литературы

1. Болотов В. История древней Церкви. – М., 1994.
2. Brenon Anne, *Le vrai visage du catharisme*, reed. Loubatieres, 2004, p.59-60.
3. Свенцицкая И.С., Трофимова М.К. Апокрифы древних христиан. – М.: Мысль, 1989.
4. *The Greek New Testament. 4th Rev. / Ed. by B. Aland, K. Aland, J. Karavidopoulos, C. M. Martini and V. M. Metzger.* Stuttgart, 1994.
5. Болотов В. История древней Церкви. – М., 1994.
6. Йонас Г. Гностицизм (Гностическая религия). – СПб, «Лань», 1998.
7. Н.Д.Тальберг История Христианской Церкви. Изд. имени святителя Льва, папы Римского, 2008, 960 с.
8. Nelli. Rene, *La Philosophie du catharisme*, reed. Privat, 1986.
9. Anne Brenon *Les Archipels cathares*, L'Hydre, 2002.
10. Michel Roquebert, *L'Epopée cathare*, reed. 2 vol. Perrin, Tempus, 2006.
11. Duvernoy Jean, *La religion des cathares и L'Histoire des cathares*, Toulouse, Privat (1977, 1978).

NON-ORTHODOX INTERPRETATION OF JOHN'S GOSPEL PROLOGUE

А.А. ПЕЧЕНКИН

**Tula State Teachers' Training
University n.n.a. L.N.Tolstoy**

e-mail: phileo@tspu.tula.ru

The article is devoted to the exegesis of the Bible in non-orthodox traditions. The author considers the alternative interpretation of the prologue of John's Gospel by non-orthodox doctrine. The emphasis is made on the language analysis of the texts which have reached our times. The question of dualism in Christianity in terms of alternative interpretation of the prologue of John's Gospel is discussed in the paper.

Key words: theology, Catars, gnosticism, Gospel, dualism, Christianity, cosmogenesis.

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТЕЙ СЕМЕЙНОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЧЕНЦЕВ НА ВОСПИТАНИЕ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

А.Х. САРАКАЕВА

*Чеченский институт
повышения квалификации
работников образования*

В статье рассматривается проблема влияния семейной культуры чеченцев на воспитание возрастающего поколения в рамках этнопедагогической концепции воспитания. Важное место в работе уделяется анализу первичных форм воспитания, как важнейших методов этнопедагогика.

Ключевые слова: семья, традиционная культура, этнопедагогика, воспитание, подрастающее поколение.

В условиях трансформации современного общества актуальными представляются вопросы социокультурного порядка, в частности вопросы, касающиеся воспитания подрастающего поколения и имеющие важность для традиционных культур народов Северного Кавказа, в том числе и традиционной культуры чеченцев.

Диалог представителей различных возрастных групп является предметом исследования социогуманитарных наук, таких как социология, психология, культурология и педагогика.

Исследования в области педагогики и психологии доказывают, что семье принадлежит основная социальная функция – воспитание детей. В семейном воспитании есть свои преимущества и ценные средства – родительский авторитет, возможность индивидуального подхода к детям, положительный пример родителей и взрослых, учет возрастных особенностей детей, духовная связь и преемственность поколений в семье.

Большой научный интерес для исследования проблемы духовно-нравственного воспитания в чеченской семье представляет учение Макаренко А.С. о родительском авторитете. В частности, Макаренко А.С. подчеркивал, что родители являются уполномоченными общества в воспитании будущих граждан, за что они и отвечают перед обществом. Макаренко А.С. отрицательно относился к широко распространенному среди родителей заблуждению, по которому хорошее воспитание обуславливается какими-то педагогическими секретами. «Как вы одеваетесь, как вы разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь или печалитесь, как вы обращаетесь с друзьями и с врагами, как вы смеетесь – все это имеет для ребенка большое значение. Малейшее изменения в тоне ребенок видит или чувствует, все повороты вашей мысли доходит до него невидимыми путями»¹, все это и многое другое, по мнению Макаренко А.С., является составляющими элементами родительского авторитета.

Не случайно семья является объектом исследования специалистов различных наук: философии, этнографии, права, медицины, педагогики, психологии и других. В разносторонних исследованиях проблемы семьи и семейного воспитания рассматривается все то прогрессивное в семейных отношениях и семейном воспитании, которое сохранили нам предки в виде национальных традиций, обычаев, законов общения и воспитания.

В младшем подростковом возрасте закладываются основы мировоззрения, первичные установки картины мира, формируются чувства, побуждающие к нравственным поступкам.

Семья выполняет функцию воспроизводства этноса, народа. Речь идет не только о физическом воспроизводстве, а о воспроизводстве духовном – о сохранении культуры, традиций, фольклора, специфических черт уклада жизни, то есть всего того, что входит в понятие «духовное наследие народа».

Семья в современных условиях становится основным фактором сбережения национальной культуры. От ее благополучия зависит развитие нации, народа.

¹ Макаренко А.С. Избранные произведения: В 3 т. – Киев: Рад. Школа, 1985. Т. 3. – С. 473.

«Среди сил, привязывающих человека к родной земле и родному народу, на первом месте стоит семья, – писал педагог-гуманист Сухомлинский А.В., подчеркивая. – Великое предназначение семьи в жизни человека»².

Социально-педагогическая практика, показывает, что никакие учебно-воспитательные учреждения не могут заменить семью в воспитании детей, формирование личности, ее характера, воли, умственных, физических возможностей, нравственных качеств осуществляется в системе семейного воспитания. Семейное воздействие на детей уникально по содержанию, характеру, способам; оно интенсивно и результативно, что обусловлено интимно-доверительными взаимоотношениями детей и взрослых, чего не бывает в других объединениях людей. Оно также осуществляется непрерывно и охватывает все стороны жизни.

В современных условиях стратегия образовательно-воспитательной политики, обновленная парадигма воспитания рассматривает семью как фундамент формирования личности, а школу и другие институты воспитания в качестве учреждений, способствующих социализации растущих поколений, развитию их личностных, интеллектуальных и нравственно-психологических качеств.

В Чеченской Республике в семейном воспитании особое место занимает использование прогрессивных народных традиций и обычаев. Это обстоятельство определяет стратегическую линию в развитии духовно-нравственного воспитания в семье.

Приоритет в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения должен принадлежать семье как воспитательному институту для реализации развития задатков и способностей личности. Нормальные нравственные отношения, атмосфера понимания в семье определяют гуманистическую направленность воспитания личности.

Отсюда взаимодействие по системе: личность – семья – общество. Первичным является человек, семья; вторичным – общество и любые его институты. Не семья помощник общества, а общество должно всемерно помогать поддерживать семью.

Духовно-нравственное воспитание в современной чеченской семье происходит по принципу максимальной адаптации в реальной жизни. Сущность его состоит в том, что ребенок как член семьи, взаимодействующий с социальной и природной средой, находит с помощью взрослых адекватные пути и способы выживания, принимает посильное участие во всех делах семейного сообщества. В процессе этой деятельности происходит социализация его личности. Для воспитания детей не готовят какие-то специальные «тепличные» условия, все необходимое в жизни они познают и приобретают в деятельности. В процессе повседневного участия в работе, ребенок вырабатывает в себе такие необходимые качества, как самостоятельность, творческий подход к решению возникающих задач.

В современных условиях семейное чеченское воспитание в некоторой степени сохранило черты исторически отдаленного времени, сохранив идущие из глубины веков традиции и ценности.

Специфика семейного воспитания чеченской народной педагогики располагает нормами и нравственными ценностями, составляющим этническую основу жизни людей. Она связана со способностью придерживаться твердых правил поведения и не отступать от них.

Чеченская семья обладает рядом значительных факторов, способствующих формированию у детей прочных нравственных и трудовых качеств, представляющих собой фундамент в формировании духовно-нравственной личности.

Наблюдение за состоянием определенной части в современных чеченских семьях приводит к выводу о том, что многие беды, бездуховность, аморальность в них объясняется потерей национальных семейных традиций, нравственных и трудовых ценностей, ослаблением родственных и просто человеческих связей. Все это говорит о деформации социально-нравственных ориентиров.

Опыт многих поколений доказал, что социально-педагогическая модель настоящего чеченца предполагает всестороннее физическое, трудовое, нравственное, эстетическое воспитание. В центре этого процесса поставлено воспитание семьянина, продолжателя рода, будущего отца, будущей матери.

² Сухомлинский В.А. К вопросу об организации школ-интернатов / Советская педагогика, 1988, № 12. – С. 12.

Спецификой чеченской народной педагогики являлись гуманные методы педагогического воздействия, а именно: способствовать проявлению в ребенке любви и совести добротой и лаской, развитие человечности, добродетели убеждением и личным примером. Система средств и методов воспитания исключала подавление, телесное наказание, унижавшие достоинство личности ребенка. Даже грубый окрик в случае непослушания ребенка осуждался общественным мнением и воспринимался как оскорбление и того, кто кричит, и того, на кого кричали.

Мужчины придавали особый смысл этому обычаю: «Бить меньшего – значить унижать». «Битый и униженный гордым, смелым не вырастет», то есть они знали, какой вред может принести физическое наказание, понимали, что озлобляет детей, развращает родителей. Отмечали, что жестокость и хула не только ожесточают людей, но и губят их.

Народная педагогика ограничивала и женщин в применении физических наказаний, так как это приводит к изменению психологического равновесия ребенка и нарушению таких традиций, как почтение к матери, любовь к близким. Кроме того, у мальчиков неосознанно формируется агрессивная установка вообще к взрослой женщине.

Чеченцы, следуя обычаю «не поднимать руки друг на друга», воспитывали такие ценные качества, как гордость, свободолюбие, гуманность, достоинство, стыдливость, милосердие, почтение к старшим.

Кульг ребенка в чеченской семье и обществе, к сожалению, в настоящее время, несмотря на достижения психолого-педагогической науки, постепенно разрушается, вместе с разрушением традиций и отчасти сохраняется лишь в сельских семьях и обществе, где еще живы фольклорный язык и обычаи.

Опыт многих поколений родителей, народных педагогов показал, что детство – это очень важный период формирования духовно-нравственных качеств личности. И поэтому культ ребенка, который существует у чеченцев, следует рассматривать как морально-педагогический механизм защиты психики ребенка от нежелательного стрессового воздействия в этот важный период развития.

Духовно-нравственный характер семейного воспитания ярко проявляется в такой традиции чеченцев, как гостеприимство – образец уважения к людям. Этому замечательному обычаю «хьошалла» чеченцы следовали всегда. Гость для чеченца священное лицо, защита его жизни, чести, имущества является обязанностью хозяина. В чеченской семье гостеприимство считается неотъемлемой частью человечности, а кто не уважает гостя, тот не пользуется уважением окружающих. Этот неписанный, но строго соблюдаемый закон предписывает быть снисходительным даже к врагу, если он пришел в твой дом, и стал твоим гостем.

Этому священному закону, обязательному для всех людей, чеченцы приучают своих детей с детства. Педагогическая ценность этой традиции, заключается не только в том, что наглядным путем непосредственного наблюдения передаются навыки и умения принимать гостей, но и «в том, что это приучает детей отдавать свои силы творению добра для другого человека»³. Этот обычай служит фактором воспитания культуры межличностного общения, черт альтруизма.

Было выявлено, что соотношение интернационального и национально-специфического в функционировании семейно-бытовых обычаев и традиций варьируется в зависимости от типа семьи. В этом плане мы условно выделим три типа семьи: традиционные, промежуточные и ассимилированные семьи. Следует отметить, что семья у чеченцев – это не только мать, отец, дети. Семья – это еще дедушка, бабушка, тети, дяди, которые жили вместе с ними или же отдельно от них, но очень близко. И не только родственные отношения, но и этические нормы поведения и общения обязательны были для чеченской семьи; она (семья) строилась на принципах уважения и почитания старших. Повторяясь, следует отметить, что основной, существенной чертой бытовавших у чеченцев отношений было уважительное отношение к родителям, и вообще к старшим. У чеченцев не только сын или дочь, но и все другие члены семьи, в том числе и внуки, заботились о стариках. Как мы отмечали, дети называли деда «вокха дада» или «дада», бабушку – «нана» или «йоккха нана», сестер и братьев отца – «деци», «ваша» и т.д.

³ Сухомлинский В.А. Видение гражданина. – М., 1971. – С. 23.

Семья – микросоциум, в которой рождается и живет человек. Она существует как главный и массовый компонент социально – бытовой сферы человечества. Эта сфера представляет собой особую сферу жизнедеятельности человека, в которой он не связан непосредственно с общественным производством. Мир явлений для ребенка в этой сфере начинается возле мамы, папы и других родственников. На разных ступенях жизни человека семья олицетворяет этот мир, а его воспитание выступает главной обязанностью семьи.

Как нам представляется, этнопедагогическое пространство чеченской семьи является тем воспитывающим полем личности, которое основано на традициях и обычаях народа, воплощающее в себе присущий чеченцам испокон веков менталитет. Оно определяет дальнейшую судьбу человека, все его поступки и деяния. Потенциал, заложенный с детства в семье, позволит ребенку, будущему взрослому члену общества, свободно ориентироваться не только в своей этнической среде, но и в любой другой.

Список литературы

1. Макаренко А.С. Избранные произведения: В 3 т. – Киев: Рад. Школа, 1985. Т. 3.
2. Сухомлинский В.А. К вопросу об организации школ-интернатов / Советская педагогика, 1988, № 12.
3. Сухомлинский В.А. Видение гражданина. – М., 1971.

IMPACT OF CHECHEN FAMILY VALUES ON THE EDUCATION OF YOUNG PEOPLE

A.CH. SARAКAEVA

***Chechen Institute
of Further Training
for Education Employees***

The article observes the issue of the impact of Chechen family culture on the education of young people in terms of ethnopedagogical educational conception. The paper emphasizes the primary forms of education as the main means of ethnopedagogics.

Key words: family, traditional culture, ethnopedagogics, education, young people.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ БАРЬЕРЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье анализируется проблема информационных барьеров в процессе функционирования сферы информационного обмена системы государственного управления. Информационные барьеры рассматриваются как латентная дисфункция организационных информационных фильтров, воздействующая на процесс анализа информации субъектами принятия решений, что снижает эффективность и качество управления. К проявлению информационных барьеров приводит недостаточно рациональная организация работы информационных фильтров в деятельности органов государственного управления. Авторы выделяют инфраструктурный, функциональный и субъективный фильтры, которые понимаются как организационные социальные технологии, оптимизирующие движение и функционирование информации в организации. С этими фильтрами попарно соотносятся организационный, статусный, технический, инструментальный, семантический и психологический информационных барьеры. Выдвигается гипотеза о приоритетах информационных барьеров на различных этапах процесса информационно-аналитического обеспечения государственного управления.

Д.П. ХИЖНЯКОВ¹⁾

С.Д. ЛЕБЕДЕВ²⁾

*Белгородский
государственный
университет*

¹⁾ e-mail: xdp@mail.ru

²⁾ e-mail: Lebedev@bsu.edu.ru

Ключевые слова: анализ информации, информационно-аналитическое обеспечение, информационный барьер, информационный фильтр, социальная информация, субъективный фактор, сфера информационного обмена.

На современном этапе мирового социально-экономического развития происходят коренные перемены в технико-технологическом и социально-технологическом укладе общества. Одна из таких перемен усматривается исследователями в изменении характера доминирующей социальной деятельности, которое связано со стремительным развитием ее информационной составляющей. В наше время «преимущественно информационная деятельность становится все более самоценной, чуть ли не «самоцелью» функционирования всей социокультурной системы... Более того, теперь уже информацию, имеющуюся в распоряжении социокультурной системы, можно трактовать как накапливаемый своеобразный «ресурс», поскольку главным образом именно эта информация обеспечивает всю деятельность системы, включая и ее текущее функционирование, и обеспечение ее дальнейшего информационного прогресса»¹.

Понятию «информация» соответствует много определений, применяемых исходя из сферы его использования. Одним из ключевых моментов в нем является отражение, представление иного. Н. Винер предложил следующее «классическое» определение: «информация – это обозначение содержания, черпаемого нами из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приведения в соответствии с ним нашего мышления»². Согласно И. Земану, информацией являются сведения, «полученные в процессе познания, отражающие объективные факты и закономерности мира в системе точных понятий, дающих возможность предвидения и преобразования действительности в интересах общества»³. Е.П. Тавокин определяет информацию как «материализованный (в

¹ Голицын Г.А., Петров В.М. Социальная и культурная динамика: долговременные тенденции (информационный подход). М.: КомКнига, 2005. – С. 31.

² Мазур М. Качественная теория информации. М.: Изд-во «Мир», 1974. – С. 13.

³ Земан И. Познание и информация. Гносеологические проблемы кибернетики. Перевод с чешского Р.Е. Мельцера, спецредакция и предисловие к.ф.н. А.Д.Урсула. М.: Изд-во «ПРОГРЕСС», 1966. – С. 14.

идеале – формализованный) результат сознательного или бессознательного отражения субъектом определенных фрагментов реального или идеального мира, предназначенный для восприятия другим(и) субъектом(ами)»⁴.

Вторым ключевым моментом в смысловом поле понятия «информация» представляется ее генетическая связь с управлением. Информация выступает как мера структурированности отношения: «В общем случае взаимная информация есть некоторая статистическая мера взаимодействия, связи между двумя переменными. Чем теснее и сильнее взаимодействие, – тем больше взаимная информация»⁵. В случае классического (одностороннего) управляющего воздействия, информация характеризует меру и качество обратной связи между субъектом и объектом управления. В данной связи Н.И. Жуков говорит об актуальной информации, представляющей «свойство и связь управляющего объекта с управляемым»⁶.

Применительно к системе социального управления, остановимся на следующем определении: информация – это сведения об объектах управляемой системы, их параметрах, свойствах и состоянии, которые уменьшают степень неопределенности и неполноты знаний. Информация раскрывает свою сущность и ценность в процессе принятия решения, как на индивидуальном, так и сугубо профессиональном уровне управленца, эксперта или консультанта. Благодаря большей информированности управляющего, решения, принимаемые им, несут меньшую долю неопределенности и риска. Качественная, своевременная и достаточная информация позволяет контролировать управленческую ситуацию.

«Информацию в государственном управлении, – согласно определению Е. Калугина, следует рассматривать как совокупность различных сообщений, сведений, данных о соответствующих предметах, явлениях, процессах, отношениях и т.д. Эти сведения, будучи собранными, систематизированными и преобразованными в пригодную для использования форму играют в управлении исключительную роль»⁷.

В государственном управлении используется, прежде всего, социальная информация. Социальная информация, как определяет ее Е.П. Тавокин, «представляет собой актуальные знания, сообщения, сведения о социальном и природном мире, которые необходимы социуму для его полноценного функционирования»⁸. Она осмысливает, прежде всего, все многообразные отношения людей, их потребности, интересы, ценности, умонастроения, взаимодействия. Данный вид информации «необходим в процессе осознания и постановки целей, выбора средств, обеспечения ресурсов, прогнозирования и планирования деятельности субъектов управления»⁹. Л.Я. Аверьянов указывает, что «социальная информация – это те же знания, но переведенные на другой язык, связанный с выбором и принятием разнообразных управленческих решений». В данном случае «знание получает статус информации, когда оно тем или иным способом» отображается в качестве слова или символа и «выступает элементом практической регуляции людьми своей деятельности и своих отношений, средством управления и самоуправления»¹⁰.

Соответственно, далеко не любая информация обеспечивает принятие руководителем корректных и качественных решений. «Истинность знания, его объективность (объективная истина) в терминах информации приобретает значение качества информации, ее надежности, а ложность знания – форму информационных помех управленческого процесса. Качество социальной информации в этом случае определяется ее соответст-

⁴ Тавокин Е.П. Информация как научная категория // Социологические исследования. 2006. №11. – С. 9.

⁵ Голицын Г.А. Ук. соч. – С. 14.

⁶ Жуков Н.И. Информация (философский анализ центрального понятия кибернетики) / Под ред. В.И. Степанова. Мн., «Наука и техника», 1971. – С. 61.

⁷ Калугин Е. Создание электронного государства в России // Проблемы теории и практики управления. 2007. №1. – С. 38.

⁸ Тавокин Е.П. Ук. соч. – С. 9.

⁹ Цариценцева Е.В. Социологическая информация в контексте государственного управления // Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/152/24>. – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

¹⁰ Аверьянов Л.Я. Социология: искусство задавать вопросы. Издание 2-е, переработанное и дополненное. М., 1998. – С. 43.

вием потребностям субъекта (органа) управления, которые, в свою очередь, зависят от параметров объекта управления, от окружающих условий. В своей информационной форме истинность знания наделяется признаками результативности, определяемой эффективностью управленческой деятельности»¹¹. Информация должна соответствовать комплексу установленных критериев: она «должна быть полной, актуальной, достоверной, охватывать весь спектр интересующих проблем, собираться регулярно, с определенной периодичностью и в необходимых объемах»¹².

С возрастанием роли информации и ее характеристик в государственном, равно как в негосударственном, секторе социального управления возрастает значимость специализированной функции анализа информации. В ходе анализа исходные данные об объекте управления и его среде, которые поступают в организацию (первичная информация), принимают структурированный вид и становятся собственно управленческой информацией, пригодной для принятия организационных решений.

Анализ информации – важнейшая функция управления. По своему местоположению в алгоритме разработки и принятия решения она предваряет остальные функции управления. В этой связи анализ информации необходимо рассматривать не только как совокупность методов, технологий, но и как специализированный автономный процесс, организованный особым образом. В итоге аналитической работы первоначально разрозненные сведения приводятся в оптимизированную согласованную систему, позволяющую дать правильную оценку управленческой ситуации. В зависимости от ситуации, отдельные этапы аналитического процесса «в реальном времени» могут быть сведены к минимуму или, наоборот, детализированы.

При исследовании такого объекта, как анализ информации, предметом изучения представляются конкретные определяющие отношения, ракурсы, «проекции» этой информации. Ю. Хабермас отмечает: «Когда говорящий высказывается о чем-либо в рамках повседневного контекста, он вступает в отношение не только к чему-то наличествующему в объективном мире (как совокупности того, что имеет или могло бы иметь место), но еще и к чему-то в социальном мире (как совокупности законодательно урегулированных межличностных отношений) и к чему-то в своем собственном, субъективном мире (как совокупности манифестируемых переживаний, к которым он имеет привилегированный доступ)»¹³. То же справедливо не только в отношении высказывающегося (коммуникатора), но и в отношении реципиента высказанной (транслированной) информации. В данной связи актуально рассмотрение анализа информации в плане ее соотношения с объектом управления, уровнем организации управления и в плане психологического восприятия субъектом управления, принимающим решения.

Процесс анализа информации в государственном управлении необходимо рассматривать на следующих трех уровнях принятия решений:

- стратегический уровень (комплексные программы и планы в различных сферах жизнедеятельности общества; анализ и прогноз долгосрочных тенденций его социально-экономического развития; анализ и прогноз общественно-политических тенденций);
- тактический уровень (мониторинг и анализ текущего состояния элементов социально-экономической и общественно-политической сфер общественной жизни, планы реализации концепций, моделей и сценариев развития общества);
- оперативный уровень (оперативный контроль и корректировка выполнения планов и проектов, непрерывный мониторинг характеристик и показателей социально-политических факторов развития).

Специфика информационно-аналитической деятельности в органах власти и управления при решении задач любого уровня базируется на том, что она является элементом системы и процесса управления. Поэтому данная деятельность имеет преимущественно прикладной, а не теоретический характер, в ней преобладают внутренние огра-

¹¹Ельмеев В.Я., Овсянников В.Г. Прикладная социология: Очерки методологии. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 1999. С. 105.

¹² Калугин Е. Ук. соч. – С. 41.

¹³ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Пер. с нем. под ред. Д.В. Складнева. СПб.: «Наука, 2001. – С. 40.

ничения системы по времени подготовки материалов, их полноте, достоверности, обоснованности, ответственности исполнителей. Соответственно, основное внимание уделяется не столько глубине и оригинальности проработки проблем, сколько их оперативности и эффективности¹⁴.

С обеспечением выполнения данных ограничений, то есть соответствия характеристик информации критериям качества, связана одна из ключевых проблем информационно-аналитической деятельности – проблема организационных барьеров. Данная проблема заключается в противоречии между знанием о существовании специфических организационных барьеров на пути управленческой информации, и недостаточной изученностью их конкретных оснований, соотношений и эффекта воздействия на процесс и результаты организационной деятельности, а, следовательно, и недостаточным учетом и применением соответствующих закономерностей в практике органов государственного управления.

Рассмотрим определения и соотношение основных понятий нашего анализа.

1. Процесс *анализа информации* в организации мы определяем как совокупность операций, осуществляемых в определенной временной последовательности с использованием аналитических средств, методов, технологий, приводящих к достижению практически-познавательных целей и задач. На каждой стадии данного процесса присутствуют источник информации, информационный поток, потребитель информации. Источник информации может быть внешним и внутренним. Потребителем информации выступает лицо, производящее поиск информации, обработку информации и управленческие решения. Информационный поток выступает в качестве связующего звена между источником информации и потребителем. Контентом информационного потока выступает различная по содержанию и по статусу социальная информация, релевантная с точки зрения ситуации, проблемы, цели, задач и методов управления.

Процесс принятия решений в органах государственной власти «складывается и развивается», – как отмечает Г.В. Пушкарева, – «в результате многочисленных коммуникативных актов между его участниками, что ведет к возникновению специфического информационного поля»¹⁵. Данное информационное поле, а также производящие его источники информации, информационные потоки и потребители информации формируют особую среду, так называемую *сферу информационного обмена*, где информация перманентно накапливается, передается, воспринимается, обрабатывается, интерпретируется, предоставляется и визуализируется. Отсюда следует, что указанная информационно-коммуникативная среда формируется в процессе анализа информации. В ней действуют фильтры и барьеры.

2. *Информационный фильтр* – это социальная технология, оптимизирующая движение информации по коммуникационным каналам внутри организации. Социальную технологию, в свою очередь, Л.Я. Дятченко определяет как способ и процедуру оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов¹⁶. Система информационных фильтров защищает лицо, подготавливающее и/или принимающее решения, от ненужной и недостоверной информации, и вместе с тем позволяет ему наиболее оперативно и в полной мере получать необходимую информацию.

Функция процесса постановки фильтра либо его оптимизации сводится к тому, чтобы повысить качество распределения и обработки информации в процессе информационно-аналитического обеспечения деятельности органов государственной власти. Решение о распределении информации внутри организации принимается на основании сопоставления входящих данных с комплексом заранее сформулированных независимых критериев. Оптимально организованная работа информационных фильтров обеспечивает:

¹⁴ Иванов П.Ф. Информационно-аналитическое обеспечение региональных органов власти и управления // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ, 2002. № 2 (157). – С. 30.

¹⁵ Пушкарева Г.В. Информационные технологии в принятии государственных решений: современная тенденция // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. №2. Том 2. – С. 129.

¹⁶ Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. – Белгород, 1993.

– своевременное движение информации по каналам коммуникации органов государственной власти;

– точную адресацию информации в соответствии с организационной функционально-статусной структурой;

– качественную обработку актуальной информации инструментами аналитики.

В случае несовершенства управленческой технологии в системе организационного фильтра происходит сбой, то есть возникают препятствия на пути движения информации в результате коммуникативных действий отдельных звеньев управленческой структуры. Систематические сбои свидетельствуют о наличии организационных информационных барьеров.

3. *Информационный барьер* – это препятствие, мешающее оптимальному протеканию информационных процессов (сбора, обработки, накопления, хранения, поиска, распределения и распространения информации) в организации. Барьеры представляют собой побочные эффекты организационной коммуникации, содержательно соответствующие фильтрам, но функционально противоположные им.

Информационные барьеры возникают на различных отрезках пути движения информации по информационным каналам от источника к реципиенту (адресату) информации. Согласно К. Шеннону, «передача информации, без которой невозможно использование ее, осуществляется по самым различным каналам связи. Общая схема такой передачи предусматривает источник и передатчик информации – с одной стороны, и, соответственно приемник с адресатом – с другой стороны канала связи, а также источник шума, искажающий в какой-то мере передаваемое сообщение»¹⁷. Соответственно, информационные барьеры в качестве «источников шума» и помех оказывают влияние на внутренние и внешние информационные потоки, образующие сферу информационного обмена системы государственного управления. Внешние информационные потоки – это движение информации между субъектом (органом государственной власти) и объектом управления (общественными структурами и процессами) во внешней информационной среде. Внутренние потоки делятся на два типа: информационные потоки, циркулирующие внутри органов государственной власти, и информационные потоки, связывающие органы государственного управления разного уровня.

Наличие фильтров и барьеров, как существенных факторов, влияющих на информационно-коммуникационные процессы в управлении, отмечается в работах ряда отечественных ученых.

Так, А. Малько особо отмечает наличие психологического фильтра: «люди, сталкиваясь с вещами, сугубо для себя нейтральными, осознают их как положительно или отрицательно субъективно значимые. Поэтому сознание играет роль фильтра и «декодирует» правовую информацию на следующие положительно-отрицательные факторы: «полезно-вредно», «выгодно-невыгодно», а отсюда и строит собственную программу поведения»¹⁸.

Тема информационно-коммуникационных барьеров в методологии и социологии управленческих коммуникаций разработана основательнее. Г.В. Пушкарева выделяет два основных фактора, которые не только затрудняют «налаживание эффективной коммуникации между участниками процесса принятия решений, но и способных в ряде случаев сделать эту коммуникацию ложной, вынужденной индуцировать государственные решения, не адекватные реальным запросам граждан и условиям устойчивого развития общества»¹⁹. Данными факторами – в нашем определении, барьерами – являются психологический и инфраструктурный. Психологический фактор (барьер) связан с особенностями восприятия информации лицами, участвующими в процессе выработки государственных решений. Суть инфраструктурного фактора (барьера) заключается в противоречивом функционировании той информационной сети, которая снабжает лиц, принимающих государственные решения, новой информацией о положении дел в обществе.

¹⁷ Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М., 1963. – С. 245.

¹⁸ Малько А. Правовые стимулы и ограничения: двоичность информации как метод анализа // Общественные науки и современность. 1994. №5. – С. 70.

¹⁹ Пушкарева Г.В. Ук. соч. – С. 131.

Тема коммуникативных барьеров в государственном управлении чаще всего рассматривается в контексте дисбаланса государственных интересов и интересов различных социальных групп в процессе реализации государственных решений. В основе такого подхода лежит взаимодействие властных структур и общества. Данной позиции, в частности, придерживается Е.В. Карпенко. Она выделяет пять типов коммуникативных барьеров, действующих на региональном уровне государственного управления, как-то: субъективные, социально-стратификационные, социокультурные, социально-институциональные, инфраструктурно-технологические барьеры²⁰. Коммуникативные барьеры автор определяет «как разрывы, возникающие в процессе взаимодействия власти и общества, препятствующие эффективному осуществлению социального управления, порождающие разную интерпретацию сообщений и ведущие к рассогласованию социальных интересов»²¹.

Т.А. Бочарова в своем исследовании также рассматривает коммуникационные барьеры, затрудняющие взаимодействие между различными контрагентами информационно-аналитической работы. Она дифференцирует следующие группы коммуникационных барьеров: технические, семантические, психологические, инструментальные, организационные, статусные²². Данную типологию мы в дальнейшем примем за основу теоретической интерпретации организационных информационных барьеров.

Как уже отмечалось, посредством организационных фильтров происходит оптимизация информационных потоков, функционирующих в процессе анализа управленческой информации. Информационные барьеры являются побочным эффектом информационно-коммуникационной деятельности. В данной связи воздействие тех и других на сферу информационного обмена организации правомерно, с некоторыми оговорками, соотнести с явной и латентной функциями в теории Р. Мертона. Последний определяет явную функцию как объективные последствия, предполагаемые и признаваемые участниками данной системы, а латентную функцию – как объективные последствия, ими непредполагаемые и непризнаваемые²³. Если действие информационных фильтров в организации осознанно и рационально ориентировано на максимально эффективное производство, хранение, распределение и применение управленческой информации (явная функция), то действие барьеров представляется теневой стороной функционирования тех же самых информационно-коммуникационных механизмов и технологий, связь которой с их очевидным положительным содержанием осознается субъектами коммуникаций далеко не всегда (латентная функция). При этом влияние информационных барьеров носит отрицательный (дисфункциональный) характер. Поэтому, учитывая приведенные выше дефиниции и интерпретации, мы будем исходить из единства организационно-коммуникативных оснований информационных барьеров и фильтров при их функциональной полярности в двух указанных отношениях.

Информационные барьеры в процессе информационно-аналитического обеспечения государственного управления мы типологизируем следующим образом:

- технический барьер – потери и искажения деловой информации по причине сбоев или недостаточного использования необходимой техники;
- инструментальный барьер – потери и искажения деловой информации по причине неиспользования необходимых технологий обработки информации – например, в силу недостаточного профессионализма;
- семантический барьер – потери и искажения деловой информации по причине несоответствия «языков», кодов передачи информации;

²⁰ Карпенко Е.В. Социальные условия преодоления коммуникативных барьеров на региональном уровне государственного управления: автореф. дис. к.с.н.: 22.00.08. Орел, 2009.

²¹ Там же. – С.10.

²² Бочарова Т.А. Информационно-аналитическая работа в органах исполнительной власти региона: дис. к.с.н.: 22.00.08. Белгород, 2009. – С. 133.

²³ См.: Бакли У. Структурально-функциональный анализ в современной социологии // Г. Беккер и А. Босков. Современная социологическая теория: Пер. с англ. – М.: Издательство иностранной литературы, 1961. – С. 288.

– психологический барьер – потери и искажения деловой информации по причине субъективного восприятия, вследствие эмоциональных настроений, стереотипов, установок;

– организационный барьер – потери и искажения деловой информации по причине отсутствия или несовершенства организационных механизмов, обеспечивающих деятельность информационно-аналитической системы;

– статусный барьер – потери и искажения деловой информации по причине, связанной с организационной иерархией, с уровнем властной компетенции.

Следует отметить, что указанные информационные барьеры могут иметь как естественное, так и искусственное происхождение. Естественные информационные барьеры возникают самопроизвольно в ходе управленческой деятельности, а искусственные создаются вследствие реализации частных и групповых интересов отдельных акторов управленческого процесса. В то же время установить в точности естественность или искусственность возникающих барьеров зачастую очень затруднительно, вследствие чего конструктивной представляется установка на «презумпцию естественности» всех барьеров и на выявление и устранение их объективных причин и оснований.

Далее, в системе государственного управления процесс анализа информации целесообразно рассматривать на трех основных уровнях:

– на уровне организации в целом (как правило, предполагает наличие специальной организационной подструктуры – аналитического отдела);

– на уровне функциональной единицы (должностных обязанностей и компетенций субъекта управленческих коммуникаций);

– на уровне психологии индивидуального мышления лица, участвующего в подготовке и принятии решения.

В данной связи может быть предложена следующая типология организационных информационных фильтров: инфраструктурный фильтр, функциональный фильтр и субъективный фильтр. Указанные разновидности фильтров определяются следующим образом:

1) инфраструктурный фильтр – управленческая технология, способствующая оптимизации информационных потоков посредством организационных (в частности, статусных) средств, приемов, методов, механизмов.

2) функциональный фильтр – управленческая технология, способствующая оптимизации информационных потоков посредством технологических и инструментальных средств, приемов, методов, механизмов.

3) субъективный фильтр – управленческая технология, способствующая оптимизации информационных потоков посредством индивидуально-психологических средств, приемов, методов, механизмов.

Соответствующие технологии организации информационно-аналитической деятельности соотносятся с уровнем решаемых задач и спецификой возникающих барьеров следующим образом.

1. Уровню организации (аналитического отдела), где решаются задачи информационно-аналитического обеспечения решений стратегического и принципиального тактического характера, соответствует инфраструктурный фильтр. Латентной функцией данного фильтра являются организационный и статусный барьеры.

Проявление организационного барьера обусловлено разветвленной иерархической структурой системы управления, которая удлиняет и усложняет пути прохождения документов. Действие данного барьера зависит от положения структурного подразделения в вертикальном и горизонтальном измерениях структуры государственного управления, которое определяется как формальными полномочиями ее должностных лиц, так и, в значительной степени – их неформальными отношениями с должностными лицами из других структур, обладающими необходимой информацией. В данной связи Э. Тоффлер отмечал, что «в любой бюрократии знания дробят по горизонтали и по вертикали и снова собирают по горизонтали»²⁴.

²⁴ Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – С. 12.

Статусный барьер связан с ограничениями на доступ к информации различного рода, содержащей государственную тайну или имеющей конфиденциальный характер. Ю.А. Тихомиров отмечает, что «строго определенное законом разделение труда между различными звеньями в полной мере распространяется и на работу с информацией: каждое звено, по согласованию с другими звеньями создает, использует и выдает лишь ту информацию, которая соответствует его положению в системе управления»²⁵. Особым аспектом данной проблемы является феномен неформального статуса определенных организационных структур и должностных лиц, складывающегося в системе организационных отношений помимо статуса формального и связанного с их фактической монополией на ту или иную информацию («лисы норы» и «теплые местечки», в терминологии Э. Тоффлера²⁶).

2. В основной массе тактические задачи управления разрабатываются преимущественно на уровне должностных единиц, то есть сотрудниками отделов, в должностные обязанности которых входит решение данных вопросов. На этом уровне проявляется функциональный организационный фильтр. В данном случае возможно возникновение технического и инструментального барьеров.

Действие технического барьера заключается в сбоях в работе технических и программных средств передачи, обработки и визуализации информации, отсутствии возможности обратной связи с источником информации, в сложности поиска информации в больших документальных массивах.

Инструментальный барьер проявляется по причине недооценки в профессиональной деятельности роли определенных видов информации, неверного выбора оптимальной стратегии поиска и обработки информации, отсутствия знаний и навыков работы специалистов с современными информационными системами. Согласно Э. Тоффлеру, «...опасность подстерегает и в способе, каким используются и неправильно употребляются данные, информация и знания»²⁷.

3. На личностном уровне решаются, главным образом, оперативные повседневные задачи управления. Здесь действует субъективный фильтр. В силу своей специфики, данный фильтр является самым распространенным. Субъективный фильтр представляет собой комплекс «человеческих» факторов. В том случае, если данный фильтр имеет качественную рефлексивную организацию, то негативное влияние последних при анализе информации снижается. В противном случае, указанные факторы становятся информационными барьерами: психологическим и семантическим.

Психологический барьер обусловлен: боязнью трудностей поиска и освоения информации в условиях информатизации; неверной оценкой качества найденной (поступившей) информации; невозможностью для индивида физически освоить все источники информации, соответствующие организационным потребностям. Согласно Е.П. Тавокину, «в любом кванте информации всегда наряду со сведениями об объекте отражения, реальных событиях содержится субъективная составляющая. Ее доля может быть больше или меньше, но ее наличие неизбежно»²⁸. Г.В. Пушкарева уточняет, что «на отбор информации влияют убеждения человека, его ценностные предпочтения, идеологические взгляды, интересы, стереотипы, установки, составляя в совокупности мощный перцептивный экран, пропускающий только ту информацию, которая является субъективно значимой»²⁹. Данный барьер существенно снижает рациональность решений, их адекватность и результативность.

Семантический барьер проявляется в связи с недостаточными специальными знаниями потребителя информации в той сфере, которой посвящена поступающая информация; чрезмерно узкой компетенцией потребителя информации, неспособного воспринимать информацию более широкого характера; различием понятийного аппарата разных подразделений системы государственного управления. Н.И. Жуков отмечает, что

²⁵ Тихомиров Ю.А. Информация в государственном управлении // Правоведение. 1971. № 5. – С. 22.

²⁶ Тоффлер Э. Ук. соч. – С. 203.

²⁷ Там же. – С. 341.

²⁸ Тавокин Е.П. Ук. соч. – С. 8.

²⁹ Пушкарева Г.В. Ук. соч. – С. 131.

«личностный момент касается того, насколько данный субъект подготовлен к восприятию и использованию информации: человеку, не знакомому с языком, на котором закодировано сообщение, последнее не несет заключенной в нем информации»³⁰.

Возникновение информационных барьеров может иметь (и имеет) место на каждом этапе процесса анализа информации. В данной связи могут быть выдвинуты следующие гипотезы. На *первом этапе* анализа происходит общая постановка цели, то есть определяется, какая информация будет собираться, назначаются ответственные за каждый этап, ставятся задачи. Здесь проявляется приоритет блока, который включает в себя организационный, статусный, психологический и семантический информационные барьеры. На *втором этапе*, когда осуществляется поиск и сбор информации, имеет место полный комплекс барьеров в составе организационного и статусного, психологического и семантического, технического и инструментального. На *третьем этапе* на процесс обработки информации оказывают воздействие преимущественно психологический и семантический барьеры, а также технический и инструментальный. На *четвертый этап* влияют, главным образом, семантический, психологический, технический и организационный барьеры. Исходя из этого, информационные организационные барьеры: а) действуют в комплексе; б) делятся на «специализированные», действующие на определенных этапах анализа информации, и «универсальные»; в) к «универсальным» относятся организационный и психологический барьеры, что предположительно делает их системным фактором латентной дисфункции информационно-аналитической работы в системе государственного управления.

Таким образом, информационно-коммуникационные процессы в организации регулируются информационными фильтрами – социальными технологиями, оптимизирующими движение информации по коммуникационным каналам внутри организации. В системе государственного управления правомерно выделить следующие типы организационных фильтров: инфраструктурный, функциональный и субъективный. По причине недостаточно рациональной организации информационных фильтров в работе органов государственного управления проявляется латентная дисфункция информационно-коммуникативных процессов, которая выражается в информационных барьерах, негативно воздействующих на процесс анализа информации субъектами принятия решений. В результате этого снижается эффективность и качество анализа информации, и, как следствие, качество итоговой информации, что приводит к принятию несвоевременных, неэффективных и нерезультативных управленческих решений. Для оптимизации процесса и результата анализа информации необходимо эффективное функционирование организационных информационных фильтров. Каждому фильтру соответствуют, в качестве латентной дисфункции, определенные информационные барьеры, действие которых в этой связи необходимо минимизировать либо компенсировать. В силу универсальности субъективного, человеческого фактора и накопленного эффекта сбоя в бюрократической системе управления, негативные действия барьеров проявляются по обыкновению в комплексе; отсюда следует, что технологии оптимизации работы организационных информационных фильтров должны действовать в совокупности, образуя синергетический эффект.

В заключение отметим, что научная разработка, верификация и последующее применение гипотезы функциональной взаимосвязи организационных информационных фильтров и барьеров в организационной практике государственного управления позволит оптимизировать процесс анализа информации и, как следствие, качество принимаемых решений и эффективность их реализации. В конечном итоге, развитие данного направления исследований ориентировано, как отмечал Ю. Хабермас применительно к теории коммуникативного действия, к «созданию новых форм социального управления»³¹.

Список литературы

1. Аверьянов Л.Я. Социология: искусство задавать вопросы. Издание 2-е, переработанное и дополненное. – М: Марс, 1998.

³⁰ Жуков Н.И. Ук. соч. – С.154.

³¹ Хабермас Ю. Ук. соч. – С. 330.

2. Бакли У. Структурально-функциональный анализ в современной социологии // Г. Беккер и А. Босков. Современная социологическая теория: Пер. с англ. – М.: Издательство иностранной литературы, 1961. – С. 272-297.
3. Бочарова Т.А. Информационно-аналитическая работа в органах исполнительной власти региона: дис. ... к.с.н.: 22.00.08 – Белгород: 2009.
4. Голицын Г.А. Социальная и культурная динамика: долговременные тенденции (информационный подход) / Г.А. Голицын, В.М. Петров. – М.: КомКнига, 2005.
5. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. – Белгород: Центр социальных технологий, 1993.
6. Ельмеев В.Я. Прикладная социология: Очерки методологии. – 2-е изд., испр. и доп. / В.Я. Ельмеев, В.Г. Овсянников. – СПб.: Издательство С.-Петербургского государственного университета, 1999.
7. Жуков Н.И. Информация (философский анализ центрального понятия кибернетики) / Под ред. В.И. Степанова. Мн., «Наука и техника», 1971.
8. Земан И. Познание и информация. Гносеологические проблемы кибернетики. – Перевод с чешского Р.Е. Мельцера, спецредакция и предисловие к.ф.н. А.Д.Урсула. – М.: Изд-во «ПРОГРЕСС», 1966.
9. Иванов П.Ф. Информационно-аналитическое обеспечение региональных органов власти и управления // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – 2002. – № 2 (157). – С. 23-43.
10. Калугин Е. Создание электронного государства в России // Проблемы теории и практики управления. – 2007. – №1. – С. 63-74.
11. Карпенко Е.В. Социальные условия преодоления коммуникативных барьеров на региональном уровне государственного управления: автореф. дис. к.с.н.: 22.00.08. – Орел: 2009.
12. Мазур М. Качественная теория информации. – М.: Издательство «Мир», 1974.
13. Малько А. Правовые стимулы и ограничения: двоичность информации как метод анализа // Общественные науки и современность. – 1994. – №5. – С. 67-76.
14. Пушкарева Г.В. Информационные технологии в принятии государственных решений: современный тенденции // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2009. – №2. – Том 2. – С. 128-139.
15. Тавокин Е.П. Информация как научная категория // Социологические исследования. – 2006. – №11. – С. 3-10.
16. Тихомиров Ю.А. Информация в государственном управлении // Правоведение. – 1971. – № 5. – С. 19-27.
17. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
18. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – Пер. с нем. под ред. Д.В. Складнева. – СПб.: «Наука», 2001.
19. Цариценцева Е.В. Социологическая информация в контексте государственного управления // Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/152/24>. – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.
20. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. – М.: Изд. иностр. лит., 1963.

INFORMATION BARRIERS IN SYSTEM OF GOVERNMENT

The article analyzes the problem of information barriers in the information exchange system of government. Information barriers are treated as latent dysfunction of institutional information filters acting on the process of analyzing information by the subjects of decision-making, which reduces the efficiency and quality control. The reason that leads to the manifestation of information barriers is the irrational organization of information filters in government activities. The authors point out infrastructure, functional and subjective filters, which are understood as organizational social technologies that optimize the flow and inactement of information within the organization. Organizational, status, technical, tool, semantic information and psychological barriers are related to these filters. The authors make the hypothesis on the priorities of information barriers at different stages of information-analytical support of government.

D.P. KHIZHNYAKOV
S.D. LEBEDEV

Belgorod State University

¹⁾ e-mail: xdp@mail.ru

Belgorod State University

²⁾ e-mail: Lebedev@bsu.edu.ru

Key words: information analysis, information and analytical support, information barrier, information filter, social information, subjective factor, sphere of information exchange.

УДК 165.1

СЛОЖИВШИЕСЯ ПОДХОДЫ И ТЕНДЕНЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ И ОПРЕДЕЛЕНИИ ФЕНОМЕНА РЕЛИГИОЗНОЙ ВЕРЫ

Е.Н. ЧЕСНОВА*Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого**e-mail: phileo@tspu.tula.ru*

В статье рассматриваются сложившиеся подходы и тенденции в определении и изучении феномена религиозной веры в философии, этике, социологии, психологии, богословии. Выявляются характерные черты и особенности феномена веры: психоэмоционально-волевой компонент, динамика и экзистенциальность, парадигмальность и ментальность, социокультурная реальность, индивидуальность и неповторимость, нравственный элемент веры. Рассматривается новый современный тип феномена религиозной веры – квазивера.

Ключевые слова: феномен религиозной веры, теоретическая, научная вера, религиозность, религиозный опыт, религия, аспекты, функции веры, моральные ценности, квазивера, квазирелигиозность, секуляризация.

Феномен религиозной веры получил рассмотрение во многих отраслях гуманитарного знания, в трудах философов, социологов, психологов, богословов. При обращении к данному феномену человеческой личности его исследователями выявлялись и характеризовались отдельные черты, элементы, в зависимости от области рассмотрения, поставленных целей и задач. Эта статья посвящена определению существующих на данный момент характерных тенденций в изучении религиозной веры. Знание ключевых характеристик феномена веры позволит наиболее полно его исследовать и выйти на уровень понимания цельной человеческой личности, понять ее духовный, внутренний, нравственный мир, проанализировать основания, мотивы ее поступков, действий.

Для того, чтобы приступить к характеристике существующих тенденций в исследовании веры, мы должны понять, что религиозная вера имеет свою цель, объектно-субъектную связь, мотивацию, предельный интерес, актуализацию. Неотъемлемыми в ней являются носитель веры (сам человек, религиозная, личность), религиозно-нравственное начало, бесконечный предельный интерес, направленный на трансцендентное. Также не надо забывать, что вера является центральным системообразующим феноменом человеческого бытия, как ментальность проявляется в культуре, социальной реальности, предстает как необходимый фундаментальный компонент религиозной жизни, религии в целом, влияет и определяет психологическое состояние религиозной личности.

Обращаясь к изучению феномена религиозной веры, мы можем видеть то, что он предстает как экзистенциальный, онтологически связанный с ценностной системой категорий, ментальностью отдельного человека и общества в целом. При рассмотрении данного феномена выделяются интегрирующая, трансляционная, репрезентативная функции религиозной веры. Исследование веры имеет непреходящую ценность, так как она предстает как репрезентативная категория человеческой духовной культуры, неотъемлемо связанная с социокультурным развитием. Рассмотрение феномена религиозной веры также необходимо для понимания современной культуры общества, раскрытия его ценностных предпочтений, тенденций в нравственно-духовной сфере.

С учетом разнообразного научного материала по изучаемому феномену, мы можем выделить следующие тенденции в его характеристике:

1. Тенденции отождествления с категорией частично совпадающей по содержанию или стоящей в одном ряду религиозных феноменов

Отождествление веры с вероучением (например, с символами веры), религией, религиозностью, религиозным опытом. В большей степени это свойственно для право-

славного богословия, частично для католической и протестантской теологии, религиозной философии, социологии религии. Среди представителей данной точки зрения на веру мы можем отметить Осипова А.И., протоиерея В. Свешникова, Складовскую Г.Н., митрополита Вениамина (Федченкова), святителя Феофана Затворника, архиепископа Гермогена, Дж. Биффи, П. Гибер, И.А. Ильина и другие, так как этот ряд персоналий можно еще продолжить.

2. Выделение психо-эмоционально-волевого компонента как главного элемента веры

Сведения к эмоции, неврозу, аффекту, которые в своем подавляющем большинстве не имеют рационального обоснования, оперирующего архетипами в сознании человека. Это мы встречаем, например, у К.Г. Юнга, З. Фрейда, С. Эртербурна и Дж. Фелтона. Может иметь место своеобразное соединение аффективного и рационального элементов в понимании феномена веры, как это представлено у Теренса Пенелхэма. У которого вера выражается в полном и безграничном, имплицитном доверии, которое в свою очередь понимается им как «эмоция». Им подчеркивается аффективный аспект веры, но, по его мнению, она не нечто исключительно аффективно-иррациональное. Религиозная вера обладает собственной логикой, логикой эмоции, хотя Пенелхэм не определяет, что он понимает под этой логикой. Он также считает, что вера не может основываться только на аффективных и волевых элементах, ее когнитивное ядро образуют религиозные верования относительно существования объекта доверия веры.¹ Что же касается сведения веры к волевому акту личности, то волевой компонент веры выделяют, например, Ф. Шлейермахер, Г. Гефдинг. А представления о вере как атрибуте воли мы можем найти, например, у Фомы Аквинского, Р. Декарта, И.Г. Фихте. В рамках данного пункта мы можем говорить о таких категориях и понятиях как религиозная вера, аутентичная вера (аутентичный религиозный опыт), суеверие, здоровая вера, фанатическая, токсическая вера, психоневройдное расстройство, воля к вере и т.п. Вера предстает как особое состояние психики верующих субъектов, эмоциональное, ценностное отношение к предмету веры, волевой акт веры. Выше перечисленное в данном пункте в большей или меньшей степени характерно для теологии, философии, психологии.

3. Вера с точки зрения рациональных критериев

Здесь мы можем выделить ряд следующих характерных тенденций в исследовании феномена веры. Разделение на научную и религиозную веру. Для более четкого представления этого разграничения используют пример из английского языка, в котором четко различаются *теоретическая вера* в то, что нечто есть (belief), и *религиозная вера* (faith). Религиозная вера и научная «вера» (предположение, гипотеза) опираются на факты. Основания научной веры целиком базируются в рамках познаваемого (естественного), законосообразного, фактически и экспериментально доказуемого мира явлений. Религиозная вера действует в области непознаваемого (сверхъестественного, метафизического).² Данная тенденция в градации веры на научную, религиозную, обиденную и рассмотрение религиозной веры как частного случая веры вообще (например, Д.М. Угринович³) присутствует в большинстве направлений философии, психологии религии, социологии религии, характерно для научного знания в целом.

4. Вера как центральный целокупный акт всей личности

В данный раздел мы относим исследование и понимание веры как эмоционально-рационального феномена.⁴ Это можно видеть в теологической психологии, религиозной

¹ См.: Кимелев Ю.А. Современная западная философия религии. – М., 1989. – С. 143-144.

² См.: Философский энциклопедический словарь. – М., 2003. – С. 64-65.

³ Угринович Д.М. Психология религии. – М., 1986. – С. 28. // [Электронный ресурс] режим доступа: <http://knigki.ru/demo/book/4881/27.html>.

⁴ Рассмотрение религиозной веры как феномена интеллекта мы находим, например, у Дж. Ст. Милля, Ф. Брентано, Г.В.Ф. Гегеля.

философии, католической и протестантской теологии. Самым ярким примером такого комплексного подхода к пониманию феномена религиозной веры мы можем считать концепцию веры Пауля Тиллиха. Можно отметить следующую особенность в характеристике рациональных оснований веры: выделение и рассмотрение ее связи с сомнением (так как постановка под вопрос является необходимой составляющей рационального сознания, мыслительного акта), определение его как неотъемлемого элемента веры. В контексте этой тенденции веру можно определить как непосредственный, целостный акт свободного принятия трансцендентного и полагание через него определенной системы ценностей и идеалов в жизни человека и формирование мировоззрения. Здесь с одной стороны мы имеем эмоциональную сферу действия феномена веры (направленность человека на область трансцендентного, на Абсолют) и рационально-практическую сферу (рационально осознанная деятельность человека на основе принятой духовно-нравственной, системообразующей парадигмы мышления, мыслительный процесс непосредственно включен в сферу оперирования ценностно-нравственными категориями и понятиями) с другой стороны. Отдельно отметим тенденцию рассмотрения веры в психологии как двойственного (дуалистического) феномена. С одной стороны данный феномен отражает трактовку разума (трезвого, сомневающегося рассудка), с другой — трактовка некоторых религиозных систем (например, христианства, иудаизма), в которых вера выступает центральной мировоззренческой аксиомой.

5. Динамика и экзистенциальность

Вера как динамический, экзистенциальный элемент человеческой жизни рассматривается в философии религии, теологии, социологии религии, психологии религии. Например, в психологии динамика развития веры может приобретать вид религиозного созревания личности, которая имеет на протяжении своей жизни различные стадии религиозной веры. В психологии обычно опираются на подход Дж. Фаулера в выделении стадий веры. Данный подход развивали в своих работах М. Уилкоккс «Путешествие-развитие», Б. Пауэрс «Растущая вера», Ш. Паркс «Годы изменений». Эта теория получила название *faith development*.⁵ Необходимо отметить, что основным измерением динамики веры является сам человек как «религиозное существо и религиозная личность». Каждый индивид, каждая личность неповторима, а значит, и стадии веры, несмотря на общие черты ступеней развития, могут выступать в своей индивидуальной динамике развития не только как последовательности, но и как особые формы, стили веры отдельного человека, или даже общины верующих на протяжении их жизни. Вера человека отражает его жизненный путь, она проходит как стадии постепенного возрастания, так и стадии упадка, кризиса, сомнения, потери собственного основания, коренного изменения, выявление нового для ценностного осмысления собственного бытия и т.д.⁶ Основным измерением динамики веры является сам человек. Вера и человек неотделимы друг от друга и то, что человек принимает в свой личный опыт чей-то другой опыт, не означает, что всякий религиозный опыт, вера идентичны, однотипны. Любой так называемый стандарт, авторитетный образец, принимаемый в личный опыт, перерабатывается человеком в свойственный только ему опыт, расширяющий его картину мира и обогащающий саму личность.

6. Парадигмальность, ментальность веры

Отдельно можно выделить понимание веры как парадигмы мышления, религиозной установки, концепции восприятия себя человеком и окружающего мира, мировоззренческой позиции человека. (Данную тенденцию хорошо обозначил Кимелев Ю.А. на

⁵ См.: Психология религии. Одесса: Христианский Гуманитарно-Экономический Университет, 2003. — С. 15. // [Электронный ресурс] — режим доступа: <http://svitlo.by.ru/biblioteka/psihrelig/psihrelig.html>.

⁶ Например, см.: Стейплз Л.К. Упадок веры. // [Электронный ресурс] — режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov/Buks/Life_church/Lew_YpadVer.php/

примере западной философии религии, ее основных направлений исследования в области религиозного феномена.⁷⁾ Вера предстает здесь как форма культурного бытия человека, общества, цивилизации, как одна из идеационных констант религии, имеющая собственное «когнитивное ядро», «логику»^{8.} Это можно проследить при анализе истории секуляризационных процессов в обществе, процессов ресакрализации, при рассмотрении взаимоотношений веры и десакрализации, толерантности и фанатизма в сфере социологии религии. В контексте этих процессов, как отмечает Дин Ульям Ферм, религиозная вера воспринимается религиозными людьми «как рабочая гипотеза, базирующаяся на разуме и опыте, дающая смысл жизни», а ни как «набор вечных истин откровения о Вселенной».⁹ Религиозная вера понимается как своего рода способ мышления воспринимаемый «по аналогии с парадигмой научно-рационального мышления».¹⁰ В западных философско-эпистемологических исследованиях религия часто понимается как «спонтанное, хотя и выражаемое в системе верований, отношение к бытию», своего рода наука со специфическим предметом и «коэффициентом «личностной вовлеченности», как «особая форма жизнедеятельности человека».¹¹ Вследствие чего по аналогии веру можно определить как элемент познавательного личностного вовлечения в религиозное пространство с собственными «логическими напряжениями»¹² и когнитивной установкой. Джон Ранцо в своей работе «Разум, релятивизм и бог» приходит к выводу, что вера есть испытание окружающего мира, «диспозиционное состояние», в котором формируется и существует религиозное сознание индивида.¹³ Выше перечисленное в этом пункте в понимании феномена веры может служить основанием для характеристики современного нам типа веры и дать основания для определения его как секулярного типа веры, квазиверы, на которые в большей степени влияют сущностные характеристики, роль, функции действия современного контекста жизни людей.

7. Нравственное следование к идеальному преобразению жизни

В этике веру рассматривают как религиозно-этическую категорию. Рассмотрение веры в контексте данной тенденции важно не только для выявления нравственного элемента в вере, но и для более полного понимания механизма действия современного типа религиозной веры. При выявлении механизма взаимосвязей феномена веры с моральными ценностями, нравственностью мы в большей мере сможем приблизиться к пониманию того, что именно влияет в современном мире на формирование ценностей человека, его религиозности, определяет место и роль веры в жизни общества и человека. На этом пункте мы остановимся подробнее в силу актуальности данной проблемы в наше время. В вере присутствует трансляционная, интегрирующая и репрезентативная функции необходимо связанная с нравственными ценностями, с помощью которых человек интегрируется в общество, приобретает систему ценностных идеалов, нравственных воззрений, актуализирующихся на практике в виде действий, поступков, может приобретать форму социального служения. Эти функции веры можно рассматривать в контексте теонормной, гетеронормной, автономной этики. Т.к. вера, являясь составляющей рационально-духовной личности человека, может быть направлена не только на связь человека с Абсолютом, трансцендентным, но и на иные сущности, предметы, имманентные человеческому миру, но являющие собой идеал для благого поведения. Надо отметить одну существенную деталь – человек, как существо экзистенциально религиозное, не может в своей «жажде бесконечного» ориентироваться только на нормы чистой морали. Данные нормы будут существовать в его сознании как идеальные и в то же время будут опосредованными нормами, ценностями того общества, в котором человек находится. Являясь

⁷ См.: Кимелев Ю.А. Современная западная философия религии. – М., 1989. – С. 25-27, 62.

⁸ См.: Там же. – С. 28, 62.

⁹ Там же. – С. 62.

¹⁰ Там же. – С. 62.

¹¹ Там же. – С. 74, 77, 80.

¹² Там же. – С.63.

¹³ См.: Там же. – С. 146-148.

существом конечным и потенциально бесконечным, он стремится пробиться сквозь имманентное, конечное в сферу трансцендентного, чтобы обрести свое основание. Б. Рассел писал про людей современного мира: «Чтобы правильно поступить, они обращаются к чистой морали, но мотивы чистой морали явно недостаточны для тех, кто жаждет бесконечного».¹⁴ В современном обществе мораль не может быть только основанием человеческих поступков она должна ориентировать личность на «идеальное преобразование жизни». А так как вера есть акт «ориентированный на идеальное преобразование жизни», вследствие принятия человеком трансцендентного и полагания определенной системы ценностей, то мораль необходимо соединена с верой¹⁵. Через веру система моральных ценностей (и соотношенных с нею мотивов) становится полностью обоснованной и получает свою актуализацию. Здесь можно выстроить определенную линию взаимосвязи, действующую в практической жизни человека: **вера – мотив – действие – оценка – совесть – вера**¹⁶. В вере принимаемая человеком система ценностей, благодаря свободному принятию трансцендентного, становится необходимым элементом сознания, моральной деятельности. Р.А. Иванова пишет про веру: «Она играет определенную роль в формировании ценностных ориентаций и социальных мотиваций».¹⁷ Т.о. вера непосредственно связана с мотивами присутствующими в определении человеком последующих действий. Мотив, как побуждение стремиться к тому, что человек считает для себя благом, есть импульс, передаваемый от веры человеческим действиям. Сообразуясь с мотивами, человек ставит себе цель, которая реализуется на практике в его собственных действиях. Понимание веры как актуализации нравственного в жизни, что она «в себе самой как бы носит обязательство доброй жизни», как предельная сила, которая через мотивы и действия человека актуализируется в мире, характерно не только в сфере этического знания, это характерно и для теологического, богословского знания. Например, об этом писали П. Тиллих,¹⁸ протоиерей В. Свешников,¹⁹ протоиерей С. Остроумов.²⁰

Другим немаловажным элементом в нравственном измерении веры выступает совесть. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. определяют ее как «способность человека, критически оценивая свои поступки, мысли желая, осознавать и переживать свое несоответствие должному – неисполненность долга».²¹ В совести решения, действия и оценки соотносятся с должным, благом, идеалом, которые воспринимаются человеком через веру при обращении к трансцендентному. Тем самым совесть находится в тесной взаимосвязи с верой. Эта связь замыкает показанную выше схему на вере, соответственно на связи человека с трансцендентным. Сама вера коренится «в единой нравственной основе жизни»²² в тех воззрениях, которые раскрывают, что есть добро, зло, как надо жить. Нравственная основа жизни наравне с разумностью выступает критерием истинной веры (например, Л.Н. Толстой). Вера и нравственность, мораль, благодаря полаганию ценностных идеалов человеком в акте веры, участвуют в формировании мировоззрения человека, его религи-

¹⁴ Рассел Бертран. Сущность религии. // Психология религиозности и мистицизма: Хрестоматия. – / Сост. К.В. Сельченко. – Мн.; М., 2001. – С. 79.

¹⁵ В нашем понимании вера не является специфической составляющей морального познания. Акт веры не ограничивается лишь ценностной сферой. Сфера веры шире, она включает в себя моральные ценности и религиозные истины, переживаемые как ценности как необходимые, но не единственные свои элементы. Для веры этическая составляющая очень важна, но не исчерпывается ею.

¹⁶ В данной схеме мы не вводили Абсолют, Высшую силу, Высшее Существо. Т.к. по нашему мнению Он действует в жизни человека посредством веры (также Он может проявлять Себя в жизни человека в феномене чуда). Но непосредственно в его практической жизни не участвует в силу своей трансцендентной сущности.

¹⁷ Иванова Р.А. Вера – виртуальный объект сакральности. // Виртуальное пространство культуры. Материалы научной конференции 11-13 апреля 2000г. – СПб., 2000. – С. 69-71. [Электронный ресурс] – режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/ivanova_ra/virtual_23.html

¹⁸ См.: Тиллих Пауль. Динамика веры. / Тиллих Пауль. // Избранное: Теология культуры. – М.: Юрист, 1995. – С. 208.

¹⁹ См.: Протоиерей Владислав Свешников. Прикосновение веры. – М., 2005. – С. 16.

²⁰ См.: Протоиерей Стефан Остроумов. Жить – Богу служить. Нравственное богословие для мирян. – М., 2001. – С. 8.

²¹ Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. – М., 2004. – С. 261.

²² Мелешко Е.Д. Моральная философия Л.Н. Толстого: Учебное пособие. – Тула, 2005. – С. 10.

озного сознания, пронизывают все сферы жизнедеятельности человека. Исследование веры в данной области ведет нас к пониманию поступков человека, критериев оценки его деятельности, пути формирования его как нравственной личности. В современной ситуации жизни общества это особенно актуально. Так Е.Д. Мелешко считает, что наше время – это время когда человек живет в «псевдо-христианском обществе»²³, в котором ценности и идеалы не отвечают требованиям религиозной веры, часто имеют противоположный характер. Причем, как и феномен веры, этика также подвергается изменениям, которые происходят в современном обществе в результате процессов секуляризации. Часто мы имеем дело, например, с уже секуляризованными христианскими ценностями, моралью, христианской этикой и т.д. Поэтому исследования феномена веры в его нравственном аспекте необходимы, т.к. позволяют нам раскрыть сущность и значение феномена веры, определить его место в сфере этики, а также понять, что представляет сама этика, какова ее роль в нашей жизни.

8. Социокультурная реальность

Вера может рассматриваться как социокультурный религиозный феномен, как «внешняя социальная реальность»²⁴, как основание феномена религиозной мобильности в обществе, среди отдельных его групп, как «практическая вера»²⁵, часто берется в сравнении с толерантностью, плюрализмом, религиозным фундаментализмом, ментальностью общества в целом и т.д.

9. Индивидуальность и неповторимость феномена веры

Религиозная вера также определяется как индивидуальный символ каждого человека. Вера индивидуальна, неповторима и одинока, как и сам человек, например об этом писал Олпорт Гордон выводя принципы «идеографической персонологии», функциональной автономии мотивов. Несмотря на то, что человек находится в сообществе верующих или просто среди обычных людей на работе или дома, на улице или в гостях, он остается одиноким, как и его вера. Эту существенную черту отмечает в своей знаменитой работе «Аксиомы религиозного опыта» И. А. Ильин. Он пишет: «человек конститутивно, т.е. по самому устройству существа своего – одинок».²⁶ Также одинока и его вера, но это одиночество есть в первую очередь выражение индивидуальности и неповторимости самого человека, его мыслей, эмоций, желаний, действий и воли, а не его «оторванность от Бога»²⁷. Вера есть «центрированный акт всей личности».²⁸ Она то, что рождается в самой глубине личности, она пронизывает ее всю. Несмотря на то, что мы имеем множество примеров исповедания веры, например апостола Павла, Макария Египетского, Бл. Августина, Оригена, Василия Великого, Фомы Аквинского, М. Лютера, Ж. Кальвина и других выдающихся личностей, у каждого человека свой собственный личный опыт веры, у каждого из нас она проходит свой путь развития. Вера всегда индивидуальна, хотя и содержит в себе некие общие черты. Так как каждый человек есть часть общества, единого целого, все представление о вере сливаются в одном всеобъемлющем представлении о Вере. Это представление в процессе исторической жизни общества у каждого конкретного человека преломляется через его мысли и переживания в его индивидуальную, одинокую, неповторимую веру, в присущий только ему экзистенциальный порыв к реальности всего сущего, к источнику его бытия, трансцендентному. Можно согласиться с мыслью высказанной Н.А. Подзолковой о том, что именно в вере «находится выход к человеческой ин-

²³ Мелешко Е.Д. Христианская этика Л.Н. Толстого. – М., 2006. – С. 3.

²⁴ Лобье Патрик де. Социология религиозного феномена. Э. Дюркгейм, М. Вебер, В. Шмидт. – М., 2000. – С. 36.

²⁵ См.: Зиммель Г. Религиозный элемент в отношениях между людьми. // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. / Сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М., 1996. – С. 216 – 217.

²⁶ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. – М., 2002. – С. 28.

²⁷ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. – С. 26.

²⁸ Тиллих Пауль. Динамика веры. – С. 135.

дивидуальности, к рождению подлинной личности».²⁹ Тем самым мы подходим к пониманию веры, которая есть неотъемлемый феномен человеческого бытия. А значит, мы можем полностью согласиться с утверждением Р.А. Ивановой о том, что вера в самом широком смысле есть индивидуальный сакральный феномен. Иванова Р.А. пишет: «Она представляет собой то глубоко личное и уникальное, что чаще всего закрыто для окружающих».³⁰ Мы считаем, что исследование полиаспектного феномена веры даст возможность приблизиться к пониманию истинной сути феномена религиозной веры.

10. «Квази» – новое в понимании типов веры

Мы все чаще сталкиваемся с тем, что в научной литературе говорится о квазирелигиях, квазивере. Серьезным вкладом в исследование квазирелигиозности и социальной мифологии и их влияния на исторические судьбы наций, по мнению Е.С. Элбакян, можно считать работы М. Вебера, К. Мангейма, П. Тиллиха, Р. Барта и ряда других крупных философов и социологов. В контексте изучения российский социомифологом она выделяет труды Н. Данилевского, Н. Бердяева, Ф. Степуна, Н. Лосского, среди работ современных исследователей – П.С. Гуревича, В.С. Полосина, Д.Е. Фурмана.³¹ Среди работ рассматривающих феномен квазирелигий, квазирелигиозности, квазиверы можно выделить работу П. Тиллиха «Христианство и встреча мировых религий», в которой он посвятил отдельно целую главу рассмотрению встречи в современном мире религий и квазирелигий, их предмета веры. Термин «квази» используется нами в понимании, данным немецко-американским протестантским теологом П. Тиллихом. Который понимает его не как выражающий сущность «псевдо» образований (которые есть неудачная попытка добиться сходства с оригиналом и его обманчивое сходство не являющееся подлинным), как новообразование, имеющее подлинное, а не преднамеренное сходство, имеющее в своей основе тождественные элементы с существующим оригиналом. Исходя из этого определения квазиверы, мы рассматриваем данный феномен в его широком понимании. В отличие от П. Тиллиха, мы не сводим его к рассмотрению лишь трех видов квазирелигий, квазивер: национализма (яркий пример – фашизм), социализма (яркий пример – коммунизм) и либерального гуманизма. Мы считаем что термин «квази» в большей степени может помочь в понимании современного типа (типов) веры, современной религиозности человека, общества. Мы не сводим квазиверу, квазирелигиозность³² только к вере в естественные события, в которой сверхъестественной существо, Бог не является объектом поклонения. Мы разделяем в тоже время точку зрения Е.С. Элбакян в той ее части, в которой она считает, что квазирелигиозность «характеризуется теми же особенностями, что и религиозность», предполагает процессы и создание на основе ее специфики веры «определенных социальных мифомоделей, как правило, находящихся отражение и поддержку в массовом сознании», ее элементы «присущи многим новым религиозным движениям, вневероисповедной мистике».

Квазивера предстает (как и сам феномен веры) как особый феномен человеческого бытия, соучаствующий в динамике жизни человека и присутствующий в ней как «предельный интерес». Но если вера это «центрированный акт» оказывающий подчас решающее воздействие на личность и включающий в себя все ее элементы, это есть непосредственная связь между человеком и Богом. То этого в полной мере нельзя отнести к феномену квазиверы. Квазивера это другой тип веры. Он существует в многообразии религиозных учений, толерантного к ним отношения, и в то же время это личный выбор своего мнения по религиозному мировоззрению, который может в негативной форме

²⁹ Подзолкова Н.А. Индивидуальный символ веры как определяющий принцип личности в социуме. // «Размышления о...». Философский альманах. – М.: 1998. – Выпуск 1. [Электронный ресурс] – режим доступа: http://www.ozersk.ru/philosophy/ro1/podz_ro1.shtml.

³⁰ Иванова Р.А. Вера – виртуальный объект сакральности. – С. 69.

³¹ См.: Элбакян Е.С. Квазирелигиозность.// Религиоведение: Энциклопедический словарь. – М., 2006. – С.515-516.

³² Квазирелигиозность – категория социологии религии, одна из основных, наряду с понятием религиозности. См.: Квазирелигиозность. Е.С. Элбакян// Религиоведение: Энциклопедический словарь. – М., 2006. – С. 515.

вылиться и в необоснованный личным опытом фундаментализм. В этом типе веры та религиозная культура, которая существовала раньше, существует в виде исторического прошлого и секуляризованного настоящего. Исторически можно считать первым мощным толчком в появлении нового понимания веры и ее реализации в жизни человека, в его делах было движение Реформации. Для движения было характерно стремление к упрощенному культу, чтобы «Бог присутствовал и в секулярной сфере».³³ М. Вебер назвал такой процесс рационализации «разволшебствованием религии», «расколдовыванием мира».³⁴ П. Тиллих определил сущность этого процесса следующим образом: «Экзистенциальное противодействие мифу и культу возможно только с помощью других культов и мифов... Тот, кто борется за Бога против религии, находится в парадоксальной ситуации, будучи вынужден использовать религию в борьбе против религии».³⁵ Протестантизм, борясь против католицизма, применял именно такие методы для того, чтобы предельный интерес человека мог быть выражен в его повседневных делах.³⁶ Вследствие чего вера, оставаясь в жизни человека, претерпевает изменения, она меняет свою природу, чтобы остаться действенным феноменом бытия, но в тоже время является все тем же феноменом, который остается основополагающим духовной сущности человека. Что же касается существенной черты феномена веры, как индивидуальности религиозного опыта, то она присутствует в квазивере. Но вопрос заключается в том, как проявляется эта индивидуальность, одиночество, непохожесть и сочетается с таким феноменом как общее мировоззрение. Есть ли это просто уход из духовной сферы в понимание веры как феномена чисто мирского существования, где главным атрибутом веры является ее психологизм, где акцент стоит в выборе определенного комплекса моральных ценностей и следованию ему вне погруженности в религиозную культовую практику и вообще религиозную жизнь? Можно сказать, что это есть проявления, характерные черты квазиверы. Она многообразна и разнообразна, т.к. не лишена индивидуальности, но в тоже время она может способствовать появлению квазирелигии, нового религиозного движения. Феномен квазиверы есть проявление секуляризма, но оно не есть полное отрицание сакрального. Как точно отметил М. Элиаде, «сакральное является универсальным измерением».³⁷ Квазивера по праву входит в измерение сакрального как результат исторического развития общества, его культуры, взглядов, ценностей, оставаясь религиозной верой, но подвергшейся модификацией временем. М. Элиаде писал: «...истоки культуры уходят в религиозный опыт и религиозную веру. Более того, даже после радикальной секуляризации культура, социальные институты, техника, мораль, искусство и т.д. не могут быть правильно поняты, если неизвестна их первоначальная религиозная матрица, которую они молчаливо критикуют, отвергают, превращаясь в то, чем они являются в настоящее время – секуляризованные культурные ценности».³⁸ Поэтому сакральное составляет глубины секулярного. Религия, как и вера не могут прекратить свое существование, они могут поменять свою форму, содержание, но не исчезнуть из жизни человека. Потому, что для человека, как отмечал М. Элиаде, «религиозный» опыт есть сознательное становление собственного способа бытия и утверждения своего присутствия в мире».³⁹ И если вера приобретает новый вид, преобразуется в новый тип мышления, мировоззрения, актуализации полагаемых в ней ценностей, она не перестает существовать в понимании своего прошлого вида, а соотносится с ним, как с исходным, базовым опытом, но с иными существенными характеристиками. Т.о. квазивера предстает как один из вариантов феномена веры на современном этапе развития человечества, она содержит определенные характерные черты данного феномена, но не является полным идентичным его выражением. Появлению и закреплению квазиверы, квазирелигиозности в религиозной жизни обще-

³³ Тиллих Пауль. Христианство и встреча мировых религий. / Тиллих Пауль. // Избранное: Теология культуры. – М.: Юрист, 1995. – С. 439.

³⁴ Гараджа В.И. Социология религии: Учебное пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. – М., 2005. – С. 158.

³⁵ Тиллих Пауль. Христианство и встреча мировых религий. – С. 439.

³⁶ См.: Там же. С. 440.

³⁷ Элиаде М. Ностальгия по истокам. – М., 2006. – С. 30.

³⁸ Там же. – С. 30.

³⁹ Там же. – С. 30.

ства, личности способствовало в первую очередь само общество и человек. Современное общество ориентировано на результат, эффективность всякого своего усилия и деятельности. Утилитарность, экономия времени, сил, техногизированность и потребительство, вот что в большей мере характеризует современное общество. Направленность на проблемы посягающие, материальные влияет на весь уклад жизни человека, на его предпочтения в нравственной, духовной сфере и в обыденной жизни. Перед человеком стоит первостепенная задача: «вписаться» в существующие механизмы общества. В этом плане квазивера может выступать как пример утилитарности человеческих побуждений. Нравственность веры, религиозный опыт выступает как практические приспособления мира «грез и фантазий» к современным реалиям техногенного общества, человека практически. Здесь мы можем говорить о материальности бесконечного, – квазивере современного человека. Для современного общества характерно соединение двух полюсов: успех и утешение. Причем вера предстает с прагматической точки зрения: что она может дать и как с ее помощью чего-то можно достичь. Это позволяет ей оставаться интегратором человека в общество, хотя она может опознаваться как навязанное извне. В современном обществе сильны концепции личной веры в Бога и связи с Ним без посредников (культы, священнослужителей, одной религиозной традиции). Современная вера это квазивера, которая важна тем, что выражает «личное пристрастие» индивида. Она основана на свободном выборе, свободе восприятия мира, внутренней работе человека. Современная религиозная вера реализуется в пространстве мирского, в рамках посягающих ценностей и идеалов. Ее направленность на выход к трансцендентному часто уступает место идее личной связи с Богом в рамках данной реальности. Возможное соприкосновение с бесконечным отводится в сферу мыслей и рефлексий индивида. Сейчас вера, ее актуализация есть в большинстве своем выполнении закона моральных ценностей и определенных ритуальных форм, обычаев, причем последнее все больше тяготит людей и это подтверждается данными социологических исследований религиозности. В тоже время мы наблюдаем поиск самого себя и нахождение смысла, личного опыта общения с сакральным, священным на основании новых реалий мира. Это характеризует современный тип религиозной веры, который мы опознаем как квазиверу. Можно сказать, что феномен квазиверы благодаря процессу секуляризации и довольно стабильному распространению новых религиозных движений все больше участвует в формировании сознания общества и определяет его религиозное мировоззрение.

Разобрав намеченные нами тенденции, существующие в определении феномена веры и перспективы развития, динамики феномена религиозной веры мы пришли к пониманию его сложности, многоаспектности. Это не просто застывший феномен человеческой культуры. Как правильно отметил Нижников С.А., вера «представляет собой одну из таких парадигм мышления, в которой просматриваются – явно или неявно – предпосылки, побудительные мотивы и целевые интенции».⁴⁰ Мы хотели в заключении отметить то, что вера, являясь целокупным актом всех (сознательных и бессознательных) элементов человеческой личности, всегда присутствует в жизни человека, она может выступать интегрирующим фактором, способствовать самоидентификации человека. Динамика веры являющаяся ее характерной чертой не только в духовной жизни человека, но и проявляющаяся в ее эволюции, вследствие секуляризационных процессов. Вера является эволюционирующим религиозным феноменом. В нем потенциально заложена способность к видоизменению как в индивидуализированном виде одного верующего субъекта, так и в характеристики общества в целом. Исследование феномена веры дает нам богатый материал для понимания современного человека, общества в целом. Дает возможность лучше понять мотивы, приводящие людей к тем или иным поступкам.

В современном мире приоритет принадлежит таким либеральным ценностям как толерантность, терпимость, свобода выбора, свобода совести. Они являются результатом исторического развития общества и протекающих в нем процессов секуляризации, приведших к кардинальному изменению многих сфер деятельности человека и эволюции религиозного феномена, его институтов и представлений. Современный мир столкнулся

⁴⁰ Нижников С.А. Метафизика веры в русской философии. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://humanities.edu.ru/db/msg/8109>.

с все более учащающимися фактами религиозного фанатизма, экстремизма, религиозной ксенофобии, которые в массовом сознании преимущественно связывают с негативным влиянием религиозной веры на человека. Часто именно в религиозной вере ищут основу для объяснения религиозной конфронтации, агрессии верующих. Но уже само существующее многообразие в понимании веры наталкивает нас на мысль о том, что вера сама по себе не может выступать основанием для негативных, агрессивных проявлений человека, группы лиц, так как она не сводится лишь к фанатическому неврозу, эмоциональности. С учетом всего выше изложенного мы считаем, что вера предстает как религиозно-нравственная категория, психологический и социокультурный феномен, имеющий непосредственное отношение к жизни человека, определяющий его ценностные ориентации, формирующий его мировоззрение и менталитет, способствующий его религиозной и мировоззренческой самоидентификации, интегрирующий человека в общество и определяющий его. Вера является актом сознания и бессознательного, соединяет в себе работу рациональной мысли и эмоций, не может сводиться к чисто психическому переживанию. Она есть динамически развивающийся, трансформирующийся элемент человеческой жизни. Вера есть экзистенциальное усилие человека подняться из состояния посясто-ронности к области трансцендентного, бесконечного.

Таблица

«Религиозная вера и категориальный аппарат»

Теология, богословие	Социология религии	Философия, философия религии	Психология религии	Этика
Вера	Религиозный феномен, религиозность, религиозный опыт, религиозная вера	Вера, религиозно-философская категория	Религиозно-философская категория	Религиозная вера, религиозно-этическая категория
Религия, вероучение, символы веры	Религиозность, религиозный опыт			
Верование, веренье. Вера истинная, подлинная и вера ложная, суеверие. Вера и сомнение.		Вера религиозная и вера научная. Здесь мы можем говорить о таких связках, как вера и мнение, вера и факт, доказательство, вера и разум, эмоциональное и рациональное, убежденность и сомнение	Здоровая вера, фанатическая вера, токсическая вера, психоневройдное расстройство. Эмоциональность, архетипичность, невроз, отсутствие рациональных обоснований	
		Парадигма мышления, мировоззренческая позиция	Самоидентификация, интеграция.	«Нравственная основа жизни»
Вера как связь человека с Богом. Предельный, безусловный интерес		Вера как связь человека с трансцендентным, Абсолютом, религиозный интерес		«Акт свободного принятия человеком трансцендентного, проявляющийся в полноте им определенной

				системы ценностей, ориентированный на идеальное преобразование жизни»
Вера в делах, актуальная вера, вера в жизни человека. «Вера действительна в делах», акт веры	«Практическая вера», «внешняя социальная реальность»			Мотивация веры, долженствования веры, добродетельная, нравственная жизнь
Динамика веры, виды веры (мистическая вера, экзистенциальная вера, гуманистическая вера, онтологический тип веры, sacramentalный тип веры, нравственный тип веры, квазивера и т.д.)	Религиозная мобильность, степени развития религиозной веры, типы религиозного опыта (духовная вера, светская вера, секулярная вера, квазивера, квази-религиозность аутентичная вера), ступени религиозного созревания личности	Экзистенциальная вера, мистическая вера, эмоция, воля	Религиозная мобильность, степени развития религиозной веры, типы религиозного опыта (духовная вера, светская вера, секулярная вера, квазивера, аутентичная вера), ступени религиозного созревания личности	Религиозно-нравственная личность

В данной таблице мы имеем варианты категорий, которые принято использовать при исследовании и определении феномена веры, которые выражают его специфические особенности в рамках определенной научной дисциплины, знания, области рассмотрения.

Список литературы

1. Кимелев Ю.А. Современная западная философия религии. – М., 1989.
2. Философский энциклопедический словарь. – М., 2003.
3. Угринович Д.М. Психология религии. – М., 1986. // [Электронный ресурс] режим доступа: <http://knigki.ru/demo/book/4881/27.html>.
4. Психология религии. Одесса: Христианский Гуманитарно-Экономический Университет, 2003. – С. 15. // [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://svitlo.by.ru/bibloteka/psihrelig/psihrelig.html>.
5. Стейплз Л.К. Упадок веры. // [Электронный ресурс] – режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov/Buks/Life_church/Lew_YpadVer.php/.
6. Рассел Бертран. Сущность религии. // Психология религиозности и мистицизма: Хрестоматия. – / Сост. К.В. Сельченко. – Мн.; М., 2001.
7. Иванова Р.А. Вера – виртуальный объект сакральности. // Виртуальное пространство культуры. Материалы научной конференции 11-13 апреля 2000г. – СПб., 2000. – С. 69-71. [Электронный ресурс] – режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/ivanova_ra/virtual_23.html.
8. Тиллих Пауль. Динамика веры. / Тиллих Пауль. // Избранное: Теология культуры. – М.: Юристь, 1995.
9. Протоиерей Владислав Свешников. Прикосновение веры. – М., 2005.
10. Протоиерей Стефан Остроумов. Жить – Богу служить. Нравственное богословие для мирян. – М., 2001.
11. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. – М., 2004.
12. Мелешко Е.Д. Моральная философия Л.Н. Толстого: Учебное пособие. – Тула, 2005.
13. Мелешко Е.Д. Христианская этика Л.Н. Толстого. – М., 2006.
14. Лобье Патрик де. Социология религиозного феномена. Э. Дюркгейм, М. Вебер, В. Шмидт. – М., 2000.
15. Зиммель Г. Религиозный элемент в отношениях между людьми. // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. / Сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. – М., 1996.
16. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. – М., 2002.

17. Подзолкова Н.А. Индивидуальный символ веры как определяющий принцип личности в социуме. // «Размышления о...». Философский альманах. – М.: 1998. – Выпуск 1. [Электронный ресурс] – режим доступа: http://www.ozersk.ru/philosophy/ro1/podz_ro1.shtml.
18. Элбакян Е.С. Квазирелигиозность.// Религиоведение: Энциклопедический словарь. – М., 2006.
19. Тиллих Пауль. Христианство и встреча мировых религий. / Тиллих Пауль. // Избранное: Теология культуры. – М.: Юристъ, 1995.
20. Гараджа В.И. Социология религии: Учебное пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. – М., 2005.
21. Элиаде М. Ностальгия по истокам. – М., 2006.
22. Нижников С.А. Метафизика веры в русской философии. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://humanities.edu.ru/db/msg/8109>.

APPROACHES AND TENDENCIES IN DEFINITION AND STUDY OF RELIGIOUS FAITH

YE. N. CHESNOVA

***Tula State Teachers' Training
University n.a.L.N.Tolstoy***

e-mail: phileo@tspu.tula.ru

The article discusses the developed approaches and tendencies in the definition and studying of the phenomenon of religious faith in philosophy, ethics, sociology, psychology. The characteristic features and the features of the phenomenon of faith are brought to light: the psycho-emotional-volitional component, dynamics and existentiality, paradigm-characteristic and mentality, socio-cultural reality, individuality and originality, moral element of faith. The new modern type of the phenomenon of religious faith – quasi-faith – is considered.

Key words: Phenomenon of religious faith, theoretical, scientific faith, religiousness, religious experience, religion, aspects, functions of faith, moral values, quasi-faith, quasi-religiousness, secularization.

СЕМЬЯ В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ОБЩЕСТВА

М.Э. ЮРДАНОВА

*Калужский
государственный
университет*

*E-mail:
urdanova@adm.kaluga.ru*

В статье рассматриваются философские взгляды мыслителей прошлого и современных исследователей на понимание сущности семьи, как объективной формы человеческого бытия и социально-ценностного феномена, а также прослеживаются основные тенденции развития семьи в контексте социальных преобразований в обществе. Анализируется реальное содержание и характер процессов, протекающих сегодня в российском обществе, включающих институт семьи в «парадигму модернизации» общества.

Ключевые слова: семья, кризис семьи, модернизация семьи, возрождение социально-ценностной и духовно-нравственной функции семьи.

Одной из наиболее обсуждаемых проблем общества сегодня является проблема будущего семьи и семейных отношений. Под напором современных социальных процессов трудно предугадать будущее эволюции семьи. Ясно одно изменения неизбежны. Они могут привести как к возникновению новых моделей семейных отношений, так и вполне допустимы некоторые коррекционные движения в семье при сохранении старых моделей, но возвращение к ранним формам семьи и семейных отношений наверно невозможно. При этом очень важно не потерять семью как инструмент формирования культурного человека и становления гуманного общества. В этой связи для определения возможных тенденций семейно-брачных отношений имеет весьма полезное значение обращение к истории научного багажа исследования онтологии этих отношений.

Семья всегда являлась объектом глубоких исследований в философии. К пониманию сущности семьи мыслители прошлого и современные исследователи подходили по-разному, однако семья всегда рассматривалась как объективная форма социального бытия и социально-ценностный феномен общества. В разных научных школах сложились свои исследовательские традиции, среди которых можно выделить следующие. Первые попытки определить место и сущность семьи находим в произведениях античных философов, создавших патриархальную теорию семьи (Платон) и заложивших традиции в исследовании проблем семейного бытия.

Семья как основа социального порядка и естественного состояния человека рассматривалась в совершенном обществе утопических теорий Т. Мора, Т. Кампанеллы. В трудах Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо сущность семьи трактовалась с позиций теории естественного права и гуманистической теории семьи как основы семейного союза (И. Кант). Семья как «ячейка» общества принята в формационной теории К. Маркса, Ф. Энгельса.

В эволюционной теории И.Я. Бахофена, Л.Г. Моргана семья занимает свое место в системе инструментов, осуществляющих социальные изменения.

Полифункциональность семьи раскрыта в парадигме социального функционализма известного американского социолога П. Сорокина.

Семейная тема всегда вызывала большой интерес в русской культуре особенно в конце XIX века, вспомним акценты в понимании семьи, поставленные В.В.Розановым или Л.Н.Толстым.

По мнению Розанова семья имеет три измерения, которые тесно переплетены между собой: идеальное, материальное и социальное. В идеальном плане Василий Розанов изображает семью как таинственное, космическое начало. В материальном плане семья – союз двух полов: священное соитие мужского и женского начала. В.Розанова интересуется в семье прежде всего именно сакральное сплетение телесного и духовного.

В социальном плане, по мнению философа, семья выступает первичным жизненным опытом в становлении личности и в ее развитии, оказывает значительное влияние

на процесс и результат воспитания. Розанов отмечал, что «семья держится на несколько высшем уровне, чем школа по мистическим задаткам, в ней данным», однако не считал семью «социально обязанной» в решении воспитательных задач.

Для Льва Толстого «идеал совершенства в половом вопросе есть, полное целомудрие – брак». Толстой считал, что если мужчина в основном реализует себя в общественном служении, то мир женщины – семья. Именно женщина создает этот микрокосм человечества, и она отвечает за него перед людьми и перед Богом. Она растит детей, она всю жизнь творит тот Дом, который становится ее главным миром, надежным и спокойным тылом для мужа и истоком всего для младшего поколения. Женщина утверждает доминирующую в доме систему нравственных ценностей, прядет нити, соединяющие всех членов ее семейства. Именно в семье, по мнению философа, зарождается воспитание как социальное явление.

Эти положения русских философов сегодня имеют архиважное значение, ибо противостоят тем тенденциям, которые стремятся упростить семейные отношения или ввести их в абстрактные формы ложного равенства и примитивизма.

В современных отечественных исследованиях последних десятилетий доминирующим остается структурно-функциональный подход к семье, представленный в работах А.Г. Харчева и М.С. Мацковского. Исследование структуры и функции семьи было связано с вопросами полоролевого поведения и межличностных отношений, построенных на марксистских методологических положениях. В целом они были разработаны довольно хорошо с точки зрения логики кабинетного анализа, но при выходе на реальное поле жизненных процессов появлялось большое количество вопросов, на которые данная теория не могла найти ответы.

Социология семьи сложная «вещь в себе» социального познания. Нам бы хотелось подчеркнуть одну из функций семьи и провести интегральный анализ положения и роли семьи в современном обществе через ее ценностно-созидательный потенциал. Исторически семья являлась имманентным показателем ценностного измерения общества. Как сложный феномен общества, ее ценность обусловлена несколькими функциями: первое-воспроизводством самой жизни общества на биологическом уровне, второе- воспроизводством форм общения на социальном уровне, и третье- воспроизводством надбиологической (культурной) программы общества на социокультурном уровне. Все эти функции выводят семью на высший уровень приоритетных ценностей общества, ибо без семьи, оказывается, движение вперед невозможно.

Современных российских ученых, занимающихся проблемами семьи, условно можно поделить на сторонников двух дискурсивных парадигм в понимании сегодняшнего состояния семьи: «кризиса семьи» и «модернизации семьи»¹.

Сторонники концепции «кризиса семьи» В. А. Борисов, А. И. Антонов, Л. Е. Дарский и др. называют основные факторы, позволяющие говорить о кризисе семьи: подмена социальных норм деторождения (отрицание многодетности семьи), снижение значимости семьи как необходимой формы социального бытия человека и ломка его нравственных устоев, деформация семейного производства и перемещение его во второстепенные средства общественной экономики и др. В целом аргументами «парадигмы кризиса» семьи является утрата либо замещение общественными институтами основных социальных задач семьи. Демографы-«кризисники» признают, что причины кризиса носят объективный, долговременный и глобальный характер.

Нам представляется, что ситуация по «преобразованию» семьи и семейных отношений в современных условиях еще не привела к четким, устоявшимся формам, к которым можно применить и устоявшиеся средства их регуляции. Как в свое время отмечал Ф.Энгельс: социальным процессам нужно дать «попылиться».

Совсем иную позицию занимают «модернизаторы» (Вишневский А. Г. и др.) Под модернизацией они понимают макропроцесс перехода от «традиционного общества» к современному – обществу модерна, в котором человек модерна все больше ориентирует-

¹ Вишневский А.Г. Вызовы демографического развития современной России / Судьба семьи – судьба Отечества. – М.: Изд-во РГСУ, 2005. – С.111-118.

ся на себя, становится личностью, неспособной жертвовать во имя любых социальных общностей, ставить общие (групповые) интересы выше частных.

Модернизаторы утверждают, что институт семьи переживает не кризис, а «модернизацию», которая является закономерным следствием общественного прогресса и при всех своих «издержках» (низкая рождаемость, убыль населения, рост числа разводов, высокая доля неполных семей) носит в целом прогрессивный и позитивный характер, т.к. обеспечивает свободу выбора семейного и демографического поведения, которая объявляется одним из «прав человека».

Таким образом, можно со всей уверенностью констатировать, что основную часть функций, которые выполняла патриархальная семья, взял на себя сам индивид, а также государство (государственное пенсионное обеспечение) и общество, в лице благотворительных организаций и бизнеса в социальной сфере.

Человек стал профессионально и экономически независим от семьи, он может столь же хорошо выполнять свои профессиональные функции независимо от своего семейного статуса.

Новые принципы человеческой жизни состоят в постепенном освобождении человека от давления и служения своему социуму (классу). Отдельная личность во все большей степени начинает предпочитать свои личные интересы интересам класса и всего общества в целом, что наиболее наглядно можно проследить на примере взрывного уменьшения деторождения.

Современная российская семья характеризуется долговременным нарушением репродуктивной функции, проявляющимся в прогрессирующем падении рождаемости и в тенденции ведущей к демографической катастрофе в современной России².

Низкие показатели рождаемости обусловлены модернизацией института семьи в современной России, изменением гендерных отношений, массовой переориентацией женщин на самостные ценности и производственную карьеру, растущей нестабильностью брачных связей, что свидетельствует о существенном изменении функций традиционного института семьи.

Современное кризисное состояние семьи – источник кризисных явлений во всех сферах социальной жизнедеятельности. Без адекватного решения проблем семьи, укрепления ее физического и нравственного здоровья, обдуманной поддержки со стороны государства и негосударственных структур невозможно обеспечить достаточно высокий для благосостояния общества потенциал. Более того, как считал И.А.Ильин, семья может стать и «прочной опорой государственной жизни».

Деформации функций семьи необходимо противопоставить разумную программу выравнивания семейно-брачных отношений и восстановления утраченных позиций первичного социального института. Нам представляется необходимым выделить некоторые точки сопряжения связи семьи и общества в современных социальных процессах.

При движении по пути развития технического потенциала общества семья будет иметь все большее значение в общественном устройстве. Прежде всего с переносом рабочего места в дом возникают условия для настоящего семейного общения, получают развитие наиболее глубокие и сильные отношения между близкими людьми. Соединение конвейера с компьютером, позволяющие сблизить в процессе производства требования индивидуального заказа с масштабом массового производства, даст возможность развить и в полной мере реализовать индивидуальные потребности каждого человека.

Поскольку в семье, при выполнении ее воспитательной функции, прививаются основные навыки межличностного и межгруппового взаимодействия, семья может стать проводником культурного и социального развития общества.

В трудах отечественных философов и социологов: А.И. Антонова, Л.П. Буевой, В.И. Жукова, О.И. Волжиной, С.И. Голода, Л.В. Карцевой, В.А. Лекторского, Д.А. Леонтьева, А.А. Магомедова и др. семья трактуется как специфический социально-ценностный феномен современного общества.

Реальность современной России диктует необходимость принятия более продуманной программы возрождения российской семьи. В этих условиях совершенно оче-

² Карцева Л.В. Российская семья на рубеже двух веков. – Казань, 2001. – С.19.

видна правомерность объявления проблемы семьи приоритетной социальной проблемой современной России. Она способна стать связующим, объединяющим общество стержнем³.

Нужна новая семейная идеология с государственным статусом. Успех социально-экономических преобразований возможен только при внимательном отношении государства к проблемам семьи. Долгосрочная социально-экономическая стратегия развития России должна быть направлена на первоочередное решение проблем, связанных с уровнем и качеством жизни семей.

Необходимо принять меры по стимулированию негосударственных форм социальной защиты, участию в ней некоммерческих организаций, развитию в обществе благотворительной и волонтерской деятельности⁴.

Подводя итог, можно констатировать, что одна из главных особенностей ценностного измерения семьи в современную эпоху прослеживается в заметном повороте сознания людей от традиционных коллективистских ценностей семьи к ценностям индивидуально направленным.

В современных семейных отношениях стала характерной тенденция инновационного поведения, замещение традиционных этических принципов декларацией прагматических оснований семейного взаимодействия, таких как выгода, расчет, конкуренция и др.

Для современной социокультурной ситуации в российском обществе особую значимость приобретает роль семьи в формировании установок позитивного социального поведения людей.

Суть изменений семьи в общем контексте современного цивилизационного развития заключается в том, что триада соподчиненности «общество-семья-индивид» трансформируется в конструкцию «индивид-семья-общество».

Список литературы

1. Вишневский А.Г. Вызовы демографического развития современной России / Судьба семьи – судьба Отечества. – М.: Изд-во РГСУ, 2005. 111-118 с.
2. Карцева Л.В. Российская семья на рубеже двух веков. – Казань, 2001. 19 с.
3. Семья: история и современность. Хрестоматия. – М., 2005. 507 с., 116 с.
4. Стратегический ответ России на вызовы нового века / Под общ. ред. Л.И. Абалкина. – М., 2004. 192 с.

FAMILY IN A FOCUS OF MODERN SOCIAL PROBLEMS

M.E. YURDANOVA

Kaluga State University

e-mail:

urdanova@adm.kaluga.ru

The article presents philosophical views of last decades on the nature of family as the objective form of human life and a social axiological phenomenon. It also concerns the basic tendencies of development of a family in the context of social transformations. The maintenance and character of the up-to-date processes in the Russian society, including family institute in a paradigm of social modernisation is analyzed in the paper.

Key words: a family, family crisis, family modernisation, revival of socially-valuable and spiritually-moral function of a family.

³ Семья: история и современность. Хрестоматия. – М., 2005. – С.507.

⁴ Стратегический ответ России на вызовы нового века / Под общ. ред. Л.И. Абалкина. – М., 2004. – С.192.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

УДК 316. 42:35

СОВМЕСТНЫЕ ПРОГРАММЫ И ПРОЕКТЫ В СФЕРЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ КАК СПОСОБ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

О.В. БЫХТИН
В.А. САПРЫКА
Л.Н. ШМИГИРИЛОВА

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
shmigirilova@bsu.edu.ru*

В статье представлен опыт сотрудничества университетов и научных учреждений в приграничных регионах. Выделены основные проблемы и пути их решения при реализации совместных программ и проектов в сфере науки и образования в развитии приграничных территорий.

Ключевые слова: программы, проекты, образование, наука, приграничный регион.

Интенсификация процессов приграничного сотрудничества и возрастание внимания к университетам, как к инновационным «точкам роста», требует от исследователей особых подходов при изучении процессов, влияющих на приграничный регион. Основной исторической задачей университетов является сохранение и развитие знаний, особенно путем обмена знаниями между преподавателями и студентами. Изменение содержания профессий, обусловленное глобальными процессами сближения, предоставляет огромное количество шансов и устанавливает огромное количество условий для успешного ведения дел на международном рынке сегодняшнего и завтрашнего дня¹. В этой связи возникает необходимость участия университета и научных сообществ в развитии межрегионального приграничного сотрудничества, определения первоочередных мероприятий для активизации кооперации в сфере науки и образования, а также анализа наиболее эффективных университетских проектов и программ для инновационного развития приграничного региона.

Как отмечает немецкий ученый В. Шаль, взаимодействие в сфере образования в приграничных районах, как специфическая область сотрудничества, имея особую политическую, экономическую и культурную значимость, может помочь в достижении трех основных целей:

¹Янке В. Международные сети университетов как способ продвижения межкультурного понимания // Режим доступа к изд.: <http://www.hrk-qm.de/de/download/> – Системные требования: IBM PC; Internet Explorer (дата обращения: 15.03.2011).

– содействовать сохранению мира между соседними странами при помощи совместного обучения студентов и сотрудничества профессоров в области преподавания, активизируя при этом население приграничных районов к мирному и взаимовыгодному сотрудничеству «через границы»;

– делать университеты активными участниками и двигателями регионального экономического развития в приграничных областях, обычно страдающих от невыгодных последствий их географического положения;

– развивать стремление университетов к интернационализации в глобализирующейся экономике для осуществления специфических двуязычных программ, используя преимущества географического положения и двустороннего или даже трехстороннего межнационального культурного опыта, который легко приобрести студентам, обучающимся в приграничных областях².

Таким образом, европейский опыт взаимодействия дает возможность выделить особую роль университета в развитии межрегионального приграничного сотрудничества в целом.

Важным фактором инновационного развития науки и образования на приграничных территориях является наличие не только межгосударственных, но и межрегиональных договоренностей в области науки и образования. Так, еврорегион «Слобожанщина» создавался с целью развития сотрудничества приграничных территорий Харьковской и Белгородской областей, одним из приоритетных направлений его развития является кооперация в сфере науки, новых технологий и образования. Подписание Договора о реализации Соглашения между Белгородской областью Российской Федерации и Харьковской областью Украины от 7 октября 2007 года «О создании Еврорегиона «Слобожанщина» в области науки, образования, культуры, спорта, туризма и молодежной политики» дало возможность активизировать процесс сотрудничества³. Важно отметить, что подписание данного Договора состоялось во время проведения весенней школы «Межрегионального приграничного сотрудничества» в мае 2010 года в БелГУ в присутствии представителей администрации Харьковской и Белгородской областей, ведущих делегаций университетов Харьковской и Белгородской областей таких, как Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Харьковская национальная академия городского хозяйства, Славянский университет, Белгородский университет потребительской кооперации, Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова, Белгородская государственная сельскохозяйственная академия.

Отмечая общие направления при организации сотрудничества в сфере науки и образования, стоит выделить и конкретные инициативы, проекты и программы, реализующиеся на территории Харьковской и Белгородской областей.

На наш взгляд, значимым проектом в сфере приграничного взаимодействия является проведение школы «Межрегионального приграничного сотрудничества» и трансграничных стратегических дебатов, которые проводятся два раза в год в Белгородском государственном университете и Харьковском национальном университете им. В.Н. Каразина. Подобный проект сочетает научно-исследовательскую деятельность, образовательный процесс, а также форму привлечения молодежи к процессу внедрения еврорегиональной модели сотрудничества на приграничных территориях Российской Федерации и Украины. Первая часть школы проводится в виде Интернет-конференции и дает возможность привлечь ведущих ученых к решению проблем развития приграничных регионов, выделению приоритетных направлений для межрегионального приграничного сотрудничества. Открытый доступ к материалам и возможность дистанционного обсуждения делает проект привлекательным для ученых, государственных и муниципальных

² Шаль В. Сотрудничество в области высшего образования в приграничных регионах // Режим доступа к изд.: <http://www.hrk-gm.de/de/download/dateien/> – Системные требования: IBM PC; Internet Explorer (дата обращения: 15.03.2011).

³ Договор о реализации Соглашения между Белгородской областью Российской Федерации и Харьковской областью Украины от 7 октября 2007 года «О создании Еврорегиона «Слобожанщина» в области науки, образования, культуры, спорта, туризма и молодежной политики» // Режим доступа к изд.: <http://euroregion.ru/index.php> – Системные требования: IBM PC; Internet Explorer (дата обращения: 16.03.2011).

служащих, бизнесменов и населения всего приграничья России и Украины, а также стран ЕС. Вторая часть школы включает проектные игры для молодежи, которые готовят свое видение развития межрегионального приграничного сотрудничества. За время проведения школы в ней приняли участие более 500 человек.

Одной из совместно проводимых образовательных программ является программа повышения квалификации по такому направлению, как «Управление проектами и программами межрегионального приграничного сотрудничества», разработанная сотрудниками научно-образовательного центра «Межрегионального приграничного сотрудничества» НИУ БелГУ. Программа состоит из трех модулей:

- основы межрегионального и приграничного сотрудничества;
- разработка и реализация проектов межрегионального приграничного сотрудничества;
- управление совместным инновационным проектом.

Программа сочетает классический лекционный материал, семинарские задания, использование интернет-технологий, решение кейс-заданий, а также проектные обучающие игры. Целью проведения программы является создание совместных команд для разработки и реализации совместных инновационных проектов.

Участниками программы «Управление проектами и программами межрегионального приграничного сотрудничества» НИУ БелГУ стали преподаватели и педагоги, ученые, государственные и муниципальные служащие, а также депутаты местных советов, лидеры общественных организаций, которые прошли очное и дистанционное обучение и получили диплом государственного образца. Данная программа может стать совместной магистерской программой «Межрегионального приграничного сотрудничества», которая соответствует европейским стандартам и эквивалентна магистерской программе «*Trans-border issue*».

Среди основных и значимых инициатив, на наш взгляд, является создание программ двойных дипломов, обсуждение которых проводятся в рамках Приграничного белорусско-российско-украинского университетского консорциума, а также при организации встреч ведущих высших учебных заведений г. Харькова и г. Белгорода.

При реализации программ двойных дипломов намечены следующие результаты:

- повышение конкурентоспособности российских университетов;
- «точки роста», эффективно трансформирующая деятельность университета в целом;
- общеевропейское понимание качества образования;
- повышение качества учебной, методической и исследовательской работы;
- приведение инфраструктуры университета в соответствии с европейскими стандартами;
- обучение ППС и административного аппарата университета;
- модернизация процесса организации учебной и исследовательской работы;
- новые механизмы в структуре управления вузом, модернизация нормативно-правовой базы;
- понимание сути преобразований в образовательной сфере (Болонский процесс)⁴.

В этой связи реализация программ двойных дипломов приобретает все большую актуальность, однако требует согласования программ высших учебных заведений, которое зачастую зависит от согласования государственных стандартов, что существенно тормозит данную инициативу.

Традиционными для БелГУ стали научные стажировки профессорско-преподавательского состава в Северо-Восточном научном центре Национальной академии наук и Министерства образования и науки Украины. В ходе прохождения стажировки изучаются инновационные структуры ведущих вузов г. Харькова; опыт реализации многоуровневой системы подготовки, переподготовки, повышения квалификации и консультирования специалистов для инновационной деятельности в сфере образования и

⁴Карпухина Е.А., Мишин А.Б. «Исследование программ двойных дипломов между университетами стран ЕС и России» // Режим доступа к изд.: <http://www.tempus-russia.ru/Meropri-101110/DD-final.pdf> – Системные требования: IBM PC; Internet Explorer (дата обращения: 10.03.2011).

науки Украины; создания системы внебюджетных фондов органов исполнительной власти для поддержки научно-технической и инновационной деятельности; анализируются ключевые направления модернизации образования, предполагающие внедрение кредитно-модульной системы обучения, использование новых информационных технологий, компьютеризацию учебных заведений, инновационную деятельность профессорско-преподавательского состава вузов, изучаются документы системы менеджмента качества вузов, документооборот. Такие стажировки позволяют изучать опыт организации учебного процесса в рамках новых образовательных стандартов вузов еврорегиона и может быть полезным преподавателям, сотрудникам, аспирантам и студентам университета с целью развития многопрофильной инновационной инфраструктуры в системе производственно-финансового комплекса национального исследовательского университета «БелГУ».

Рассматривая межрегиональное приграничное сотрудничество на территории Белгородской и Харьковской областей, в рамках еврорегиона можно выделить следующие приоритеты в сфере науки и образования:

- выполнение совместных научных исследований по ведущим направлениям научно-технического прогресса;
- развитие академической мобильности преподавателей, студентов, аспирантов и создание условий для разработки магистерских программ совместного обучения с выдачей двойных дипломов;
- изучение процессов межрегионального и приграничного сотрудничества;
- совместная деятельность по коммерциализации научных разработок;
- исследования по проблемам истории Слобожанского региона, трансграничному сотрудничеству, развитию региональной экономики;
- заключение соглашений между вузами г. Харькова и г. Белгорода по выполнению совместных научных проектов в области нанофизики, наноэлектроники, материаловедения, химии, географии и др.;
- формирование вузами-партнёрами международных научных коллективов для участия в международных научных проектах;
- создание совместных малых предприятий, технопарков, авиационного, аграрного, фармацевтического, нанокластеров и других объектов инновационной направленности;
- совместная подготовка учебно-методической литературы, распространение передового педагогического опыта, систематический обмен информацией по вопросам методики преподавания, структуры и содержания высшего образования;
- модернизация учебных планов и программ, подготовка совместных учебных планов с целью облегчения академической мобильности студентов и обеспечения взаимного признания сроков обучения в вузах-партнёрах;
- проведение совместных исследований по актуальным вопросам российской и украинской истории, в частности, истории Слобожанского региона;
- постоянный обмен передовым опытом в сфере подготовки сотрудников органов внутренних дел;
- подготовка и проведение программ повышения квалификации и переподготовки для государственных служащих и служащих органов местного самоуправления;
- разработка концепции подготовки специалистов на базе двойных дипломов (украинского и российского), в том числе с использованием технологий дистанционного обучения;
- широкое вовлечение студенческой молодежи в академические обмены, совместные культурно-воспитательные и спортивные мероприятия, деятельность по сохранению исторической памяти, организация летних школ на базе ведущих вузов г. Харькова и г. Белгорода;
- организация научных стажировок и курсов повышения квалификации для преподавателей и сотрудников вузов с целью обновления и углубления на практике профессиональных знаний, умений, навыков и их последующего использования в своей деятельности;
- организация общего информационно-образовательного пространства

еврорегиона, а также использование информационного портала www.euroregion.ru для активизации проектов и программ сотрудничества между вузами;

- проведение совместных семинаров учителей, подготовка учебников и методических материалов для общеобразовательных школ.

Таким образом, развитие межрегионального приграничного сотрудничества в данном направлении, на наш взгляд, является весьма перспективным. Поскольку целью инициатив, проектов и программ, которые реализуются на территории Харьковской и Белгородской областей, является содействие формированию единого научно-образовательного пространства, единых научно-исследовательской и образовательной программ и проектов приграничных регионов, имея в виду достижение и поддержание паритета за счет концентрации научных, образовательных и иных ресурсов, создания благоприятных условий для дальнейшего трансграничного сотрудничества в области науки и образования.

PROGRAMS AND PROJECTS OF SCIENCE AND EDUCATION COOPERATION AS A WAY OF INNOVATION DEVELOPMENT OF BORDER REGIONS

O.V. BYKHITIN
V.A. SAPRYKA
L.N. SHMIGIRILOVA

Belgorod State University

e-mail:
shmigirilova @bsu.edu.ru

The paper represents the experience of cooperation between universities and academic institution in the border regions. The problems and solutions in programs and projects of science and education cooperation in the development of border areas have been observed in the paper.

Key words: programs, projects, education, science, border region.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 101,1:168

ОБРАЗНАЯ ЛОГИКА: РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Н.Н.ЖАЛДАКА « ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА НАУКИ » – БЕЛГОРОД: ЛИТКАРАВАН, 2008

В.Н. НИКОЛКО*Таврический
национальный
университет,**e-mail:
zhaldak@bsu.edu.ru*

Содержание этой книги Жалдака Н.Н. аналогично содержанию его брошюры «Изобразительная практическая логика естественного языка науки». В этих работах предлагается и обосновывается метод линейно-табличных диаграмм существования и открываются новые направления исследования: систематический изобразительный логико-семантический анализ естественного языка науки и изобразительная логическая семантика.

Ключевые слова: практическая логика, логические диаграммы, логический анализ языка.

Рецензируемая книга – расширенное и доработанное изложение того материала, который содержался в брошюре Жалдака Н.Н. Изобразительная практическая логика естественного языка науки – М.: Российское философское общество, 2006. – 88 с.

Монография содержит краткий очерк исследования, посвященного методологии и практике дедуктивного построения научных, теоретических рассуждений, оптимизации изобразительных средств и методов (приемов) как логического анализа и построения рассуждений, так и поэтапного обучения этому. Автор последовательно связывает логические слова с образами их значений, представляя логические термины естественного языка как слова-представления. В целом книга относится, во-первых, к философии логики как науки, предназначенной для внешних потребителей, во-вторых, к логике, составляющей часть практической философии лингвистики, психологии и педагогики. Н.Н. Жалдак исследует такую логику, которая есть наука о законах научного мышления, и признаёт ее частью философии, сближаясь с неопозитивистским признанием логического анализа языка науки как основной задачи философии науки. Ориентированность книги на приведение логических знаний в соответствие с интересами потребителей особенно актуальна для поддержания научной рациональности, когда собственно логика как преподаваемая дисциплина вытесняется «неформальной логикой», эристикой и т.п.

В логическом анализе языка Н.Н.Жалдак открывает как самостоятельное направление – систематический изобразительный логико-семантический анализ естест-

венного языка науки, а в логической семантике – изобразительную логическую семантику. Таким анализом выявляется интуитивно используемая практическая логика, чтобы превратиться в сознательно используемый метод анализа и построения научных рассуждений, метод научного познания. В предоставлении этого метода внешним потребителям предлагается отличить прикладную адаптацию логических знаний от их популяризации.

В первой главе монографии проблема логико-семантического анализа и практической логики естественного языка науки обосновывается как междисциплинарная, которая требует кооперации философии, логики, лингвистики, психологии и педагогики.

Поскольку логика рассматривается как наука о законах мышления, оказывается целесообразным учитывать данные эмпирических исследований, проведённых когнитивными психологами, представителями теории «ментальных моделей»: определение союзов в таких моделях через понятия непустоты и пустоты множеств; что чем больше общее число нужных моделей, тем больше ошибок из-за их упущения; что формы моделей и способы их применения изменчивы и зависят от обучения и др.

Автор формулирует комплекс методологических принципов отбора средств и методов практической логики: соответствие интересам эффективной деятельности, в частности: каждую задачу решать наименьшими затратами сил и времени, заданными затратами решать максимум задач; образное представление значений логических символов, стремление к полному освоению логических средств естественного языка, закрепление собственной практикой и социальным спросом, поэтапность в обучении как последовательное освоение знаков-предметов, знаков-изображений, знаков-символов.

Реализуемость принятых философско-методологических подходов и принципов доказывается в последующих главах.

Во второй главе – «Оптимизация изобразительных логико-семантических моделей внедрением линейно-табличных диаграмм существования (ЛТДС) и её методологическое значение» – Н.Н.Жалдак сравнивает свои диаграммы, с другими изобразительными и символическими языками логики.

Линейные диаграммы рассматриваются как сокращения таблиц (например, бухгалтерских и др.). Логика составления таблиц осваивается спонтанно, а значит, есть логика естественного языка. Фигурно-линейными диаграммами с изобразительными точками как элементарными изобразительными признаками иллюстрируется логический атомизм.

Язык обычных таблиц истинности автор определяет как псевдосимволический. Он применяет к ним замену значения «истина» линией, а значения «ложь» – пробелом, поворачивает на 90 градусов и таким образом получает с полным сохранением информации линейно-табличные диаграммы намного более эффективные и удобные для построения семантических моделей выражений с чисто выделяющими союзами (и; или; или..., или...; ни..., ни...; ... и... несовместны). (Этим выявляется фактически изобразительный характер фундаментальной разрешающей процедуры классической логики.) Далее эти диаграммы дополняются обозначениями существования, несуществования и неопределенности (пробелом) в отдельных строках и получаются оригинальные линейно-табличные диаграммы существования (диаграммы Жалдака). (Через табличное построение классическая логика высказываний выступает как описание выражений, образуемых только выделяющими союзами, и как фрагмент логики таких диаграмм.)

Переводя на язык таких диаграмм интерпретации традиционных четырех форм предложений (А, Е, I, O) в разных системах силлогистики, автор показывает искусственность большинства этих интерпретаций и обосновывает проблему эмпирического социолингвистического обоснования «естественной» интерпретации.

В третьей главе дан обзор изобразительных методов для подготовительного обучения логико-семантическому анализу естественного языка перед освоением ЛТДС, и автор кратко знакомит с экспериментально испытанной им системой средств и методов, методик обучения построению изобразительных логико-семантических моделей. Назначение этой системы – поэтапная подготовка с детства к освоению линейно-табличных диаграмм существования и логики построения таблиц. Система включает *формы* и методики по которым составляются задачи, применимые, чтобы диагностировать и первоначально обучать пониманию логических средств естественного языка и чтобы эмпирически обосновывать практическую логику научного познания как логику естественного языка.

Показано, как можно изображать значения логических средств естественного языка (союзов, кванторных слов и т.п.), чтобы проводить эмпирическое социолингвистическое исследование понимания этих средств большинством людей и закреплять нормативные значения в словарях научной речи, а также чтобы обучать пониманию данных средств. В построении таблиц и соответствующих им диаграмм выявлено использование фрагмента эпистемической эротетической логики, т.е. познавательной логики вопросов-ответов, которыми выражаются категории мышления.

В фигурно-линейных диаграммах Н.Н. Жалдака разделяются образы объема и содержания понятий, благодаря чему образно представляются операции формирования понятий. Предложены и обоснованы методы моделирования отношений между множествами и операций с множествами, на внешних предметах, на пальцах рук (соединяется активизацию интеллекта мелкой моторикой пальцев с осознанным выполнением логических операций), на изображениях и на линейных диаграммах, которые могут первоначально соответствовать моделям на пальцах.

В четвертой главе – «Анализ естественного языка науки методом построения линейно-табличных диаграмм существования (ЛТДС)» – сформулирован в качестве общенаучного метод экзистенциальной классификации универсума возможностей, включающего все возможные сочетания значений всех привлеченных простейших оснований деления. Этот метод работает на получение полной информации об отношениях соотносимых на диаграмме понятий.

Используя ЛТДС, оптимальные для этой цели, автором предоставил диаграммно-полный словарь выражений логических форм суждений о предметах, а также в сокращении аналогичные словари для форм суждений о случаях, местах, временах, точках зрения. 148 диаграмм с обозначением определенно пустых, непустых и неопределенных множеств, для любого из этих словарей увеличивает число диаграммных модусов силлогизмов с 256 до 3241792.

Но Н.Н. Жалдак предлагает общий алгоритмизированный метод ЛТДС для анализа и построения таких «естественных» дедуктивных рассуждений о предметах, случаях, временах, местах и точках зрения, которые состоят из n суждений основания с положительными и отрицательными, простыми и сложными терминами, терминами-суждениями. Это делает число модусов неограниченным.

«Метод построения и прочтения полной ЛТДС позволяет не только определять, является ли некоторое суждение следствием из заданного основания, но и делать следующее: 1) представить информативно сложные суждения сочетанием простейших; 2) выводить полное следствие, по информации тождественное основанию; 3) предельно сократить запись исходной формы; 4) в принципе делать все возможные следствия из данного основания при заданном диаграммно-полном словаре, 5) выявить все противоречия в основании, 6) выявить, какой именно информации для заданного заключения в основании недостает, 7) выявить, какая информация основания не вошла в некоторое заключение, 8) определить все подмножества универсума, о пустоте или непустоте которых нет информации». Кроме того, этот метод Н.Н. Жалдака снимает искусственные ограничения на формы и количество посылок или аргументов и на форму следствия, мешающих извлекать в него любую нужную информацию из данного основания; позволяет наглядно соблюдать принцип релевантного следования, т.е. извлекать в следствие только информацию основания; дает полное владение информацией об универсуме; показывает, что новая информация в дедуктивных умозаключениях производится за счет соединения посылок с правилами вывода.

«Верификация посредством построения ЛТДС показывает, что табличная теория суждений существования (ТТСС) равнозначна фрагменту чистого исчисления одноместных предикатов, с одной, всегда связанной предметной переменной, без функторов, без предпосылки о непустоте множеств и без форм (формул), для доказательства которых эта предпосылка требуется, с допущением конечности и возможной пустоты всех обсуждаемых множеств, с предикатами-суждениями». Но, строя ЛТДС, логические термины при их однозначности в записи формы рассуждения можно давать на естественном языке.

Для решения сложнейших соритов типа кэрролловских Н.Н. Жалдак создал алгоритмизированный метод построения фрагментов ЛТДС.

Диаграммы и методы Н.Н. Жалдака наиболее эффективны для рассматриваемого класса задач. Эта их практичность – показатель хорошей теории.

Книга написана достаточно ясным языком, успешно может применяться в обучении анализу и построению научных рассуждений и заслуживает издания большим тиражом.

FIGURATIVE LOGICS: REVIEW

On Nikolay N. Zhaldak's «THE PICTORIAL LOGICAL-SEMANTIC ANALYSIS OF THE NATURAL LANGUAGE OF SCIENCE» – Belgorod: LitKaraVan, 2008

V.N. NIKOLKO

***Tavria National
University***

e-mail:

zhaldak@bsu.edu.ru

The contents of this book of Zhaldak N.N. are similar to the contents of his brochure «Pictorial practical logic of a natural language of a science». In these works the method of existential linear-tabular diagrams is proved and new directions of research are opened: the regular graphic logic-semantic analysis of a natural language of a science and pictorial logic semantics.

Key words: practical logic, logic diagrams, logic analysis of language.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Авдеев В.А.** – профессор кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики и права (г.Иркутск)
- Андреева А.А.** – аспирант Воронежского государственного университета
- Анисимов И.И.** – аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белгородского государственного университета
- Арапов А.В.** – доктор философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Воронежского государственного университета
- Бабинцев В.П.** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных технологий Белгородского государственного университета
- Борисов Г. А.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Белгородского государственного университета
- Будянская Л.А.** – аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Быхтин О.В.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры Социальных технологий ИГМУ, Белгородского государственного университета
- Волошин М.Ю.** – кандидат экономических наук, доцент кафедры социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного университета
- Гайдукова Г.Н.** – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры Социальных технологий ИГМУ, Белгородского государственного университета
- Гайдуков Р.И.** – аспирант кафедры Социальных технологий ИГМУ, Белгородского государственного университета
- Гашков В.В.** – аспирант кафедры теории и методики физической культуры факультета физической культуры и спорта Белгородского государственного университета
- Горяйнов А.А.** – аспирант кафедры Социальных технологий ИГМУ, Белгородского государственного университета
- Гусакова Ю.С.** – ассистент кафедры трудового и предпринимательского права юридического факультета Белгородского государственного университета
- Дятченко Л.Я.** – доктор социологических наук, профессор, ректор Белгородского государственного университета
- Евтушенко В.И.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и государственного управления юридического факультета Белгородского государственного университета
- Жиров М.С.** – доктор педагогических наук, профессор, декан социально-педагогического факультета Белгородского государственного университета

- Иванова Е.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Московского государственного областного социально-гуманитарного института
- Изотов М.О.** – аспирант кафедры философии Орловского государственного аграрного университета
- Калинина Г.Н.** – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории культуры Белгородского государственного института культуры и искусств
- Каменский Е.Г.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета, старший научный сотрудник НОЦ «Центр социальной теории и инновационных технологий» (г.Курск).
- Кожемякин Е.А.** – доктор философских наук, доцент кафедры журналистики и связей с общественностью Белгородского государственного университета
- Костина О.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Белгородского государственного университета
- Козяр Н.В.** – помощник первого проректора Белгородского государственного университета
- Коновалов Д.В.** – аспирант Белгородского государственного университета
- Кузьмина Н.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Костромского государственного технологического университета
- Курбанова Л.У.** – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии ГГНИ им.ак. М.Д.Миллионщикова
- Кутько В. В.** – магистр юриспруденции, аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белгородского государственного университета
- Лебедев С.Д.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью ИГМУ Белгородского государственного университета
- Левушкин А.Н.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Ульяновского государственного университета
- Липич Т.И.** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета
- Малюкова О.В.** – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Московского государственного университета инженерной экологии
- Мальцева Н.Н.** – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Белгородского государственного университета
- Маматов А.В.** – кандидат технических наук, доцент, директор института ГМУ Белгородского государственного университета
- Михайликов В.Л.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и предпринимательского права юридического факультета Белгородского государственного университета

- Невлев В.В.** – соискатель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белгородского государственного университета
- Никулина О.В.** – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России
- Николко В.Н.** – доктор философских наук, профессор кафедры философии Таврического национального университета
- Пенская Т.М.** – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории и политологии Белгородского государственного университета
- Перепёлкина Я.С.** – аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Печенкин А.А.** – аспирант кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова ТГПУ им. Л.Н. Толстого
- Римский В.П.** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Белгородского государственного университета
- Савченко И.А.** – кандидат психологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, маркетинга и коммуникации Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексева
- Сапрыка В.А.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры Социальных технологий ИГМУ, Белгородского государственного университета
- Саракаева А.Х.** – доцент, заведующий кафедрой естественнонаучных дисциплин Чеченского института повышения квалификации работников образования, заслуженный учитель Чеченской Республики
- Селюкова Т.А.** – аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Семченко И.В.** – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры технологий продуктов питания и сферы услуг Белгородского государственного университета
- Сидорова В.Л.** – аспирант кафедры Социальных технологий ИГМУ, Белгородского государственного университета
- Ситникова М.И.** – доктор педагогических наук, доцент, начальник управления качеством образования Белгородского государственного университета
- Тарасова О.И.** – кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры религиоведения Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
- Тарасова С.И.** – кандидат педагогических наук, начальник отдела качества подготовки специалистов Белгородского государственного университета

-
- Финогентов В.Н.** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Орловского государственного аграрного университета
- Хижняков Д.П.** – аспирант, ассистент кафедры социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного университета
- Цыплаков Д.А.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии философского факультета Новосибирского государственного университета
- Цыплакова С.М.** – кандидат культурологи, доцент кафедры социально-культурной и библиотечной деятельности ФКиДО Новосибирского государственного педагогического университета
- Черкашин М.Д.** – кандидат философских наук, доцент, заместитель директора по научной и научно-методической работе Курского института социального образования (филиал) РГСУ (г. Курск)
- Чеснова Е.Н.** – аспирант кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова ТГПУ им. Л.Н. Толстого
- Шарова М.А.** – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры общественных наук ФГОУ ВПО РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева
- Шевченко О.Р.** – студентка юридического факультета Белгородского государственного университета
- Шерстобитова С.В.** – аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белгородского государственного университета
- Шмигирилова Л.Н.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры Социальных технологий ИГМУ, Белгородского государственного университета
- Юрданова М.Э.** – аспирант Калужского государственного университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ: ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО В ЖУРНАЛЕ «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета»

Уважаемые коллеги!

Материалы в журнал необходимо высылать в двух экземплярах с приложением внешней и внутренней рецензий (для аспирантов необходима рецензия или соавторство научного руководителя):

- первый экземпляр по адресу: 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, социально-теологический факультет, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте: в раздел «Философия» – Rimskiy@bsu.edu.ru (Римский Виктор Павлович, главный редактор серии); в раздел «Социология» – Vabintsev@bsu.edu.ru (Бабинцев Валентин Павлович, заместитель главного редактора); в раздел «Право» – ETonkov@bsu.edu.ru (Тонков Евгений Евгеньевич, заместитель главного редактора); во все разделы – SBorisov@bsu.edu.ru (Борисов Сергей Николаевич, ответственный секретарь серии журнала).

Редакция проводит внутреннее рецензирование всех материалов и оставляет за собой право отправить на доработку или отклонить полученные работы.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются.

Материалы, присланные без соблюдения требований к оформлению, редколлегией не рассматриваются.

Требования к оформлению материалов для представления в журнал:

1. УДК научной статьи. 2. Аннотацию статьи (не более 1200 знаков). 3. Ключевые слова. 4. Текст статьи (должен иметь введение и выводы). 5. Библиографический список. 6. Ссылки. 7. Внешняя рецензия доктора наук, рекомендация кафедры, рецензия научного руководителя (для аспирантов). 8. Сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны). 9. Объем статьи – до 1 усл.п.л. или уч.-изд. лист (до 16 страниц) 10. Объем сообщения – до 0,5 усл.п.л. (до 8 страниц). 11. Объем рецензии или обзора конференции – до 0,3 усл.п.л. (5,4 страниц).	<table border="0"> <tr> <td style="font-size: 3em;">}</td> <td style="vertical-align: middle;">на русском и английском языках</td> </tr> <tr> <td style="font-size: 3em;">}</td> <td style="vertical-align: middle;">на русском языке</td> </tr> </table>	}	на русском и английском языках	}	на русском языке
}	на русском и английском языках				
}	на русском языке				

Технические требования к оформлению текста статьи:

1. Поля:
  - правое – 2,0 см;
  - левое – 3,0 см;
  - нижнее – 2,0 см;
  - верхнее – 2,0 см.
2. Шрифт:
  - гарнитура для заголовков – Impact (14 кегль) прописной, для статьи – Georgia (11 кегль), для сносок и литературы – Georgia (10 кегль);
  - межстрочный интервал 1,0 пункт.
3. Ссылки:
  - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
  - нумерация – автоматическая, сквозная по статье;
  - текст сноски располагается с абзацным отступом внизу каждой страницы;
  - размер шрифта – 10 кегль.
4. Библиографический список:
  - список литературы с полными названиями работ приводится в порядке цитирования;
    - при ссылке на данные, полученные из Internet, указывается электронный адрес цитируемого источника, например: www.soclib.ru/2007/5;
    - при ссылке на монографии указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название книги, город, название издательства, год выхода издания с соблюдением ГОСТ;
    - при ссылке на статьи из журналов указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название статьи, через косую линию (/) указывают авторов согласно ГОСТ, затем название журнала, год, том, номер, страницы ссылки;
    - при ссылке на авторефераты диссертаций указывают фамилию, инициалы автора, полное название работы, докторская или кандидатская, место и год издания.
5. Примеры оформления статей, сносок, сведений об авторах, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи и сведений об авторах

УДК 130.2

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА
МЕЖДУ МИФОЛОГИЕЙ МОДЕРНА И РАЦИОНАЛЬНЫМ ЗНАНИЕМ**

**А. В. ИВАНОВ¹⁾
Л. Н. ПЕТРОВ²⁾**

*¹⁾ Департамент
экономического развития
Белгородской области*

e-mail: ivanov@bsu.edu.ru

*²⁾ Белгородский
государственный
университет*

e-mail: petrov@bsu.edu.ru

В статье рассматривается генезис основных логико-методологических парадигм европейского социально-гуманитарного знания, укорененных в идеологии и мифологии эпохи модерна.

Ключевые слова: модерн, мифология, сциентизм, социально-гуманитарное знание.

Основной задачей данной статьи будет усвоение некоторых логико-методологических «уроков» и анализ фактов из истории становления классической и неклассической западной философии и современного социально-гуманитарного знания¹.

**BETWEEN MYTHOLOGY OF MODERNITY AND RATIONAL
KNOWLEDGE: QUESTION OF HISTORY
OF EUROPEAN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES**

**A. V. IVANOV¹⁾
L. N. PETROV²⁾**

*¹⁾ Department of economic
development of the Belgorod area*
e-mail: ivanov@bsu.edu.ru

²⁾ Belgorod state university
e-mail: petrov@bsu.edu.ru

The article deals with the genesis of main logical and methodological paradigms of the European social sciences and humanities rooted into the ideology and mythology of modernity era.

Key words: modernity, mythology, scientism, social sciences and humanities.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов А.В.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: ivanov@mail.ru, тел. 30-00-00

¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации / Дж. Вико. – Л.: Худ. лит., 1940. – С. 128.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на двух страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

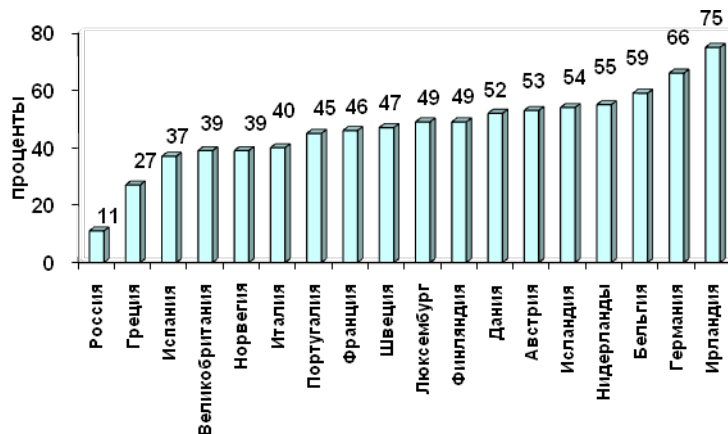

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

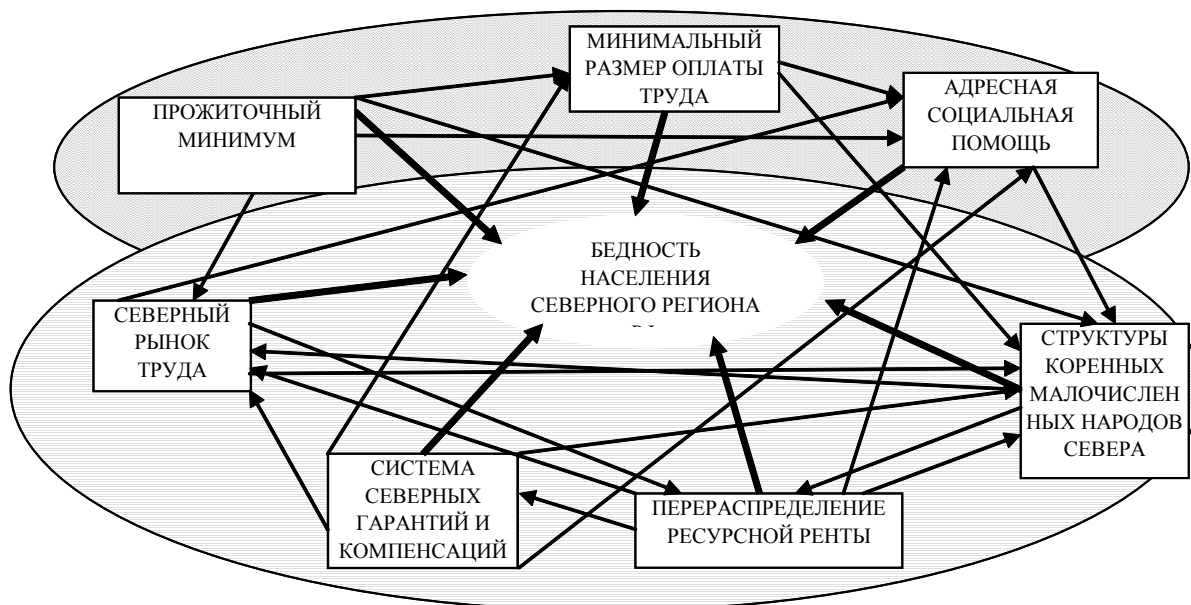

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.